

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

ФИРДОУСИ
НИЗАМИ
Ш. РУСТАВЕЛИ
А. НАВОИ

Scan Kreyder - 14.06.2014
STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

ФИРДОУСИ

Шах-наме

Перевод с фарси

НИЗАМИ

Лейли и Меджнун

Перевод с фарси

Ш. РУСТАВЕЛИ

Витязь в тигровой шкуре

Перевод с грузинского

А. НАВОИ

Фархад и Ширин

Перевод со староузбекского

Поэмы

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1982

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.
Алексин А. Г.
Барабаш Ю. Я.
Благой Д. Д.
Верейский О. Г.
Виноградов А. А.
Гамзатов Расул
Гончар Олесь
Дехтерев Б. А.

Думбадзе Н. В.
Коржев Г. М.
Леонов Л. М.
Лихачев Д. С.
Ломунов К. Н.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Миршакар Мирсайд
Михалков С. В.
Мотяшов И. П.

Мустай Карим
Новожилова Э. Г.
Пешеходова Г. К.
Прилежасва М. П.
Свиридов Н. В.
Столетов В. Н.
Стукалин Б. И.
Танк Максим
Шолохов М. А.

*

Предисловие
академика Б. ГАФУРОВА

Оформление серии
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Оформление тома и иллюстрации
Н. И. МАЛЬЦЕВА

Ф 4803010200—411
М101(03)82

Подп. изд.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этот том вошли произведения великих поэтов народов Советского Востока. Творения эти разны по композиции, сюжетам, образам и ритмике, но при всем разнообразии их объединяет одно — их написали гении, они проникнуты великими идеями любви к родине, человеку, возлюбленной. И все же художественная прелесть этих поэм — их конкретно неповторимая поэтическая ткань, коллизии и конфликты персонажей, волшебная сила слова.

Абулькасим Фирдоуси — величайший поэт Востока, автор бессмертной эпопеи «Шах-намé» («Книга о царях»), воспевший мужество и патриотизм предков современных персов и таджиков.

Фирдоуси закончил свою книгу на рубеже X—XI веков (первая редакция в 994 г., вторая — в 1010 г.), то есть в тот переломный период истории таджикского народа, когда первое государство таджиков — держава Саманидов пала под ударами народных движений и вторгшихся из Семиречья тюрков-кочевников.

В X веке на территории Восточного Ирана и Средней Азии на бывших восточных окраинах Багдадского халифата образовалось мощное государство Саманидов и сформировался таджикский народ. В правление Саманидов в Бухаре, Самарканде, Мерве, Нишапуре и других городах Средней Азии и Восточного Ирана рост экономики сопровождался усилением этно-национального самосознания таджиков и бурным развитием культуры. Пробуждение этно-национального самоутверждения проявлялось в форме возрождения древних культурных традиций восточно-иранских племен, то есть предков таджиков. До X века, а частично даже в X столетии, языком художественной литературы в Иране и Средней Азии был арабский. Уже в IX столетии стали слагать стихи на языке фарси-дарí, который является старой формой современных персидского и таджикского языков.

На языке фарси в Хорасане (Восточном Иране) и Мавераннахре (Среднеазиатском Междуречье) была создана замечательная поэзия с богатой и красочной системой образов, уходящей своими корнями в народную лирику. В то время творили такие великие поэты, как слепой, но жизнерадостный Рудакí, воспев-

ший величие духа и возвышенные чувства; поэт-философ Шахид Балхи и автор дидактической поэмы Абú-Шакúр Балхи, излагавший в поэтической форме сентенции и житейскую мудрость.

Наряду с лирической поэзией в X веке в государстве Саманидов складывался и эпико-героический жанр. С усилением этнонационального самосознания ученые мужи собирали древние иранские мифы и сказания. Одни собирали легенды, существовавшие в изустной форме, другие переводили на фарси сохранившиеся записи с пехлевийского, то есть среднеперсидского, а третьи переводили с арабского «Худай-наме» («Книга о царях»). Нужно иметь в виду, что в период халифата было совершено несколько переводов «Худай-наме». В X веке эти переводы еще были доступны, но, к сожалению, до наших дней не дошли.

В X веке было составлено несколько прозаических и стихотворных версий «Шах-наме», однако о них сохранились лишь сведения в разного рода сочинениях, а сами они исчезли безвозвратно.

Один из авторов «Шах-наме» поэт Дакики успел написать всего одну тысячу бейтов (двустий). Его дело продолжил великий Фирдоуси.

Во время написания «Шах-наме» Фирдоуси пришлось испытать и голод, и стужу, и гонения местных правителей, но он продолжал неустанно трудиться и завершил свой титанический труд спустя тридцать пять лет. Книга была окончена и посвящена новому властителю, сменившему Саманидов, султану Махмúду Газневí (999—1030), однако, проникнутая высокими идеями и сочувствием простому люду, она не пришлась по душе этому грозному завоевателю.

Было сложено много легенд о конфликте Фирдоуси и султана Махмуда, они не достоверны исторически, но верно отражают ту простую истину, что поэт и жестокий деспот говорили на разных языках и у них было мало общего в политических взглядах.

«Шах-наме» по композиции формально делится на пятьдесят царствований, но главными действующими лицами эпопеи являются не властители, хотя она и называется «Книгой о царях», а богатыри и витязи, сражающиеся за отчизну или во имя воинской славы. Таковы Рустам, Исфандиар, Гив, Бижан, Сухраб и многие другие. По существу же исследователи делят «Шах-наме» на три части: мифологическую, эпико-героическую и историческую. Во «Вступлении» Фирдоуси излагает в поэтически обработанной форме космогонические воззрения предков таджиков и персов. Характерно, что Фирдоуси помещает вслед за восхвалением творцу хвалу разуму.

Дастан «Рустам и Сухраб» принадлежит к числу лучших в «Шах-наме». В нем повествуется о конфликте отца с сыном. Это распространенный в мировом эпосе мотив (Илья-Муромец и Соловей-разбойник русских былин, Гильдебрант и Гадубрант

германского эпоса), и сказания на этой основе параллельно и независимо друг от друга складывались у разных племен и народностей, по всей вероятности, в период распада родоплеменных уз и формирования государственно-правовых связей, когда чувство долга по отношению к государству приобрело приоритет над родственными взаимоотношениями.

В дастане «Рустам и Сухраб» поражает драматизм коллизии и безысходная трагичность судьбы юноши, обреченного на гибель от руки собственного отца. Непрестанные расспросы Сухраба об отце, его мучительные искания и желание найти отца с каждой строкой нагнетают напряжение, а беспечность Сухраба, отпустившего поверженного им Рустама, вызывает у читателя чувство горечи и растерянности. Рустам в дастане изображен во всю свою богатырскую мощь, с его неукротимым характером. Он не желает сносить оскорбления разбушевавшегося шаха, дает ему резкую отповедь, но прощает его, так как он обязан под знаменами шаха защищать родную страну от вторгшихся иноземцев.

Поэма «Сиявúш» — одна из самых трагичных в «Шах-наме». В ее основе лежит распространенный на Востоке мотив о коварстве жен, о том, как невинный царевич был оклеветан мачехой. Сиявуш жаждет примирить извечно враждующие Иран и Турáн, но силой обстоятельств вынужден покинуть родную страну и перейти на сторону коварного властелина туранцев Афрасиáба. Но поскольку идейная основа «Шах-наме» — это защита отчизны, верное служение ей, то по художественной логике всякий, кто перешел на сторону врага, должен погибнуть. Сиявуш, несмотря на то, что сначала был встречен восторженно в Туране, по логике повествования должен умереть и гибнет, оклеветанный коварным Гарсивáзом, братом Афрасиаба.

Сила человеческой любви, преданность и самоотверженность любимой в самые тяжелые минуты испытаний — вот о чем говорится в дастане «Бижáн и Манижá». Вопреки традиционной вражде между туранцами и иранцами юная красавица — дочь туранского шаха — влюбляется в молодого иранского витязя Бижана. Но злые клеветники доносят шаху, и Бижана бросают в глубокую яму за городом. Изгнанная из дворца и обесславленная, Манижа не покидает возлюбленного: побираясь, она выпрашивает у людей хлеб и приносит своему любимому, поддерживая в нем жизнь, пока его не выручает Рустам.

В «Шах-наме» еще много дастанов, в которых поэт с проникновенным поэтическим даром живописует любовь и ненависть, мужество и трусость, верность слову и коварство. Одним из самых насыщенных драматизмом и неизбежностью трагического исхода дастанов является повествование о Рустаме и Исфандияре. В этом сказании верный шаху Рустам вынужден убить своего сюзерена, царевича Исфандияра, который настаивает на том, чтобы богатырь согласился поехать к шаху скованным по рукам и ногам.

Рустам соглашается поехать во дворец, но решительно отказывается подвергнуться унижительной процедуре и восклицает:

Кто смеет связать меня по рукам?

Не свяжет меня даже высокий небосвод!

В «Шах-наме» много рассказов о чудесных странах, о сражениях со сказочными чудовищами и драконами, немало бытовых юмористических зарисовок, а также утомительных для читателя наших дней философских рассуждений и тронных речей. И все эти разнохарактерные сказания, повести и рассказы, лирические отступления и рассуждения о добре и зле объединены единым авторским замыслом и подчинены одной идее — возвеличению родной страны.

* * *

Илья́с ибн Юсу́ф Низа́ми Гяндже́ви (1141—ок. 1209) — великий поэт Азербайджана, творивший в конце XII века на фарси, который в те времена был литературным языком не только таджиков и персов, но и многих других народов. Поэтому творчество Низами, хотя он и является поэтом Азербайджана, органически входит в таджикско-персидскую литературу.

Низами написал пять поэм, объединенных впоследствии в единый цикл «Хамсе́» («Пятерица»): «Сокровищница тайн» (1173 г.) — философско-дидактическая; «Хосро́в и Шири́н» (1181 г.) — о любви сасани́дского шаха Хосрова Парви́за к прекрасной христианке Ширин; «Лейли́ и Меджну́н» (1188 г.) — о безумной и трагической любви арабского юноши Меджнуна к Лейли; «Семь красавиц» (1196 г.) — о романтических похождениях Бахра́ма Гу́ра; «Искенде́р-наме́» (1209 г.) — о жизни и походах Александра Македонского.

Поэма «Лейли и Меджнун» — самая популярная поэма о любви на Ближнем и Среднем Востоке. Существует ряд поэтических обработок на многих языках, одновременно имеют бытование многочисленные фольклорные варианты истории любви Меджнуна и Лейли.

В основе сюжета поэмы лежит старое сказание о любви юноши Ка́йса к девушке Лейли. Они росли с детства вместе и полюбили друг друга, но родители Лейли были против их брака и выдали дочь за богача. Кайс, которого за его безумную любовь прозвали Меджнуном, то есть одержимым, удалился в пустыню и стал жить в окружении диких зверей, слагая прекрасные песни о любви. Вскоре он скончался от истощения. А Лейли умерла, узнав о смерти Меджнуна (согласно другим версиям — сначала умирает Лейли, а Меджнун умирает на ее могиле).

Эта легенда передавалась изустно и вошла в прозаическом варианте со вставными стихами в арабские поэтические антологии. Только под пером Низами эта безыскусная романтическая

повесть стала шедевром мировой поэзии, гимном чистой, восторженной любви, не знающей родовых или сословных запретов. Простое сказание превратилось в роскошное поэтическое полотно, с глубочайшим проникновением в тайники влюбленных душ, с пафосом трагедийного изображения человеческих судеб.

Низами выступил не как простой версификатор, а как гениальный творец: он сохранил лишь внешнюю схему сюжета, во многом изменив ее, и преобразил повесть в поэму необычайной поэтической силы.

Чувственное начало в поэме отсутствует начисто, любовь носит идеальный, возвышенный характер. Когда умер муж Лейли, Меджнун мог бы оказаться в объятиях возлюбленной, но он уже далек ото всего этого: образ Лейли в его воображении затмевает реальную Лейли, и он предпочитает остаться в плену платонической страсти. Это апофеоз неземной любви.

О несчастной любви Лейли и Меджнуна на Востоке были сложены поэмы на многих языках, и все они, конечно, были не подражаниями Низами, а оригинальными поэтическими творениями, но ни одно из этих произведений не смогло затмить гениального художественного полотна Низами. По неполным данным, одноименных поэм было написано на персидском и таджикском языках двадцать две, на староузбекском — одна, на азербайджанском — три, на турецком — четырнадцать, на курдском — одна.

Сюжет о Лейли и Меджнуне не потерял своей привлекательности и в наши дни: на эту тему пишут оперы и либретто для балета в республиках Средней Азии и Азербайджане.

* * *

В XII веке почти одновременно с Низами совсем недалеко от его родной Гянджи в солнечной Грузии творил величайший поэт того времени Шота Руставели. В то время Грузия, только недавно освободившаяся от иноземного гнета турок-сельджуков, переживала бурный экономический и этно-национальный подъем. Грузинские историки поздних веков период правления блиставшей государственным умом красавицы царицы Тамар (1184—1213) называли «золотым веком». А сам Шота Руставели был ее государственным казначеем. В Грузии ключом была культурная и научная жизнь, молодые грузины в поисках знаний выезжали в близлежащие страны, в Палестину и Византию. Как и многие другие его соотечественники, будущий поэт провел долгие годы в Афинах, изучая античную философию и древнегреческую литературу.

К сожалению, древние грузинские хроники оставили очень мало достоверных сведений о великом поэте, и то немногое, что мы знаем о жизни и личности Руставели, восстанавливается по

тексту самой поэмы и косвенным сведениям историко-литературных источников. Благодаря скрупулезным изысканиям грузинских ученых человечество узнало, что гениальный творец «Витязя в тигровой шкуре» родился в небольшом селении Рустави на юге Грузии. В этом местечке находятся многие замечательные ансамбли грузинского зодчества, расписанные великолепными фресками, а также крепости и многие другие памятники материальной культуры.

Поэма Шота Руставели дошла до нас лишь в рукописях, переписанных в позднее время (самая древняя рукопись датируется 1646 годом, а отдельные фрагменты — XV веком). Объяснение этому — непринятие светской поэмы церковными кругами, которые даже утопили в Куре почти весь тираж первого издания 1712 года под редакцией просвещенного царя Вахтанга. А среди грузинского народа поэма Руставели имела исключительную популярность.

За что же духовные отцы так возненавидели гениальное творение певца из Рустави?

За то, ответим мы, что Руставели изобразил не смиренного и прибитого раба божьего, без ропота смиряющегося перед судьбой и жизнью, а подлинного земного человека во всем величии его духа, со всеми присущими ему большими страстями и стремлением к прекрасному. У Руставели нет пропасти между человеком и богом. Напротив, между человеком и богом, в мировоззрении Руставели, существует полная гармония, человек приближается к всевышнему, приобщается к нему, сливается с ним. Конечно, это философский идеализм, но он идет вразрез с официальной доктриной христианства. Средством, возвышающим человека до творца, Руставели считает, как и неоплатоники, любовь. Но Руставели, в отличие от неоплатоников, не абсолютизирует покой и бездеятельность. Напротив, он пробуждает в человеке таящиеся в нем величайшие духовные и физические силы во имя возвышения до божества, во имя свершения подвигов на земле.

Главные герои поэмы — это цельные, возвышенные натуры, далекие от мелочных интересов жизни, проникнутые высокими нравственными идеалами, готовые на подвиг и самопожертвование во имя любви и добра, во имя счастья и справедливости. Любовь и добро — вот та нить, на которую Руставели нанизал волшебные жемчужины словесности в сложном переплетении коллизий, ситуаций, в совершенной архитектонике композиции.

* * *

Алишёр Навоӣ (1441—1501) — исключительное явление в истории культуры Средней Азии. В XV веке, когда жил и творил основоположник узбекской литературы, Средняя Азия была

поделена между многочисленными потомками грозного завоевателя Тимура, известного в Европе под именем Тамерлана, хотя формально все эти местные удельные владетели и признавали верховную власть султана Хусейна Байкары (1469—1506).

После опустошительных походов Тимура Средняя Азия и Хорасан переживали относительный покой, довольствуясь расходом награбленных сокровищ. При сыне Тимура Шахрохе (1409—1446) велось интенсивное мирное строительство, проводились оросительные каналы, строились мечети, развивались ремесла. Эта политика благоустройства страны продолжалась и при Хусейне Байкаре, главным визирем которого был Навои. Великий поэт старался развивать экономику страны и улучшить положение трудового люда, однако феодальная знать всеми силами воспротивилась его деятельности. Дело дошло до того, что некоторое время Навои был отстранен от должности визиря. Во время отхода от государственных дел Навои стал дружить с выдающимся персидско-таджикским поэтом Абдурахманом Джамӣ (1414—1492), и их творческая и личная дружба продолжалась всю жизнь.

Около Навои собирались и пользовались его покровительством почти все выдающиеся деятели науки и литературы того времени. Великий поэт покровительствовал своим соратникам, оказывал им материальное и иное содействие, тем самым способствуя развитию культуры, знания и поэзии. В то время в Герате жили и творили выдающиеся поэты: Хатифӣ — племянник Джамии; Ахлӣ Ширазӣ, написавший самую виртуозную оду в персидской поэзии; Хилалӣ — автор лирических газелей, которые поются народом и в наши дни. Их современником был Хусейн Ваиз Кашифӣ, обладавший прекрасным, но вычурным стилем и переработавший сборник рассказов животного эпоса «Калила и Димна». Историческая наука была представлена Мирхондом и Хондемир, написавшими ряд исторических сводов.

Все эти поэты и ученые писали на фарси, который был языком поэзии от Малой Азии до Ганга. Однако к этому времени уже имели несомненные поэтические традиции и произведения на тюркских языках, в том числе и на староузбекском, который в европейской науке ошибочно называли чагатайским (по имени второго сына Чингисхана, которому досталась в удел Средняя Азия). На староузбекском языке писали поэты Амирӣ, Атай, Саккакӣ, Лutfӣ и многие другие. Вершиной же поэзии на староузбекском языке является творчество Навои.

Навои оставил потомкам богатейшее литературное наследие на двух языках — фарси и староузбекском. Для персидских стихов поэтическим псевдонимом он избрал имя Фанӣ.

Самое главное произведение Навои — это шесть больших поэм (1483—1485): философско-дидактическая «Смятение праведников» — ответ на «Сокровищницу тайн» Низами; «Лейли

и Меджнун» — ответ на одноименную поэму Низами; «Фархад и Ширин» — ответ на «Хосров и Ширин» Низами; «Семь планет» — ответ на «Семь красавиц» Низами; «Стена Искандара» — ответ на «Искендер-наме» Низами; «Язык птиц» — ответ на аллегорическую поэму Фаридаддина Аттар.

Нужно иметь в виду, что ответ как литературный жанр вовсе не означает подражание, что в большинстве случаев, в особенности у талантливых поэтов, он является совершенно оригинальным произведением, имеющим со своим прототипом лишь очень отдаленную общность. Это нужно иметь в виду, так как многие европейские ученые голословно объявляли «Фархад и Ширин» Навои переводом поэмы Низами, не дав себе труда основательно ознакомиться с содержанием обоих произведений.

Изменение Алишером Навои названия поэмы («Фархад и Ширин» вместо «Хосров и Ширин» у Низами) не просто смена вывески, а коренное различие: у Низами главным героем был слабовольный шах Хосров, в целом персонаж положительный, а Фархад — лишь эпизодической фигурой; у Навои главным положительным героем является Фархад, а Хосров — отрицательный тип, кровожадный деспот. Ширин у Низами — главное действующее лицо, страстно влюбленная в Хосрова. Она старается воздействовать на его характер, видит его недостатки, но тем не менее любит его, а Фархада лишь жалеет. У Навои Ширин страстно любит Фархада и ненавидит Хосрова, но она не основной персонаж. В соответствии с изменением характеров главных действующих лиц в поэме Навои и новый сюжет, и новая композиция.

Здесь речь идет вовсе не о том, кто из поэтов выше или талантливее. Такие вопросы никогда не имеют однозначного ответа, если речь идет о выдающихся поэтах. Воздавая должное гению Низами, мы одновременно признаем и величие творения Навои.

Между обоими произведениями разница не только в расстановке действующих лиц, но и в идейно-тематической основе: у Низами поэма — это гимн самоотверженной женской любви, способной творить чудеса и вдохновлять на подвиги; Навои же во главу угла ставит великую силу мужской любви, толкающей влюбленного на свершение титанических подвигов, ничего не требуя в качестве мзды.

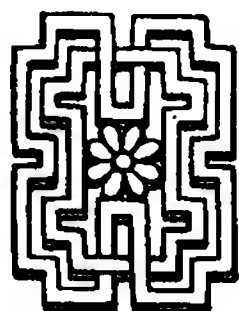
* * *

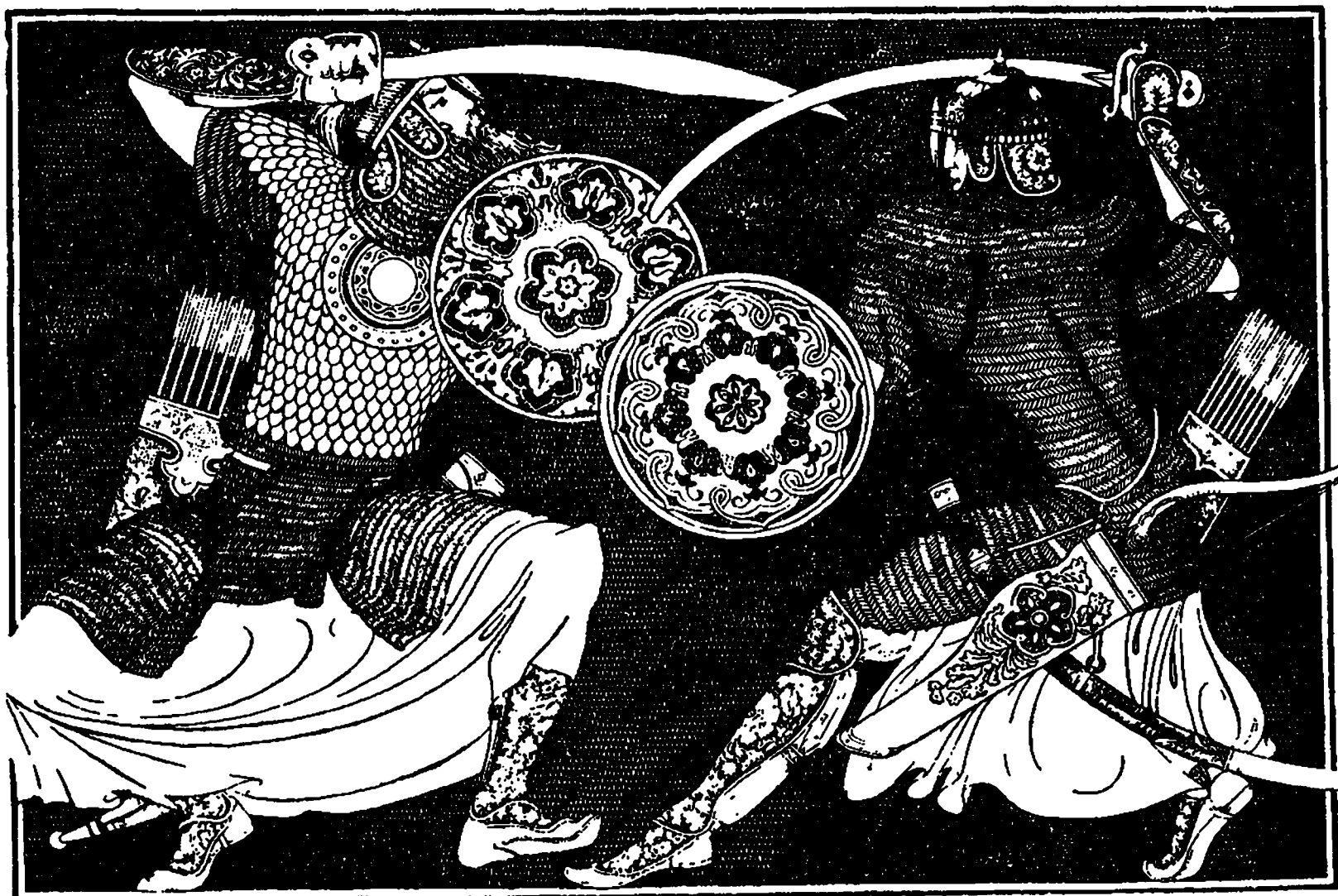
Такова общая характеристика представленных в этом томе произведений. Юный читатель, конечно, сам прочитает их и составит собственное мнение. Наша же задача — сообщить ему некоторые сведения общеисторического и историко-литературного характера.

Академик Б. Г. Гафуров

ФИРДОУСИ

*Ш*АХ-НАМЕ

С Л О В О О Р А З У М Е

О мудрый, не должно ль в начале пути
Достоинства разума превознести.

О разуме мысли поведай свои,
Раздумий плоды от людей не таи.

Дар высший из всех, что послал нам Изед*,
Наш разум,— достоин быть первым воспет.

Спасение в нем, утешение в нем
В земной нашей жизни и в мире ином.

Лишь в разуме счастье, беда без него,
Лишь разум — богатство, нужда без него.

Доколе рассудок во мраке, вовек
Отрады душе не найдет человек.

//////

* См. «Комментарии» в конце тома.

Так учит мыслитель, что знаньем богат,
Чье слово для жаждущих истины — клад:

Коль разум вожатым не станет тебе,
Дела твои сердце изранят тебе.

Разумный тебя одержимым сочтет,
Родной, как чужого, тебя отметет.

В обоих мирах возвышает он нас;
В оковах несчастный, чей разум угас.

Не разум ли око души? Не найти
С незрячей душою благого пути.

Он — первый средь вечных созданий творца,
Он стражей тройной охраняет сердца.

Слух, зренье и речь — трое стражей твоих,
И благо, и зло познаешь через них.

Кто разум и душу дерзнул бы воспеть?
Дерзнувшего кто бы услышал, ответь.

Коль внемлющих нет — бесполезны слова.
Ты мысль обрати к первым дням естества.

Венец мирозданья, ты создан творцом,
Ты образ и суть различаешь во всем.

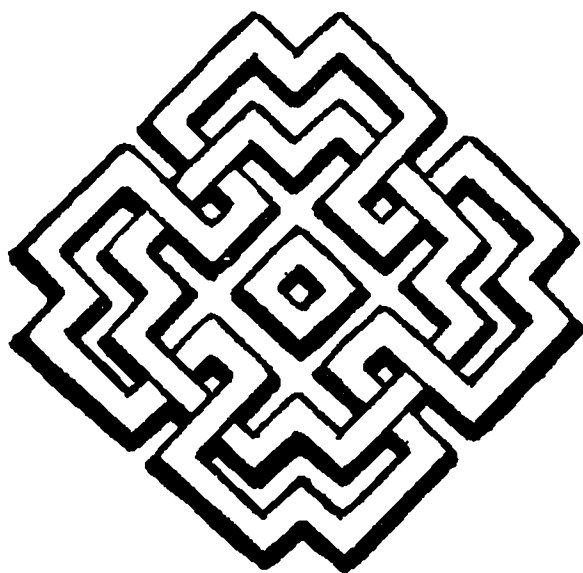
Пусть разум водителем будет тебе,
От зла избавителем будет тебе.

Ты истину в мудрых реченьях найди,
О ней повествуя, весь мир обойди.

Науку все глубже постигнуть стремись,
Познания вечною жаждой томись.

Лишь первых познаний блеснет тебе свет,
Узнаешь: предела для знания нет.

РУСТАМ И СУХРАБ

Теперь я о Сухрабе и Рустаме
Вам расскажу правдивыми устами.

Когда палящий вихрь пески взметет
И плод незрелый на землю собьет,—

Он прав или не прав в своем деянье?
Зло иль добро — его именование?

Ты правый суд зовешь, но где же он?
Что — беззаконье, если смерть — закон?

Что разум твой о тайне смерти знает?..
Познания путь завеса преграждает.

Стремится мысль к вратам заветным тем...
Но дверь не открывалась ни пред кем.

Не ведает живущий, что найдет он
Там, где покой навеки обретет он.

Но здесь — дыханье смертного конца
Не отличает старца от юнца.

Здесь место отправления в путь далекий
Влачимых смертью на аркане рока.

И это есть закон. Твой вопль и крик
К чему, когда закон тебя настиг?

Будь юношей, будь старцем седовласым —
Со всеми равен ты пред смертным часом.

Но если в сердце правды свет горит,
Тебя в молчанье мудрость озарит.

И если здесь верна твоя дорога,
Нет тайны для тебя в деяньях бога.

Счастлив, кто людям доброе несет,
Чье имя славой доброй процветет!

Здесь расскажу я про отца и сына,
Как в битву два вступили исполина.

Рассказ о них, омытый влагой глаз,
Печалью сердце наполняет в нас.

ОХОТА РУСТАМА И ЕГО ВСТРЕЧА С ШАХОМ САМАНГАНА

Я, от дихкан слыхав про старину,
Из древних сказов быль соткал одну*:

Открыл Рустаму как-то муж молитвы*
Дол заповедный, место для ловитвы.

С рассветом лук и стрелы взял Рустам,
Порыскать он решил по тем местам.

На Рахша сел. И конь, как слон могучий*,
Помчал его, взметая прах сыпучий.

Рустам, увалы гор преодолев,
В Туран вступил, как горделивый лев.

Увидел рощу, травяное поле
И там — онагров, пасшихся на воле.

Зарделся лик дарителя корон*
От радости. И рассмеялся он.

Погнал коня за дичью дорогою,
Ловил арканом, настигал стрелою.

И спешился, и пот с лица отер,
В тени деревьев разложил костер.

Ствол дерева сломил слоновотелый*
Огромный вертел вытесал умело.

И, насадив онагра целиком
На вертел тот, изжарил над костром.

И разорвал, и съел всего онагра,
Мозг выбил из костей того онагра.

Сошел к ручью, и жажду утолил,
И лег, и обо всем земном забыл.

Пока он спал в тени, под шум потока,
Рахш на лужайке пасся одиноко.

Пятнадцать конных тюрков той порой
Откуда-то скакали стороной.

Следы коня на травах различили
И долго вдоль ручья они бродили.

Потом, увидев Рахша одного,
Со всех сторон помчались на него.

Они свои арканы развернули
И Рахшу их на голову метнули.

Когда арканы тюрков увидал,
Рахш, словно лютый зверь, на них напал.

И голову он оторвал зубами
У одного, а двух убил ногами.

Лягнул, простер их насмерть на земле,
Но шея Рахша все ж была в петле.

И тюрки в город с пленником примчались.
Все горожане Рахшем любовались.

В табун коня-красавца отвели,
Чтоб жеребята от него пошли.

Я слышал: сорок кобылиц покрыл он,
Но что одну лишь оплодотворил он.

Проснулся наконец Рустам и встал,
И Рахш ему ретивый нужен стал.

Он берег обошел и дол окрестный;
Но нет коня, и где он — неизвестно.

Потерей огорченный, Тахамтан*
Пошел в растерянности в Саманган.

И думал горестно: «Теперь куда я
Отправляюсь пеший, от стыда сгорая,

Кольчугой этой грузной облачен,
Мечом, щитом и шлемом отягчен,

Как выдержу я тяжкий путь в пустыне?
Ведь радоваться будут на чужбине,

Враги смеяться будут, что Рустам
Проспал коня в степи и сгинул сам.

Вот мне пришлось в бессилии признаться!
Мне из печали этой не подняться.

Но все же препояшусь и пойду;
Быть может, хоть следы его найду...»

Седло и сбрую он взвалил на плечи,
Вздыхнул: «О муж, непобедимый в сече!

Таков закон дворца, где правит зло*:
То — ты в седле, то — на тебе седло».

Кипели мысли в нем, как волны моря.
Пошел и на следы напал он вскоре.

Он в Саманган пришел. Там — у ворот,
Узнав, его приветствовал народ.

Весть небывалая достигла шаха
И всех вельмож — носителей кулаха*,

Что исполин Рустам пришел пешком,
Что по следам идет он за конем.

Столпились все, ему навстречу выйдя,
И изумились все, его увидя.

И восклицали: «Это кто? Рустам?
Иль это солнце утреннее там?»

Почетным строем воинство построя,
Рустама шах с поклоном встретил стоя.

Спросил: «Ответь нам, о вселенной цвет!
Кто нанести тебе решился вред?»

Но здесь мы все добра тебе желаем,
Но все твоей лишь воли ожидаем.

Весь Саманган перед тобой открыт,
И все у нас тебе принадлежит!»

Рустам поверил, слыша это слово,
Что нет у шаха умысленья злого.

Ответил он: «В степи, пока я спал,
Неведомо куда мой Рахш пропал.

От той злосчастной речки безымянной
Следы ведут к воротам Самангана.

Дай повеленье разыскать коня.
Воздам я щедро, знаешь ты меня.

Но горе, если Рахш мой не найдется!
И слез и крови много здесь прольется».

Ответил шах: «О избранный судьбой!
Кто враждовать осмелится с тобой?»

Будь нашим добрым гостем! Ты ведь знаешь —
Все будет свершено, как ты желаешь!

Сегодня пир тебя веселый ждет,
Сегодня отрешимся от забот.

Беду такую в гневе не исправить,
А лаской можно и змею заставить

Наружу выйти из норы своей.
Таких, как Рахш, в подлунной нет коней,

Его не спрячешь. Завтра, несомненно,
Найдем мы Рахша, пахлаван вселенной!»*

И радовался Тахамтан-Рустам,
Внемля точившим мед царя устам;

Счел, что на пир к царю пойти достойно,
И во дворец вошел с душой спокойной.

Надеялся, что Рахша царь найдет,
Поверил, что коня он обретет.

Был гость на возвышение златое
Посажен с честью в царственном покое.

Вельмож и полководцев шах позвал,
Чтоб гость в кругу достойных восседал.

И приготовили столы для пира,
Украсили для пахлавана мира.

Чредою виночерпии пришли,
Кувшины вин и чаши принесли.

Плясуньи черноглазые влетели,
И зазвучали чанги и свирели.

И звуки сладких струн, и пляски дев
В груди Рустама погасили гнев.

Вот упился вином Рустам усталый,
И встал он — ибо время сна настало.

Тут отвели его на ложе сна,
Благоухающее, как весна.

И благодатным сном без сновидений
Почил он от трудов и треволнений.

ПОСЕЩЕНИЕ РУСТАМА
ДОЧЕРЬЮ ШАХА.
РУСТАМ БЕРЕТ В ЖЕНЫ
ДОЧЬ ШАХА САМАНГАНА —
ТАХМИНУ

Лишь стража ночи первая сменилась*
И звездной песней полночь огласилась,

Пред неким тайным словом отперлась
Дверь спальни и бесшумно подалась.

Рабыня со свечой благоуханной
Явилась там пред ложем Тахамтана.

За ней вошла прекрасная луна;
Как солнце дня, светла была она.

Два лука — брови, косы — два аркана,
В подлунной не было стройнее стана.

Пылали розы юного лица,
Как два прекрасных амбры продавца,

Ушные мочки, словно день, блистали,
В них серьги драгоценные играли.

Как роза с сахаром — ее уста:
Жемчужин полон ларчик нежный рта.

Она рубином перлы прикрывала*,
Вся, как звезда любви, она сияла.

Безгрешна телом, мудрая душой —
Она казалась пери неземной.

Рустам, ее увидя, в удивленье
Вознес творцу молитву восхваленья.

Потом спросил он: «Как тебя зовут?
Чего ты темной ночью ищешь тут?»

«Я Тахмина, — красавица сказала. —
Мечом печаль мне сердце растерзала.

Я дочь царя. Мой благородный род
От львов и тигров древности идет.

Нет средь царей мне пары во вселенной —
Средь жен и дев слыву я несравненной,

Хоть, кроме слуг ближайших и отца,
Никто не видел моего лица.

С младенчества я о тебе узнала,
С волнением рассказам я внимала,

Как пред могучею твоей рукой
Трепещут лев, и тигр, и кит морской;

Как темной ночью ты — и утром рано —
Охотишься один в степях Турана,

Онагров жаришь над своим костром,
Среди врагов проходишь белым днем,

В пустыне спишь, где хочешь, — крепким сном,
И небо стонет пред твоим мечом.

Когда ты палицей своей играешь,
Ты сердце льва в смятение повергаешь.

Орел, увидев лук в руке твоей,
Добычу выпускает из когтей.

Твоей стрелою кит смертельно ранен,
И тигр твоей петлею заарканен.

Когда разит в бою твоя рука,
Рыдая, плачут кровью облака.

Такие речи с детства — то и дело —
Я слышала. И втайне я хотела

Увидеть эти плечи, этот стан,
И сам явился к нам ты в Саманган!

Коль пожелаешь ты — твоей я стану
Всем существом стремлюсь я к Тахамтану

Во-первых: вся я так полна тобой,
Что страсть моя затмила разум мой.

И во-вторых: прошу я — дай мне сына,
Такого же, как сам ты, исполина.

Пусть будет храбр он и силен, как ты,
И счастьем так же вознесен, как ты.

А в-третьих: Рахша твоего найду я;
Весь Саманган под жезл твой приведу я»

И тут к концу пришли ее слова,
Рустама потрясли ее слова

Он, красотою пери пораженный,
Прозрел в ней дух и разум просветленный,

А обещаньем Рахша возвратить
Ей удалось совсем его пленить.

«Приди ко мне!» — сказал Рустам счастливый,
Приблизилась царица горделиво.

И он послал мобеда-мудреца,
Чтоб испросил согласие у отца.

Мобед пришел к царю, сказал: «Для счастья
И славы нашей дай на брак согласие!»

Когда узнал об этом старый шах,
Как тень, исчез его томивший страх.

И, радуясь, веселый с ложа встал он,
С Рустамом быть в родстве и не мечтал он.

И тут же, повелев созвать гостей,
Устроил свадьбу дочери своей.

По вере, по обычаям старинным,
Соединил он дочку с исполином.

Когда он дочь богатырю вручал,
Весь круг гостей вельможных ликовал.

И гости снова в честь Рустама пили,
И здравицу Рустаму возгласили:

«Будь счастлив с этой новою луной,
Взошедшей над стезей твоей земной!»

Когда царица с ним уединилась,
Сказал бы ты, что ночь недолго длилась.

Еще ночная не редела мгла,
Во чреве эта пери понесла.

Заветный, с камнем счастья талисман
Носил всегда с собою Тахамтан.

Жене он камень отдал: «Да хранится
Он у тебя. И если дочь родится —

Мой талисман надень на косы ей,
А если счастье над судьбой твоей

Блеснет звездою на высоком небе
И сына даст тебе чудесный жребий,

К его руке ты камень привяжи
И сыну об отце его скажи.

Пусть будет в Сама ростом и дородством,
В Нейрама мужеством и благородством*,

Пусть будет мил он солнцу, пусть орла
Средь облаков пронзит его стрела.

Пусть он игрою битву львов считает,
Лица от битв слонов не отвращает».

Так с луноликой он провел всю ночь,
С ней сладкую беседу вел всю ночь.

Когда взошло, блистая, дня светило
И мир лучистой лаской одарило,

Прощаясь, он к груди жену прижал
И много раз ее поцеловал.

В слезах с Рустамом Тахмина простилась
И в скорбь с тех пор душою погрузилась.

Шах благородный к зятю подошел
И с ним беседу по сердцу повел,

Сказал, что ждет Рустама Рахш найденный.
Возликовал дарующий короны,

Он обнял саманганского царя,
За своего коня благодаря.

И Рахша оседлал и ускакал он,
О происшедшем часто вспоминал он.

Но никому об этом Тахамтан
Не рассказал, ушел в Забулистан*.

РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ СУХРАБА

Вот сорок семидневий миновало,
И время счастья матери настало.

Бог сына дал царевне Тахмине,
Прекрасного, подобного луне.

Так схож был сын с богатырем Рустамом,
Со львом Дастаном и могучим Самом*,

Что радостью царевна расцвела
И первенца Сухрабом нарекла.

Был через месяц сын как годовалый,
Грудь широка, как у Рустама, стала.

Он в десять лет таким могучим был,
Что с ним на бой никто не выходил.

На всем скаку степных коней хватал он,
За гриву их рукой своей хватал он.

Пришел Сухраб однажды к Тахмине
И так спросил: «О мать, откройся мне!

Я из какого дома? Кто я родом?
Что об отце скажу перед народом?»

И вспомнила наказ богатыря,
Сказала мать, волнением горя:

«Дитя! Ты сын великого Рустама,
Ты отпрыск дома Сама и Нейрама,

Пусть радуют тебя мои слова,
Достичь небес должна твоя глава.

Ты цвет весенний ветви величавой.
Твой знаменитый род овеян славой.

От первых дней не создавал творец
Такого витязя, как твой отец.

Он сердцем — лев, слону подобен силой,
Он чудищ водяных изгнал из Нила*.

И не бывало во вселенной всей
Таких, как древний Сам, богатырей».

Письмо Рустама Тахмина достала,
Тайник открыла, сыну показала

Клад золотой и три бесценных лала,
Чье пламя ярко в темноте сияло,—

Сокровища, хранившиеся там,
Что из Ирана ей прислал Рустам,—

Свой дар ей в честь Сухрабова рожденья,
С письмом любви, с письмом благоволенья.

«О сын мой, это твой отец прислал! —
Сказала мать.— Взгляни на этот лал.

Я знаю, будешь ты великий воин,
Ты талисман отца носить достоин.

Признает по нему тебя отец,
Наденет на главу твою венец.

Когда тебе раскроет он объятья —
Утешусь, перестану тосковать я.

Но надо, чтоб никто о том не знал —
Чтоб царь Афрасиаб не разгадал,

Коварный враг Рустама Тахамтана,
Виновник горьких слез всего Турана.

О, как боюсь я — вдруг узнает он,
Что от Рустама ты, мой сын, рожден!»

«Луч этой истины, как солнце, светел,
И скрыть его нельзя! — Сухраб ответил.—

Гордиться мы должны с тобой, о мать,
Что я — Рустама сын, а не скрывать!

Ведь сложены не лживыми устами
Все песни и дастаны о Рустаме.

Теперь я, чтобы путь открыть добру,
Бесчисленное войско соберу

И на Иран пойду, во имя чести
Взметну до неба пыль суровой мести,

Я трон и власть Кавуса истреблю,
Я след и семя Туса истреблю.

И не оставляю я в живых Гударза,
Не пощажу у них ни льва, ни барса.

Побью вельмож, носителей корон,
Рустама возведу на Кеев трон*.

Как море, на Туран потом я хлыну,
Оплот Афрасиаба опрокину,

Неверного низвергну я во тьму,
Венец его и трон себе возьму.

Дары я щедрою раздам десницей,
Тебя — иранской сделаю царицей.

Лишь я и мой прославленный отец
Достойны на земле носить венец.

Когда два солнца в мире заблистало,
Носить короны звездам не пристало!»

СУХРАБ ВЫБИРАЕТ КОНЯ И ГОТОВИТ ВОЙСКО НА БИТВУ С КАВУСОМ

«О мать! — сказал Сухраб. — Развеселись!
Во всем теперь на сына положишься!

Крыло орла окрепло для полета, —
Хочу в Иран я распахнуть ворота.

Теперь мне нужен богатырский конь,
Стальнокопытный, ярый, как огонь.

Чтобы за ним и сокол не угнался,
Чтоб силой он своей слону равнялся,

Чтобы легко он мог носить в бою
Мой стан и шею мощную мою.

В Иране я врагов надменных встречу,
Мне не к лицу пешком идти на сечу».

Обрадовали мать его слова,
Высоко поднялась ее глава.

Велела пастухам, чтобы скакали
И табуны с далеких пастбищ гнали,

Чтоб сын избрал достойного коня,
Могучего и стройного коня.

И сколько ни было коней отборных
В долинах и на пастбищах нагорных —

Всех пастухи согнали на майдан.
Сухраб, войдя в табун, бросал аркан,

И самых сильных с виду — крутошеих —
Ловил он и притягивал к себе их,

Клал руку на хребет и нажимал,
И каждый конь на брюхо припадал.

Коней могучих много испытал он,
И многим в этот день хребты сломал он —

Был конь любой для исполина слаб.
И впал в печаль душою лев-Сухраб.

Тут из толпы какой-то муж почтенный
Сказал Сухрабу: «Слушай, цвет вселенной!

Есть у меня в отгоне чудо-конь,
Потомок Рахша, быстрый как огонь.

Летает он, как вихрь в степи стремимый,
Не знающий преград, неустомимый.

И под ударами его копыт
Трепещет сам несущий землю кит.

Хоть может телом он с горой сравниться,
Он — молния в прыжке, в полете — птица.

Как черный ворон, он летит в горах,
Как рыба — плавает в морских волнах.

И как ни быстроноги вражьи кони,
Но не уйти им от его погони».

И просиял Сухраб, как утро дня,
Услыша весть про дивного коня.

И засмеялся он, как полдень ясный.
Тут приведен к нему был конь прекрасный.

Сухраб его всей силой испытал,
И конь пред ним могучий устоял.

И потрепал коня, и оседлал он,
И сел, и по майдану проскакал он.

Он был в седле, как Бисутун-гора,
Копье в его руке — как столб шатра.

Сказал Сухраб: «Вот я конем владею,
Теперь я медлить права не имею!

Пора пойти, как грозовая тень,
И омрачить Кавусу божий день».

Сухраб, не медля, воротясь с майдана,
Готовить стал поход против Ирана.

И лучшие воители земли —
Богатыри — на зов его пришли.

А деда — шаха — в трудном деле этом
Просил Сухраб помочь ему советом.

Шах перед ним хранилища открыл,
Всем снаряженьем бранным снарядил,

И золотой казною и жемчужной,
Верблюдов и коней дал, сколько нужно,

Для войск несметных — боевой доспех,
Чтоб всадникам сопутствовал успех.

Он расточил для внука складов недра,
Любимца одарил по-царски щедро.

АФРАСИАБ ПОСЫЛАЕТ БАРМАНА И ХУМАНА К СУХРАБУ

Узнал Афрасиаб, что — полный сил —
Сухраб корабль свой на воду спустил*.

Хоть молоко обсохнуть не успело
На подбородке — в бой он рвется смело.

Что меч его грозящий обнажен,
Что с Кей-Кавусом битвы ищет он.

Что войско он большое собирает,
Что старших над собою он не знает.

И больше: встала доблести звезда,
Не виданная в прежние года.

И наконец — везде толкуют прямо,
Что это сын великого Рустама.

Афрасиаб известьям этим внял
И смехом и весельем засиял.

Он из своих старейших приближенных
Двух выбрал, в ратном деле умудренных,

Бармана и Хумана — двух гонцов;
Три сотни тысяч дал он им бойцов

И наказал, к Сухрабу посылая:
«Пусть будет скрытой тайна роковая!..

Когда они сойдутся наконец —
Нельзя, чтоб сына вдруг узнал отец,

Чтоб даже чувства им не подсказали,
Чтоб по приметам правды не узнали...

Быть может, престарелый лев-Рустам
Убит рукой Сухраба будет там.

И мы тогда Иран возьмем без страха,
И тесен будет мир для Кавус-шаха.

Ну, а тогда уж средство мы найдем,
Как усыпить Сухраба вечным сном.

А если старый сына в ратном споре
Убьет — его душа сгорит от горя».

И подняли послы свой шумный стан,
И бодрые покинули Туран.

Вели они к Сухрабу в Саманган
С богатыми дарами караван.

Трон бирюзовый с золотой короной
И драгоценное подножье трона

Могучие верблюды понесли.
Гонцы посланье шахское везли:

«О лев! Бери Иран — источник споров!
Мир защити от смут и от раздоров!

Ведь Саманган, Иран, Туран давно
Должны бы слиться в целое одно.

Я дам войска — веди, распоряжайся,
Сядь на престол, короною венчайся!

Таких же, как Хуман и мой Барман,
Воинственных вождей не знал Туран.

И вот я шлю тебе их под начало.
Пусть погостят у вас они сначала.

А хочешь воевать — на бой пойдут,
Врагам твоим покоя не дадут!»

И в путь поднялся караван богатый,
Повез письмо, венец, и трон, и злато.

Когда Сухраб узнал о том, он сам
Навстречу славным поднялся послам.

Встречать Хумана в поле с дедом выйдя,
Возликовал он, море войск увидя.

Когда ж Сухраба увидал Хуман —
Плеча, и шею, и могучий стан,—

Он им залюбовался, пораженный,
И, с головой, почтительно склоненной,

Вручил ему, молитву сотворя,
Подарки и послание царя.

«Прочти, о лев,— сказал он,— строки эти
И не спеша подумай об ответе».

Прочел Сухраб. Он медлить не хотел,
В поход войска готовить он велел.

И войск вожди, что жаждой битв горели,
На скакунов, как ветер быстрых, сели,

Тимпаны и литавры загремели,
Пошли войска, как волны зашумели.

И не сдержали б их ни исполин,
Ни львы пустынь, ни кит морских пучин.

Вошел в Иран Сухраб, все сокрушая,
Дотла сжигая и опустошая.

НАПАДЕНИЕ СУХРАБА НА БЕЛЫЙ ЗАМОК

На рубеже Ирана возведен
Был замок. Белым замком звался он.

Хаджир — начальник стражи, славный воин —
Был храбр, силен, водить войска достоин.

И от Ирана был поставлен там
Правителем премудрый Гуждахам.

Имел он дочь. И не было ей равной,—
Всем хороша, но зла и своенравна.

Когда Сухраб пришел, нарушив мир,
Его увидел со стены Хаджир.

На быстром скакуне — любимце брани —
С копьем Хаджир явился на майдане.

Блистая в снаряжение боевом,
К войскам Турана он воззвал, как гром:

«У вас найдется ль воин искушенный,
В единоборстве конном закаленный?»

Эй, кто у вас могуч, неустрашим?
Пусть выйдет, я хочу сразиться с ним!»

Один, другой и третий сбиты были,
Перед Хаджиром устоять не в силе.

Когда Хаджира увидал в бою,
Сухраб решил изведать мощь свою.

Он как стрела помчался грозовая,
Над полем вихри пыли подымая.

И весело Хаджиру крикнул он:
«Один ты вышел, гневом распален?»

На что надеешься? Куда стремишься?
Или драконьей пасти не боишься?

И кто ты, предстоящий мне в бою,
Скажи, чтоб смерть оплакивать твою?»

И отвечал ему Хаджир: «Довольно!
Сам здесь падешь ты жертвою невольной.

Себе я равных в битве не встречал,
Лев от меня уходит, как шакал.

Знай — я Хаджир. О юноша незрелый,
Я отсеку главу твою от тела

И Кей-Кавусу в дар ее пошлю.
Я труп твой под копыта повалю».

Сухраб в ответ Хаджиру рассмеялся
И за копье свое стальное взялся.

И сшиблись, и в поднявшейся пыли
Едва друг друга различить могли.

Как молния, летящая по тучам,
Летел Сухраб на скакуне могучем.

Хаджир ударил, но огромный щит
Сухраба все же не был им пробит.

Тут на врага Сухраб занес десницу,
Копьем его ударил в поясницу.

Упал Хаджир, как будто бы с седла
Его внезапно буря сорвала;

Упал, как глыба горного обвала,
Так, что душа его затрепетала.

Сошел Сухраб, коленом придавил
Хаджиру грудь, кинжал свой обнажил.

Хаджир, увидя — льву попал он в когти, —
Молил пощады, опершись на локти.

Могучий пощадил его Сухраб,
И в плен был взят Хаджир им, словно раб.

Связал он побежденного арканом,
Велел ему предстать перед Хуманом.

Хуман все видел. Был он потрясен
Тем, что Хаджир так быстро побежден.

Со стен за поединком наблюдали.
И в крепости вопили и рыдали,

Что пал с коня и в плен попал Хаджир —
Воитель, славой наполнявший мир.

ПОЕДИНОК СУХРАБА С ГУРДАФАРИД

Дочь Гуждахмова Гурдафарид,
Увидев, что Хаджир бесславно сбит,

От горя в исступленье застонала
И яростью и гневом запылала.

Хоть юной девушкой была она,
Как витязя, влекла ее война.

Грозна в бою, чужда душою мира,
Увидя поражение Хаджира,

Она такой вдруг ощутила стыд,
Что потемнели лепестки ланит.

Воительница медлить не хотела,
Кольчугу, налокотники надела

И, косы уложивши над челом,
Их под булатный спрятала шелом.

Как грозный всадник, дева красовалась
На скакуне: как вихрь, она помчалась,

И пыль над степью облаком взвила,
И так к войскам Турана воззвала:

«Кто в верховом бою у вас искусен?
Кто вождь у вас? Смелей выходит пусть он!

Пусть доведется испытать киту
Моих ударов мощь и быстроту!»

Смотри: никто из воинов Турана
Не вышел с ней на бой в простор майдана.

Ее Сухраб увидел издали,
Как в облаке, летящую в пыли.

Сказал он: «Вот еще онагр несется!..
В петлю мою сейчас он попадется!»

Кольчугу он и чинский шлем надел*,
Навстречу ей, как ветер, полетел.

Гурдафарид свой лук тугой схватила
И молнией стрелу в него пустила.

Когда стрелу пускала в высоту,
Она орла сбивала на лету.

Хоть стрелы вихрем с тетивы летели,
Они задеть Сухраба не сумели —

Их отражал Сухраба щит стальной.
Позорным он почел подобный бой,

Сказал он: «Хватит! Кровь должна пролиться!»
И на врага помчался, словно птица.

Увидев — жаждой битвы он горит, —
Оставила свой лук Гурдафарид

И поскакала, по полю петляя,
Копьем своим Сухрабу угрожая.

Великим гневом возгорел Сухраб,
Бой сразу кончить захотел Сухраб.

Он мчался, издавая львиный рык,
И, как Азаргушасп, ее настиг*.

Копьем ударил в стягивавший тугу
Кушак, разорвалась ее кольчуга,

И, словно бы чоуганом — не копьем,
Как мяч, ее он вскинул над седлом.

Гурдафарид рукой в седло вцепилась,
Другой рукой за меч свой ухватилась,

И разрубила пополам копье,
И плотно села на седло свое,

И вихрем улетела в туче праха.
Ловка была она, не знала страха.

Сухраб за нею вслед погнал коня;
Он гневом омрачил сиянье дня.

Вот он настиг. И за ее спиною
Привстал, и шлем сорвал с нее рукою.

Взметнулись косы, по ветру виясь,
От шлема тяжкого освободясь.

И понял витязь, полон изумленья,
Что с женщиною вышел он в сраженье.

Сказал: «Подобных девушек Иран
Сегодня шлет на боевой майдан!..

Их витязи, когда коней пускают,
Над степью пыль до облак поднимают.

Но коль в Иране девы таковы,
То каковы у них мужчины-львы?»

Тут он аркан свой черный вслед метнул ей
И стан петлею туго захлестнул ей.

Сказал ей: «Лунолика, смирись
И не пытайся от меня спастись!

Хоть много дичи мне ловить случалось,
Такая лань впервые мне попалась!»

Увидев, что беда ей предстоит,
Открыла вдруг лицо Гурдафарид.

И молвила: «Не надо многих слов,
Ты — лев могучий среди храбрецов!

Подумай: с той и с этой стороны
На бой наш взгляды войск обращены...

Теперь с лицом открытым я предстала,
И разнотолков, знай, пойдет немало,

Что, мол, Сухраб до неба напылил —
В единоборство с женщиной вступил,

Копьем тяжелым с девушкою бился
Перед мужами — и не устыдился!

Я не хочу, чтобы из-за меня
Шла о Сухрабе славном болтовня.

Мир заключим, чтоб завязать язык их...
Ведь мудрость, знаешь сам, удел великих.

Теперь мой замок и мои войска —
Твои! Как клятва, речь моя крепка.

И крепость и сокровища Хаджира —
Твои. Зачем нам битва после мира?»

Сухраб, на лик прекрасный брося взгляд,
В цвету весны увидел райский сад.

Ее красой душа его пленилась
И в сердце, как в ларце, печаль укрылась.

Ответил он: «Тебя я отпущу,
Но помни: я обмана не прощу.

Не уповай на стены крепостные,
Они не выше неба, не стальные.

С землей сровняю эти стены я,
И нет против меня у вас копья».

Гурдафарид вперед — крылатым лётom —
Коня послала к крепостным воротам.

Сухраб за нею рысью ехал вслед,
Он верил, что ему преграды нет.

Тут крепости ворота заскрипели
И пропустить Гурдафарид успели.

И вновь захлопнулись и заперлись.
У осажденных слез ручьи лились,

В подавленных сердцах кипело горе,
Тонуло все в постигшем их позоре.

К Гурдафарид, со всею свитой, сам
Седобородый вышел Гуждахам,

Сказал: «О с благородным сердцем львица,
О дочь моя! Тобой Иран гордится!

Страдали мы, неравный видя бой,
Но не бесславен был поступок твой.

Ты выхода искала в честной битве,
Но враг силен. Внял бог моей молитве —

В обмане ты спасенье обрела
И невредима от врага ушла».

Гурдафарид в ответ лишь засмеялась
И на стене высокой показалась.

Увидела Сухраба за стеной
И молвила: «Что ждешь ты, витязь мой?

Иль ожидать напрасно — твой обычай?
Увы, навек расстался ты с добычей!»

Сказал Сухраб: «О пери, пред тобой
Клянусь луной, и солнцем, и судьбой,—

Разрушу крепость! Выхода иного
Не вижу я. Тебя возьму я снова.

Как ты расквесишься в своих словах,
Когда в моих окажешься руках!

Как сожалеть ты будешь, что сначала
Ты не исполнила, что обещала!»

Гурдафарид ответила, смеясь:
«Я сожалею, о мой юный князь!

Неужто, витязь мой, не знал ты ране,
Что тюрки брать не могут жен в Иране?

Что ж, значит, я тебе не суждена!
Но не печалься, то судьбы вина...

Но сам ты не из тюркского народа,
В тебе видна иранская порода.

С такою мощью, с красотой твоей
Ты был бы выше всех богатырей.

Но если скажет слово шах Ирана,
Что юный лев повел войска Турана,—

Подыметя Рустам из Сеистана,
Не устоишь ты против Тахамтана!

Беда тебе! — из войска твоего
В живых он не оставит никого.

Мне жаль, что этот стан и эти плечи
Поникнут и падут во прахе сечи.

Повиновался б' лучше ты судьбе,
Вернулся бы скорей в Туран к себе.

А ты на мощь свою лишь уповаешь,
Как глупый бык, бока свои терзаешь!»

Сухраб, внимая, от стыда сгорал.
Что замок трудно взять, он это знал.

Невдалеке от крепости стояло
Село и над собой беды не знало.

Сухраб пошел и разорил село,
По локоть руки окунул во зло.

Сказал потом: «Ночь наступает, поздно...
Пора нам отдохнуть от сечи грозной.

А завтра здесь неслыханная была
Свершится. Мы развеем стены в пыль».

И, повернув коня, погнал безмолвно,
Вернулся в стан, печалью смутной полный.

ПИСЬМО ГУЖДАХАМА ШАХУ КАВУСУ

Когда Сухраб уехал, Гуждахам
Позвал писца и сел с ним рядом сам.

Свои несчастья шаху описал он,
И с опытным гонцом письмо послал он.

В письме сказал он: «Мы, твои рабы,
Здесь терпим гнев неведомой судьбы.

Туранцы, что напасть на нас не смели,
Пришли под крепость, морем зашумели.

Вождь этих войск, затмивших полдня свет,
Юнец, едва ль четырнадцати лет.

Но ростом он невиданно огромен,
Он силой исполинской неутомен.

Его, как дуб индийский, крепок стан.
Льва породил могучего Туран.

Он богатырской палицей играет,
Разящий меч в руке его сверкает.

Что кручи гор ему, что глубь морей?
Подобных в мире нет богатырей.

Как лев средь ланей, в ратной он ловитве,
Сильнейшего сразить он может в битве,

Он может демонам противостать.
Богатыря того Сухрабом звать.

Подобье он Рустама Тахамтана,
Похож на ветвь из дома Наримана.

Не знаю, кто отец его и мать,—
Как у Рустама, мощь его и стать.

Когда пришел он, ради бранной чести,
Привел к нам войско, жаждущее мести,

Хаджир, непобедимый богатырь,
С ним выехал на бой в степную ширь.

Ему навстречу, на коне могучем,
Сухраб летел, как молния по тучам,

Быстрее, чем запах розы — от ноздрей
До мозга, мысли пламенной быстрее.

Хаджира сбил с седла с такой он силой,
Что это всех смотревших изумило.

Теперь Хаджир в оковах и в плену...
Кто горечи измерит глубину?

Видал я витязей туранских в деле,
Но о подобном не слышал доселе.

Рустаму он подобен одному —
Быть может, равен лишь Рустам ему.

На всей земле найдешь ему едва ли
Противоборца, кроме сына Заля.

Здесь, кто против него ни выступал,
Отважнейших он в плен арканом брал.

Хоть он могуч, но духом он не злобен,
Огромный конь его горе подобен.

Когда он скачет, до неба пыля,
Горам прощает тяжесть их земля.

Подумай о стране, миродержавный,
Чтоб не постиг и вас удел бесславный!

Пускай сюда твои войска идут,
Не то — столпы величия падут.

Теперь не время мир вкушать беспечный,
Он может обложить нас данью вечной.

Коль вовремя его не удержать,
Нам радости и счастья не видать.

Когда бы ты его увидел сам,
Сказал бы ты — он юный всадник Сам.

И если ты теперь нам не поможешь,
Всех нас погибшими считать ты можешь.

Не отсидимся мы в своих стенах —
Сегодня, завтра рухнут стены в прах.

Поэтому мы ночью замок бросим,
Приют в Иране оказать нам просим.

Меня давно ты знаешь, я не лгу,
Но жертвовать я войском не могу.

Нас не укроют стены крепостные,
Ворота перед ним падут стальные».

Письмо он кончил, приложил печать,
Велел гонца надежного призвать.

Сказал: «Скачи быстрее, чтоб утром рано
Ты был далеко в глубине Ирана».

Посланье спрятал тот гонец на грудь,
Сел на коня, помчался в дальний путь.

Под крепостью был тайный свод подземный,
Вел из него далеко ход подземный.

Тем ходом, по неведомым путям,
В ночи ушел с семьею Гуждахам;

И войско все, по потайному ходу,
Из крепости он вывел на свободу.

СУХРАБ ЗАХВАТЫВАЕТ БЕЛЫЙ ЗАМОК

Когда заря блеснула из-за гор,
Сияньем озарив земной простор,

Сухраб верхом — из алого тумана
Повел на приступ воинство Турана.

Чтоб всех, кто были в замке, наконец
Взять в плен, как стадо сбившихся овец.

Уже он был от замка недалеко,
Глядит: нет стражей на стене высокой.

И в гневе он к воротам подступил
И с петель их тараном медным сбил.

Вошли в пролом; но ни души в твердыне —
Все пусто и безмолвно, как в пустыне...

И понял он, что Гуждахам ушел
И всех с собой защитников увел.

Лишь несколько, от страха оробелых,
Там пряталось забытых престарелых.

Он все покои замка обыскал,
Но не нашел того, чего искал.

Гурдафарид, как пери, улетела...
Любовью, страстью кровь его кипела.

«Увы! — сказал, — увы мне!.. Где она?
За черной тучей спряталась луна!

Судьбой, как видно, горе суждено мне.
Владеть любимой, видно, не дано мне.

Попала в сети лань ко мне. И вот —
Ушла... Я сам в сетях ее тенёт.

На миг она лицо мне показала
И сердце мне навеки растерзала.

Увы, недостижимо далека
Теперь она. А мой удел — тоска.

Но это чародейство, не иначе, —
Оно, как яд, в крови моей горячей...

Вчера я думал — в плен ее возьму,
Но сам я пленник — видно по всему.

Не знаю я: меня околдовали —
Лицо ль ее, глаза ль ее, слова ли.

Но если я ее не отыщу,
Потери я ничем не возмещу.

Нет! Не в бою я встретил испытанье!
Как рана, мне о ней воспоминанье,

Мне доля — тайно плакать и стенать!
И кто она, не суждено мне знать...»

Так говорил Сухраб и весь горел он.
Хоть никому открыться не хотел он,

Но мук любви не скроешь от людей, —
Их слезы выдадут волне морей.

Кто б ни был любящий — душевной боли
Не утаит он — выдаст поневоле.

Так и любовью раненный Сухраб
Вдруг похудел, поблек лицом, ослаб.

Хуман не знал о том, что с ним случилось,
Но видел, как душа его томилась,

И сердцем пронизательным своим
Он понял, что неладно что-то с ним

И что Сухраб, по гневной воле мира,
Попал в силки безвестного кумира,

Что он, паря мечтой, стоит без сил,
Как будто ноги в глине завязил.

Сухрабу мудрый так сказал Хуман:
«О гордый, с львиным сердцем пахлаван!

В былое время витязь лучшим другом
Себя считал. Постыдным он недугом

Почел бы жар, пылающий в крови,
И опьянение от вина любви.

Брал в плен он сотни мускусных газелей,
Но сердце не терял в любовном хмеле.

В плен не сдается истинный герой
Царицам с неземною красотой.

Лишь та достойна властвовать десница,
Что солнце заставляет поклониться!

Ты — лев могучий, ты — от льва рожден,
И ты — о стыд! — любовью поражен?

Нет! От любви не плакал бы великий
Завоеватель мира и владыка!

Тебя царем Афрасиаб нарек,
Назвал владыкой гор, морей и рек.

Мы вышли из Турана ради славы,
Вброд перешли мы океан кровавый,

Теперь Иран зажали мы в тиски,
Но в будущем пути не так легки.

Нам предстоит борьба с самим Кавусом,
С его войсками и коварным Тусом.

Нам предстоят убийца львов — Рустам,
Гив-богатырь, Гударз и лев-Руххам,

Бахрам, Гургин — отважный внук Милада,
Мы встретим там могучего Фархада.

Богатыри — могучие слоны,
Нас повстречают на стезе войны.

В бою никто из них не отступает,
Чем кончится война — никто не знает...

А ты — о лев! — на грозный бой идешь
И сердце первой встречной отдаешь!

Будь мужем, отгони любовь от сердца,
Чтобы не пасть пред войском миродержца.

Цель у тебя великая одна:
Лишь начата — не кончена война.

Ты храбр, силен, взялся за труд опасный,
И цель свою ты должен видеть ясно.

Еще великий труд не завершен,
А ты душой к другому устремлен.

Свали твердыню древнюю Ирана
Всею мощью богатырского тарана!

Когда ты Кеев трон себе возьмешь,
Ты сам красавиц лучших изберешь.

Тогда к подножью нового владыки
Придут с поклоном малый и великий.

Не подобает от любви страдать
Тому, кто миром должен обладать!»

Преподнеся словесный этот дар,
Хуман избавил юношу от чар.

Сказал Сухраб: «Ты послан мне судьбой!
Прекрасно все, что сказано тобой.

Великому теперь отдам я душу,
Я завоюю мир — моря и сушу.

И дружба наша, как скала, тверда,
Отныне укрепилась навсегда».

Взялся за труд Сухраб неутомимый
И сердцем отвратился от любимой.

И он Афрасиабу написал,
Как шел поход, как Белый замок пал.

Обрадовался шах тому известью,
Сказал: «Сухраб нас озаряет честью!»

...Письмо от Гуждахама получив,
Сидел Кавус — угрюм и молчалив.

Призвал вельмож, опору шахской власти,
Поведал о постигшем их несчастье.

Пришли к владыке Тус, Бахрам, Фархад,
Пришел Гударз, чьим был отцом Кишвад.

Воскликнул шах: «Как нам беду поправить?
Кого туранцам противопоставить?»

В чертоге царском тут поднялся гул,
Сказали хором все: «Послать в Забул!

Послать гонца в пределы сына Сама,
Чтоб старый Заль уговорил Рустама

Скорей на поле битвы поспешить
И вновь Иран щитом своим укрыть!»

Решили так. И в круг вельможи сели,
Послание писать писцу велели.

ПИСЬМО КАВУСА РУСТАМУ

И дали подписать письмо царю.
Вначале шла хвала богатырю:

«Пусть вечно бодрым разум твой пребудет!
Пусть в мире все тебе на радость будет!

Ты с древних лет опорой нашей был,—
Ты — столп страны, источник вечных сил,

Ты — мощь, и сердце, и хребет Ирана!
Ты — в подвигах великих неустанный,

Чудовищ истребил Мазандерана,
Оковы разрубил Хамаварана *.

Ты, словно лань, берешь арканом льва,
Превыше снежных гор твоя глава.

Ты — щит Ирана, светоч божества,
Как море, о тебе шумит молва.

Хвала творцу! Хвала отцу Нейраму!
Хвала премудрому Дастани-Саму! *

Пусть вечно над вселенною цветет
От миродержца твой идущий род!

И счастье шахское не потускнеет,
Пока Рустам своим мечом владеет.

Опять тебе прибыть к нам пробил час:
Нежданная беда постигла нас —

Враг из Турана вышел небывалый,
Он катится на нас, грозней обвала.

Опасность велика, — ты сам поймешь,
Когда посланье до конца прочтешь.

И мы решили, о Рустам счастливый,
К тебе с письмом своим отправить Гива.

Коль он приедет ночью, ты вставай,
Для многословья уст не раскрывай.

А если днем, — охота ли, обед ли, —
Все брось и к нам скорей скачи, не медли.

А если спать собрался, не ложись,
Вооружись и к нам поторопись.

Возьми богатырей Забулистана,
Скачи, в пути не разбивая стана.

В своем письме нам пишет Гуждахам:
«Враг небывалый угрожает нам.

Прочтя мое письмо, без промедленья
Бери войска и выходи в сраженье!»

И черная, как мускус и смола,
Печать Кавуса на письмо легла.

Шах молвил Гиву: «Дорого нам время,
Поторопись, вступи ногою в стремя!»

Когда к Рустаму ты прискачешь, Гив,
Не вздумай пировать, про все забыв,

В Забуле отдыхать не оставайся,
А в тот же день с Рустамом возвращайся!»

Взял Гив письмо, и в путь пустился он,
Скакал в Забул, забыв покой и сон.

И прибыл он в предел Забулистана,
И стражей крик донесся до Дастана,

Что из Ирана конный к ним спешит,
Взметая вихрем пыль из-под копыт.

Весть эта до Рустама долетела,
И выехал встречать слоновотелый.

Он выехал с дружиною своей,
Со свитой братьев и богатырей.

И спешились, как честь велит, при встрече,—
Все — и гонец, прибывший издалече.

Сошел с коня и славный Тахамтан,
Спросил: «Здоров ли шах? Как жив Иран?»

Повел Рустам гонца в свои чертоги,
Гость за беседой отдыхал с дороги,

Потом письмо хозяину вручил
И о Сухрабе вести сообщил.

Рустам, прочтя посланье, изумился,
Все расспросил и в думу погрузился.

Потом, смеясь, сказал: «Неужто там,
В Туране, появился новый Сам?»

Рождал богатырей Иран счастливый,
А там не вспомню я такого дива.

Есть, правда, у меня там сын... Хотя —
Он очень молод, он еще дитя!..

Есть сын мой у царевны Самангана —
Но выступать ему в походы рано.

Еще не знает он — мой дорогой,—
Как водят войско, как вступают в бой!

Сокровищ я послал ему немало,
И мать его ответ мне написала.

Еще не год, не два, не три пройдет,
Покамест милый сын мой подрастет.

Я терпеливо жду: пора настанет,
И миру новый богатырь предстанет.

Сейчас же лет тринадцати всего,
Мой сын, богатство сердца моего!

Пока ему бросаться в битву рано.
Другой к нам воин вышел из Турана...

Теперь, мой гость, пойдем на наш айван,
Рад будет престарелый муж — Дастан.

Подумаем, как быть нам в этом деле
И отчего так тюрки осмелели.

Пойдем, мой гость любезный, отдохнем,
Уста сухие освежим вином!

Потом последуем к престолу шаха,
Посмотрим — кто нагнал такого страха.

И коль не спит могучая судьба,
Врага возьмем арканом, как раба.

Коль на горящий берег хлынет море,
Не устоять огню с волнами в споре.

Как подыму я боевой свой стяг,
Падет от страха на колени враг.

Шах перепуган. Нам же было б низко
Весть эту к сердцу принимать так близко!»

Тут с гостем сел к вину за стол Рустам
И здравицу провозгласил войскам.

А после пира, утром, — еще в хмеле —
Рустам могучий позабыл о деле.

Проугощал он гостя день второй,
Не вспомнил о походе на другой.

На третий день подать вина велел он,
О Кей-Кавусе вспомнить не хотел он.

Так с Гивом он пропировал три дня,
Не думая в поход седлать коня.

А утром — на четвертый — Гив поднялся,
Один обратно ехать он собрался.

Сказал он: «Гневен, неразумен шах,
Великий у него на сердце страх.

Явил он нетерпение большое,
Забыл о сне, о пище и покое.

Коль мы промедлим день еще с тобой,
Из-за вина оттянем ратный бой,

Разгневаается шах. Увы, гневлив он,
И черен сердцем, и несправедлив он».

Сказал Рустам: «Забудь об этом зле,
Никто на нас не встанет на земле!»

Но все ж велел он Рахша выводить,
Седлать его и в медный ней трубить.

Услышали мужи призыв карная
И съехались, доспехами сверкая.

ГИВ И РУСТАМ ПРИБЫВАЮТ К КАВУСУ. ГНЕВ КАВУСА

В поход Рустам пустился поутру,
Главою войск поставил Завару.

А уж князя встречать его скакали,—
За день пути в дороге повстречали.

Гударз и Тус — главы богатырей —
Почтительно сошли пред ним с коней.

Увидя их, сойдя с коня и сам,
С вождями поздоровался Рустам.

И вместе с ними воин знаменитый
Предстал царю царей с душой открытой.

Склонились пред царем Рустам и Гив,
Но шах сидел угрюм и молчалив.

Вспылил потом. И, в бешенстве постыдном,
Он Гива словом уязвил обидным:

«Кто он такой, Рустам, чтоб мой приказ
Откладывать не на день, а на час?

Да если бы со мною был мой меч,
Я голову Рустаму снес бы с плеч!

Схвати его, на виселицу вздерни!
Ни слова больше! Опостылел спор мне!»

И дрогнул Гив, и шаху отвечал:
«Как? На Рустама руку ты подъял?»

Рассвирепел Кавус, насупил брови,
Привстал, как лютый лев, что жаждет крови.

От ярости, казалось, был он пьян,
В растерянность поверг он весь диван.

Вскричал: «Измена! Знаю я давно их!
Схвати их, Тус! Веди, повесь обоих».

Ужасен в гневе был Кавус и дик.
Он весь пылал, как вспыхнувший тростник.

Тус встал, Рустама за руку схватил,
Всех дерзостью потряс и удивил.

Хотел он — полн смущения и страха —
Рустама увести от гнева шаха.

Пред ним Рустам был как могучий слон —
Так по руке ударил Туса он,

Что рухнул Тус у трона помертвелый.
Рустам через поверженное тело

Шагнул и шаху в ярости сказал:
«Зря на меня ты гневом воспылал!

Безумен ты, твои поступки дики,
Ты недостойн звания владыки!

Ведь я — Рустам, а кто такой — твой Тус?
Когда я в гневе — что мне шах Кавус?

Владыка, не к лицу тебе корона!
Ей лучше быть бы на хвосте дракона,

Чем на такой ничтожной голове!
Не веришь сам себе, так верь молве:

Ведь я тебя возвел на трон, когда ты
Стонал в оковах, гибелью объятый.

Не раз тебя от смерти я спасал,
И трон, и власть, и жизнь тебе я дал!

Все страны, от Египта до Ирана,
От степи Чина до Мазандерана,

Склоняются в пыли передо мной,
Перед моим мечом и булавой.

Благодари меня, что шахом стал ты!
Что ж на Рустама гневом воспылал ты?

Я — раб творца, тебе же я не раб!
Могучий на тебя идет Сухраб;

Коль ты такую силою владеешь,
Сам с ним сражайся, если ты сумеешь!

Вы больше не увидите меня,
В Иране не пробуду я ни дня.

Когда меня избрать хотели шахом
Богатыри, охваченные страхом,

Я даже не взглянул на шахский трон.
Был мной обычай древний соблюден *.

А ведь когда бы взял венец и власть я,
Ты б не имел величия и счастья.

Достоин я всего, что ты сказал!
Ты за добро сторицей мне воздал!

На этот трон возвел я Кей-Кубада,—
И такова от сына мне награда!

Но если бы для твоего отца
Мечом своим не добыл я венца,

С горы Албурз Кубада не привез бы *,
Его из небреженья не вознес бы —

И ты величьем бы не обладал,
Ты б оскорблять Рустама не дерзал!

Когда ты сам вовлек в беду Иран,
Спасать я вас пришел в Мазандеран.

И там я дива Белого убил *,
И жизнь тебе и трон я возвратил.

Мой трон — седло, моя на поле слава,
Венец мой — шлем, весь мир — моя держава.

Когда на вас туранец налетит,
Он никого из вас не пощадит...

Я ухожу, меня вы не ищите,
Пути спасенья сами находите!

Уйду. И впредь меня вам не видать,
Лежать вам в прахе здесь, а мне летать!»

На Рахша сел Рустам и прочь умчался,
На нем доспех от гнева разрывался.

У всех от скорби омрачился дух;
Они — лишь стадо, а Рустам — пастух.

Пришли к Гударзу, молвили: «Разбиты
Устои наши. Встань, Иран спаси ты!

Ступай ты к бесноватому царю —
Пусть он поклонится богатырю.

Напомни кею плен Мазандерана,
Когда в цепях стонал он — шах Ирана.

И как Рустам царя от смерти спас,
И сколько мук он вынес из-за нас.

Потом, когда властитель бестолковый
В Хамаваране вновь попал в оковы,—

Рустам ни перед кем не отступил —
Владык в Хамаваране перебил,

Из плена вновь освободил Кавуса,
На трон Ирана возвратил Кавуса.

Коль смерть за это заслужил Рустам,
Куда ж деваться остается нам?

Иди! Беседуй с шахом терпеливо!
Восстановить должны мы мир счастливый.

Нам без Рустама счастья не видать,
Все бросить нам придется и бежать».

И вот Гударз — Кишвада сын суровый —
Пришел в чертоги гневного хосрова.

Спросил он шаха: «О владыка мой,
В чем виноват Рустам перед тобой?

Ты растоптал сегодня щит Ирана,
Забыл ты ужасы Хамаварана.

Мазандеран ты, видно, позабыл!
Рустама ты смертельно оскорбил.

Впадать во гнев владыке недостойно,
Добро и зло решает шах спокойно.

Ушел Рустам. На нас идут войска,
Ведет их богатырская рука.

И нет у нас надежды никакой,
И некого послать с туранцем в бой.

А Гуждахам богатырей своих
Всех знает, все он ведает о них.

Он пишет нам: «Безумье — бой с Сухрабом!
Пред ним и слон могучий будет слабым!»

Один Рустам его сразить бы мог,
Но он теперь, увы, от нас далек.

Лишь неразумный и, как вол, упрямый
Решиться мог бы оскорбить Рустама.

Ум просветленный должен шах иметь,
А не безумьем ярости гореть».

Кавус Гударза выслушал спокойно.
Он понял — мудр и верен муж достойный.

«Все правильно сказал ты, — молвил шах, —
Раскаиваюсь я в своих словах.

Скорее вслед Рустаму поспешите,
В его душе обиду потушите!

Вернется пусть! Скажите: «Как и встарь,
К тебе, Рустам, любовь питает царь!»

Гударз и с ним вожди от шаха прямо
Коней погнали по следам Рустама.

И там, где гасла темная заря,
Увидели в степи богатыря.

Они его настигли, окружили,
Сошли с коней и так его молили:

«Будь светел духом, разумом высок,
И мир весь у твоих да будет ног!

Пусть будет вся земля твоим престолом
И да не будет твой венец тяжелым!

Ты знаешь — у царя рассудка нет,
Он в гневе натворил немало бед.

Вспылит, потом к раскаянью склонится...
С тобой, Рустам, он жаждет помириться.

Твоя обида на царя сильна,
Но, Тахамтан, не наша в том вина!

За что Иран бросаешь ты на муки?
И шах сейчас сидит, кусает руки...»

И дал им Тахамтан такой ответ:
«Теперь мне дела до Кавуса нет!

Седло мне — трон, одежда мне — кольчуга,
Венец мой — шлем, и нет средь вас мне друга.

Мне все равно — что прах, что Кавус-шах!
Как может он меня повергнуть в страх?

Я не прощу обиды: царь, видать,
По малоумию забыл опять,

Как от врагов его освободил я,
Как жизнь ему и славу возвратил я.

Я сыт по горло! Что мне ваш Кавус?
Лишь светлого Йездана я боюсь».

Умолк Рустам, Гударз премудрый снова,
Открыв уста, сказал такое слово:

«Как речь твою мы перескажем там,—
Что бросил, мол, Иран в беде Рустам?

В народе, в войске — всяк бы усомнился,
Не впрямь ли ты туранца устранился?

А нас предупреждает Гуждахам,
Что от врага не ждать пощады нам.

И коль Рустам на бой пойти страшится,
У нас непоправимое свершится!

Тревога в войске и в стране царит,
Всяк о Сухрабе только говорит.

Не отвращайся в этот час от шаха,
Пусть он ничтожен, пусть он ниже праха,

Но ведь природный шах Ирана — он,
А корень наш и столп наш — Кеев трон.

Как возликует враг наш, полный скверны,
Коль будет шах унижен правоверный!»

Так мужа наставлял Гударз-мудрец.
Рустам, подумав, молвил наконец:

«Я много ездил по земле широкой,
Я много знаю, вижу я далеко.

А если боя сердцем усташусь,
Я от души и сердца отрекусь.

Ты знаешь сам: я незнаком со страхом,—
Пусть благодарность неизвестна шахам!»

И Тахамтан обратно прискакал,
И гордо перед шахом он предстал.

Ему навстречу встал с престола шах
И молвил со слезами на глазах:

«Я нравом одарен непостоянным,—
Прости! Так, видно, суждено Йезданом!..

Теперь перед напастями войны
Стеснился дух мой, словно серп луны.

Ты нам, Рустам, один теперь защита,
Опора наша, воин знаменитый!

Вседневно я, пред наступленьем сна,
Рустама славлю чашею вина.

О муж, забыта будет пусть обида!..
Пока мы вместе — выше мы Джамшида!

Мне в мире нужен только ты один —
Помощник, друг мой, мощный исполин!

Я ждал тебя. Ты запоздал дорогой,
А я вспылел... Прости во имя бога!

В раскаянье, увидев твой уход,
Наполнить прахом я хотел свой рот!»

Рустам ему: «Весь мир — твоя обитель.
Мы — под тобою, ты — наш повелитель.

Средь слуг твоих — я твой слуга седой.
Но я достоин быть твоим слугой.

Владыка — ты, я — подчиненный твой.
Приказывай! Велишь — пойду на бой».

Царь молвил: «Как тобою я утешен!
Поход сегодня чересчур поспешен.

Мы лучше сядем нынче пировать!
Даст бог — уж после будем воевать!»

Поставили столы среди айвана,
Подобные весне благоуханной.

Вельмож созвал и приближенных кей,
Рассыпал жемчуг милости своей.

Здоровье Тахамтана гости пили
И о великом прошлом говорили.

И вот жасминоликие пришли,
Под чанг и флейту пляски завели.

Зажглись ночные на небе светила,
А пиру все конца не видно было.

Спать разошлись, когда густела мгла.
В чертогах только стража не спала.

КАВУС СОБИРАЕТ ВОЙСКА

Когда лучами солнце разорвало
Той ночи смоляное покрывало,

Восстал от сна и приказал Кавус,
Чтоб снаряжал слонов походных Тус.

Велел открыть сокровищницы недра
И одарил войска по-царски щедро.

Навьючили верблюдов и слонов
И сели воины на скакунов.

Сто тысяч было в шахском ополченье
Мужей могучих — грозных в нападение.

А вскоре рать еще одна пришла
И тучей пыль над миром подняла.

Померкло небо от летящей пыли,
Копыта землю черную изрыли.

Гром барабанов огласил простор,
Колебля тяжкие подножья гор.

И так в походе войско напылило,
Что лик затмился вечного светила.

Лишь блеск щитов и копий на земле
Мерцал, как пламя, тускло в синей мгле.

И блеск убранств, и шлемов золоченых,
И золото, и пурпур на знаменах

Струились, как червонная река,
Сквозь черные густые облака.

И так был шахских войск поток огромен,
Что стал зенит, как в день затмения, темен.

До крепости из глины и камней
Дошли войска и стали перед ней,

Копытами поля окрест изрыли,
На десять верст шатры вокруг разбили.

Со стен их стража видела вдали.
«Идет Иран», — Сухрабу донесли.

И встал Сухраб, услыша весть такую,
И поднялся на башню крепостную.

И так Хуману он сказал, смеясь:
«Смотри, какая туча поднялась!..

Здесь наконец-то встретимся мы с шахом!»
Взглянул Хуман, вздохнул, исполнен страхом.

Сухраб воскликнул: «Полно, друг, вздыхать!
Сомненья прочь от сердца надо гнать.

Средь этих войск не вижу никого я,
Достойного меня на поле боя.

Я среди них не вижу мужа битв...
И не помогут им слова молитв!

Хоть велико иранских сил стечение —
Прославленного нет среди ополчения.

Я строй их ратный разорву, как цепь, —
Рекой бегущей станет эта степь».

Сухраб душою светлой не смутился,
Он радостный с высоких стен спустился.

Сказал: «Эй, кравчий, принеси вина!
Сегодня пир, а завтра — пусть война».

И в замке, за столом благоуханным,
Он сел с богатырями и Хуманом.

РУСТАМ ПРОНИКАЕТ В КРЕПОСТЬ И УБИВАЕТ ЖАНДАРАЗМА

Встал в поле, золотой парчой горя,
Шатер миродержавного царя.

Повсюду были войск шатры разбиты,
Шатрами были склоны гор покрыты.

Когда склонилось солнце в свой чертог
И полумесяц озарил восток,

В кафтане тигровом Рустам великий
Вошел в шатер иранского владыки.

«Позволь в разведку мне пойти на час,
Взглянуть, кто ополчается на нас.

Проверю — правда ль, бич грозит нам божий?
Каков их вождь и кто его вельможи?»

«Твори как знаешь! — отвечал хосров, —
Лишь был бы невредим ты и здоров.

Ступай, да сохранит тебя предвечный,
О мой разумный друг чистосердечный!»

Надев одежду тюрков, Тахамтан
Пошел, в вечерний погрузясь туман.

Во тьме не узнан стражею ночью,
Проник он в крепость дверью потайною, —

Вот так же к стаду серн крадется лев;
Вошел в чертог, все тайно осмотрев,

И увидал, скрываясь за колонной,
Сухраба он на возвышение трона.

Направо от него сидел Жанда,
Хуман премудрый — слева, как всегда.

Вокруг сидели — славный лев-Барман
И мужи, что прославили Туран.

Огромен был Сухраб, как мощный слон,
Один он занимал просторный трон.

Подобны конским бедрам руки были,
Как кипарис, он — в свежести и силе —

Сиял красой за царственным столом,
Прекрасен ликом, схож с могучим львом.

Сто избранных вокруг него сидело —
Любой из них, как лев, бесстрашно смелый.

И пятьдесят проворных, верных слуг
Служили им и двигались вокруг.

Пирующие славу возгласили
Сухраба мощи, храбрости и силе.

В тени скрываясь, видел их Рустам
И слышал все, что говорили там.

Беседа шумно, весело текла.
Тут вышел Жандаразм из-за стола,

Увидев за колонной Тахамтана;
Он знал в лицо всех витязей Турана,

Но им во тьме Рустам не узнан был.
«Ты кто такой? — Жанда его спросил.—

Поди сюда! Я гляну перед светом...—
И за руку схватил его при этом.

Рустам его по шее кулаком
Ударил — и Жанда упал ничком.

Не охнув, на пол замертво упал он,
Отвоевал навек, отпировал он.

Когда в начале жизненной весны
Сухраб собрался на стезю войны,

Мать льва-Сухраба — Тахмина — призвала
К себе Жанду и так ему сказала:

«Когда Рустам у нас гостил, тогда
Его в лицо ты видел, мой Жанда.

Будь спутником возлюбленного сына,
А я живу надеждою единой:

Когда он, жаждой подвигов дыша,
Войдет в Иран, ты, светлая душа,

Укажешь сыну, в поле пред сраженьем,
Отца, что ждет Сухраба с нетерпеньем».

Сухраб за чашей вспомнил о Жанде
И у вельмож спросил: «А друг мой где?»

Пошли искать. И видят: за колонной
Ничком лежит он, кем-то умерщвленный.

Когда Сухраб об этом услышал —
Ему напиток сладкий горьким стал.

Вскочили гости в страхе и печали,
Пошли и Жандаразма увидали.

В слезах вернулись, говоря: «Беда!
О государь, увы, убит Жанда».

И встал Сухраб, пошел туда, как дым,
Бедой над ними грянувшей томим.

Певцы сбежались, слуги со свечами.
«Вот он,— сказали,— мертвый перед нами».

Сухраб был удивлен и огорчен,
Советников созвал ближайших он.

Сказал: «Извечный враг насторожен,
Готовьтесь к бою, позабудьте сон.

Забрался в стадо волк в полночном мраке,
Увидел: спят и люди и собаки,

Барана в стаде лучшего схватил
И подло, втихомолку, умертвил.

Мы завтра — помоги, владыка мира, —
Утопчем степь для боевого пира!

Я за Жанду иранцам отомщу,
Я шаха на аркане притащу!»

И снова за столом он сел на ложе,
И воротились с ним его вельможи.

Сказал им лев-Сухраб: «О мудрецы,
Наставники, воители, бойцы,

Не стало старшего в беседе нашей...
Почтим же друга поминальной чашей!»

...В свой стан вернулся той порой Рустам
И первого он Гива встретил там.

Гив-богатырь в ту ночь стоял на страже.
Он думал, что идет лазутчик вражий.

Схватил он меч, принять готовясь бой,
И поднял крепкий щит над головой.

Увидев, что отважный обознался,
Рустам в ответ негромко рассмеялся.

По голосу Рустама страж узнал,
Сбежал к нему за укрепленный вал.

Спросил: «Эй, витязь, в битвах неумный,
Куда один ходил ты ночью темной?»

Ответил Гиву Заля славный сын,
Как в стан Турана он ходил один,

Как он проник в твердыню вражьих сил,
Как Жандаразма тайно поразил.

Ответил Гив: «О лев, бесстрашно смелый!
Что без тебя мы все, железнотелый?»

Оттуда к шаху Тахамтан пошел,
Подробный обо всем рассказ повел:

О пире, о Сухрабе-великане,
О дивном росте, о могучем стане.

«Нет, никогда не порождал Иран
Таких, как он! — добавил Тахамтан.—

И никогда такого исполина
Я не видал среди туранцев Чина.

Как будто это в прежней мощи сам
Возник передо мною всадник Сам!..»

Сказал, что там Жандой замечен был он,
Как насмерть кулаком его сразил он.

Был шах доволен, дать велел вина,
В беседе тайной ночь прошла без сна.

СУХРАБ СПРАШИВАЕТ У ХАДЖИРА ИМЕНА И ПРИМЕТЫ ПРЕДВОДИТЕЛЯ ИРАНСКОГО ВОЙСКА

Как только солнце щит свой золотой
Приподняло над горною грядой,

Сухраб — в величье мощи, в блеске власти —
Сел на коня-любимца темной масти.

Индийским препоясанный мечом,
Блистая царским шлемом над челом,

С арканом на луке седла крутого,
Он выехал — нахмуренный сурово —

На некий холм, чтобы издалека
Все осмотреть иранские войска.

Он привести велел к себе Хаджира,
Сказал ему: «Среди явлений мира

Стреле не подобает кривизна.
Кривая,— в цель не попадет она.

Во всем всегда правдивым будь со мною,
И милостивым буду я с тобою.

Что б ни спросил я — правду говори,
Не изворачивайся, не хитри.

За ложь в расправе короток я буду,
За правду будешь чтим у нас повсюду.

За правду — я клянусь светилом дня —
Добра увидишь много от меня.

Счастливейшим ты будешь из счастливых,
Богатство дам, почет, рабынь красивых.

А если ты от истины уйдешь,
Темницу, муки, цепи обретешь».

Хаджир ему сказал: «На все правдиво
Отвечу, что ни спросит царь счастливый,

Все расскажу я, что известно мне;
Душою чужд я лжи и кривизне.

Я жил и говорил всегда правдиво,
Поверь, что нет во мне и мысли лживой.

Душа достойных правдою сильна,
Мне ненавистны ложь и кривизна».

Сказал Сухраб: «Средь вражеского стана
Ты мне укажешь витязей Ирана —

Богатырей могучих и вельмож,—
Гударза, Туса, Гива назовешь,

Покажешь мне Бахрама и Рустама.
Что ни спрошу — на все ответишь прямо,

Но знай — за ложь сурова будет месть,
Утратишь все — и голову и честь!

Чей там шатер стоит, парчой блистая,
Полами холм высокий осеняя?

Сто боевых слонов пред ним. Смотри —
Синеет бирюзовый трон внутри.

Над ним сверкает желтое, как пламя,
Серпом луны украшенное знамя.

Чья это ставка, что простерлась вширь
Так царственно? Кто этот богатырь?»

Хаджир ответил: «Это шах великий,
Богатырей, слонов и войск владыка».

Спросил Сухраб: «Там, справа, на крыле,
Толпится много войска в пыльной мгле,

Слоны ревут... Чей это там просторный
Средь гущи войск шатер раскинут черный?

Палаток белых ряд вокруг него,
Слоны и львы стоят вокруг него,

Над ним — слоном украшенное знамя*,
Гонцы блестят расшитыми плащами.

На их конях попоны в серебре,
Кто отдыхает в черном том шатре?»

Хаджир ответил: «Со слоном на стяге,
Тус — предводитель войска, муж отваги.

Он родич падишаха, духом горд,
В бою, как слон, неустрашим и тверд».

Сухраб спросил: «Чей тот шатер багряный
Блестит, как день, парчою златотканой?

Чье голубое знамя над шатром,
Все в жемчуге, украшенное львом?

Чья рать вокруг шатра стоит большая,
Кольчугами и копьями сверкая?

Скажи мне, как вождя того зовут,
Смотри, не покриви душою тут».

Хаджир ответил: «Это — сын Кишвада,
Гударз, отец мой, щит наш и ограда.

С ним восемьдесят витязей — сынов,
Как восемьдесят тигров и слонов.

Пустыня перед ним полна покорства,
Лев с ним не выдержит единоборства».

Сухраб спросил: «А чей там тешит взор
Из шелка изумрудного шатер?

Как трон, у входа золотое ложе,
Пред ним стоят иранские вельможи.

Звезда Кавы над тем шатром горит*.
На троне в блеске царственном сидит

Могучий витязь. Среди мужей Ирана
Ни у кого нет плеч таких и стана.

Сидит — а выше на голову он
Стоящих, чьей толпой он окружен.

Конь перед ним едва ему по плечи,
Где ж конь такому витязю для сечи?

Я думаю, он на стезе войны
Неудержимей яростной волны.

Вокруг его шатра стоят слоны
Индийские, на бой снаряжены.

Я думаю, среди всего Ирана
Нет для него копья и нет аркана.

На знамени его — дракон и льва
Из золота литая голова.

Его я слышу голос, словно гром,
Кто этот воин? Расскажи о нем!»

И вся душа Сухрабова хотела
Услышать: «То Рустам — железнотелый!..»

Но иначе судил коварный мир,—
Трусливо правду утаил Хаджир.

Он думал: «Если все скажу я прямо,
Лев этот юный истребит Рустама.

Я скрою правду. Может быть, тогда
Иран минует страшная беда...»

Сказал Хаджир: «Приехал к нам из Чина
Посол, предстал к престолу властелина».

«А как зовут его?» — Сухраб спросил.
Хаджир в ответ: «Я имя позабыл».

Сухраб, чело нахмутивши сурово:
«Как звать его?» — спросил Хаджира снова.

Хаджир ответил: «О владыка львов,
О покоритель тигров и слонов!

Когда предстал он падишаха взору,
Я в Белый замок уезжал в ту пору.

Посла я видел, имя же его
До слуха не достигло моего».

Сухрабу сердце сжала скорбь тисками,
Хотел он слово слышать о Рустаме.

И хоть отец в сиянии венца
Сидел пред ним — он не узнал отца.

Он жаждал слов: «Рустам перед тобою!»
Иное было суждено судьбою.

Все совершится, как предрешено,
Что от рожденья нам судьбой дано.

Под крыльями судьбины роковыми
И зрячие становятся слепыми.

Опять спросил Сухраб: «А это кто ж
Разбил шатер из кеевых вельмож?

Слоны стоят там, всадники хлопочут,
Карнаи там взывают и грохочут.

С изображеньем волка пышный стяг
Под свежим ветром веет в облаках.

На троне муж сидит, а перед троном
И счета нет почтительно склоненным.

Кто этот славный муж, откуда он,
Кто столь великой властью облечен?»

Хаджир ответил: «Это ставка Гива,
Он — сын Гударза, витязь горделивый.

Он столь высокой властью облечен,
Военачальник кею близкий он,

Любимый зять Рустама Тахамтана,
Ему подобных нет в войсках Ирана».

Спросил Сухраб: «А белый чей шатер
Там, на востоке, у подножья гор?»

Пред ним, в парче румийской, муж могучий.
Вокруг войска теснятся, словно тучи.

Их шлемы — словно белые цветы,
И серебром сверкают их щиты.

Парчой украшен белый свод шатровый,
И трон из кости перед ним слоновой.

И все его убранство — дня светлей.
Кто это — самый пышный из князей?»

Хаджир сказал: «То Фарибурз-воитель,
Сын падишаха, славный предводитель».

Сказал Сухраб: «Венец ему к лицу,
А войско поклоняется венцу.

Высок престол, и царственно обличье.
Подходит сыну шахскому величье.

Скажи теперь, кто в желтом том шатре?
Над ним — горя, как тучи на заре,—

Знамена алые и голубые
Полощутся, блестят значки цветные.

На шелке стяга булава видна,
На древке серебром горит луна.

Кто в том шатре? Ты назови мне имя
Богатыря меж львами боевыми!»

Хаджир сказал: «Зовут его Гураз,
Он храбростью прославлен среди нас.

Он старший сын воинственного Гива,
Неутомимый, быстрый, прозорливый».

Отца приметы лев-Сухраб искал,
Но правду от него Хаджир скрывал.

Что в мире смертного произволение,
Где все предначертало провидение,

Где тайным все венчается концом,
Заранее решенное творцом?

Отравлен миром, в муках ты износишь,
Коль счастье в доме временном построишь.

И у Хаджира вновь Сухраб спросил
О том, чье имя в сердце он носил.

О том шатре зеленом на вершине
Холма, о том могучем исполине.

Сказал Хаджир: «Мне нечего скрывать,
Тебе я клялся правду отвечать.

Посол из Чина он,— я полагаю...
А имени его я, шах, не знаю».

«Ты не правдив со мной,— Сухраб сказал,—
Ведь ты Рустама мне не указал.

С войсками все иранские владыки
Здесь на виду, а где ж Рустам великий?

Как может в тайне оставаться тот,
Кого Иран защитником зовет?

Ведь если шах Ирана скажет слово
И тучей встанет воинство хосрова,

Не даст он знака в бой вступить войскам,
Пока не встанет впереди Рустам!»

И вновь открыл Хаджир уста ответа:
«Рустам могучий здесь, конечно, где-то.

Или в Забуле, у себя в горах,—
Теперь ведь время пировать в садах».

Сказал Сухраб: «А поведет их кто же?
Нет, это на Рустама не похоже.

Подумай сам: все вышли воевать,
А вождь Рустам уехал пировать?

Нет, не поверю я такому чуду,
Я много говорить с тобой не буду.

Рустама ты покажешь мне сейчас,
И будешь возвеличен ты у нас.

Тебя я высшей чести удостою,
Сокровищницы пред тобой раскрою.

А если тайну будешь ты скрывать,
Хитрить и предо мной бесстыдно лгать —

То будет коротка с тобой расправа.
Сам выбирай: бесчестье или слава.

И притча есть: когда мобед открыл
Хосрову тайну — так он говорил:

«Несказанная истина таится,
Как жемчуг в перламутровой темнице.

И, только долгий плен покинув свой,
Она заблещет вечной красотой».

Хаджир ему ответил: «Если сам
Захочет боя исполин Рустам,

Противоборца ищет он такого,
Что ломит палицей хребет слоновый.

Ты видел бы, каков он — Тахамтан, —
Его драконью шею, плечи, стан.

Ты видел бы, как демоны и дивы
Бегут, когда идет Рустам счастливый.

Он палицей скалу рассыплет в прах,
Он на войска один наводит страх.

Кто ни искал с Рустамом поединка,
Растоптан был могучим, как былинка.

А пыль из-под копыт его коня,
Как туча, заслоняет солнце дня.

Ведь он владеет силой ста могучих,
Велик он, как утес, чье темя в тучах.

Когда душой он в битве разъярен,
Бегут пред ним и тигр, и лев, и слон.

Гора не устоит пред ним. Пустыня —
У ног его покорная рабыня.

От Рума по Китайский океан
Прославлен в мире воин Тахамтан.

О юный шах, я искренен с тобой,—
С Рустамом грозным ты не рвись на бой!

Хоть видел ты мужей в степях Турана,
Афрасиаба знаешь и Хумана,

Но всех туранских витязей один
Развеет в пыль забульский исполин».

И отвечал Сухраб вольнолюбивый:
«Я вижу — под звездою несчастливой

Гударз тебя отважный породил,—
Отца и братьев честь ты омрачил.

Где видел ты мужей? Где слышал топот
Коней в бою? Где взял ты ратный опыт?

Ты только о Рустаме говоришь,
Ты, как на бога, на него глядишь.

Когда я встречусь с ним на поле боя,
Вся степь вскипит, как хлябище морское.

Тебе стихия пламени страшна,
Когда спокойно плещется волна.

Но океан зелеными валами
Затопит землю и погасит пламя.

И мрака ночи голова падет,
Лишь солнца меч пылающий блеснет».

Смолк, отвернулся от него угрюмо
И загрустил Сухраб, объятый думой.

Хаджир подумал: «Если я скажу
Всю правду и Рустама покажу

Туранцу юному с могучей выей,
Тогда он соберет войска большие

И в бой погонит своего коня —
Он навсегда затмит нам солнце дня.

Могучий телом, яростный, упрямый —
Боюсь, что уничтожит он Рустама.

Кто выстоит против него из нас?
Рустам на бой с ним выйдет в грозный час.

А ведь учил мобед нас величавый:
«Чем жить в бесславье, лучше пасть со славой».

Пусть буду я рукой его убит,
Но смерть моя Рустама сохранит.

Кто я? Восьмидесятый сын Гударза,
Я младший сын прославленного барса.

Пусть будет круг богатырей счастлив,
Пусть будет жив завоеватель Гив,

Пусть вечно не увянет мощь Бахрама,
Пусть не падет вовек звезда Руххама!*

Пусть я умру — они же устоят.
И за меня туранцам отомстят.

Что жизнь мне, коль Иран постигнут беды?
Я помню, как учили нас мобеды:

«Коль кипарис поднимет к небу стан,
То на кустарник не глядит фазан».

И молвил он Сухрабу: «Ты упрямо
Меня расспрашиваешь про Рустама,—

Отколь такая ненависть к нему?
Зачем тебе он нужен, не пойму?

Зачем ты к неизвестному стремишься
И в гневе мне расправою грозишься?

А если хочешь голову мне снять —
Руби, не надо повода искать.

Не обольщай себя мечтой незрелой.
И если здесь Рустам слоновотелый,

Поверь — он пред тобою устоит,
И сам тебя во прах он превратит».

НАПАДЕНИЕ СУХРАБА НА ШАТЕР КЕЙ-КАВУСА

Как услышал Сухраб ответ такой,
К Хаджиру повернулся он спиной.

Скрыл от него лицо свое сурово
И больше не сказал ему ни слова.

Ударил кисти тыльной стороной,
Сбил с ног его, в шатер вернулся свой.

Один там, ночи пасмурной угрюмой,
Он долго предавался некой думе.

И встал и препоясался на бой,
Снял с головы венец он золотой,

Надел взамен индийский шлем булатный,
Облек могучий стан кольчугой ратной.

Взял меч, копье и палицу свою,
Как тяжкий гром, разящую в бою.

От ярости и гнева весь кипел он,
На скакуна играющего сел он,

И, кажущийся мчащейся горой,
Как опьяненный слон, помчался в бой.

Пыль до луны, как облако, всклубил он —
Ворвался в средоточье вражьих сил он.

Как стадо ланей перед ярым львом,
Войска бежали пред богатырем.

Бежали храбрые пред закаленным
Копьем, в скопление войска устремленным.

Щит поникал, роняла меч рука,
Страх обуял иранские войска.

Средь боя на совет сошлись вельможи,
Сказали: «Если он не Сам, то кто же?

Вежд на него без ужаса поднять
Нельзя!.. Кто ж битву может с ним принять?»

Тут загремел Сухраб, как гром небесный:
«Эй, Кей-Кавус, коварный шах бесчестный!

За все грехи ответишь ты сейчас!
Как чувствуешь себя ты в этот час?

Увижу я теперь не льва, а труса,
Когда метну аркан на Кей-Кавуса!

Как в ход пушу я меч свой и копье,
Я истреблю все воинство твое.

Когда лазутчик твой в наш стан прокрался,
Убил Жанду,— я солнцем дня поклялся,

Что перебую вас всех своим копьем,
А шаха на аркан возьму живьем.

Так что ж хвалился ты богатырями?
Где львы твои с могучими когтями?

Где Фарибурз, где Гив, Гударз и Тус,
Где славный лев — Рустам твой, Кей-Кавус?

Где богатырь Занга — любимец битвы?
Пусть выйдут! Не помогут им молитвы!

Что прячутся они? Пускай в бою
Покажут мощь хваленую свою!»

Умолк Сухраб. Мгновенья миновали.
В ответ иранцы в ужасе молчали.

Тут молча лев-Сухраб на холм взошел.
Где был шатер Кавуса и престол.

Ударил. Кольев семьдесят опорных
Свалил под грудой ковров узорных!

Карная рев над войском загремел,
Но шах Кавус собою овладел.

И возгласил: «Эй вы, столпы Ирана,
Скачите в стан Рустама Тахамтана!

Скажите: несказанна мощь его,
И выйти некому против него!

Не выстоит никто против удара
Туранца, кроме сына Зали-Зара»*.

Помчался в стан Рустама старый Тус,
Все рассказал, что приказал Кавус.

Рустам в ответ: «Всегда, когда владыка
Меня зовет пред царственное лико,

Я знаю — будет битва. Он всегда
Зовет меня туда, где ждет беда».

Велел Рустам, чтоб Рахша оседлали,
Чтоб войны в готовности стояли.

Взглянул он в поле, видит: полем Гив
Куда-то скачет, густо напылив.

Вот взял Рустам седло из серебра,
Сказал Гургин: «Поторопись, пора!..»

Вот крепко подтянул Рустам подпругу,
А Тус помог надеть ему кольчугу.

Покамест сборы их на битву шли,
Они карнай слышали вдали.

И дрогнула душа у Тахамтана,
Сказал он: «Это битва Ахримана!

Поистине в день Страшного суда
Не над одной душой висит беда!..»

Тут поясом значеным Тахамтан
Свой препоясал тигровый кафтан.

На Рахша сел Рустам и в путь собрался.
В шатре с войсками Завара остался.

Сказал Рустам: «Здесь будешь ты внимать
Нам издали, как любящая мать».

И понесли знамена пред Рустамом,
Свирепым в гневе и в бою упрямым.

Когда Сухраба увидал Рустам,
Он дрогнул духом: «Впрямь — он воин Сам,

Ни у кого нет груди столь широкой,
Могучих плеч и выи столь жестокой...»

Сказал Рустам Сухрабу: «Отойдем,
В открытом поле ратный спор начнем».

Услыша слово честное такое,
Отъехал в степь Сухраб, взыскав боя.

Потер ладони он, оружие взял
И так Рустаму весело сказал:

«Поедем, муж! И пусть толкуют люди
О нашем ратоборстве, как о чуде.

Иранцев и туранцев не возьмем,
Мы в поле выедем с тобой вдвоем».

Любуясь, как Сухраб взирает гордо,
Как на коне своем сидит он твердо,

Рустам сказал: «О юный витязь мой,
Над этой степью, хладной и сухой,

Как нынче тепел ветерок весенний!..
Я много на веку видал сражений.

Я не людей — драконов убивал,
И поражений в битве я не знал.

Чудовищ Нила клал я на лопатки,
Ты поглядишь — каков я буду в схватке.

В ущельях снежных гор, в волнах морей
Разил я дивов — не богатырей.

Мне звезд поток — свидетель неизменный,
Что мужеством потряс я круг вселенной.

И сколько видели боев моих,
Не меньше числят и пиров моих.

К тебе во мне вдруг жалость возгорелась,
Мне убивать тебя бы не хотелось.

Таких, как ты, не порождал Туран,
Тебе подобных не видал Иран.

В тебе мне солнце новое явилось!»
Сухраба сердце тут к нему склонилось.

Сказал Рустаму: «Молви вправду мне
До основанья о твоей родне.

Скажи мне о Дастане и о Саме,
Порадуй сердце добрыми словами!

Мне кажется, что предо мной Рустам,
Заль-Зара сын, чей предок был Нейрам».

Рустам сказал: «Ты видишь не Рустама,
Я не из рода Сама и Нейрама.

Рустам ведь богатырь, Ирана свет,
А у меня венца и трона нет».

И от души Сухраба отлетела
Надежда, будто солнце потемнело.

Он молча в руку взял свое копье,
Хоть вспомнил мать и все слова ее.

ПЕРВЫЙ БОЙ РУСТАМА И СУХРАБА

Так в степь они решили отдалиться
И на коротких копьях стали биться.

Разбились в щепы древки копий их.
Налево повернув коней своих,

Индийские мечи герои взяли
И сшиблись. Искры сыпались из стали.

Казалось, в мире Судный день настал,
Так пламень их мечей во мгле блистал.

Мечи их зазубрились, искрошились.
За палицы тогда они схватились

И сшиблись снова яростней судьбы.
Заржав, их кони встали на дыбы,

Заржали страшно в бешеном испуге,
Разорвались на витязях кольчуги.

Сломались палицы у них в руках,
Рассыпались доспехи на конях.

По телу кровь лилась. Так сшиблись дважды,
Их языки потрескались от жажды.

И стали — юноша и исполин.
Страдал отец, томился мукой сын.

О мир, как дивно круг ты совершаешь —
Ломаешь то, а это исправляешь!

В их душах не затеплилась любовь.
Далек был разум, и молчала кровь.

Онагр в степи детеныша узнает,
И рыба сердца голосу внимает,

Но человек, когда враждой кипит,
И сына от врага не отличит.

Сказал Рустам: «Я и в пучине Нила
Столь гневного не видел крокодила.

Как дивов я громил, весь знает свет,
Моя же слава здесь сошла на нет.

С юнцом каким-то сшибся я. И что же —
Он устоял против меня, о, боже!

Устал я тяжко. В тягость мир мне стал.
Два войска смотрят, — а Рустам устал».

Когда немного отдохнули кони
От сшибок в нападение и в погоне,

Мужи на вызов чести поднялись,
За луки медные они взялись.

Один — юнец, другой — седой и хмурый,
Они надели тигровые шкуры.

Пошли стрелять. От их пернатых стрел
Степной онагр укрыться б не успел.

Летели стрелы гуще листопада.
Скажи — стрелять друг в друга им отрада!

Потом взялись они за пояса,
Рустам как будто за утес взялся.

Когда бы взял он каменную гору,
Он гору б в пыль развеял по простору.

Сухраба же за пояс потянул,
Но и в седле его не пошатнул.

Сухраб сидел в седле, как столп железный,
Рустама мощь была тут бесполезной.

И разошлись они — тот и другой,
Так утомил их долгий, тяжкий бой.

Увяла мощь Рустамовой десницы
Пред мощью богатырской поясницы.

И вновь Сухраб могучий, полн огня,
В коленях крепко сжав бока коня,

В плечо ударил палицей Рустама,
Так, что Рустамово поникло рамо,

Так, что от боли извивался он,
Ударом богатырским потрясен.

«Эй, муж, — сказал Сухраб, — как не смеяться? —
Тебе передо мной не удержаться!

Вынослив, крепок конь могучий твой,
Тебе ж не устоять передо мной.

В моей груди ты жалость вызываешь,
Гляди — ты кровью землю обливаешь.

Ты — богатырь, ты станом — кипарис,
Но стар годами, так не молодись».

В ответ ни слова Тахамтан угрюмый.
Он промолчал, объятый тяжелой думой,

Им было горько. Мощь была равна.
И стала им — увы — земля тесна.

И оба друг от друга отвратились,
Умолкли, в размышление погрузились.

Внезапно Тахамтан рассвирепел,
Как буря на туранцев налетел.

Сухраб же стал топтать войска Ирана,
Как разъяренный слон, от крови пьяный.

Рустам средь боя Рахша повернул,
Раскаявшись, он тяжело вздохнул.

Подумал, что в кровавом этом море
И шаха, может быть, постигло горе.

И, повернув коня, в пыли, в дыму
Рустам помчался к стану своему.

Созрело в сердце у него решение,
Вернуться в стан и прекратить сражение.

Сухраба грозного — в крови всего —
Он увидал средь стана своего.

И конь его — от гривы до копыт —
Иранской красной кровью был облит.

Как лев, стоял он, кровью обагренный,
Сухраб могучий, битвой опьяненный.

И в ярости Рустам пред ним предстал
И, словно тигр взбешенный, зарычал:

«Эй, ты, туранский выродок, убийца!
За что ты губишь слабых, кровопийца?»

Ты здесь как в стаде волк, а не в бою,
На мне бы ты истратил мощь свою!»

Сухраб ответил: «Гневом был объят я.
В кровопролитии не виноват я.

Ты первый на туранцев налетел,
Ты сам со мною боя не хотел».

Рустам ему: «Уж поздно. Вечер стынет,
Когда завтра солнце меч свой вынет,

С тобой мы завтра снова выйдем в бой,
И пусть над чьей-то плачут головой.

Ночь мира нынче ляжет между нами,
День омрачен сегодня был мечами.

Но от души, хоть оба мы в крови,
Тебе желаю — вечно ты живи!»

И разошлись они. И степь затмилась.
Сияньем звездным небо осветилось.

Сказал бы ты — из глины вечных сил
Творец миров Сухраба замесил.

В степи безводной, сколько б ни скакал он,
От верховой езды не уставал он.

Не ровня коням лучшим боевым,
Как из железа — был и конь под ним.

Неутомим в бою, могуч, беспечен,
Чист был душой. Сухраб, добросердечен.

Во тьме ночной к войскам вернулся он,
Томимый жаждой, боем утомлен.

Сказал Хуману: «Вечное светило
Сегодня суматохой мир затмило.

Я думаю, достигла вас молва
О витязе, чья длань как лапа льва.

С ним нынче стан иранский не бесславен.
Я удивлен был — мне он силой равен.

Побил он много войска моего,
Ему не знал я равных никого.

Он стар, но он как тигр в пылу ловитвы...
Он не насытился смятеньем битвы.

Коль рассказать о нем я захочу,
Я до утра, друзья, не замолчу.

Как юноша, он в бой стремится бодро.
А руки старца — как верблюжьих бедра.

Я не встречал сильнее никого
Богатыря безвестного того!»

Сухрабу отвечал мудрец Хуман:
«Здесь без тебя я охранял твой стан.

В степи я с войском под горой стоял,
Но битвы я, мой шах, не начинал.

Вдруг некий муж с мечом предстал пред нами,
Верхом, блистая грозными очами.

Напал на нас он, гневом разъярен,
Топтал и гнал он нас, как пьяный слон.

Но вдруг лицом от боя отвратился
И вскачь к себе в обратный путь пустился».

Сухраб спросил: «Кто ж дал ему отпор?
Кто встал из вас ему наперекор?

Я сам убил их много. Степь полита
Их кровью — как тюльпанами покрыта.

И знай, что если б — гневом разъярен —
Мне повстречался див или дракон,

Поверь — ни тот, ни этот не ушел бы,
Счет с ними палицей моей я свел бы.

Но что же вы — на бой мой издали
Смотрели и на помощь не пришли?

Какой нам прок в сраженье получился,
Когда один я на майдане бился?

Явись мне в поле тигр иль носорог,
Он от моей стрелы уйти б не мог.

Богатыри в смятенье предо мною
Рассеялись, как птицы пред грозою.

Назавтра день проглянет из-за туч
И победит могучий, кто могуч.

Клянусь я тем, кто, вечный мир творя,
Дал жизнь мне,— я свалю богатыря.

Вели, чтоб нам вина и пищи дали,
Пора изгнать из сердца все печали».

Рустам войска дозором обходил
И так с печальным Гивом говорил.

«Да, друг, устойчив был Сухраб сегодня,
Над ним, как видно, благодать господня».

Ответил Гив: «Благодаря судьбе
Не видели мы равного тебе.

Но тот юнец рассеял войско Туса,
Прошел, как смерч, до ставки Кей-Кавуса.

Разя копьем, он к нам ворвался в стан,
Шатер царя свалил, как ураган.

Блеснул в его руке клинок индийский,
Сбил с головы он Туса шлем румийский.

Не выдержав с ним боя, Тус бежал,
Никто из нас пред ним не устоял.

Лишь ты один, Рустам железотелый,
Ты устоял пред ним, бесстрашно смелый.

А я, как в древние велось века,
Ждал и не двинул на него войска.

Таков у нас закон единоборства,
Но мощь его, и ярость, и упорство

Всех устрашили. Он напал один
На наше войско — этот исполин.

Никто на бой с ним выйти не решился,
На нас он, словно буря, устремился.

Ворвался в средоточье наших сил —
Ядро и правое крыло разбил.

Мы содрогнулись перед ним от страха
Нас ужаснула участь падишаха».

Рустам молчал. Печалью омрачен,
Стопы направил к Кей-Кавусу он.

Царь Тахамтана ждал, навстречу встал он.
«Садись со мною рядом, друг!» — сказал он.

И сел Рустам и начал свой рассказ:
«Нет, шах мой, ни в Туране, ни у нас

Ни дива я не знал, ни крокодила —
Столь храброго, с такою дивной силой.

Он молод, но искусно бой ведет,
Он так высок, что звездный небосвод,

Казалось мне, плечами подпирает,
Так грузен он, что землю прогибает.

Как конское бедро, его рука,
Но более могуча и крепка.

Оружье от меча и до аркана
Все в ход пустил я против льва Турана.

Я вспомнил, скольких сбрасывал с седла, —
Ведь мощь моя былая не ушла.

И за кушак его со всею силой
Схватил, рванул я. Да не тут-то было.

Его с седла всей силой рук моих
Хотел я сбросить наземь, как других.

И понял я — ничто пред ним та сила,
Что мощь Мазандерана сокрушила.

Он был подобен каменной скале,
Не пошатнулся он в своем седле.

Стемнело уж, когда мы с ним расстались,
В высоком небе звезды загорались.

И мы уговорились меж собой,
Что завтра вступим в рукопашный бой.

А завтра, шах мой, только день наступит —
Бесчестье, может быть, Рустам искупит.

Кто победит? Не ведаю конца.
Судьба в руке предвечного творца...»

Сказал Кавус: «О муж, молю Йездана,
Чтоб истребил ты тигра из Турана.

Я наземь ныне упаду лицом,
Молиться буду я перед творцом.

Чтобы Йездан развеял наши беды,
Чтоб силу дал тебе он для победы.

Чтоб вновь звезда Рустамова зажглась,
Чтоб слава по вселенной пронеслась!»

Рустам ответил: «Внемлет пусть предвечный
Твоей молитве, шах чистосердечный!»

И встал он. И, печальный брося взор,
Ушел Рустам, вернулся в свой шатер.

Вернулся, полон горестных раздумий,
С душою, ночи пасмурной угрюмой.

Рустама встретив, Завара спросил:
«Добром ли день нас этот осенил?»

Еды спросил сперва Рустам. Насытись,
От горьких дум освободился витязь.

И все он брату рассказал потом,
Что было с ним на поле боевом.

Хоть было два фарсанга меж войсками,
В ту ночь не спали люди под шатрами.

И так Рустам промолвил Заваре:
«Опять я в битву выйду на заре.

А ты меня спокойно ожидай,
Будь мужествен, в смятенье не впадай.

Веди мои войска, неси знамена,
Ставь золотое основанье трона.

Перед шатрами в поле жди меня,
Я отдохну до наступленья дня.

Чтоб в силе быть и духом укрепиться,
Не нужно мне на битву торопиться.

А если завтра свет затмится мой,
Не подымайте воплей надо мной.

Пусть я паду, ты — и во имя мщенья —
С туранцами не начинай сраженья.

В поход обратный собирай свой стан,
К Дастану поспеши в Забулистан.

Пусть ведает отец наш престарелый,
Что сила Тахамтана отлетела

И, зная, угодно было небесам,
Чтоб юношей был побежден Рустам.

Утешь, о брат мой, сердце Рудабы!*
Что слезы перед волею судьбы?

Скажи, чтоб воле неба покорилась,
Чтоб неутешной скорбью не томилась.

Я львов, и барсов, и слонов разил,
Меня страшились див и крокодил,

Тяжелой палицей крушил я стены,
Служило счастье мне без перемены.

Но тем, кто часто смерть привык встречать,
Придется в двери смерти постучать.

Хоть сотни лет мне счастье верно служит,
Но мир свое коварство обнаружит».

Так долго вел беседу с братом он,
И лег потом, и погрузился в сон.

ВТОРОЙ БОЙ РУСТАМА С СУХРАБОМ

Лишь, грифу ночи разорвавши горло,
Над миром солнце крылья распростерло,

Встал с ложа сна могучий Тахамтан,
Надел кольчугу, тигровый кафтан

И, шишаком железным осененный,
Сел на коня, как на спину дракона.

Сухраб сидел беспечно за столом
С красавицами, с музыкой, с вином.

Сказал Хуману: «Этот лев Ирана,
Что выйдет в бой со мною утром рано,

Он равен ростом мне. Как я — силен.
В бою, как я, не знает страха он.

Так станом, шеей схожи меж собой мы,
Как будто в форме вылиты одной мы.

Внушил приязнь он сердцу моему.
И я вражды не чувствую к нему.

Все признаки, что мать мне называла,
Я вижу в нем. Душа моя вспылала:

Поистине — он, как Рустам, на вид.
Уж не отец ли мой мне предстоит?

Томлюсь я тяжкой мукой и не знаю,
Не на отца ли руку подымаю?

Как буду жить я? Как перед творцом,
Предстану с черным от греха лицом?

Нет, и под страхом смертного конца,
Не подыму я руку на отца!

Иль светлый дух навек во мне затмится,
И мир весь от Сухраба отвертится.

Злодеем буду в мире наречен,
На вечные мученья обречен.

Душа в бою становится суровой,
Но зло, а не добро в пролитье крови».

И отвечал Хуман: «За жизнь свою
Рустама прежде я встречал в бою.

Ты слышал ли, как пахлаван Ирана
Твердыню сокрушил Мазандерана?

А этот старый муж? Хоть с Рахшем схож
Могучий конь его — не Рахш он все ж».

Весь мир уснул. Свалила всех усталость,
Лишь стража на стенах перекликалась.

Сухраб-завоеватель той порой
Встал с трона, удалился на покой.

Когда же солнце встало над землей,
Он поднялся от сна на новый бой.

Кольчугою стальной облек он плечи,
Надел доспехи, взял оружие сечи.

Витал он мыслью в поле боевом,
И сердце радостью кипело в нем.

И прискакал он в степь, щитом сверкая,
Своей тяжелой палицей играя.

Рустам был там. Как ночь, он мрачен был,
Сухраб его с улыбкою спросил:

«Как отдыхал ты ночью, лев могучий?
Что ты угрюм, как сумрачная туча?

Скажи мне правду, витязь, каково
Теперь желанье сердца твоего?

Отбросим прочь мечи свои и стрелы
И спешимся, мой ратоборец смелый.

Здесь за беседой посидим вдвоем,
С лица и сердца смоем хмурь вином.

Потом пойдем к иранскому владыке
И перед ним дадим обет великий.

Кто б на тебя не вышел — мы на бой
Пойдем и вместе победим с тобой.

К тебе мое невольно сердце склонно,
Кто ты такой? — я думаю смущенно,—

Из рода славных ты богатырей?
О родословной расскажи своей.

Кто ты? — вопрос я многим задавал,
Но здесь тебя никто мне не назвал.

Но если вышел ты со мной на бой,
Ты имя мне теперь свое открой.

Не ты ли сын богатыря Дастана,
Рустам великий из Забулистана?»

«О славы ищущий! — сказал Рустам.—
Такие речи не пристали нам.

Вчера мы разошлись и дали слово,
Что рано утром бой начнем мы снова.

Зачем напрасно время нам тянуть?
Не тщишь меня ты лестью обмануть.

Ты молод — я зато седоголовый.
Я опоясался на бой суровый.

Так выходи. И будет пусть конец
Такой, какой предначертал творец.

На поле боя — всякий это знает —
Мужам друг другу льстить не подобает.

Я многих на веку сразил врагов
И не люблю коварных льстивых слов».

Сухраб ответил: «Тщетны сожаленья,—
Отверг мои ты добрые стремленья.

А я хотел, о старый человек,
Пред тем как мир покинешь ты навек,

Хотел я, чтобы разум возвратился
К тебе, чтоб ты от злобы отрезвился

И чтобы мы могли тебя почтить
Пред тем, как в землю черную зарыть.

Ну что ж — я силой рук и волей бога
Твой разум нынче просветлю немного».

И вот бойцы, уже не тратя слов,
Сошли с железотелых скакунов.

И пешие — на бой в открытом поле —
Сошлись они, полны душевной боли.

Как львы, схватились яростно. И вновь
По их телам струились пот и кровь.

И вот Сухраб, как слон от крови пьяный,
Всей мощью рук взялся за Тахамтана.

Он за кушак схватил его, рванул —
Сказал бы ты, что гору он свернул.

Как лютей зверь, он на Рустама прынул.
И вскинул вверх его, и наземь грянул.

Свалил он льва среди богатырей
И сел на грудь всей тяжестью своей,

К земле Рустама грузно придавивши,
Как лев самца-онагра закогтивший.

Поверг спиной Рустама в прах земли,
И было все лицо его в пыли...

И вырвал из ножен кинжал блестящий,
И уж занес его рукой разящей.

Рустам сказал: «Послушай! Тайна есть —
Ее открыть велят мне долг и честь.

О покоритель львов, о тигр Турана,
Искусен ты в метании аркана.

Искусством ты и силой наделен,
Но древний есть у нас один закон.

И от него нельзя нам отступиться,
Иначе светоч мира омрачится.

Вот слушай: «Кто благодаря судьбе
Врага повалит на землю в борьбе,

То есть такой закон для мужа чести —
Не должен, и во имя правой мести,

Его булатом смертным он разить,
Хоть и сумел на землю повалить.

И только за исход второго боя
Венчается он славою героя.

И если дважды одолеет он,
То может убивать. Таков закон».

Чтобы спастись от смерти неминучей,
Прибег к коварству Тахамтан могучий.

Хотел он из драконьих лап уйти
И голову от гибели спасти.

Сухраб свирепый, с богатырским телом,
Был еще отрок с разумом незрелым.

Доверчиво он внял его словам —
Он думал, что не может лгать Рустам.

Хоть о таком обычае старинном
Он не слыхал, поверил он седидам.

И, по величью сердца своего,
Рустама поднял, отпустил его.

И поскакал Сухраб далеко в поле,
Где лани по холмам паслись на воле.

Ловил онагров, ланей он стрелял,
А о Рустаме и не вспоминал.

Темнело... И Хуман предстал пред ним,
Встревожен, как гонимый ветром дым.

И рассказал Сухраб, как победил он
И как живым Рустама отпустил он.

Сказал Хуман: «О витязь, вижу я,
Тебе постыла рано жизнь твоя!

О, горе мощной мышце и плечу,
Руке разящей, грозному мечу!

Ты тигра страшного поймал в тенёта
И отпустил — напрасная охота!

Увы, беда нам завтра предстоит.
Возмездье за поступок твой грозит.

Страшней над нами не было удара,
Чем завтра от судьбы нам будет кара.

А есть завет: «Убей врага, хотя б
Он пред тобой ничтожен был и слаб!»

Умолк Хуман, и к стану поскакал он,
Надежду на Сухраба потерял он.

Ушел, непоправимым потрясен,
В тяжелое раздумье погружен.

«Эй, друг! — сказал Сухраб, догнав Хумана. —
Утешься, ты увидишь завтра рано,

Лишь выйдет он на бой со мною тут,
Как я надену на него хомут!»

Рустам от вражьих рук освободился,
И, как гора, он духом укрепился.

Как будто вновь он жизнь вернул свою.
Поехал он к потайному ручью.

От жажды у него гортань горела.
Он напился. Омыл лицо и тело

И на колени пал перед творцом,
Перед Йезданом — сущего отцом.

И долго о победе он просил,
Упав перед владыкой вечных сил.

Душой своею небо заклинал он,
Что солнце принесет ему — не знал он.

Не знал он — даст победу небосвод
Или венец с главы его сорвет.

Я слышал — смолоду такою силой
Судьба Рустама щедро одарила,

Что если он на камень наступал,
То ногу в камень тяжело погружал.

И эта мощь, как тягостное бремя,
Томила дух его в былое время.

И он взмолился перед троном сил,
И кротко, со слезами он просил

Всех смертных одаряющего бога,
Чтоб сил убавил он ему немного.

Пречистый внял Йездан его мольбам,
И облегченье ощутил Рустам.

Теперь же, юным уstraшен Сухрабом,
Представ пред ним в единоборстве слабым,

Взмолился он Йездану: «О творец!
Грозит мне поражение и конец.

Верни всю мощь мне силы необъятной,
Что в юности ты дал мне невозвратной!»

И совершилось то, что он просил,
В нем море поднялось великих сил.

От места потаенного молитвы
Вернулся вновь Рустам на поле битвы.

Полно тревоги сердце у него,
Поблекло от забот лицо его.

Сухраб как слон примчался опьяненный,
Арканом и копьем вооруженный.

Онагра догоняя, мчался он,
Как дикий лев, охотой разъярен.

Был конь Сухраба, словно мир, огромен,
Вихрь пыли вился вслед, как туча, темен.

И снова с изумленьем перед ним
Встал Тахамтан, раздумием томим.

Сухраб, приблизясь, увидал Рустама,
Взыграл весельем дух его упрямый.

С улыбкой на врага он своего
Взглянул, увидел мощь и блеск его.

Сказал: «Ты здесь опять, старик бесстрашный,
Из львиных лап ушедший в рукопашной?»

Ты счастье вновь решил попытать со мной,
Эй, муж, хоть ты идешь кривой стезей!

Что? Жизнь тебе, как видно, надоела?
Ты снова тигру в когти рвешься смело?

Вчера уважил старость я твою,
И жизнь твою я пощадил в бою».

И отвечал Рустам слоновотелый:
«Эй, лев Турана, муж бесстрашно смелый,

Что толку в битве от пустых речей?
Ты возгордился юностью своей.

Но, лев могучий, только небо знает,
Кого победа нынче увенчает.

А если счастье лик свой отвратит,
Как мягкий воск становится гранит».

СМЕРТЬ СУХРАБА ОТ РУКИ РУСТАМА

Сойти с коней им время наступило,
Беда над головами их парила.

И в рукопашной вновь они сошлись,
За пояса всей силою взялись.

Сказал бы ты, что волей небосвода
Сухраб был связан — мощный воевода.

Рустам, стыдом за прошлое горя,
За плечи ухватил богатыря,

Согнул хребет ему со страшной силой.
Судьба звезду Сухрабову затмила.

Рустам его на землю повалил,
Но знал, что удержать не хватит сил.

Мгновенно он кинжал свой обнажил
И сыну в левый бок его вонзил.

И, тяжело тот вздохнув, перевернулся,
От зла и от добра он отвернулся.

Сказал: «Я виноват в своей судьбе,
Ключ времени я отдал сам тебе.

А ты — старик согбенный... И не диво,
Что ты убил меня так торопливо.

Еще играют сверстники мои,
А я — на ложе смерти здесь — в крови.

Мать от отца дала мне талисман,
Что ей Рустам оставил, Тахамтан.

Искал я долго своего отца —
Умру, не увидав его лица.

Отца мне видеть не дано судьбою.
Любовь к нему я унесу с собою.

О, жаль, что жизнь так рано прожита,
Что не исполнилась моя мечта!

А ты, хоть скройся рыбой в глубь морскую,
Иль темной тенью спрячься в тьму ночную,

Иль поднимись на небо, как звезда,
Знай, на земле ты проклят навсегда.

Нигде тебе от мести не укрыться,
Весть об убийстве по земле промчится.

Ведь кто-нибудь, узнав, что я убит,
Поедет и Рустаму сообщит,

Что страшное случилось злодеянье.
И ты за все получишь воздаянье!»

Когда Рустам услышал речь его,
Сознание омрачилось у него.

Весь мир померк. Утративши надежду,
Он бился оземь, рвал свою одежду.

Потом упал — без памяти, без сил.
Очнулся и, вопя, в слезах спросил:

«Скажи, какой ты носишь знак Рустама?
О, пусть покроет вечный мрак Рустама!

Пусть истребится он! Я — тот Рустам,
Пусть плачет надо мной Дастан-Сам».

Кипела кровь его, ревел, рыдал он,
И волосы свои седые рвал он.

Когда таким Рустама увидал
Сухраб — на миг сознание потерял.

Сказал потом: «Когда ты впрямь отец мой,
Что ж злобно так ускорил ты конец мой?

«Кто ты?» — я речь с тобою заводил,
Но я любви в тебе не пробудил.

Теперь иди кольчугу расстегни мне,
Отец, на тело светлое взгляни мне.

Здесь, у плеча, — печать и талисман,
Что матерью моею был мне дан.

Когда войной пошел я на Иран
И загремел походный барабан,

Мать вслед за мной к воротам поспешила
И этот талисман твой мне вручила.

«Носи, сказала, в тайне! Лишь потом
Открой его, как встретишься с отцом».

Рустам свой знак на сыне увидал
И на себе кольчугу разодрал.

Сказал: «О сын, моей рукой убитый,
О храбрый лев мой, всюду знаменитый!»

Увы! Рустам, стеная, говорил,
Рвал волосы и кровь — не слезы лил.

Сказал Сухраб: «Крепись! Пускай ужасна
Моя судьба, что слезы лить напрасно?

Зачем ты убиваешь сам себя,
Что в этом для меня и для тебя?

Перевернулась бытия страница,
И, верно, было так должно случиться!..»

Меж тем стемнело. Пал в степи туман.
Рустам же с поля не вернулся в стан.

И двадцать знатных воинов в тревоге
Поехали по ратной той дороге,

Чтобы исход сражения узнать,
Пир начинать им нынче иль стенать.

Вот кони богатырские пред ними
В пыли, но оба — с седлами пустыми.

Рахш потрясает гривой во мгле,
Но только нет богатыря в седле...

Богатыри, подумав, что убили
Рустама, в горе головы склонили.

И поскакали шаху сообщить,
Что нет в живых Рустама, может быть.

Весть страшная, гонцы и конский топот...
Средь войска поднялись и шум и ропот.

Кавус велел скорей тревогу бить,
Велел в карнай медные трубить.

Сбежались люди пред лицо Кавуса,
И шах призвал испытанного Туса.

Сказал: «На поле битвы поспешай,
Как обстоят дела у нас — узнай.

И если нет Рустама Тахамтана,
Оплачем судьбы нашего Ирана.

Ведь если щит мой — лев-Рустам — убит,
Уйду я на чужбину, как Джамшид *.

Мне легче нищенствовать на чужбине,
Чем ваши трупы увидеть в пустыне.

Все силы надо воедино свести,
Врасплох сейчас врагу удар нанести

И в час один расправиться с врагами —
Иль бросить все, уйти!.. Решайте сами!»

Когда над станом шум воинский встал,
Сухраб Рустаму скорбному сказал:

«Я умираю. Все переменялось.
Ты окажи моим туранцам милость.

О всем, что случилось, шаху возгласи,
Чтоб войск на нас не слал он — ты проси.

Я сам хотел завоевать Иран,
Из-за меня поднялся весь Туран.

Прошу — ты с ними обратись достойно,
И пусть они домой уйдут спокойно.

Туранских поднял я богатырей,
Пред ними клялся я душой своей —

Я обещал им, что себя прославлю,
Кавуса же на троне не оставляю.

Но как я мог предвидеть, что в бою
Ты, мой отец, решишь судьбу мою?

Теперь, отец, внимли мое веленье:
Хаджира здесь держу я в заточенье.

Я тосковал душою о тебе,
Расспрашивал его я о тебе,

Но правды не слышал от Хаджира.
Его сотри ты со скрижали мира.

Он — лживый — нас с тобою разлучил,
Он жизнь мне и надежду омрачил.

Отцовским огражденный талисманом,
Я мчался, верил — встречусь с Тахамтаном.

Что ж, небосвод решил судьбу мою,
Что буду я отцом убит в бою.

Так, видно, суждено мне на роду —
Как молния приду, как вихрь уйду».

От скорбихватило дух в Рустаме,
Пылало сердце, тмился взор слезами.

Как пыль, взвился, вскочил он на коня.
Помчался, полон горя и огня.

Предстал он войску своему, рыдая,
Раскаянием горьким дух терзая.

Иранцы, увидав его живым,
Всем войском ниц склонились перед ним.

В слезах они творца благодарили,
Что жив Рустам вернулся, в прежней силе,

Но видят люди: разодрав кафтан,
Прах на голову сыплет Тахамтан,

Мужи спросили: «Что с тобой случилось?
О чем скорбишь? Скажи нам, сделай милость!»

И он, рыдая, войску возвестил,
Как дорогого сына он убил.

И в прах все пали и взрыдали разом,
Вновь у Рустама омрачился разум.

Богатырям Ирана молвил он:
«Вот — тела я и сердца я лишен.

Довольно войн! Не то нам месть господня!
Всем хватит зла, что я свершил сегодня».

В разодранной одежде из шатра,
Рыдая, вышел к брату Завара.

Рустам, увидя плачущего брата,
Поведал все ему, тоской объятый:

«Я страшное злодейство совершил!
Беду такую снести не хватит сил...

Я поразил единственного сына,
Убил я молодого исполина,

Дитя свое убил на склоне лет,
Мне утешенья в этом мире нет!»

Послал гонца к Хуману: «Витязь чести,
Не вынимай меча из ножен мести.

Теперь ты сам, как вождь, войска веде,
Дабы не вспыхнул бой, ты сам гляди.

Причины нет теперь для битвы нам,
И места нет теперь иным словам».

И скорбный Тахамтан сказал: «О брат мой,
Ты проводи туранцев в путь обратный.

До берега Джейхуна проводи*,
Чтоб целы все ушли, ты сам гляди».

Дав клятву все исполнить Тахамтану,
Как вихрь, помчался Завара к Хуману.

Поникнув головой, Хуман сказал:
«Увы! Сухраб напрасной жертвой пал!

Хаджир виновен. Меркнет светоч мира
По злобе вероломного Хаджира.

Сухраб не раз Хаджира вопрошал,
Рустама же Хаджир не указал.

Во лжи он потонул, во зле, в позоре,
И нас такое поразило горе...»

Тут Завара к Рустаму поспешил,
Ему слова Хумана сообщил.

Сказал, что из-за низкой лжи Хаджира
Погиб Сухраб, померк светильник мира.

Потрясся духом скорбный Тахамтан,
Кровавый встал в глазах его туман.

Он в крепость прискакал, к Хаджиру прынул,
Взял за ворот его и оземь грянул.

И, выхватив из ножен острый меч,
Он голову хотел ему отсечь.

Сбежались все, Рустама умолили,
От гибели Хаджира защитили.

И возвратился вновь туда Рустам,
Где умирал Сухраб его. И там

Все собрались войска. Там был Руххам,
Там были Тус, Гударз и Рустахам.

Пришли почтить Сухраба дорогого,
Все сняли узы языка и слова:

«Йездан лишь может горе облегчить,
Йездан лишь может рану исцелить!»

И возопил Рустам. Взял в руки меч он,
И голову свою хотел отсечь он.

И бросились мужи к нему с мольбой,
И лили слезы перед ним рекой.

Сказал Гударз: «Всем нам гибель, сирым,
Коль ты решил расстаться с этим миром!

Себя мечом своим ты истребишь,
Но сыну жизни ты не возвратишь.

А коль Сухраба должен век продлиться,
Зачем звезда Рустамова затмится?

Никто не вечен. Хоть живи сто лет,
Всяк осужден покинуть этот свет.

И будь то воин или шах Ирана,
Мы — дичь неисследимого аркана.

Наступит время, всех нас уведут
На некий Страшный, на безвестный суд.

Длинна иль коротка дорога наша —
Для всех равно, — дана нам смерти чаша.

Как поразмыслить, то сейчас навзрыд
Оплакать всех живущих надлежит!»

РУСТАМ ПРОСИТ У КАВУСА
ЦЕЛИТЕЛЬНЫЙ БАЛЬЗАМ
ДЛЯ СУХРАБА,
НО КАВУС ОТКАЗЫВАЕТ

Тогда сказал Гударзу Тахамтан:
«Эй, светлый духом славный пахлаван!

Скачи скорей к Кавусу с просьбой слезной,
Скажи, что я бедой постигнут грозной,

Нанес я рану сыну своему
И что я сам за ним сойду во тьму.

И если шах добра не забывает,
Пусть он в беде моей посострадает.

У шаха — это всем известно нам —
Хранится чудодейственный бальзам.

Врачует раны он своею силой,
Дарует жизнь стоящим над могилой.

Так пусть же царь бальзама мне нальет
В кувшин с вином — и поскорей пришлет.

И станет сын мой, к жизни возвращенный,
Подобно мне — слугою вечным трона!»

Гударз коня, как ветер, устремил,
Кавусу то послание вручил.

Сказал Кавус: «Я равного не знаю
Рустаму. Лишь ему я доверяю.

Я не хочу, чтоб видел горе он,
Он мной любим и больше всех почтен.

Но не хочу казниться в укоризне:
Коль сын Рустама возвратится к жизни,

Рустама мощь удвоится — и он
Меня погубит — рухнет Кеев трон.

Рустам сказал мне: «Кто такой твой Тус?
Что для меня и сам ты, шах Кавус?»

Нам тесен мир с двумя богатырями,
С их фарром, палицами и плечами!

Ведь тот Сухраб напал на мой шатер,
Ко мне он лапу львиную простер.

Ведь головы меня лишить он клялся,
Мой череп на кол насадить он клялся.

Он клялся целый мир завоевать,
Ему ль у трона моего стоять?

Да стань он у дверей моих слугою,
К нему теперь я не склонюсь душою.

Когда на стан мой он, как тигр, напал,
Обидные слова он мне бросал.

Он осрамил меня перед глазами
Богатырей моих, перед войсками.

И если он останется в живых,
Останется лишь прах в руках моих.

Коль ты его не помнишь речи дикой,
Ты — не мудрец, Гударз, не муж великий!

Грозил он: «Всех убью, сожгу огнем,
А шаха, мол, повешу я живьем!»

Коль выживет он — от него, пожалуй,
Все разбегутся — и большой и малый.

А кто врага лелеет своего,
Безумцем в мире назовут того».

Гударз, услышав, духом омрачился,
Быстрей, чем вихрь, к Рустаму возвратился.

Сказал он: «Нрав владыки, полн вражды,
Приносит ядовитые плоды.

Нет равного ему в жестокосердьи!
Что труд ему? Что верность? Что усердьи?

Ты сам к нему, не медля, поспеши,
Не просветишь ли мрак его души!..»

Рустам велел страдавшего жестоко
Сухраба положить возле потока.

Стать близ него он верным приказал,
Сел на коня и к шаху поскакал.

Едва отъехал он — его догнали
Стенающие слуги и сказали,

Что лев-Сухраб покинул этот мир,
Что гроб ему потребен, а не пир.

ПЛАЧ РУСТАМА НАД СУХРАБОМ

Рустам свои ланиты в кровь терзал,
Бил в грудь себя, седые кудри рвал.

Он, спешась, прахом темя осыпал,
Согнулся, будто вдвое старше стал.

Все знатные — в смятенье и в печали —
Вокруг него вопили и рыдали:

«О юноша, о сын богатыря,
Не знавший мира, светлый, как заря!

Подобных не рождали времена,
Не озаряли солнце и луна!»

Сказал Рустам: «О, грозная судьбина!
На склоне лет своих убил я сына...

Как дома мне предстать с моей бедой
Перед отцом, пред матерью седой?

Пусть мне они отрубят обе руки!
Умру, уйду от нестерпимой муки...

Я витязя великого убил.
Увы, не знал я, что он сын мне был.

Был воин Заль, и был могучий Сам,
Был прадед мой великий муж Нейрам;

Их слава наполняла круг вселенной.
Я сам был воин мира неизменный.

Но все мы — все ничтожны перед ним,
Перед Сухрабом дорогим моим!

Что я отвечу матери его?
Как я пошлю ей весть? Через кого?

Как объясню, что без вины убил я,
Что сам, увы, не ведал, что творил я?

Кто из отцов когда-либо свершил
Подобное? Свой мир я сокрушил!»

И принесли покров золототканый,
Покрыли юношу парчой багряной.

Мужи Рустама на гору пошли,
И сделали табут, и принесли.

Сложили труп на ложе гробовое
И понесли, рыдая, с поля боя.

Шел впереди несчастный Тахамтан.
В смятение был, вопил забульский стан.

Богатыри рыдали пред кострами
С посыпанными прахом головами.

Трон золотой взложили на костер.
И вновь Рустам над степью вопль простер:

«Такого всадника на ратном поле
Ни мир, ни звезды не увидят боле!

Увы, твой свет и мощь твоя ушли!
Увы, твой светлый дух от нас вдали!

Увы, покинул ты предел земли,
А души наши скорбью изошли!»

Он кровь из глаз — не слезы проливал,
И вновь свои одежды разрывал.

И сели все богатыри Ирана
Вокруг рыдающего Тахамтана.

Утешить словом всяк его хотел,
Рустам же мукой страшною горел.

Свод гневный сонмы жребиев вращает,
Глупца от мудреца не отличает.

Всем равно во вселенной смерть грозит,
И шаха и раба она разит.

Шах Кей-Кавус, узнав об этом горе,
Средь ночи сам к Рустаму прибыл вскоре.

Промолвил шах: «Эй, славный исполин,
Все в мире — от Албурзовых вершин

До слабенькой тростинки — сгинет в безднах.
Размолото вращеньем сфер небесных.

Когда я издалека увидал,
Какой нам новый исполин предстал,

Увидел мощный стан его и плечи,
Его копье и меч на поле сечи,

Сказал я — он на тюрков не похож,
Из дома он прославленных вельмож.

Пришел он к нам с огромными войсками,
Увы — твоими он сражен руками!..

О муж, хоть сердцу твоему невмочь,
Чем можешь ты теперь ему помочь?

До коих пор ты убиваться будешь?
Его не оживишь ты, не разбудишь».

Рустам сказал: «Ушел он, мертв лежит,
Но с войском там, в степи, Хуман стоит.

Вельможи Чина, мужи чести с ним,
Ты отрешись от чувства мести к ним».

Ответил шах: «О богатырь, ты знаешь,
Все сделаю я, что ты пожелаешь.

Хоть много зла они мне принесли,
Селенья, города мои сожгли.

Но ты войны не хочешь. Я с тобою
Душой — нет у меня стремленья к бою.

Чтоб скорбь твою хоть каплей облегчить,
Войскам Сухраба я не буду мстить».

И в степь свою ушли войска Турана...
И шах увел все войско в глубь Ирана.

Увел Кавус войска. Остался там
Над гробом сына плачущий Рустам.

Примчался Завара быстрее дыма,
Сказал: «Ушли туранцы невредимо».

И встал Рустам, в поход свой поднял стан,
За гробом войско шло в Забулистан.

Вельможи перед гробом шли, стеною,
Без шлемов, темя прахом посыпая.

О тяжком горе услышал Дастан,
И весь навстречу вышел Сеистан.

Поехали за дальние заставы —
Встречали поезд горя, а не славы.

Заль, гроб увидя, в скорби стан склоня,
Сошел с золотоуздового коня.

В разодранной одежде, в горе лютом
Шел Тахамтан пешком перед табутом.

Шло войско, развязавши пояса,
От воплей их охрипли голоса.

Их лица от ударов посинели,
Одежд их клочья на плечах висели.

Великий стон и плач поднялись тут,
Как был поставлен на землю табут.

Смертельной мукой Тахамтан томился.
Рыдая, перед Залем он склонился.

Покров золототканый с гроба снял
И так отцу, рыдая, он сказал:

«Взгляни, кто предстоит в табуте нам!
Ведь это — будто новый всадник Сам!»

Настала мука горькая Дастану,
Рыдая, жаловался он Йездану:

«За что мне послан этот страшный час?
Зачем, о дети, пережил я вас?

Столь юный витязь пал. Войскам на диво,
Он был могуч... Померк венец счастливый.

Не родила в минувшем ни одна
Такого витязя, как Тахмина!»

И долго о Сухрабе вопрошал он,
Каков он был; и кровь с ресниц ронял он.

Когда внесли Сухраба на айван,
Опять, упав, заплакал Тахамтан.

Табут увидев, Рудаба, рыдая,
Упала — кровь, не слезы, проливая.

Взывала: «О мой львенок! О, беда!
Померкла радость наша навсегда!

Тебя сразила сфер летящих злоба...
О, хоть на миг один восстань из гроба!

Мой внук, неужто волей звездных сил
Ты мертвым в дом отцов своих вступил?»

Вновь понесли табут вслед Тахамтана.
Вновь плач и стон звучал средь Сеистана.

И сам Рустам парчою гроб закрыл,
Гвоздями золотыми гроб забил.

Сказал: «Создать из золота сумею
Хранилище — и мускусом овею.

Умру — в веках, как за единый час,
Развеемся, что мыслю я сейчас.

Что ж прочное построю для него —
Достойное Сухраба моего?»

И он воздвиг гробницу из порфира,
Чтобы стояла до скончанья мира.

Устроил, сердце повергая в мрак,
Из дерева алоэ — саркофаг.

Забили гроб гвоздями золотыми,
Над миром пронеслось Сухраба имя...

И много дней над гробом сына там
Не ведал утешения Рустам.

Но наконец явилась неба милость,
Мук безысходных море умирилось.

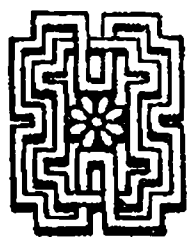
Узнав, что в горе стонет Тахамтан,
Весь плакал и скорбил о нем Иран.

О том событье, воротясь в Туран,
Афрасиабу рассказал Хуман.

Та весть повергла шаха в изумленье,
Сказал он: «То не перст ли провиденья?..»

О том, что пал, убит отцом, Сухраб,
В Туране всяк узнал — и князь и раб.

Шах Самангана, — счастья и надежды
Лишенный, — разодрал свои одежды.

МАТЬ СУХРАБА ТАХМИНА УЗНАЕТ О СМЕРТИ СВОЕГО СЫНА

И к Тахмине пришло известье в дом,
Что умер сын, заколотый отцом.

От всех — в своем покое — в отдаленье,
Она рвала одежды в исступленье.

Бушуя, как небесная гроза,
Не слезы — лили кровь ее глаза.

Она вопила в муке, и стенала,
И волосы с корнями вырывала.

Она огонь велела разложить
И волосы свои на нем спалить.

«Ты, сын, сказал: «Иду на бой! Мне верь ты!»
И я надеялась. Но где теперь ты?

Мой дух, бессонный взор витал мой там
И вопрошал: «Где сын мой? Где Рустам?»

Я думала, что, счастлив неизменно,
Как солнце, ты проходишь над вселенной,

Что ты искал отца, нашел его...
Ждала, чтоб ты домой привел его!

Не чувствовала даже я, что там,
В степи чужой, тебя убьет Рустам.

Что он не дрогнет сердцем пред тобою,
Перед твоею светлой красотой.

День ясный мой померк, поник во тьму.
Кого теперь я, сын мой, обниму?

О, кто разделит скорбь мою со мною?
Ведь нет тебя! Я от тоски изною!

Увы, чертог пустынен, мертв мой сад...
О сын, поник мой дух, померк мой взгляд!

О богатырь, с какой пошел ты силой
Искать отца, а встретился с могилой.

Ты нес в душе любовь, надежду, честь,—
И мертв ты! Гора мне не перенести.

Пред тем как обнажил Рустам кинжал,
Что ж ты мой знак ему не показал?

Что в руки талисман ему не вверил?
Быть может, ты, мой сын, в него не верил?

Что ж я с тобою не пошла тогда?
Всех нас тогда бы минула беда!

Меня Рустам бы издали заметил,
Узнал бы и с любовью нас бы встретил.

Не обнажил бы стали исполин
И не убил тебя бы, о мой сын!»

И так она стенала и рыдала,
Что всякая душа ей сострадала.

При виде исступленья Тахмины
Все были мукой за нее полны.

И были так сильны ее страданья,
Что рухнула царица без сознанья.

И вот, едва в себя пришла, опять
Она о сыне начала рыдать.

Роняла слезы над убитым сыном
Кровавые, подобные рубинам.

К коню Сухраба подошла она,
Коня за шею обняла она

И в грудь его и в морду целовала.
Она, казалось, разум потеряла.

И слез ее кровавых ток стекал,
Возле копыт коня блестя, как лал.

И, обнимая, как дитя, одежды
Сыновние, взывала: «Нет надежды!»

Велела принести доспехи, меч,
И лук его, и украшения плеч.

И, в кровь лицо ногтями раздирая,
Вновь причитала, сына вспоминая:

«Вот меч твой, шлем, кольчуга, вот твой щит!
А ты где, сын мой милый? Ты убит!»

Аркан его велела с булавою
Принести и положить перед собою.

Мечом Сухраба в отблесках огня
Велела хвост отрезать у коня.

Все золото с коней сняла она,
И все дервишам раздала она.

Ворот не отпирать она велела,
Сухраба трон убрать она велела.

Разрушить приказала светлый зал,
Где он перед походом пировал.

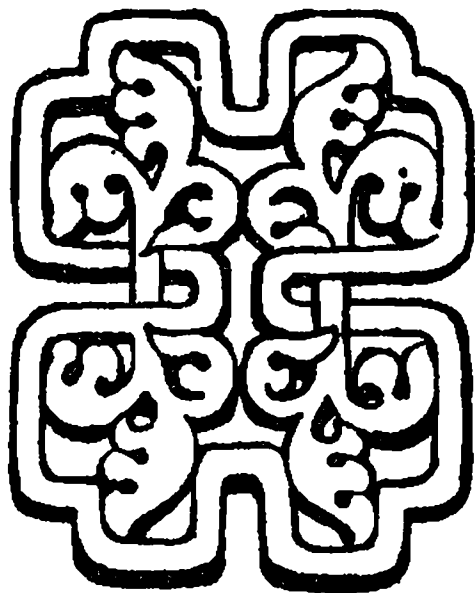
И черные завесы, как туманы,
Царевна опустила на айваны.

Сама одеждой синей облеклась*,
От близких и от мира отрешась.

И день и ночь в тоске была она.
Едва лишь год и прожила она

И умерла, тоски снести не в силе.
И тут — конец печальной старой были.

СИ А В У Ш

Сказ новый сложи, вдохновенный поэт,
И пусть красотою чарует он свет.

Поэту гордиться твореньем дано,
Которое разумом озарено.

А если в тисках заблуждения он
И если порочною мыслью прельщен,

Хотя б распинался, трудясь без конца,—
Себя опозорит в глазах мудреца.

Но кто у себя обнаружит порок?
Свой нрав для любого и чист и высок.

Неси знатоку заверченный свой труд,
Услышь справедливый, взыскательный суд,

И если слышал хвалу знатока —
Достиг благодатного ты родника.

Поведаю сказ миновавших времен,
Который дихканом для нас сохранен.

Забыты предания древние,— их
Пусть вновь оживит для народа мой стих.

Коль дни мои в радостном мире земном
Продлятся, то долгим усердным трудом

Такую смоковницу выращу я,
Что ввек не увянет в саду бытия.

Однажды мне мудрый сказал человек:
«Состарившись, не обновишься вовек!

Слагай свои песни; доколе ты жив,
Будь нравом приветлив, умом прозорлив.

О каждом деянье, благом иль худом,
Отчет пред Изедовым дашь ты судом.

Что сеял — пожнешь ты. Каков твой привет,
Таков, без сомнения, будет ответ.

Кто сдержан, хулы не услышит и сам,
Привержен будь мудрым делам и речам».

Но к сказу дихкана вернусь наконец,
Послушай, о чем повествует мудрец.

О МАТЕРИ СИАВУША

На равнине Дагуй, граничащей с Тураном, охотятся прославленные витязи Гив и Тус. Углубившись в лесную чащу, богатыри неожиданно встречают молодую красавицу. Она рассказывает, что происходит из царского рода, что, спасаясь от отца, впавшего в безумие, вынуждена была бежать из родительского дома. Гив и Тус готовы оружием разрешить спор, возникший между ними из-за прекрасной пленницы, но царь Кей-Кавус, увидев девицу, сам влюбляется в нее; она дает согласие стать его женой.

РОЖДЕНИЕ СИАВУША

Дни мчатся; неможется шахской жене,
Пленительно-юной, цветущей весне.

Лишь в беге небесного свода истек
Начертанный девятимесячный срок,

Пришли к повелителю с вестью благой:
«Порадуйся дару жены дорогой!

До неба теперь вознесешь свой престол.
О царь, ты не чадо, а чудо обрел!

Младенца такого не видывал мир:
Хорош, как пери, как священный кумир».

О прелести дивной лица и кудрей
Мгновенно молва донеслась до людей.

Владеть небосводом достоин был сын;
Его Сиявушем нарек властелин.

Гадал о младенце седой звездочет,
И вскоре поведал ему небосвод

Свое предсказанье; гласило оно,
Что много царевичу бед суждено.

И сердце гадателя сжалось в тоске.
Младенца он вверил Йездана руке

И шаха-родителя предостерег,
Поведал, что к сыну немилостив рок...

Года миновали. К царю во дворец
Примчался могучий забульский боец.

Просил он: «Мне львенка доверь своего,
Воспитывать мне подобает его.

Здесь нянек немало, да грош им цена;
Ты лучше меня не найдешь пестуна».

Раздумывал долго над тем властелин,
Затем, для отказа не видя причин,

Он отрока храброго, полного сил,
Свой светоч,— заботам бойца поручил.

Могучий в Забул Сиявуша увез,
Жилище воздвиг для него среди роз*.

Арканом и луком владеть и уздой
И тешиться в поле лихою ездой,

С гепардом и соколом мчаться на лов,
Обряд соблюдать богатырских пиров,

Страной управлять, строить грозную рать,
Добро от насилья и зла отличать —

Всему Сиявуша Ростем обучил,
Немало на это затратил он сил.

И вырос таким молодой Сиявуш,
Что с ним ни один не сравнился бы муж.

Не раз, выходя с удальцами на лов,
Герой заарканивал яростных львов.

И молвил царевич Ростему-бойцу:
«О витязь, меня потянуло к отцу.

Меня обучая искусству царей,
Ты сил не жалел. И хочу поскорей

Отцовское сердце порадовать всем,
Чему обучил меня славный Ростем».

Тот внял его речи. Немедля гонцы
Ростема во все поскакали концы.

И вот уж кулахи, мечи, кушаки
И с золотом и с серебром кошельки,

Одежда, сосуды, рабы, скакуны
Ростему во множестве привезены.

А что не сыскалось на месте — за тем
Послал в отдаленные земли Ростем.

Столь много даров погрузили, что рать
Дивилась, его выходя провожать.

И витязь немалый проехал с ним путь,
Чтоб грусть не стеснила царевичу грудь.

Весь край, словно в праздник огнями горя,
Украсился, радуя богатыря.

Осыпали амброй и златом его,
Везде ликованье, везде торжество.

На улице каждой веселье кипит,
И каждая кровля убранством слепит.

Ступают копыта молодых кобылиц
По грудам монет. Озабоченных лиц

Не встретишь — хоть весь обойди ты Иран;
И мускус на гривах коней, и шафран*.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СИАВУША ИЗ ЗАБУЛИСТАНА

Гонцы Кей-Кавусу спешат принести
Отрадные вести: царевич в пути.

Приказано Тусу и Гиву скакать,
Навстречу с литаврами вывести рать.

И вот уж к покоям дворцовым идут,
К властителю сына с почетом ведут.

«Дорогу! Дорогу!» — глашатай кричит;
И путь им широкий к престолу открыт.

Курильницы благоуханье струят,
Склонившись, вокруг царедворцы стоят,

К царевичу юному взор приковав;
Он — строен, как тополь, могуч, величав.

И все восхищаются юным вождем;
Алмазы и золото льются дождем.

Как только увидел царевич отца
На царском престоле, в сиянье венца,

К престолу припал он и долго лежал
Ничком, словно тайну земле поверял.

Поднявшись, к Кавусу приблизился сын,
И ласково обнял его властелин.

С собой усадив на сапфировый трон,
О славном Ростеме расспрашивал он.

Восторженно имя Йездана твердя,
Очей не сводил с молодого вождя;

Дивился осанке, величию, уму,
Всесветную славу пророчил ему.

Его добродетель и мудрость познав,
Был счастлив и горд повелитель держав.

На землю упав, к ней приникнув лицом,
Он душу свою изливал пред творцом,

Взывая: «О ты, кто воздвиг небеса,
Кем созданы разум, любовь и краса —

Все лучшее в мире! Тебе возношу
Моления — о счастье для сына прошу».

Ирана мужи, ликованья полны,
С дарами пришли к властелину страны.

На сына глядят, восхваляют его,
И славят, и благословляют его.

Пред ним, по веленью владыки земли,
Иранские войны строем прошли.

Украшены пышно палаты и сад,
Несчетные гости на праздник спешат.

Звенит сладкозвучного руда струна,
Повсюду веселье и реки вина.

Такой был устроен властителем пир,
Какого дотоле не видывал мир.

Семь дней веселились; властитель страны
Затем повелел из державной казны

Дары для любимого сына достать.
Подарены трон, и кулах, и печать,

Арабские кони, оружие, броня,
Седло боевое, щитки для коня,

Динары, дирхемы в сумах расписных,
Алмазы, парча и немало иных

Сокровищ заветных: все, кроме венца,—
Затем, что венчать еще рано юнца.

Столь щедро дарами его наделив,
Надеждой отрадной в нем дух окрылив,

Семь лет он испытывал сына, и тот
Ничем не унизил свой царственный род.

Восьмой наступает — несут наконец
Из золота цепь, и кушак, и венец*.

На шелке — указа блещут письмена;
Так в мире велось у владык издавна.

Достойный величья, достойный венца,
Сын в дар Кухистан получил от отца,—

Так звали обширный тот край искони,
Но Мавераннахром зовут в наши дни*.

Сиявуш тяжело переживает нежданное горе — смерть любимой матери.

МАЧЕХА ВЛЮБЛЯЕТСЯ В СИАВУША

Шло время, душой расцветал властелин;
Его утешеньем был доблестный сын.

Однажды сидел, с ним беседуя, шах,
Как вдруг Судабе показалась в дверях*.

Едва увидав Сиявуша, она
Любовью внезапно была пронзена.

Томилась и таяла, стала, как нить,—
Ты лед над огнем с нею мог бы сравнить.

К царевичу вестника шлет: «От меня
Спеши передать, осторожность храня:

В гарем заглянул бы к отцу своему,
Никто удивляться не стал бы тому».

Слуге Сиавуш, возмущен и суров,
Промолвил: «Царице ответ мой таков:

В гарем повелителя я не ходок;
Мне хитрость чужда, ненавистен порок».

Всю ночь пролежала царица без сна,
Наутро к царю поспешила она.

«Владыка! — ему говорит Судабе.—
Не видело солнце подобных тебе.

И юного мир прославляет царя:
Да здравствует, радость народу даря!

Ему повели навестить поскорей
Супругу твою и твоих дочерей.

Пусть ходит свободно в гарем с этих пор,
Почаще пускай навещает сестер;

Так любят его и тоскуют по нем,
Что льют они слезы и ночью и днем.

Придет он — склонимся, почет воздадим,
Дарами и рвеньем ему угодим».

Кавус отвечает: «Нет речи мудрей.
К нему ты добрее, чем сто матерей».

И, сына призвав, говорит Кей-Кавус:
«От голоса крови, от родственных уз

Не скрыться. Любовь ты вселяешь в сердца,
Таким уж ты создан по воле творца.

С тобою ведь в близком родстве Судабе —
Недаром душой потянулась к тебе.

В гареме ты сможешь сестер повидать,
В царице найдешь благосклонную мать.

Тебя обласкают, почтят от души
Затворницы, их навестить поспеши».

Такие слова говорит властелин.
В тревоге, в смущении слушает сын

И так размышляет, молчанье храня,
Печаль и глухое сомненье гоня:

«Царь, видно, испытывать верность мою
Задумал — проверить, что в мыслях таю».

Царевич умом был остер, прозорлив,
И знаний исполнен, и красноречив.

Начало такое недобрый конец
Ему предвещало; страшился мудрец,

Что в сеть попадет он жестокой судьбе —
Что гибель ему принесет Судабе.

«Властитель державы! — так вымолвил он. —
Не ты ль даровал мне и царство и трон?

Повсюду, где солнце с небесных высот
На землю лучи животворные льет,

Ты славишься, всех превзошел ты вождей
И мудростью и добротой своей.

Ты путь укажи мне к мужам-мудрецам,
К прославленным, неустрашимым бойцам:

В науке у них изощрюсь боевой,
В стрельбе, во владенье копьем, булавой,

В державных делах и в веселье ночном —
Под пение руда, за пенным вином.

А в женских покоях учиться чему?
У жен ли познаний набраться уму?

Но если решение царя таково —
Пойду я, покорный приказу его».

«О сын мой, будь счастлив! — царь молвит в ответ. —
Столп мудрости — так да зовет тебя свет!

Так пламенна речь твоя, так хороша,
Что разум расцвел, просветлела душа.

Тревожные помыслы прочь отгони,
Да будут светлы твои думы и дни!

Сестер дорогих навести поскорей,
Их братской любовью и лаской согрей».

И сын отвечает: «Готов я идти,
Чтоб царскую волю твою соблюсти».

СИАВУШ ПРИХОДИТ К СУДАБЕ

Был старый слуга у владыки — Хирбед.
Блюдя неусыпно служенья обет,

Дом жен охранял он и днем и в ночи;
Ему вручены от покоев ключи.

Такую от шаха услышал он речь:
«Лишь солнце исторгнет блистающий меч,

Иди к Сиявушу и каждый приказ,
Который услышишь, исполни тотчас.

Вели Судабе свой ларец отворить,
Алмазами щедро его одарить.

И сестры пусть брату дары поднесут:
Кто — мускус, кто — жемчуг, а кто — изумруд».

Когда над вершинами встала заря,
Предстал Сиявуш пред очами царя,

Поклон сотворил, и отец в тишине
С ним долго беседовал наедине.

Окончив беседу, Хирбеда призвал,
Ему наставления должные дал,

Сказал Сиявушу: «Иди вместе с ним,
Будь весел: впервые идешь ты к родным».

Направились к женским покоем дворца
Хирбед и царевич — покойны сердца.

Но только завесу успел приподнять
Хирбед — полон страха царевич опять.

В гареме с почетом встречают его,
В честь гостя великое там торжество.

При говоре струн распевают певцы,
На юных красавицах блещут венцы.

На троне, блистая красой неземной,
Сидит Судабе, ликом схожа с луной.

Разными хитростями и уловками Судабе старается завлечь
Сиавуша в свои сети. Но Сиавуш, верный долгу чести, пытается
образумить мачеху. Однажды, оставшись с ним наедине, Судабе
прямо говорит ему о своей любви.

...Он думает: «Сети раскинул мне бес.
Храни мою душу, владыка небес!

Могу ль вероломно отца обойти,
Предать его — с дьяволом дружбу свести!

Но если красавицу я оскорблю,
Холодным ответом в ней гнев распалю —

Прибегнет к коварству бесовских сетей,
Владыку опутает ложью своей.

Нет, лучше с ней ласково речь поведу,
Ее ублажив, отвращу я беду».

В ответ Сиавуш говорит Судабе:
«Нет в мире красавицы, равной тебе.

Тебя не затмит и сиянье луны;
Достоин лишь царь столь прекрасной жены.

В супруги я ту, что тобой рождена,
Возьму: не нужна мне иная жена.

Решенье должна ты царю передать
И царского соизволения ждать.

Тебе приношу я священный обет
Дождаться, пока моих нынешних лет

Достигнет невеста моя. До тех пор
Никто не пленит мое сердце и взор.

Не должно мне слушать о лике моем,
О том, что пылаешь любовным огнем.

Забудется это, минует как сон...
Что делать, уж так я творцом сотворен!

Сокрытой останется тайна твоя,
От мира хранить ее стану и я.

Тебя, как царицу цариц, почитать
Готов я, любить, словно милую мать».

Так молвил и вышел. Меж тем все сильней
Преступная страсть разгорается в ней.

Вот ночь наступила, в покои жены
Вошел Кей-Кавус, повелитель страны.

Увидев его, Судабе подошла,
О сыне властителя речь повела:

«Здесь был и гарем он осматривал весь,
Всех дев чернооких, собравшихся здесь,—

Столь дивных красавиц, что их бы сравнил
Ты с сонмом лучистых небесных светил.

Но он ни одной не пленился из них,
Дочь выбрал мою несравненный жених».

От радости так засиял Кей-Кавус,
Как будто луна с ним вступила в союз.

Ларя за ларем отворял он засов;
Собрал он немало венцов, поясов,

Уборов, достойных обличья царей,
Престолов, достойных величья царей,

Доспехов и много сокровищ иных...
Земля, ты сказал бы, ломилась от них.

Царице велит он: «Богатства храни;
Назначены в дар Сиавушу они.

Вручая, ты скажешь: здесь мало даров,
Их счет я стократно умножить готов».

Дивится богатым дарам Судабе,
А в сердце твердит непрестанно себе:

«Когда не смогу я себе подчинить
Желанного — лучше на свете не жить!

Открыто и тайно я к средствам любым
Прибегну; красавца, что мною любим,

Коль силою чар не сумею привлечь —
Решусь на позор всенародно обречь».

СИАВУШ С НОВА ПРИХОДИТ В ПОКОЙ СУДАБЕ

На трон в светозарной короне своей
Воссела, алмазные серьги на ней;

Призвать повелев Сиявуша, опять
Речами его начала искушать.

Сказала: «Готовит владыка дары,
Каких не видали до этой поры.

Несчетные собраны блага земли —
Их двести слонов бы едва довезли.

И юную дочь я тебе отдаю.
На кудри взгляни, на корону мою;

Найдешь ли предлог, чтоб отвергнуть меня,
Со взором блистающим ярче огня?

Тебя увидала, и гибну с тех пор,
И стражду, и жажду, и сердце — костер.

Твой лик меня в муку такую поверг,
Что день пред моими очами померк.

Семь лет от любви изнывая, томясь,
Кровавые слезы точу я из глаз.

Я больше, чем царь, драгоценных даров
Тебе поднесу — лишь откликнись на зов!

А если не хочешь покорность явить
И юной любовью меня оживить —

Тебе отомщу я: престола лишу,
Свет солнца и звезд для тебя погашу!»

В ответ ей царевич: «Тому не бывать.
Мне ль, страсти покорствуя, честь забывать!

Отца обмануть, добродетель поправ,
Могу ли? Нет, чужд вероломству мой нрав!

О, солнце престола, владыки жена,
Подобным грехом ты гнушаться должна!»

Разгневан, хотел он вернуться к себе,
Но шепчет, вцепившись в него, Судабе:

«Тебе я отважилась душу излить,
А ты замышляешь мне злом отплатить!

Ты хочешь унижить, ославить меня,
Всем честным порочной представить меня!»

СУДАБЕ ОБМАНЫВАЕТ КЕЙ-КАВУСА

Ланиты себе исцарапала вмиг
И разорвала одеяния; крик

Донесся из женских покоев дворца,
Смятением и страхом наполнив сердца.

И весь зашумел, всполошился дворец,—
Сказал бы ты: свету приходит конец!

Лишь вопль до ушей властелина дошел,
Он тотчас покинул державный престол.

Охвачен тревогой, душою смущен,
В гарем торопливо направился он.

На лице царицы кровь видит супруг,
Шум, крики прислужниц, смятение, испуг...

Коварства жены Кей-Кавус не постиг.
Узнав о случившемся, вспыхнул он вмиг.

Рыдая, предстала пред ним Судабе,
Льет слезы и волосы рвет на себе,

Кричит: «Сын твой дерзостный миг улучил,
В объятья меня, как в тиски, заключил,

Шепча: «Я любовного полон огня.
Доколе тебе сторониться меня!

Душа моя рвется к одной лишь тебе,
Склонись же, прекрасная, к пылкой мольбе!»

Сорвал мой венец — правду как утаю! —
Взгляни, разорвал и одежду мою».

Той речи в раздумье владыка внимал
И долго расспросы еще продолжал.

Он думал: «Коль правду сказала жена
И замыслов черных не прячет она —

Снесу Сиавушу я голову с плеч!
Иначе мне узел беды не рассечь.

Что мудрые скажут про эти дела?
Тут кровь вместо пота закаплет с чела!»

Он прочь отослал верноподданных слуг,
В тоске и тревоге стоявших вокруг.

Затем, на престоле оставшись один,
Жену с Сиавушем призвал властелин.

Спокойно повел он разумную речь:
«Ты истину должен из мрака извлечь.

В беде своей сам я повинен — не ты,
Я жертвою собственной стал слепоты.

Зачем я в гарем распахнул тебе дверь!
Я — в горе, ты бьешься в тенетах теперь.

Открой же уста, без утайки и лжи
Ты все происшедшее мне Расскажи».

И правду услышал в ответ властелин,
Как речью царицы разгневан был сын,

Что сказано было... Одно за другим
Деянья неверной раскрыты пред ним.

В ответ Судабе: «Вероломный солгал!
Всех дев он отверг, лишь меня пожелал.

Ему все дары перечислила я,
Какие рука предлагала твоя.

Сказал он: «Богатств не хочу, не нужна
Ни дочь мне твоя, ни другая жена.

Хочу лишь тебя вместо мира всего,
А кроме тебя — никого, ничего».

Меня он сломить попытался, в руках
Сжимая, как будто в гранитных тисках.

Но я не сдавалась. И, яростен, дик,
Стал волосы рвать он, царапать мне лик...»

«Не вижу, — внимая, раздумывал шах, —
Я правды ни в тех и ни в этих речах.

Нет, в деле таком торопиться не след,
В горячности, в гневе наделаешь бед.

Поглубже сначала я вникну в их спор,
Мне сердце подскажет тогда приговор.

Узнаю, кто грешен из этих двоих,
Кто кары жестокой достоин из них».

Чтоб дело расследовать, царства глава
К рукам Снавуша склонился сперва,

Взяв сына за плечи, к себе притянул
В запах кудрей и одежды вдохнул.

Склонился к жене: от ланит и волос
Дыхание амбры к нему донеслось,

Но ею не пахло от юноши. Нет,
Объятий преступных отсутствует след!

Царь в гневе осыпал хулой Судабе,
Хоть сердце он этим изранил себе,

И в ярости мыслит: «Не буду ли прав,
Ее на куски растерзать приказав?

Повинен в случившемся не Сиявуш.
Нет спора — он чистый и праведный муж...»

И молвит владыка: «Все это забудь,
Будь мудр, избери осторожности путь —

Чтоб нас не порочили злою молвой,
От мира ты все происшедшее скрой».

СУДАБЕ ПРИБЕГАЕТ К ПОМОЩИ КОЛДУНЬИ

Узнав о своем пораженье в борьбе,
Царя обмануть не сумев, Судабе

Вновь хитрые козни плести начала
И семя посеяла нового зла.

Судабе призывает на помощь колдунью, чтобы оклеветать Сиявуша перед отцом. Кей-Кавуса терзают сомнения. Он ищет совета у мудрецов.

...Мобедов столицы владыка созвал
И мудрым мужам обо всем рассказал.

Ответил владыке верховный мобед:
«От мира не скроешь негладанных бед.

Коль истину хочешь раскрыть, государь,
Ты камнем о ковш, размахнувшись, ударь.

Душа твоя тяжким сомненьем полна:
И сын их внушает тебе, и жена,

Властителя хамаверанского дочь;
Тебе отогнать подозренья невмочь.

Когда ты и в ней усомнился, и в нем —
Его иль ее испытай ты огнем.

Кто зла не свершил, на костре не сгорит —
Так небо высокое нам говорит».

И вот объявил повелитель, к себе
Призвав Сиявуша и с ним Судабе:

«Покоя не знает мой дух и сейчас,
Не знаю досель, кто виновен из вас.

Одно остается: пусть жаркий костер
Виновнику вынесет свой приговор».

Властитель на сына взглянул своего.
«Решенье твое, — спросил, — каково?»

Ответ был: «Доколь от стыда мне гореть!
Мучения ада готов я презреть.

Велишь мне пройти через гору огня,
Пройду я — позор нестерпим для меня».

СИАВУШ НЕВРЕДИМЫМ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ ОГОНЬ

В степи возвели две горы дровяных,
Народ с содроганьем взирает на них.

Меж теми горами проход неширок,
Там мог бы проехать один лишь ездок.

По воле владыки, обильно сперва
Горючею нефтью полили дрова.

Вот с сотнями факелов слуги идут,
Подносят и дуют все разом, и тут

День сделался ночью — не видно ни зги.
Но встали из дыма огня языки,

И вот уж земля небосклона светлей,
И пламя бушует при воплях людей.

Явился в степи Сиявуш между тем.
На нем золотой, ослепительный шлем,

Лик светел, одежда бела и проста,
Дух полон надежды, смеются уста.

И всех в этот миг опалила печаль:
Цветущего юношу каждому жаль.

Себя Сиявуш осыпал камфорой,
Как будто свершая обряд гробовой,

Как будто его не в палящий огонь,
А в рай унести приготовился конь.

На гордом своем вороном скакуне,
Что тучею пыль поднимает к луне,

Приблизился к шаху и спешился он
И отдал властителю низкий поклон.

На лице у шаха смущенье и стыд,
Он ласково с сыном своим говорит.

В ответ Сиявуш: «Не кручинься. Увы,
Превратности жизни людской таковы!

Удел мой сегодня — печаль и позор.
Да будет небесный свершен приговор!

Коль прав я — создателем буду спасен,
Коль грешен — меня не помилует он.

Но верю я, благость Йездана меня
Живым проведет сквозь громаду огня».

И вот уж пред самым костром Сиявуш,
И молит создателя праведный муж:

«О, дай мне живым через пламя пройти,
Меня от отцовской вражды защити!»

Стремительно, словно клубящийся дым,
Уносится конь с седоком молодым.

Народ возмущеньем и горем объят,
Равнина и город от воплей дрожат.

До слуха царицы те вопли дошли;
На кровлю идет, видит пламя вдали,

И в бешенстве, мстительной злобы полна,
Погибели князю желает она.

А люди глядят на владыку страны
Сурово: слова осужденья слышны.

Несется меж тем вороной сквозь огонь:
Сдружился, сказал бы ты, с пламенем конь!

Багровое пламя встает, как стена,
Не видно ни всадника, ни скакуна.

Все замерли, тяжелой тревогой томясь:
Сквозь адское пламя прорвется ли князь?

И вдруг невредимым явился ездок,
Уста улыбаются, лик — что цветок.

И радостно грянуло: «Сладил с бедой,
Прошел сквозь огонь властелин молодой!»

Казалось, его лишь душистый жасмин
Касался — так светел и свеж властелин.

В воде был бы княжеский плащ увлажнен,
В огне — не покрылся и копотью он.

Сравнится, когда пожелает Йездан,
С дыханьем весны огневой ураган.

Веселья огонь в каждом взоре сверкнул,
В столице, в степи ликования гул.

Равнина дирхемами устлана сплошь.
И топотом конским повергнута в дрожь.

Ликут и празднуют все, как один,
Пируют и знатный, и простолюдин.

Благое известье друг другу несут:
Свершился создателя праведный суд!

Льет в ярости слезы меж тем Судабе,
Рвет волосы, щеки терзает себе.

Предстал Сиявуш пред очами царя
В одежде нетронутой, свеж, как заря.

Спустился с коня своего властелин,
За пешим владыкой — строй пеших дружин.

И вот Сиявуш пред венчанным отцом
Склонился, к земле припадая лицом:

Мол, вышел из пламени я невредим
На горе врагам вероломным моим!

Воскликнул Кавус: «Богатырь молодой,
Муж славного рода, с великой душой!

Да славится та, что тебя родила,
Такого властителя миру дала!»

И, крепко обняв Сиявуша, в слезах
Прощенье просил даровать ему шах.

Ликуя, прошествовал он во дворец,
Надел драгоценный кеянский венец,

Потребовал руд, и певцов, и вина,
И, с сыном пируя, сидел допоздна.

Три дня веселился он с кубком в руках —
Забыла казна о ключах и замках.

СИАВУШ ПРОСИТ ОТЦА ПОМИЛОВАТЬ СУДАБЕ

Затем Кей-Кавус, на престол родовой
Воссев с бычьеголовой своей булавой*,

Царицу призвал — вспыхнул яростью взор,
И слышит коварная гневный укор:

«Бесстыдно меня одурманила ты,
Жестоко мне сердце изранила ты.

Чего добивалась бесчестной игрой?
Чтоб сын мой погиб, благородный герой!

В огонь его ввергла — дошло до того
Коварное, злое твое колдовство!

Теперь о прощенье молить ни к чему.
Иди, приготовься к концу своему!

Исчезнешь, преступная, с лика земли.
Ты лишь одного заслужила: петли!

Повесить, — владыки звучит приговор, —
И выставить тело ее на позор!»

Царицу повел, повинуюсь, палач.
В гареме слышался горестный плач,

И тайным страданием грудь стеснена
У шаха; покрыла лицо желтизна.

Оставив униженную Судабе,
Все вышли, направился каждый к себе.

Подумал царевич: «Когда казнена
По воле властителя будет жена,

Он после раскаяньем будет убит
И в этой потере меня обвинит».

И стал он просить возглавлявшего край:
«Помилуй супругу, себя не терзай!

Прозреет, твоим наставлениям вняв,
Царица, — поверь, повелитель держав!»

Простить преступленье царю самому
Хотелось, и рад он предлогу тому.

Ответил: «Твоей уступая мольбе,
О праведный, жизнь я дарю Судабе».

Склонился царевич, целуя престол.
Веленье отца выполняя, пошел

Вослед за прощенной царской женой,
Отвел ее снова в покой расписной.

И радостно девы гарема уже
Бегут поклониться своей госпоже.

Дни мчатся за днями... Коварная вновь
У шаха в душе пробудила любовь.

И вновь Кей-Кавуса с прямого пути
Царица свела, стала сети плести,

В нем к сыну вражду разжигает сильней,
Покорствуя злобной природе своей.

И вновь подозрение Кавуса томит,
Но черную думу от всех он таит...

Когда ты постигнут подобной бедой,
Спасение — в честности, в правде одной.

Будь мудр, осмотрителен, будь справедлив —
Добьешься победы, беду отразив.

КАВУС УЗНАЕТ О НАБЕГЕ АФРАСЬЯБА

Все жарче любовь Кей-Кавуса... Но вот
От верных разведчиков он узнает,

Что царь Афрасьяб, к новым битвам готов,
Возглавил сто тысяч отборных бойцов.

И мысли свои опечаленный шах
К войне обратил, позабыв о пирах.

Созвав меченосцев иранской страны,
Мужей, что короне кеянской верны,

Сказал: «Афрасьяб изумляет меня!
Из воздуха, праха, воды и огня

Его, ты сказал бы, не создал Йездан;
Он выращен из неизвестных семян!

Охотно он дружбы обеты дает,
Теряя благим уверениям счет,

Но лишь соберет многомогущую рать,
Все клятвы святые готов он поправить.

Я сам с ним оружие ныне скрещу,
День в темную ночь для него обращаю,

Избавлю я землю от этого зла!
Иначе, быстрее, чем несется стрела,

Он с войском нагрянет, помчится вперед,
Огню и разгрому Иран обречет».

Промолвил один из мобедов: «К чему
В поход снаряжаться тебе самому?

К чему понапрасну казну расточать,
С сокровищ заветных срывая печать?

Уж дважды, поддавшись горячности, сам
Державу свою уступал ты врагам,

Не лучше ль послать исполина тебе,
Стяжавшего славу в кровавой борьбе?»

Кавус отвечает: «Средь войска всего
Туранцу соперника ни одного

Не сыщем; лишь мне Афрасьяб по плечу.
На бой, словно челн по волнам, полечу!

Ступайте, с советником наедине
Останусь: готовиться должно к войне».

В волненье пришел Сиявуш — больше дум,
Чем в чаще деревьев, заполнили ум.

Он думает: «Мне бы возглавить поход!
Смирено царя попрошу я — пошлет.

Избавлюсь, быть может, по воле творца,
От козней царицы, от гнева отца.

К тому же я славное дело свершу —
Враждебное войско в борьбе сокрушу».

Пришел, опоясан, сказал: «По плечу*,
О царь многодоблестный, мне, силачу,

Сломить Афрасьяба. В кровавых боях
Я головы вражьих повергну во прах!»

(Но голову сам он в Туране сложил —
Так, верно, создатель миров предрешил!

Невмочь нам вести с провидением спор,
Невмочь изменить роковой приговор...)

Вняв сыну, дозволил ему властелин
Возглавить поход меченосных дружин.

Довольный, вождя обласкал Кей-Кавус,
Воздав ему почести, молвил: «Клянусь,

Все блага, что есть у меня, — для тебя;
Все войско мое — что родня для тебя».

За славным Ростемом послал он гонца,
Герою хвалу воздавал без конца.

«Тебя бы и слон боевой не сразил,
Тебя не щедрее и царственный Нил.

Отважней, мудрее найдется ли муж?
Недаром воспитан тобой Сиявуш.

Железо растопит, исторгнув из скал,
Твоей сокрушительной воли накал.

Пылая отвагой, исполненный сил,
Меня Сиявуш молодой посетил.

На бой с Афрасьябом готов он идти,
Так будь ему верной защитой в пути!

Когда ты на страже — покоен мой сон,
А если ты дремлешь — мой дух уstraшен.

Твой меч и стрела твоя — мира оплот,
С небес тебе месяц покорность несет».

«Слуга я, — ответил глава храбрецов, —
И воле твоей покориться готов.

Твой сын — словно око мое и душа;
Живу я, царевича славой дыша!»

Царь молвил: «О доблестный муж-великан,
Будь разумом светлым весь век осиян!»

СИАВУШ ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД

Литавр и кимвалов разносится гром*,
И Тусом, прославленным богатырем,

Построена рать у дворцовых ворот.
Царь сыну ключи от хранилищ несет,

Где груды монет и сокровищ других:
Блестящих уборов, камней дорогих,

Тяжелых булав, боевых кушаков,
Щитов и шоломов, кольчуг и клинков,

Где тканей богатых несметный запас;
И слышит царевич отцовский наказ:

«Всем этим добром безраздельно владей,
Дворец и богатства во власти твоей».

И рать из двенадцати тысяч бойцов
Владыка собрал среди мужей-храбрецов,

Примчались потомки знатнейших родов,
И каждый к решительной битве готов;

Отважны, искусны в сраженьях они,
И годы у них с Сиявущем одни.

И слышат бойцы Кей-Кавуса привет:
«Мужи знаменитые, воинства цвет!»

Удача везде да сопутствует вам,
Погибель несите заклятым врагам!

Счастливо свершите поход боевой,
С победой, с весельем вернитесь домой!»

Кимвал на слона водрузили: ведет
Царевич дружину в далекий поход.

Рыдая, его провожает отец.
День ехали рядом; с коней наконец

Сошли, обнялись на прощанье они,
И оба, как тучи в весенние дни,

Льют слезы; разлукою дух удручен,
По степи разносится горестный стон.

Предчувствием тягостным каждый томим:
Уж больше вовеки не свидеться им!

Таков он, над нами кружащийся свод:
То яд поднесет, то целительный мед.

Вернулся к себе во дворец властелин,
А войско возглавивший доблестный сын

Вослед за Могучим коня повернул
К владеньям Дестана, в далекий Забул.

Примчался. Пирует и слушает руд,
В забавах часы неприметно бегут.

То с Залем беседует — мудрым вождем,
То чашу вздымает с Могучим вдвоем,

То ночью пирует с бойцом Зеваре,
То в зарослях ловит зверей на заре...

Срок минул, и с места снимается стан,
Умчался Могучий, остался Дестан.

К Талкану, Мервруду царевич идет,
Везде благосклонен к нему небосвод;

В пути никому не чинит он обид,
И вот уже путь ему к Балху открыт.

С бойцами меж тем Герсивез и Барман
Навстречу неслись, как степной ураган,

И полчища те замыкал Сепехром;
Узнали они о вожде молодом,

Который войной из Ирана идет,
Рать мощную против Турана ведет.

И вот Герсивез, предводитель бойцов,
Средь ночи быстрее шлет из гонцов

С известьем к владыке туранской земли:
«Бойцы Сиавуша войною пришли.

Ведет их Ростем, знаменитый герой;
Меч в длани могучей и саван — в другой.

Когда властелина услышу приказ,
Я войско в сражение двину тотчас.

С дружиной спеши на подмогу и ты:
Ведь буря огню придает быстроты».

И мчится быстрее огня самого
Посланец по воле вождя своего.

На месте меж тем не стоит Сиявуш;
Как буря несется воинственный муж,

Ведя в наступленье иранскую рать.
Вождю Герсивезу уж некогда ждать

Ответа владыки. Он в битву идти
Решился, не видя иного пути.

Все ближе дружина к дружине, и вот
Столкнулись пред Балхом, у самых ворот.

Бой вспыхивал дважды, кровав и жесток;
Царевич, как только день третий истек,

Отрядами пеших бойцов заградил
Все выходы Балха и в город вступил.

Поспешно покинув Ирана предел,
Меж тем Герсивез к Афрасьябу летел.

Примчавшись, владыке воинственный муж
Поведал: «Уж в Балхе стоит Сиявуш;

С ним грозная рать, полководец Ростем,
Герои, чьи подвиги ведомы всем.

На каждого нашего — их пятьдесят,
И все с булавами как буря летят.

Из пеших бойцов, облаченных в броню,
Любой быстротою подобен огню;

Их стан бы орел облететь не дерзнул!
Никто из туранцев очей не сомкнул:

Три дня и три ночи не ведали сна,
Воителей силы иссякли до дна.

Но в стане иранцев — лишь сон одного
Охватит — уж новый сменяет его,

А первый на отдых идет; освежен,
В сражение снова кидается он».

Во гневе вскочил повелитель, едва
От брата слышал такие слова.

Так грозно взглянул, будто меч обнажить
Хотел и на месте его уложить.

Осыпав хулою, прогнал его прочь,
Не в силах свирепый свой гнев превозмочь.

Сзывает он тысячи знатных гостей,
Велит приготовиться к пиру скорей.

Весь день веселились. Когда же родник,
На землю лучи изливающий, сник,

Властитель, простершись на ложе своем,
Забылся тревожным, томительным сном.

АФРАСЬЯБ ВИДИТ ЗЛОВЕЩИЙ СОН

Лишь первая треть ночи темной прошла*,
Царь вскрикнул со сна, словно вдруг затрясла

Его лихорадка; испугом пронзен,
На ложе трепещет и мечется он.

И слуги вскочили, смятенья полны,
Тем воплем отчаянным пробуждены.

Едва Герсивезу-вождю принесли
Известье, что худо владыке земли,

Он кинулся к Афрасиабу тотчас
И видит упавшим его; огорчась,

Его обхватил и, тревогой объят,
Спросил: «Что случилось с тобою, мой брат?»

«Не спрашивай,— царь говорит,— погоди,
Со мною речей ни о чем не веди,

Очнуться мне дай. Чтобы страх мой утих,
Держи лишь покрепче в объятьях своих!»

Но вот повелитель в сознание пришел
И видит: все плачут вокруг. На престол

Воссел он, как ивовый лист трепеща;
В чертоге зажглась за свечою свеча,

И вновь Герсивез вопрошает: «С тобой
Что случилось, владыка? Мне правду открой».

На то Афрасьяб отвечает ему:
«О, я бы не мог пожелать никому

Увидеть, что нынче я видел во мгле.
Сна хуже не вспомнит никто на земле.

Мне виделась логова, полные змей,
Пустыня и коршуны злые над ней,

Угрюмых, бесплодных утесов гряда,
Не знавших улыбки небес никогда.

Там видел я царскую ставку свою
И наших бойцов, закаленных в бою.

Вдруг вихрь налетел, нас повергнувший в страх,
Мой царственный стяг опрокинут во прах,

Кровь льется рекою и сорван покров
С шатра моего и со многих шатров.

Смерть воинов косит, нет павшим числа,
Кровавой горой громоздятся тела.

Несутся иранцы, что вихрь грозовой,—
Кто с луком натянутым, кто с булавой.

Сто тысяч воителей, каждый в броне,
Весь в черном, на вихреподобном коне.

Лес копий; от крови дымится трава;
На каждом копье, словно плод,— голова.

Примчались и, с трона совлекши меня,
Связали, помчали быстрее огня,

И сколько я взоры вокруг ни кидал,
Из близких своих никого не видал.

Тут некий воинственный, гордый ездок
К ногам Кей-Кавуса меня приволок.

Владыки иранского царственный трон,
Казалось, до самых небес вознесен.

Сидел близ носящего царский венец
С сияющим месяцем схожий юнец.

Ты б только четырнадцать лет ему дал;
Лишь в путях меня пред собой увидал,—

Свирепо взревев, ярым гневом объят,
Мне в грудь он вонзил закаленный булат.

От боли жестокой лишился я сил,
И крик мой меня же от сна пробудил».

В ответ предводитель: «К добру этот сон,
Друзей твоих, верь мне, порадует он.

И счастье и власть принесет он тебе,
А недругов злой обречет он судьбе.

Но должно найти толкователя снов,
Богатого мудростью мыслей и слов.

Клич кликни мобедам, которым ясны
Небесные знаменья — вещие сны».

КАК МОБЕДЫ ИСТОЛКОВАЛИ СОН АФРАСЬЯБА

И те, что владели премудростью сей,
Из царской столицы, из всех областей

Собравшись, пришли к властелину на зов;
Внимать повелению каждый готов.

Их царь усадил, оказал им почет;
О том и об этом беседа течет.

Затем говорит он почтенным жрецам,
Познавшим веления звезд мудрецам:

«Лишь вам я поведаю виденный сон,
Для прочих пусть тайной останется он.

Кто нашу беседу дерзнет разгласить,
Тому, поклянусь, головы не сносить».

Награду, чтоб их не пугать, посулил,
Их золотом и серебром оделил

И сон свой поведал. Владыки слова
Услышав, мобедов премудрый глава

Сказал, уstraшенный: «Я царскому сну
Правдивое дать толкованье дерзну.

Но раньше мне дай нерушимый обет,
Дай клятву, которой священнее нет,

Что, если поведаю истину я,
На нас не обрушится кара твоя».

Поклялся владыка жрецов не казнить,
Безвинных в несчастье своем не винить.

Мобед, умудренный познаниями муж,
Известный своим красноречьем к тому ж,

Промолвил: «Могучий владыка земли,
Разгадку тебе я открою, внемли.

Готовься теперь наяву увидеть
Иранских воителей грозную рать.

Несется воинственный вождь перед ней,
Средь мудрых, войной закаленных мужей,

Светлее звезда не сияла ничья.
Погублена будет держава твоя.

Когда с Сиявушем завяжешь войну,
Ты кровью затопишь родную страну.

Тебе с ним соперничать будет невмочь,
Тебя из державы изгонит он прочь.

А если тебе победить суждено,
Турану спасения нет все равно.

В возмездье за смерть Сиявуша страна
Разрушена будет, дотла сожжена».

Внимает владыка, тревогой пронзен,
Уж в битву идти не торопится он.

Пророчество брату открыв своему,
Зловещую тайну поведав ему,

Сказал он: «Коль против царевича рать
Не двину — не станет он мщенья искать;

В бою не погибну и он не падет,
От распрей кровавых народ отдохнет;

Не станет сражаться со мною Кавус,
И мир не наполнится смутой. Клянусь:

Забуду земель покоренье, бои,
Лишь к миру отныне стремленья мои!

Пошлю Сиявушу немало добра,
Алмазов, и золота, и серебра.

Я щедростью грозной судьбине глаза
Закрою: быть может, промчится гроза.

Приемлю все то, что назначил мне рок:
Да всходит посеянный небом росток!»

ГЕРСИВЕЗ ПРИБЫВАЕТ К СИАВУШУ

Идет с Герсивезом даров караван.
Их блеском, ты скажешь, весь мир осиян.

Дошел до Джейхуна, идя все быстрее.
И, выбрав из доблестных богатырей

Посланца, ему Герсивез повелел
Известье доставить. Гонец полетел

И волны реки пересек на челне,
И вот уж он в Балхе, на той стороне.

Едва до вождя Сиявуша дошла
Нежданная весть о прибытии посла,

Ростема призвал Сиявуш, и, одни
Оставшись, ту весть обсудили они.

И вот Герсивез именитый вошел.
Дорога открыта, подходит посол

К престолу. Сын шаха иранского встал,
Являя учтивость, его обласкал.

Пал ниц Герсивез, лобызает он прах —
Его обуяли смущенье и страх.

К подножию трона его усадил*,
Царевич об Афрасиабе спросил.

Дивит ослепленного богатыря
Величье того молодого царя.

Внимает Ростем обращенью посла:
«Лишь весть о тебе к Афрасьябу пришла,

Мне мчаться велел он, не медля в пути,
Дары от него венценосцу везти».

Тут знак подает Герсивез-исполин,
И вот уж дары пред главою дружин.

До двери дворца от ворот городских —
Рабов вереницы, коней дорогих,

В коронах рабы, в кушаках золотых,
Рабыни в запястьях, в серьгах золотых,

Динары, престолы, венцы без числа.
Их мысль бы измерить и счесть не могла.

Глядит на посланца, лицом прояснясь,
И внемлет ему благосклоннее князь.

Ответил Могучий: «Семь дней проведем
В веселье, а там и решение найдем.

Обдумаем просьбу царя, на совет
Мужей созовем и составим ответ».

Склонясь до земли, лобызая престол,
Хвалой отвечал хитроумный посол.

Готовят высокому гостю покой,
Украшенный золототканой парчой,

И слуг посылают к нему. Между тем
Вдвоем с Сиявушем остался Ростем.

Раздумывать стали над речью посла:
Предвестие блага она или зла?

Сомненье закралось Могучему в грудь:
Зачем столь поспешно свершил этот путь

Туранец? И вот средь ночной темноты
Расставлены всюду дозорных посты.

Ростему затем Сиявуш говорит:
«Верь, будет их умысел нами раскрыт.

И если коварством туранец ведом,
От этой отравы мы средство найдем.

Сто знатных туранцев из царской родни
В письме перечисли: пусть будут они

Отправлены к нам, как надежный залог.
Избавится сердце тогда от тревог.

Поймем, не притворно ли к миру он звал,
За мирной завесой не скрыт ли кимвал?

Залогом таким успокоив сердца,
Мы верного к шаху направим гонца.

Владыка, услышав подобную весть,
Быть может, забудет кровавую месть».

Ростем отвечал: «Твой разумен приказ,
Без этого мир невозможен для нас».

СИАВУШ ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОР С АФРАСЬЯБОМ

Наутро туранец, покинув покой,
Корону надев и кушак золотой,

Пришел к Сиявушу, к престолу припал,
Хвалой молодого царя осыпал.

Спросил Сиявуш: «Многошумная рать
В ночи не мешала ль тебе почивать?»

И после сказал: «Речь мне в душу твоя
Запала: немало раздумывал я.

К решению мы оба пришли наконец —
Возмездия жажду изгнать из сердец.

Пошли Афрасьябу ответ: «С этих пор
Да будет окончен воинственный спор!

Кто дела недобрый конец разглядел,
Прозрев, от недобрых откажется дел.

Коль правдой и мудростью дух твой богат,
Обрел ты сокровищ невиданный клад.

Когда не таится отравы в меду,
И в сердце не прячешь ты месть и вражду,

И верен ты клятве священной своей —
Пришли мне из родичей сотню мужей

Знатнейших, известных Ростему: сполна
Тебе перечислит он их имена.

Когда мне отдашь ты в заложники их —
Докажешь правдивость обетов своих.

А также из градов иранской земли,
Что ранее в руки к тебе перешли,

Ты должен в Туран отвести свою рать
И впредь нападений на них не свершать.

Пусть правда и мир воцарятся навек.
Не должен быть лютым, как тигр, человек.

Весть шаху отправлю: быть может, смягчен,
Войска отзовет без сражения он».

Гонца Герсивез посылает: «Лети,
Будь вихрю степному подобен в пути!

Расстанься с покоем, не думай о сне,
Несясь к Афрасьябу на быстром коне.

Скажи, что, с пути не свернув ни на миг,
Я цели желанной счастливо достиг.

Сказал Сиявуш: будет мир заключен,
Но сотню заложников требует он».

И воин в пыли непроглядной исчез,
Известье везя, что послал Герсивез.

Был царь озадачен известьем таким,
Сомненьями тяжкими втайне томим,

Он мыслил: «Что, если уловки одни
Все это, и сотню мужей из родни

Утрачу? Тогда поражение грозит,
Без верных помощников буду разбит.

Но если заложников дать откажусь —
Лжецом я в глазах у него окажусь.

Решусь на уступку пойти; ведь иной
Согласья достигнуть не сможем ценой.

Приму, не отвергну рассудка совет,
Быть может, спасусь от нагрянувших бед».

И сотне мужей, что Могучий назвал,
Он тотчас отправиться в путь приказал.

Царю молодому иранской земли
Немало сокровищ они повезли.

Кимвал загудел, трубный слышится вой,
Снят с места державный шатер боевой.

Чач, Согд, Самарканд, Бухару, Сепиджаб,
И земли, и трон — бросил все Афрасьяб;

Предлогов и хитростей он не искал,
Не медля, с дружинами в Канг ускал.

Как только тот слух до Ростема дошел,
Он ожил, покой долгожданный обрел.

Стремительней ветра спешит он принести
Царю Сиавушу отрадную весть.

И молвит: «Идет наше дело на лад,
Дозволь Герсивезу вернуться назад».

Дары приготовить велел Сиавуш:
Оружье, венцы, кушаки и к тому ж

Коня, что поспорить и с вихрем бы мог,
И в ножнах блестящих индийский клинок.

Обрадован даром богатым таким
Посол — будто месяц блеснул перед ним.

В восторге он князю хвалы расточал;
Ты скажешь, по воздуху конь его мчал.

СИАВУШ ПОСЫЛАЕТ РОСТЕМА К КАВУСУ

Трон кости слоновой блестит во дворце,
На нем Сиавуш в драгоценном венце.

Так вымолвил он: «Обозрев нашу рать,
Нам витязя должно такого избрать,

Который умен, красноречьем богат,
Чьи речи, быть может, царя убедят».

Могучий в ответ: «Где такого найти?
Кто шаху дерзнет эту весть отвезти?

Все тот же, что ранее был, Кей-Кавус,
Еще невоздержанней он, поклянусь.

Не лучше ли к шаху отправиться мне,
Открыть ему истину наедине?

Коль будет веленье тобою дано —
Помчусь я, в том вижу лишь благо одно».

По сердцу та речь Сиявушу была,
Искать уж не стал он другого посла.

Советуясь, долго сидели вдвоем
Могучий Ростом с именитым вождем

И после призывали писца и ему
Тотчас приступить повелели к письму.

Восславил в начале послания вождь
Того, кто дарует отвагу и мощь:

«Создатель сознания, разума, сил,
Он мудростью души людей просветил,

Ему неподвластного нет существа,
А тот, кто преступит завет божества,

Суровую кару судьбы понесет.
Оплот благоденствия, правды оплот,

Небесных светил всемогущий творец,
Да благословит он твой трон и дворец,

О царь многославный, владыка владык,
Да будешь ты вечно могуч и велик!

К добру неизменно указывай путь,
Опорою правды и разума будь!

Я Балха весною победно достиг,
Мне счастье являло смеющийся лик.

От вести такой Афрасьяба вино
Вдруг сделалось в чаше хрустальной черно.

Тогда, уstraшенный нависшей бедой,
Поняв, что покинут благою звездой,

Навстречу с дарами он брата прислал,
Рабынь, облаченных богато, прислал.

Тебя умоляет о милости он,
Верховный венец уступает и трон.

Твое признает он главенство над ним.
Довольствуясь краем туранским одним,

На землю Ирана не ступит он впредь,
Не будет враждою и злобой гореть.

Сто родичей знатных в залог он прислал.
К тебе именитый Ростем поскакал

Просить, чтобы внял ты смиренной мольбе
Того, кто явил дружелюбие тебе».

РОСТЕМ ВРУЧАЕТ КАВУСУ ПОСЛАНИЕ СИАВУША

Как буря помчался простором степей
Могучий Ростем к властелину царей.

С поклоном вступил во дворец исполин,
Навстречу ему поднялся властелин,

С приветом в объятья его заключил,
О здравье, о близких, о войске спросил,

О ходе боев, нападений, засад,
Спросил, отчего воротился назад?

Рассказ о делах Сиявуша ведет
Ростем и посланье царю отдает.

Лишь строки, что мудрый писец прочитал,
Царь выслушал — тучи темнее он стал.

Ответил Ростему: «Пусть юный мой сын
Еще не изведal суровых годин,

Но ты-то, над кем столько лет протекло,—
Муж зрелый, познавший и благо, и зло.

Безмерно тебя превозносит молва,
Отвагою в битве затмишь ты и льва.

Ужели забыл ты, став памятью слаб,
Как сон и покой наш унес Афрасьяб?

Мне рать подобало вести самому!
Я рвался навстречу врагу своему,

Меня удержали, упорно твердя:
Уместней послать молодого вождя.

Чтоб быть справедливым возмездье могло,
Лишь злом воздавать подобает за зло.

А вы, на проклятые эти дары
Польстившись, к противнику стали добры!

У вас же добытое силой добро
Вам дарит — опутал вас недруг хитро!

Прислал худородных и жалких в залог —
Назвать и отца ни один бы не смог!

А сам и не вспомнит о них никогда,
Они для него — что в канаве вода.

Пускай вы покинули доблести путь,
Но я от сражений не рвусь отдохнуть.

Туда, где раскинул свой стан Сиявуш,
Помчится разумный, испытанный муж

С таким повеленьем: «Покорствуя мне,
Надень на заложников цепи. В огне

Сожги все дары и по ветру развей,
Смотри, ни к чему прикоснуться не смей!

Туранцев ко мне ты отправишь затем,
Велю отрубить я им головы всем.

А сам, распалив жажду мести в груди,
С дружиной своей на Туран напади.

Обрушьте на недругов лютый свой гнев,
Как волки на стадо ягнят налетев!

Когда занесешь ты губительный меч
И станешь селения грабить и жечь —

Встревоженный, чуждый покою и сну,
Начнет Афрасьяб поневоле войну».

Ему отвечает Могучий: «О царь,
Заботою сердце себе не мытарь.

Совет мой послушай, а там и решай:
Тебе ведь покорны и войско и край.

Не ты ль говорил: «На врага наступать
Не должно, на месте удерживай рать.

С дружиной своей не замедлит он сам
Джейхун пересечь и направиться к вам».

Я ждал наступления вражеских сил,
Но дверь примирения недруг открыл.

Коль ищут согласия и мира с тобой,
Не должно кидаться в неистовый бой.

К тому же верны обещаньям князя,
Поправшего клятву осудят друзья.

Положим, царевич, враждой обуян,
В кровавых боях разгромил бы Туран,

Ты что приобрел бы? — Престол и печать,
Ирана богатство, покой, благодать...

Всего ты достиг, для чего же война?
Да будет душа твоя света полна!

Не требуй, чтоб клятву нарушил твой сын,
На душу греха не бери, властелин.

Открыто скажу я — таиться к чему ж? —
Обет не нарушит твой сын Сиявуш.

Твое повеленье, душой возмутясь,
Сурово отвергнет прославленный князь.

Сыновнее сердце, о царь, не терзай:
Сам после ты горько раскаешься, знай!»

КЕЙ-КАВУС ОТСЫЛАЕТ РОСТЕМА В СИСТАН

Речь выслушал царь, и сверкнули глаза,
И гнева его разразилась гроза.

Ростему сказал повелитель земли:
«Я речь поведу откровенно, внемли.

Внушил ему это решение ты,
Виной, что забыл он о мщении,— ты.

Ты думой о благе своем поглощен,
Не ищешь возвысить державу и трон.

Останься, а Тус-полководец пойдет
С дружиной, с литаврами в ратный поход.

Отправляю я в Балх верхового гонца
Со словом суровым царя и отца.

А если веленье мое Сиавуш
Отвергнуть решится, то дерзостный муж

Пусть рать предводителю Тусу вручит,
А сам с приближенными к нам поспешит.

Я с ним по заслугам тогда поступлю,
Подобной строптивости не потерплю!

И другом тебя уж не стану я звать,
Не будешь ты впредь за меня воевать».

Во гневе воскликнул Ростем: «Небосвод
И тот на Могучего не посягнет!

Тус, правда, Ростема воинственной — все ж*
Подобных Ростему едва ли найдешь!»

И тотчас Ростем покидает царя,
Насупившись, негодованьем горя,

Приказ отдает, и снимается стан,
И мчится Могучий с дружиной в Систан.

А шах предводителя Туса призвал,
Собратся в далекий поход приказал.

Ему торопиться велит Кей-Кавус.
Дружину скликает литаврами Тус,

И каждый воитель готовится в путь,
Себе говоря: «О покое забудь!»

ОТВЕТ КЕЙ-КАВУСА НА ПОСЛАНИЕ СИАВУША

Посланца избрал Кей-Кавус и ему
В дорогу велел собираться. К письму

Спеша приступить, он писца подозвал,
Сиденье у трона ему указал.

Враждою и гневом посланье полно,
Подобно стреле острожалой оно.

Царь славил вначале создавшего мир:
«Того, кто войну посылает и мир,

В чьей власти Луна, и Бехрам, и Ксейван,
Чьей милостью царский престол осиян,

Чьей волей над нами вращается свод
И солнце лучи животворные шлет.

Ведом негасимой своею звездой,
Ты здоров будь и счастлив, мой сын молодой!

Ужели завет мой ты ныне забыл,
Ужели угас твой воинственный пыл?

Врага ты жалеешь, а мало ли бед
На нас он обрушил в дни прежних побед?

Не вздумай искать примирения, край
В пучину несчастья вновь не ввергай.

Поддавшись по младости лет на обман,
Ты участи горькой обрек бы Иран!

Немедля пришли ты заложников нам,
Их крепко связав по рукам и ногам.

Не диво, что хитрому веришь врагу,
Об этом судить по себе я могу:

Поддавшись обманчивым, льстивым речам,
Не раз от войны отступался я сам.

Послал я тебя не мириться, а мстить,
Ты ж царскую волю дерзнул преступить!

Красавицам думы твои отданы —
Недаром стремишься избежать войны!

Дарами врага соблазнился Ростем —
Должно быть, его не насытит ничем!

А ты, возмечтавший о мире юнец,
Надеешься, верно, на царский венец?

Мечом проложи к благоденствию путь!
Чтоб царствовать — завоевателем будь!

Тус храбрый к тебе с удальцами спешит,
Тобой не свершенное он совершит.

Заложников ты — супостату на страх —
Ко мне отошли на ослах, в кандалах.

Когда примиришься с врагом — небосвод
В возмездье пошлет нам немало невзгод.

В Иране о тяжелой напасти такой
Узнают, и смута нарушит покой.

На поле сражения выведи рать
И долее слов бесполезных не трать!

Взрывая воинственным грохотом тишь,
Прах черный в кровавый Джейхун обратишь,

И царь Афрасьяб позабудет о сне:
Его нападеньем принудишь к войне.

А если жалеешь заклятых врагов,
Злоречием их устрашен, — будь готов

Рать Тусу вручить и вернуться в свой дом,
Но впредь недостойн ты зваться бойцом!»

К письму приложили владыки печать,
Гонцу повелели послание мчать.

Доставлено князю посланье. Едва
Прочел он суровые эти слова,

Гонца подозвал и расспрашивать стал,
И многое тот Сиавушу сказал:

С Ростемом о чем говорил Кей-Кавус,
Как гневался яро, как призван был Тус.

Князь сумрачно повествованью гонца
Внимал, оскорблен за Ростема-бойца.

В глубокое впал он раздумье: как быть?
Царя ли послушаться, клятву ль забыть?

Себя вопрошает он: «Сотню бойцов,
Знатнейших туранской страны храбрецов

Ужели владыке я выдать решусь?
Раздумывать долго не станет Кавус:

Несчастных, ни в чем не повинных, тотчас
Повесить прикажет он, разгорячась.

Как вымолю после прощенье творца?
В ответе мне быть за жестокость отца!

И если войною без важных причин
Пойду на владыку туранских дружин,

Меня покарает создатель миров
И суд соплеменников будет суров.

Когда же к царю во дворец ворочусь
И войска главою останется Тус,

От грозного шаха пощады не жди —
Смерть справа и слева, и смерть впереди.

Злокозненной также страшусь Судабе...
Кто знает, какой обречен я судьбе?»

СИАВУШ СОВЕЩАЕТСЯ С БЕХРАМОМ И ЗЕНГЕ

Воззвал он о помощи к богатырям,
Которые звались Зенге и Бехрам.

С тех пор как дружину покинул Ростем,
Во всем доверялся он витязям тем.

Других из шатра своего удалив,
Воителей рядом с собой усадив,

Князь вымолвил: «Шлет мне, вражды не тая,
Беду за бедою судьбина моя.

Гнев сердце отцовское вдруг охватил —
Такое мне рок испытанье судил!

Позору тогда предпочел я войну,
Я думал: от грозной беды ускользну,

Балх полон был вражеских мощных дружин,
Которые вел Герсивез-исполин,

А в Согде стоял Афрасьяб со своей
Воинственной ратью в сто тысяч мужей.

Мчась бурно и днем, и под пологом тьмы,
Врагу не давали опомниться мы.

Покинуть пришлось нашу землю врагам,
Прислать и дары, и заложников нам.

И все согласились мобеды со мной,
Что должно покончить с кровавой войной.

Коль шах увеличить богатства хотел,
Расширить иранского царства предел —

Всего он добился: к чему ж воевать
И мщенья жаждать и кровь проливать?

Но я Кей-Кавусу не смог угодить,
Он стал наносить мне обиды, грозить.

К войне принуждает меня Кей-Кавус,
Но клятвопреступником стать я страшусь.

Кровавая мне ненавистна стезя,
Заветы отцов мне отринуть нельзя.

На гибель меня в двух мирах он обречь
Задумал, — в силки Ахримана завлечь.

Кто знает, победа кому суждена,
Коль грянет неправая эта война?

Уж лучше б я матерью не был рожден
Иль был бы на раннюю смерть осужден,

Чем столько страдать, не изведав отрад,
Вкушая на свете лишь гибельный яд!

Ты скажешь, высокое древо возросло,
Чьи листья и смоквы — отравы и зло...

Я клятвой священной скрепил договор,
Клялся всемогущим Йезданом. Позор

Падет на меня, грянет множество бед,
Когда вероломно нарушу обет.

Меня за обман, столь бесчестный и злой,
Заслуженной люди осыплют хулой.

По свету о том разнесется молва,
Что предан был мною Турана глава.

Зов чести отвергнув, идти мне войной,
Презреть небеса для корысти земной?

Того не одобрит создатель миров,
Суд рока всевластного будет суров.

Пойду отыщу уголок на земле,
Укроюсь от шаха, исчезну во мгле.

Жизнь наша то света полна, то мрачна —
Во власти творца мирозданья она...

Труд тяжкий возьми на себя, исполни
Зенге, Шаворана прославленный сын!

Спеши к Афрасьябу, и днем, и в ночи
Без отдыха, без остановки скачи.

Заложников всех и Турана дары:
Престолы, венцы, самоцветы, ковры —

Доставь и владыке вручи самому,
Про все, что случилось, поведай ему.

Бехрам, сын Гудерза, о слава мужей!
Войска и защиту родных рубежей,

Слонов, и литавры, и княжий шатер
Я власти вверяю твоей до тех пор,

Пока не прибудет с дружиною Тус.
Ему передай ты и войско, и груз.

По счету пусть будут ему вручены
Престолы, венцы и богатства казны.

Коль сердце вам замысел мой омрачил,
Приказ мой исполнить не сыщется сил —

Сам буду себе и посол, и вожак.
Здесь, в поле, оставляю и ставку, и стяг.

Наград от меня вы не можете ждать,
К чему же вам службой себя утруждать?»

От тех укоризненных княжеских слов
Стеснились сердца именитых бойцов.

Рыдали они, изнывая, томясь
От мысли, что хочет покинуть их князь.

Предвидели множество тяжких невзгод,
Какие с Кавусом разрыв принесет.

И чуяло сердце — не свидеться впредь:
Как слезы не лить и душой не гореть!

«О князь, — восклицает Зенге, — мы верны,
К тебе неизменной любовью полны.

Обет нерушимый приносим, любя:
Бестрепетно жизнь отдадим за тебя».

Доволен ответом, дружины глава
К Зенге обращает такие слова:

«Спеши властелину Турана отнесть
О горьких моих злоключениях весть:

Себя ради мира обрек я войне,
И счастье твое стало гибелью мне.

Я клятву сдержал и с пути не сошел,
Хоть знаю: за это утрачу престол.

Иездан всемогущий — мне щит и оплот,
Престол мне — земля, мой венец — небосвод.

Ослушником стал я царю своему,
Могу ли теперь воротиться к нему?

Меня через земли свои пропусти
Туда, где смогу я приют обрести.

В стране отдаленной, безвестной свое
Хочу от Кавуса укрыть бытие,

Уйти от хулы, от жестоких обид,
Которыми шах разъяренный грозит».

ЗЕНГЕ ОТПРАВЛЯЕТСЯ К АФРАСЬЯБУ

Зенге опечаленный двинулся в путь.
Заложников знатных спешил он вернуть

И с ними даров драгоценных обоз,
Что раньше посол Афрасьяба привез.

И вот он столицы туранской достиг.
Тут с вышки вгляделся дозорный и крик,

Прибытие посла возвещавший, издал.
Навстречу муж знатный Товорг прискакал.

Как только Зенге к Афрасьябу вошел,
Властитель Турана покинул престол,

Воителя крепко в объятиях сжал,
Приветствовал, рядом с собою сажал*.

И витязь послание отдал сперва,
Затем повторил Сиявуша слова.

Был вестью такой Афрасьяб потрясен,
Исполнился гнева и горести он.

Посла повелел он в покой поместить,
Как должно, его обласкать и почтить,

А сам предводителя рати зовет.
Мгновенно предстал пред властителем тот.

С премудрым Пираном оставшись вдвоем,
Его Афрасьяб известил обо всем.

«Что делать? — спросил он. — Давать ли обет,
Дорогу пред ним открывать или нет?»

«Владыка! — ему отвечает Пиран. —
Да будешь ты счастьем весь век осиян!

Ты разумом нас прозорливей, мудрей,
Богаче казною, могучей, храбрей.

В познаниях никто не сравнится с тобой —
Столь щедро, о царь, одарен ты судьбой!

Знай, каждый, кто милости властен дарить,
Добро и открыто, и втайне творить,

Для князя, чей столь многотруден удел,
Ни злата б, ни помощи не пожалел.

Ему, по веленью высокой души,
Послание мудрое ты напиши.

Приют благородному юноше дай,
Как сына родного, его обласкай.

Пусть в нашей державе покой обретет,
Пусть должный его окружает почет.

Дочь дай ему в жены, исполнив обряд.
Средь милостей пусть он живет, средь услад.

И, край твой родимый душой возлюбя,
Быть может, останется он у тебя.

А если вернется к родителю сын,
Умножится слава твоя, властелин;

Признателен будет владыка владык,
Услышишь хвалу ото всех, кто велик.

Сюда, зная, привел Сиявуша творец,
Чтоб войнам пришел долгожданный конец.

Чтоб странам обеим опять процветать;
Всесильна святая его благодать!»

Когда отзвучали Пирана слова,
Над ними задумался царства глава:

То благо провидел в грядущем, то зло...
И долго в безмолвии время текло.

Пирану седому сказал он в ответ:
«Ты прав, о мудрейший, сомнения нет.

Меж славных мужей, закаленных в бою,
Кто доблесть и славу затмил бы твою?

Но мне не забыть многозначащих слов,
Что слышал я раньше из уст мудрецов:

«Коль вырастишь львенка, уму вопреки,
Поплатишься: когти его и клыки

Окрепнут. Исполнится ярости он
И кинется вдруг на того, кем возвращен».

На это ответ у Пирана готов:
«Рассудку внемли, повелитель бойцов!

Пусть злобен отец, если сын не в отца,
Возможно ль злонравия ждать от юнца?

Ужели не знаешь: Кавус одряхлел,
Уж близится старческой жизни предел.

Князь будет владыкой огромной страны,
Наследственных замков, богатой казны,

И станут твоими престолы двух стран.
Кто в мире был счастьем таким осиян?»

ПОСЛАНИЕ АФРАСЬЯБА СИАВУШУ

Пиранова речь убедила царя.
Разумным решением дух озаря.

Писца подозвал он, выдавшего свет,
И стал Сиявушу готовить ответ.

Когда повелитель уста разомкнул
И в амбру писавший перо окунул,

Восславив создателя мира сперва,
Так пишет в посланье Турана глава:

«О князь, чья душа непорочна, светла,
Чужда вероломству, свободна от зла!

Я выслушал все, что сказал исполин
Зенге, Шаворана прославленный сын.

Тебе сострадаю, душою скорбя;
Мне жаль, что разгневался шах на тебя.

Но если ты ищешь венец и престол —
А дальше бы мудрый в желаньях не шел,—

Все это тебя, многодоблестный, ждет
У нас: и богатство найдешь, и почет.

Тебя преклонением встретит страна;
Поверь, мне тобою любовь внушена.

Отныне отец я, ты — сын дорогой,
И сыну отец будет верным слугой.

Улыбок еще никогда, поклянусь,
Столь щедро тебе не дарил Кей-Кавус,

Сколь щедро я ныне тебе отомкну
И верное сердце свое, и казну.

Дворец подарю, а умру я — в стране
Останешься памятью ты обо мне.

В свидетели ныне Йездана беру:
Душою и телом привержен добру,

Чинить тебе зло не дозволю, и сам
Я сердцу в тебе усомниться не дам».

И царь, наложив на посланье печать,
Зенге именитому в путь выступать

Велит, подарив ему много добра,
Алмазов, и золота, и серебра,

А также подобного вихрю коня.
Понесся воитель быстрее огня

И вскоре явился к вождю своему,
Что видел и слышал, поведал ему.

Царевич известию доброму рад,
Но дух его тайной печалью объят.

Врага суждено ему другом назвать,
Но может ли пламя живительным стать?

От недруга мудрыс блага не ждут,
Его ублажать — зря затраченный труд.

СИАВУШ ВВЕРЯЕТ ВОЙСКО БЕХРАМУ

Посланца к отцу отрядил он с письмом,
Правдиво в письме рассказал обо всем:

«Меня с юных лет добродетель влекла,
И сердце чуждалось порока и зла.

Изведал я, царь, твой неправедный гнев,
В том пламени грозном душою сгорев.

Мне горе в гареме изведать пришлось,
Немало я пролил сжигающих слез.

В костер меня ввергла жестокая длань,
Рыдала в степи обо мне даже лань.

От срама спасенья искал я в войне,
Дракона смирить посчастливилось мне.

В обеих державах о мире твердят
С восторгом, лишь сердце твое — что булат.

Тебя не смягчить мне! Уйду от одной
Беды — уж другая висит надо мной.

Я вижу, властитель, тебе я постыл,
Постылым к тебе воротиться нет сил.

Твоими да будут и счастье и власть!
Я с горя кидаюсь чудовищу в пасть.

Кто ведает, что мне сулит небосвод:
Суровую кару иль милость пошлет?»

Бехраму затем говорит Сиавуш:
«Прославь свое имя, о доблестный муж!

Я ныне тебе отдаю под надзор
Престол, и казну, и верховный шатер,

Кимвалы, слонов, стяг, воителей строй.
Лишь Тус, что отныне вам будет главой,

Прибудет — в сохранности все передай.
Будь бдительным, витязь, будь счастлив. Прощай!»

Царевич три сотни избрал верховых,
Привычных к походам мужей боевых;

Немало собрал драгоценных камней,
С динарами множество взял кошель.

В уборах сверкающих сотня бойцов
И сто златоуздых лихих жеребцов

Готовы в дорогу. При князе сполна
Сосчитаны кони, оружие, казна.

Затем он воителей славных созвал.
«Джейхун переплыв, — так он рати сказал, —

Сюда направляется знатный Пиран
Послом от царя, в чьем владенье Туран.

Доверием высшим мужей облечен,
К нам с тайною вестью торопится он.

Я встречу посланца туранской страны,
А вы оставаться на месте должны,

Над вами начальствовать станет Бехрам,
Отныне его повинуйтесь словам».

Мужи, лишь умолк многодоблестный князь,
Склонились, велению его подчинясь.

Лишь спряталось ясное солнце и мгла
На землю остывшую тихо легла,

Ушел он к Джейхуну с дружиной своей;
Горячие слезы текли из очей.

Тус к Балху меж тем подъезжает и там
Внимает, встревоженный, горьким вестям:

«Кавуса, владыки иранского сын
Бежал к властелину туранских дружин».

И, рать отозвав, возвращается Тус,
И вскоре увидел его Кей-Кавус.

Раздался властителя горестный стон;
Лицом пожелтел он, известьем сражен.

В груди его пламя и влага в очах;
Порочит и сына, и недруга шах.

И думает: что же сулит ему рок?
С ним милостив будет иль будет жесток?

Сражаться властителю было невмочь,
И мысли о мщенье откинул он прочь...

Меж тем о прибытье царевича весть
В Туране спешат Афрасьябу принести:

С дружиной приплыл и на берег сошел,
И в царский дворец им отправлен посол.

Царь почести гостю велит оказать,
Навстречу вести с барабанами рать.

С дарами знатнейших из близких своих
Пиран отрядил: ровно тысяча их.

С невиданной пышностью рать убрана.
Вот белых четыре ступают слона.

На первом сверкнул бирюзовый престол,
И стяг, словно гордое древо, расцвел,

Фиалковый, золотом сплошь залитой.
И месяц на древке блеснул золотой.

Блестят позади три сиденья других,
В роскошной парче и коврах дорогих.

Из золота седла ста резвых коней,
На золоте — блеск многоцветных камней.

Все светится, будто на небе горя,
Сиянием мир заливают заря.

Лишь весть о прибытии бойцов донеслась,
К ним тотчас навстречу направился князь.

Вот знамя сверкнуло, и клики слонов
Он слышит и ржанье лихих скакунов.

В объятья царевич вождя заключил,
О царстве, о славном владыке спросил

И молвил: «Ты, верно, устал, исполин,
Так долго скача среди гор и долин?»

Веселым и здоровым тебя пред собой
Узреть я стремился, о славный герой!»

Прекрасного князя Пиран без конца
Целует в чело. Прославляя творца,

Воззвал он: «О ты, что премудр и велик
И в каждую тайну, всевластный, проник.

Увидел бы счастье такое во сне —
И то возвратилась бы юность ко мне».

И молвит он князю: «Їездану хвала!
Ты здесь, невредимый, спасенный от зла!

Счастливо живи, без тревог и забот!
Служить тебе верно весь будет народ.

Достойным признаешь меня, старика,—
Служить и моя тебе станет рука!»

И радостно двинулись оба вперед,
О том и об этом беседа течет.

Робабов и ченгов разносится звон,
Уснувший и тот бы вскочил, пробужден.

И улицы мускусом напоены,
И словно на крыльях летят скакуны.

На это глядит Сиавуш, из очей
Слез гневных и горестных хлынул ручей.

Припомнил Забула, Кабула пиры,
Похмелье и песни веселой поры,

Когда пребывал он с дружиной своей
В гостях у Ростема, меж славных мужей.

Вот так осыпали их амброй в те дни,
Вот так по алмазам ступали они...

И вспомнился князю родимый Иран,
И тяжело вздохнул он, тоской обуян.

Томился, к отчизне душою стремясь,
Раскаяньем горьким охваченный князь.

От спутника он отвернулся, печаль
Скрывая. Пирану царевича жаль;

Он горе изгнанника сердцем постиг
И, грустно умолкнув, главою поник.

Стоянку устроили в Качар-Баши,
Уселись, и льется беседа в тиши.

На юного князя взирает Пиран:
Как лик его светел, а стан — что платан!

Прекрасным невольно любитесь он,
Йезданово имя твердит, восхищен,

И так говорит Сиавушу: «Внемли,
Наследник былых властелинов земли!

Трех свойств обладатель, втройне ты велик,
Нет качеств подобных у прочих владык.

Вот первое — истину я говорю —
Во всем ты подобен Кобадугарю.

Второе: отважен, свободен твой дух,
Ты речью правдивою радуешь слух.

А третье: людей ты влечешь добротой,
Сердца оживляет взор ласковый твой».

Пирану в ответ говорит Сиавуш:
«О старец почтенный, правдивейший муж,

Чья добрая слава весь свет обошла,
Чье сердце не знает коварства и зла!

Когда поклянешься мне в верности — я,
Поверив, что клятва священна твоя,

Останусь, как будто в родимом дому,
Себя милосердью вручу твоему.

Клянись, что окончится это добром,
Что каяться мне не придется потом,

Не то — через земли свои пропусти,
В другую страну укажи мне пути».

Пиран отвечает: «Сомненья отбрось!
С Ираном тебе разлучиться пришлось,

Так бойся любовь Афрасьяба-царя
Отвергнуть; твердишь об уходе ты зря.

Хоть царь повсеместно молвой осужден,
Ей верить не должно: муж праведный он.

Высоким умом одарен властелин,
Не станет обиды чинить без причин.

Советник я, первый боец у него,
Нас кровное также связует родство.

В почете я, брат властелина родной,
Владею престолом, войсками, казной.

Все в жертву тебе, преисполнен любви,
Отдать я готов: беззаботно живи!

Клянусь я — да слышит создатель благой! —
Я буду тебе неподкупным слугой,

Тебя ограждая от бед и обид.
Кто ведает, что провиденье сулит!»

Воспрянув душою от этих речей,
Царевич забыл о тревоге своей.

Уселись беспечно, пируют вдвоем,
Стал сыном царевич, Пиран стал отцом.

Поднявшись, они продолжали поход,
Не ведая усталей, мчались вперед

И вскоре достигли, веселья полны,
Цветущего Канга — столицы страны.

ВСТРЕЧА СИАВУША С АФРАСЬЯБОМ

Лишь в город вступил Сиявуш, донесли
Об этом владыке туранской земли.

И вот Афрасьяб из дворца своего
Выходит на улицу — встретить его.

Увидя, что пеший владыка идет,
Царевич покинул седло в свой черед.

И руку друг другу кладут на плечо,
Целуют в чело и в глаза горячо,

И так говорит Афрасьяб: «На земле
Отныне забудут о горе и зле.

Рассеется распри зловещая тень,
В ручье рядом с тигром напьется олень.

Тур начал воинственный спор в старину*,
В пучину несчастья ввергнув страну.

О мире забыли в обоих краях,
Везде воцарились насилие и страх.

Ты людям усталым подаришь покой,
Кровь более литься не будет рекой.

В Туране, с любовью склонясь пред тобой,
Служить тебе преданно станет любой.

Пиран тебе родичей кровных родней,
Казною и жизнью моею владей.

Я буду всегда, словно сына любя,
С улыбкой приветной взирать на тебя».

Владыке хвалу Сиявуш воздает:
«Да здравствует твой многодоблестный род!

Восславим Йездана, кем жизнь создана,
Чьей волей сменяется миром война».

Взял за руку царь Сиявуша потом,
На троне с собой усадил золотом,

На юношу смотрит и молвит, дивясь:
«Подобных тебе я не ведаю, князь!

Красою, осанкой, величьем вождей
С тобой не сравнится никто из людей».

Для князя роскошный избрали чертог,
Парчой златотканой убрали чертог.

Доставлен туда и престол золотой,
Украшенный алой китайской тафтой,

На буйволовых головах золотых
Стоящий, и много сокровищ иных.

Зовут Сиявуша под своды вступить,
Под ними привольно и счастливо жить.

И арка дворца до небес вознеслась,
Как только под нею прошествовал князь.

Воссел Сиявуш на блистающий трон,
В глубокую думу душой погружен.

Собираются гости к владыке, и вот
Посланец туда Сиявуша зовет.

С собою его усадив пировать,
Беседует с князем туранская знать.

Но вот уже гости в чертоге ином,
Фиалы наполнены алым вином.

Запели певцы, слышен сладостный руд,
Мужи веселятся, без устали пьют.

Пируя, сидели они дотемна,
Пока не затмились умы от вина.

Князь в замок вернулся, веселый, хмельной,
Забыв во хмелю про Иран свой родной.

Царевичем был Афрасьяб покорен,
Все думал о нем, забывая про сон.

И тою же ночью он мужа призывал,
Который в гостях у него пиროвал,—

Шиде. Повеленье услышал сей муж:
«Лишь утром раскроет глаза Снавуш,

Тебя пусть увидит он в замке своем,
Со знатью, с моею роднею притом.

Доставьте рабов, молодых удальцов,
Со сбруей золотой дорогих жеребцов,

И много подарков богатых других;
С почтеньем вручите царевичу их».

Собрали вожди быстроногих коней,
Немало динаров и ярких камней,

Царевичу эти дары поднесли
И речи хвалебные произнесли.

Дни мчатся за днями, вертящийся свод
Царевичу милость за милостью шлет.

Меж знатных мужей высоко вознесен,
Царю все милей и угоднее он.

ПИРАН БЕСЕДУЕТ С СИАВУШЕМ О ФЕРЕНГИС

Однажды Пиран прозорливый, склонясь,
Сказал Сиявушу: «О доблестный князь!

Могуч предводитель туранских полков,
Главой он возносится до облаков;

На свете ему ты дороже всего;
Ты — сердце, и разум, и сила его.

Коль с ним породнишься, как учит закон,
Возвысит тебя больше прежнего он.

Всех лучше его дочерей — Ференгис,
На лик и на кудри взгляни и дивись!

Стройней кипариса красавицы стан,
Венец ей из мускуса черного дан.

Нет девы прекрасней, достойней, умней,
Сам разум склонится, как раб, перед ней.

Такой ни Кашмир, ни Кабул не видал*;
Хочу, чтобы в жены прекрасную дал

Тебе властелин. Породнившись с тобой,
Блестящей тебя одарит он судьбой.

Велишь — Афрасьябу об этом скажу
И тем у владыки почет заслужу».

На это Пирану сказал Сиявуш:
«С создателем спорить под силу кому ж?

Когда повеленье творца таково,
Напрасно противиться воле его.

О милом Иране, знать, грежу я зря!
Не видеть мне больше Кавуса-царя,

Дестана, родного душе пестуна,
Ростема, мне милого, словно весна,

Бехрама, Зенге, чей отец Шаворан,
Шапура и Гива, кем славен Иран.

С друзьями разлука навек суждена!
Отныне Туран мне — родная страна.

Готов я, сосватай, отца замени,
Но это до времени втайне храни».

И тяжело вздыхает он, грустью объят,
И очи без удержу влагу струят.

Ответил Пиран: «Кто рассудком не слеп,
Смирится пред волей всемогущих судеб.

Над всеми владыка — вертящийся свод;
То грозную кару, то милость он шлет.

В Иране имел ты друзей дорогих,
Иездану вручил и оставил ты их.

Здесь ныне твой дом, здесь оставишь ты след;
К престолу иранскому доступа нет».

БЕСЕДА ПИРАНА С АФРАСЬЯБОМ

Царевича скрытые думы узнав,
Пиран именитый к владыке держав

Направился, радостью светлой лучась,
И все перед ним расступились тотчас.

Он долго стоял пред владыкой, и тот
Ему добродушно вопрос задает:

«В молчанье зачем ты стоишь предо мной?
Чего ты желаешь от жизни земной?

Ни трона не жаль для тебя, ни мечей.
О многом иль малом — проси, не робей!»

Вождь мудрый промолвил владыке в ответ:
«Пусть вечно щедротами радуешь свет!

По милости царской я всем одарен:
И рать у меня, и богатства, и трон.

Поручено мне Сиявушем принести
Царю от него сокровенную весть.

Просил он: владыке Турана скажи:
«Я счастлив, меня прославляют мужи.

Как милым отцом, я лелею тобой,
Немало доселе я взыскан судьбой.

Супружества счастье даруй мне теперь,
К блаженству открой мне заветную дверь.

Тобой несравненная дочь возвращена;
Дворец мой украсить могла бы она.

Царица ее Ференгис назвала...
Она бы мне счастье навек принесла».

Задумался царь, обуял его страх,
И вымолвил он со слезами в глазах:

«Когда-то я притчу тебе рассказал,
Но отклика в сердце твоём не сыскал.

Мне муж прозорливый, чей разум высок,
Такие слова в назидание рек:

«О ты, что воспитывать львенка готов!
Добра от своих не дождешься трудов.

Усердствуя, вырастишь полного сил —
Смотри, чтоб расцветший тебя не сгубил.

Лишь когти окрепнут, он прежде всего
Набросится на пестуна своего...»

Я помню к тому ж предсказанье жрецов,
Седых звездочетов, благих мудрецов.

Подняв астролябии к солнцу, они
Поведали мне, что в грядущие дни

Немало страданий великих и бед
Мне внук принесет, народившись на свет.

Державный венец, и дворец, и казна,
И войско мое, и родная страна —

Все будет разгромлено, сгинет в огне,
И в мире приюта не сыщется мне.

Престол мой наследственный вырвет из рук,
Погибели злой обречет меня внук.

Я вижу: гадатели были правы,
Судеб начертанье свершится, увы!»

Пиран отвечает ему: «Властелин,
Ты сердце избавь от забот и кручин.

Поверь, если станет отцом Сиявуш,
Сын будет разумный и праведный муж.

Припомни, нам лгут звездочеты порой.
Вняв разуму, брак Сиявуша устрой.

В нем кровь Феридуна, Кобада течет,
Бывал ли знатней и блистательней род?

Двух тронов наследник, велик и могуч,
Венчанной главой вознесется до туч.

А если иное тебе суждено,
Уловкой судьбу не смягчить все равно.

То будет, чему предназначено быть;
Беду осторожностью нам не избыть.

Деянием столь благодетельным ты
Заветные все утолил бы мечты».

Промолвил владыка Пирану в ответ:
«К худому не может вести твой совет.

Тебе повинуюсь, согласие даю:
Надеюсь на мудрую помощь твою».

Пиран поклонился царю до земли,
Уста славословие произнесли.

Затем удалился и добрую весть
Тотчас поспешил Сиявушу принести.

За чашей они просидели всю ночь,
Вином отгоняя все горести прочь.

Свадьба Сиявуша и Ференгис была отпразднована с великой пышностью.

АФРАСЬЯБ ВРУЧАЕТ ЦАРСТВО СИАВУШУ

Еще миновало семь дней с той поры.
Готовит владыка для князя дары:

Немало коней и овечьих отар,
Кольчуг и шеломов, горящих, как жар,

Арканов, булав и одежд дорогих,
Динаров и много сокровищ других.

И земли ему до Чин-моря даны,
Где грады богатые возведены,—

В уделе том сотни фарсангов длины,
Никто б не измерил его ширины.

Владыка, по царским законам, указ
Велев нанести на тончайший атлас,

Его к Сиявушу послал во дворец,
С указом престол золотой и венец.

Большое устроил затем торжество:
Откуда б и кто ни пришел, у него

И стол находил, и кувшины с вином,
Ел, пил, уносил и с собою притом

Так много, что после под кровлей своей
Еще угощался семь дней и ночей.

Темницы для узников царь отворил,
Блаженствуя, людям блаженство дарил.

Семь дней пировали, пришел на восьмой
С Пираном к царю Сиявуш молодой.

Властителю оба хвалу вознесли:
«О ласковый, щедрый владыка земли!

Пусть жизнь твоя радостью будет полна,
От горя да сгорбится вражья спина!»

К себе, под высокие своды дворца
Вернулись затем, прославляя творца.

Так минул покойно и радостно год,
Страданий и бедствий не слал небосвод.

Однажды царя Афрасьяба посол
Со словом таким к Сиявушу пришел:

«Привет посылает тебе властелин
И молвит: «О славный водитель дружин!

До Чина простертый, обширный свой край
Объехать не хочешь ли? В путь выступай.

По нраву тебе коль отыщется град,
Что сделать столицею будешь ты рад,—

Останься и весело там заживи,
И счастье — своим неизменно зови».

Той речью обрадован царь молодой.
Литавры и трубы запели; с собой

Ведет Сиявуш закаленных бойцов
И множество перстней везет, и венцов,

Походных шатров, и оружия. Меж тем
В дорогу собрался и царский гарем.

Воссела в парчовом шатре Ференгис,
И вышел обоз, и бойцы понеслись.

Хотена достигли, веселья полны;
Их знатные витязи той стороны

Встречают; там издавна княжил Пيران,
Край верен был князю. Раскинули стан.

И месяц — условленный ранее срок —
Гостили, не зная забот и тревог.

В пирах Сиявуш проводил день за днем;
То мчится на лов, то сидит за вином.

Но вот, откликаясь на крик петухов,
Донесся кимвала походного зов.

Властитель направился к землям своим,
Пираном ведомое войско — за ним.

Навстречу — лишь это успела узнать —
К царю поспешила верховная знать,

От вести благой ликованья полна;
Как в праздник, украсилась пышно страна.

Такое веселье везде началось,
Что небо, ты скажешь, с землею слилось.

Шум, трубное пенье — того и гляди,
Вдруг выпрыгнет сердце твое из груди.

Дошли до селенья, пленявшего взор:
С одной стороны — моря синий простор,

Высокие горы с другой стороны,
Леса заповедные дичи полны,

Древесная сень и журчащий родник —
Здесь юношей стал бы и дряхлый старик.

Пирану сказал Сиявуш: «Этот край
Влечет мое сердце, земной это рай.

Воздвигну я здесь благодатный приют,
Где взоры и сердце отраду найдут.

Просторный и светлый раскинется град;
Дворец — что ни дом, что ни улица — сад.

Здесь замок хочу возвести до луны,
Какой подобает владыке страны».

«О мудрый, — Пиран отвечает ему, —
Свершай, что угодно душе и уму.

Прикажешь, дворец до луны вышиной
Воздвигну — ты властен во всем надо мной.

О землях, богатствах не думаю я,
Ты, славный, — отрада земная моя».

«Величия древо, — сказал Сиявуш, —
Взрастил ты, о мудрый и доблестный муж!

Богатство и счастье обрел я не сам,
Я ими твоим лишь обязан трудам.

Такую построим столицу, чей вид
Блистательный, стройный весь мир удивит».

СИАВУШ СТРОИТ ГОРОД КАНГ

О городе Канге сказанье теперь
Послушай и разумом светлым поверь,

Что нет ему града второго под стать,
И края отрадней нигде не сыскать.

Усердным трудом Сиявуш в старину
Тот город воздвиг и украсил страну.

Лежит за рекою безбрежный простор:
Пустыня, куда бы ни кинул ты взор.

Минуешь ее — города пред тобой,
И сердцу отраду дарует любой.

А дальше, безмерно крута, высока,
Возносится горная цепь в облака.

Узнай же: там крепость на круче стоит,
И город она за стенами таит.

Фарсангов до сотни — окружность горы.
Вершины — как очи твои ни остры —

Увидеть не сможешь и в крепость пути
Не сыщешь: в ворота лишь можно войти.

Вкруг города встала громада стены,
В ней больше чем тридцать фарсангов длины;

На этой стене даже горстка мужей
Защитой бы стала твердыне своей,

Хотя бы напало сто тысяч бойцов,
Закованных в сталь верховых удалцов.

Проникнув за стену, увидишь ты град,
Где взоры чарует то замок, то сад;

Роскошные бани, журчание вод,
Украшены улицы, весел народ.

Уйти не захочешь из этой страны!
Косули в лугах, горы дичью полны.

Фазан, куропатка и пестрый павлин
Тебе попадутся средь гор и долин.

Везде ликование, как на пиру.
Не холодно в холод, не жарко в жару.

Струятся потоки, сердца веселя,
Не блекнет в весеннем уборе земля.

И немощных там не увидишь; весь край —
Цветник благовонный, сияющий рай.

Град мерой персидской измерь — ширины
В нем тридцать раз тридцать и столько ж длины.

Дивит высотой крутая гора:
Фарсанг — до вершины иль все полтора.

Долину увидишь, пройдя перевал,
Прекрасней которой никто не знавал.

Объехав Туран, для себя ее встарь
Избрал Сиавуш, полный доблести царь.

Он мудростью славы всесветной достиг:
Вторую вокруг города стену воздвиг,

Для этого камень с известкою взяв,
И мрамор, и ныне забытый состав.

Сто рашей — той крепкой ограды длина,
И больше чем тридцать — ее толщина;

Бессильны пред ней и стрела и таран.
Но лучше ты сам отправляйся в Туран,

Воочью увидеть ее поспеши,
Иначе певца заподозришь во лжи.

На выси крутой неприступна стена,
Возносится на два фарсанга она.

Не видно земли, сколько вниз ни глядеть,
На ту высоту и орлу не взлететь.

Затратив немало усилий и дней,
Во имя величья державы своей

Построил владыка невиданный град,
Пленяющий сердце, ласкающий взгляд.

Вкруг дивных дворцов зеленели сады,
Душистые зрели на ветках плоды,

Фиалка и роза, нарцисс и тюльпан
Вокруг разливали волшебный дурман.

Светла и прекрасна столица была,
И не было дивным богатствам числа

В чертоге, достойном верховных владык,
Достойном того, кто могуч и велик.

СИАВУШ БЕСЕДУЕТ С ПИРАНОМ О БУДУЩЕМ

Однажды, объехав окрестности все
С Пираном, прославленным сыном Висе,

Властитель верхом возвращался домой.
Он ехал неспешно, в печали немой,

И вдруг говорит звездочету: «Скажи,
Но только, смотри, без уверток и лжи:

Мной город блистательный сооружен —
В нем счастлив я буду иль горем сражен?»

Глава звездочетов промолвил в ответ:
«Тебе благодати в том городе нет».

И царь на провидца прикрикнул в сердцах,
Но слезы блеснули на царских очах.

Ослабив поводья, вперед не спеша
Он едет, тревогой объята душа.

«Владыка,— Пиран прозорливый спросил,—
От горя какого лишился ты сил?»

А тот отвечает: «Покой мой исчез,
Страшусь приговора высоких небес.

Как дивно ни блещет мой царственный дом,
Как много сокровищ ни собрано в нём,

Все в руки врагу моему попадет,
Всесильный раздавит меня небосвод».

«О славный,— ему отвечает Пира́н,—
Напрасно тревогою ты обуян.

Надежна, как царского перстня печать,
Властителя дружба. Тебя защищать

Он станет, и я наш священный союз
Хранить до последнего вздоха клянусь.

Не дам на тебя даже ветру дохнуть,
Не дам волоска на тебе шевельнуть!»

«О славный,— услышал воитель в ответ,—
Твоя доброта мне отрада и свет.

Да здравствуешь, бодрый, исполненный сил!
Дозволь, чтобы тайну тебе я открыл.

Я волю Йездана познал, я не слеп,
Открылись душе начертанья судеб.

Завесу сорву я с грядущего дня;
Про все, что постигнет мой град и меня,

Услышь, дабы после подумать не мог:
Несчастный не знал, что судил ему рок!..

Тебе, о Пира́н, предводитель мужей,
Поведаю ныне о доле своей.

Недолгое время, узнай, пролетит,
По воле владыки Турана убит

Безвинно я буду враждебной рукой,
Престол мой займет повелитель другой.

Ты честен, ты верность хранить мне готов,
Но грозных небес приговор уж таков!

Мне вражьи наветы готовят беду,
Я жертвою жребия злого паду.

Иран на Туран ополчится тогда,
Вновь смуту зажжет роковая вражда,

Вновь звоном мечей огласятся поля,
Наполнится горем великим земля.

Лиловы и алы, желты и черны,
Взовьются знамена иранской страны.

Немало в Туране захватят добра,
Алмазов и золота, и серебра.

От конских копыт изнеможет страна,
И станет в потоках вода солона.

В речах и делах безрассудных своих
Раскается после владыка, но их

Назад не вернуть, не загладить, когда
Разгромлены села, горят города.

Стон встанет повсюду, весь мир закипит,
Услышав, что я Афрасьябом убит.

Так, верно, назначило небо с высот;
Что небом посеяно, то и взрастет».

Внимая словам Сиявуша, Пиран
Невольной тревогою вдруг обуян.

Он мыслит: «Несчастьем себя я обрек,
Коль вправду познать он грядущее смог.

Не я ли, посеяв раздор и вражду,
В Туран Сиявуша завлек на беду?

Забыл я владыки разумный наказ,
Хоть слышать его доводилось не раз.—

Но сердце свое успокоил затем: —
Небес начертанья разгаданы кем

И стали откуда известны ему?
Он, зная, по Ирану опять своему

Тоскует, припомнив Кавуса и трон
И светлое счастье минувших времен.

Печалью предчувствия те внушены
Ему вдалеке от родимой страны».

Весь путь рассуждали об этом они,
Пытаясь провидеть грядущие дни.

Но вот воротились мужи во дворец,
С коней соскочили — беседе конец.

И стол золотой перед ними накрыт,
И пенятся чаши, и песня звенит.

АФРАСЬЯБ ПОСЫЛАЕТ ПИРАНА В ОБЪЕЗД СВОИХ ЗЕМЕЛЬ

Неделю в веселье они провели
За чашами в честь властелинов земли.

На утро восьмое, едва рассвело,
Письмо от владыки Турана пришло.

Пирану приказ посылал властелин:
«К Чин-морю с дружиной спеши, исполни.

Оттуда направься к индийской стране
И далее, к Синду. Подвластные мне

Державы объехав, с них дань собери
И землю хазаров мечом покори»*.

Пред замком разносится клич удалой,
И меди бряцанье встает над землей.

Немало к вождю собралось удальцов,
Войной закаленных, отважных бойцов.

Они под водительством богатыря
В поход собрались по веленью царя.

Дары без числа предводитель мужей,
Прощаясь, вручил Сиявушу: коней

С блистающей сбруей, со златом мошны,—
И войско увел из родной стороны.

СИАВУШ СТРОИТ СИАВУШГОРД

В глубокой ночи, погоняя коня,
Гонец Афрасьяба быстрее огня

Примчался с посланьем; как небо, оно
И света, и милости было полно.

Писал он: «С тех пор как с тобой разлучен,
Я счастья не знаю, мой дух удручен.

Узнай же, в Туране успел я, любя,
Достойную землю найти для тебя.

Быть может, увидев, полюбишь ее,
И радость наполнит твое бытие.

Ты, доблестный, этой земли падишах,
Повергни же головы вражьи во прах!»

Собрал караван Сиявуш и тотчас
В путь выступил, царский исполнив наказ.

За ним десять тысяч неслись удальцов,
Иранских бойцов и туранских бойцов.

Верблюдов отборных с ним тысяча шла,
И не было грузам богатым числа.

Вот с места и вождь и дружина снялись
И в солнечный Хоррембехар понеслись.

Там град заложил он, украсив страну,
В длину два фарсанга и два в ширину.

Высокий дворец в этом граде возник,
Сад, полный прохлады, и пестрый цветник.

И роспись везде на стенах галерей:
Сраженья, охоты, забавы царей.

Там шахов иранских престол золотой,
Кавус на престоле в венце с булавой,

И подле престола Ростем-великан,
И Заль, и Гудерз — весь воинственный стан.

Там царь Афрасьяб с грозной ратью своей,
Пиран с Герсивезом, грозою мужей...

Молва облетела Иран и Туран
О крае прекрасном — жемчужине стран,—

О городе стройном, где жизнь весела,
Где в небо уходят дворцов купола,

Где славятся доблестью богатыри,
Где слышится голос певца до зари.

И стал называться он Сиавушгорд,
И каждый блистательным городом горд.

ПИРАН ПОСЕЩАЕТ СИАВУШГОРД

Пиран, из похода назад возвратясь,
О городе славном услышал тотчас.

Он тут же решился направиться в путь —
На город, царем возведенный, взглянуть.

И, тысячу в славной дружине своей
Мудрейших, достойнейших выбрав мужей,

В поход на конях быстроногих повел,
Лишь срок отправляться в дорогу пришел.

И вот Сиавуш знаменосную рать
Выводит желанного гостя встречать.

Увидел Пиран молодого царя
И спешился, радостью светлой горя.

И царь с вороного коня соскочил,
В объятья Пирана-вождя заключил.

И вместе затем Сиавуш и Пиран
В прославленный град повели караван.

Гость видит: пустыня, где в прежние дни
Сухие колючки виднелись одни,

Исчезла, царем обращенная в град,
Прекрасный, как светоч, отрадный, как сад.

По городу ездили долго, и вот
Хвалу Сиявушу Пيران воздает:

«Не будь у тебя благодати царей
И знаний, и мудрости светлой твоей,

Не мог бы возникнуть столь дивный приют,
Где рядом искусство и радость живут.

Он, созданный даром чудесным твоим,
Да будет во веки прославлен и чтим!

Пусть внукам в наследье достанется он,
Сияньем великих побед озарен!»

Сады Сиявуша, прекрасный айван
И град обозрел предводитель Пيران,

Увидел царицы роскошный чертог,
Что взоры не менее радовать мог.

Их встретила дочь Афрасьяба-царя,
Посланцу улыбки и злато даря.

Воссев на престол, оглядел он покой,
Увидел прислужниц пленительный рой

И дань восхищения отдал дворцу,
Хвалу вознося всеблагодарному творцу.

От снеди бесчисленной ломится стол.
Вино и певцы... Пир горою пошел!

Семь дней пировали, веселья полны,
Порой веселы, а порою хмельны.

На утро восьмое воитель поднес
Дары, что с собой из похода привез.

Там были и жемчуг, и пламенный лал,
Венец, что алмазами взор ослеплял,

Парча, и в пополах из шкур скакуны,
Что в беге стремительном вихрю равны.

Вручил Ферингис ослепляющий взор
Венец, ожерелье — весь царский убор

И после собрался в Хотен, говоря,
Что время пришло увидеть царя.

К царю устремился затем богатырь,
Как челн, рассекающий водную ширь.

Сперва про свершенный поход рассказав,
Как дань собирал он с подвластных держав,

Как выиграл в Хинде с врагами войну
И как покорял за страною страну.

Поведал затем о делах, что сумел
Свершить Сиявуш, хитроумен и смел.

Расспрашивал долго владыка о нем,
Как правит он в крае и в граде своем.

Пиран отвечал: «Если житель земной
В небесном краю побывал бы весной,

Тот край он от рая бы не отличил
И с солнцем бы он Сиявуша сравнил».

Внимает владыка, на сердце светло:
Могучее древо плоды принесло!

А Ф Р А С Ъ Я Б П О С Ы Л А Е Т Г Е Р С И В Е З А К С И А В У Ш У

Призвал Герсивеза, Пиранов рассказ
Ему передал и добавил наказ:

«Ты радостью сердце свое озари,
Отправься и Сиявушгорд обозри.

С дарами богатыми в путь выступай,
Спеши к Сиявушу в прославленный край.

Почтенье величью его окажи:
Увидишь на троне — язык придержи.

В час пира, средь шумных забав на лугу,
Когда властелин в многолюдном кругу

Ему уваженье являй и любовь,
При витязях всюду его славословь.

Коль будет хозяин приветлив и рад,
Побыв две недели, покинешь ты град».

Вот в путь Герсивез именитый готов,
С ним тысяча конных туранских бойцов.

Помчались мужи, пыль взметнув до небес,—
Их в град Сиавуша привел Герсивез.

Услышал о том Сиавуш, и гостей
Встречать он выходит с дружиной своей.

Обняв именитого богатыря,
Спросил Сиавуш о здоровье царя.

Гостей во дворец отвели, а уж там
Готовы покои вождю и бойцам.

Наутро к царю Герсивез поспешил,
Дары и посланье с поклоном вручил,

Взглянул Сиавуш и зарделся, как мак,
При виде тех милостей щедрых и благ.

Велит он коня своего оседлать,
Вослед поскакала иранская рать —

Проехали с гостем по улицам всем
И в царский дворец воротились затем...

Из кости слоновой престол во дворце,
Царица на нем в бирюзовом венце

Красою сияет, как в небе луна,
Рабынями юными окружена.

С престола сошла и поклон отдала,
Спросила, трудна ли дорога была.

Ответил, но втайне разгневался он,
Величием царственным тем уязвлен.

Подумал: «Дай срок, пролетит еще год,
Над всеми себя Сиавуш вознесет.

Ведь ныне владеет он целой страной,
И ратью, и троном, и царской казной».

От зависти свет Герсивезу не мил,
Но гнев он в душе глубоко затаил.

Сказал Сиявушу: «Будь счастлив, труды
Твои не пропали, обильны плоды!»

Поставили троны под сводом дворца,
Воссев, для веселья раскрыли сердца.

Алмазами дивными троны цвели.
Пришли музыканты, и гости пришли;

Запели свирели, и руды поют,
Веселие в души пирующих льют.

СИАВУШ ИГРАЕТ В ЧОВГАН

Вот солнце завесу с себя совлекло,
Даруя вселенной и свет и тепло.

И царь на ристалище с первым лучом
Примчался для конной забавы с мячом.

Мяч бросил сперва Герсивез удалой,
К мячу Сиявуш устремился стрелой,

Ударив човганом, обрел торжество.
Соперника он посрамил своего.

Мяч кверху взлетел и мгновенно исчез,
Как будто притянутый силой небес.

Тогда именитый промолвил бойцам:
«Играйте, досталось ристалище вам».

Помчались иранские воины вскачь,
И миготом отбит у противников мяч.

Доволен победою рати своей,
Царь выпрямил стан, кипариса стройней.

Приходит метания копий черед.
Престол золотое сияние льет,

Сидят на престоле два славных вождя,
За той богатырской потехой следя.

Летя, словно по полю вихрь, ездоки
Сражаются; копий удары метки.

Владыке хвалу Герсивез воздает:
«От предков венчанных ведешь ты свой род,

Но доблестью род свой затмил ты, о вождь:
Яви пред туранцами доблесть и мощь!

В ход лук свой и стрелы пусти и копье,
Во всем покажи нам искусство свое».

Князь, веру в себя неизменно храня,
Покинул престол и вскочил на коня.

Вот связаны вместе пять крепких кольчуг;
Поднять и одну — труд немалый для рук.

Связав, положили средь поля все пять,
И смотрит, полна нетерпения, рать.

Властитель копье поднимает свое —
То было отца боевое копье,

Служившее в мазендеранских боях,
На тигров лесных наводившее страх,—

С тем грозным копьем мчится по полю он;
Узду натянул и, как яростный слон,

Ударил в кольчуги, подкинул их ввысь,
И звенья, не выдержав, разорвались;

Поймал их копьем и на нем повертел
И мигом забросил, куда захотел.

Помчались вослед Герсивеза бойцы,
Огромными копьями бьют удалцы,

Но сколько ни тщатся мужи, ни на пядь
Не могут кольчуги с земли приподнять.

Четыре гилянских щита Сиявуш
Сложил, две брони богатырских к тому ж.

Лук взял он и стрелы свои; коли счесть,
Три было в руке и за поясом шесть.

Он лук оснастил, крепко стиснул бока
Коню боевому, и видят войска:

Щиты и брони — все пробила, прошла
Того молодого владыки стрела.

Вслед первой он прочие стрелы подряд
Послал: стали славить его стар и млад.

«Великий Йездан! — отовсюду неслось. —
Все стрелы прошли до единой насквозь!»

«О доблестный царь! — Герсивез возгласил. —
Иранцев ты всех и туранцев затмил.

Теперь на ристалище вместе с тобой
Поскачем, пред взорами ратников бой

Начнем врукопашную, за кушаки
Схватившись, как в яром бою седоки.

В Туране второго, как я, не сыскать,
Коню моему не найдется под стать,

А ты средь иранцев не знаешь в борьбе
Отвагой и мощью подобных себе.

Коль силы найдется довольно в руках
И будешь ты мною повержен во прах —

Склонишься тогда ты пред силой моей,
Признаешь: я в битве искусней, смелей.

А если во прах ты повергнешь меня —
Не витязь я более с этого дня».

«Не надобно так говорить, — Сиявуш
Ответил, — ты выше, о доблестный муж!

Коню моему повелитель — твой конь,
Мне светит твой шлем, как священный огонь.

С туранцем другим повстречаться бы мне,
Но в дружеской схватке, не в ярой войне!»

«О доблестный,— был Герсивеза ответ.—
Вреда от потехи воинственной нет.

Друг друга за пояс схватив, поведем
Бой честный, худого не вижу я в том».

«Неправ ты,— звучит Сиявуша ответ,—
Мне биться с тобой, именитый, не след.

Борцов поединок — ведь это война,
Где ярость под ясной улыбкой видна.

Ты месяц к копытам коня своего
Повергнуть бы мог, брат царя самого.

Любым повеленьям твоим покорюсь,
Но битва расторгнуть грозит наш союз.

Коль хочешь ты видеть, я в битве каков,
Могу ль побеждать удалых ездоков,—

Из свиты своей призови храбреца,
Ему быстрого дай жеребца.

Поверь мне, я в грязь не ударю лицом
На поле борьбы пред тобой, удалцом».

Умолк Сиявуш, многодоблестный князь,
По нраву та речь Герсивезу прилась.

Спросил он, окликнув туранскую рать:
«Кто хочет из витязей славу стяжать —

Сойтись с Сиявушем один на один?
Кем будет повергнут во прах властелин?»

Не слышно ответа. Из витязей всех
Один лишь откликнулся Горуй-Зерех.

«Я,— молвил он,— выйти отважусь на бой,
Когда не найдется соперник другой».

Поморщился царь, брови хмурые свел —
Горую противником равным не счел.

Князь вымолвил: «Полно, досаду рассей!
Горуй ведь — сильнейший из наших мужей».

Ответ был: «Коль битва моя — не с тобой,
В глазах моих жалок соперник любой.

Вели, не один пусть выходит — вдвоем,
Во всем боевом снаряжении своем».

И новый противник, Демур-Великан,
Которому равных не видел Туран,

Летит к Сиявушу быстрее, чем дым,
Готовый помериться силою с ним.

Приблизились оба — Горуй и Демур,
И каждый из них неспокоен и хмур.

Владыка за пояс Горуя схватил,
Ремень богатырской рукою скрутил.

И тотчас повержен во прах великан,
Не надобны ни булава, ни аркан.

Затем обернулся к Демуру и вдруг,
Сжав плечи ему всею силою рук,

С седла его сбросив, могучий герой
Поверг в изумленье весь воинский строй;

Демура легко к Герсивезу повлек —
Так птицу нести он под мышкой бы мог —

И, тут же бойца отпустив, на престол
С улыбкой веселой беспечно взошел.

От злобы тогда Герсивез пожелтел,
Гнев ярый душою его овладел.

Вступили затем в озаренный дворец —
Ты скажешь, на небо вознес их творец!

Внимая певцам, пировало семь дней
Собрание великих и славных вождей.

Но в путь Герсивезу пора выходить.
Царевич торопится сердце излить

В письме к Афрасьябу; приветствий оно
И пламенных благословений полно.

Дары для царя повелел он собрать,
И весело город покинула рать.

Толкуют бойцы, восхищенья полны,
О славном царе, о красотах страны,

Но ярость в душе Герсивеза горит,
Он мыслит: «Как много мы терпим обид!

Такой из Ирана явился к нам гость,
Что в сердце и стыд закипает, и злость.

Горуя с Демуром, столь славных мужей,
Воинственных, лютых, как львы, силачей,

Злой хваткою тот ненавистный боец
Унизил, поверг, обесславил вконец.

Не то еще будет! Безумство, царем
Свершенное, кончится вряд ли добром»

ВОЗВРАЩЕНИЕ И НАВЕТ ГЕРСИВЕЗА

Он скачет, не зная покоя и сна,
И вот уж столица Турана видна.

Примчался и к брату вошел своему,
Немало вопросов тот задал ему

Ответил и брату посланье вручил.
Прочел Афрасьяб: словно луч озарил

Лик царский, сияет от радости он,
Но радостью той Герсивез омрачен.

Досада и зависть гнетут его дух.
Вот солнечный диск, закатившись, потух;

Всю ночь не смыкает очей Герсивез.
Когда же сверкающий светоч небес

Зажегся, ночной разрывая покров,
К владыке пришел он, угрюм и суров.

Лишь слуг отпустил Афрасьяб на покой,
Брат с речью к нему обратился такой

«Правдивому слову внимая, поверь:
О царь, не узнать Сиявуша теперь!

Нередко я видел, послания шли
К нему от владыки иранской земли,

Из Рума и Чина; он полный фиал
За шаха Кавуса не раз поднимал.

Немало бойцов у него собралось:
Страшусь, как бы худо тебе не пришлось.

Ты вспомни о Туре: себя убережь
Хотел он; погиб не безвинно Иредж.

Ужели не знаешь: огня и волны,
Что тайной враждою от века полны,

Не сблизить вовеки, вовек не сдружить —
Так с волею ветер нельзя разлучить,

Мне — если бы эту опасность я скрыл, —
Позор бы уделом заслуженным был».

И сердце властителя боль обожгла;
В смятенье, в боязни грядущего зла,

Сказал он: «Недаром одна у нас кровь;
Бела тебя братская, знаю, любовь.

Но надобно мне поразмыслить, меня
Оставь, посвящу размышленьям три дня.

Ясней пусть откроется правда уму,
К совету прибегну тогда твоему».

Три дня протекли, Герсивез пред царем
Предстал в боевом облачении своем.

Владыка, его усадив на престол,
Вновь речь о царе Сиявуше повел.

«Рожденный Пешенгом!* — сказал Афрасьяб. —
Любовь твою чья заменить мне могла б?

Я сердце готов пред тобой отомкнуть;
Постигни событий свершившихся суть.

Вначале зловещий смутил меня сон,
Тревогою тайной внезапно пронзен,

Я мир предложил Сиявушу тогда,
И мы от того не видали вреда.

Он с тронem расстался, противясь войне,
Он соткан из чести и верности мне.

Ни разу меня не ослушался он,
И мною заслуженно вознагражден.

Забыл я про зло, причиненное встарь:
Теперь он могучий, владетельный царь.

С ним в кровный союз я вступил, и с тех пор
Кровавый из памяти вычеркнул спор.

Я с ним поделился казною своей
И дочь ему дал, что дороже очей.

Столь много трудов понеся для него,
Вручив ему царство, вступив с ним в родство,

Могу ли теперь помышлять о худом?
Худая молва разнеслась бы о том.

Я повода с ним враждовать не найду;
Малейшую если явлю я вражду,

Суров будет витязей суд надо мной,
Себя опозорю пред каждой страной.

Когда нападe на невинного я,
Меня покарает святой судия.

Напомню еще про отцов и детей:
Лев даже, что зверя любого лютей,

Вступился б за львенка: обидят — беда!
Вокруг все сметет, сокрушит он тогда.

Исход лишь один остается у нас:
К отцу отослать Сиявуша сейчас.

Хоть перстень достанься ему, хоть венец* —
Покинул бы только наш край наконец».

«Владыка! — ответная слышится речь. —
Ты хочешь столь грозной бедой пренебречь?

Когда Сиявуш возвратится в Иран,
Безжалостно будет погублен Туран —

Затем, что чужого почел ты родным,
Все тайны державы раскрыл перед ним.

Совет я слыхал: даже ветру твой дом
Покинуть не дай, коли стал он врагом.

Отпустишь — дождешься тревог и забот,
Утратишь богатство, исчезнет твой род.

Ужели не знаешь: кто тигра взрастит,
В злосчастную жертву себя обратит».

Царь вдумался в речь Герсивеза, ему
Она показалась согласной уму;

В содеянном горько раскаялся он,
Беды утратился, душой омрачен,

Сказал Герсивезу: «Не вижу пути,
Который ко благу бы мог привести.

Помедлим, пусть некое время пройдет,
С загадки завеса, быть может, падет.

Не стану спешить, коль могу подождать,
Дам солнцу не раз закатиться и встать,

Узнаю, к кому благосклонно оно
И волей небесною что суждено.

Сперва Сиявуша к себе призову,
Покров с его замыслов тайных сорву.

Увижу, как будут события течь,
И будет легко мне себя уберечь.

Коль заговор дерзостный будет раскрыт,
Тогда поневоле душа закипит;

Людская меня не коснется хула,—
Ведь зло я свершу в возмещение зла».

Но, местью дыша, говорит Герсивез:
«Владыка правдивый, любимец небес!

С могучей такой, богоданной рукой,
С булатом таким, с булавою такой

К тебе он примчится главою бойцов,
Он мир помрачить пред тобою готов.

Сказал я: не прежний, другой это муж,
До солнца вознесся главой Сиявуш.

И дочь ты свою не узнал бы, поверь:
Как будто весь мир ей подвластен теперь.

К нему перейдет твое войско и трон.
Погибнешь, как пастырь, что паствы лишен.

Увидев столь доброго сердцем царя,
Чья мудрость безмерна, чей лик — что заря,

Отвергнут тебя: ты останешься наг,
А он будет гордым владельцем благ.

Ужели надеяться можно к тому ж,
Что, бросив цветущий свой край, Сиявуш

Примчится, едва позовет Афрасьяб,
Падет перед ним, как униженный раб.

Мир дружбы не видел меж львом и слоном,
Не видел воды, примиренной огнем.

Ты новорожденного львенка в шелках
Лелей и ласкай и носи на руках,

Молочной и сахарной влагой корми,
И все же, хоть вырастет он меж людьми,

В нем львиная будет природа видна:
Он в яростной схватке сомнет и слона».

Речь хитрая в сердце проникла царю,
В смятенье внимает он богатырю.

И все ж торопиться не хочет лишь тот,
Кто тверд и спокоен — к победе придет

Недаром хулит торопливых молва.
Я помню премудрого старца слова:

Лишь ветер шальной выжидать не привык,
Он с места сорваться готов каждый миг.

А шалый хвалу заслужить бы не мог,
Будь даже как тополь могуч и высок.

Расстались, но каждый томится без сна;
Вновь старой враждою душа зажжена.

Исполненный умыслов злых, исполин
Не раз приходил к властелину дружин.

Старался склонить к злодеянью царя,
Недобрые речи ему говоря,

Плел сети коварства, а время все шло —
В душе у царя озлобленье росло.

Однажды к себе Герсивеза призвал,
Придворным покинуть покой приказал

И с братом он стал совещаться опять:
Как быть с Сиявушем, как зла избежать?

Затем повелел Герсивезу: «Скачи,
Посланье мое Сиявушу вручи».

Писал он: «Забыл ты о тех, что любя
Давно стосковались вдали от тебя.

Душой истомился я; в путь соберись,
Меня навести со своей Ференгис.

По лику соскучился я твоему,
По чуткому сердцу, душе и уму.

В горах и у нас разной дичи полно,
В ковшах и у нас молоко и вино;

Веселье вкушая, побудешь со мной.
А если ты вспомнишь свой город родной —

С отрадою тут же вернешься назад.
Ужель пировать ты со мною не рад?

Встань, сердце от царственных стен оторви
И в путь поспеши, внемля зову любви».

ГЕРСИВЕЗ С НОВА ОТПРАВЛЯЕТСЯ К СИАВУШУ

Помчался, коварен и козnelюбив,
Боец Герсивез, в мыслях зло затаив.

И вот уж страна Сиавуша близка.
Избрав среди рати своей седока,

Велит он: «Скажи, Сиавушу скажи:
«Властитель, которым гордятся мужи!

Во имя владыки туранской земли,
Во имя владыки иранской земли:

С престола ты ради меня не сходи,
Навстречу своих удальцов не веди.

Ты слишком великий, прославленный муж,
И слишком высокого рода к тому ж,

Чтоб с места внезапно срываться, как лист
Взлетает, чуть ветра послышится свист».

И вот к Сиавушу примчался посол,
Склонился пред ним, лобызая престол,

Слова Герсивеза ему передал.
Наказа такого царевич не ждал,

И долго сидел он, исполненный дум;
«Здесь кроется тайна», — подсказывал ум.

Но вот у ворот Герсивез-исполин;
Навстречу ему поспешил властелин —

Прибывшего витязя стал вопрошать
Про путь, про царя и про царскую рать.

Тот все повторил, что наказывал брат.
Приветным словам Афрасьябовым рад,

Сказал Сиявуш: «За владыку я грудь,
Не дрогнув, булату подставил бы. В путь

Готов я, мы стремя о стремя с тобой
К царю Афрасьябу помчимся стрелой».

Ответ благородный царя-мудреца
Смутил и в тревогу поверг хитреца.

В душе трепетал он, себе говоря:
«Коль вместе со мной пред очами царя

Появится он, воплощенная честь,—
Все рухнет, и мне торжества не обрести.

Тогда уж властителя не обойдешь,
В моих увереньях увидит он ложь.

Уловку попробую изобрести,
С пути легковерное сердце свести»

Задумался, взор в Сиявуша вперив,
И долго сидел, недвижим, молчалив.

Вдруг хлынули жаркие слезы из глаз,
И эта уловка лжецу удалась.

Царь видит: глаза Герсивеза струят
Потоки, как будто он горем объят

«Друг милый,— сказал он,— что с сердцем твоим?
Какою кручиной ты втайне томим?

Быть может, тебе оскорбленье нанес
Владыка, виновником став твоих слез?

Тогда я с тобою немедля помчусь,
С суровым укором к нему обращусь:

Как мог он унижить, задеть твою честь,
Тебя недостойным почтения счесть!

Когда удручен ты заботой иной,
Коль недругу должен ответить войной,—

И в этом, поверь, помогу я тебе,
Соратником стану в кровавой борьбе».

«О славный,— звучит Герсивеза ответ,—
Размолвки меж мной и властителем нет.

Не знал и врага я до нынешних дней,
Кто был бы богаче меня и сильней.

О прошлом я вспомнил, скажу не тая,
Об истинах горьких задумался я.

Злой Тур был начальной причиной бед,
Его разлучил с благодатью Изед.

Но знай, Афрасьяб злее Тура стократ.
Не то еще будет! Смятеньем объят,

Не раз содрогнешься, властителя нрав
С течением дней до конца разгадав.

Пойми, о твоей хлопочу я судьбе,
Спасенья и счастья желая тебе.

С тех пор как в Туран тебя жребий занес,
Ни разу не стал ты причиной слез

Народных, стезей добродетели шел;
Твоими стараньями край наш расцвел.

Но злобный тебя очернил Ахриман,
И жаждою мщенья царь обуян.

Враждою пылает он, лют и суров.
Кто ведает волю владыки миров?

Ты знаешь: как лучшего друга любя,
Во всем я готов постоять за тебя.

Боюсь, чтобы после меня не корил
За то, что я истину горькую скрыл.

Я тяжкий бы грех совершил, умолчав
О том, что замыслил владыка держав»

«Не думай об этом,— ответил мудрец,—
На помощь придет мне всевышний творец.

Я верю владыке; противно уму,
Чтоб ясный мой день погрузил он во тьму.

Будь яростью тайною царь распален,
Меня средь мужей не возвысил бы он,

Не дал бы мне трона, венца и страны,
Ни дочери в жены, ни войск, ни казны.

С тобою теперь поспешу я к царю
И дух его мрачный лучом озарю.

Где правды зажегся живительный свет —
Ложь меркнет, ее исчезает и след».

Ответ был: «О царь добросердый, поверь:
Владыку и ты не узнал бы теперь.

Воистину, если таинственный рок
Нахмурит чело, беспощадно-жесток,

Мудрейший и тот не отыщет пути,
Как жизнь от тисков смертоносных спасти.

Я все, что мне опыт и разум внушил,
Тебе, не колеблясь, открыть поспешил».

Так молвит он, слезы обильно струя,
Вздыхая, но в сердце коварство тая.

Глядит Сиявуш, удручен, потрясен.
Слез жарких ручьи проливает и он

И в горести мыслит: нависла беда,
Отвергли его небеса навсегда.

Сколь рано, в расцвете желаний и сил,
Злой рок ему с жизнью расстаться судил!

Боль в сердце, подернулся бледностью лик;
Вздохнул тяжело, головою поник,

В ответ искустителю так говоря:
«Не ведаю, чем я прогневал царя!

Ни слов, ни деяний дурных от меня
Не видел, не слышал до этого дня,

И сам для меня не жалел он щедрот;
Мне горько, что боль ему душу гнетет.

Пусть кара обрушится — кару стерплю,
Но воли властителя не преступлю.

Без войска с тобою отправлюсь к нему,
Обиду его разгадаю, пойму».

«О славный, — звучит Герсивеза ответ, —
К нему ты не езд, услышь мой совет.

Кто б сам захотел очутиться в огне?
Кто вверил бы жизнь вероломной волне?

Ты кинуться хочешь навстречу беде,
Сам гаснуть своей помогаешь звезде.

На друга надейся, готов я служить.
Помчусь — попытаюсь огонь потушить,

Ответ на посланье царю повезу,
Увидим, что встречу я — тишь иль грозу.

Когда обнаружу, что гнев его стих
И можно времен дожидаться иных,

К тебе верхового с известьем пришло
И скорбную душу твою исцелю.

На правого я уповаю творца,
Которому помыслы все и сердца

Открыты; он гордую душу смягчит,
Его на благую стезю обратит.

А если в неистовстве все еще он —
Ты будешь об этом гонцом извещен.

Тогда собирайся немедленно в путь,
Спеши из смертельных тисков ускользнуть!

В соседних краях будут рады принять
Тебя и цари, и верховная знать.

В трех ста сорока лишь фарсангах пути
Отсюда Иран; Чин — лишь в ста двадцати.

Радужно бы встретили в Чине тебя,
Служили усердно, всем сердцем любя.

В Иране — отец истомившийся ждет,
И верная рать, и родной твой народ.

Ты в обе державы послов отряди.
Прощай же, готовься, известия жди!»

И внял увещаньям его Сиявуш.
Так был ослеплен пронизательный муж!

Ответил: «Тебя не ослушаюсь, нет,
Усердно исполню твой каждый совет.

Заступником будь и от казни избавь,
Ко благу и правде владыку направь».

ПИСЬМО СИАВУША К АФРАСЬЯБУ

Писца умудренного вызвав, ему
Тотчас приступить повелел он к письму:

«О царь-победитель, чья доля светла!
Да царствуешь вечно, не ведая зла,

В кругу справедливых и мудрых мужей!
Я царственной милостью счастлив твоей:

Со мной Ференгис в озаренный твой дом
Ты кличешь, любовью отцовской вedom.

Но мается, бременем отягчена,
Не ест, и не пьет, и не ходит она.

Прикован и я к изголовью ее,
Меж смертью и жизнью ее бытие.

Я вскоре примчусь, на призыв твой спеша,
Согретая лаской, трепещет душа.

И дочь ты увидишь: она, исцелясь,
С любовью к тебе устремится тотчас.

Я страха и жалости полон: одну
Не в силах я ныне оставить жену».

Посланье окончив, печать приложил,
Затем Герсивезу посланье вручил,

И тот, оседлав трех коней огневых,
Посменно скакал днем и ночью на них.

Путь дальний и трудный средь гор и долин
Свершил в трое суток боец-исполин.

Примчался, к владыке вошел впопыхах;
Злой умысел в сердце, и ложь на устах,

И злоба на сумрачном лице его.
Дивясь, спросил Афрасьяб: «Отчего

Так рано вернулся? В короткий сей срок
Как путь столь далекий осилить ты смог?»

А тот: «Коль опасность вдали разглядишь,
Не ищешь покоя, себя не щадишь.

Посла твоего не почтил Сиявуш,
Навстречу не вышел ко мне, и к тому ж

Не выслушал речи, письма не прочел,
Сесть наземь заставил — не с ним на престол.

Иранских посланников чествует он,
Путь в край Сиявуша лишь нам прегражден.

Коль первым напасть не отважишься — знай,
На верную гибель осудишь ты край.

В Туран поначалу придет он войной,
А там овладеет иранской страной.

А если в Иран поведет он войска,
Его уж ничья не осилит рука.

Ясны его замыслы ныне тебе,
Забудь же сомненья, спасенье в борьбе».

А Ф Р А С Ъ Я Б И Д Е Т В О Й Н О Й П Р О Т И В С И А В У Ш А

Царь слушал, и яро кипела в нем кровь.
Ты скажешь, минувшее ожило вновь.

Его обуял столь неистовый гнев,
Что, брату ответить еще не успев,

Он в рог и в трубу повелел затрубить.
В литавры и в гонги индийские бить.

Из Канга цветущего вывел ряды,
Посеял он сизнова семя вражды...

Как только бесчестный хитрец Герсивез,
Погнав скакуна, в клубах пыли исчез,

Вошел Сиявуш в сокровенный покой,
Всем телом дрожал он, томимый тоской.

Сказала царица: «О храбрый, как лев,
Что в сердце тайшь ты, печаль или гнев?»

«Узнай, светлоликая, — молвил он тут, —
В Туране уже Сиявуша не чтут.

Теряюсь в догадках, мой ум потрясен,
Как будто тяжелый гнетет меня сон.

Коль речь Герсивеза правдива — мой путь
Окончен, круг жизни пора мне замкнуть».

Рвет косы в тоске на себе Ференгис,
Миндалины-ногти в ланиты впились;

Кровь брызнула на гиацинты кудрей,
На снежные перси слез жаркий ручей

Льет, бедная, в бурном порыве тоски.
То перлы зубов ранят губ лепестки,

То рвет одеянья она на себе,
Укор посылая отцу и судьбе.

Сказала, рыдая: «Венчанный герой,
Что станешь ты делать? Мне правду открой!

Обиду в душе затаил Кей-Кавус;
Подумать и то об Иране страшусь;

Путь долог до Рума, а в Чине искать
Приюта, о славный, тебе не под стать.

Куда ж устремись, в какие края?
Один лишь создатель — опора твоя».

В ответ Сиявуш: «Состраданьем горя,
Нам весть Герсивез принесет от царя

О том, что, всю правду постигнуть сумев,
Сменил он на милость неистовый гнев».

Так молвил и, злою судьбой удручен,
Себя поручил вседержителю он.

СОН СИАВУША

Немилостью рока повергнутый в страх,
Три дня пребывал он в печали, в слезах;

А в ночь на четвертый на ложе своем
Забылся тревожным, томительным сном.

Средь ночи вскочил он, испугом пронзен,
Взревев, словно буйством охваченный слон.

Царица-луна обхватила его.
«Что случилось с тобою?» — спросила его.

Ответил владыка: «Поведаю сон,
Но только не должен он быть разглашен.

Река мне приснилась, о мой кипарис,
Текущая бурно. Рядами сошлись

Чужие бойцы на ее берегу,
И гонится пламя за мной. На бегу

Громада огня все росла и росла
И град Сиявуша спалила дотла.

Я — в смертных тисках у огня и волны,
Все ближе бойцы, Афрасьяб и слоны.

Взъярился владыка, взглянув на меня,
И яростней вспыхнуло море огня».

В ответ Ференгис: «Сон твой, верно, к добру.
Спокойно усни, все решишь поутру.

То гибель судьба Герсивезу сулит,
Он будет властителем Рума убит».

Дружину созвал Сиявуш и посты
Расставить велел средь ночной темноты.

Готов защищаться, сжимая кинжал,
Разведчиков в сторону Канга послал.

В предутренний час к Сиявушу назад
Примчался разведчик, смятеньем объят,

С известием: «Двигутся издалека
Властителя Афрасиаба войска».

Пришел и наказ Герсивеза: «Добра
Не жди! О спасенье подумать пора.

Владыка не внял увещаньям моим,
По-прежнему яростью лютой палим.

Спасайся же, рать уводя за собой,
Защиты ищи от беды роковой!»

Известием этим повергнутый в дрожь,
Царь принял за правду коварную ложь.

«Не думай о нас,— говорит Ференгис,—
Все ближе заклятый твой враг, берегись!

С Тураном простись, ты в опасности тут.
Коня быстрого пусть приведут.

Спасайся! Тебя да минует беда,
Душой успокоюсь я только тогда».

НАСТАВЛЕНИЯ СИАВУША ФЕРЕНГИС

Сказал Сиявуш. «Мой сбывается сон,
Счастливой звезды моей свет помрачен.

Дожить привелось мне до горького дня,
Отныне окончена жизнь для меня.

Вознесся до неба мой гордый чертог,
Но чашу отравы подносит мне рок.

Что ж, пусть проживу я хоть тысячу лет,
Мне, кроме могилы, убежища нет.

Не все ли равно — в лапы тигру попасть,
Иль птице Хомай, или ястребу в пасть,

Роптать бесполезно: в ком мудрость живет,
Тот света от полночи темной не ждет.

Ты ныне шестой уже месяц, жена,
Отрадною ношею отягчена.

На древе надежды ты вырастишь плод,
Царем наградишь несравненный мой род.

Его Кей-Хосровом благим назови,
Взрасти под заботливой сенью любви.

Уснуть не дано мне в иранской земле,
Лежать суждено мне в туранской земле.

Веленье всевластных судеб таково!
Век прожит — назад не воротишь его.

Погубит меня Афрасьяба вражда,
Померкнет державного счастья звезда.

Придут меня в саван кровавый облечь,
Снесут неповинную голову с плеч.

Никто не оплачет страдальца судьбу,
Усну не в могиле, не в царском гробу —

Останусь лежать, обезглавлен, в пыли,
Как бедный пришелец из чуждой земли.

Тебя обнажат злые стражи царя,
Потащат на улицу, злобой горя.

С мольбою тогда устремится Пиран
К владыке, которым возглавлен Туран,

И жертву безвинную тот пощадит
Укроет тебя от невзгод и обид

Пирана, вождя седовласого, кров;
Там славный родится на свет Кей-Хосров.

Спаситель затем из Ирана придет,
На помощь по воле Йездана придет;

К Джейхуну пробраться поможет он вам,
В Иран переправит по бурным волнам.

В Иране Хосров воцарится, и впредь —
От рыбы до птицы — всем станет владеть.

Несчетному войску оттуда прийти,
Вновь смуте кровавой весь мир потрясти.

Так сводом кружащимся предрешено,
Смягчить приговор никому не дано.

Немало иранцев, мне верных душой,
Оденутся в латы, помчатся на бой.

Весь мир забушует, когда Кей-Хосров
Клич воинам кликнет, могуч и суров.

Вновь Рехшу могучему землю топтать,
Туранцев Ростем обездолит опять.

Булаты и палицы, мстя за меня,
Разить не устанут до Судного дня.

Прощай же, любимая, счастья не жди —
Немало суровых невзгод впереди.

Готовься к пришествию черных времен,
Забудь наслаждение, и счастье, и трон».

Рыдая, припала к нему Ференгис,
Кровавые слезы ручьями лились;

Ногтями впилась в розы нежные щек,
Кляня в исступленье безжалостный рок.

Судьба, для того ли растишь ты людей,
Чтоб сделать их жалкой добычей своей?..

Излив свою душу пред милой женой,
Владыка покинул покой расписной,

Тоскуя, не в силах стенанья сдержать.
На лице поблекшем — страданья печать.

К дворцовым конюшням владыка идет,
Оттуда коня вороного ведет —

Бехзад его кличка; порой боевой
Не знал себе равных скакун огневой.

Владыка его обнимает, стенья,
Поводья и сбрую снимает с коня

И в горести на ухо шепчет ему:
«Будь стойким, врагу не служи моему!

Знай, должен тебя Кей-Хосров оседлать,
Когда приведет он для мщенья рать.

Украшен его золотою уздой,
Забудешь о стойле, скакун молодой.

Служа Кей-Хосрову, по свету скачи,
Подковами злобных врагов растопчи!»

Коням остальным, вынув острый свой меч,
Решился он резвые ноги подсечь.

А груды динаров, алмазов, парчи,
Шеломы, венцы, пояса и мечи

Без жалости он истребленью обрек,
Цветник разорил и чертоги поджег.

СИАВУШ В ПЛЕНУ У ЦАРЯ АФРАСЬЯБА

Все это свершил он и город тотчас
Покинул, судьбы беспощадной страшась.

К Ирану с дружиной направился он;
Слезам кровавыми лик обагрен.

Едва полфарсанга успели пройти,
Настиг их владыка Турана в пути.

В доспехах бойцов он увидел, к тому ж
В кольчугу одет был и сам Сиявуш.

Подумал владыка: «Сказал Герсивез
Мне правду — ведь правда не терпит завес».

Едва Сиявуш Афрасьяба войска
Увидел, почуял он: гибель близка.

Смятенье объяло бойцов: каждый склон
Туранцами занят, и путь прегражден.

Иранцы к владыке тогда подошли,
Сказали ему: «Повелитель земли,

Ужели дозволим, чтоб нас обрекли
На гибель и мертвых в пыли волокли!

Сразимся, пусть ратные наши дела
Увидят. Опасность, поверь, немала».

Но князь отвечал: «Ваш совет не приму —
Не время мне в битву идти, ни к чему!

Свой род запятнал бы я славой дурной;
Когда на владыку пошел бы войной».

Взывая к царю, Сиявуш говорит:
«Владыка, чья слава по свету гремит!

Зачем эти полчища приведены
Тобою — ужели убьешь без вины?

Опять разгорится былая вражда,
Проклятья вселенной услышишь тогда».

Вскричал Герсивез недостойный в ответ:
«Нас речью пустой не обманешь ты, нет!

Зачем же, когда не виновен ни в чем,
В доспехах ты ныне предстал пред царем?

Твой лук смертоносен и стрелы остры —
Такие ль царю подобают дары?»

Лишь эти слова услышал Сиявуш,
Вскричал он: «Ты низкий предатель, не муж!

Меня погубила твоя западня;
Ты лгал, что разгневался царь на меня.

Знай, тысячи тысяч безвинных людей
Падут из-за подлой уловки твоей.

Но ждет тебя кара за гнусную ложь:
Что ныне посеял, то после пожнешь!»

Сказал он затем возглавлявшему край:
«О царь, в ослепление огнем не играй!

Не шутка поднять на безвинного меч
И столько мужей истребленью обречь.

За правду приняв недостойный обман,
Погибнешь ты сам и погубишь Туран».

Тут снова вмешался коварный, едва
Услышать успел Сиявуша слова:

«Опомнись, о царь! — злобно стал он кричать. —
Что слушать врага и ему отвечать!»

И внял Афрасьяб Герсивезу. Взошло
Тем временем солнце, и стало светло.

Бойцам повелел он мечи обнажить,
С воинственным кличем скакать и разить.

Но царь Сиявуш, помня клятву свою,
Не мог прикоснуться к мечу и копыю.

И слышит его повеление рать:
Не двигаться с места, в борьбу не вступать.

Меж тем Афрасьяб, беспощаден и яр,
Велит наносить за ударом удар.

«Крушите, кричит — чтобы после челны
Вздымались на гребне кровавой волны!»

Их тысяча было, иранских бойцов,
В борьбе закаленных мужей-храбрецов;

На поле сражения все полегли,
Под алою кровью не видно земли.

О горе, уже роковою бедой
Сражен Сиявуш, властелин молодой.

Клинками и стрелами злыми пронзен,
С коня вороного низринулся он;

Привстав, как хмельной, зашатался, поник.
Тут злобный Горуй Сиявуша настиг,

И пленнику шею петлею двойной
Стянул он, и руки связал за спиной,

И, пешим его за собой волоча,
Помчался... О, злобная месть палача!

Велит повелитель Турана: «Скорей
Скачите! Вдали от проезжих путей,

В пустыне бесплодной карающий меч
Преступнику голову должен отсечь:

Там прах раскаленный пусть кровь его пьет!
Без трепета, без промедленья вперед!»

«О царь, — говорят Афрасьябу мужи, —
Какой совершил он проступок? Скажи,

Что сделал худого тебе? Отчего,
Поведай, возжаждал ты крови его?»

Но вождь Герсивез, ярой злобой горя,
Торопит убийц обезглавить царя:

Еще не забыл он обиды былой,
Нет места пощаде в душе его злой.

У старца Пирана был доблестный брат,
И крепок, и опытом жизни богат,

Он старшему брату подобен во всем,
А имя тому меченосцу — Пильсом.

Сказал властелину Пильсом молодой:
«Убийство такое чревато бедой.

Подвластному голову — помни о том —
Рубить недостойно в порыве слепом!

Не лучше ли в цепи его заковать,
В советники мудрое время призвать?

Молю я, пока обойдись без меча,
Дай гневу остыть, не казни сгоряча.

Решившись венчанную голову снести,
Ростема и шаха подвигнешь на месть.

Ведь шахский он сын, и достойно притом
Воспитан Ростемом, могучим бойцом.

Когда злодеянье такое свершишь,
Ты кары безжалостной не избежишь.

Припомни, подобный алмазу булат,
Чьи взмахи мгновенную гибель сулят,

И всех именитых иранских мужей,
Весь мир изумляющих мощью своей.

Примчится Пиран, чуть забрезжит рассвет
Услышав премудрого мужа совет,

Ты пленника сам не захочешь казнить.
Войны берегись, поспеши отменить

Приказ, что не ты, а твой гнев отдавал, —
Иль хлынет в Туран полчищ вражеских вал».

Смягчился владыка от этих речей,
Но ярость наветчика все горячей.

Царю Герсивез говорит: «О мудрец,
Тебя на безумство толкает юнец!

Ты видишь, иранцев клюет воронье:
Коль битвой испугано сердце твое,

Для битвы и так уж довольно причин.
На клич Сиявуша Рум дальний и Чин

Откликнутся, грозные рати прислав.
Мир дрогнет от звона мечей и булав.

Иль мало того, что досель натворил?
Теперь для советов ты слух отворил!

Змею придавив, должно смерти предать,
А ты ей щедроты готов расточать!

Коль недруг помилован будет тобой,
Уйду я, владыка. Гонимый судьбой,

Вдали уголок для себя отыщу,
Недолго еще на земле прогощу!»

Горуй и Демур, озлобленья полны,
Твердят в свой черед властелину страны.

«Пусть казнь Сиявуша тебя не страшит!
Где медлить губительно, мудрый спешит

Совет Герсивеза исполни, с пути
Опасного недруга смело смети».

Бойцам отвечает владыка страны:
«По правде, за ним я не знаю вины,

Но он на погибель меня обречет —
Так мудрый предсказывал мне звездочет.

А если казнить Сиявуша решусь,
Пыль ратная встанет над краем, страшусь,

И солнце такая окутает тьма,
Что каждый разумный лишится ума.

В Туран на погибель мою, на беду
Пришел он. К спасенью пути не найду.

Прощение — тяжкий бы вред принесло,
А казнь причинит еще большее зло».

Бесхитростен будь или будь ты хитер —
Напрасно вести с провидением спор!

ФЕРЕНГИС УМОЛЯЕТ АФРАСЬЯБА О ПОЩАДЕ

Услышала черную весть Ференгис,
И ногти несчастной в ланиты впились.

Терзает страдалицу горе и страх;
Посыпала голову прахом; в слезах,

Свой стан опоясав кровавым жгутом,
Упала она пред венчанным отцом.

«Владыка, что делаешь! — стала молить. —
Иль сердце ты хочешь мне испепелить?

Злодею, что хитрые сети плетет,
Ты вверился! Бездну не видишь с высот?

Царевича ты не казни без вины,
Побойся создателя звезд и луны!

С Ираном расставшись, тебе Сиавуш
Доверился: клятвы святой не нарушь!

Не верь Герсивезу, предатель он злой,
Себя не позорь перед целой землей!

Ты помнишь, как был Феридуном Зокак
Наказан — добра, справедливости враг;

Как Сельма и Тура жестокого встарь
Сразил Менучехр, добродетельный царь?

Теперь Кей-Кавус возглавляет Иран,
С ним грозный Ростем и премудрый Дестан,

Бехрам и Зенге, украшение дружин,
Не знающий страха в бою исполин,

И витязь из рода Гудерзова — Гив,
Что землю потряс бы, в сражение вступив.

От гнева моря закипят, небосвод
За кровь Сиавуша тебя проклянет.

Себя обрекаешь ты горькой судьбе,
Не раз мое слово припомнить тебе.

Опомнись, владыка, родимый наш край
Несчастьем и гибели не обрекай».

Тут лик Сиявуша узрела жена,
И, щеки терзая, вскричала она:

«О царь и воитель, о вождь и мудрец,
О доблестный лев, о могучий храбрец!

Покинув отчизну, покинув престол,
Владыку Турана отцом ты почел.

И что же? Ты в путях на гибель ведом!
Где трон и корона, где царственный дом?

Где клятва, повергшая в дрожь небеса,
Которой тебе повелитель клялся!

О, если б видал тебя ныне Кавус
И витязи шаха: Могучий и Тус,

Воинственный Гив, Ферамарз и Дестан!
Лишь весть роковую узнает Иран,

Вражда и война разгорятся опять,
Дней мира и счастья уж нам не видать!

Да будут постигнуты карой небес
Горуй, и Демур, и злодей Герсивез!

Кто руку дерзнет занести над тобой,
Да будет сражен беспощадной судьбой!

Тебе да поможет великий Йездан,
Пусть ужасом будет твой враг обуян!

Ослепнуть, не видеть бы мне, как врагом,
Униженный, пеший, в пыли ты влеком!

Лик солнца похитил отец у меня,
Могла ль ожидать я столь страшного дня?»

Речь дочери выслушав, царь побледнел,
Свет белый пред взором его потемнел.

«Прочь! — крикнул он в гневе. — Что мной решено,
Тебе еще, дерзкая, знать не дано!»

Он разума очи смыкал все плотней,
Хоть сердце сжималось от жалости к ней.

Таилась темница под замком его,
Не знала о том Ференгис ничего.

По воле владыки туранской земли
Страдалицу стражи туда повлекли;

В темницу ее беспощадно втолкнув,
Исчезли, тяжелые двери замкнув.

СМЕРТЬ СИАВУША ОТ РУКИ ГОРУЯ

Злодей Герсивез на Горуя взглянул,
И тотчас Горуй повернулся, шагнул

К царю Сиявушу, взъярен, словно див,
И совесть отвергнув, и честь позабыв.

За кудри схватил Сиявуша — о стыд! —
Палач венценосца во прахе влачит!

И слышен страдальца венчанного стон:
«О правящий круговращеньем времен,

Мне сына достойного ты ниспошли!
Как солнце, блестя средь героев земли,

Пусть недругам он за меня отомстит,
Мой правый обычай земле возвратит

И, множа невиданных подвигов счет,
Отвагой людские сердца привлечет!»

В слезах, неутешной печалью томим,
Пильсом подошел и склонился над ним.

И мученик молвил Пильсому: «Прощай,
Мир долгие годы собой освещай!

Да примет Пирам от тебя мой привет,
Скажи: изменился обманчивый свет!

Я думал, советы Пирана к добру,
А стал я злосчастней листка на ветру.

Мне слово давал он: сто тысяч бойцов,
Закованных в латы мужей-удальцов,

В час трудный тебе на подмогу пришлю
И щедро все нужды твои утолю.

Увы, у врага Герсивеза в тисках
Позору я предан, повержен во прах,

Но дружеской нет здесь руки ни одной,
Никто и слезы не прольет надо мной».

Страдальца, связав по рукам, повлекли.
От града и ратного стана вдали

Сжимает Горуй смертоносный кинжал,
Который из рук Герсивезовых взял.

За волосы дерзко царя волоча,
Не дрогнув ни разу, рука палача

Его дотащила до места того,
Где он в состязаньях обрел торжество.

Он жертве главу, что овце, отогнул,
Над нею кинжал занесенный сверкнул;

Поспешно под ток багровеющих струй
Лохань золотую поставил Горуй,—

И рухнул, лишившись главы, кипарис,
И крови потоки в лохань пролились.

Палач поспешил, выполняя приказ,
Сосуд на скалу опрокинуть. Тотчас

На месте, где пролит был жизненный сок,
Взошел небывалого вида цветок.

Зовется он «Кровь Сиавуша»; в пути
Ты можешь не раз на него набрести...

Злодейство свершилось. И вдруг поднялся
Злой вихрь, и сокрылись от глаз небеса.

Не видят друг друга, все сумрак застлал,
И каждый Горую проклятия слал.

Стон, плач во дворце Сиявуша, весь свет
Хулит Герсивеза, виновника бед.

Вот косу свою, ароматный аркан,
Отрезала в горе царица, и стан,

Как траурной лентой, косою обвит.
Ногтями терзает тюльпаны ланит;

В отчаянье слезы горячие льет
И то Афрасьябу проклятия шлет,

То ими осыпан злодей Герсивез,
И стоны летят до высоких небес.

Лишь только до слуха царя донеслись
Проклятья и горестный плач Ференгис,

Сказал Герсивезу владыка земли:
«Ее из темницы извлечь повели

И в руки отдай палачам поскорей;
Пускай изорвут одеянья на ней

И, ей причиняя жестокую боль,
Пусть яростно бьют батогами дотоль,

Покуда на землю без сил не падет
И вражье отродье конец свой найдет,

Не дам Сиявушевой ветви взрасти,
И в силу войти, и престол обрести!»

Тогда меченосцы туранских дружин
Властителя проклинали все, как один.

Они восклицали: «Не слыхивал мир,
Чтоб так поступали царь, вождь иль везир».

В тоске, удрученный нависшей бедой,
Льет горькие слезы Пильсом молодой.

К бойцам, что звались Фершидверд и Леххак,
Он бросился тотчас и вымолвил так:

«Мне ад Афрасьябова царства милей!
О сне и покое забудем, скорей

К Пирану поскачем, поищем пути,
Как бедную жертву от смерти спасти!»

Оседланы кони, помчались они,
По шири степной так и стлались они.

Три всадника, в замок Пирана примчась,
В печали ему рассказали тотчас

О том, что содеял безжалостный рок,
И слез неутешных пролился поток.

Пиран, потрясенный известьем таким,
Пал наземь в отчаянье, нем, недвижим.

Очнувшись, он все на себе изорвал;
Рыдал он и прахом главу сыпал,

Взывая: «О, доблестный, более трон
Не будет подобным тебе озарен!»

Пирану Леххак говорит: «Торопись,
Иль новая грянет беда: Ференгис

С престола низвергнута, заточена,
От страха дрожит, словно ива, она.

Царь отдал несчастную, злобой палим,
Своим палачам, душегубам своим».

ПИРАН ОСВОБОЖДАЕТ ФЕРЕНГИС

Весть выслушав, замок покинул Пиран;
И гневом и ужасом он обуян.

Он града в два дня и две ночи достиг.
Дворец палачами был полон; в тот миг

Над плачущей горько вдовой Ференгис,
Сверкая, стальные клинки поднялись.

Сказал бы, день мира последний грядет:
Кто стонет, кто слезы горючие льет.

И все Афрасьяба клянут, как один,
И толки слышны среди жен и мужчин:

«Когда Ференгис он главу отсечет —
На гибель себя самого обречет

Трон царственный рухнет, народы и рать
Не станут владыкой его называть»

Тут прибыл Пиран, на подмогу спеша,
И в каждом, кто честен, выиграла душа.

Узрела царица вождя, из очей
Без удержу хлынул горячий ручей.

Вскричала: «О как ты со мною жесток,
При жизни на адские муки обрек!»

С коня богатырь содрогнувшийся пал,
Одежду в тоске на себе разорвал.

Он казнь отложить повелел. Палачи,
Ему покорясь, опустили мечи.

В слезах, нестерпимой тревогой пронзен,
В чертог повелителя кинулся он,

Воззвал: «О владыка, блаженствуй всегда,
Тебя да минует лихая беда!

По чьим наущениям черное зло
Смутить твою чистую душу могло?

Забыв о стыде пред владыкой светил,
Зачем в свое сердце ты дива впустил?

Зачем неповинного ты покарал
И славу свою, и величье поправ?

Земля отдыхала от брани и зла,
Благою стезей единения шла;

Вдруг дьявол, извергнутый адом, схватил
В тиски твою душу, с пути совратил.

Будь проклят навеки веков Ахриман,
Тебя вероломно вводивший в обман!

Всю жизнь, удручен злодеяньем своим,
Ты будешь раскаяньем жгучим томим.

Одумайся, царь! Ференгис не нужны
Ни царский престол, ни богатства казны.

Губя отягченную бременем дочь,
Пред целой землею себя не порочь!

Жить будешь, людьми проклинаемый впредь,
И в вечном огне после смерти гореть.

Коль хочешь мой горестный дух озарить,
В мой замок дозволь Ференгис водворить,

А если тебя устрашает дитя —
Покончишь ты с этой заботой шутя.

Как только родится, во власти своей
Его ты увидишь: захочешь — убей».

Владыка отвечивал: «Быть по сему!
Ее пощажу, слову вняв твоему».

От сердца тогда у вождя отлегло,
Он вольно вздохнул, просветлело чело.

Осыпав мучителей гневной хулой,
Он с жертвой спасенной умчался стрелой.

В Хотен невредимой доставил ее,
И, плача, народ громко славил ее.

С ней в замок вступает, жене говорит:
«Приют светлоликой пусть будет укрыт

От взоров; ее неусыпно лелей!
Увидим, что роком назначено ей».

РОЖДЕНИЕ КЕЙ-ХОСРОВА

За тучами месяц — и полночь темна,
И звери, и птицы в объятиях сна.

И видит Пиран удивительный сон:
Как солнце, сияющий светоч зажжен.

На троне сидящий с мечом Сиявуш
Взывает: «Что дремлешь, о доблестный муж!

Ты сладкие грезы от глаз отгони
И мыслью проникни в грядущие дни.

День праздничный встанет и молод, и нов.
Сей ночью рождается шах Кей-Хосров!»

Пиран, задрожав, пробудился от сна,
И с ним солнцеликая встала жена.

«Ступай,— говорит ей Пиран,— торопись,
Войди осторожно в покой Ференгис.

Сейчас Сиявуша я видел во сне,
Подобного солнцу иль ясной луне.

«Проснись! — призывал меня голос его.—
Настало Хосрова-царя торжество».

Вбежала и видит: царицей-луной
Царевич рожден красоты неземной.

Вернулась, ликуя, с известьем благим,
Дворец огласив восклицаньем своим.

Сказала: «Младенца пленителен вид,
Как месяц, он взоры красою дивит.

Войди же к царице, на чудо взгляни,
Создателя мудрость и мощь оцени.

Ты скажешь, рожден для венца Кей-Хосров,
Для палицы, панциря, жарких боев».

Увидеть младенца Пиран поспешил;
Увидя, восславил владыку светил.

Глядит на младенца: сегодня рожден,
И что ж? Годовалым уж кажется он!

О павшем властителе вождь зарыдал
И щедро хулу Афрасьябу воздал.

Дружине сказал именитый глава:
«Пусть кару приму я за эти слова,

Пусть буду я брошен чудовищу в пасть,
Дитя не отдам душегубам во власть!»

Лишь солнце своим светозарным клинком
Рассеяло тени ночные кругом,

Явился Пиран пред владыкой своим,
Надежду тая и тревогой томим.

Дождавшись, пока остальные ушли,
Сказал он, приблизясь к владыке земли:

«О солнцеподобный владетельный вождь,
Чьи ведомы всем прозорливость и мощь!

Под сенью твоею раб новый вчера
Рожден — воплощенье красоты и добра.

Подобного в мире не сыщется; он,
Ты скажешь, из лунного света рожден.

Сам доблестный Тур, именитый стрелок,
Очей от него отвести бы не мог.

На росписях краше лица не сыскать,
Воскресла в нем древних царей благодать.

При виде красоты величавой такой
Сказал бы ты, сам Феридун пред тобой!

От мыслей мучительных душу избавь,
Будь радостен сердцем и благостно правь!»

Смягчил Афрасьяба создатель миров,
И взор властелина не столь уж суров,

Душевною болью внезапно пронзен;
Вздохнул сокрушенно и горестно он,

Раскаялся, вспомнив свершенное зло,
Что столько страданий душе принесло.

Пирану сказал он: «Мне беды грозят,
Так было предсказано годы назад.

Провидец поведал мне в те времена,
Что в мире кровавая вспыхнет война,

На землю великий владыка придет,
Что род от Кобада и Тура ведет.

Он будет народами всеми любим,
Иран и Туран преклонятся пред ним...

Что делать! Горюй не горюй, все равно
Того не избежать, что нам суждено.

Пусть отрок живет, но от града вдали;
Ты в горы его к пастухам отошли.

Там пусть вырастает, не зная, кто он,
И кем, и зачем скотоводам вручен.

О предках, о прошлом тогда вспоминать
Не станет, не сможет науки познать».

Такие вел речи владыка: он мнил,
Что мир свой изменчивый нрав изменил.

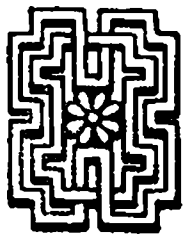
Не сладишь с ним, грезы пустые развей!
Мир вечен, и он не под властью твоей.

Но даже из бедствий, что шлет тебе рок,
Умей почерпнуть благодатный урок...

Вождь радостный вышел, к Хосрову спеша;
Благие надежды питала душа.

Хваленья создателю он воздавал
И славить царевича не уставал.

Вернулся в раздумье: какие плоды
Пожнет он, посеяв любовь и труды?

ПИРАН ВВЕРЯЕТ КЕЙ-ХОСРОВА ПАСТУХАМ

Опасаясь, что Афрасьяб убьет своего внука, Пиран внушает царю, что Кей-Хосров, воспитанный пастухами, слабоумен и потому не опасен. Афрасьяб хочет увидеть юного Кей-Хосрова. Царевич, предупрежденный Пираном, так нелепо отвечал на вопросы Афрасьяба, что царь поверил обману и спокойно отпустил Кей-Хосрова в Сиявушгорд. Пиран торжественно провожает его.

КЕЙ-ХОСРОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СИАВУШГОРД

«Скорей!» — Кей-Хосрова торопит мудрец,
И оба покинули царский дворец.

С весельем, надеясь на лучшие дни,
В жилище Пирана вступают они.

Вождь славит Йездана, на сердце светло:
Державное древо плоды принесло!

Он двери хранилищ велит отомкнуть,
Богато его снаряжает он в путь.

Немало одежд, искрометных камней,
Оружья, венцов, кушаков и коней,

Со златом тугих кошель и ковров
И много других драгоценных даров

Вручил Кей-Хосрову. Сердечно к тому ж
Напутствовал юношу доблестный муж.

И сына, и мать проводил он потом
В прославленный град, возведенный отцом.

Тот град пребывал в запустенье, увы...
Для встречи Хосрова и царской вдовы,

Ликуя, спешит отовсюду народ,
Весь город любимым хвалу воздает.

Все рады: до срока поверженный ствол
Дал отпрыск, и пышно могучий расцвел.

И каждый душой за усопшим царем
Летит и его поминает добром.

Где были колючки — цветы разрослись,
Где сорные травы — встает кипарис.

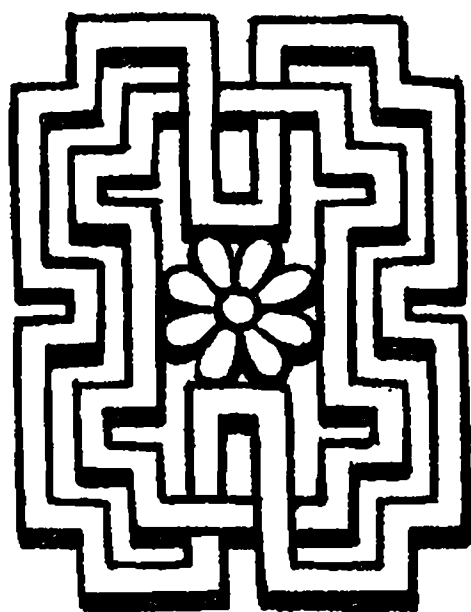
А где Сиявушева кровь пролилась —
Смоковница стройная ввысь вознеслась,

И мускусом листья запахли, и лик
Царя Сиявуша на каждом возник.

Смоковница та зеленела весь год,
Под ней о царевиче плакал народ...

Как мстили за смерть Сиявуша, внемли,
Как царского сына в Иран увезли.

БИЖЕН И МЕНИЖЕ

Ночь словно омыта смолою густой,
С агатом поспорит она чернотой.

От взоров и Тир, и Кейван, и Бехрам
Укрыты, окутал их тьмы океан.

И странен взошедшего месяца лик:
Унылый и бледный, он в небе возник;

Истаявший, словно томимый тоской
По своду, где царствует вечный покой,

Плывет он, на четверть лишь видный земле,
Ее уступая таинственной мгле.

Вершины и доли — все ночь облекла
Покровом, чернее воронья крыла.

Со сталью померкшею схож небосклон,
Нахлынувшим мраком и он покорен.

Весь мир словно взят Ахриманом во власть,
Раскрывшим змеиную черную пасть.

И мнится: лишь ветер повеет слегка,
Прах черный в тиши сеет негра рука.

Не сад, не ручей, не пестреющий луг —
Лишь темень угрюмую вижу вокруг.

И кажется, замер вертящийся свод
И солнце угасшее вновь не взойдет

Земля в облачении черном ночном
Покоится, крепким охвачена сном,

И страж заглушил колокольчика звон.
Сказал бы ты, мир сам собой уstraшен.

Ни щебета птиц, ни рычанья зверей —
Молчанье царит над вселенною всей.

Вершины от пропасти не отличишь,
И душу томит бесконечная тишь.

Прогнать бы, рассеять нависшую тьму!
Жила тогда милая сердцу в дому;

Я кликнул ее, чтоб светильник взяла
И в сад, красотою сверкая, вошла.

«Светильник зачем? Иль предчувствия жуть
Напала, мешая спокойно уснуть?»

«Любимая, — молвил я, — спать не хочу,
Внеси же подобную солнцу свечу.

С тобой попируем за чашей вина,
И пусть услаждает нас ченга струна».

Отрада моя возвращается в сад,
Светильником весь озаряется сад.

Все к пиршеству нашему принесено —
Айва, и багряный гранат, и вино.

То чашу, то ченг эти пальцы берут.
Сказал бы, любуясь: колдует Харут*.

И все воплотилось, о чем я мечтал:
Мрак ночи полуднем сияющим стал.

Воссели за чашами дружной четой,
И вот что затем я слышал от той,

Чья светлому солнцу подобна краса:
«От горя тебя да хранят небеса!

Старинную книгу я стану листать,
Сказанье о днях миновавших читать.

Пей, милый, и слушай медлительный сказ,
Причудам всевластного рока дивясь.

Все в сказе — сраженья, любовь, колдовство;
Отрадно разумному слушать его».

Сказал я: «Венчанный луной кипарис!
Молю я, за чтение скорее примись».

Спросила: «Тот сказ пехлевийский потом
Своим перескажешь ли звучным стихом?»

На это ответил я милой: «Готов
Внимать я течению плавному слов.

Быть может избавясь от тягостных дум,
Усну я, тревога покинет мой ум,

Вернутся ко мне вдохновенья часы,
О друг, образец непорочной красоты!

О том, что из уст я услышу твоих,
Поведает людям правдивый мой стих,

И милость Йездана в награду пожну.
Благую судьба мне послала жену!»

Затем прочитала любимая мне
Пленительный сказ о седой старине.

Теперь на творение это взгляни,
Его по достоинству ты оцени.

АРМАНЫ ПРОСЯТ КЕЙ-ХОСРОВА О ПОМОЩИ

Закончил победные войны Хосров,
И край возрожденный стал светел и нов.

Возвысил свой трон, торжеством осиян,
Престола лишил побежденный Туран.

Осыпало небо обильем щедрот
Иранцев; за милостью милость им шлет.

Страна благоденствовать стала, как встарь,
Избранником неба стал доблестный царь.

Отмстив за царя Сиявуша в борьбе,
Две трети земли подчинил он себе,

Но помнил, что русло, где прежде волна
Бурлила, не место для сладкого сна.

Однажды с дружиной Хосров пировал,
За здравье бойцов поднимая фиал.

Престол властелина украшен парчой,
Алмазами блещет венец золотой.

Он держит блестящую чашу с вином
И ченгу внимает, забыв обо всем.

Пируют вожди знаменитых дружин:
Герой Гостехем, Фериборз — царский сын,

Гудерз — сын Гошвада, отважный Ферхад,
Гив славный, Горгин, чей родитель Милад,

Тус, ордам несущий погибель и плен,
Хоррад и Шапур и бесстрашный Бижен*...

И вдруг из-за плотной завесы ковра
Страж бдительный входит. Салару двора

Сказал он: «Арманы стоят у дверей,
Хотят повидать властелина царей.

С границы Турана — соседней земли
Они умолять о защите пришли».

Салар искушенный, услышав о том,
Тотчас доложил, преклонясь пред царем,

О слышанном. Дал дозволение Хосров,
И вот, как положено, вводят послов.

Те, в горе великом, душою горя,
Рыдая, приблизились к трону царя.

Почтительно руки у них скрещены
И скорбные лица от праха черны.

Воззвали: «Владыка, любимец побед,
Весь век благоденствуй, не ведая бед!

Тебя, венценосный, на помощь зовем.
На стыке Ирана с Тураном живем;

Те земли — арманов исконный приют,
Арманы тебе челобитную шлют.

Да слависья вечно, владыка владык!
Преследуя зло, будешь мудр и велик!

Семь стран благосклонностью ты наградил*,
И каждую ты от невзгод оградил,

Но мы, на границе туранской страны,
Невиданным бедствиям обречены.

Владели в Иране лесной полосой;
И, радуя взоры, там каждой весной

Деревья плодовые пышно цвели,
Там сеяли злаки, стада мы пасли.

С той щедрой землею мы тесно сжились;
О праведный царь, помоги, заступись!

Все отнято — пастбища, нивы, вода.
Нагрянуло множество вепрей туда,

С клыками слонов, каждый с гору на вид,
И люд обездоленный горем убит.

Наш лес благодатный корчуют они,
Деревья, растущие там искони,

Безжалостно губят, круша и грызя,
Нам голодом, гибелью верной грозя.

Гранит — не преграда для этих клыков.
Подумай, владыка, удел наш каков!»

Услышав усталых пришельцев слова,
Охвачен печалью державы глава.

В той горькой беде соболезнуя им,
Воззвал он к бойцам именитым своим:

«Эй, витязи славные, храбрая рать!
Героя, кто, славу желая стяжать,

Решится на яростных вепрей напасть
И смело осилит лихую напасть,

Мечом обезглавит свирепых зверей,
Заране хочу одарить пощедрей».

Столы золотые хранитель казны
Доставил по воле владыки страны;

Немало принес и рассыпал на них
Сверкающих дивно камней дорогих.

Десяток коней златоуздых потом
Пригнали, клейменных Кавуса тавром,

В богатых пополах румийской парчи.
И тем, чьи прославились в мире мечи,

Владыка в наставшей сказал тишине:
«Ответствуйте, витязи храбрые, мне:

Кто подвиг во имя отрады моей
Свершит и добьется награды моей?»

Безмолвны вожди закаленных дружин,
И только Бижен, Гива доблестный сын,

Вперед из толпы именитых шагнув,
Воскликнул, Йездана пред тем помянув:

«Да будешь ты всеми народами чтим!
Престол да пребудет навеки твоим!

Рожден я тебе, о владыка, служить,
Сей подвиг готов для тебя совершить».

Речь сына услышал прославленный Гив
И дрогнул, тревогу в душе затаив.

Вначале Хосрова он стал восхвалять,
Затем молодого бойца наставлять.

Сказал: «Опрометчивость губит мужей.
Ты зря обольщаешься силой своей!

Пусть юноша храбр, одарен, родовит,—
Он опыта удалю не возместит.

Изведай сначала и радость, и боль.
Отведай и горечь, и сладость, и соль.

Смотри, пред владыкою не осрамись,
Тропою нехоженой вдаль не стремись!»

Воскликнул во гневе Бижен молодой,
Рожденный под светлой, благою звездой:

«Не думай, о мой именитый отец,
Что я неумелый и слабый боец!

Прости, что тебе возразить я посмел:
Пусть молод годами, рассудок мой зрел.

Зверей уничтожу, отважен и горд,
Бижен я, сын Гива, губителя орд!»

И слышит хвалу властелина герой,
Дозволено славному ринуться в бой.

«О доблестный витязь! — Хосров говорит.—
Ты в каждой беде мне — опора и щит.

Не станет разумный страшиться врага,
Когда у него столь отважный слуга».

Горгина затем властелин подозвал,
Сказал: «У арманов Бижен не бывал.

Ему вожаком и товарищем будь.
Коней быстроногих седлайте и в путь!»

БИЖЕН ОТПРАВЛЯЕТСЯ БИТЬСЯ С ВЕПРЯМИ

И вот уж собрался в дорогу смельчак,
Надвинут шелом, крепко стянут кушак.

С ним спутник, опора в походе,— Горгин,
Героя Милада воинственный сын.

В дорогу и соколов взяли, и псов;
По воле Бижена, затеяли лов.

Как лев разъяренный, исполненный сил,
Онагров травил и косуль он косил.

Был меток Биженев аркан: Тахмурес,
Злых дивов губитель, в нем будто воскрес.

Так витязи мчались, не зная преград,
Им чудилось: то не дорога, а сад.

И вот уже видят бойцы пред собой
Ту чашу, куда их послали на бой;

Там рыскали вепри, не чуя того,
Что гонит Бижен скакуна своего.

Домчавшись, в безудержном гневе своем
Готовый к расправе с опасным зверьем,

Кричит он Горгину: «Пора нападать!
Коль хочешь — оставь меня стрелы метать,

А сам смертоносный клинок обнажи
И зорко у озера ты сторожи.

Лишь рев ты услышишь, бросающий в дрожь,
Не медли: отвагу, сноровку и мощь —

Все в дело пусти, нагони, перебей
Упущенных мною свирепых зверей!»

На это Бижену ответил Горгин:
«С тобой не о том говорил властелин.

Ведь хищников ты извести посулил,
Алмазы и жемчуг ведь ты получил,—

Так в битве участия не жди моего!
Я твой провожатый, не больше того».

Бижена подобный ответ поразил;
Он в гневе от спутника взор отвратил,
На лук тетиву торопливо надев,
Без страха рванулся вперед, словно лев.

Клич грянул, весеннего грома грозней,
Такой, что посыпались листья с ветвей.

Колчан свой наполненный опустошил
Бижен и блестящий булат обнажил.

Тут хищников стая вокруг собралась,
Прах роют клыками, хрипя и ярьась.

Вожак, словно див разъяренный, напал,
Кольчугу на витязе вмиг разодрал.

Занес богатырь свой булатный клинок,
Чудовище надвое разом рассек.

И прочие вепри, беспомощней лис,
В борьбе погибли, кровью все облились.

Поверженным головы рубит герой,
К седлу их торочит одну за другой,

Чтоб силу и доблесть иранцам явить,
Победой невиданной их удивить

И шаху кабаньи клыки поднести,
А туши оставить пришлось на пути.

ГОРГИН ИСКУШАЕТ БИЖЕНА

Горгин, неразумный, злонравный боец,
Биженовой битвы победный конец,

Вернувшись, увидел; темнеет в глазах,
Томит пред стыдом и бесчестьем страх.

Устами герою воздал он хвалу,
Но в сердце дал место досаде и злу.

Рассудок ему помрачил Ахриман,
Решил он пуститься на черный обман.

Но цели достичь безрассудный не смог,
Решил по-иному недремлющий рок.

Ты, роющий яму другому, страшись!
Тебе самому от нее не спастись.

Корыстью и жаждою славы влеком,
Горгин западню перед тем смельчаком

Расставил. Сказал он: «О разума свет!
Тебе, победителю, равного нет.

Иезданом и счастьем высоким храним,
Прославишься подвигом ты не одним.

Но выслушай ныне правдивый рассказ:
Я в этих краях побывал уж не раз.

Здесь были со мною Ростем, Гостехем,
Был Тус — сын Новзера, был Гив, Гождеhem.

Мы бились на этих равнинах тогда
Отважно; с тех пор миновали года;

Те битвы прославили нас, вознесли
В глазах властелина иранской земли.

Проделав отсюда двухдневный лишь путь,
Мы сможем на праздник весенний взглянуть

В Туране. Цветами пестреющий луг
Чарует и радует сердце. Вокруг

Сады, родники под шатрами ветвей,
Там отдых желанный для богатырей.

Узнай же, недолгое время пройдет,
Прибрежный тот луг, словно рай, расцветет;

Там станут звенеть от зари до зари
Веселые песни прекрасных пери.

Блистая, как солнце, изгнавшее ночь,
Придет Мениже, Афрасьябова дочь,

Раскинет шатер на лугу под горой,
И с нею — прислужниц пленительный рой.

Туранские девы, как тополь, стройны,
Их кудри, что мускус, душисты, черны.

Их лиц под фатою нежна красота
И розою алые пахнут уста.

К Урочищу празднеств, о славный герой,
Мы за день домчимся, нагрянем грозой

И дев, сколько сможем, в полон уведем,
И будет набег наш одобрен царем».

Сумел раззадорить он, так говоря,
Бижена, отважного богатыря.

Был молод, взыграла в нем юная кровь,
Манит его слава, манит и любовь.

БИЖЕН ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПОВИДАТЬ МЕНИЖЕ

Вот оба помчались далеким путем,
Желанием — этот, тот злобой ведом.

Меж рощ на поляне, лишь день миновал,
Прославленный витязь устроил привал.

Два дня на просторах арманской земли,
Охотою тешась, мужи провели.

Проведал Горгин, что настала пора:
Царевна пирует под сенью шатра.

Спешит он Бижену поведать о том,
Твердит он о празднестве ночью и днем.

Ответу Бижена внимает Горгин:
«Туда я отправлюсь сначала один,

На юных красавиц украдкой взгляну,
Увижу, как славят в Туране весну,

Но мешкать не стану, к тебе ворочусь,
Копьем вознесенным сверкая, примчусь.

И станет тогда нам задача ясней,
Как действовать надобно, будет видней».

Сказал казначею: «Отцовский кулах,
В каком восседал он на царских пирах,

Неси мне: украситья им я хочу,
Ведь нынче на празднество я поскачу».

И вот, осененный Хомая пером*,
Венец изумрудный сверкает на нем,

Блестит ожерелье, дар щедрый царя;
Подвески, достойные богатыря,

Румийская мантия, перстень, кушак
Надеты; несут вороному чепрак,

Седлают; воитель вскочил на него
И гонит; и вскоре до луга того

Домчался, царевну увидеть спеша;
Мечтанием страстным объята душа.

Направясь к платану, под тенью ветвей
Укрылся от солнечных жгучих лучей

В уборе своем ослепительном князь
И смотрит на нежных пери, притаясь.

Завесу откинув, царевна-заря
Увидела юношу-богатыря.

Ночь — кудри его, лик — Йемена луна*,
Лилейность фиалками оттенена.

На нем драгоценный румийский убор
И княжья корона, слепящая взор.

Стал витязь прекрасной затворнице мил,
В ней страстной любовью любовь пробудил.

Послала кормилицу, дав ей наказ:
«Спроси и ответ принеси мне тотчас:

Кто этот звезду затмевающий муж?
Виденье ль, оживший ли царь Сиявуш?

Спроси от меня: как сюда ты проник,
О доблестный витязь, кто твой проводник?»

К Бижену поспешно раба подошла,
Ему поклонилась, хвалу воздала,

Своей госпожи повторила вопрос.
И счастье у юноши в сердце зажглось;

И он, чьей отвагою славился край,
Ответил: «О сладкоречивая, знай,

Не царь Сиявуш, не видение я,
Прекрасный Иран — вот отчизна моя.

Сын Гива Бижен, от просторов родных
Я мчался на ловлю чудовищ лесных;

Убитыми их побросал на пути,
А шаху клыки собирался везти.

Когда же о празднестве вашем узнал,
К отцу торопиться уже я не стал.

Я чаял, предстанет хотя бы во сне
Лик дочери Афрасиабовой мне.

И вот, словно Чина чарующий храм,
Ваш луг заповедный явился очам.

Меня осчастливив своей добротой,
Получишь венец и убор золотой.

Молю, укажи к ослепительной путь,
Ее благосклонность Бижену добудь!»

Вернулась служанка к своей госпоже,
И слышит желанную весть Мениже

О юноше милом: каков он лицом,
Осанкой, как создан великим творцом.

И тотчас ответ посылает краса:
«Желанное в дар тебе шлют небеса.

Я жду тебя, витязь, подобный пери,
Приди и весельем мой дух озари!

Увидя тебя, просветлеет мой взор,
В цветник обратятся и степь, и шатер».

Царевны ответ удальцу принесен,
И жадно внимает посланнице он.

БИЖЕН В ШАТРЕ У МЕНИЖЕ

Все выслушал князь восхищенный, и вот
Покинул он широколиственный свод

И к дочери Афрасиаба-царя
Стремительно шествует, страстью горя.

Вступает в шатер; словно стройный платан,
Его опоясанный золотом стан.

Приблизясь, царица его обняла,
Сняла с него панцирь и речь завела,

Вопрос за вопросом ему задает:
«С кем, витязь, на вепрей свершил ты поход?

Тяжелые латы тебе не под стать,
Стан стройный такой не грешно ль отягчать?»

Вот розовой благоуханной водой
Омыты воителя ноги. Едой

Стол щедро уставить приказ отдала:
Нет счета напиткам, нет яствам числа.

Отосланы лишние. Чаши полны,
И слышится рокот певучей струны.

В руках у прелестных невольниц поют
И сладостный ченг, и чарующий руд.

Хрустальная чаша со старым вином
Сморила Бижена, и тщетно со сном

Он борется после трех дней, трех ночей,
Что в неге провел он с подругой своей.

МЕНИЖЕ ВЕЛИТ ПЕРЕНЕСТИ БИЖЕНА В СВОЙ ПОКОЙ

Покинуть пора ему царскую дочь,
Но ей разлучиться с Биженем невмочь.

Увидя, что друг захмелел от вина,
Прислужниц своих подзывает она,

Снотворного крепкого зелья достать
Велит и Бижену в вино подмешать.

Вот чашу Бижен осушил, вот уж он
Ресницы сомкнул, в крепкий сон погружен.

Готовят ковчег и пускаются в путь*;
Ничто не мешает в пути отдохнуть.

Сиденье — ковчег одна сторона,
Другая — покойное ложе для сна,

И веет над спящим дыхание роз,
Пьянящее благоухание роз.

Под отчий вступает красавица кров.
Накинув на спящего темный покров,

Несут его молча, и вот наконец
В покоях царевны Бижен-удалец,

На ложе роскошном. От крепкого сна
Его пробужденье торопит она,

Дает благовоний бодрящих вдохнуть,
Чтоб мог он ресницы скорей разомкнуть.

Проснувшись, в объятьях своих исполин
Увидел царевну, чьи плечи — жасмин.

Взывает он в страхе: «О правый Йездан!
Сетями опутал меня Ахриман.

Предчувствием тягостным дух мой томим,
Страшусь, не уйти мне отсюда живым.

Молениям моим, всемогущий, внимли,
Отмщеньем Горгину мой гнев утоли.

Им, низким, расставлена мне западня,
Он сотней соблазнов опутал меня».

Сказала красавица: «Развеселись,
Заранее будущих бед не страшись!

Ты — муж: подобает изведать тебе
И счастье в любви, и опасность в борьбе».

Недолго тонули в блаженстве таком,
Дошли до привратника слухи о том;

Предательский в дело вмешался язык,
Что беды злоречием сеять привык.

Подробно расследовав дело тогда ж,
Все вызнать сумел проницательный страж:

Кто спрятанный витязь, из рода чьего,
Откуда примчался в Туран, для чего...

И вот, Афрасьябова гнева страшась,
Себя убережь от возмездья решаешь,

Привратник, не видя иного пути,
Надумал ему обо всем донести.

И слышит владыка: «Скажу, не тая,
Подругой иранца дочь стала твоя».

К творцу повелитель Турана воззвал,
Что ивовый лист на ветру, задрожал.

Владыка разгневанный сына зовет,
И вот Карахан перед ним предстает.

Сказал Афрасьяб: «Посоветуй, как быть,
С преступною дочерью как поступить?»

И слышит в ответ Карахана слова:
«Внимательно дело расследуй сперва,

Коль истину слышал ты — действуй, но ведь
Услышать — не то, что воочью узреть».

Лишь это сказал предводитель дружин,
Решение принял тотчас властелин;

Призвав Герсивеза, от ярости пьян,
Вскричал: «Снова козни нам строит Иран!

За что я судьбою преследуем так!
Не только Иран, дочь родная мне — враг.

С бойцами к царевне в покои ворвись
И двери, и кровли занять торопись.

Того, кто в покоях укрылся, схвати,
Связав, не замедли ко мне привести».

ГЕРСИВЕЗ ПРИВОДИТ БИЖЕНА К АФРАСИАБУ

Бойцы Герсивеза подкрались к дверям
И слышат: идет пирование там.

Звучат во дворце, что возвел Афрасьяб,
И ченг, и чарующий душу робаб.

Вот заняты каждая кровля и вход —
Теперь из чертога никто не уйдет.

Лишь двери закрытые вождь увидал,
Услышал — звучит, наполняясь, фиал,

Дверь вышиб он мощным своим кулаком,
Внутри очутился единым прыжком

И видит — в чертоге пришелец чужой,
Пирует вдвоем с Мениже молодой.

Невольницы пляшут для них и поют,
Звенит сладкогласный чарующий руд,

И блещет меж дев удальца красота,
И в винных рубиновых каплях уста.

В туранце неистовый гнев закипел;
Едва разглядеть он Бижена успел,

Ему угрожающе крикнул: «Наглец!
Презренный, неизвестного рода пришлец!

Ты в лапах у лютого льва, берегись,
От гибели верной тебе не спастись!»

Бижен содрогнулся, и думает он:
«Какой я боец, коль доспехов лишен!

Увы, далеко от меня мой гневой,
Покинут я, видно, счастливой звездой».

Бижен осторожный всегда свой кинжал
Отточенный за голенищем держал.

Блеснул извлеченный из ножен клинок,
И с возгласом витязь ступил на порог:

«Бижен я, из рода Гошвада боец,
Меж войска иранского первый храбрец!

Схватиться со мной кто посмеет? Лишь тот,
Кто, жизнью пресытившись, гибель зовет.

И даже в день Судный — в том клятву даю —
Мой враг не увидел бы спину мою.

Я этим кинжалом, вселяющим страх,
Здесь витязей многих повергну во прах!

Но если к царю обещаешь отвести —
Всю правду ему расскажу я, как есть.

Быть может, мне жизнь у царя своего
Испросишь, ко благу направишь его».

Вождь видит: Бижена губительна длань,
Он ринется неустрашимо на брань,

Разить беспощадно отважный готов,
Немало снесет он туранских голов.

И дружбу ему Герсивез обещал,
Его уговаривал, увещевал,

Речами умильными в сеть залучил,
Когда же кинжала коварно лишил,—

Героя, связав, как гепарда, повлек.
Что проку в отваге, коль злобствует рок!

Вот пленник предстал пред владыкой страны,
Слезами горючими очи полны;

В цепях, побледневший от мук и обид,
Боец с головой непокрытой стоит.

Сказал он, хвалу властелину воздав:
«Ты правду услышать желаешь — ты прав.

Сюда я попал не по воле своей,
И нет здесь вины, о владыка, ничьей.

Я в чаще арманской вел с вепрями бой,
Забросил в Туран меня случай слепой.

Отбился мой сокол, в погоне за ним
Расстался я с краем и родом своим.

Жгло солнце полдневное все горячей,
Уснул я, листвою укрыт от лучей.

Явилась пери, распростерла крыла,
В объятия спящим меня приняла,

С конем разлучила и, вихря быстрее,
Умчала навстречу дружине твоей,

Что стражем царевны была. Меж рядов
Плыла вереница походных шатров.

Бойцы верховые держали навес,
Богато украшенный, — чудо чудес;

Под ним, осененный тончайшей тафтой,
Сиял, колыхаясь, ковчег золотой;

В нем дева дремала — красы образец,
Блистал у ее изголовья венец,

Пери, Ахримана сперва помянув,
Как вихрь меж бойцов верховых промелькнув,

В ковчег золотой усадила меня
Близ девы. Не зная ни ночи, ни дня,

Все спал я — не мог побороть колдовство, —
Пока не достигли дворца твоего.

Поверь, неповинен в случившемся я,
Безгрешна и дочь молодая твоя.

Я черными чарами был побежден,
Нечистою силою схвачен в полон».

Владыка Бижену ответил на то:
«От кары тебя не избавит ничто.

Давно ль меж иранских мужей с булавой,
С арканом ты славы искал боевой?

А ныне в оковах, слабее жены,
Толкуешь ты про небылицы, про сны.

Измыслил ты хитросплетенную ложь,
Но тщетно — живым от меня не уйдешь!»

Ответ был: «Державы туранской глава!
Послушай и вдумайся в эти слова.

Для битвы везде — будь то лес иль пески —
Льву надобны когти, а вепрю — клыки.

Напасть не под силу без острых когтей
И тигру, хоть зверя не сыщешь лютей.

Когда же герою грозит супостат,
Лук нужен и стрелы и добрый булат.

Нельзя, чтоб сражался в оковах, нагой
Один и в стальном снаряжение — другой.

Коль хочешь, владыка, в кровавом бою
Явлю я отвагу и силу свою,

Лишь палицу дать и коня прикажи.
Пусть сотня за сотней Турана мужи

Выходят на битву; из них коль один
Спасется — не витязь я, не исполин!»

Царь, выслушав смелую речь до конца,
Взор гневный метнул на того удалца:

Казалось, на клочья б его растерзал!
Затем, обратясь к Герсивезу, сказал:

«Ты видишь, сей пленник породы дурной
Затеял возвысить себя надо мной.

Ему не довольно свершенного зла —
В бой рвется он, слава его привлекла!

Нет, дерзкого надо на площадь повлечь,
При всех поношенью и смерти обречь.

Повесить его прикажи палачу,
И слышать я больше о нем не хочу!

Пусть впредь не осмелится враг ни один
Ступить на просторы туранских равнин!»

И вот потащили несчастного прочь,
Сдержатъ ему горькие слезы невмочь.

Он думает: «Если всевластный творец
Такой мне назначил злосчастный конец —

Не дрогну, предсмертный неведом мне страх,
Жжет сердце лишь мысль об иранских мужах.

На казнь и позор палачами ведом,
Прославленных предков покрою стыдом,

Над телом недвижимым моим супостат
Придет потешаться, весельем объят.

Не видеть мне больше бойцов и царя
И Гива, родимого богатыря.

Ты, ветер, в Иран мой любимый лети,
Спеши повелителю весть отнести,

Шепни: распрощайся с Биженом, о шах,
Он бьется у лютого тигра в когтях.

Гудерзу поведай, опоре дружин:
Причина моих злоключений — Горгин.

Навлек на меня роковую беду
Он, злобный! Спасенья, увы, не найду.

Горгина спроси: мир покинув земной,
Как в очи мне взглянет он, встретясь со мной!»

ПИРАН ПРОСИТ АФРАСИАБА ПОМИЛОВАТЬ БИЖЕНА

Над юношей сжалился правый Йездан,
Распался замкнувшийся вражий капкан.

Две грозные ямы копать уж пришли,—
По счастью, Пيران показался вдали.

Подъехал и видит, тревогой объят:
Турана бойцы наготове стоят,

Два вкопаны в яму столба роковых,
И петля тугая повисла меж них.

Спросил: «Вы повесить хотите кого?
В ком недруга царь усмотрел своего?»

И слышит ответ Герсивеза Пيران:
«Враг царский — Бижен, чья отчизна — Иран».

К Бижену поспешно приблизился он
И видит, что тот удручен, изнурен,

Уста пересохли, и руки бойца
В оковах, и краска сбежала с лица.

«Зачем ты, безумец, примчался в Туран?
Ужель воевать?» — вопрошает Пيران.

Поведал истерзанный горем Бижен,
Как брошен был злобным соперником в плен.

И сжалился вождь над иранским бойцом,
И, слезы о нем проливая ручьем,

Велит палачам: «Не казните его,
От смерти пока сохраните его,

А я повидая державы главу,
На путь милосердия его призову».

Пيران именитый ударил коня,
Пустился к царю, что есть мочи гоня;

Достигнув дворца, что возвел Афрасьяб,
Он спешился, руки скрестив, словно раб,

Поспешно к цареву престолу идет,
Властителю громко хвалу воздает

И после смолкает, у трона склонясь.
Царь понял: прославленный мудростью князь

Какое-то в сердце желанье таит,
Недаром у трона в молчанье стоит.

Сказал, улыбаясь: «Мне сердце открой.
Безмерно тебя почитаю, герой!

Казну, или войско, иль княжий удел —
Проси не колеблясь, чего б ни хотел.

Всем рад я с тобой поделиться, любя,
Сомненьем напрасно тревожишь себя».

Смиренно к ногам властелина упал
Вождь верный и после, поднявшись, сказал:

«Да будет навек тебе царство дано,
Другого царя да не знает оно!

Владыки всех стран восхваляют тебя,
И звезды небес прославляют тебя.

Довольно по милости щедрой твоей
Имею казны, и бойцов, и коней.

В ряду со знатнейшими с давних времен
Почетом я в царстве твоём окружен.

Просить не о благах пришел я сюда —
Ведь слугам твоим неизвестна нужда.

Но в сердце страшусь я, того не таю,
За добрую славу мою и твою.

Не я ли советы разумные встарь
Тебе многократно давал, государь?

Моим увещаньям ты внять не хотел,
И я потому устранился от дел.

Твердил я: Кавусова сына убьешь —
В Ростеме и Тусе врагов обретешь.

Не будет спасенья от гибели нам,
Все брошены под ноги будем слонам.

Кеянского рода владыка благой,
Что преданным был тебе другом, слугой,

Мудрец Сиявуш был тобою казнен —
Мед мира отравой вражды замутнен.

Ты помнишь ли Гива, его булаву,
Ростема — могучих героев главу —

И бедствия те, что враги принесли,
Ворвавшись в пределы туранской земли?

Был край разорен, стала горькой тогда
В источнике нашего счастья вода.

Еще не заржавлен, годится для сеч
От Заля и Сама оставшийся меч,

Которым Ростем здесь дружину косил,
Кровь алой струей до небес возносил!

В дни мира к сраженьям ты рвешься, влеком
Войны ядовитым, зловонным цветком.

Коль жизни Бижена лишишь, на Туран
Ты гибельный вновь навлечешь ураган.

Ты — мудрый владыка, мы — слуги, не нам
Учить тебя, но поразмысли ты сам,

Припомни, какие пожал ты плоды,
Царевича сделав добычей беды.

Ужели не хочешь свой гнев укротить,
Вновь древо несчастья задумал растить?

Коль снова война разразится, как встарь,
Победы не жди, о владетельный царь!

Кому, венценосный, так знать, как тебе,
Длань Гива, отвагу Ростема в борьбе

И хватку стальную Гудерза-бойца,
Что мстить устремится за внука-юнца!»

Так влагой кропил он пылающий гнев.
Ответил владыка, лицом потемнев:

«Да знаешь ли ты, что Бижен сотворил?
Меня всенародно бесчестьем покрыл.

Удар нанесла недостойная дочь,
Его претерпеть мне, седому, невмочь!

Подняв на затворницу дерзостный взор,
Враг выставил имя мое на позор.

Посмешищем стану на веки веков
Для края родного, для наших полков.

Когда не падет оскорбитель мой злой,
Поруган я буду, осыпан хулой.

Придется, стыдясь, до скончания дней
Кровавые слезы струить из очей».

«О царь,— отвечает хвалою Пиран,—
Да будешь ты счастьем навек осиян!

Мудры твои речи, и прав ты во всем,
Заботясь об имени добром своем,

Но все же благому совету внимли
И разуму вникнуть в него повели:

Возложим на дерзкого бремя цепей,
Которые петли и плахи страшней.

Тем горе, кто в ямах твоих заточен!
Нигде никому не прочесть их имен.

Вот лучший урок для иранских мужей —
Впредь наших не переступать рубежей».

Царь, выслушав чистосердечную речь,
Тем мудрым советом не смог пренебречь.

Владыки удел на земле — торжество,
Коль мудрости полон советник его.

АФРАСИАБ ЗАТОЧАЕТ БИЖЕНА

Велит Герсивезу владыка затем:
«Глубокую яму, где вечная темь,

И цепи готовь для преступника ты —
Из тех, на каких повисают мосты;

Скрепив их надежно, с макушки до пят
Опутай врага — пусть немолчно гремят!

Ни света дневного в той яме сырой,
Ни звезд пусть не видит порою ночной!

Тот камень Аквана, который Йездан
Из бездны исторг, возмутив океан*,

Из Чина доставь на могучих слонах,
Им яму закрой ты Бижену на страх.

Пусть в вечной ночи изнывает мой враг!
Пусть разум его погрузится во мрак!

Направься потом в сокровенный покой
К царевне, что род опозорила свой.

Туда с верховыми бойцами ворвись,
С венцом разлучи, восклицая: «Стыдись,

Носить недостойна ты царский венец,
Преступница, проклял тебя твой отец!

Его ты унизила, ввергла во прах,
Презренье к нему возбудила в сердцах!»

С открытым лицом ее к яме тащи.
«Здесь, — крикни, — для сердца отраду ищи!

В чертоге царей красовался герой,
Любуйся им ныне в темнице сырой!

Была для него ты как жизнь и весна,
В беде утешать его ныне должна!»

Ушел Герсивез, жаждой мести горя.
Исполнили злобную волю царя.

Воителя, вынув из смертной петли,
К зияющей яме тотчас повлекли.

В румийские тяжкие цепи его
От шеи до ног заковали всего,

Железом, при помощи крепких тисков,
Скрепили звенящие звенья оков.

И в яму низвергнут боец молодой,
Завалена яма тяжелой плитой.

И вот с верховыми бойцами уже
Врывается лютый палач к Мениже;

Разграбил ее сокровенный чертог,
Корону и золото — все отнял, что мог.

С несчастной царевны срывают убор,
С челом непокрытым ведут на позор.

До ямы ее, по земле волоча,
Домчала и бросила рать палача.

Сказал Герсивез: «Полюбуйся своим
Приютом, весь век не расстанешься с ним!»

Покинул ее перед ямою той,
И горе отныне ей стало четой.

Рыдая, не зная, как горю помочь,
Бродила по степи весь день и всю ночь,

Но, к яме закрытой вернувшись опять,
Сумела там щель для руки отыскать.

Вот солнце взошло над вершиною гор,
И, ставшая нищей, царевна с тех пор

Весь день собирала под окнами хлеб,
А к ночи спускала в глубокий тот склеп,

Спускала и плакала горько она.
Суровая жизнь ей была суждена!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОРГИНА В ИРАН

Бижен не вернулся. В тревоге, один,
Его дожидается тщетно Горгин.

Вдруг видит: Бижена скакун боевой
Блуждает в высокой траве луговой,

Понурьась, как видно, случилась беда,
Повисло седло, оборвалась узда.

И думает витязь, тоской обуян:
«О горе! Бижен не вернется в Иран.

Повешен иль брошен в подземную тьму —
Но зло причинили в Туране ему».

И, в мыслях себя за коварство казня,
Арканом Биженова ловит коня,

К становищу после приводит его;
День выждав еще у шатра своего,

К Ирану в обратный пускается путь,
Ни дня не давая себе отдохнуть.

Дошло до Хосрова, что витязь Горгин
Домой не с Биженом вернулся — один.

Скрыл вести от Гива державы глава,
Хотел расспросить он Горгина сперва,

Но все же проведал Бижена отец
О том, что домой не вернулся боец.

И, полон смятения, с домом своим
Гив тотчас расстался; тоскою томим,

Твердит он: «Бижен не вернулся домой,
В Армане остался сын доблестный мой!»

Выводят Гошвадова чудо-коня*,
Хранимого Гивом для черного дня,

Седлают седлом тополевым, и вот,
Подобный взъяренному чудищу вод,

Уж ногу он в стремя стремительно вдел,
Вскочив на гнедого, как вихрь полетел

Навстречу Горгину — спросить у него,
Что случилось, Бижена с ним нет отчего?

«Должно быть, — на ум исполину пришло, —
Горгин причинил ему тайное зло.

Коль истина это, клянусь я, тотчас
Погибнет Горгин, с головой разлучась!»

Вот издали Гива Горгин различил
И, спешась, навстречу ему поспешил.

Лицо исцарапав, стеная, земли
Коснулся челом, распростершись в пыли,

И, Гива восславив, сказал: «Исполин,
Опора и гордость иранских дружин!

Зачем ты сюда мне навстречу скакал,
Тревогой объят, издалече скакал?

Постыла мне жизнь и душа не нужна,
Уж лучше покинула б тело она!

Увидев тебя, устыдясь, из очей
Не слезы лью — крови горячий ручей.

Однако мужайся, тревогу забудь:
Он жив, укажу я к спасению путь».

И тут вороного Биженова Гив
Увидел; скакун изможден, еле жив.

К концу между тем речь Горгина пришла,
И замертво Гив повалился с седла.

Очнувшись, несчастный к Йездану воззвал,
Мечась, одеянья свои разорвал.

Седины он рвал в иступленье, в слезах
Метался и сыпал на голову прах,

Стеная: «Не ты ли, создатель светил,
Душою и сердцем меня наделил?

Коль милого сына ты взял моего,
Так душу теперь у меня самого

Возьми ты: о смерти скорейшей молю.
Тебе ли не ведать, как тяжело скорблю!»

И после он в горе великом своем
Горгина расспрашивать стал обо всем:

«Ответствуй, навеки он скошен судьбой
Иль скрылся, расставшись внезапно с тобой?»

С Биженным ты где разлучился в пути
И как привелось вороного найти?»

Ответ был: «Узнаешь ты все от меня,
К рассказу правдивому слух преклоня.

Как с вепрями в чаще борьба протекла,
Какие затем совершились дела —

Скажу, ничего я не скрою, внимай,
О витязь, которым гордится наш край!

С напавшими вепрями биться мы шли;
Примчась к рубежам разоренной земли,

Увидели глаже ладони предел:
Деревья повалены, луг опустел.

Свирепыми вепрями наводнена,
От алчности их изнывала страна.

Лишь чащи арманской успели достичь,
Мы, копья подняв, грозный бросили клич

И хищников лютых увидели там,
Внушающих ужас, подобных горам.

Мы бились, как тигры. Уж вечер настал,
А пыл наш воинственный не угасал.

Поверженных вепрей горой взгромоздив,
Клыки дорогие с собой захватив,

Помчались к пределам желанной страны;
Скакали, охотясь, веселья полны,

Вдруг видим онагра средь шири степной —
Таких лишь на росписи видел стенной:

Копыта стальные, а ростом что слон.
И все ж заарканен Биженем был он.

Чуть шея онагра почуяла плен,
Понесся он вскачь, за онагром — Бижен.

Я вслед по горам и степям без дорог
Помчался, от бега мой конь изнемог.

Бойца не сыскал я, коня лишь нашел;
С повисшим седлом, изнуренный он брел.

С онагром свирепым как кончился бой?
Томимый ужасной загадкой той,

Я долго скитался в безмолвье степном,
Разыскивал друга, тоскуя о нем.

Вернулся, отчаяньем грудь истомив...
В онагровой шкуре, зная, Белый был див!»

Лишь выслушать это отцу привелось,
Подумал он: «С сыном несчастье стряслось!

Взглянув на Горгина, тотчас же поймешь:
Все речи его — недостойная ложь.

Он весь пожелтел, и мучительный страх
Гнетет лиходея — страшит его шах».

Уж внять Ахриману готовится Гив,—
Жестоко за милого сына отмстив,

Вонзить в вероломное сердце кинжал,
Хоть тяжкий за это позор его ждал.

Но глубже над тем поразмысливши: «Нет,—
Решил он,— то дьявола злобный совет.

Не блага достигну убийством таким,
А лишь Ахримана порадою им.

Бижена мне этой ценой не спасти,
Иные к спасенью найдутся пути.

Отмстить ведь недолго злодею сему,
Ничто не преграда копью моему.

Помедлю, пусть раньше Горгина вина
Хосрову венчанному станет видна».

И грозно Горгину кричит он: «Злодей,
Бесчестный, злокозненный недруг людей!

Ты предал отраду, надежду мою,
Владыки и войска опору в бою.

Отныне на многие дни без дорог
Скитаться по свету меня ты обрек.

Ужель усыпить помышляешь меня,
В коварную сеть небылиц заманя?

Знай, землю тебе уж недолго топтать,
Дай только пред шахом с тобою предстать!

За светоч души, за Бижена потом
Тебе отомщу я булатным мечом».

ГИВ ЖАЛУЕТСЯ КЕЙ-ХОСРОВУ НА ГОРГИНА

Примчался, разгневан, в кровавых слезах,
К Хосрову, и слушает витязя шах:

«О царь, неизменно счастливым пребудь!
Да будет отраден и светел твой путь,

Да славится, да благоденствует край!
Каким я постигнут несчастьем, узнай.

Я черпал отраду лишь в сыне одном,
О милом печалился ночью и днем.

Боязнью разлуки вседневно томим,
Тревожась, тоскуя, рыдал я над ним.

И что же? Оставив Бижена, один
Вернулся преступный и лживый Горгин,

Вернулся с дурными вестями о нем,
О сыне, советнике, друге моем.

С повисшим седлом вороного привел,
Других он Бижена следов не нашел.

К тебе я с обидою горькой в груди
Взываю: по совести нас рассуди,

Виновника зла покарай, властелин!
Меня погубил, обездолил Горгин».

Кручиною Гива Хосров удручен,
Суд правый вершить приготовился он.

От горести царственный лик помертвел,
Владыку печалит Бижена удел.

Он Гива спросил: «Что поведал Горгин?
Где с ним разлучился твой доблестный сын?»

И Гив Кей-Хосрову тогда повторил
Все то, что Горгин о бойце говорил.

«Не плачь, не печалься,— сказал Кей-Хосров,—
Мне стало понятно из сказанных слов,

Что жив твой любимец; души не тревожь,
Надейся, пропавшего скоро найдешь.

Сбрось бремя заботы и горести груз!
За поиски юноши сам я берусь».

Горгин, во дворец властелина царей
Вступая, воинственных богатырей

Не видит: печалюсь о доле юнца,
Все с Гивом покинули стены дворца.

Приблизился к царскому трону, и стыд
Невольный изменнику сердце когтит

У трона слагает он вепрей клыки,
Алмазам подобные; полон тоски,

Пал ниц перед царским престолом, в слезах,
И внемлет его славословиям шах:

«О славный, всегда и везде торжествуй,
Весь век, словно в праздник Новруза, ликуй!*

Пусть в мире все недруги злые твои
Погибнут, как лютые вебри сии!»

Взглянув на клыки, повелитель спросил:
«Поведай мне, как ты поход совершил,

Как сын именитого Гива исчез
И что сотворил с ним злокозненный бес?»

Услышал Горгин властелина вопрос
И обмер — как будто бы к месту прирос.

Пред ликом царя обуял его страх,
И стынет готовая ложь на устах.

Наслышавшись темных, бессвязных речей
Про лес и онагра, владыка царей

Разгневался, низкий обман распознал,
Обманщика прочь от себя отогнал,

Осыпал его беспощадной хулой,
Воскликнув: «Глупец нечестивый и злой!

Речения вещие вспомни, они
Звучали еще в стародавние дни:

С Гудерзовым родом опасна война,
В ней гибель и ярому льву суждена.

Когда б не страшился я славы дурной
Иль кары, что грянет с небес надо мной,

Велел бы, чтоб шею тебе за обман
Свернул, словно птице, палач Ахриман!»

Затем кузнеца повелитель призывал,
Чтоб тяжкие цепи с замками сковал.

И лживый познал заточения дни —
Ведь злых образумят оковы одни!

Кей-Хосров обещает Гиву, что в праздник Новруза он поглядит в волшебную чашу царя Джемшида, которая показывает все, что делается во вселенной, и увидит, где скрывается Бижен.

КЕЙ-ХОСРОВ ВИДИТ БИЖЕНА В ВОЛШЕБНОЙ ЧАШЕ

Настал долгожданный Новруз наконец,
И вспомнил о чаше печальный отец.

С надеждой предстал богатырь пред царем,
Моля и рыдая о сыне своем.

Царь, глядя на тот обескровленный лик,
Страданья отцовского сердца постиг.

Надеясь узнать долгожданную весть,
Велел чудотворную чашу принести.

И, в руки ту чашу заветную взяв,
Увидел все семь поднебесных держав,

Чтоб вызнать, где, что совершится и как,
Внимательно весь обозрел Зодиак —

Всего небосвода торжественный храм,
Увидел Хормоз и Нахид, и Бехрам,

И Солнце, и Месяц, и Тир, и Кейван,
И страны земные, и весь океан —

Меж Рыбой и светлым созвездьем Овна*
Вселенная вся чародею видна.

И, взор устремив к Кергесарской земле,
По воле творца различил он во мгле

В тяжелых оковах Бижена-бойца;
В отчаянье смертного ждет он конца.

Царевна прекрасная ночью и днем,
Полна состраданья, печется о нем.

От радости тут Кей-Хосров просиял,
Смеясь, обернулся и Гиву сказал:

«Жив сын твой, о витязь, душою воспрянь,
Тревогою долее сердца не рань!

Смутит ли тебя слово горькое «плен»,
Коль ведомо стало, что жив твой Бижен?

В Туране твой сын, в подземелье глухом,
Царевна заботится нежно о нем.

Поистине муки безмерные он
В той тесной темнице терпеть осужден.

Так тяжек Бижена удел, что о нем
Льет слезы подруга и ночью и днем.

От близких и милых отторг его рок,
Трепещет душа, словно ивы листок;

Он в горести плачет, как тучка весной,
И ждет избавленья от жизни земной.

На подвиг нелегкий отважится кто?
На труд и на бой опояшется кто?

Чья длань отведет роковую напасть?
Кто ринется смело в драконову пасть?

Никто, лишь Ростем быстрорукий один,
Он страшен и чудищам водных глубин.

Готовься и нынче в Нимруз поскачи,
Не ведай покоя ни днем, ни в ночи,

Доставь исполину послание. В путь!
Но тайну письма сохранить не забудь».

ГИВ ДОСТАВЛЯЕТ ПОСЛАНИЕ КЕЙ-ХОСРОВА РОСТЕМУ

Посланье скрепила Хосрова печать,
И Гив, лишь окончил его величать,

Покинул дворец повелителя стран,
Чтоб тотчас направиться в дальний Систан.

Возглавив сородичей близких своих,
Гудерзова рода бойцов верховых,

Помчался вперед, словно быстрый олень,
Свершал переходы двухдневные в день.

С истерзанным сердцем, тревогой томясь,
К единственной цели упорно стремясь.

Горами и степью, как будто гонец,
К Хирменду спешил удрученный отец.

Вот с вышки забульской дозорный взглянул
И громко вскричал, извещая Забул:

«Под стягом сверкающим мчится ездок,
В руке богатырской — кабульский клинок,

Не скачет — летит, словно вихрем гоним,
И несколько ратников следом за ним».

Лишь только сын Сама об этом узнал,
Он тотчас коня оседлать приказал,

Помчался, спеша перерезать им путь,
Не вражье ль нашествие это — взглянуть.

Увидев, что едет воинственный Гив,
Заль мыслит, навстречу к нему поспешив:

«Знать, новая шаха постигла беда,
Коль вестником Гива послал он сюда».

Приблизился к Гиву и обнял его
И к замку с ним двинулся после того.

Расспрашивать стал исполина Дестан
Про шаха, и шахскую рать, и Туран.

Дестана от имени славных вождей,
И шаха, и всех именитых людей

Приветствует витязь; с почтенным вождем
Речь после повел он о сыне своем.

Узнав о несчастье, Дестан потрясен;
Охваченный скорбью, рыдает и он.

Спросил у него удрученный отец:
«Где ныне Ростем, благородный боец?»

И слышит: «На лове, но близится срок
Прибытия, полдень уже недалек».

Гив молвит: «Навстречу помчусь, обниму,
Привез я посланье Хосрова к нему».

Но просит Дестан: «Оставайся со мной,
Он скоро, поверь, возвратится домой.

Ты здесь, дожидаясь Ростема, побудь,
Душой отдыхая, заботы забудь».

Ввел гостя, ему воздавая почет;
Воссели, и снова беседа течет.

Когда же Ростем воротился, то Гив,
Навстречу ему на коне поспешив,

Приблизился, спешился, отдал поклон;
Надеждою светлою вновь окрылен,

Бойца величает, а сам из очей
Льет слез нескончаемый жаркий ручей.

Увидя, что Гива тревога томит
И лик его бледный слезами омыт,

Подумал Ростем: «Грянул бедствия гром
Над краем иранским, над славным царем!»

С седла соскочил он и, Гива обняв,
Спросил о Хосрове, владыке держав,

Здоровы ли витязи славных дружин:
Тус гордый, Гудерз, Гостехем и Горгин,

Роххам, и Шапур, и Бижен, и Ферхад —
Герои, чьи подвиги в мире гремят.

Лишь имя Биженово Гив услышал,
Схватился за голову; тяжело вздыхал,

Лил слезы рекой удрученный отец
И, с силой собравшись, вождю наконец

Ответил: «Хвале неpritворной внемли,
О славный избранник меж славных земли!

О витязь, не знающий равных в бою!
Увидев тебя, речь услышав твою,

Я счастлив: ты будто бы юность вернул
Мне, старцу, иль в мертвого душу вдохнул.

Воители все, что назвал ты сейчас,
Здоровы и шлют о здоровье наказ.

С одним лишь Биженем несчастье. Он,
Как слышно, попал к супостату в полон.

О доблестный витязь! Тягчайшей из бед,
Как видишь, сражен я на старости лет.

Ведь доблестный тот молодой исполин
Мне светоч, опора, единственный сын.

А ныне похищен Бижен у меня.
Наш род не припомнит столь черного дня.

Без устали, не разлучаясь с конем,
Как солнце, я странствовал ночью и днем.

Везде, как безумный, Бижена искал
И всех понапрасну о нем вопрошал.

Но чаши священной наследник Хосров
В день светлый Хормоза владыке миров*

Моления, склонясь до земли, возносил,
Рыдая и славя подателя сил.

Из храма Огня воротясь, на престол
В венце лучезарном владыка взошел,

И долго, над чашей той дивной склонен,
Все страны земные оглядывал он;

В Туране в цепях наконец разглядел
Бижена; несчастного горек удел!

Лишь это увидел, благой властелин
Послал меня тотчас к тебе, исполин,

И, выплавав очи, с поблекшим лицом,
Сюда я примчался, надеждой влеком.

Не ты ли опора, надежда бойцов?
Всегда к удрученным ты мчишься на зов».

Смолк витязь; терзаемый тяжелой тоской,
Вздыхает, и слезы струятся рекой.

О кознях Горгина поведав затем,
Вручил он цареву посланье. Ростем

Внимает бойцу, возмущеньем горя,
Туранского он проклиняет царя,

Рыдает, печальным известьем убит,
О доле Бижена, о Гиве скорбит:

Их дружбу с Ростемом скрепляло родство —
Ведь Гив именитый был зятем его,

И был ему внуком Бижен удалой,
Повсюду воспетый людскою хвалой,

А Гива сестра исполину была
Женой, Ферамарза ему родила.

Промолвил герой: «Не кручинься, о друг!
На Рехше Ростем не ослабит подпруг,

Пока он пути к удальцу не найдет,
Пока он Бижена отцу не вернет.

Того именитого богатыря
Иездановой силой и волей царя

Избавлю от ямы, от тяжких оков —
Обет мой святой, нерушимый таков!»

РОСТЕМ УСТРАИВАЕТ ПИР ДЛЯ ГИВА

О дальнем походе беседу ведя,
Приехали в замок Ростема-вождя.

Прочтя властелина послание, он
Безмерно был тронут, безмерно смущен:

Ему ведь немало высоких похвал
В послании том властелин воздавал.

Сказал именитый: «Я мчаться готов,
Коль так повелел венценосный Хосров.

Ведь ради сего, не щадя своих сил,
Ты путь столь далекий и трудный свершил,

О муж, почитаемый издавна мной!
Не вместе ль на недругов шли мы войной?

И в Мазендеране ты грозно разил,
И за Сиявуша безжалостно мстил.

От встречи с тобою душой возрожден,
Но пленом Биженковым я удручен.

Явился ты, сетуя, тяжело скорбя,
Таким ли увидеть я мыслил тебя?

По воле владыки в Иран устремлюсь,
На зов его, рвения полон, явлюсь.

Всем сердцем и сам сострадаю тебе,—
Готов к неустанной, упорной борьбе.

Сражусь, если даже владыка светил
Мне в этом сраженьи гибель судил.

Не жаль для Бижена, друг доблестный мой,
Ни злата, ни войска, ни жизни самой.

По воле владыки на вражеский стан
Я ринусь, и силу пошлет мне Йездан

Избавить Бижена от тяжких цепей,
Доставить к престолу владыки царей.

Мой дом называй ты своим: ведь одна
С тобою у нас и судьба, и казна.

Три дня, отдыхая, со мною побудь,
Печаль и тревогу за чашей забудь,

С четвертой зарею помчимся в Иран,
Исполним веленье властителя стран».

Речь кончил Могучий, и, с места вскочив,
Его осыпает лобзаньями Гив,

Воскликнув: «Даны тебе щедро, о вождь,
Отвага, и счастье, и доблесть, и мощь!

С тобой да пребудут во все времена
И разум мобеда и сила слона!

Всем лучшим на свете бессменно владей,
Целитель души безутешной моей!»

И вот уж на Гива нисходит покой,
И этому рад предводитель благой.

Он стольника кличет: «Столы накрывай,
Мужей именитых на пир созывай!»

Заль, Гив, Зеваре, Ферамарз и Дестан
Воссели, и потчует их великан.

В чертоге сияющем руд зазвучал,
И в чашах вино запылало, как лал.

С Ростемом-вождем веселились три дня,
И в путь не спешил он, обычай храня.

ПРИБЫТИЕ РОСТЕМА К КЕЙ-ХОСРОВУ

От сна пробужденный четвертой зарей,
Стал в путь собираться могучий герой,

Готов он на зов устремиться в Иран.
Уж вьюки полны, нагружен караван.

Все нужное взял богатырь, а удел
Принять под надзор Ферамарзу велел.

Пред замком Ростема сошлись храбрецы,
Готовые в путь удалые бойцы.

Могучий, блистая броней, кушаком,
На Рехше одним очутился прыжком.

Гив рядом с Ростемом, и всадники вслед
Несутся — их сотня, питомцев побед,

Несутся без усталы, в шлемах, в броне,
В бой рвутся, у каждого сердце в огне.

Лишь только явился вождю удальцов
Град светлый, где царствовал славный Хосров,

Живительный ветер коснулся чела —
Сказал бы, с небес благодать низошла.

Гив молвил Ростему: «Вперед поскорей
Помчусь, извещу властелина царей

О том, что на Рехше своем великан
Примчался на зов повелителя стран».

И Гив ускакал, исчезая в пыли.
Достигнув дворца властелина земли,

Он был к Кей-Хосрову допущен тотчас
И долго его славословил, склонясь.

Но царь в нетерпенье вопрос задает:
«Где ныне Ростем, как свершил он поход?»

И слышит: «Безмерна твоя благодать,
Дано ей всегда и везде побеждать!

На зов твой откликнулся витязь, тебя,
Владыка земли, неизменно любя.

С любовью коснувшись письма твоего,
К устам и очам прижимал он его.

Как верный слуга твой, бок о бок со мной
Скакал он порою дневной и ночной.

Я первым примчался, чтоб добрую весть
Тебе, повелитель, скорее привезть».

Призвал Кей-Хосров именитых мужей,
Князей венценосных и ратных вождей.

Почтенный Гудерз, чей родитель Гошвад,
И Тус, сын Новзера, и славный Ферхад,

И много других копьеносных бойцов,
Привычных к победам лихих удальцов,

Сошлось, по уставу Кавуса-царя,
Для встречи великого богатыря.

От поднятой пыли равнины черны,
Сверкают знамена, и ржут скакуны.

Завидев Ростема, один за другим
Наездники, спешась, склонились пред ним.

С коня и Ростем не замедлил сойти,
Бойцов расспросил о пройденном пути.

И каждого он вопрошал о царе,
Как месяц прекрасном, подобном заре.

Умолкло звучанье приветственных слов,
И снова, вскочив на лихих скакунов,

Мужи с предводителем богатырей
Помчались, блистающих молний быстрой.

Лишь только Ростема к владыке ввели,
Могучий, склонившись сперва до земли,

Приблизился к шаху с хвалой на устах.
Любви, преклоненья заслуживал шах!

Его величая, сказал великан:
«Да будешь ты вечно властителем стран!..

Заклятых врагов да постигнет беда,
А ты благоденствуй и здравствуй всегда!»

Шах рядом с собою вождя усадил,
О дальнем свершенном пути расспросил

И молвил затем: «Будь здоров, невредим,
Будь вечно для недругов недостижим!

Ты — витязь наш первый, опора владык,
В ладу с твоим сердцем правдивый язык.

Ты — кеев избранник, дружины оплот,
Хранитель Ирана от бед и невзгод.

Здоровы ль, скажи, Ферамарз, Зеваре,
Поведай о доблестном богатыре

Дестане. Как рад я свиданью с тобой,
Муж с ясной душою, с великой судьбой!»

Могучий ответил, главу преклоня:
«Все здоровы, о ком вопрошаешь меня.

Воистину счастливы те из мужей,
Которых почтил ты любовью своей!»

КЕЙ-ХОСРОВ ПИРУЕТ С БОГАТЫРЯМИ

Дверь в царский цветник распахнул тут везир,
Готовя невиданной роскоши пир.

Дорожки багряной парчою устлал,
И сад, словно светоч во тьме, заблистал:

Под вишней цветущей — корона и трон,
Их ярким сиянием взор ослеплен.

И дерево новое также в тот день
Над царским престолом раскинуло тень:

Из золота ветви, а ствол — серебро,
И собраны в гроздья алмазы хитро,

В листве изумрудной где яхонт, где лал,
Дрожащей серьгою свисая, пылал.

Ты мог бы заметить, вглядевшись в листву,
Из золота персики, груши, айву —

Все полые, словно долбленный тростник;
Когда в сердцевины бы взором проник,

Ты б мускус увидел, растертый с вином.
Кого на престоле сверкающем том

Царь, милость являя, с собою сажал,
Тот мускусом благоуханным дышал.

На троне — Хосров под венцом золотым,
И льет благовоние древо над ним.

Прекрасных пред ним виночерпиев ряд,
Алмазы и лалы в уборах горят.

Юн каждый, и нежные краски лица
Белее жасмина, алей багреца.

Блистанье уборов, запястий цветных,
Дыханье алая, звон струн золотых.

Царь стражу велит: «Призови поскорей
Гудерза, и Туса, и богатырей».

Воссели, веселые, чаши в руках,
Без хмеля румянец горит на щеках.

Воссел по велению шаха Ростем
С ним рядом на троне, под деревом тем.

И витязю так говорит властелин:
«О друг благородный, герой-исполин!

Ирану ты — щит и ограда от зла,
Симоргом над ним распростер ты крыла.

Не ведая страха, стоял за Иран,
За древний престол повелителя стран.

Когда, опоясанный, ринешься в бой,
И лев не дерзнет состязаться с тобой!

Род славный Гудерза мне верен всегда —
И в светлые, и в роковые года.

Сыны его сил не щадили своих,
Немало деяний свершили благих.

Не мне ль в одиночку сопутствовал Гив,
Мою от опасностей жизнь оградив?

В беде он великой, мне славного жаль,
Всех горше печалей — о сыне печаль!

А кроме тебя, никому ведь невмочь
Отцу удрученному в горе помочь.

В Туране терзают Бижена. Пути
К его избавлению должно найти.

Проси без раздумья коней боевых,
Оружье, казну и мужей верховых».

Веленье Хосрова услышал Ростем,
Пал ниц и, поднявшись, промолвил затем:

«Приказывай, царь! По любому пути,
Который укажешь, готов я пойти.

Изведал могучую хватку мою
Див Белый, чье сердце я вырвал в бою;

Победу над ним помогли одержать
Моя булава и твоя благодать.

Готов и за Гива я ринуться в бой.
Навстречу хоть ливень хлещи огневой,

Хоть грозно сверкай пред очами копье,
Не дрогну, исполню веленье твое,

Сей подвиг во славу твою совершу.
Ни ратных мужей, ни вождей не прошу».

Внимая Ростему, Гив доблестный рад,
Гудерз и Шапур, Фериборз и Ферхад —

Все витязи благословенье творца
Призвали с небес на героя-бойца.

Пируют мужи; ликования полны
Сердца, будто в светлую пору весны.

РОСТЕМ ИСПРАШИВАЕТ ГОРГИНУ ЦАРСКОЕ ПРОЩЕНИЕ

Вот имя Ростема Горгин услышал
И думает: день избавленья настал.

Письмо исполину послал он тотчас:
«О праведный витязь, о первый средь нас!

Ты древо величия, верности клад,
Заступник в беде, милосердия брат.

Коль выслушать можешь без гнева, тебе
О горькой своей расскажу я судьбе.

Смотри, что горбун-небосвод совершил:
Свет разума в сердце моем потушил,

Во мраке глухом заблудилось оно —
Так было начертано, так суждено.

Готов я сгореть перед шахом в огне,
Чтоб только простил прегрешения мне.

Негоже в преклонные эти года
Себя мне позором покрыть навсегда.

Прощение вымоли мне у царя!
Проворней оленя, усердьем горя,

К Бижену помчусь я с тобою, и честь,
Быть может, удастся мне снова обрести».

К Ростему послание это пришло,
Могучий прочел и вздохнул тяжело.

Молениями дерзкими теми смущен,
Над страждущим витязем сжалился он.

Гонца подозвал и промолвил ему:
«Ответ передай нечестивцу тому;

Ты притчу о тигре припомни, как тот
Изрек в поученье чудовищу вод:

Кто алчности дал перевес над умом,
Тот ею к гибели верной влеком.

А если ты алчность осилишь в себе —
Как доблестный лев, одолеешь в борьбе.

Тебя же я с дряхлой лисицей сравню:
Схитрил ты, но сам угодил в западню.

Дивлюсь, как о том умолять ты дерзнул,
Чтоб я о тебе при царе вспомянул.

Однако столь низко сегодня ты пал,
Такого бесчестия жертвою стал,

Что жаль мне тебя, обещаю просить
Хосрова твое преступленье простить.

Коль будет избавлен Бижен от оков
По милости щедрой владыки веков —

Избегнешь неволи, останешься жив,
От мести откажется доблестный Гив.

Но если начертанный судьбами путь
Иной — на спасенье надежду забудь!

Мстить первый я стану во гневе своем,
Господней и царскою волей ведом.

А если не я, то воинственный Гив
Тебя уничтожит, за сына отмстив».

День минул, и ночь миновала затем,
Ни слова не молвил Хосрову Ростем.

Лишь снова на свой серебристый престол
Диск солнца в венце лучезарном взошел,

Явился Могучий; у трона склонен,
Властителя просит о милости он,

О скорбном Горгине царю говорит,
Который бесчестьем и горем убит.

«О вождь! — повелитель промолвил в ответ. —
Меня не проси ты нарушить обет.

Клялся я престолом, и краем родным,
И солнцем, и каждым светилом ночным,

Что, если Бижена судьба не спасет,
Суровую кару Горгин понесет.

В другом же не будет отказа ни в чем —
И перстнем почтим, и венцом, и мечом».

Хосрову промолвил Ростем: «Государь,
Великий, исполненный мудрости царь!

Раскаялся он в злодеянье своем,
Пасть жертвою жаждет, палимый стыдом.

Отринет его и творец в небесах,
Когда не простит безрассудного шах.

Злосчастен покинувший праведный путь!
Раскаянья муки теснят его грудь.

Горгин — твой защитник; о том вспомяни,
Как храбро сражался он в прежние дни,

Как много для дедов твоих совершил,
Как часто их недругов ярых крушил.

Даруй мне Горгинову жизнь, и опять,
Быть может, звезде его дашь воссиять».

Горгинову жизнь даровал властелин
Ростему, и снова свободен Горгин.

РОСТЕМ ГОТОВИТСЯ К ПОХОДУ

И стал тут Могучего царь вопрошать:
«Как бранный поход помышляешь начать?»

Скажи — помогу и казной и людьми,
Соратников сколько захочешь возьми».

Владыке на то богатырь отвечал:
«Я тайно поход совершить бы желал.

Сей узел дано развязать лишь уму,
Угрозы и сила теперь ни к чему.

Товары в Туран повезу, притворюсь
Купцом чужеземным и там водворюсь.

Так, хитростью думаю действовать я,
Не время теперь для меча и копья».

Лишь только услышал Ростема слова,
Велел казначею державы глава

Старинных хранилищ врата распахнуть.
И все, что просил собиравшийся в путь —

Алмазы и с грузом монет кошель,—
Принес казначей властелину земли.

Явился Могучий, казну обозрел
И все, что хотел, отобрать повелел:

Динаров на десять верблюжьих выюков,
На сотню — покровов, ковров, чепраков.

Везиру двора поручил исполин
Бойцов верховых из иранских дружин

Набрать десять сотен и с ними вождей,
Что с тиграми схожи отвагой своей.

То были храбрец Гостехем и Горгин,
Зенге, Шаворана воинственный сын,

Герой Горазе, предводитель бойцов,
Что край защищать беззаветно готов,

Эшкеш, чья отвага не знает преград,
Роххам и бесстрашный воитель Ферхад —

Семь доблестных, семь удальцов на подбор;
Им отдан и ратный обоз под надзор,

И рать; в изобилии всем снабжена,
К боям предстоящим готова она.

ПОХОД РОСТЕМА В ХОТЕН

Ростем повелел именитым вождям,
Владеющим палицей храбрым мужам,

С зарею, лишь страже настанет черед
Смениться, всем выступить в дальний поход.

С рассветом, лишь крик петуха прозвучал,
На спину слона водрузили кимвал.

Явился Ростем, словно мощный платан;
В руке — булава, приторочен аркан.

Восславив царя и державу царя,
В поход он пустился, усердьем горя.

И вот уж Турана близки рубежи.
Сошлись на призыв исполина мужи,

И слышит его повеление рать:
«Вы здесь наготове должны пребывать.

Покинете поле, коль правый творец
Во вражеском стане пошлет мне конец.

Но, клич мой услышав, готовьтесь разить,
Кровь недругов злобных рекою пролить».

Оставив бойцов на иранской земле,
С вождями летит он к туранской земле.

Домчался и, сняв свой кушак боевой,
В одежду купца облачился герой.

И прочие тоже спешат смельчаки,
Серебряные расстегнув кушаки,

Одежды сменить. Горделиво в Туран
Богатый и пышный вступил караван.

Рехш буйный и семь огневых скакунов
Несут именитых Ирана сынов.

На сотне верблюдов — щиты и мечи,
На прочих — немало камней и парчи.

Из города в город — и днем, и во мгле —
Идет караван по туранской земле.

Вот город Хотен перед ними встает,
Тотчас отовсюду сбежался народ.

Хотена правитель Пиран, сын Висе,
На лове был, с ним приближенные все.

В свой замок Пиран воротился затем;
Лишь издали это увидел Ростем,

Он тотчас тафтою чело повязал,
Блестящую чашу с алмазами взял,

А двух скакунов в чепраках золотых,
Расшитых узором камней цветных,

Двум спутникам следом вести поручил
И с ними в Пиранов дворец поспешил.

Ростема — так, видно, Йездан пожелал —
В обличии новом Пиран не узнал.

«Поведай, — сказал он главе храбрецов, —
Откуда явился и кто ты таков?»

«Мне,— молвил Ростем,— покровителем будь,
В твой город Йезданом указан мне путь.

Иранский купец, не щадя своих сил,
Я дальний и трудный поход совершил.

В туранскую землю пришел торговать,
Хочу покупать и хочу продавать.

Надеюсь я, князь, на твою доброту.
Такую взлелеял я в сердце мечту:

Алмазы продам и стада закуплю.
Меня ты возьми под защиту, молю.

Десница твоя да спасет от обид
И щедро богатством меня одарит!»

При знатных мужах преподносит он тут
Пирану алмазами полный сосуд,

С ним — двух аравийских коней дорогих;
Пылинки и то не увидишь на них.

Внимать славословию щедрому рад
Правитель, и дело идет уж на лад.

Как только увидел сосуд золотой
И камни, слепящие взор красотой,

Он гостя приветом и лаской почтил,
На трон бирюзовый с собой усадил,

Сказал: «Да не будешь сомнением томим!
В наш город войди с караваном своим.

Судьба его пусть не тревожит тебя,
Никто здесь обидеть не сможет тебя».

«О славный,— ответил на то великан,—
Оставить на месте хочу караван.

Когда мне дозволишь, о славный Пиран,
Вне стен крепостных я раскину свой стан».

И слышит: «Стоянку ты выбери сам,
Надежных тебе провожатых я дам».

И вот уж за дело взялись смельчаки,
Собрали под кровлю товаров тюки,

И весть разлетелась повсюду: Пиран
К себе из Ирана впустил караван.

Узнав, что алмазами торг предстоит,
Купец за купцом издалика спешит

К Пиранову граду; вступают под кров
Кто ради покровов, кто ради ковров.

Лишь только луч солнечный землю согрел,
Вкруг стана Ростемова торг зашумел.

МЕНИЖЕ ПРИХОДИТ К РОСТЕМУ

Тут весть о купцах к Мениже донеслась,
И в город она устремилась тотчас.

Властителя дочь с непокрытым лицом
Предстала в слезах пред иранским купцом.

Глаза рукавом осушала она,
То славила, то вопрошала она:

«Твои в благоденствии дни да текут!
Да будет обилен плодами твой труд!

Будь разума светом весь век осиян!
Да славится, да процветает Иран!

Мне все расскажи об иранских мужах,
О Гиве, Гудерзе и шахских бойцах.

Успела ли весть о Бижене дойти
До деда? Задумал ли внука спасти?

Уж многие дни богатырь молодой
В темнице томится, сраженный бедой.

От вечного мрака Бижен изнемог.
Ни с кровоточащих, израненных ног,

Ни с рук изможденных не сбросить оков;
Нет мочи от тяжких железных тисков.

Я хлеба прошу для него день и ночь.
От стонов несчастного сердцу невмочь!»

Ростем утрашился подобных речей,
Вскричал, не решаясь довериться ей:

«Прочь, женщина, зря не растрачивай слов!
Неведомы мне ни Ростем, ни Хосров.

Кто Гив? Кто Гудерз? Что морочишь меня!
Твоя опостылела мне болтовня».

Слезами, взглянув на него, залилась —
Кровь сердца, сказал бы ты, льется из глаз!

Сказала: «О славный, тебе, мудрецу,
Холодная, резкая речь не к лицу.

Безмолвствуй, но прочь не гони от себя!
И так истомилась я, сердцем скорбя.

Безжалостно гнать от себя бедняков —
Ужели в Иране обычай таков?»

«Эх, женщина,— молвил на то великан,—
Тебя, зная, покоя лишил Ахриман!

Приход твой торговле ущерб учинил,
За это в сердцах я тебя разбранил.

Не плачь, не гляди с возмущеньем таким,
Ведь я озабочен был торгом своим.

К тому же не там я живу, где Хосров;
Гудерза, и Гива, и прочих бойцов

Не знаю, у них побывать не пришлось —
Могу ли ответить тебе на вопрос?»

Тотчас по приказу его принесли
Для бедной все яства, какие нашли.

И после расспрашивать стал он ее:
«Чем так бытие омрачилось твое?

Зачем об Иране и шахе твердишь,
С тревогой такой на дорогу глядишь?»

«Что спрашивать, — слышен ответ Мениже, —
О жизни моей, о беде и нужде?

К тебе я с тревогой и тяжелой тоской
Бежала от ямы той черной, глухой —

Тебя расспросить о последних вестях,
О Гиве, Гудерзе — иранских вождях.

Но ты закричал, и опешила я.
Тебе, знать, не страшен благой судия!

Я — царская дочь, без покрова меня
Не видел и луч восходящего дня.

А ныне, рыдая, у каждой дверей
Стучусь, Мениже из семейства царей,

И хлеба прошу, выбиваясь из сил.
Такие мне рок злоключенья судил!

Бывала ли тягостней доля? Конец
Скорей бы послал мне всевластный творец!

Медлительно тянется тягостный плен,
Ни звезд, ни рассвета не видит Бижен.

Истерзанный бременем тяжких оков,
О смерти он молит владыку миров.

Гляжу на него я, рыдая, стена:
Уж слезы иссякли в очах у меня.

Коль снова в Иран тебя жребий вернет
И с сыном Гошвада Гудерзом столкнет

И если дойдешь до царева дворца,
Увидишь Ростема и Гива-бойца,

Скажи, что в темнице окончатся дни
Бижена, когда запоздают они.

Пусть вихрем, без усталости мчатся верхом,
Чтоб он не угас в подземелье глухом».

Внимая царевне, льет слезы Ростем;
«Прекрасная, — ей говорит он, — зачем

Ты к знатым мужам не прибегнешь с мольбой?
Пусть к царским стопам припадут: над тобой

Царь сжалится, гнев позабудет, и вновь
Отцовская в сердце проснется любовь.

Когда бы отец твой меня не страшил,
Я щедро бы ныне тебя одарил».

Жег сердце Ростему страдальца удел;
Он лучшие яства подать повелел.

Изжарена птица и принесена,
Обернута тонкой лепешкой она.

И перстень в ту птицу проворной рукой
Засунул Ростем с быстротой колдовской,

Вручил и промолвил: «К Бижену спеши,
Надежда единая скорбной души!»

БИЖЕН УЗНАЕТ О ПРИБЫТИИ РОСТЕМА

Она, поспешив подаяние взять,
К темнице Бижена пустилась бежать

И птицу, что ей завернули в чалму,
Тотчас на веревке спустила к нему.

Бижен приношением тем изумлен.
В волненье зовет солнцеликую он,

Ее вопрошает: «Подруга, ответь,
Откуда взяла ты подобную снедь?»

Немало ты вынесла из-за меня,
Давно ты не видела светлого дня!»

Ему Мениже отвечала: «В Туран
Купец из Ирана привел караван.

Безмерны богатство и щедрость его,
С накрытого пышно стола своего

Мне он подаяние это вручил:
Молись за меня, мол, подателю сил,

В темницу несчастному снесь отнеси;
Лишь новой захочет — приди, попроси».

И вот уже курицу держит в руках
Бижен, а в душе — и надежда, и страх.

Когда, наконец, насыщаться он стал,
Вдруг спрятанный перстень пред ним заблистал.

С волнением узник взглянул на печать,
Заветное имя сумел разобрать;

«Ростем» на кружочке лазоревом том
Начертано, ты бы сказал, волоском.

Он понял: то верности братской привет,
То ключ к избавленью от тягостных бед.

И смех богатырский его громовой
Внезапно донесся из тьмы гробовой.

Царевна, услышав любимого смех
В темнице, в оковах мучительных тех,

Дивится и думает: «Так хохотать
Во тьме одному лишь безумцу под стать!»

Тревожно она вопрошает: «Чему ж
Так громко смеешься, о доблестный муж?

Ужели тебе веселиться дано?
Ведь день для тебя с черной ночью — одно.

Иль счастье тебе улыбнулось, герой?
Доверься подруге и тайну открой!»

«Надежда блеснула, — ответил Бижен, —
Быть может, окончится тягостный плен.

Когда ты готова мне верность хранить,
Обету молчания не изменить —

Клянись нерушимою клятвою в том, —
И тотчас тебе расскажу обо всем.

Иначе беду на себя навлеку,
Ведь женскому удержу нет языку».

Вскричала, обиды своей не тая,
Царевна: «Сколь тягостна доля моя!

Как много мне горя изведать пришлось!
Жаль жизни загубленной, пролитых слез.

Я душу и сердце тебе отдала,
И что ж? Подозренья одни навлекла!

Не верит мне друг! Лишь владыке миров
Известно, как жребий мой зол и суров».

«Ты правду сказала,— ответ прозвучал,—
Несчастий твоих я причиною стал.

Мой ум помутился; неволей томим,
Последую мудрым советам твоим.

Подруга, невольную эту вину
Прости мне, услышишь ты правду одну.

Узнай, продавец драгоценных камней,
Что дал тебе снесь из поварни своей,

Явился лишь ради меня одного,
Торговля же только предлог для него.

Ты к гостю вернуться теперь поспеши
С вопросом: «Сомненья мои разреши —

Ты ль Рехша хозяин? Мне правду открой,
О доблестный, неустрашимый герой!»

Как ветер, тотчас Мениже понеслась:
Спешила исполнить Бижена наказ.

Из уст прибежавшей царевны едва
Услышал Могучий Бижена слова,

Он понял: изнывший от тяжких цепей
Бижен все поведал подруге своей.

И, сжалившись, молвил Могучий в ответ:
«Пусть век не угаснет любви твоей свет!

Ты страждешь, судьба твоя ныне тяжка,
Но знай, что пора избавленья близка.

Бижену скажи: пусть поверит всему.
Я — Рехша хозяин и послан к нему.

Поведай, но тайну хранить продолжай,
Валежник усердно весь день собирай,

А ночью, как станет не видно ни зги,
Близ ямы поярче костер разожги».

Вздохнула свободнее тут Мениже,
Надежда проснулась в усталой душе.

Вновь ринулась к милому; счастья полна,
Как будто на крыльях несется она.

Бижену поведала царская дочь:
«Я речи твои повторила точь-в-точь.

Ответствовал мне благодетель: «Я тот,
Кого уж давно твой возлюбленный ждет.—

И после сказал: — Лишь надвинется ночь
И солнцу светить уже станет невмочь,

Ты знак мне подай разожженным огнем,
Чтоб стало близ ямы светло, словно днем,

Чтоб мог я во мраке, не сбившись с пути,
Прямою тропою к Бижену прийти».

До слуха Бижена та речь донеслась,
И радость великая в сердце зажглась.

Воскликнул закованный в цепи храбрец:
«О праведный, о милосердный творец!

На помощь приди мне, врага порази,
Стрелу вероломному в сердце вонзи!

Ты ведаешь все зоключенья мои,
Воздай палачу за мученья мои!

Дай снова увидеть любимый мой край,
Спаستись мне от смерти безвременной дай!

Супруга, которую нежно люблю,
Тебя, удрученный, простить я молю

Страданья, что ради меня ты снесла.
Ты б душу и то за меня отдала!

Пожертвовав честью, семьею родной,
Отчизной, престолом, венцом и казной,

Готова не мукой, а радостью счесть
Все то, что пришлось за любимого снести.

Коль вырвусь из пасти драконьей, куда
Я ввергнут в мои молодые года,

И стану, как все слуги божии, впредь
Ногами без пут и руками владеть,

Пойду поклонюсь властелину царей
С мольбою тебя наградить пощедрей

За все, что для друга свершила, любя.
Возьми же последний сей труд на себя!»

Вот сучья собирать Мениже принялась,
На дерево после она забралась.

Валежник в руках, к солнцу взор устремлен,
Ждет — скоро ль оденется тьмой небосклон?

Вот ночь опрокинула воинство дня,
С небес лучезарное солнце гоня,

И скрылось дневное светило из глаз,
И ширь беспредельных равнин облеклась

Таинственной, непроницаемой мглой,
И землю объял безмятежный покой.

Спустилась на землю царица, костер
Зажгла, ослепивший полуночи взор;

И чудится ей: громче гонга звучит
Стук Рехшевых бронзово-звонких копыт.

РОСТЕМ ОСВОБОЖДАЕТ БИЖЕНА

Ростем восхвалял властелина светил,
Его попеченью себя поручил,

Моля: «Ослепи ненавистных врагов,
Дай силу Бижена спасти от оков!»

Кольчугу румийскую витязь надел,
В седло скакуна боевого взлетел.

Ростем-предводитель несется вперед,
Во тьме его яркое пламя ведет.

Но вот показался Акванов утес,
Скрывавший обитель печали и слез.

И слышат семь витязей храбрых приказ
Ростема: «Всем спешиться должно сейчас,

К тому подземелью пуститься бегом
И глыбу гранитную сдвинуть рывком!»

Вот спешились семеро богатырей,
Чтоб волю Ростема исполнить скорей.

Но сколько ни силился каждый, скала
Над ямой все так же недвижна была.

Пот градом с них льется. Увидел, что труд
Им всем семерым не под силу, и тут

Муж доблести львиной с коня соскочил,
Кушак затянул, рукава засучил.

О силе к подателю силы взмолясь,
Ту глыбу, схватив, приподнял он тотчас

И в чащу лесную ее зашвырнул —
Пошел по земле содрогнувшейся гул.

Окликнув Бижена, Ростем спросил:
«Как беды столь тяжкие ты выносил?»

Ты, пивший когда-то сладчайший нектар,
Отраву вкусил — рока злобного дар!»

Тут голос из ямы Бижен подает:
«О витязь, сколь тяжкий свершил ты поход!»

Отрава в нектар обратилась в тот миг,
Как слуха желанный твой голос достиг».

Бижену ответил исполненный сил:
«Йездан милосердный тебя воскресил.

О муж благородный, богатый умом!
Хочу я тебя попросить об одном:

Горгина ты ради меня пощади,
Пыл мстительный в сердце своем охлади».

«О друг мой! — из мрака в ответ донеслось.—
Припомни, что выстрадать мне привелось.

Не знаешь ты, доблестный муж-исполин,
Сколь тяжкое зло причинил мне Горгин.

Лишь мне попадется злодей на глаза,
Над ним разразится возмездья гроза!»

«Коль станешь упорствовать, — слышен ответ, —
И дерзко отвергнешь мой добрый совет,

Оставлю в оковах, окутанным тьмой,
Вскочу на коня и отправлюсь домой».

Словами Ростема Бижен удручен,
Из мрака доносится горестный стон:

«Увы, несчастливца, подобного мне,
Доселе в моей не бывало стране.

Все то, что обрушил Горгин на меня,
Забыть? И такого дождался я дня!

Что делать, стерплю. Обещаю простить
Горгина, не стану обидчику мстить».

Тогда в подземелье спустив свой аркан,
Бижена оттуда извлек великан.

И тут охватила Могучего дрожь:
Беднягу изранив, опутали сплошь

Тенета заржавленных тяжких цепей;
Наг юноша, лик шенбелида желтей,

Волос и ногтей непомерна длина.
Печалью Ростема душа пронзена.

Свою богатырскую длань протянув,
Сбив цепи, страдальцу свободу вернув,

Могучий до стана довел своего
Бижена с подругою верной его.

Укорами совести снова томим,
Пришел и простерся Горгин перед ним.

Простить умолял он, стыдом обуян,
И грубые речи, и низкий обман.

Смягчился Бижен, согласился простить,
Не стал за провинности карой платить.

Берутся мужи за оружие свое —
У каждого палица, меч и копье;

К сраженьям готов их воинственный строй,
Вперед поведет их могучий герой.

И вот он на Рехше, в кольчуге своей.
Верблюдов грузят и седлают коней.

Эшкешу приказ предводителем дан:
Следить за врагами, ведя караван;

Бижену ж дано повеление: «В путь!
Эшкешу с царевной опорой будь.

А я с Афрасьябом в кровавой войне
Забуду о пище, покое и сне,

Ворвусь во дворец, и наутро злодей
Посмешищем станет для рати своей.

Ты долгим полоном измучен, разбит,
Не биться тебе — отдыхать надлежит».

Ответ был: «Мы оба сразиться должны.
Не я ли причина сей новой войны?

Забуду ли тяжкую муку мою?
Мне быть впереди подобает в бою!»

Ростем напал на дворец Афрасьяба и взял его. Туранскому царю удалось бежать, он собрал войско, и снова закипела война между иранскими и туранскими войсками. В сражениях отличался своей отвагой Бижен. Разгромив Афрасьяба, Ростем с войском возвращается к Кей-Хосрову. Царь устраивает празднество в честь победы и щедро одаривает всех воинов.

Владыка достойно труды возместил,
Довольными всех из дворца отпустил.

Когда же покончил с заботою той,
Воссел Кей-Хосров на престол золотой,

Бижена позвать приказал, и Бижен
Царю про свои зоключенья и плен,

Про битву, что честь удальцам принесла,
Поведал, и долгою повесть была.

Узнал из правдивых Биженых слов
О тяжких страданьях царевны Хосров,

И стало безмерно властителю жаль
Познавшую горе, лишенья, печаль.

Сто пышных одежд из румийской парчи,
Что взор ослепляет, как солнца лучи,

Невольниц прекрасных, динары, ковры,
Алмазный венец и другие дары

Послав ей, Бижену сказал Кей-Хосров:
«Царевна достойна и лучших даров.

Смотри, ни обид не чини ей, ни зла —
Все беды она для супруга снесла.

Пусть каждое утро вам счастье несет!»
Коварен, изменчив вертящийся свод,

Не следует нам доверяться ему.
Посмотришь: внезапно низвергнут во тьму

Счастливец, что был высоко вознесён;
Невзгод и печалей не ведая, он

Вкушал беззаботно богатства плоды,
И вот — задыхается в лапах нужды;

Другого из бездны судьба вознесла,
И царский сияет венец вокруг чела.

Ничто не смягчит и никто не смутит
Жестокой судьбины, неведом ей стыд;

Ей власть и над злом, и над благом дана,
Но чье бытие пощадила она?

То сладостью счастья, то горечью слез
Нас потчует мир — так уж в нем повелось.

Не рвись к обладанью богатствами, друг!
Кто скромнен в желаньях — не ведает мук...

О славном Бижене окончена речь,
Сказ новый стихом я задумал облечь.

НИЗАМИ

Лейли и Меджнун

ВСТУПЛЕНИЕ

Я был в тот день столь счастлив и богат,
Что позавидовал бы Кейкубад.

Не хмурил я изогнутых бровей,
Читая строки повести своей.

Казалась верным зеркалом судьба,
И, волосы откинув мне со лба,

Дышало утро благовоньем роз,
И счастливо то утро началось.

Как мотылек в огне златой свечи,
Как соловей в садах Барды в ночи*,

На башне слов я знамя водрузил,
Свое перо в чернила погрузил,

Его расщеп алмазами точка.
Язык мой был болтливей турача.

Себе сказал я: час пришел, восстань!
Тебе судьба приносит счастья дань.

Где твоему безделию предел?
Не отстраняйся от великих дел.

На благородный лад настрой свой саз.
Кто спорит с жизнью, тем она далась.

Кто с поднятой проходит головой,
Тот человек бывалый, боевой.

Как зеркало, верна душа его,
Не отражает криво ничего.

А тот, кто чужд народу своему,—
Как бы закутал лживый лоб в чалму.

Судьба благая! Требуешь ли ты,
Чтоб были руки делом заняты?..

Так я мечтал. И вдруг звезда летит.
Вот он, мой жребий,— что мне возвестит?

Найду ль почет за столько дней труда,
И дастся ль мне сокровище тогда?

Так я гадал... И вижу наконец,
Посланье шаха мне принес гонец.

Как он писал, чудесный каллиграф,
Витиеватым почерком убрав

Страниц пятнадцать! Что ни буква — сад.
Как шаб-чираг, слова его горят:

«О друг и брат, ближайший меж людьми!
Словесных дел волшебник, Низами!

Проснись! Восстань от сладостного сна.
Яви нам чудо. Мощь тебе дана,

Чтоб на арене слова своего
Нам доказать благое мастерство.

Хотим, чтоб в честь Меджнуновой любви
Гранил, как жемчуг, ты слова свои.

Чтобы, Лейли невинность обрета,
Ты был в реченьях свежим, как дитя,

Чтоб, прочитав, сказали мы: «Ей-ей!
Клянемся мы державою своей,

Что сладость книги стоит сотен книг».
Ты перед нами некогда возник

В чертоге слов, как некий шах Хосров.
Так не жалея опять своих даров,—

Арабской ли, фарсидской ли фатой
Украшишь прелесть новобрачной той.

С твоим искусством дивным, Низами,
Знакомились мы прежде. Так пойми:

Для чьей отрады, для чьего лица
Ты нанизал свой жемчуг из ларца?

Мы знаем толк в речениях людских,
Мы замечаем каждый новый стих.

Но к тюркским нравам непричастен двор,
Там тюркский неприличен разговор*.

Раз мы знатны и саном высоки,
То и в речах высоких знатоки!»

Прочел я... Кровь мне бросилась в лицо,—
Так, значит, в ухе рабское кольцо!

И не поднять из мрака мне чела,
И на глазах как пелена легла,

И не найти сокровищ золотых...
И замер я, и ослабел, затих,

И голову запрятал от стыда...
Где близкий, кто бы понял, в чем беда?

Вновь дополнять творенье — смысла нет.
А рядом сын любимый, Мухаммед.

Как тень моя скользящая, был тих.
Он подошел и сел у ног моих

И говорит: «Не раз ты мяч бросал,
«Хосров — Ширин» недаром написал;

Сердца людей еще повесели
И напиши Меджнуна и Лейли,

Чтоб две поэмы были двойники.
Он — Ширваншах. Вы оба высоки.

Твое владенье — не Ширван, а мир.
Но он знаток, он знатен, он кумир.

Нарядных он потребовал прикрас,—
Садись пиши, как ты писал не раз».

Я отвечал: «Уместна эта речь!
Ты чист, как зеркало, остер, как меч.

Но как мне быть? Душа раздвоена.
Мысль широка. Дорога к ней тесна.

И узок вход рассказу моему.
Хиреет речь, зажатая в тюрьму.

Мне площадь как ристалище нужна,
Как поле для лихого скакуна.

Такая радость, ведомая всем,
Мне не дана. Вот отчего я нем.

Изящество и легкость — вот узда,
Чтоб речь была отважна и тверда,

А от печали рабской и цепей
Она звучит трусливей и слабей.

И если нет на волю мне пути,
Откуда слово ценное найти?

Где музыка, где вина, где меджлис,
Где сад, чтоб мысли светлые зажглись?

Сухой песок, пустыня, темя гор...
Иной народу нужен разговор:

Чтоб слово было сердцем рождено,
Чтобы звенело радостью оно!

Рожденное без радости — мертво.
Но шах велит, чтоб именем его,

Закованный в наряд чужих прикрас,
Я все же точно выполнил приказ!

Чтобы его величество, сочтя
Мой жемчуг, забавлялся, как дитя!

Чтобы влюбился будущий мой чтец
В творенье, кто бы ни был — хоть мертвец!»

Я начал рыть и средь глубоких ямин
Набрел на клад, на философский камень.

Природе нужен только краткий путь,
Чтоб не терялся в беспорядке путь.

И путь мой краток был, и голос ясен,
И сладостен напев, и строй согласен.

Размер стиха как море в пляске волн,
Но сонных рыб — живой добычи — полн.

Иные ищут сладости словесной,
Но свежести не знают полновесной.

Но никому среди глубин морских
Не попадалось раковин таких!

И каждый бейт мой, свежестью сверкая,
Дороже, чем жемчужина морская.

Когда искал я эти жемчуга,
Не поскользнулась смелая нога.

Я спрашивал — а сердце отвечало.
Я землю скреб — нашел ключей начало.

Весь мой избыток, весь душевный пыл
Я отдал, чтоб рассказ закончен был.

Четыре тысячи стихов и больше
Сложил в четыре месяца, не дольше.

Свободный от житейских мелочей,
Сложил бы их в четырнадцать ночей.

.

НАСТАВЛЕНИЯ СЫНУ

Четырнадцатилетний сын мой скромный,
Едва проникший взглядом в мир огромный,

Я помню, как ребенком лет семи
Ты розой мне казался меж людьми.

Ты вырос ныне стройным кипарисом:
Бегут года,— смиренно покорись им!

Беспечных игр окончилась пора.
Расти, учись познанию добра.

Ищи свой путь, заранее готовясь
Чертог построить не на страх — на совесть.

Ребенка спрашивают: — Чей сынок? —
Но взрослый отрок в мире одинок.

И если час ребяческий твой прожит,
Тебе мое отцовство не поможет.

Будь сам как лев, сам побеждай в бою,
Надейся лишь на молодость свою.

Добыв успех, не расставайся с честью,
Не оскорбляй чужого благочестья.

И если сказку вздумаешь сложить,
Сумей и в сказке истине служить.

Так поступай и делай, чтобы только
В грядущем не раскаиваться горько.

И верь нелицемерно в мой совет,—
Тебе послужит верно мой совет.

В привычках, свойственных тебе, отмечу
Заносчивость и склонность к красноречью.

Со стихотворством только не дружи:
Чем глаже стих, тем ближе он ко лжи.

Нет, стихотворство — не твое блаженство.
Здесь Низами достигнул совершенства.

Стих, может статься, громко прозвенит,
Но пользой он, увы, не знаменит.

Пускай созреет сущность молодая,
Одним самопознанием обладая.

Познай себя, познать себя стремись,—
Таким стремленьем отчеканишь мысль.

Пророк учил, что правая дорога —
Познание жизни и познание бога.

Стоят у двери этих двух побед
Лишь двое в мире: врач, законовед.

Так будь врачом, что воскрешает к жизни,—
Не костоправом, что лишает жизни!

Законоведом, любящим закон,—
Не крючкотвором, губящим закон!

Будь тем иль этим,— уважаем будешь,
Учителем людей, служа им, будешь!

Я все сказал. Исполнить должен ты.
Работой жизнь наполнить должен ты.

Что слово! Беглый плеск воды проточной.
Поменьше слов,— тогда значение точно.

Пусть бьет ключом студеная вода,
Не в меру выпьешь — берегись, беда!

Цени слова дороже всех жемчужин,
Чтоб голос твой услышан был и нужен.

Нанизывай слова, как жемчуга,—
Лишь редкостная снизка дорога.

Нам кажется чистейший жемчуг сказкой
И в кипени волны, и в глине вязкой.

Пока он цел — краса морских зыбей.
Расти́ртый в прах — лекарство от скорбей.

Что россыпь звезд на пажити полночной!
Одно лишь солнце согревает мощно.

Все мириады звезд во тьме ночей —
Ничто пред славой солнечных лучей.

НИЗАМИ ПОМИНАЕТ СВОИХ УСОПШИХ РОДНЫХ

Встань, виночерпий, и налей вина,
Дай жаждущей душе моей вина!

Пускай светла, пускай, как слезы наши,
Прозрачна будет влага пирной чаши.

И только пригублю я чашу,— пусть
В стесненном сердце замирает грусть.

Так много в жизни видел я веселья,—
Оно прошло, но памятно доселе.

Потом и память сгинет без следа...
Потом и я исчезну навсегда...

Встань, виночерпий, и налей мне чашу
Рубинового сока, ибо вновь

От складных слов я стал мудрей и краше,
Моложе стала старческая кровь.

Да, мой отец, Юсуф, сын Муйайеда,
Ушел навек, догнал кончиной деда.

Что с временем бороться? Все течет.
К чему вопить, что неоплатен счет?

Я видел смерть отца. Одним ударом
Я разорвал с его наследьем старым.

Я вырвал жало медоносных пчел
Из тела и забвенью предпочел.

Встань, виночерпий, не сиди без дела!
Налей мне чашу жидкого огня!

Чтоб тварь немая речью овладела,
Чтоб сразу в пот ударило меня.

Да, мать моя, из курдского селенья,
Скончалась. Все земные поколенья

Должны пройти. Все матери умрут.
И звать ее назад — напрасный труд.

Но глубже всех морей людское горе.
И выпей я все реки и все море,

Хоть сотней ртов прильни к его волне,—
Не исчерпать соленой чаши мне.

Один бальзам враждебен этим волнам:
Он называется забвеньем полным.

Встань, виночерпий, встань! Мой конь хромает.
Но чтобы он идти спокойно мог,

Налей вина, которое ломает,
Бросает в жар, но не сбивает с ног.

Хаджа-Умар — брат матери. Мне вскоре
Расстаться с дядей предстояло горе.

Когда я выпил горький тот глоток,
По жилам пробежал смертельный ток,

Во флейте горла пенье оборвалось,
А цепь молчанья вокруг него свивалась.

Встань, виночерпий! В погребке прохладном
Найди вино, как пурпурный гранат.

Глотнув хотя бы раз усиьем жадным,
Посевы жизни влагу сохранят.

Где ближние? Где цвет моей семьи?
Где спутники — товарищи мои?

Чтоб улей наполнился медовым соком,
Он должен жить в содружестве высоком.

Червяк растит свой шелковичный кокон,
Но в тесной келье той не одинок он.

Китайцы шелк своей обновки ткут
И под ноги друзьям циновки ткут.

И муравей под тяжестью хлопочет:
С товарищами он делиться хочет.

И если ты друзьям и близким рад,
Настройся сам на их согласный лад.

Пусть голос твой не прозвучит, как скрежет,
И стройного напева их не режет.

В чем равновесье? В помощи от всех.
Лишь этим достигается успех.

Встань, виночерпий, и вина мне брызни
Душистого, как мускус,— ибо в нем

Есть выжимки быстробегущей жизни
И сладостное дружество с огнем.

Доколе дом повергнут мой во прах?
Доколе пить отраву на пирах?

Ведь паутина рану то затянет,
То снова нас царапает и ранит,

То на руке нам остановит кровь,
То кровь из мух высасывает вновь.

Ведь этот дом, в котором столько горя,—
Непрочен, значит — распадется вскоре.

Встань, виночерпий, не беги от сборищ
И в чашу дивной горечи налей!

Все тайное мое откроет горечь,
Чем обнаженней, тем душе милей.

Забудь о прошлых днях, тоской увитых,
Давным-давно запечатлен их свиток.

О прошлых жизнях, сгинувших во мгле,
Не поминай, пока ты на земле.

Пускай прочел ты семь седьмых Корана*,
Пускай семь тысяч прожил лет, но рано

Иль поздно на краю твоих дорог
Семь тысяч лет пройдут, настанет срок.

Раз нам расти, чтоб сгинуть, суждено,—
Великим быть иль малым — все равно.

Встань, виночерпий! Утро наступило.
Налей вина, что можно и не пить,

Чтоб солнцем бы глаза мне ослепило,
Пред тем как их водою окропить.

Шел в Каабу курд и потерял осленка,
И начал бедный курд ругаться звонко:

«Куда в пустыню джинн меня завел?
Куда девался подлый мой осел?»

Кричал, кричал, внезапно оглянулся —
Осленок рядом... Тут он усмехнулся

И говорит: «Мне ругань помогла,
Без ругани я б не нашел осла».

Честней же, слово крепкое, служи нам!
Не то с ослом простимся и с хурджином.

А у кого коровья кротость, тот
Нигде потерянного не найдет.

Встань, виночерпий, не жалея глотка мне,
Налей такого жгучего вина,

Что только вымоешь простые камни —
И в яхонты их грязь превращена.

Не стоит возвеличивать ничтожных,
И слушаться их приказаний ложных,

И пред насильем голову склонять,
И пред глупцом достоинство ронять.

Как на скале воздвигнутая крепость,
В бореньях с жизнью прояви свирепость.

Кто небрежение вытерпел — тот слаб.
Кто унижение вытерпел — тот раб.

Носи копье, как шип несет шиповник,—
Тогда ты будешь многих роз любовник.

Что силу ломит? — Бранные слова.
А в жалобах немного торжества.

Встань, виночерпий,— ибо вечереет.
Я умственным насытился трудом.

Налей вина, оно меня согреет.
Я вспомню о рассвете золотом.

Двух-трех кутил возьмем мы на подмогу.
Веселье разгорится понемногу.

Луч солнца и пылинку золотит,
А шах твоих пиров не посетит.

Остерегайся жалованья шаха:
Кто служит в войске — недалек от праха.

Остерегайся милостей владык,
Не то сгоришь, как пакля, в тот же миг.

Огонь владыки жарок и прекрасен,
Но лучше быть подальше: он опасен!

Как мотыльков огонь свечи влечет,
Так манит нас и губит нас почет.

Дай мне вина такого, виночерпий,
Чтобы слышал я призывный клич,

Чтоб снова мысль была не на ущербе!
Меня, как Кейкубада, возвеличь!

Все твари мира, кроме человека,
В своей норе блаженствуют от века.

Лишь человек проклятья голосит,
Когда не слишком он, жадюга, сыт.

Хотя б один глоток его не допит,
Он тотчас небо жалобой торопит.

Хотя бы каплей вымочен дождя,
Он с облаком бранится, весь дрожа.

Хотя бы малость зной его и сушит,
Он в солнце камни с яростию рушит.

Сам будь как свет, чтоб мощь твоя росла,
Не замарайся от добра и зла.

Сам, как вода, любезен будь и нежен,
Сам, как вода, прозрачен и безбрежен.

Встань, виночерпий, хватит отговорок!
Найди мне ту волшебную струю,

Что на пиру сулит веселья ворох,
Становится оружием в бою!

Пляши, как ночью пляшут звезды в небе!
Пускай тебе изранит ноги щебень!

Пускай хромает конь — иди пешком.
На зуботычину ответь смешком.

Ты бремя всех поднять на плечи вышел.
Освободить других, — что в жизни выше?

Когда же сам под тяжестью падешь,
Плечо, чтоб помогло тебе, найдешь.

Пришла пора кочевья и блужданья!
Не на себя смотри — на мирозданье!

Тяжел твой путь, а ноги в волдырях.
В путь, труженик! Все остальное — прах.

А если слаб, клади мешок заплечный,
Укройся дома. Время быстротечно.

Раз в обществе нет пищи для ума,
Запри свой ум в глухие закрома.

Чем привлечет пустая нас страница?
Куда без ветра челноку стремиться?

Встань, Низами! Твой замысел возник.
Тебе укажет Хызр благой родник,

И увлажнит твой самоцвет неюный
Студеная вода, любовь Меджнуна.

ЖАЛОБЫ НА ХУЛИТЕЛЕЙ

Кипи, душа! Пришла пора кипенья.
Вселенной всей мое владело пенье.

Зачем же я в молчанье погружен,
Когда словами в бой вооружен?

С любым трудом я справился доселе,
Своим напевом славился доселе.

Тем волшебством, что по утрам творил,
Я семь седьмых Корана повторил.

Владел я даром необыкновенным
И назван был зеркалом сокровенным.

И красноречьем острым, словно меч,
Я, как Мессия, мог сердца привлечь.

Стихи такого жара достигают,
Что берегись их трогать,— обжигают!

А те, что и без соли хлеб сожрут,
В моей тени достаток свой берут.

Лев не скупится львиною добычей:
Сыта лисица львиною добычей.

Богат мой стол, велик мой оборот,
Щедротами осыпан весь народ.

Завистник же со мной пиров не делит,
Поэтому он всякий вздор и мелет.

Всегда внизу он, словно тень, лежит
И где-то сзади, словно тень, бежит.

Едва начну я складывать газели,
Он их подделывает еле-еле.

Едва налажу строй моих касыд,
Он в подражанье вяло голосит.

А если обо мне сказать посмеет,—
Что ж удивляться! — лжет и не краснеет.

Я отдал от души вам мой чекан,—
Он делает фальшивым мой чекан.

Людей мартышка корчит неуклюже.
Звезда и в мутной отразилась луже.

На чье-то тело упадает свет,—
Страдает тень, но не страдает свет.

А тень любое тело искажает
И мешкотно ему не подражает.

Но океан, когда прозрачен сам,
Дает охотно выкупаться псам.

И я охотно в берег бью, как волны,
Отнюдь не горьким сожаленьем полный.

Я честно бью киркой и рою рвы,—
Вот почему мой враг без головы.

Все те, что мастерство мое порочат,
Своей кончины близкой не просрочат.

Когда поймали у ворот воров,
Воры кричат: «Держи, народ, воров!»

Так нет же! Если вправду он без денег,—
Открыта дверь, пускай войдет, бездельник!

Когда бы я нуждался в чем-нибудь,
Не постыдился б руку протянуть.

Но если правлю я двумя мирами,
Зачем же мне глумиться над ворами!

Я подаянье нищим подаю,—
Пусть расхищают житницу мою!

Весь жемчуг, все сокровища ты видишь,
Меня ты этим, право, не обидишь.

ИЗВИНЕНИЯ ЗА ЖАЛОБЫ

С тех пор что я самим собою стал,
От рук моих и червь не пострадал.

Не трогал я ничьих чужих жемчужин
И был с любой чужой заботой дружен.

По доброте не ведал бранных слов
Ни для собак, ни для тупых ослов.

Не гневаясь и ближних не ругая,
Все сказанное выше — отвергаю!

Но я недаром часто примечал,
Что мало чести тем, кто промолчал.

Моим друзьям известно, кто я родом,
Откуда мой товар, куда он продан.

А тем, что нам завидуют сейчас,
Отпор найдется и помимо нас.

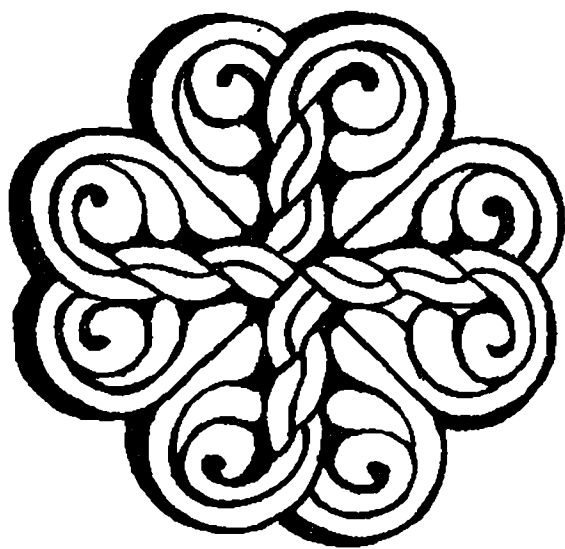
Молчи, душа, иди своей дорогой,
Обидчиков не помни и не трогай.

Спокойна будь, не трать пустых речей,
Не прячь лучей от бедности ничьей.

Будь как цветок на горном перевале,—
Целуй те пальцы, что тебя сорвали!

НАЧАЛО ПОВЕСТИ

Рассказчик начинает речь,— и тут
Пусть жемчуг, им нанизанный, сочтут.

В краю арабов жил да был один
Славнейший между шейхов властелин.

Шейх амиритов жизнь провел свою
В цветущем этом солнечном краю.

Взметенный им песков сыпучих прах
Душистей был, чем чаша на пирах.

Исполнен добродетелей и сил,
Под солнцем гордо он чело носил,

Был самовластен, как султан иной,
Как сам Карун с несчитанной казной.

Приветлив с бедняками, справедлив
И славен меж арабов, как халиф.

Но лишь одна ждала его беда!
Он — раковина полая, куда

Не вложена жемчужина. Он — ствол,
Что ни одним побегом не зацвел...

Да, как ни жаждал сына он, грустя,
Как ни вымаливал себе дитя,

Каких дирхемов нищим ни давал,
Каких красивых жен ни целовал,

Как он ни сеял — не всходил росток:
Все сына нет, все пуст его чертог!

Отцу и невдомек, что не слаба,
Но мешкает в решениях судьба.

Пусть поиски напрасны! Не ропщи,
Причину лучше тайную ищи.

Так связано все на земле узлом,
Что счастье вечно следует за злом.

И вот аллах вознаградил отца
За должное смирение до конца.

И родился младенец дорогой —
Такой любимый, слабенький такой.

Родные совершить обряд пришли
И мальчугана Кейсом нарекли.

И год прошел — ребенок рос и рос,
Стройней тюльпана, прихотливей роз,

Весь упоен предчувствием любви,
Чья сущность разлита в его крови,

Как будто от него исходит свет,
И весь он — мирозданию привет.

Семь лет прошло, — растет он все быстрее —
Тюльпан в венке фиалковых кудрей.

А через десять лет по свету шла
Из уст в уста его красе хвала.

И счастлив был и ликовал отец,
Когда пошел он в школу наконец.

Был выбран и наставник, старший друг,
Знаток — преподаватель всех наук.

И рядом с Кейсом в тот же день и час
Шумит ватага сверстников, учась.

И каждый мальчик, ревностен и строг,
Готов учить и повторить урок.

А рядом с мальчиками у доски
Есть девочки. Друг другу не близки,

Они сошлись из разных стран и мест,
От всех племен, что ведомы окрест.

И Кейс меж них ученьем поглощен,
Но и другим предметом увлечен!

С ним рядом есть жемчужина одна,
Как бы с другого поднятая дна.

Разубрана, как куколка, стройна,
Как кипарис, прелестна, как луна.

Шалунья! Взмах один ее ресниц
Пронзает сердце, повергает ниц.

Газель, чей смертоносен тихий взор,
Чья кротость в мире вызовет раздор.

И если кудри — ночь, то светлый лик
Как бы в когтях у ворона возник.

А крохотный медоточивый рот —
Предвестие всех будущих щедрот.

Но сладостное диво с нежным ртом
Рассеет войско мощное потом,

Войдет, как трижды чтимый амулет,
В мечты влюбленных через много лет.

Когда войдет ее звезда в зенит,
Она стихом касыды прозвенит,

И капля пота на ее челе
Священной будет зваться на земле.

Румянец, родинки, сурьма очей —
Все станет завтра звездами ночей.

От черных кос, что стан ее обвили,
Зовут ее, как ночь саму, — Лейли*.

Ее увидел Кейс и стал иным
И сердце отдал за нее в калым.

Но и она, но и она полна
Предчувствием,— как будто от вина,

Которого пригубить ей нельзя,
Все закружилось, медленно скользя.

Пришла любовь. И первый же глоток
Из этой чаши — пламенный поток.

Но как им трудно в первый раз пьянеть,
Как странно им, как дивно пламенеть,

Как сладко им друг с другом рядом жить,
И с каждым часом все нежней дружить,

И ежечасно сердце отдавать,
И никогда его не открывать!..

Товарищи учением полны,
А эти два влечением пьяны.

Те говорят словами, как и встарь,
У этих — свой учебник, свой словарь.

Те много книг прочтут, чтоб не забыть,
А эти миг цветут — лишь бы любить.

Те сочетают буквы для письма,
А эти лишь мечтают без ума.

Те знатоки в глаголах, в именах,
А эти онемели в смутных снах.

О ТОМ, КАК ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН ПОЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА

И каждый день, едва взойдет заря
И солнце, как Юсуфов лик горя*,

Окаймлено пыланьем светло-синим,
Полнеба красит цветом апельсинным,—

Лейли подставит золоту чело,
Чтобы зарделось нежно и светло.

И многие всем сердцем засмотрелись
На девственную утреннюю прелесть

И, отозвавшись на молодой огонь,
Ножом себе царапали ладонь.

И Кейс бродил, влюбленный и безмолвный,
Как зрелый плод, румяным соком полный.

Дни шли и шли. И день настал, когда
Пришла взаимных вздохов череда.

Жилища их любовь опустошила,
С мечом в руке над ними суд вершила.

И между тем как немые их уста,
Уже роились слухи неспроста,

И сорвана завеса с детской тайны,
И весь базар взволнован чрезвычайно.

И как они ни сдержанны,— не смолк
Всеобщий пересуд и кривотолк.

Ведь и в засохших зернышках нетленный
Благоухает мускус для вселенной.

Как будто ветер, вея поутру,
Приподымал за уголок чадру

С чела любви. Они терпели честно:
Ведь тайна лишь двоим была известна.

Но что терпеть, что пользы им молчать,
Когда с запрета сорвана печать?

Любой их взгляд красноречивей слова.
Найдется ль средство от мученья злого?

Путь пламени любовь нашла сама —
И вырвалась. И Кейс сошел с ума.

Да, он, глядевший на Лейли украдкой,
Снедаем был безумной лихорадкой

И рядом с ней, и близко от нее —
Лишь растравлял отчаянье свое.

Ведь сердце — путник над скалистой бездной, —
Когда сорвешься, — помощь бесполезна.

А тот, кто этой доли не знавал,
Его Меджнуном странным называл.

Да, был он одержим. Не оттого ли
Он кличку подтверждал помимо воли?

За то, что люди брешут, будто псы,
Он был лишен возлюбленной красы.

За толки их, насмешками плененных,
Похищен был у лани олененок.

Лила Лейли бесценный жемчуг слез,
И Кейсу плакать горестно пришлось.

И он бродил по рынку и вдоль улиц,
И все, кто с ним, рыдающим, столкнулись,

Что на него дивились и глазели,
Что слышали напев его газели, —

Все ринулись за ним оравой шумной,
Кричали вслед: «Меджнун, Меджнун, безумный!»

А он и впрямь с рассвета до звезды
Не признавал ни сбруи, ни узды.

Он будто гнал осла над черной кручей.
Но из-под ног ушел песок горячий,

Посыпался непрочный тот карниз,
И сорвался осел с поклажей вниз.

Он, как свечи слабеющий огарок,
Ненужный днем, и ночью был не ярок.

И что ни утро, он спешил босой,
Чтоб повстречаться с милою красой.

Простоволосый, он бежал в пустыню,
Чтоб увидеть любимую святыню.

Он шел, чтобы к шатру ее прильнуть.
И долг был его обратный путь.

Быстрее ветра он спешил туда,—
Назад он плелся будто сквозь года.

К ней он летел на сотне крыл летучих,
Назад — дорога в терниях колючих.

К ней — водопада пенистый полет,
Назад — ползущий по ущельям лед.

Он не боялся волдырей и ссадин,
Летел, как будто неся вихорь сзади.

Как на коне летел, не чуя ног,
А шел назад — разбит и одинок.

И будь судьба к нему благоприятна,
Он не пришел бы никогда обратно!

ОПИСАНИЕ ЛЮБВИ МЕДЖНУНА

Рассказ о том, как Меджнун, совсем обезумев от любви, бродит с друзьями по городу и в степи около кочевья племени Лейли. Он обращается к ветру с мольбой донести до возлюбленной слова о его страсти и его мучениях.

О ТОМ, КАК МЕДЖНУН ОТПРАВИЛСЯ ВЗГЛЯНУТЬ НА ЛЕЙЛИ

Меджнун идет с друзьями в горы Неджда к кочевью племени Лейли и видит ее издали в распаханном шатре.

ОТЕЦ МЕДЖНУНА ОТПРАВЛЯЕТСЯ СВАТАТЬ ЛЕЙЛИ

Опущена фата над ненаглядной,
И сломан мост через арык прохладный.

Меджнун в разлуке с милой горевал
И по ночам газели распевал,

И по утрам он брел на то же взгорье
С толпой друзей таких же нищих. Вскоре

Стал повсеместной притчей их позор.
И жаловались все, потупив взор,

Отцу на сына. Вздохи, укоризны
Сын услышал. Но сделан выбор в жизни!

Что рассужденья здравые, когда
Влюбленному мила его беда!

Отец скорбел о сыне и, поведав
О том родне, просил ее советов.

По мнению старейшин, лишь одна
Дорога здесь пригодна и честна:

Не медлить с начинанием, из мрака
Извлечь Меджнуна и добиться брака.

Шейх амиритов быстро собрался
В дорогу. Провожала челядь вся.

Уже достигли Неджда. В это время
Все родичи красавицы, все племя,

Все — знать и челядь — вышли из шатров,
Чтоб чужеземцам предоставить кров.

С почетом принят был шейх амиритов.
«В чем ты нуждаешься? Скажи открыто».

Тот отвечал: «Хочу быть ближе к вам,
Прошу вас верить искренним словам».

И без утайки все сказал соседу:
«Ищу родства с тобою, не посетуй!»

Как сочетать твое дитя с моим?
Мой сын рожден в пустыне и томим

Тоской по родниковой, свежей влаге.
А я забочусь о сыновнем благе

И говорю об этом без стыда.
Моя семья богатствами горда

И знатностью и пышностью известна.
Есть у меня желанье дружбы честной,

А для вражды всегда оружие есть.
Мне — жемчуг твой. Тебе — хвала и честь.

Ты продаешь. Товар в цене сегодня.
Торгуйся, чтоб я выше цену поднял,

Запрашивай, покуда спрос велик».
Так кончил речь отец, и в тот же миг

Второй отец ответствовал учтиво:
«Ты говорил весьма красноречиво.

Но пусть судьба решает за меня.
Могу ль сидеть у жгучего огня,

Не опаливши нашей дружбы честной?
Твой сын прекрасен, и родство мне лестно,

Но он для нас не родич и не друг,
Он счастья не внесет в семейный круг.

Он одержим безумием и болен.
Ты исцелить его, конечно, волен

Молитвами — тогда и приходи
Со сватовством. Но это — впереди!

Прощай, купец! А жемчуг твой с изъязном
Не предлагай ни в братья, ни в зятья нам.

В таких делах арабы знают толк;
Боюсь молвы». И тут отец умолк.

И амириты после этой речи
Почувствовали стыд и горечь встречи.

Не принятые в племени Лейли,
С обидой по домам они ушли.

У всех у них одна забота ныне —
Как исцелить Меджнуна от унынья.

И каждый на советы был хитер,
Но что ни речь, то хворосту в костер:

«Немало есть у племени красавиц,
Пленительных и ласковых на зависть,

Чьи косы — мускус и рубин — уста,
Есть и у нас на выбор красота!

Зачем же ты своей сердечной раной
Обязан той девице чужестранной?

Как плавно выступают, как стройны!
А ты чуждаешься родной страны!»

ПЛАЧ МЕДЖНУНА

Все выслушал Меджнун. И для него
Все стало окончательно мертво.

Он тотчас разодрал свою рубаху:
Не нужен саван тлеющему праху!

Тому, чье царство где-то вне миров,
Весь мир — кочевье, а не отчий кров.

Он стал бродить по выжженной пустыне,
С одной лишь думой об одной святыне,

По кручам горным странствовал пешком,
Как тюрк, с заплечным нищенским мешком.

И «Ла хауль» прохожие кричали*,
Когда он шел в смятение и в печали,

Когда слышали по ночам вдали
Протяжный вопль его: «Лейли, Лейли!

Я — выродок. Я джинном одержим.
Сам злобным джинном я кажусь чужим,

А для родни — всех бед ее виновник, —
Исклот сам, колюсь я, как терновник.

Товарищи веселья и труда,
Прощайте, о, прощайте навсегда!

Прощайте, о, прощайте же навеки!
Забудьте о несчастном человеке!

Бутыль с вином в руках моих была —
Она разбита, и куски стекла

Усыпали дорогу пылью колкой.
Потоком слез несет ее осколки,

Ко мне легко ты можешь подойти, —
Ног не изранишь на своем пути.

Я — ветвь сухая, ты же — ветвь в цвету.
Ну так сожги сухую ветку ту.

Преступник ли, что жажду исцеленья?
В чем грешен, если не в одном моленье?

О, будь моей, моей, Йемена дочь*,
Из тысячи ночей одну лишь ночь!

Звезда моя! Луна моя младая,
Одной болезнью дикой обладая,

Я потому и болен, что люблю
Тебя одну, тебя, луну мою!»

Так он сказал и молча наземь лег.
И плакал. Кто был часом недалек

От юноши — и бережно и нежно
Повел его домой дорогой прежней.

Бывает, что любовь пройдет сама,
Ни сердца не затронув, ни ума.

То не любовь, а юности забава.
Нет у любви бесследно сгинуть права:

Она приходит, чтобы жить навек,
Пока не сгинет в землю человек.

Меджнун прославлен этим даром верным,
Познанием совершенным и безмерным,

Прославлен тяжким бременем любви.
Он цвел, как роза, дни влача свои.

От розы той лишь капля росяная
Досталась мне — едва заметный след.

Но, в мире аромат распространяя,
Не испарится он и в сотни лет.

ОТЕЦ ВЕЗЕТ МЕДЖНУНА В ХРАМ КААБЫ

Все небо закрывала, словно пламя,
Его любовь могучими крылами.

Но чем в любви был совершенней он,
Тем громче слышались со всех сторон

Насмешки, подозренья и упреки.
А сам больной, от всех забот далекий,

Вне общества людского, вне среды,
Причиной стал неслыханной беды

Для бедного отца. И ежечасно
Томился тот о юноше несчастном.

У всех святынь он руки воздевал,
Во всех паломничествах побывал,

Везде родня усердная молилась,
Чтобы снискать целительную милость.

И наконец решила вся родня,
Что следует, не мешкая ни дня,

Идти всем скопом до священной Каабы,
Как бы она далеко ни была бы.

Поскольку там за каменной стеной
Михраб любви небесной и земной.

К началу хаджа вышли амириты.
Верблюды их носилками покрыты.

В одну из шатких колыбелей тех
Посажена утеха из утех,

Любимый сын,— насильно упростили,
Не пожалели родственных усилий.

Приехал в Каабу страждущий отец.
Росло волненье искренних сердец.

Шейх амиритов, нищих утешая,
Бесценный жемчуг с золотом мешая,

Сынам песков рассыпал, как песок,
Все достоянья, всех сокровищ сок.

И взял он сына за руки и нежно
Сказал ему: «Теперь молись прилежно.

Не место для забавы этот храм,
Поторопись, прильни к его дверям,

Схватись же за кольцо священной Каабы*,
Молись, чтобы мученья отвлекла бы,

Чтоб исцелить бессмысленную плоть
И боль душевной смуты побороть,

Чтоб ты приник спокойно к изголовью,
Не мучимый безжалостной любовью».

Но слушать более Меджнун не стал.
Он зарыдал, потом захохотал,

И, как змея, с земли пружиной прыгнул,
И, за кольцо дверей схватившись, крикнул

«Велят мне исцелиться от любви.
Уж лучше бы сказали: не живи!

Любовь меня вскормила, воспитала,
Мой путь она навеки начертала.

Моей, аллах, я страстию клянусь,
Твоей, аллах, я властью клянусь,

Что все сильнее тот пламень разгорится,
Все горячее в крови он растворится,

Что в час, когда земной истлеет прах,
Любовь моя останется в мирах.

И как бы пьяным нежностью я ни был,
Налей еще пьянее — мне на гибель!

Мне говорят, чтоб я Лейли забыл.
Но ты, аллах, раздуй мой страстный пыл,

Всю жизнь мою, все радости, все муки
Отдай в ее младенческие руки.

Пусть буду тоньше волоса Лейли,
Но только бы чело ей обвили

Те вьющиеся — черной смольной чашей!
Будь раной я сплошной кровотокащей —

Пускай она по капле выпьет кровь!
И как ни велика моя любовь,

Как много дней о ней я ни тоскую, —
Продли, аллах, подольше боль такую!»

Слышал слова сыновние отец.
Он замолчал и понял наконец,

Что сыну суждено остаться пленным,
Что тот огонь пребудет век нетленным.

И он пошел к своей родне домой
И так сказал: «Сын безнадежен мой.

Он так молился у святыни Каабы,
Что кровь моя вскипела и могла бы,

Как ток Земзема, хлынуть кипятком
Я полагал — святынями влеком,

Страницу прочитает он Корана,
Но он о ней молился невозбранно,

Забыв меня и молодость губя,
Хвалил ее и проклинал сам себя»

ОТЕЦ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О ЗАМЫСЛАХ ПЛЕМЕНИ ЛЕЙЛИ

Отец Лейли узнает, что обезумевший Меджнун бродит по пустыне и сочиняет стихи о Лейли. Эти стихи знают многие. Он потрясен, ибо такая огласка — позор для Лейли, для ее племени, и решает убить Меджнуна. Племя Меджнуна узнает об угрозе его жизни. Его разыскивают в пустыне и не могут найти. В конце концов отец Меджнуна находит его. Несчастный говорит, что жизнь его кончена, и прощается с отцом.

СОВЕТ ОТЦА МЕДЖНУНУ

Отец умоляет Меджнуна подумать не только о Лейли, но и о своих родителях, умоляет не падать духом, надеяться на счастье.

ОТВЕТ МЕДЖНУНА

Меджнун отвечает, что избранный им путь любви и страдания не зависит от его воли — такова его судьба. Жизнь без Лейли ему не нужна. Отец все же отвозит его домой. На третий день после возвращения Меджнун снова убегает в пустыню Неджда и скитается там, сочиняя стихи.

ПРИТЧА

Куропатка поймала муравья и сжала его в клюве. Муравей захохотал и спросил куропатку: «А ты можешь так хохотать?» Куропатка обиделась: «Хохотать — мое умение, а не твое!» (На Востоке крик куропатки обычно сравнивают со смехом.) Она показала муравью, как надо хохотать, и, конечно, выронила его из клюва. Муравей спасся, а куропатка огорчилась. Радоваться, смеяться, говорит Низами, надо ко времени, иначе попадешь в положение этой куропатки, смех твой приведет к плачу. Влюбленный, говорит далее Низами, как гази, воин, борец за истинную веру, меча не боится. Ему лучше умереть, чем отступить.

ЧУВСТВА ЛЕЙЛИ

Семи небес многоочитый свод,
Семи планет хрустальный хоровод,

Наложница улады и томленья,
Пюдруга неги, кипарис моленья,

Михраб намаза верных прихожан,
Светильник жизни, всей подлунной джан,

Бесценный жемчуг в створчатых зажимах.
Влекущая всех джинном одержимых,

Лейли, Лейли, соперница луны,
Предмет благоговенья всей страны,

Росла в благоуханной гуще сада.
Две зрелых розы, юношей услада,

Круглились и, как чаши, налились.
Был стан ее как стройный кипарис,

И губы винным пурпуром пьянили,
И очи поволокою манили,—

Украдкой взглянет, и конец всему:
Арабы заарканенные стонут,

И турки покоряются ярму,
В волнах кудрей, как в океане, тонут.

Охотится она,— и грозный лев
К ней ластится, смиреньем заболев.

И тысячи искателей безвестных
Томятся в жажде губ ее прелестных.

Но тем, кто целоваться так горазд,
Она промолвит только: «Бог подаст!»

За шахматы садится — и луну
Обыгрывает, пешку сдав одну.

Вдруг две руки, как две ладьи, скрещает
И шах и мат светилам возвещает.

Но несмотря на обаянье то,
Кровавой музой сердце залито.

И ночью втайне, чтоб никто не слышал,
Проходит девушка по плоским крышам,

Высматривает час, и два, и три,
Где тень Меджнуна, вестница зари.

О, только б увидеть хоть на мгновенье,
С ним разделить отраду и забвенье —

С ним, только с ним!.. Как тонкая свеча,
Затеплилась и тает, лепеча

Возлюбленное имя. И украдкой
Полна одной бессонницею сладкой,

То в зеркало страдальчески глядит,
То за полетом времени следит,

То, словно пери, склонится послушно
К веретену, жужжащему так скучно.

И отовсюду, словно бы назло,
Газели друга ветром к ней несло.

И мальчуган, и бойкая торговка
Поют газели, слаженные ловко.

Но и Лейли, смышленное дитя,
Жемчужины чужих стихов сочтя,

Сама способна нежный стих составить,
Чтобы посланье милому отправить,

Шепнуть хоть ветру сочиненный стих,
Чтоб он ушей возлюбленных достиг.

Иль бросить на пути проезжем, людном
Записку с изреченьем безрассудным,

Чтобы любой прочел, запомнил, сжег,—
А может статься, взглянет и дружок.

А может статься, в передаче устной
К нему домчится этот шепот грустный.

Так между двух влюбленных, двух детей,
Шел переклик таинственных вестей.

Два соловья, пьянея в лунной чаше,
Друг другу пели все смелей и слаще.

Два напряженья двух согласных струн
Слились: «Где ты, Лейли?»—«Где ты, Меджнун?»

И скольких чангов, скольких сазов ропот
Откликнулся на их неслышный шепот!

От их напева мир обременен
Мутрибами всех будущих времен.

Но чем согласней этот лад звучащий,
Тем о двоих враги злословят чаще.

Год миновал, а юная чета
Живет в мечтах, да и сама — мечта.

ЛЕЙЛИ В САДУ

В садах плодовых, в рощах тонкоствольных
Цветы — как лица щедрых и довольных.

Из розовых и ярко-красных роз
Над миром знамя пестрое взвилось.

А между тем всю ночь в листве зеленой
Неистовствует соловей влюбленный.

Фиалка шепчет свой смиренный стих,
Два локона на землю опустив.

Набрякла почка и хранит в колчане
Шипы, что встанут вокруг ее венчанья.

И неньюфары, солнцем залиты,
Прудам без боя отдали щиты.

Нарядный бук еще нарядней станет,
Затейливой своей прической занят.

Нарцисс, огнем пылая изнутри,
Проснулся в лихорадке, ждет зари,

Открыла роза поцелуям очи:
Кто равен розе в благовоньях ночи?

Все птицы в бестолковости своей
Хотели бы запеть, как соловей.

Лишь голубь, к счастью мирному готовясь,
Подруженьке рассказывает повесть.

А соловей, как бесноватый, пьет
Глотками воздух — и поет, поет!

В такой благословенный час цветенья
Лейли выходит из дому в смятенье.

Вокруг Лейли — приставленные к ней,
Как ожерелье блещущих камней,

Тюрчанки, гости в крае аравийском.*
В оправе гурий, в их соседстве близком,

Идет Лейли,— да сгинет глаз дурной! —
Чтоб надышаться раннею весной

И венчиком затрепетавших губок
Пригубить вслед нарциссу влажный кубок.

Со всех цветов и трав, куда ни глянь,
Благоуханья требует, как дань.

И, с тенью пальмы тень свою скрещая,
К родным вернется, радость возвещая...

Но нет! Иная цель у красоты —
Не кипарис, не розы, не цветы.

Лейли в саду, в убежище укромном,
У ветерков о страннике бездомном

Выспрашивала робко. Соловью
Шептала тайну горькую свою.

Вздохнула глубоко и замолчала —
И на сердце как будто полегчало.

Есть пальмовая роща в той стране.
Казалось, это блещет в глубине

Китайская картина. Дивной кистью
Рисованы густые эти листья.

Нигде клочка подобного земли
В песках арабы встретить не могли.

И вот Лейли с подругами под сенью
Приветных пальм стоит без опасенья.

Казалось, в изумруде трав возник
Тот движущийся розовый цветник.

Казалось, розы на лужок присели,
Наполнив рощи звуками веселья.

Но вот затих их говорок и гам.
Одна блуждает дева по лугам.

И в зарослях цветочной гущи тонет.
И мнится — соловей полночный стонет:

«О верный друг, о юный кипарис!
Откликнись мне, на голос мой вернись!

Приди сюда, в мой сад благоуханный,
Дай мне вздохнуть, от горя бездыханной.

А если нет в наш край тебе пути,
Хоть ветерком о том оповести».

И не успела смолкнуть, слышит дева:
Раздался отклик милого напева.

Какой-то путник, недруг или друг,
Прислушался, и зазвучала вдруг,

Как жемчуг, скрытый в море мирозданья,
Газель Меджнуна, просьба о свиданье:

«О бедность издранной одежды моей!
О светлый привратник надежды моей!

Меджнун захлебнулся в кровавой пучине,—
Какое до этого дело Лейли?

Меджнун растерзал свое сердце и тело,—
Чей пурпур багряный надела Лейли?

Меджнун оглашает пустыню рыданьем,—
Какое веселье владело Лейли?

Меджнун догорел, как его пепелище,—
В какие сады улетела Лейли?

Меджнун закликает, оборванный, голый,—
В чьи очи, смеясь, поглядела Лейли?»

Едва лишь голос отдаленный замер,
Лейли такими жгучими слезами

Заплакала, что камень был прожжен.
Одна из юных бывших рядом жен

Все подсмотрела и пошла украдкой
К родным Лейли с отгаданной загадкой.

И мать, как птица бедная в силках,
Зашлась, затрепыхалась впопыхах:

«Как ты сказала? Очень побледнела?
Тот — полоумный? Эта — опьянела!

Все кончено! Ничем им не помочь!
И нечем вразумить такую дочь».

И все осталось тщетным. Где-то рядом
Изнемогала дочь с потухшим взглядом,

С тоской, с отравой горькою в крови.
Но это же и есть цена любви!

СВАТОВСТВО ИБН САЛАМА

Когда Лейли гуляла в пальмовой роще, ее увидел знатный и богатый юноша Ибн Салам из арабского племени бени асад. Он влюбился в нее и послал к ее родителям сватов. Родители Лейли дают согласие, но просят отложить свадьбу — их дочь больна.

НОУФАЛЬ ПРИХОДИТ К МЕДЖНУНУ

Богатый араб, смелый воин Ноуфаль, на охоте встречает Меджнуна, окруженного дикими зверями. Ему рассказывают историю этого несчастного. Ноуфаль решает помочь Меджнуну добыть Лейли. Меджнун отказывается — ведь он безумен. Ноуфаль уговаривает его. Меджнун живет в шатре Ноуфаля. Его красота снова расцветает.

МЕДЖНУН УПРЕКАЕТ НОУФАЛЯ

Во время пира Меджнун неожиданно упрекает Ноуфалья: он подал ему надежду на соединение с Лейли, а сам ничего для этого не делает.

БИТВА НОУФАЛЯ С ПЛЕМЕНЕМ ЛЕЙЛИ

Ноуфаль тут же решает идти войной на племя Лейли, чтобы отбить ее. Он ставит условие племени: или они отдают Лейли добром, или он сейчас их разгромит. Предводители племени решают биться с Ноуфалем. Бой. Меджнун в бою рядом с Ноуфалем, но он сочувствует племени Лейли — он ведь любит ее. Воинам кажется, что он изменник.

Меджнун отвечает им:

— Если враг любовь,

Не нужен меч и бесполезна кровь...

Племя Лейли устояло против натиска Ноуфалья. Наступает ночь. Наутро Ноуфаль снова посылает сватов и, не дождавшись ответа, отступает с остатком войска.

УПРЕКИ МЕДЖНУНА

Меджнун, который во время битвы сочувствовал племени Лейли, после поражения Ноуфалья набрасывается на него с упреками: Ноуфаль сделал только хуже, теперь все племя Лейли — его смертельные враги, возлюбленная далека от него, как никогда. Ноуфаль собирает новое войско.

ВТОРАЯ БИТВА НОУФАЛЯ

Ноуфаль с огромной ратью идет на племя Лейли. Поражение неизбежно, но понятия о чести не дают племени отступить. Бой. Ноуфаль победил. Старейшины племени Лейли идут к нему просить о милости. Отец Лейли говорит, что он лучше сейчас же убьет свою дочь, но Меджнуну не отдаст ее. Воины Ноуфаля помнят, что Меджнун их чуть не предал в первой битве, они уговаривают Ноуфаля отказаться от его требования. Ноуфаль соглашается с ними. Меджнун бежит снова в пустыню.

МЕДЖНУН ОСВОБОЖДАЕТ ЛАНЕЙ

Меджнун коня быстрее ветра гонит.
Его тоска гнетет и долу клонит.

О вероломстве песню он поет,
Поет, и плачет, и летит вперед.

Вот перед ним капкан, и в том капкане,
Испуганные насмерть, бьются лани.

Запутались копытца, топоча,
А зверолов готов уж сгоряча

Взмахнуть ножом над пойманною дичью.
«Постой! Велит охотничий обычай,—

Сказал Меджнун,— чтоб ты по старине,
Как гостю, этих ланей отдал мне.

Открой капкан, избавь зверей от боли
И отпусти, трепещущих, на волю.

Зачем лишать их жизни, так спеша?
У твари есть дыханье и душа.

В ее глазах написано прекрасных:
«Не тронь меня, не гневайся напрасно!»

Как смеешь ты железом их колоть,
Невинную изранить эту плоть?

Будь в волчьей шкуре, а не в человечесьей,
Тогда невинным наноси увечья!

Ведь их глаза — глаза любви твоей,
Их мордочки — весенний мир полей.

Ты ради глаз простишь ее, товарищ,
И в честь весны ей счастье подаришь.

В ее слезах коварства нет и лжи.
Дай ей дышать и путы развяжи.

Ужель уснуть под холмиком зеленым
Глазам, самой природой насурьмленным?

Ужели этот юный тонкий стан
Лишь на закланье жертвенное дан?

Иль этой серебром блеснувшей груди
На вертеле дымиться иль на блюде?

Иль эти ножки, кожу снявши с них,
Сломаешь ты, как молодой тростник?

Иль спину ту, не знающую вьюка,
Предсмертная вдруг передернет мука?»

Был изумлен, испуган зверолов.
Он сунул пальцы в рот от этих слов

И отвечал: «Совет совсем не вреден,
Но ты, дружок, не знаешь, как я беден!

И как судьба несчастлива моя!
Ведь у меня детишки и семья.

Ты упрекнешь, свирепым называя,
Что по нужде я дичь не прозеваю.

Но если так жалеешь ты зверей,
Возьми живьем, но выкупи скорей».

Когда Меджнун нужду его постигнул,
Со скакуна легко тотчас же спрыгнул

И отдал зверолову скакуна —
За ланей справедливая цена.

Был счастлив зверолов, коня увел он.
Не жалостью Меджнун — любовью полон,

Целуя ланей черные глаза,
Как будто то Лейли, а не коза.

Он целовал их в память о любимой,
Молясь о жизни их неистребимой.

В капкане ланей он не задержал,
В пустыню вслед за ними побежал.

Он побежал, смиренный и вопящий,
По выжженным пескам и сам кипящий

От зноя, как котел на тагане, —
Весь в жалости, весь в гибельном огне.

Он разрывал о тернии одежды.
Уже была в вечерние одежды

Облачена нагая плоть земли.
Как волос, еле видный издали,

Он вполз в пещеру, сумраком повитый,
Как ящер от гадюки ядовитой.

Он наземь лег и слезы лил земле,
Как самоцветы, рдевшие во мгле.

И как колючка, брошенная в пламень,
Иль, как змея, взвивался он на камень,

Не спал всю ночь и слезы лил всю ночь,
Чтобы к рассвету духом изнемочь.

МЕДЖНУН ОСВОБОЖДАЕТ ОЛЕНЯ

Когда счастливым предзнаменованием
День подымал свой стяг над мирозданьем,

Когда исчезла синь ночная вся,
Вскочил мечтатель на ноги, взвился,

Как легкий дым от амбры благовонной.
Пустился в новый путь Меджнун влюбленный,

Слагая, как бывало, нежный стих,
И вот уже расселины достиг

И увидал на склоне в отдаленье
В тугих силках могучего оленя.

Над ним, дрожавшим с головы до ног,
Уже занес охотник свой клинок.

Меджнун окликнул громко зверолова,
И подбежал к нему, и молвил слово:

«Постой, мучитель слабых! Стой, тиран
Безжалостный! Стой, наноситель ран!

Прекрасного оленя ты не трогай!
Безропотно он шел своей дорогой.

Пускай хоть день ликуя проживет,
И трубным криком милую зовет,

И к логову подруги устремится,
Ведь, может быть, она уже томится,

Что ночь близка, а рядом нет самца!
И не опустишь ты пред ней лица?

О милая! Нас так же разлучают,
Такой же болью сердце отягчают.

О, горе злым разлучникам четы!
Поберегись, охотник жадный, ты,

Чтобы не стало предопределеньем:
Ему — ловцом быть, а тебе — оленем.

Но как заплатишь ты за торжество,
Что он — твой пленник, а не ты — его?»

Охотник был взволнован этой речью
И отвечал: «Я не противоречу.

Губить невинной твари не хочу,
Но плату за оленя получу:

Тебе понравилась моя добыча —
Купи ее, чужак, — таков обычай!»

Меджнун сорвал одежду и кинжал.
И торго зверолов не задержал:

Увидел он, что в барыше остался,
И со своей добычею расстался.

И, как отец к ребенку, подошел
Меджнун к оленю гордому, провел

Ладонью вдоль хребта его в тревоге,
Перевязал израненные ноги,

Погладил нежно, счистил пыль и грязь
С боков оленя и, в глаза смотрясь,

Сказал: «Ты тоже разлучен с подругой,
Вожак рогатых стад, бегун упругий,

Красавец горных пастбищ, милый брат!
Как влажные глаза твои горят,

Как ясно выражение их живое!
Так радуйся — вас скоро будет двое.

Пускай не в золотой оправе зуб,
А в раковине этих мягких губ.

А коже быть не тетивой со свистом,—
Твоей одеждой с ворсом шелковистым.

В глазах твоих целебней есть бальзам,
Но лучше не пролиться тем слезам.

Живи, широкогрудый, с мощной шеей,
Ветвись рогами, статью хорошея,

Спеши, бегун, в недалнюю страну,
Где ждет Лейли. Оповести луну,

Что я все тот же, как она хотела.
Меж нами — расстоянье без предела,

И средств общенья между нами нет,
Ничто не донесет ей мой привет,

Стрела и долететь туда не смеет.
А ветер, что ее дыханьем веет,—

О нем я не хочу и вспоминать.
Как след найти, как ветер тот догнать?

Для разума темна его дорога».
Так говорил он, повторяясь много,

Распутал узы хитрого силка,
Поцеловал оленя и, пока

Тот убегал, смотрел вослед оленю.
А зной дошел до белого каленья.

Безумец обессилел, стих шепча,
Потом стоял и таял, как свеча.

МЕДЖНУН РАЗГОВАРИВАЕТ С ВОРОНОМ

Меджнун грустит у родника. Его горестные возгласы безответны. Вдруг он видит ворона и умоляет его полететь к Лейли и подать ей весть о нем. Ворон улетает. (Эта глава — развернутый традиционный образ арабской поэзии, где ворон — символ разлуки.)

СТАРУХА ВЕДЕТ МЕДЖНУНА К ПАЛАТКЕ ЛЕЙЛИ

Однажды, чуя смутную надежду,
Пошел он к племени любимой, к Неджду,

Увидел издали жилья дымок —
Сел на краю дороги, изнемог

И так вздохнул, как будто бы влетела
Душа в его безжизненное тело.

Вдруг видит он: старуха там идет,
Она безумца дикого ведет.

Весь в путах был безумец, и как будто
Его не раздражали эти путы.

Старуха торопилась и вела
Безумца на веревке, как козла.

И стал Меджнун расспрашивать со страхом,
И заклинал старуху он Аллахом:

«Кто ты и твой попутчик кто таков,
Чем заслужил он множество оков?»

И прозвучал ответ ее короткий:
«Не узник он, не заслужил колодки.

Мы — нищие. Я — горькая вдова,
От голода бреду, едва жива,

По нищенству веду его, как зверя,
Чтоб он плясал и пел у каждой двери.

Легко нужда научит шутовству.
Так вот подачкой малой и живу.

Что соберу, поделим без обмана,
Без спора пополам на два кармана».

Меджнун едва услышал, в тот же миг
В отчаянье к ногам ее приник:

«Все это — цепь, веревки и колодки —
Мне подойдет. Я тот безумец кроткий,

Несчастный раб любви, достойный уз;
Я быть твоим товарищем берусь,

Веди меня, укрой в своем позоре
Мою любовь, мое шальное горе!

Куда угодно, нищенка, веди!
И все, что ни сберешь ты впереди,

Бери себе без всякого раздела».
Старуха на добычу поглядела

И оценила выгоду на глаз.
Немедленно от друга отреклась,

Запутала цепями и веревкой
И заковала кандалами ловко,

Колодкою сдавив его слегка,
И повела по свету новичка.

И счастлив был он ссадинам на шее.
И, от цепей как будто хорошея,

Он пел свои газели и плясал,
А если камень кто-нибудь бросал,

То он еще подпрыгивал для смеха!
Или кривлялся. Вот была потеха!

И вот однажды нищие пришли
На взгорье Неджд, к шатру самой Лейли

Тогда Меджнун воспрянул, умиленный.
Приник он, как трава, к земле зеленой

И бился головой, простершись ниц.
И хлынул дождь весенний из глазниц:

«Любимая! Смотри, как мне отраден
Зуд этих черных ран и грязных ссадин.

О, если за постыдный мой порок .
Еще не миновал возмездья срок,

По твоему благому повеленью
Казнимый, не хочу сопротивления.

На бранном поле нет моей стрелы.
Смотри! Я здесь, я жду твоей стрелы,

Простертый ниц, достойный смертной кары
За то, что наносил тебе удары.

За то, что ноги шли в песках, пыля,
Сейчас на шее у меня петля.

За то, что пальцы не держали лука,
Их скрючила такая злая мука.

За все невольно сделанное зло,
За все, за все возмездие пришло.

Не позволяй мне в унижение биться
О твой порог. Убей меня, убийца!

А если корневищами страстей
Еще я крепок,— вырви из костей

Те гвозди, что мое распяли тело.
Любить меня живым ты не хотела,

Не возложила на голову рук.
О, может быть, когда погибнет друг,

Опустишь ты мне на голову руки.
Хоть обезглавь,— что мне любые муки!

Когда свечу уродует нагар,
Обрежь фитиль — и ярче вспыхнет жар.

Раз в голове огонь моей болезни,—
Туши огонь, а голова — исчезни!»

Так он сказал и взвился, как стрела,
И сразу путы плоть разорвала.

И, испугавшись собственного горя,
Достиг он быстро Неджда и на взгорье

Бил сам себя руками по лицу.
Когда ж об этом весть дошла к отцу

И к матери,— они пошли за сыном,
Хоть им и не пристало знаться с джинном.

Увидели — и обуял их страх,
И бросили безумного в горах,

И он один остался в мирозданье,
Он шаханшах страданья, раб страданья.

И кто бы с ним в беседу ни вступал,
Он убегал или, как мертвый, спал.

ВЕНЧАНИЕ ЛЕЙЛИ

Отец сообщает Лейли об исходе второго сражения с Ноуфалем и о бегстве Медждуна в пустыню. Лейли рыдает. К ее родителям многие посылают сватов. Ибн Салам узнает об этом и приезжает к племени Лейли с богатыми дарами. Отец Лейли дает согласие на их брак. Лейли в отчаянии, но она вынуждена быть покорной. Брачный пир. Ибн Салам ее увозит.

ИБН САЛАМ ПРИВОДИТ ЛЕЙЛИ В СВОЙ ШАТЕР

Когда разбило солнце в час рассвета
Шатер в долине голубого цвета

И ночь скликала звезды в легкий челн,
Чтобы уплыть к Евфрату синих волн,—

Жених проснулся, радостный и пылкий,
Он приготовил для Лейли носилки.

И девушка вошла под паланкин,
Повез ее довольный властелин

И дома, в знак любви и благородства,
Вручил над всем добром своим господство.

Пытаясь воск учтивостью смягчать,
Он и не знал, что делать, как начать.

Но вот едва лишь дерзость в нем проснулась,
За фиником созревшим потянулась,

Едва качнул он гибкой пальмы ствол,
Как о шипы все пальцы исколол.

Так по щеке Лейли ему влепила,
«Попробуй, только тронь!» — так завопила,

Что замертво он наземь полетел.
«Тронь — и, клянусь, не уберешься цел.

Клянусь Аллахом, ибо не напрасно
Он сотворил меня такой прекрасной.

Как ни желай, не дамся нипочем,
Хоть бей меня, хоть заколи мечом!»

Муж эту клятву страшную услышал
И, радуясь, что невредимым вышел,

Решил: не будет близости меж них.
Отказу подчинился и притих,

Настойчивый, учтивый, безответный,
Повсюду рядом с ней он незаметно,

Просозерцав недели две луну,
Сам очутился у нее в плену.

Тогда решил: «Я от любви бледнею
И молча отступаю перед нею.

Уж лучше, созерцая издали,
Довольным быть, что не ушла Лейли».

А ей сказал: «Будь от меня далеко,
Будь проклят я, не перейду зарока».

И после перемирья был он рад,
Скрещая с ней, хоть и случайно, взгляд.

А роскошь сада, дева-недотрога,
Уставившись на пыльную дорогу,

Ждала, чтоб ветер, дующий до слез,
Пыль из-под ног любимого занес.

Вдруг из шатра немилого выходит,
Рыдает громко, безутешно бродит,

Вдруг побежит, как будто опьянев:
Все спуталось — печаль, и стыд, и гнев.

И горько ей и страшно, что бесславно
Все скрытое разоблачилось явно,

Но страха нет пред мужем и отцом —
Она проходит с поднятым лицом.

Когда любовь становится алмазом,
Что ей отец, что муж с его приказом!

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О ЗАМУЖЕСТВЕ ЛЕЙЛИ

Меджнун разрывает цепи и убегает от нищей старухи в пустыню. Он лежит простертый на земле. К нему подъезжает путник на верблюде и кричит ему, что Лейли вышла замуж, предала и забыла его. Он убеждает Меджнуна забыть о неверной возлюбленной. Меджнун бьется головой о камни в бурном приступе отчаяния... Тогда вестник пытается его утешить, говорит, что Лейли уже год как замужем, но все еще верна Меджнуну.

МЕДЖНУН ЖАЛУЕТСЯ МЫСЛЕННОМУ ОБРАЗУ ЛЕЙЛИ

Меджнун в мыслях обращается к образу Лейли с речью, напоминает ей об их детстве, любви, их верности, говорит, что никогда не откажется от любви к ней.

СНОВА ОТЕЦ ПРИХОДИТ К МЕДЖНУНУ

Иранец некий сказывал: отныне
Отец Меджнуна пребывал в унынье,

Напрасно тратил время, денег тьму,
Чтоб угодить больному своему.

Мой эфиопа трижды и семижды,
Но эфиопа тем не обелишь ты.

Отец уже был немощен и стар.
Он чувствовал, что близится удар

И распахнет последние ворота.
И старцу опостылела забота

И тесен показался дом родной.
Охрипла флейта горла. И струной

Ночного чанга в нем росла тревога,
Что смерть уже стучится у порога.

Тогда он посох страннический взял,
Двум отрокам собраться приказал

И вышел в путь в надежде и в веселье.
Вновь перед ним скалистые ущелья,

И зелень трав, и чахлые пески,
Кто странствует, не чувствует тоски.

Но нет нигде следов родного сына.
Вдруг кто-то рассказал, что есть трясина,

Есть ямина зловонная в парах,
Казан горючих смол, гниющий прах,

Туманом отвратительным одетый,
Обитель кары, спрятанная где-то.

И поспешил отец, не опоздал.
Он сына в страшном облике узнал!

Узнал — и сердце жить не захотело:
Пред ним нагое, высохшее тело,—

Костяк недвижимый в кожаном чехле,
Свивающийся, как змея, во мгле,—

Изгнанник ослепительного мира,
Поклонник изменившего кумира,—

Цеп, молотящий призраки и сны,—
Тончайший волос, вихрем быстрины

Носимый и зачем-то сбереженный,—
Бродячий пес, чумою зараженный,—

Котел, который выкипеть не смог,—
Воспламененный разум, сбитый с ног,—

Зверь со звериной шкурою на бедрах,—
Таким был этот одичалый отрок!

И робко подошел отец, присел,
По волосам погладить не посмел.

Два сердца, сына и отца, стучали
Родною кровью, равною печалью.

Меджнун глядит из-под усталых век,
Не понимает, что за человек,

Что за старик заботливый с ним рядом,
И он впился в отца безумным взглядом

И спрашивает: «Кто же ты такой?»
И машет тощей, слабою рукой.

И отвечает старец: «Я отец твой».
И сын тогда припоминает детство

И падает в слезах к ногам отца.
И горьким поцелуям нет конца...

Старик всмотрелся пристальней и зорче
В дитя свое, истерзанное порчей,—

И кажется отцу, что перед ним
Нагой мертвец, на Страшный суд гоним.

Тогда он из мешка одежду вынул
И на плечи дрожащему накинул

И бледный лоб закрыл ему чалмой.
«Душа моей души, любимый мой!

Не время спать! Дни мчатся, словно кони,
Друг друга нагоняют в злой погоне!

Беги от этой гибельной горы,
Где ливни смертоносны и остры,

Где молния на диких кручах блещет,
А кровь твоя из ран горючих хлещет.

Дни считанные, гол и одинок,
Побудешь здесь, но свалишься ты с ног

Добычей для стервятника иль волка.
Остерегись! Ждать гибели недолго.

Последний пес хозяйский на цепи
Счастливее изгнанника в степи.

То русло, где река текла безмолвно,
Разрушат завтра яростные волны.

А та гора, где родился поток,
Когда-нибудь расколется,— дай срок!

Будь из любого камня иль металла,
Беда нагрянет,— и тебя не стало.

Обуглился, почти дотла сгорел,
А все еще не вырос, не созрел.

Какого ты верблюда на смерть гонишь?
В каких песках непроходимых тонешь?

Мушриф казны, что див заворожил,
Ты пьявкой стал своих открытых жил.

Обрадуйся хотя бы ласке ветра,
Ведь и она обогащает щедро.

Она не лжет, слетя на миг один.
Обрадуйся хотя на миг один.

Быть может, ветерок умчится завтра,
Никто не знает, что случится завтра.

Ты жил в пустом пространстве, — отдохни.
Не надо больше странствий, — отдохни.

У пса есть дом и собственная миска,
А ты бездомен. Ты упал так низко,

Как будто бы не человек, как мы,
А бестелесный див, создание тьмы,

Иль оборотень, что по свету рыщет
И воплощенья собственного ищет.

Ты мне родной, будь также другом мне
И не хвались своим недугом мне.

Но берегись: сегодня не ответишь,
А завтра ты нигде меня не встретишь.

Я скоро свиток жизненный сверну.
Пей кубок за меня! Я отдохну.

Останься на пиру, как виночерпий.
Мой пир окончен. Солнце на ущербе.

Пыль золотит закатный путь. Пора!
Жизнь прожита. В обратный путь пора!

Но страшно мне, что буду я в дороге
И ты придешь обнять отцовы ноги,

На тленный прах рыдая упадешь,
Но отклика у праха не найдешь.

Пускай твой вздох взовется дымом чадным, —
Молчанье праха будет беспощадным.

Огонь тоски тебя испепелит, —
Но мертвый пальцем не пошевелит».

ОТВЕТ МЕДЖНУНА

«Твое дыхание — жизненная влага,
Твое суждение — жизненное благо.

Мой разум раб пред разумом отца.
И ухо жаждет рабского кольца.

Но если я так нищ и так несчастен,
То и отец спасти меня не властен.

Одной любовью движима душа,
Мир для нее не стоит и гроша.

Все, что я значу в этом мире щедром,
Все, что я знал и помнил, — смыто ветром.

В любом моем «сегодня» нет «вчера».
Не помнят дней пустые вечера.

Да, ты — отец, твое влияние знаю,
Но для чего пришел ты — я не знаю.

Не только память близких истребя,
Я позабыл и самого себя.

Влюбленный иль любимый, где я? Кто я?
Владею всем иль ничего не стою?

Едва лишь вырван был я из пелен,
Стал молнией, и сам испепелен.

Любой шалаш среди любой пустыни
Дороже мне отцовской благостыни.

На мельнице судьбы моей давно
Молчит вода, не смолото зерно...

Перед лицом природы одичалой
Где мой удел, где дней моих начало?

Мои лишенья со зверьми деля,
Я некрасив и черен, как земля.

Весь разрушение, вихрь и произвол,
Я город свой в развалинах обрел.

В твоей стране, богато населенной,
Одной травинки нет испепеленной,

Нет слова одного между письмен,
Нет одного зачатья у племен:

В ту ночь меня ты и не вызвал к жизни.
Забудь о том. Нет места укоризне,

Нет места увещанью и мольбе.
Тот дальний путь, что предстоит тебе,—

Из вас, живых, его страшится каждый,—
Но я его уже прошел однажды.

И если ты скончаешься, отец,—
Другой тебя оплачет, не мертвец».

ОТЕЦ ПРОЩАЕТСЯ С МЕДЖНУНОМ

«Дай руку, сын, прощай, пока не поздно.
Смой пыль мою хотя бы влагой слезной,

Чтоб эта влага вспомнилася мне
В последней колыбели, в смертном сне,

Чтоб я запасся для дороги дальней
Не только ношей грустной и печальной.

Здесь прихоть неуместна. Обними
Отца, как подобает меж людьми.

Прощай! Меня ты больше не увидишь.
Прощай! Один в грядущее ты выйдешь.

Прощай! Я увязал пожитки в путь —
Поторопись в глаза мне заглянуть.

Прощай! Прощай! Сейчас корабль отчалит.
Но если и прощанье не печалит

Единственного сына моего,
Тогда прощай. Кончается родство».

Так вымолвил он горько и сурово
Последнее напутственное слово,

И поспешил старик в обратный путь.
Но дома не успел он отдохнуть.

Два дня иль три, недомоганьем мучась,
Посетовал старик на злую участь.

Но смерть в засаде долго не ждала
И человечьи кончила дела.

Его душа, как из капкана птица,
Рванулась, чтобы с жизнью проститься,

И мертвый прах ушел в земную твердь,
Все исцелив, все рассудила смерть.

Наш мир — вертеп. Кто ищет в нем покоя,
Пусть не дружит с печалью и тоскою,

Пусть, как луна, свершит круговорот,
Как молния, родится и умрет.

Дом на стоянке временной непрочен,—
Не отдыхай, да и горюй не очень.

Когда селенье встретишь на пути,
Не вздумай там оседлость обрести,

Лишь тот, кто душу вынес из чертога,
Ее сохранно донесет до бога.

Подобье дива с ангельским лицом,
Мир забавляется твоим концом.

Кипят сердца в его застольной чаше,—
Всмотрись в нее: там будущее наше.

Ты на долины предъявил права,—
Всмотрись же: там, как острый нож, трава

Живи и впредь, об этом твердо зная,
В таком познание честь твоя земная.

Возрадуйся, что ярче ярких роз
Твое познание в мире разрослось.

Не будь змеей, свернувшейся в ущелье.
Да будет жизнь твоей единой целью.

Цепляйся за нее, борись за жизнь,
А кончится — спокойно откажись.

Летят века, шальные мчатся кони.
Вчитайся в длинный свиток их погони.

Прошли огнепоклонники, как сон*.
Кто из ушедших в свиток занесен?

Где племена, зарытые в пустыне?
Кто обитает на могилах ныне?

Свершай добро, не обольщайся злом.
Добро к добру привязано узлом.

Свершай добро. Оно со дна колодца
Когда-нибудь к тебе добром вернется.

Когда звучит его благая весть,
Под куполом вселенной отклик есть:

Скажи горе свой замысел заветный —
Раздастся тут же гул ее ответный.

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Однажды от охотника, что вышел
Ночной порою, брань Меджнун услышал:

«Эй ты, забывший, где живет родня,
Беспамятный, без крова, без огня!

С одной Лейли ты нянчишься, как с куклой.
Мать и отец — все для тебя потухло.

Отец и мать ничто. Да это срам!
Уж лучше бы лежал в могиле сам.

Ты сыном называться недостойн.
Пока живет отец, сынок спокоен

По глупости, по молодости лет,
Но час пришел, отца на свете нет,—

Хоть помянул бы словом над гробницей,
Сходил бы раз родному поклониться,

Хоть признак сожаленья об отце
Возник бы на дурном твоём лице!»

И тотчас в раздирающей печали
Как будто струны чанга прозвучали,—

Таким он был, сыновний первый стон.
К могиле свежей устремился он.

Он увидал отцовское надгробье
И к вязкой глине, к земляной утробе

Припал всем телом, и в потоках слез
Его шальное горе прорвалось.

Он заболел горячкой в ту же ночь.
Ему не трудно было изнемочь:

И без того всей этой жизни краткой
Хватило лишь для встречи с лихорадкой.

Но каково в душевной смуте той
Внезапно очутиться сиротой!

Так он лежал, над прахом распростёртый,
И был Меджнун ещё мертвей, чем мертвый.

«Отец мой, где ты? Где душа отца?
Не отвращай от первенца лица.

Ты предпочел существовать без сына —
Вот почему меж нас легла пучина.

А я не знал, как больно одному.
Я скоро сам уйду в такую тьму.

На помощь! О, как ты далек! На помощь!
Жизнь тлеет, словно уголек. На помощь!

Ты мой советчик, лучший друг — все ты.
Отвага сердца, сила рук — все ты.

Все, чем душа моя богата,— ты.
Благой наставник тариката — ты.

В такой дали безлюдной без тебя!
О, как идти мне трудно без тебя!

Не попрекай меня своей кончиной.
Я знаю сам, что был тому причиной.

Наездник, не объездивший коня,
Зачем ты не сумел взнуздать меня?

Я был жесток — ты кроток бесконечно.
Я злой мороз — ты жар любви сердечной.

Ты мучился, что первенца родил,—
А я кругом да около бродил.

Пушинку ты сдувал с моей постели,—
А мне и сны присниться не хотели.

Ковры стелил ты для моих пиров,—
А я забыл про милый отчий кров.

Прости, отец, молю о том усердно.
Обидел я тебя, обидел смертно».

Так он взывал, и плакал, и кричал,
И белый день слезами омрачал.

Ночь развернула черные знамена,
Склика в небо звезды поименно.

И снова зори были высоки.
И снова бил он в барабан тоски.

Алхимик-солнце эликсиром утра
Природу всю позолотило мудро.

Но прах живой над прахом мертвеца
Еще вопил, не поднимал лица.

Не только об отце, почившем ныне,—
О всей своей неслыханной судьбине,

О той любви, которой не помочь,
О юности он плакал день и ночь.

ДРУЖБА МЕДЖНУНА С ДИКИМИ ЗВЕРЯМИ

Однажды он опять явился к Неджду
И увидал на старых свитках, между

Иных письмен, что правдою влекли,
Два имени — Меджнуна и Лейли.

Два имени друг к другу жались тесно,
Он разорвал сейчас же лист чудесный,

Он милой имя ногтем соскоблил.
И некто удивился и спросил:

«Что это значит, что второе имя
Руками уничтожено твоими?»

Он отвечал: «Не нужен знак второй
Для двух влюбленных. Ведь в земле сырой

Истлеет прах — и все равно услышат,
Что двое рядом после смерти дышат».

«Зачем же соскоблил ты не себя,
А милую?» Ответил он, скорбя:

«Безумный, я — лишь кожура пустая.
Пускай во мне гнездится, прорастая,

Любимая, пусть эта кожура
Ее от глаз укроет, как чадра».

Так он сказал, и вновь ушел в пустыню,
И жил как скот, и привыкал отныне

К сухим корням и к стеблям горьких трав.
Так со зверьми он жил, как зверь, поправ

Закон людей, дикарский их обычай,
Далек от униженья и величья.

И звери с ним дружили и, дружа,
Не знали ни рогатин, ни ножа.

Лисицы, тигры, волки и олени
Шли рядом с ним иль ждали в отдаленье

Любого приказанья, как рабы.
Шах Сулейман, властитель их судьбы*,

Надменно он в своих скитаньях длинных
Шел под зонтом из мощных крыл орлиных.

Он достигал таких монарших прав,
Что подобрел звериный хищный нрав.

Не трогал волк овечки нежноокой,
Не задира лев онагра жестокий,

Собака не бросалась на осла,
И молоко пантеры лань пила.

Когда же он задремывал устало,
Хвостом лисица землю подметала,

Ложилась кротко лань у пыльных ног,
А прислониться он к онагру мог

И голову клонил к бедру оленя.
И падал лев пред спящим на колени.

Оруженосец верный и слуга,
Коварный волк, чтоб отогнать врага,

Глаз не смыкал, всю ночь протяжно воя,
А леопард, рожденный для разбоя,

Отвергнул родовое естество.
Так все бродяги жили вокруг него,

Построясь в боевом порядке станом,
В общенье с ним живом и неустанном.

И, встретив эту стражу на пути,
Никто не смел к Меджнуну подойти —

Разорван был бы хищниками тотчас.
Глаза в глаза, на нем сосредоточась,

Пускали звери в свой опасный круг
Лишь тех, кто был Меджнуну добрый друг.

Учась у повелителя прилежно,
Таких гостей они встречали нежно.

С такою паствой жил он, как пастух,
Утешился его смятенный дух,

Доверясь этой первобытной мощи.
Он становился все смелей и проще,

И люди удивлялись дружбе той,
Звериной свите, смелой и простой.

И где бы ни был юноша влюбленный,
Он шел сюда, к пустыне отдаленной,

Чтоб на Меджнуна хоть разок взглянуть.
Паломник, совершая длинный путь,

Стоянку разбивал с Меджнуном рядом.
И стало для паломников обрядом

Делить с Меджнуном бедный свой обед,
Чтоб услышать любви его обет.

И, съев крупицу из дареной доли,
Он все бросал зверям по доброй воле.

Так он кормил их летом и весной
И получал от них поклон земной,

Кормилец их, дающий хлеб насущный.
И рос и рос его отряд послушный,

Привыкли к рабству звери без числа.
Вся вольница их в челядь перешла.

Поклонник Зороастра, маг приучит
К подачкам пса — и пес, как кот, мяучит*

ПРИТЧА

В Мерве был царь, который осужденных им на смерть бросал своре разъяренных псов. У царя был приближенный юноша, которого он очень любил. Однако юноша не очень доверял царской любви. Поэтому он тайно сдружился с царскими псарями и начал каждый день приходить на псарню кормить собак. Случилось то, чего он ожидал: царь разгневался и велел бросить его псам. Но те знали юношу и только ласкались к нему. На следующее утро царь стал раскаиваться и послал посмотреть, что случилось с юношей. Псарь доложил, что это, наверное, не человек, а ангел — собаки его не тронули. Царь поспешил убедиться сам и спросил у юноши, как это случилось. Тот объяснил и прибавил: «Десять лет я служил тебе — и вот мне награда! Собаки же добро помнят лучше и оценили мои старания». Царь раскаялся и прекратил свои жестокие расправы. Мораль притчи: сделанные человеком благодеяния — ограда его жизни.

МЕДЖНУН ВЗЫВАЕТ К НЕБУ

Глава начинается с описания ночи и звездного неба. Меджнун смотрит на звезды и планеты и начинает беседовать с ними. Он обращается к Венере, Юпитеру. Но планеты двигаются по небу, заходят. Меджнун понимает, что от них нельзя ждать помощи, и обращается к богу, моля дать хоть какой-нибудь просвет в окружающей его темной ночи. В молитвах он засыпает.

МЕДЖНУН ПОЛУЧАЕТ ПОСЛАНИЕ ОТ ЛЕЙЛИ

Глава начинается с описания дня. Меджнун сидит на горе, окруженный дикими зверями. Подъезжает всадник. Меджнун приказывает зверям лечь и идет к нему. Тот рассказывает, что видел Лейли и говорил с ней. Она тоскует по Меджнуну, и ей даже тяжелее, чем ему, хотя горе его и велико, но все же он — мужчина. Она хочет бежать от мужа, но боится позора. Всадник говорит, что, увидев верность Лейли, он рассказал ей все, что ему было известно о Меджнуне. Она просила передать письмо, вот оно... Меджнун — в припадке исступленной радости.

ПИСЬМО ЛЕЙЛИ МЕДЖНУНУ

Когда он развязал письмо Лейли,
Вот что в письме глаза его прочли:

«Во имя вседержителя, чья сила,
Врачуя разум, душу воскресила,

Мудрейшего из мудрых, кто знаком
И с тварей бессловесных языком,

Кто птиц и рыб в своей деснице держит
И семя звезд в ночное небо вержет,

На землю человека ниспослав.
Он есть предвечный обладатель слав,

Он вечно жив и беззакатно ярок,
Вручил он душу каждому в подарок

И целый мир,— возможно ль больше дать,
Чем эта световая благодать,—

Сокровище его благой порфиры?»
Рассыпав так смарагды и сапфиры,

Лейли затем писала о любви:
«Страдалец! Пусть утрет глаза твои

Мой нежный шелк — слова, что я слагаю.
Я, как в тюрьме, одна изнемогаю,

А ты живешь на воле, мой дружок,
Ты клетку позолоченную сжег.

Благой источник Хызра в царстве горя*,
Пусть кровь твоя окрасила нагорья,

В расселины ушла, как сердолик,
К моей свече ты мотыльком приник,

Из-за тебя война пришла на землю,
А ты, онаграм и оленям внемля,

Мишень моих упреков и похвал,
Ты собственное тело разорвал

И пламенем закутался багровым.
А помнишь ли, когда ты был здоровым,

Ты в верности мне вечной поклялся.
Из уст в уста шла повесть наша вся.

Я клятве ранней той не изменяю,
А ты не изменил еще? — не знаю.

Где ты теперь? Чем занят? Чем храним?
Чем увлечен? А я — тобой одним.

Мой муж — я не чета ему, не пара.
Замужество мое — как злая кара.

Я рядом с ним на ложе не спала,
И, сломленная горем, я цела.

Пусть раковину море похоронит,
Ничем алмаз жемчужины не тронет.

Никто печати с клада не сорвет,
Бутона в гуще сада не сорвет.

А муж — пусть он грозит, смеется, плачет!
Когда я без тебя — что он мне значит?

Пускай растет, как лилия, чеснок,
Но из него не вырастет цветок.

Ты ждешь меня. Я бы хотела тоже
С тобой одним шатер делить и ложе.

Но раз с тобою вместе жить нельзя —
Моя ль вина, что я такая вся?

Твой каждый волосок — моя святыня.
Твоя стоянка и твоя пустыня —

Они мой сад, цветущий без конца.
Узнав о смерти твоего отца,

Разорвала я саван и вопила,
Лицо себе царапала и била,

Как будто это умер мой отец.
Так весь обряд исполнив, под конец

Я лишь к тебе прийти не захотела.
Ну что ж, пускай в разлуке гибнет тело,

Зато с тобой душа моя всегда.
Я знаю — велика твоя беда.

В одном терпенье вся твоя награда.
А я, поверь, минуте краткой рада.

На зимней ветке почка спит, мертва,
Придет весна — распустится листва.

Не плачь, когда быть одиноким больно.
А я — ничто. Я близко — и довольно.

Не плачь, что в одиночестве убог.
Запомни: одиноким близок бог.

Не плачь и об отце своем. Рассейся,
Дождями слез, как облако, не лейся.

Отец в земле, над сыном — солнца свет.
Разбита копь — сверкает самоцвет».

Меджнун, когда он прочитал посланье,
Был как бутон, раскрывшийся в пыланье

Торжественной полуденной земли.
Он только и сказал: «Лейли, Лейли,

Лейли, Лейли» — и плакал безутешно.
Затем пришел в себя и стал поспешно

Посланнику он ноги лобызать,
И долго ничего не мог сказать,

Как будто не владел людскою речью.
И вдруг воскликнул: «Как же я отвечу,

Когда нет ни бумаги, ни пера!»
Но ведь смекалка у гонцов быстра.

И посланный, раскрыв ларец дорожный,
Вручил перо Меджнуну осторожно.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО МЕДЖНУНА

Вступление к письму, его начало
Благоговейным гимном прозвучало:

«Во имя вседержителя-творца,
Кто движет все светила и сердца,

Кто никогда ни с кем не будет равным,
Кто в скрытом прозревает, как и в явном,

Кто гонит тьму и раздувает свет,
Кто блеском одевает самоцвет,

Кто утолил любую страсть и жажду,
Кем укреплен нуждающийся каждый».

Затем писал он о любви своей,
О вечном пламени в крови своей:

«Пишу я, обреченный на лишенья,—
Тебе, всех дум и дел моих решение.

Не так, ошибся: я, чья кровь кипит,—
Тебе, чья кровь младенческая спит.

У ног твоих простерт я безнадежно,
А ты другого обнимаешь нежно.

Не жалуюсь, переношу я боль,
Чтоб облегчила ты чужую боль.

Твоя краса — моих молений Кааба,
Шатровая завеса — сень михраба.

Моя болезнь, но также и бальзам,
Хрустальный кубок всем моим слезам.

Сокровище в руке чужой и вражьей,
А предо мной одна змея на страже.

О, сад Ирема, где иссох ручей!
О, рай, незримый ни для чьих очей!

Ключи от подземелья — у тебя.
Мое хмельное зелье — у тебя.

Так приголубь, незримая,— я прах.
Темницу озари мою,— я прах.

Ты, скрывшаяся под крылом другого,
По доброй воле шла на подлый сговор.

Где искренность, где ранний твой обет?
Он там, где свиток всех обид и бед!

Нет между нами лада двух созвучий,
Но есть клеймо моей неволи жгучей.

Нет равенства меж нами,— рабство лишь!
Так другу ты существовать велишь.

Когда же наконец, скажи, когда
Меж нами рухнут стены лжи,— когда

Луна, терзаемая беззаконно,
Избегнет лютой нежности дракона,

И узница забудет мрак темницы,
И сторож будет сброшен с той бойницы?

Но нет! Пускай я сломан пополам!
Пускай пребудет в здравье Ибн Салам!

Пускай он щедрый, ласковый, речистый,—
Но в раковине спрятан жемчуг чистый!

Но завитки кудрей твоих — кольцо,
Навек заколдовавшее лицо!

Но, глаз твоих не повидав ни разу,
Я все-таки храню тебя от сглаза.

Но если мошка над тобой жужжит,
Мне кажется, что коршун злой кружит.

Я — одержимость, что тебе не снилась,
Я — смута, что тебе не разъяснилась,

Я — сущность, разобщенная с тобой,
Самозабвенье выси голубой.

А та любовь, что требует свиданья,
Дешевле на базаре мирозданья.

Любовь моя — погибнуть от любви,
Пылать в огне, в запекшейся крови.

Бальзама нет для моего леченья.
Но ты жива — и, значит, нет мученья».

СЕЛИМ ИЗ ПЛЕМЕНИ АМИР ПРИЕЗЖАЕТ НАВЕСТИТЬ МЕДЖНУНА

Дядя Меджнуна Селим из года в год заботится о нем и раз в месяц привозит ему пищу и одежду. Однажды он разыскал Меджнуна и, боясь зверей, издали приветствовал его. Меджнун узнал его и подозвал. Селим надел на него привезенное платье и достал пищу. Но Меджнун не стал ничего есть и все отдал зверям. Селим удивился и спросил, чем же он жив. Меджнун отвечает, что его пища — трава. Селим одобряет это и рассказывает притчу.

ПРИТЧА СЕЛИМА

Однажды некий царь проезжал мимо обители отшельника. Увидев его жалкое жилище, шах был поражен и отправил к нему приближенного спросить, чем он живет в этой пустыне. Отшельник показал приближенному растертую траву — это его пища. Приближенный презрительно сказал: «Иди на службу к нашему царю, и ты избавишься от необходимости питаться травой». Отшельник ответил: «Если ты приучишься есть эту траву, то перестанешь служить царям». Меджнуна этот рассказ порадовал. Он стал расспрашивать Селима о друзьях и родных. Речь зашла и о матери Меджнуна. Селим отправляется за ней и привозит ее к Меджуну.

СВИДАНИЕ С МАТЕРЬЮ

Лишь издали на сына поглядела,
Лишь поняла, как страшен облик тела,

Как помутилось зеркало чела,—
Вонзилась в мать алмазная стрела,

И ноги онемели на мгновенье.
И вот уже она в самозабвенье

Омыла сына влагой жгучих слез,
Расчесывает дикий ад волос

И, каждый волосок его голубя,
Ощупывает ссадины и струпья,

Стирает пыль и пот с его лица
И гладит вновь, ласкает без конца,

Из бедных ног колючки вынимая
И без конца страдальца обнимая,

Мать шепчет: «Мой сынок, зачем же ты
Бежишь от жизни для пустой мечты?»

Уже числа нет нашим смертным ранам,
А ты все в том же опьяненье странном.

Уже уснул в сырой земле отец,
Уже не за горами мой конец.

Встань, и пойдем домой, пока не поздно.
И птицы на ночь прилетают в гнезда,

И звери на ночь приползают в дом.
А ты, бессонный, в рубище худом,

В ущелье диком, в логове змеином,
Считаешь жизнь людскую веком длинным,—

А между тем она короче дня.
Встань, успокойся, выслушай меня.

Не камень сердце, не железо тело.
Вот все, что я сказать тебе хотела».

Меджнун взвился, как огненный язык.
«Мать! Я от трезвых доводов отвык.

Поверь, что не виновен я нисколько
Ни в участи своей, ни в жизни горькой.

Не приведут усилья ни к чему.
Я сам себя швырнул навеки в тьму.

Я так люблю, что не бегу от боли,
Я поднял ношу не по доброй воле».

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О СМЕРТИ МАТЕРИ

Меджнун бродит по горам, распевая стихи. К нему снова приезжает Селим, привозит одежду и пищу и сообщает о смерти матери Меджнуна. Меджнун идет на могилу родителей и рыдает над ней. На его стоны собирается вся родня. Они хотят увести Меджнуна в дом, но он вырывается и убегает в горы. Низами заключает главу рассуждениями о краткости жизни и о том, что не нужно ни от кого зависеть.

ЛЕЙЛИ ПРИЗЫВАЕТ МЕДЖНУНА

Лейли? — Да нет! То узница в темнице.
И все-то ей мерещится и мнится,

Что где-то между милых строк письма
Надежда есть, сводящая с ума.

А муж стоит на страже дни и ночи,
Следит, и ждет, и не смыкает очи.

У самой двери тщетно сторожит,
Видать, боится, что Лейли сбежит.

И что ни день, готов из состраданья
Отдать ей жизнь, не поскупиться данью.

Но мрачно, молчаливо и мертво
Сидит жена, не глядя на него.

И удалось однажды ускользнуть ей
От зорких глаз и выйти на распутье:

Быть может, тот прохожий иль иной
О милом весть прослышал стороной.

Так и случилось. Встретился, по счастью,
Ей странник-старичок, знаток по части

Всесветных слухов и чужих вестей.
Он сообщил красноречиво ей,

Что пламя в сердце друга, в сердце страстном —
Как бушеванье волн на море Красном,

Что брошен он в колодезь, как Юсуф*,
Что бродит до рассвета, не уснув,

И в странствиях «Лейли, Лейли!» вопит он.
И для него весь мир Лейли пропитан,

И кара и прощение — Лейли,
И всех дорог скрещение — Лейли.

«Я та Лейли,— в ответ она вскричала,—
Я жизнь его годами омрачала,

Из-за меня он теплился и гас.
Но есть, однако, разница меж нас:

К вершинам гор ведет его дорога.
А я — раба домашнего порога».

И, вынув серьги из ушей, Лейли
Швырнула дар прохожему: «Внемли!

Не откажись за жемчуг мой от службы!
Ступай к нему, найди предлог для дружбы

И в наши приведи его края,
Чтобы на друга поглядела я,

Оставь его в любом укромном месте.
Все может быть. Сюда приходят вести

О сложенных им песнях. Может быть,
Он не успел и старые забыть.

А может быть, еще другие сложит
И дальше жить мне песнями поможет».

И полетел, как вихрь, ее гонец
По людным рынкам, по краям безлюдным

И встретился в ущельях наконец
Он со страдальцем этим безрассудным.

Вкруг хищники рычат, разозлены,
Как стражники неслитанной казны.

Меджнун тотчас же к старцу обернулся,
И, как дитя к родному, потянулся,

И на зверей прикрикнул, и зверье
Смирило сразу бешенство свое.

И странник, не жалея красноречья,
Упрашивал безумного о встрече,

Привет Лейли ему передавал
И между извинений и похвал

Так говорил: «Споешь ей две газели,
Чтоб воскресить минувшее веселье.

Есть пальмовая роща в той стране.
Она — как память о твоей весне.

В той заросли, зеленой и прохладной,
Ты встретишься с подругой ненаглядной.

Там все ключи от ваших дум и дел».
И на Меджнуна платье он надел,

Своих пожитков развязавши ворох,
И снова не скупился в уговорах.

Но и Меджнун безропотно вскочил,
Старательному старцу облегчил

Благие сборы к спешному возврату.
И, как стремится жаждущий к Евфрату,

Еще нетерпеливей и быстрее
Спешит Меджнун со свитою зверей.

Всего лишь шаг до цели остается.
Послушен жребий. Дело удастся.

Достигли рощи пальмовой они.
Безумный ждет в прохладе и тени.

И вот гонец встал у шатровой двери,
И оповещена и мчится пери:

Там, в десяти шагах, ее любовь!
Но сразу в ней остановилась кровь.

«Нет! — говорит, и вся затрепетала.—
Нет, невозможно! Сил моих не стало.

Как быстро тает бедная свеча!
Ступлю я шаг — и гасну, трепеща.

Нет, нет! Идти к нему — идти на гибель.
Сюда он для богохуленья прибыл.

Я знаю, как он грешен и речист.
Пускай же свиток остается чист.

Пускай, представ пред судиею высшим,
Ни слова мы на свитке не напишем,

Не зная срама за дела свои.
В том совершенство истинной любви».

Гонец, к Меджнуну возвратившись снова,
Нашел почти в беспамятстве больного,

В прохладе пальм простертого без сил.
Старик его слезами оросил.

Тот, постепенно приходя в сознание,
Не вспомнил, что обещано свидание,

И, выпрямиться толком не успев,
Уже слагал он сладостный напев.

ПЕСНЯ МЕДЖНУНА

«Где ты? Где я? О том не знаю,
Чья ты? Ничья? О том не знаю.

Взял только песню в дальний путь.
Во имя бога — не забудь!

За ворох бед я душу продал,
Шелка за грязный ворох отдал,

Зато не стал ничьим рабом
И в горе радуюсь любом.

Повсюду зван в друзья и в гости.
Не надо мне игровой кости,

Не надо зрителей вокруг —
Дивить их ловкостью рук.

Не надо мне коня в дороге.
Печаль несет меня в дороге.

Но не печальна та печаль.
Где ты? Не знаю — и не жаль.

Как я ни медленно кочую,
Но на стоянках не ночую.

И скоро знак мне будет дан,—
Ударю в смертный барабан.

Не говори мне «доброй ночи».
Раз нет зари — нет доброй ночи:

Не приходя, ушла навек,
Так и не тронув сонных век.

С твоим приходом я в разладе,
С твоей душой моя в разладе,

Из тела выйти ей пора,—
Тогда ты выйдешь из шатра.

Но ты и я — едины оба.
И нам достаточно до гроба

Двух тел для сердца одного.
Да будет свято их родство!

Одним лучом рассветным брызни,
И проживу я сотню жизней.

Как вслед за утром белый день,
Мы вечно рядом — с тенью тень.

Нас две стрелы смертельных ранят.
На двух монетах нас чеканят.

Но разницы меж нами нет:
Века сотрут чекан монет.

Я ослеплен в твоём сиянье.
Но на далеком расстоянии

Я гибну, с тленьем не борясь,—
Башмак, с ноги упавший в грязь.

Я — войско, мчащееся к бою,
Когда-то послан был тобою,

И вот в погоне до сих пор,
Трубя в рога, скликаю сбор.

Весна в дождях несносных плачет,
Меджнун о ранних веснах плачет.

Ночь в лунных славится лучах.
Меджнун живет в твоих очах.

Я — черный раб, индус на страже*,
Ты — пальма в солнечном мираже.

Я — опьяненный соловей,
В слезах над розою своей.

О, если бы не в отдаленье
Со мной делила ты томленье,

И в лунной пламенной тени
Мы — ты и я — вдвоем, одни,

Щека к щеке прижались нежно,
Глаза в глаза впились прилежно,

И в лунном пламенном плену
Тебя я тронул, как струну!

И кольца кос твоих ласкал бы,
И влажных губ твоих искал бы,

Пылал огнем и вновь желал,
И в скалах прятал, словно лал.

Не в одиночестве печальном,
Но на пиру твоём венчальном

Я пил бы сладкое вино.
Оно в раю разрешено».

Так спел Меджнун и вновь бежал в пустыню,
Без благодарности, без благостыни.

И та, кто тайно слушала, в слезах
Ушла назад, привета не сказав.

САЛАМ ИЗ БАГДАДА ЗНАКОМИТСЯ С МЕДЖНУНОМ

В Багдаде живет знатный юноша по имени Салам, испытавший много невзгод из-за любви. Рассказы о любви Кейса распространяются повсюду, всюду поют его грустные любовные стихи. Салам слышит эти стихи и решает пойти повидать Меджнуна. Несчастный, увидев Салама, позволяет ему подойти. На вопрос о том, зачем он пришел, Салам отвечает, что хочет запомнить все стихи Меджнуна. Салам пытается утешить Меджнуна — он сам тоже испытал много горя от любви. Тот упрекает его и просит не считать его обычным влюбленным: Меджнун — «шаханшах любви», любовь — его сущность... Салам и Меджнун живут вместе в пустыне. Каждую строку, сложенную Меджнуном, Салам запоминает. Когда продовольствие, взятое с собой Саламом, пришло к концу, ему пришлось покинуть Меджнуна. Салам вернулся в Багдад и привез туда стихи Меджнуна.

О ВЕЛИЧИИ ДУХА И НЕПОРОЧНОСТИ МЕДЖНУНА

Низами просит не считать Меджнуна обычным безумцем — ведь не каждый безумец слагает стихи, подобные жемчугу. Его возлюбленная — лишь повод пойти по пути к духовному совершенству; он никогда не искал сближения с ней, чтобы сохранить совершенство духовной любви. (Эту главу иногда считают интерполяцией, не принадлежащей перу Низами.)

РАССКАЗ О ЛЮБВИ ЗЕЙДА И ЗЕЙНАБ

Во времена Меджнуна был другой влюбленный безумец, чистый душой, слагавший стихи, по имени Зейд. Он любил свою двоюродную сестру. Зейд был беден, родители Зейнаб — богаты. Зейд посватался к Зейнаб и получил отказ. В горе он слагал стихи. Зейнаб держат взаперти, потом отдают замуж за богатого. Зейд, подобно Меджнуну, приходит в безумное отчаяние, его заковывают в цепи, друзья его покидают. Лейли узнает об этом, призывает Зейда к себе, угощает. Зейд передает послание Лейли Меджнуну, записывает стихи Меджнуна и отвозит их Лейли. Зейд, читая стихи Меджнуна, спрашивает его, в чем же его безумие. Ни один разумный таких стихов не слагал. Зейд уговаривает Меджнуна хотя бы принимать обычную пищу — сам он тоже в горе, но может есть. Меджнун просит его не говорить лишних слов. Его безумие — не одержимость злыми духами, а милость Аллаха. Это чувствуют даже дикие звери, окружающие Меджнуна. Он — не пленник «в колодце тела», его душа вечна. Он не жалуется на свою судьбу, ведь нет лучшего жребия... Зейд молчит, пораженный глубиной речей Меджнуна. С тех пор он был лишь посредником между Лейли и Меджнуном и не пытался больше говорить с ним. (Эту главу также считают иногда интерполяцией, однако она, как и предыдущая, имеется во всех рукописях пяти поэм Низами.)

СМЕРТЬ ИБН САЛАМА

Лейли продолжает терзаться тоской, хотя и скрывает это от мужа. Тот все же видит ее страдания. Постоянная тревога о любимой жене подтачивает его здоровье. У него началась лихорадка. Он слег и более не встал... Следуют назидательные строки о бренности жизни. Лейли делает вид, что оплакивает мужа, на самом деле она плачет о Меджнуне. По обычаю арабов, жена после смерти мужа должна два года не выходить из дома, ни с кем не видаться. Под этим предлогом Лейли уединяется и дает волю своей скорби.

ЗЕЙД ИЗВЕЩАЕТ МЕДЖНУНА О СМЕРТИ МУЖА ЛЕЙЛИ

Зейд скорбит в разлуке с Зейнаб. Родные решают ему помочь и устраивают влюбленным тайное свидание. Зейд и Зейнаб остаются целомудренными, они лишь молятся вместе... Самое главное в жизни, говорит Низами, оставить после себя доброе имя... Зейд узнает о смерти Ибн Салама и спешит с этой вестью к Меджнуну. Тот то пляшет от радости, то скорбит, вспоминая о неизбежности смерти. Неделью Меджнун ведет мудрые беседы с Зейдом, затем Зейд возвращается домой.

ЛЕЙЛИ МОЛИТСЯ ВСЕВЫШНЕМУ

Тяжкая темная ночь. Лейли одна, она рыдает. Она молит бога приблизить утро.

СВИДАНИЕ ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУНА

Наступает утро, Лейли, обманув сторожащих ее, не боясь отца и матери, выходит на улицу. Она ищет пути к возлюбленному. Появляется Зейд. Лейли просит его отвести ее к Меджнуну. Зейд идет к нему с радостной вестью. Меджнун счастлив. Он совершает омовение, молится, надевает принесенные Зейдом одежды и отправляется в путь, распевая стихи. Звери идут за ним... Лейли разбивает в степи шатер. Меджнун приближается. Лейли, не боясь зверей, выбегает к нему навстречу из шатра и без чувств падает к его ногам. Меджнун тоже падает перед ней без памяти на землю. Звери окружают их и охраняют. Приходит Зейд и приводит влюбленных в чувство розовой водой. Лейли ведет Меджнуна в шатер. Зейд со зверями сторожит их. Любовь Лейли и Меджнуна, говорит Низами, была истинной, не загрязненной похотью и посторонней целью — даже звери покорились влюбленным... Лейли и Меджнун в супружеских объятиях. Они не разлучаются сутки, все время теряя сознание. Лейли спрашивает Меджнуна, почему он молчит, почему не говорит стихи, как обычно. Меджнун, рыдая, говорит о том, что он обрел Лейли, но потерял себя, он — лишь тень Лейли. Теперь нет уже «я» и «ты», подобно тому, как в вере Меджнуна бог — един. Далее идет ряд метафор, говорящих о высшем духовном единстве Лейли и Меджнуна. Лейли начинает снова ласкать возлюбленного. Он впадает в экстаз, разрывает на себе одежды, испускает вопль и убегает в пустыню, распевая стихи. Зейд следует за ним и запоминает их. Глава завершается стихами о чистой истинной любви, стремящейся к разлуке. Когда любовь достигает такого совершенства, заключает главу Низами, она приносит доброе имя. (Последние три главы также считают интерполяцией.)

О ТОМ, КАК НАСТУПИЛА ОСЕНЬ И УМИРАЛА ЛЕЙЛИ

Так повелось, что если болен сад,—
Кровавых листьев слезы моросят,

Как будто веток зрелое здоровье
Подорвано и истекает кровью.

Прохладна фляга скованной воды.
Желты лицом, осунулись сады.

А может быть, на них совсем лица нет.
Лист золотой, но скоро пеплом станет.

Цветы пожитки чахлые свернули,
В кочевье караваном потянули.

А там, под ветром, на дороге той
Пыль завилась, как локон золотой.

Простим сады за то, что в опасенье
Осенней стужи, гибели осенней,

Бросают за борт кладь былой весны.
Изнеженные, как они больны!

Пьянеют лозы в сладостном веселье.
Садовник их срезает, чтоб висели,

Как головы казненных удальцов
На частоколе башенных зубцов.

И яблоко, вниз головой вися,
Кричит гранату: «Что не сорвался?»

Гранат, как печень треснувшая, страшен.
Он источает сок кровавых брашен.

Так осенью израненный цветник
На бранном поле замертво поник.

Лейли с престола юности цветущей
Сошла в темницу немощи гнетущей.

Кто сглазил молодой ее расцвет?
Кто погасил ее лампы свет?

Повязку золотую головную
Зачем Лейли сменила на иную?

И тело, в лен сквозной облечено,
Зачем само сквозит, как полотно?

Жар лихорадки тело разрушает,
Сыпь лихорадки тело украшает.

Лейли открыла матери, как друг,
Смертельный свой и тайный свой недуг.

«О мать! Что делать? Смертный час
объявлен.
Детеныш лани молоком отравлен.

В кочевье тянет караван души.
Не упрекай за слабость, не греси.

Моя любовь? — нет, кровь на черной ране.
Моя судьба? — не жизнь, а умирание

Немая тайна так была нема,
И вот печаль достигла уст сама.

И так как с уст уже душа слетает,
Пускай тихонько медленно растает

Завеса тайны. Если ты стара,
Прости мне, мать! А мне и в путь пора.

Еще раз обними меня за плечи.
Прости, прощай! А мне пора далече.

Вручаю небу душу оттого,
Что друга не встречала своего.

Сурьмой мне станет пыль его дороги,
Моим индиго — плач его тревоги,

Моим бальзамом — слез его бальзам.
О, только бы он волю дал слезам!

И я вздохну тогда еще раз тайно
Над ним в благоуханье розы чайной

И камфоры. А ты мне саван дай,
Как для шахида, кровью пропитай

Льняной покров. Пускай не траур мрачный
Тот будет день, а праздник новобрачной.

Пускай невестой, не прервавшей сна,
Навек земле я буду предана.

Когда дойдут к скитальцу злые вести,
Что суждено скитаться и невесте,

Я знаю — он придет сюда рыдать,
Носилки с милым прахом увидеть.

Он припадет в тоске к их изголовью,
Над горстью праха, что звалась любовью.

Сам бедный прах, он страшно завопит
Из состраданья к той, что сладко спит.

Он друг, он удивительно мне дорог.
Люби его без всяких отговорок!

Как можно лучше, мать, его прими,
Косым, враждебным взглядом не томи,

Найди в бездомном нищем человеке
То сердце, что теряешь ты навеки,

И эту повесть расскажи ему:
Твоя Лейли ушла скитаться в тьму.

Там, под землей, под этим низким кровом,
Полны тобой опять ее мечты.

На переправе на мосту суровом
Она высматривает: где же ты?

И оборачивается в рыданье,
И ждет тебя, и ждет тебя она.

Освободи ее от ожидания
В объятьях с ней, в сокровищнице сна».

Сказавши все и кончив эту повесть,
Лейли рыдала, в дальний путь готовясь,

И с именем любимым на устах
Скончалась быстро, господу представ.

Мать на нее как всмотрится, как взглянет,—
Ей кажется, что Страшный суд нагрянет.

Срывала с головы седой чадру
И растрепала кудри на ветру.

Вопила, чтобы смерть переупрямить,
Все причитанья, что пришли на память,

По-старчески, склонившись к молодой,
Ее кропила мертвою водой.

Лежало тело дочери в бальзаме
Живой любви, омытое слезами.

И стон такой последний раздался,
Как будто то стонали небеса.

Старуха же в отчаянье великом
Над камнем мертвой крови, сердоликом,

Все сделала, что приказала дочь.
И, проводив ее навеки в ночь,

Не жаловалась больше на кончину,
Не ужасалась, что ушла из глаз

Жемчужина в родимую пучину.
О жемчуге забота улеглась.

ЗЕЙД ПРИНОСИТ МЕДЖНУНУ ВЕСТЬ О СМЕРТИ ЛЕЙЛИ

Зейд узнает о смерти Лейли, рыдая, надевает траурные одежды и идет к Меджнуну. Он сообщает ему горестную весть. Меджнун падает без чувств, словно сраженный молнией. Придя в себя, он обращает к небу упреки в жестокости, затем спешит к могиле Лейли. Зейд следует за ним. Придя на могилу, Меджнун бьется в рыданиях (предположительно — интерполяция).

ПЛАЧ МЕДЖНУНА О СМЕРТИ ЛЕЙЛИ

«О роза! Ты увяла раньше срока,
Дитя, едва раскрыв глаза широко,

Закрыла их и крепко спишь в земле.
Шепни мне, как очнулась там, во мгле.

Где родинка на круглом подбородке,
Где черный глаз, где глаз газели кроткой?

Что потускнел смарагд горячих уст?
Что аромат волос уже не густ?

Для чьих очей твое очарованье,
Кто твой попутчик в дальнем караване,

По берегам какой реки спеша,
Не кончила ты пиршества, душа?

Но как ты дышишь в подземельях ночи?
Там только змей мерцают злые очи,

Гнездиться только змеи там вольны,
Не место там для молодой луны.

Иль, может быть, как клад, ушла ты в землю.
И я твоей подземной тайне внемлю

И, как змея, пришел тебя стеречь,
Чтобы, клубком свернувшись, рядом лечь.

Ты, как песок, взвивалась легче ветра,
И, как вода, ушла спокойно в недра,

И, как луна, земле теперь чужда,—
Что ж, так с луной случается всегда.

Но, ставши от меня такой далекой,
Ты стала всей моею подоплекой.

Совсем ушла, совсем ушла из глаз,
Но заново для сердца родилась.

Должно истлеть твое изображение,
Чтоб вечно жить в моем воображении!»

Сказал, и руки заломил, и вдруг
Затрепетал, сломав браслеты рук,

Со сворой всех зверей ушел оттуда,
И танцевал, и гнал вперед верблюда,

Мешая слезы горькие с песком,
О камень бился огненным виском...

Но захотел он быть поближе к милой,
И с гор его потоком устремило

К могиле, где покоится Лейли.
Он подошел, склонился до земли,

И вся от слез могила стала влажной.
И хищники вокруг уселись важно,

Глаз не сводя внимательных с него.
И стало вдруг безлюдно и мертво,

И путник проходил возможно реже
Дорогой той, недавно лишь проезжей.

Так буйствуя, печалась и губя,
Он истязал и разрушал себя.

Так два-три дня провел он, горько плача.
Уж лучше смерть, чем жизнь его собачья!

И так он обессилел и устал,
Что книги жизни сам не дочитал.

САЛАМ ИЗ БАГДАДА СНОВА ПРИХОДИТ К МЕДЖНУНУ

Салам с великим трудом разыскивает Меджнуна. Меджнун спрашивает его, зачем он пришел. Салам отвечает, что хочет слышать его прекрасные стихи. Меджнун, рыдая, говорит о смерти Лейли. Салам остается с Меджнуном несколько месяцев и записывает его стихи, потом уезжает в Багдад.

СМЕРТЬ МЕДЖНУНА

Ладья его тонула в темных водах.
Да, наконец-то обретал он отдых!..

Размолотый на мельнице судьбы,
Он напоследок взвиться на дыбы,

Встать на ноги, разрубленный, пытался,
Но, как змея, с обрубком не срастался.

Закрыв глаза, к нагой земле прильнув,
Он молвил, руки к небу протянув:

«Внемли, создатель всех земных созданий,
Освободи мне душу от страданий,

Соедини с любимой женой
И воскреси изгнаньем в мир иной».

Так он сказал, могилу обнял нежно,
Всем телом к ней прижался безмятежно.

Сказал: «Жена!» — и перестал дышать.
Теперь ему осталось не сплоскать

На той последней темной переправе,
Что миновать никто из нас не вправе.

О ты, сидящий крепко на земле,
Под крепким кровом в неге и тепле!

Вставай, не спи! Жилье твоё непрочное,
Должна река разлиться в час урочный,

И рухнет каждый мост когда-нибудь.
Встань, не зевай! Гони верблюда в путь!

Земля есть прах. Расстанься с нею быстро.
Душа твоя истлеет малой искрой.

Без сожаленья растопчи свой сан,
Незнатным ты предстанешь к небесам.

Заранее мертво, что не навеки,
Не обожай того, что не навеки!

ПЛЕМЯ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О ЕГО СМЕРТИ

Так на могиле милой он лежал,
И весь огонь с лица его сбежал.

Так целый месяц тлел он на могиле
Иль целый год (иные говорили).

Не отходили звери ни на шаг
От мертвого. И спал он, словно шах

В носилках крытых. И охраной мощной
Вокруг стояли звери еженощно,

И кладбище травой заросло,
Сынам пустыни логово дало.

И, сторонясь встречаться с хищной сворой,
Про кладбище забыли люди скоро.

А тот, кто видел издали порой
Роящийся, подобно пчелам, рой,

Предполагал, что то паломник знатный
В тени перед дорогою обратной,

Надежно охраняемый, уснул.
Но если бы он пристально взглянул,

Он увидал бы лишь нагое тело,
Что до предела ссохлось и истлело,

В чьем облике от всех живых частей
Была цела одна лишь связь костей.

Столь дорогой гиенам и шакалам,
Зиял костяк нетронутым оскалом.

Пока оттуда звери не ушли,
Запретным слыло кладбище Лейли.

Год миновал, и вновь ушли в пустыню
Все хищники, что стерегли святыню.

Сначала смельчаки, потом и все,
Путь проложив к таинственной красе,

Заметили и умилились слезно
Нагим костям, и мертвый был опознан.

Проснулась память, заново жива,
Пошла по всей Аравии молва.

Разрыли землю, и бок о бок с милой
Останки Кейса племя схоронило.

Уснули двое рядом навсегда,
Уснули вплоть до Страшного суда.

Здесь — клятвой обрученные навеки,
Там — в колыбели спят, смеживши веки.

Прошел недолгий срок, когда возник
На той могиле маленький цветник,

Пристанище всех юношей влюбленных,
Паломников селений отдаленных.

И каждый, кто пришел тропой такой,
Здесь находил отраду и покой.

Могильных плит касался он руками,
Чтоб исцелил его холодный камень.

ЗЕЙД ВИДИТ ВО СНЕ ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУНА — ОНИ В РАЮ

Зейд часто приходит на могилу Лейли и Меджнуна. Он слагает повесть об их любви и всем рассказывает ее. От него эта повесть и пошла по миру... Зейд все думает о влюбленных — где они? Спят под землей или они — украшение рая? Как-то раз он видит во сне райский сад. В этом саду на берегу ручья стоит трон. На троне восседают два ангела. Они пьют вино, ласкают друг друга. У трона стоит старец, осыпающий временами ангелов драгоценными камнями. Зейд спрашивает у старца имена этих ангелов. Старец отвечает, что это души верных влюбленных, на земле их звали Лейли и Меджнун. При жизни они не добились

счастья, здесь же они вкушают вечное блаженство. Зейд просыпается, раскрывает людям тайну, поведенную ему старцем. Глава завершается рассуждениями о бренности этого мира и о том, что вечное счастье достижимо в мире лишь потустороннем, путь же к нему — самоотверженная любовь (предположительно — интерполяция).

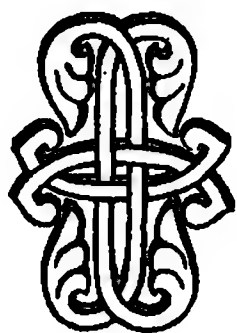

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Низами снова обращается к шаху Ахситану. Он надеется, что шах милостиво взглянет на поднесенную ему поэму, и просит разрешения заключить ее несколькими советами. Хотя Ахситан и справедлив, но будет неплохо, если он еще умножит свое правосудие. Пусть он не доверяет врагам, пусть советуется с друзьями, пусть не торопится казнить того, кто в его власти. «Впрочем, — заключает Низами, — ты не нуждаешься в таких советах. Я же буду молиться о твоем благополучии». Глава завершается пожеланиями успеха и долголетия.

Шота
РУСТАВЕЛИ
*В*ИТЯЗЬ
В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ

О Ростеване, арабском царе

Жил в Аравии когда-то
Царь от бога, царь счастливый —
Ростеван, бесстрашный воин
И владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый,
Окруженный громкой славой,
Он до старости глубокой
Управлял своей державой.

И была у Ростевана
Дочь — царевна Тинатина.
И краса ее сияла,
Безмятежна и невинна.
Словно звезды в ясном небе,
Очи юные сверкали.
Увидав красу такую,
Люди разум свой теряли.

Вот сзывает царь могучий
Мудрых визирей¹ своих.
Величавый и спокойный,
Он усаживает их.
Говорит: «О, как непрочно
Все устроено на свете!
Сядем, други, я нуждаюсь
В вашем дружеском совете.

Вот в саду моем прекрасном
Сохнет роза, увядая,
Но, смотрите, ей на смену
Появляется другая.
Долго жил я в этом мире,
Ныне смерть ко мне стучится, —
Дочь моя пускай отныне
Правит вами как царица».

Но вельможи отвечали:
«Царь, с ущербною луной,
Как бы звезды ни сияли,
Не сравниться ни одной.
Пусть в саду твоём прекрасном
Роза тихо увядает —
Увядаящая роза
Слаще всех благоухает.

Но с тобою мы согласны.
Вот тебе решение наше:
Пусть страной отныне правит
Та, которой нету краше.
И умом и благородством
Отличается девица.
Дети льва равны друг другу,
Будь то львенок или львица».

Во дворце среди придворных
Был красавец Автандил,
Молодой военачальник,
Юный воин, полный сил.
Он давно любил царевну
И теперь был рад всех боле,
Услыхав, что Тинатина
Воцарится на престоле.

¹ В и з и р ь — здесь и далее в тексте ударение, принятое переводчиком; правильно: визирь.

Вместе с визирем Согратом.
Он воздвиг ей пышный трон,
И толпа арабов знатных
Собралась со всех сторон.
И привел военачальник
Всю арабскую дружину,
Чтоб приветствовать царицу —
Молодую Тинатину.

Вот царевну Тинатину
Усадил на трон отец,
Дал ей в руки царский скипетр,
На главу надел венец.
Трубы грянули, кимвалы
Загремели пред девицей,
Весь народ ей поклонился
И назвал ее царицей.

Плачет, плачет Тинатина,
Из очей струятся слезы,
Рдеют нежные ланиты
И пылают, словно розы.
«О, не плачь! — отец ей шепчет. —
Ты — царица, будь спокойна:
Перед войском и народом
Сокрушаться недостойно.

Как бурьяну, так и розам
Солнце светит круглый год.
Будь и ты таким же солнцем
Для рабов и для господ.
Справедливой будь и щедрой,
Как душа тебе подскажет:
Щедрость славу приумножит
И сердца к тебе привяжет».

Поучениям отцовским
Дочь послушная внимала
И казну из подземелий
Тотчас вынуть приказала.
Принесли в больших кувшинах
Сотни яхонтов, жемчужин,
И коней ее арабских
Вывел конюх из конюшен.

Улыбнулась Тинатина,
Поднялась из-за стола,

Всё народу раздарила,
Все богатства раздала.
Славных воинов царица
Наделить велела златом.
Тот, кто был доселе беден,
Из дворца ушел богатым.

Солнце близилося к закату.
День померкнул золотой.
Царь задумался, и долу
Он поникнул головой.
Автандил сказал Сограту:
«Царь, как видно, утомился.
Нужно нам придумать шутку,
Чтобы он развеселился».

Вот встают они, пируя,
Наливают по стакану,
Улыбаются друг другу
И подходят к Ростевану.
Говорит Сограт с улыбкой:
«О владыка, что с тобою?
Почему твой лик прекрасный
Затуманился тоскою?»

Ты, наверно, вспоминаешь
О сокровищах своих,—
Дочь твоя, не зная меры,
Раздала народу их.
Лучше было бы, пожалуй,
Не сажать ее на царство,
Чем казну пускать на ветер,
Разоряя государство».

«Смел ты, визирь! — отвечая,
Засмеялся царь-отец.—
Клеветник и тот не скажет,
Что арабский царь — скупец.
Вспоминая о минувшем,
Потому я огорчился,
Что никто науке ратной
От меня не научился.

Слушай, визирь мой отважный,
Слушай, дочка Тинатина:
Все имел я в этом мире,
Только не дал бог мне сына.

Сын сравнился бы со мною,
А теперь по воле бога
Лишь один военачальник
На меня похож немного».

Слово царское услышав,
Улыбнулся Автандил.
«Ты чему смеешься, витязь?» —
Царь, нахмурившись, спросил.
«Царь, — ответил юный витязь, —
Дай сперва мне обещанье,
Что меня ты не осудишь
За обидное признание.

Царь, напрасно ты кичишься
Перед целою страной,
Что никто в науке ратной
Не сравняется с тобой.
Мне известна в совершенстве
Вся военная наука.
Если хочешь, будем спорить,
Кто вернее бьет из лука».

Ростеван, смеясь, воскликнул:
«Принимаю вызов смелый!
Пусть устроят состязанье,
А уж там что хочешь делай.
Повинись, пока не поздно,
А не то, побитый мною,
Трое суток ты проходишь
С непокрытой головою».

Снова царь развеселился,
И смеялся, и шутил.
Вместе с ним смеялся визирь
И отважный Автандил.
Увидав царя веселым,
Гости вмиг повеселели,
Снова яства задымились,
Снова кубки зашипели.

И как только на востоке
Разлилось сиянье дня,
Автандил-военачальник
Сел на белого коня.
Золотой чалмой увито
Было снежное чело,

И оружие гремело,
Ударяясь о седло.

Окруженное стрелками,
Перед ним открылось поле.
Меж кустами по оврагам
Звери прыгали на воле.
Вдалеке отряды ловчих
И загонщиков лихих
В трубы звонкие трубили
И навстречу гнали их.

Вот и царь явился тоже
На коне своем арабском,
И охотники склонились
Перед ним в почтенье рабском.
И помощников искусных
Вкруг него скакала рать,
Чтоб считать зверей убитых
Или стрелы подавать.

«Ну, за дело! — царь воскликнул. —
Будем бить легко и верно!»
Две стрелы взвились из луков —
Пали враз козел и серна.
Пыль столбами за клубилась,
Понеслись, как ветер, кони,
И животные помчались
Врассыпную от погони.

Но все чаще били стрелы,
Звери падали во мгле,
Дикий рев стоял на поле,
Кровь струилась по земле.
Два охотника летели
И, стреляя на скаку,
Вдруг коней остановили
На скалистом берегу.

Позади лежало поле,
Впереди — река и лес.
Из зверей кто жив остался,
Тот теперь в лесу исчез.
Царь сказал: «Моя победа!
Эй, рабы, возьмите стрелы». —
«Государь, моя победа!» —
Возразил охотник смелый.

Так, шутя и препираясь,
Над рекой они стояли.
Между тем зверей убитых
Слуги царские считали.
«Ну, рабы, откройте правду,—
Приказал им повелитель,—
Кто из нас на состязанье
Оказался победитель?»

«Государь,— рабы сказали,—
Хоть убей ты нас на месте,
Автандилу ты не ровня,
Это скажем мы без лести:
Много стрел твоих сегодня
В землю воткнуты торчат,
Автандил же полководец
Бил без промаха подряд».

Царь, услышав эти вести,
Обнял славного бойца,
И уныние слетело
С утомленного лица.
Затрубили громко трубы,
И веселая охота
Под деревьями уселась,
Отдыхая от похода.

СКАЗАНИЕ ВТОРОЕ

*О том, как Ростеван увидел витязя
в тигровой шкуре*

Вдруг заметили вельможи,
Что над самою рекою
Виден некий чужестранец,
Всех пленивший красотою.
Он сидел и горько плакал,
И коня за повод длинный
Он держал, и конь был в сбруе
Драгоценной и старинной.

Этот витязь неизвестный,
Молчаливый и понурый,
Был одет поверх кафтана
Пышной тигровою шкурой.
Плеть в руке его виднелась,
Вся окованная золотом,
Меч был к поясу привешен
На ремне продолговатом.

С удивленьем и тревогой
Царь на витязя взирает,
Вот раба к себе он кликнул,
К незнакомцу посылает.
Раб подъехал к незнакомцу,
Молвил царское он слово,
Но молчит, не слышит витязь,
Только слезы льются снова.

Что ему слова привета!
Что ему царевы речи!
Он молчит и горько плачет,
Мыслью странствуя далече.
Раб, испуганный и бледный,
Повторяет приказанье.
Раб глядит на незнакомца,
Но в ответ — одно молчанье.

Раб вернулся. Что тут делать?
Царь зовет двенадцать лучших
Молодых рабов отважных,
Самых смелых и могучих.
Говорит: «Черед за вами.
Вот мечи, щиты и стрелы.
Приведите незнакомца.
Будьте доблестны и смелы».

Те поехали. Услышав
Стук оружия на дороге,
Незнакомец оглянулся.
«Горе мне!» — сказал в тревоге,
Вытер слезы, меч поправил,
Потянул коня рукою,
Но рабы уже настигли,
Окружив его толпою.

Горе, горе, что тут случилось!
Он схватил передового,

Бил им вправо, бил им влево,
Он одним метал в другого,
Он иных ударом плети
Рассекал до самой груди.
Кровь текла, храпели кони,
Как снопы валялись люди.

Царь был взбешен. С Автандилом
Скачет он на поле брани.
Незнакомец едет тихо.
На прекрасного Мерани*
Конь его похож. И витязь,
Словно солнце в небе, светел.
Вдруг погоню он увидел
И царя в ней заприметил.

Он хлестнул коня, и взвился
Чудный конь, покорный воле
Седока... И все исчезло.
Никого не видно боле —
Ни коня, ни чужестранца.
Как сквозь землю провалились!
Где следы? Следов не видно.
Не нашли их, как ни бились.

Опечаленный и мрачный
Возвратился царь домой.
Весь дворец пришел в унынье.
Как помочь в беде такой?
Затворясь в опочивальне,
Царь задумчивый сидит.
Не играют музыканты,
Арфа сладкая молчит.

Так проходит час за часом.
Вдруг раздался зов царя:
«Где царевна Тинатина,
Где жемчужина моя?
Подойди, дитя родное.
Тяжелы мои заботы:
Диво дивное случилось
Нынче утром в час охоты.

Некий витязь чужестранный
Повстречался нам в долине.
Лик его, подобный солнцу,
Не забуду я отныне,

Он сидел и горько плакал,
Он молчал в ответ посланцу,
Не пришел ко мне с приветом,
Как пристало чужестранцу.

Рассердившись на героя,
Я послал за ним рабов.
Он напал на них, как дьявол,
Перебил и был таков.
Он из глаз моих сокрылся,
Словно призрак бестелесный,
И не знаю я доныне,
Кто тот витязь неизвестный.

Мрак мое окутал сердце,
Потерял я свой покой,
Миновали дни веселья,
Нету радости былой.
Всё мне в тягость, жизнь постыла,
Нет ни в чем мне утешенья.
Сколько дней ни проживу я —
Не дождусь успокоенья!»

«Государь,— царица молвит,—
На златом твоём престоле
Ты владыка над царями,
Все твоей покорны воле.
Разошли гонцов надежных,
Пусть объедут целый свет,
Пусть узнают, кто тот витязь,
Человек он или нет.

Если он такой же смертный
Человек, как мы с тобою,
Он со временем найдется.
Если ж нет, тогда, не скрою,
Был, как видно, это дьявол,
Соблазняющий царя.
Но к чему тебе крушиться?
Что тебе томиться зря?»

Так и сделали. Наутро
Понеслись во все концы,
Чтоб о витязе разведать,
Ростевановы гонцы.
Год проходит — их все нету.
Наконец приходит час —

Возвращаются посланцы,
Но печален их рассказ:

«Государь, в течение года
Мы повсюду побывали,
Мы объехали всю землю,
Но его мы не видали.
Мы расспрашивали многих,
Но, увы, один ответ:
Нет таких на свете, кто бы
В шкуру тигра был одет».

«Ах,— ответил царь,— я вижу,
Дочь моя была права:
В сети адские попал я,
Не погиб от них едва.
То не витязь был, но дьявол,
Улетевший, точно птица.
Прочь печали и тревоги!
Будем жить и веселиться!»

И зажглись огни повсюду,
Ярко вспыхнули агаты,
Заиграли музыканты,
Завертелись акробаты.
Снова пир пошел веселый,
И опять даров немало
Роздал тот, кого щедрее
Нет и раньше не бывало.

В струны арфы ударяя,
Одинокий и печальный,
Автандил сидел, тоскуя.
Вдруг в его опочивальне
Появился негр, служитель
Той, чей стан стройней алоэ:
«Госпожа моя, царица,
Ждет тебя в свои покои».

Витязь встал и облачился
В драгоценные одежды.
О, как громко билось сердце,
Где зажегся луч надежды!
Он предстал пред Тинатиной,
Но мрачна была царица,
Он смотрел на Тинатину
И не мог не надивиться.

Грудь заботливо ей кутал
Мех прекрасный горностая,
Над челом вуаль сияла,
Нежной тканью ниспадая,
Под багряною вуалью
Трепетал волшебный локон.
Автандил смотрел на деву,
Но понять ее не мог он.

«О царица! — он воскликнул. —
Что, скажи, тебя тревожит?
Может быть, найдется средство
То, которое поможет?» —
«Ах, меня тревожит, витязь,
Тот, что плакал над рекою.
День и ночь его я вижу,
Нет душе моей покою.

Ты меня, я знаю, любишь,
Хоть в любви мне не открылся, —
Будь же верным мне слугою
И найди, куда он скрылся.
Злого демона плени ты,
Исцели меня от муки.
Лев, тебя полюбит солнце!
Знай об этом в час разлуки.

Ты ищи его три года.
Пролетят они стрелою,
И вернешься ты обратно
И увидишься со мною.
Поклянемся же друг другу,
Что решенья не нарушим:
Коль вернешься с доброй вестью,
Будем мы женой и мужем».

«О, — воскликнул витязь, — солнце,
Чьи ресницы из агата!
Я клянусь тебе всем сердцем:
Ты одна моя отрада!
Ждал я смерти неизбежной —
Ты всю жизнь мне озарила.
Для тебя я все исполню,
Что бы ты ни попросила».

Так друг другу дали клятву
Автандил и Тинатина,

И ланиты юной девы
Расцвели, как два рубина,
Но ударил час разлуки,
И они расстались снова.
О, как горек час разлуки
Был для сердца молодого!

Ночь прошла в тоске и горе.
Но, проснувшись утром рано,
Автандил предстал веселый
Перед троном Ростевана.
«Государь, — сказал царю он, —
Чтоб узнали о царице,
Должен я объехать снова
Наши славные границы.

Вождь великой Тинатины,
Равной славному царю,
Я обрадую покорных,
Непокорных покорю.
Я твои умножу земли,
Соберу я дань повсюду,
И с богатыми дарами
Снова я к тебе прибуду».

Благодарный Автандилу,
Царь изволил дать ответ;
«Лев, тебе не подобает
Уклоняться от побед.
Поезжай, твое решение
Сердцу царскому приятно,
Но увы мне, если вскоре
Не вернешься ты обратно!»

Обнял царь его великий,
Целовал его, как сына...
Вышел витязь, повторяя:
«Тинатина! Тинатина!»
Но к чему моленья эти!
И ушел он одинокий,
Оседлал коня лихого
И помчался в путь далекий.

СКАЗАНИЕ ТРЕТЬЕ

О том, как Автандил
отправился на поиски Тариэла

Двадцать дней прошло. Приехал
Автандил в отцовский город.
Весь народ навстречу вышел.
Все хотели — стар и молод —
Принести дары и встретить
Молодого властелина.
Но спешит в покои витязь,
Чтоб увидеть Шермадина.

То был сверстник Автандила,
Раб, воспитанный примерно.
Был он к юноше привержен,
И служил ему он верно.
«Шермадин, мой друг любимый, —
Молвил юноша, тоскуя, —
Знай — мое разбито сердце:
Дочку царскую люблю я.

Слух о витязе пропавшем
До тебя дошел, я знаю.
По приказу Тинатины
Я найти его желаю.
Если витязя найду я
И приют его открою,
Автандил и Тинатина
Будут мужем и женою.

Шермадин, я уезжаю.
В сердце горе и тоска.
На тебя я оставляю
Все арабские войска.
Будь начальником над ними,
Властвуй именем царицы;
С непокорными сражаясь,
Укрепляй ее границы.

Но в походах и сраженьях
Сходен будь всегда со мной.
Вот тебе кафтан мой лучший,
Славный меч мой боевой.
Сделай так, чтоб наш владыка
Про мои не знал скитанья.

Шли ему даров побольше
И пиши ему посланья.

Ожидай меня три года,
Может быть, настанет час,
Я вернусь к моей царице,
С честью выполнив приказ.
Не вернусь — то с этой вестью
Ты предстань пред Ростеваном
И раздай мои богатства
Неимущим поселянам».

Шермадин заплакал горько,
Но послушаться не смеет.
На коня садится витязь.
Небо меркнет и темнеет.
Конь несется через поле,
И далеко за спиною
Остается древний город
С крепостной его стеною.

Год проходит, два проходит,
На исходе третий год.
Много выпало скитальцу
И лишений и невзгод.
Дождь его хлестал, и ветер
С ног валил. И в чистом поле
Сколько раз, как зверь, голодный
Ночевал он поневоле.

По лицу земли скитаясь,
Исходил он все пути,
Но того, кого искал он,
Все же он не мог найти.
Уж отчаивался витязь,
С Тинатиной разлученный,
Увядал подобно розе,
Первым снегом занесенной.

Раз в глухом, безлюдном поле
Пошатнулся верный конь.
Автандил остановился,
Слез с коня, развел огонь,
Нанизал он дичь на вертел,
Приготовил скромный ужин:
И коню и человеку
Был в то время отдых нужен.

Вдруг три неких чужестранца
К Автандилу подошли.
Был один в крови и в ранах,
Два других его вели.
«Вы — разбойники! — воскликнул
Автандил. — Остановитесь!» —
«Нет, — ответили пришельцы. —
Помоги нам, храбрый витязь!»

Братья мы и полководцы,
Наша крепость в Хатаэти.
За большим оленьим стадом
Погнались мы на рассвете.
Вдруг предстал пред нами витязь,
Ликом сумрачный и бледный.
Конь прекрасный, как Мерани,
Нес его тропой заветной.

Мы сказали: «Вот светило,
Погрузившееся в грезы!»
И схватить его хотели,
И дерзнули на угрозы.
Но когда мы друг за другом
Подскакали к супостату,
Златокованною плетью
Раздробил он череп брату.

Вон, смотри, — сказали братья,
Приближаясь к Автандилу, —
Едет он в конце долины,
Уподобившись светилу».
Автандил взглянул и видит:
Вдалеке, едва заметен,
Едет витязь долгожданный,
Ликом сумрачен и бледен.

Значит, были не напрасны
И скитанья и тревоги.
Автандил воскликнул: «Братья!
Утомились вы в дороге —
Вот огонь и ужин бедный,
Отдохните, подкрепитесь.
Если б знали вы, как нужен
Мне печальный этот витязь!»

И помчался он в погоню,
Рассуждая сам с собою:

«Тот, кто встретится с безумцем,
Должен быть готовым к бою.
Неразумный бой погубит
Столь неслыханное дело:
Нужно действовать иначе —
Терпеливо и умело.

Нужно ехать, укрываясь
Средь кустарников и ветел,
Так, чтоб витязь был спокоен
И погони не заметил.
Не к убежищу ль какому
Ныне держит он дорогу?
Дикий зверь и тот имеет
К ночи теплую берлогу».

Но прошло два дня, две ночи —
Нет конца дороге дальней.
Мчится витязь по тропинкам,
Безутешный и печальный.
Лишь на третий день, под вечер,
Через речку переплыв,
Чудный конь на берег вышел
И поднялся на обрыв.

Тут среди густых деревьев,
У подножья скал пустынных
Был замечен вход в пещеру.
И в плаще из шкур звериных
Дева, плачущая горько,
Неизвестного ждала.
Витязь слез с коня, и дева
Незнакомца обняла.

«О Асमत, сестра родная! —
Молвил витязь. — Все пропало!
Не нашло больное сердце
Ту, которую искало!»
Витязь в грудь себя ударил,
Слезы брызнули ручьем,
Так они, обняв друг друга,
Горько плакали вдвоем.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О том, как Автандил встретился с Тариэлом

На рассвете чудный витязь
Снова в дальний путь помчался.
Автандил из-за деревьев
Видел все и удивлялся.
Нет, теперь с дурною вестью
Не вернется он назад.
Тайну витязя откроет
Безутешная Асмат!

Вот он вышел из засады
И приблизился к пещере.
Дева выбежала снова,
Распахнув большие двери.
«Тариэл, — она сказала, —
Ты вернулся? Что с тобой?»
Но, увы, далек был витязь.
Перед ней стоял другой.

Дева вскрикнула, и эхо
Ей в ущелье отвечало.
Автандил схватил девицу,
Но она рвалась, кричала.
«Тариэл! — она молила. —
Тариэл! Вернись ко мне!»
И рыдала и металась,
Точно птица в западне.

«О, не плачь! — воскликнул витязь,
Опускаясь на колени. —
Что тебе могу я сделать?
Кто твои услышит пени?
Твоего я видел друга.
Был он светел и велик.
Кто, скажи мне, этот витязь,
Чей луне подобен лик?»

«О безумец, — отвечала
Дева бедная сквозь слезы, —
Не скажу тебе ни слова —
Не помогут и угрозы.
То, о чем меня ты просишь,
Невозможно знать тебе.
Каждый должен подчиняться
Провиденью и судьбе».

«Дева, ты меня не знаешь:
Я скитался дни и ночи,
Я провел три долгих года,
Чтоб его увидеть очи.
Ты — одна моя надежда,
Не томи меня, молю!
Не страшись открыть скитальцу
Тайну чудную твою».

«Горе, горе! Кто ты, витязь?
Чем тебе я досадила?
То, что я тебе сказала,
Не напрасно говорила.
Поступай со мной как хочешь:
Далеко мой милый друг,—
Кто несчастную избавит,
Исцелит от этих мук?»

Обезумевший от гнева,
Зашатался Автандил,
Крепко за волосы деву
Он рукою ухватил,
Прямо к горлу нож приставил
И сказал, сжимая нож:
«Так же пусть мой враг погибнет,
Как и ты сейчас умрешь!»

«Витязь,— дева отвечала,—
Мне не страшно умереть —
Лучше мне лежать в могиле,
Чем мучения терпеть.
Умирая, перед другом
Я невинна и чиста —
Сохранят навеки тайну
Помертвевшие уста».

Выпал нож из рук безумца,
Исказился от страданья
Лик его, и подступили
К горлу юноши рыданья.
Повалился он на землю
И, рыдая безутешно,
Проклинал себя за грубость
И просил прощенья нежно.

И смягчилось сердце девы,
Затуманился слезою

Взор ее. Склонив колена,
Витязь вымолвил с тоскою:
«На влюбленного безумца,
Дева, можно ли сердиться?
Враг и тот его жалеет.
Пожалей и ты, сестрица!

Я — влюбленный, я — безумец.
Жизнь моя страшней недуга.
По велению царицы
Твоего ищу я друга.
Сжался, дева, надо мною,
Возврати меня к невесте,
Возврати безумца к жизни
Иль убей его на месте».

«Витязь, — дева отвечала, —
Вижу я, что ты страдаешь,
Но помочь тебе сумеет
Только тот, кого ты знаешь.
В шкуру тигра облаченный,
Он зовется Тариэлом.
Я — Асмат, его рабыня.
Горько мне на свете белом.

Мой несчастный повелитель
Возвратиться должен вскоре,
Пусть он сам тебе расскажет
Про любовь свою и горе.
Я устрою так, чтоб витязь
Полюбил тебя как брата.
Отдохни и успокойся:
Ждет влюбленного награда».

И в ответ на эти речи
Шум донесся из ущелья.
Конь прекрасный, как Мерани,
Полон дикого веселья,
Из реки на берег вышел,
И седок, луне подобный,
Весь светился бледным светом
Над дорогою неровной.

В глубине пещеры темной
Быстро спрятав Автандила,
Дева встретила скитальца
И светильник засветила.

Витязь снял свои доспехи,
Молчаливо сел за ужин.
На щеках застыли слезы —
Две слезы светлей жемчужин.

«Витязь, — дева говорила, —
День за днем идут напрасно,
По горам скитаться трудно,
По лесам бродить опасно.
Ты умрешь — она погибнет.
Разве в том твоя заслуга?
Тяжело тому в несчастье,
Кто найти не может друга».

«Ах, — ответил бедный витязь, —
Кто же нам с тобой поможет?
Кто поймет, какое горе
День и ночь мне сердце гложет?
Только я один родился
Под несчастною планетой.
Одинок я в этом мире,
Нет мне друга в жизни этой».

«Тяжко слышать эти речи, —
Робко вымолвила дева. —
Если б я не опасалась
Твоего, мой витязь, гнева,
Я нашла бы человека,
Чьей гордиться можно дружбой,
Он пошел бы за тобою
И служил бы верной службой».

«Я клянусь тебе! — воскликнул
Тариэл. — Клянусь любимой!
Пусть я стал подобен зверю,
Безутешный, нелюдимый, —
Если кто мне будет другом,
Я приму его как брата,
Полюблю его навеки,
Как умел любить когда-то».

И когда на зов девицы
Появился Автандил,
Тариэл навстречу вышел
И глаза в него вперил.
Были витязи как солнце;
Как луна, сияли оба.

Поцелуй скрепил их дружбу
Беззаветную до гроба.

Тариэл воскликнул: «Витязь!
Я молю тебя: открой,
Кто ты, сходный с кипарисом?
Из страны пришел какой?
Удостою безумца дружбой!
Смерть и та меня забыла.
Роза инеем покрыта,
Сердце сжалось и застыло».

Автандил ответил: «Витязь,
Лев, кому подобных нет!
Я — араб. В стране далекой
Я увидел божий свет.
Там у царского престола
Сердце отдал я царице,
Жжет меня огонь любовный,
Разум горестный томится.

Помнишь день, когда, скитаясь,
Встретил царских ты рабов,
Как разбил их и рассеял,
Как исчезнул без следов?
Мы тебя искали всюду.
Но напрасно мы искали.
Весь дворец пришел в унынье,
Царь был болен от печали.

И сказала мне царица:
«Если ты найдешь героя
И вернешься с доброй вестью,
Буду я твоей женою».
Третий год к концу подходит —
Мы в печали и разлуке.
Как, скажи, не разорвалось
Сердце бедное от муки?

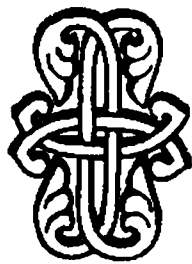
Сквозь леса я шел и горы,
Через реки и пустыни,
Наконец, как солнце в небе,
Повстречал тебя я ныне.
И судьбу благословил я,
И готов служить тебе я,
Быть с тобой до самой смерти,
О прошедшем не жалея».

Изумленный этой речью,
Тариэл воскликнул: «Боже!
Есть ли что-нибудь на свете
Друга верного дороже!
Уж таков закон влюбленных:
Все они друг другу братья.
Разлучив тебя с любимой,
Чем тебе могу воздать я?

Как сумею рассказать я,
Почему, забыв людей,
В шкуру тигра облаченный,
Я живу среди зверей?
Лишь уста свои открою —
Упаду я бездыханный,
Неземным огнем сожженный,
Смертной мукой обуянный.

Встань, Асмат, сестра родная,
Принеси кувшин с водой.
Как начну терять рассудок,
Наклоняйся надо мной,
Увлажняй мне грудь водою,
Чтоб опять вернулись силы.
А умру — да будет домом
Мне холодный мрак могилы».

И, отбросив шкуру тигра,
И прекрасен и могуч,
Витязь был подобен солнцу,
Что мерцает среди туч.
Он открыл уста и вскрикнул,
Не сумев сдержать рыданья.
Наконец, собравшись с духом,
Начал он повествованье.

СКАЗАНИЕ ПЯТОЕ

*О том, как Тариэл полюбил Нестан-Дареджан
и был послан ею на усмирение хатавов*

«Семь царей когда-то были
Господами Индостана.
Шесть из них своим владыкой
Почитали Фарсадана.
Мой отец, седьмой на троне,
Сам к нему явился с даром,
Был обласкан Фарсаданом
И назначен амирбаром*

Окруженный мудрецами,
При дворе я царском вырос,
И когда у Фарсадана
Дочь прелестная родилась,
Был я отрок в полной силе,
Львят душил одной рукою,
Станом был могуч и крепок,
Ликом сходен был с луною.

Нестан-Дареджан, царевна,
С детства мне была знакома.
Безоаровую башню
Царь воздвиг ей вместо дома.
Безоар — волшебный камень,
Он целит от всех болезней.
И жила царевна в башне,—
Розы утренней прелестней.

Был задернут аксамитом*
Вход в запретные покои,
Днем и ночью здесь курилось
Благовонное алоэ,
Перед башней из фонтана
Струи тонкие взлетали,
В цветнике цветы качались,
Птицы в клетках распевали.

И Давар, сестра царева,
Овдовевшая в Каджети,
Обучала деву в башне
Всем премудростям на свете.
Две служанки постилали
Ей девическое ложе,

Но Асмат была царевне
Всех милее и дороже.

Раз, с охоты возвращаясь,
Царь сказал: «Пойдем со мной,
Отнесем добычу нашу
В дар царевне молодой».
Взяв убитых куропаток,
Я пошел за Фарсаданом
И у башни очутился,
В цветнике благоуханном.

Тут в ограде изумрудной,
Где качался кипарис,
Мы умылись у фонтана
И к царевне поднялись,
Царь раздвинул пышный полог
И вошел в покой заветный.
Я остался ждать у входа,
Для царевны незаметный.

Снова занавес открылся.
Черноокая Асмат
Приняла мою добычу...
Тут, за полог бросив взгляд,
Деву чудную узрел я,
И она меня сразила,
Горе мне! Копье золотое
Бедный разум мой пронзило!»

Тариэл при этом слове
Пал, как мертвый, но подруга,
Омочив виски водою,
Привела в сознание друга.
Тариэл вздохнул глубоко
И, едва сдержав рыданье,
Безутешный и печальный,
Продолжал повествованье:

«Горе мне! Копье золотое
Бедный разум мой пронзило!
Как подкошенный, упал я,
Сердце сжалось и застыло
Я очнулся на кровати.
Царь стоял передо мною,
Плакал горькими слезами,
Обнимал меня с тоскою.

Слаб я был, мешались мысли,
Неземным огнем палимы...
Надо мной у изголовья
Пели мукры и муллимь*.
Нараспев коран читали
Муллы, сгорбившись сутуло,
Мой припадок объясняли
Чародейством Вельзевула.

Так три дня, три долгих ночи
Жизнь и смерть во мне боролись.
Наконец, на день четвертый,
Превозмог свою я горесть.
Встал с кровати я, но в сердце
Тлела огненная рана.
Юный лик, кристаллу равный,
Стал подобием шафрана.

И тогда глубокой ночью,
Вся закутана чадрой,
Предо мной Асмат предстала,
Словно призрак неживой.
«Витязь,— девушка сказала,—
Вот письмо, читай скорее.
От царевны нашей юной
Ныне послана к тебе я».

«Лев,— писала мне царевна,—
Я твоя, не умирай.
Слабость жалкую любовью,
Полюбив, не называй.
Для влюбленного приличен
Подвиг, витязя достойный.
Встань, обрушья на хатавов,
Усмири их край разбойный.

Лев, тебе прилична слава.
Заслужи ее, молю!
Я давно тебя желаю,
Я давно тебя люблю.
Будь же мужествен и крепок.
Пусть твоя вернется сила!
Посмотри, каким сияньем
Жизнь твою я озарила!»

Я прочел, и предо мною
Тьма крошечная исчезла,

Радость сердце озарила,
И душа моя воскресла.
Подарить хотел Асмат я
Чашу, полную рубинов.
Но она взяла колечко
И ушла, меня покинув.

Мой отец давно скончался,
Был в те дни я амирбаром.
О хатавах говорила
Мне красавица не даром:
Наши данники, хатавы,
Отказались от налога.
Фарсадан в великом гневе
Наказать решил их строго.

Я собрал большое войско
И пошел на Хатаэти.
Враг, бесстыдный и коварный,
Предо мной раскинул сети.
Царь Рамаз послал дары мне
И велел сказать вельможам:
«Полководцу Тариэлу
Мы противиться не можем.

Мы сдаемся без сраженья.
Заключайте нас в оковы —
Искупить любой ценою
Мы грехи свои готовы.
Отпустите же войска вы,
Приезжайте с Тариэлом —
Мы сдадим вам все богатства
И вину загладим делом».

И ответил я Рамазу,
Вражий умысел почуя:
«О Рамаз, с тобою биться
Понапрасну не хочу я.
Коль решил ты в самом деле
Подчиниться Фарсадану,
Я к тебе как друг приеду
И губить тебя не стану».

Триста витязей отважных
Я от войска отделил,
Дал им шлемы и кольчуги
И к Рамазу поспешил.

Остальным войскам велел я
Тайно следовать за мною
И, скрываясь в отдаленье,
Быть всегда готовым к бою.

Как-то раз на холм высокий
Я поднялся на коне.
Пыль огромными клубами
Расстилалась в стороне.
Это двигались хатавы,
Люди, полные коварства,
Чтоб схватить нас безоружных
И в свое отправить царство.

Веря в легкую победу,
Шел на нас лукавый враг.
Вот вдали дымок поднялся —
Это был условный знак.
Справа, слева друг за другом
Люди кинулись в сражение.
Лук пропел, и первый воин
Пал на землю без движенья.

Кони дрогнули в испуге,
Воцарился беспорядок.
Напустился на врагов я,
Как орел на куропаток.
Одного схватив за ноги,
Бил без промаха в другого,
Громоздил из трупов груды,
Но враги смыкались снова.

Окруженный их полками,
Жаркой кровью обливаясь,
Я разил врагов без счета,
Наступал на них, сражаясь;
На седло мертвец валился
Переметною сумою;
Где лишь я ни появлялся,
Все бежало предо мною.

Время к вечеру клонилось.
Солнце в облако садилось.
На холме хатав-дозорный
Вскрикнул — все засуетилось.
Вдалеке мои отряды
Появились, словно тучи.

Пыль неслась, литавры били,
Кони двигались могучи.

Овладел врагами ужас,
Все бежало в беспорядке.
Царь Рамаз коня пришпорил,
Убегая без оглядки.
Я настиг его и выбил
Из седла, и вместе с войском
Был пленен Рамаз лукавый
В том сражении геройском.

Всех врагов обезоружив,
Я исполнил свой обычай
И на родину вернулся
С драгоценною добычей.
Много было тут сокровищ —
Тканей, перлов, изумрудов.
Через силу их тащили
Больше тысячи верблюдов.

Для себя чалму я выбрал
Из блестящей черной ткани.
Ни один доселе смертный
Не слышал ее названья.
Кто ее соткал — не знаю.
Нити искрами светили,
Словно были из металла,
Прокаленного в горниле.

Царь меня, как сына, встретил.
Я, украшенный чалмою,
Был подобен бледной розе.
Все склонялись предо мною.
Во дворец вошел я царский,
И царица тут стояла.
О, как сердце содрогнулось!
Как оно затрепетало!

Царь ласкал меня безмерно.
Пышный пир сменялся пиром.
Поднимая к небу чаши,
Мы внимали нежным лирам.
Сладко пели музыканты,
И она сидела рядом,
И смеялась, и глядела
На меня счастливым взглядом.

СКАЗАНИЕ ШЕСТОЕ

О том, как была просватана Нестан-Дареджан

Рано утром царь с царицей
Во дворец меня позвали.
«Лев,— сказал мне царь,— ты видишь,
Мы в заботе и печали.
Время старости подходит,
Горя нам не превозмочь:
Не послал господь нам сына —
Лишь одну царевну-дочь.

Время старости подходит,
Время скорби и недуга...
Для царевны нашей юной
Мы найти должны супруга.
Пусть на троне Фарсадана
Воцарится юный царь,
Охраняя государство,
Как хранил его я встарь».

Я сказал царю: «В каком же
Вы нуждаетесь совете?
Знают все: царевны нашей
Нет прекраснее на свете.
Всяк, кого вы изберете,
Будет рад на трон взойти,
Но царю известно лучше,
Где достойного найти».

Царь ответил мне: «По сердцу
Нам царевич хорезмийский».
Сердце замерло. Сидел я
Бледный, к обмороку близкий.
«Да,— ответила царица,—
У соседа славный сын.
Будет он супруг примерный
И индийцев властелин».

Было видно: царь с царицей
Предрешили все заране.
Снова выпало на долю
Мне большое испытанье.
Замешательством объятый,
Потерял я разум мой,
Выбор я скрепил согласьем
И ушел едва живой.

За царевичем послали
Благородное посольство.
Я сидел в тоске и горе,
Грудь терзало беспокойство.
Вдруг письмо ко мне прислала
Черноокая Асмат:
«Приходи немедленно в башню.
Жду тебя у входа в сад».

Я поехал, и рабыня
Мне ворота отворила,
Не сказала мне ни слова,
Не смеялась, не шутила.
Поднялись мы с ней к царевне,
И увидел я ее —
Ту, которая пронзила
Сердце бедное мое.

Словно юная тигрица,
Укоризненно и гневно
На меня теперь взирала
Омраченная царевна;
Очи молнии метали,
Слезы падали на грудь.
Я поник перед царевной
И не смел в лицо взглянуть.

«Ты пришел! — она вскричала. —
О, изменник вероломный!
Что стоишь передо мною
Сокрушенный и безмолвный?
Ты свою нарушил клятву.
Бог тебе воздаст сторицей,
Не позволит он смеяться
Над покинутой девицей».

«О царевна! — я воскликнул. —
В чем вина моя — не знаю.
Объясни мне, что я сделал
И за что теперь страдаю?» —
«Лжец, — ответила царевна, —
Ты исполнен лицемерья!
Как в тебе я обманулась,
И страдаю как теперь я!

Отдают меня насильно
За царевича чужого.

Ты на это согласился,
Не сказал царю ни слова.
Слишком скоро позабыл ты
Про любовь свою и муки.
Ты хитрил и притворялся,
Что не вынесешь разлуки.

Но запомни: кто б отныне
Нашей Индией ни правил,
Отступать я не желаю
От отечественных правил.
Я — царица, царской крови
Чужеземца уничтожу,
И тебя предаю смерти,
Вероломного вельможу!»

Слово гневное услышав,
Посмотрел на деву вновь я,
И зажглась во мне надежда.
На ковре, у изголовья,
Виден был коран открытый,
Он лежал перед царицей.
Взял тогда коран я в руки
И воскликнул, вдохновенный:

«Пусть сразят меня на месте
Гром небес и божья сила,
Пусть меня навек поглотит
Бесприютная могила,
Солнца лик да отвернется
От меня — я все снесу,
Если здесь перед тобою
Слово лжи произнесу.

Я клянусь тебе, о солнце,
На святом твоём коране:
Царь избрал тебе супруга
Чужеземного заране.
Кто царю перечить может?
Нет таких во всей стране.
Я, о солнце, крепок сердцем,
Но скрепил себя вдвойне.

Мог ли я противоречить,
Если царь и с ним царица
На престол страны индийской
Пожелали хорезмийца?

Я — законный их наследник,
Я — последний сын царя,
Я не знаю чужеземца,
Но спешит сюда он зря.

Я решил: напрасны споры,
Поступать иначе должно.
Ради сердца душу продал,
И, скажу тебе не ложно,
Уступить тебя, о дева,
Я не в силах никому.
Не отталкивай безумца,
Будь приветливей к нему».

Ливень, розу леденивший,
Стал прозрачней и теплее,
Губ кораллы приоткрылись,
Перлы сделались виднее,
Улыбнулась мне царица,
На подушки посадила,
Пламень горестного сердца,
Улыбаясь, потушила.

«Витязь, — молвила царица, —
Нам спешить не подобает.
Мудрый борется с судьбою,
Неразумный унывает.
Если ты вернешь посольство
И царица не приедет,
Царь поспорится с тобою
И любовь твою заметит.

Если ж он сюда приедет —
Тот царица ненавистный, —
Фарсидан сыграет свадьбу,
Надругавшись над отчиной.
Черный траур нас оденет,
Мы умрем в тоске и горе,
Хорезмийцы трон захватят
И страну погубят вскоре».

«О царица! — я воскликнул. —
Не бывать врагам у трона!
Не достанется пришельцам
Фарсиданова корона!
Будем ждать их терпеливо,
Пусть они придут сначала —

Здесь они простятся с жизнью!» —
«Нет, — царица отвечала. —

Если ты убьешь невинных,
Скажут все, что ты — убийца.
Не губи людей напрасно,
Но убей лишь хорезмийца.
Проберись к нему в палатку
И, свое исполнив дело,
Перед троном Фарсадана
Преклони колени смело.

«Царь, — скажи ему, — доселе
Я служу тебе как воин,
Но родился от царя я,
И престола я достоин.
Чужеземцам край отцовский
Не отдам я без сраженья.
Коль препятствовать мне станешь,
Жди войны и разрушенья».

О любви не затевай ты
С Фарсаданом разговора.
Пусть не думают вельможи,
Что любовь — причина спора.
Но покуда мой родитель
Плачет в горести и муке,
Я царем тебя признаю
И в твои предамся руки».

Этот замысел царицы
Мне, безумцу, полюбился.
Хорезмиец был в дороге.
Дух во мне воспламенился!
Обезумевший от горя
Не боится правой мести,
И с царевичем покончить
Обещался я невесте.

На прощание царица
Подарила мне запястье.
Ах, зачем живу я ныне,
Позабыв бывшее счастье!
Я чалмой ее окутал.
Нити искрами светили,
Словно были из металла,
Прокаленного в горниле».

Тариэл умолк, печальный,
И запястье золотое
Целовал, как исступленный,
И ему внимали двое.
Потеряв надежду в жизни,
Он оплакивал потерю
И в тоске нечеловечьей
Стал, увы, подобен зверю.

СКАЗАНИЕ СЕДЬМОЕ

О том, как Тариэл убил хорезмийского царевича

«День настал — жених приехал,
Окруженный пышной свитой.
Вместе с ним отряд придворных
Прибыл, в битвах знаменитый.
Мы встречали хорезмийцев
С драгоценными дарами.
Войско выстроилось в поле
Бесконечными рядами.

Чтобы отдыху предаться
Мог царевич благородный,
Мы на площади воздвигли
Для него шатер походный.
Был из красного атласа
Тот шатер, где все свершилось...
Гость вошел в него, и войско
Вкруг шатра расположилось.

В полночь улицей безлюдной
Ехал я домой устало.
Вдруг слуга письмо мне подал.
«Торопись! — Асмат писала.—
Та, которая подобна
Драгоценному алоэ,
Ждет тебя...» И я помчался
И вошел в ее покои.

Я предстал перед царевной.
Вижу — сумрачная ликом,

На меня царевна смотрит
В нетерпении великом.
«Что ты ждешь? — она сказала. —
Час сраженья наступил.
Или лгать ты мне задумал?
Или вновь меня забыл?»

Уязвленный прямо в сердце,
Отвернулся я, тоскуя:
Неужели, связан клятвой,
Позабыть ее могу я?
Разве воинская доблесть
Изменила нынче мне,
Чтобы деве приходилось
Понуждать меня к войне?

Тут я бросился к отрядам
И сказал: «Готовьтесь к бою!»
Оседлав коней, на площадь
Полетели мы стрелою.
Хорезмийцы крепко спали.
Я прокрался мимо них
И разрезал ткань палатки,
Где покоился жених.

Я схватил его за ноги
И о столб шатра с размаха
Головой его ударил.
Стражи вскрикнули от страха,
Поднялась вокруг тревога,
Но вскочил я на коня,
Поскакал я, и погоня
Не смогла догнать меня.

В некий замок укрепленный
От погони я укрылся.
Ночь прошла, и на рассвете
От царя посол явился.
Царь писал мне: «Бог свидетель,
Я взрастил тебя, как сына.
Ныне я в тоске и горе —
Ты один тому причина.

Ах, зачем мой дом, безумец,
Запятнал ты этой кровью!
Если дочь мою желал ты,
Если к ней пылал любовью,

Почему ты не открылся
Мне, родителю невесты,
Но дошел до преступленья
И, свершив его, исчез ты?»

«Царь, — ответил я владыке, —
Я выносливей металла:
Не сгорел в огне стыда я,
Огорчив тебя немало.
Но, чтоб суд твой справедливо
Совершился надо мной,
Знай: не думал добиваться
Я царевны молодой.

В нашей Индии немало
Городов, дворцов и тронов.
Ныне ты их повелитель
И хранитель их законов.
От семи царей умерших
Ты наследовал державу,
От тебя я сан владыки
Унаследую по праву.

Царь, ты сына не имеешь,
У тебя одна царевна.
Я — законный твой наследник,
Но судьба моя плачевна:
Если только хорезмийца
Ты поставишь нам царем,
Что взамен себе добуду
Я, владеющий мечом?

Нет, не нужно мне царевны,
Только Индия нужна мне.
Если спорить будешь, камня
Не оставляю я на камне,
Всех строптивых уничтожу,
Мертвецов оставляю груду,
Но — клянусь тебе, владыка! —
Я престол себе добуду».

СКАЗАНИЕ ВОСЬМОЕ

О том, как была похищена Нестан-Дареджан

Взяв письмо, гонец уехал.
На вершине старой башни
Я стоял в глубокой думе,
Вспоминая день вчерашний.
Тщетно вдаль вперял я очи —
Бесприютны и убоги,
Только два скитальца бедных
По пустынной шли дороге.

Как мое забилося сердце,
Рассказать я не умею:
То была Асмат, рабыня,
И слуга спешил за нею.
Дева шла, рыдая горько.
Я воскликнул: «Что случилось?» —
«Горе нам! — Асмат сказала. —
Наше солнце закатилось».

Обезумевший от страха,
Я спустился к ней навстречу.
«Витязь, — дева продолжала, —
Слушай, я тебе отвечу.
Не обрадую тебя я,
Но и ты меня не радуй,
Умертви меня на месте,
Смерть да будет мне наградой.

Слушай, витязь. Рано утром
Весть о смерти хорезмийца
До ушей достигла царских.
Услыхав, что ты — убийца,
Царь сражен был прямо в сердце,
Плакал, гневался немало,
За тобой послал погоню,
Но погоня запоздала.

«О, — воскликнул царь, — понятен
Мне поступок Тариэла:
Он любил мою царевну,
За нее он дрался смело.
Полюбив, на смертном ложе
Умирал он от недуга.
Ах, они видались тайно
И смотрели друг на друга!

Но клянусь я головою,
Что разделаюсь с сестрою.
Бог свидетель мне — злодейку
Не оставляю я живою.
Не она ль мою царевну,
Деву, лучшую на свете,
Нерадивая старуха,
Ввергла в дьявольские сети!»

Редко царь страны индийской
Головой своею клялся.
Но, поклявшись, он от клятвы
Никогда не отрекался.
Поняла Давар-колдунья,
Что близка ее могила,
И свою слепую злобу
На царевну обратила.

«Ты, негодница, в убийстве
Чужеземца виновата!
Ты виной, что я погибну
От руки родного брата!
Так запомни же: отныне,
Как бы ты ни захотела,
Никогда не встретишь больше
Полководца Тариэла».

И Давар с великой бранью
На царевну напустилась,
С криком волосы рвала ей,
Колотила и глумилась.
Беззащитная царевна,
Трепеща, упала на пол.
Мы не смели заступиться,
Только молча каждый плакал.

И тогда вошли с ковчегом
Два раба из рода каджи*.
Лица были их ужасны
И тела чернее сажки.
Повлекли они царевну,
Посадили в глубь ковчега,
И была царевна наша
В этот миг белее снега.

Пронесли они царевну
Мимо окон прямо к морю.

Обнажив кинжал широкий,
Предалась колдунья горю.
«Царь идет,— она стонала.—
Как пред ним я оправдаюсь?»
И, пронзив себя кинжалом,
Пала, кровью обливаясь».

Тут Асмат остановилась,
Не сумев сдержать рыдания.
«Витязь, сжался надо мною!
До последнего дыханья
Я была верна царевне.
Ах, убей меня на месте!
Недостоин жить на свете,
Кто принес такие вести!»

«Успокойся! — я ответил.—
В чем вина твоя, сестрица?
На друзей моих любимых
Разве я могу сердиться?
Буду странствовать я в море,
Обойду кругом я сушу,
Но найду мою царевну
И тюрьму ее разрушу».

Ах, мое больное сердце
Стало каменным от горя!
Вместе с верными друзьями
Я немедленно вышел в море.
Наш корабль блуждал по морю,
Дни тянулись, как недели,
Но напасть на след царевны
Мы, скитальцы, не умели.

Год прошел в великих бедах.
Обессилены недугом,
Корабельщики-герои
Умирали друг за другом.
Сердце бедное от горя
Разрывалось на части.
Но пойдет ли против неба,
Кто его покорен власти?

Я корабль направил к суше,
Вышел на берег с друзьями.
Вдалеке виднелся город,
Весь украшенный садами.

И пошел я вдаль, гонимый
Беспощадною судьбою.
Лишь Асмат с двумя рабами
Поспешила вслед за мною.

СКАЗАНИЕ ДЕВЯТОЕ

О том, как Таризэл встретился с Нурадин-Фридоном

Раз, когда у скал прибрежных
Я раздумью предавался,
На поляне предо мною
Некий витязь показался.
Кровь из ран его струилась,
Меч был сломан пополам.
Витязь жаловался горько
И грозил своим врагам.

Я подъехал к незнакомцу,
Пересек ему дорогу.
«Лев,— воскликнул я,— скажи мне,
Кто поверг тебя в тревогу?»

Оглянулся незнакомец,
И замедлил бег коня,
И с великим изумленьем
Стал рассматривать меня.
«Боже,— он сказал в восторге,—
Как твои прекрасны дети!
Вот стоит передо мною
Лучший юноша на свете.
Я ему во всем откроюсь,
Пусть узнает ныне он,
Как охотник безоружный
Был изменою сражен».

Мы сошли с коней и сели,
Отдыхая средь поляны.
Мой слуга — искусный лекарь —
Осмотрел герою раны.
Там осколки стрел виднелись;
Лекарь вынул их из тела,

Раны снадобьем помазал,
Чтобы тело не болело.

И сказал мне незнакомец,
Оправляясь от удара:
«Нурадин-Фридон я, витязь,
Юный царь Мульгазанзара.
Ты теперь в моих владеньях,
Город виден мой отсюда.
Невелик он, но красивей
Не видали мы покуда.

Дед мой, царь земель окрестных,
Чуя смерти приближенье,
Меж отцом моим и дядей
Разделил свои владенья.
Мне в наследство был оставлен
Остров — тот, что виден в море.
Дядя, жадный и свирепый,
Захватил мой остров вскоре.

Нынче утром я затеял
Соколиную охоту.
Пять сокольников держали
Птиц, приученных к полету.
Мы приехали на остров,
Предались лихой забаве:
Остров мой — моя охота.
Дядя гневаться не вправе.

Злые родичи, однако,
По-иному рассудили —
Их войска в разгар охоты
Нас нашли и окружили.
Я, спасаясь, прыгнул в лодку.
Но, увы, навстречу мне
Мчался дядя с сыновьями —
Все готовые к войне.

Скоро маленькую лодку
Обступили их галеры,
Завязался бой кровавый,
Бой жестокий выше меры.
Я разил врагов без счета,
Я не мог себя беречь,
Но, увы, кончались стрелы,
Пополам сломался меч.

Смерть казалась неизбежной,
Но, врагам своим на горе,
На коне своем прекрасном
Прыгнул я из лодки в море.
Изнуренный, я отныне
Положился на коня,
И скакун мой быстроногий
Вынес на берег меня.

Ныне я в беде великой.
Все грядущее — от бога.
Верю я — падет убийца
И наказан будет строго.
В день великого отмщенья
Проклянет он целый мир.
Стаи воронов слетятся
На его загробный пир».

Смолк Фридон. И я в тот вечер
Полюбил его, как брата.
«Витязь,— я сказал,— утешься:
Не навек твоя утрата.
Я отныне твой союзник.
Как пристало добрым мужам,
Мы врагов твоих рассеем
И затеи их разрушим».

Тут Фридон воскликнул: «Витязь,
Я тебя не знал доныне,
Но тебя уже люблю я!
Встретил ты меня в кручине,
Но помог мне, словно другу.
Если бог пошлет здоровья,
Жизнь свою до самой смерти
Посвятить тебе готов я».

В город двинулись мы вместе.
И отряды, в знак печали
Пеплом голову посыпав,
На дороге нас встречали.
На меня взирали люди
И, предав забвенью беды,
Говорили: «Вот предвестник
Нашей будущей победы».

Исцелился скоро витязь
И со мной сравнялся в силе.

Войско мы вооружили
И галеры оснастили.
На восьми ладьях огромных
Враг навстречу нам приплыл.
Я толкнул одну ногою
И в пучину погрузил.

Я к другой ладье помчался
И, схватив за нос руками,
Опрокинул лодку в море.
Все бежало перед нами.
Наши славные галеры
Полетели над водой,
Мы сошли на берег вражий
И вступили в смертный бой.

Мне понравилась в сражение
Доблесть юного героя:
Храбр, как лев; лицо — как солнце;
Стан — как дерево алоэ.
Дядю он свалил на землю
И коварных сыновей,
По рукам скрутив веревкой,
Привязал к ладье своей.

Мы противника измяли
Так, как мнут кусок сафьяна.
Нагрузили мы добычей
Два огромных каравана.
Город нас, ликуя, встретил
На высоком берегу,
Так за умысел коварный
Отомстил Фридон врагу.

СКАЗАНИЕ ДЕСЯТОЕ

О том, как Фридон помогал Тариэлу в его поисках

Рано утром на охоту
Мы отправились с Фридоном.
В полдень мы достигли мыса
И взошли навверх по склонам.

Далеко вдавался в море
Этот мыс, и даль морская
Расстилалась под ногами,
Колыхаясь и сверкая

И сказал Фридон отважный,
Наклонясь над самой кручей
«Рассказать тебе хочу я
Про один чудесный случай.
Раз, когда я развлекался
Здесь охотой соколиной,
Высоко взлетел мой сокол
Над пустынною равниной.

Наблюдая за охотой,
Я случайно глянул в море.
Вижу — что-то в нем мелькает
И несется на просторе.
«Неужели это птица? —
Думал я с недоумением.—
Или зверь какой отважный
Смело борется с теченьем?»

Но не зверь то был, не птица —
Лодка на море мелькала.
Два раба чернее саж
Лодкой правили устало.
И везли они светило,
Заключенное в ковчеге.
Никогда красы подобной
Не видал я в человеке!

Лодка к берегу пристала,
Вышла на берег девица.
Солнце, полное сиянья,
Не могло бы с ней сравниться.
Все лицо ее светилось,
Было молнии подобно.
Улыбнулась ей природа,
Но рабы смотрели злобно.

Пожалел я эту розу
И на помощь к ней помчался.
Услыхав далекий топот,
Враг, как видно, испугался —
Лодка быстрая исчезла.
Прискакал я — девы нету,

Только блеск ее прощальный
Разливается по свету».

Услыхав рассказ Фридона,
Я сказал ему, тоскуя:
«Знай, Фридон, ты видел солнце,
То, которое ищу я».
Пал на землю я от горя,
Проливал я слез поток,
И Фридон, любимый мною,
Утешал меня как мог.

И поведал я Фридону
Все, что сердце волновало.
«Вижу я,— Фридон воскликнул,—
Мне с тобой не подобало
Говорить об этой встрече!..
Но великий наш творец,
Посылая смертным горе,
Даст и счастье наконец.

Бог, создавший стан героя,
Словно дерево алоэ,
Поразив героя в сердце,
Отведет копье златое.
Он свою пошлет нам милость.
Словно гром, она слетит,
Исцелит навеки горе,
Сердцу радость возвратит».

Плача, мы вернулись в город.
И сказал Фридон мне: «Много
Кораблей сюда заходит —
Здесь проезжая дорога.
Много новостей различных
Корабли привозят к нам,—
Не найдем ли здесь для сердца
Утешительный бальзам?

Я пошлю гонцов надежных,
Моряков и следопытов,—
Пусть все гавани обыщут,
Побывают на забытых
Островах, пускай объездят
Всю приморскую страну
И похищенную снова
Возвратят тебе луну».

Корабли отправив в море,
Мне Фридон сказал: «Великий
Царь индийцев! Не признал я,
Кто ты, стройный, солнцеликий.
Ныне сам ты мне открылся.
И царя достойный трон
В этом зале да воздвигнет
Для тебя твой раб Фридон».

Много было мне Фридоном
Здесь оказано почета.
В ожидании посланцев
Улеглась моя забота.
Так летели дни за днями.
Возвратились корабли.
Но, увы, царевны юной
Мореходы не нашли.

Снова сердце погрузилось
В безутешное страданье.
«О Фридон,— сказал царю я,—
Бесполезно ожиданье.
Как ни трудно нам расстаться —
День без друга словно ночь,—
Отпусти меня, молю я,
Ждать мне более невмочь».

Царь Фридон заплакал горько,
И дружина боевая
Опустилась на колени,
Громким голосом взывая:
«Не оставь нас, царь индийский!
Все мы счастливы с тобой,
Все от мала до велика
За тебя готовы в бой».

«Нет, друзья,— сказал я твердо,—
Наступает час разлуки.
Если дева не найдется,
Все равно умру от муки.
Нелегко мне вас покинуть,
Но, увы, она в плену.
Как могу ее оставить,
Беззащитную, одну?»

Так простился я с народом,
И Фридон, заплакав снова,

Подарил мне на прощанье
Своего коня лихого.
Крепко обнял я Фридона,
Омочил слезами грудь,
Оседлал коня в дорогу
И помчался в дальний путь.

Снова странствовал я в море,
Снова я объездил сушу,
Вместе с верными рабами
Я скитался в зной и стужу.
Но, увы, царевны юной
Потерялся всякий след.
Обезумел я от горя,
Испытав немало бед.

И решил я сам с собою,
Что напрасно мне трудиться!
Может быть, в лесах дремучих
Перестану я томиться.
Брошу этот мир безумный,
Позабуду про людей,
Жизнь несчастную окончу
Посреди лесных зверей.

И сказал тогда рабам я:
«Время нам расстаться, други.
Слишком долго вы терпели
Эти горести и муки.
Ныне вам даю свободу,
Возвращайтесь в край родной».
Но рабы мне отвечали:
«Не расстанемся с тобой.

Хоть и выпала на долю
Нам тяжелая судьбина,
Но никто из нас другого
Не желает господина.
Об одном мы молим бога:
Чтобы он позволил нам
Чтить тебя до самой смерти,
По твоим идти следам».

Что я с ними мог поделаться?
Мы покинули селенья,
Мы ушли на козьи тропы
И в убежища оленьи.

Так я жил, в горах скитаясь,
Одинок и нелюдим.
И одна Асмат с рабами
По следам влеклась моим.

Здесь, среди густых деревьев,
На пещеры я наткнулся —
Дэвы высекли в скале их.
Я взглянул и ужаснулся:
Злые чудища навстречу
Вышли целою толпой.
Я рабов на помощь кликнул
И вступил в неравный бой.

И в ужасной этой битве
Все мои погибли слуги —
Дэвы их убили мигом
И сорвали с плеч кольчуги.
И тогда моей душою
Овладел великий гнев,
Я накинулся на дэвов
И разбил их, одолев.

Стоны раненых чудовищ
Оглашали поединок.
Вся округа содрогалась
От ударов их дубинок.
Солнце ясное померкло,
Кипарис, упав, дрожал...
Сто чудовищ умертвил я
И на части разорвал.

Вот, мой брат, с тех пор в пещере
Я, безумец, умираю,
По лесам брожу печальный,
Горько плачу и вздыхаю.
Лишь Асмат одна со мною
Проклинает белый свет.
Оба мы желаем смерти,
Нам спасенья больше нет.

Нестан-Дареджан, царевна,
Красотой равна тигрице.
Сшил я плащ из шкуры тигра
В знак печали о девице,
Посреди зверей опасных
Сам я стал как лютый зверь.

Кроме смерти неизбежной,
Нет спасенья мне теперь».

Кончив свой рассказ чудесный,
Тариэл умолк, печальный;
Как янтарь ланиты стали,
Омрачился лик кристальный.
Слезы крупные застыли
На ресницах Автандила,
И Асмат прохладной влагой
Грудь героя освежила.

Автандил воскликнул: «Витязь!
Вот мое простое слово:
Если лекарь заболит,
Он зовет к себе другого,
Он рассказывает другу,
Что его, больного, мучит;
Друг с одра его поднимет
И болезнь прогнать научит.

Слушай, витязь, срок подходит,
Должен ехать я к царице —
Передать рассказ твой чудный
Обещался я девице.
Но клянусь я головою,
Что вернусь к тебе обратно.
Жди меня на этом месте
И не сетуй безотрадно.

Я вернусь к тебе, мой витязь,
Голова моя порукой,
И не век ты будешь плакать,
Опечаленный разлукой,—
Деву пленную найду я
И верну тебя невесте,
А не так — врагом сраженный,
Я умру с тобою вместе».

И в ответ на эти речи
Тариэл промолвил слово:
«Как ты мог, прекрасный витязь,
Полюбить меня, чужого?
Соловью покинуть розу
Тяжело, но тяжелее
Нам с тобою расставаться.
Возвращайся же скорее!»

Ночь промчалась незаметно.
И, едва зажглось светило,
Тариэл с рабыней верной
Проводили Автандила.
Дева плакала, тоскуя,
Витязь горю предавался,
Но исчез могучий всадник,
Только след в песке остался.

СКАЗАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

О том, как Автандил возвратился в Аравию

Срок, назначенный царицей,
Миновал. Прошло три года.
Автандил-военачальник
Возвратился из похода.
С ликованием великим,
Во главе своих дружин,
Встретил юного героя
Благородный Шермадин.

Пир отпраздновав веселый,
Шермадин к царю помчался.
«Царь,— сказал он,— слава богу,
Чудный витязь отыскался!
Автандил нашел скитальца
И открыл его приют.
Амирбаром Тариэлом
Неизвестного зовут».

Из покоев Ростевана
Поспешил он к Тинатине
И сказал ей: «Знай, царица,
Автандил прибудет ныне».
Дева юная зарделась
И гонцу за эту весть
Подарила столько злата,
Сколько в силах был он снести.

Царь, веселый и довольный,
Автандила в поле встретил.

Автандил вошел в чертоги,
Ликом радостен и светел.
Лев, сильнейший между львами,
Солнцу солнц принес привет,
И в очах царицы юной
Засиял небесный свет.

Царь устроил пир на славу,
И под звон заздравных чарок
Каждый гость от Ростевана
Получил в тот день подарок.
Ради встречи долгожданной
Не жалея ничего,
Царь был ласков к Автандилу
И расспрашивал его.

И царю поведал витязь
Все, что знал о Тариэле:
Как царевну потерял он
И не мог найти доселе;
Как в сражении великом
Сто чудовищ он убил;
Как, одетый в шкуру тигра,
По ущелиям бродил.

С удивлением и страхом
Слушал царь повествованье.
Разошлось глубокой ночью
Именитое собранье.
Автандил с великой честью
Был отпущен на покой,
Но вошел слуга царицы
И повел его с собой.

Как прекрасное алоэ,
В золотых садах Евфрата,
Восседала на престоле
Та, чьи брови из агата.
Как рубин, уста горели,
Лик был светел, как кристалл,
Ни один мудрец афинский
Красоты такой не знал.

«Витязь,— молвила царица,—
Твой рассказ меня волнует.
Тариэл, твой брат любимый,
Ныне плачет и тоскует.

Кто теперь ему поможет,
Полководцу дальних стран?
Если б знала я лекарство
От его сердечных ран!»

Опустившись на колени,
Витязь вымолвил: «Царица,
Расставаясь с Тариэлом,
Я поклялся возвратиться.
Ради друга недостойно
Уклоняться нам от бед.
Если друг не будет счастлив,
Счастья нам на свете нет».

И ответила царица:
«Все сбылось, как я хотела.
Ты вернулся невредимым
И увидел Тариэла.
В годы долгие разлуки
Ты меня не разлюбил,
Сердце бедное царицы
От страданий исцелил.

Но, увы, нарушить клятву
Недостойно человека.
Помогать в беде другому
Нам завещано от века.
Снова должен ты уехать.
Что же станется со мной
В день, когда мое светило
Вновь покинет край родной?»

«Горе мне! — воскликнул витязь. —
Не согреешь льда дыханьем,
Уходящего на подвиг
Не удержишь лобызаньем...
Снова я, расставшись с милой,
Буду в пламени гореть...
Дай мне знак любви в дорогу,
Чтоб с тоски не умереть».

И дала ему царица
Жемчуг — дар любви невинной.
Зарыдал печальный витязь
И расстался с Тинатиной.
Только миг они короткий
Были счастливы вдвоем,

И опять судьба пронзила
Их карающим копьем.

Затворясь в опочивальне,
Плачет витязь безутешный;
Как цветок, покрытый снегом,
Лик его бледнеет нежный.
Таково людское сердце,
Ненасытное, слепое,—
Вечно чем-нибудь томится,
Убегая от покоя.

СКАЗАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

*О том, как царь разгневался
на любимого визиря*

Автандил проснулся утром
И отправился к Сограту.
Рад был визирь Автандилу,
Словно брат родному брату.
Слезть с коня помог он гостю
И постлал ковер под ноги.
«Вот,— сказал,— донесся ныне
Запах роз в мои чертоги».

И сказал Сограту витязь:
«Ты, Сограт, царю опора;
Любит царь твои советы,
Принимает их без спора.
Ныне должен я уехать,
Чтоб помочь в несчастье другу
Окажи мне на прощанье
Беспримерную услугу.

Отправляйся к Ростевану
И скажи ему ты смело:
«Автандил поклялся богом,
Что не бросит Тариэла.
Ныне он вернуться должен,
Чтоб исполнить обещанье.

Отпусти его, владыка,
И не сетуй на прощанье».

Умоляй царя, о визирь,
Все скажи ему, что нужно.
Помни — сердце Автандила
Клятве верности послушно.
Если царь меня отпустит,
Обещаю я по чести
Подарить тебе сто тысяч
Золотых за эти вести».

Отвечал с улыбкой визирь:
«Денег мне твоих не надо,
Пусть останется в запасе
Столь великая награда.
Лишь начну просить царя я,
Государь при первом слове
Отошлет меня на плаху
И прольет потоки крови.

Нет, царя просить об этом —
Безнадежная затея.
И войска бросать надолго
Не советую тебе я:
Час придет, враги восстанут,
Захотят сравняться с нами, —
Воробьи и те стремятся
Стать свободными орлами».

Автандил заплакал горько
И сказал Сограту снова:
«Что за польза государю
От безумца молодого?
Не бывать мне полководцем,
Если клятву я нарушу.
Милость царскую теряя,
Сохранить хочу я душу.

Если царь меня не пустит,
Все равно тайком уеду.
Справедлив господь — царю он
Без меня пошлет победу.
Помоги мне, славный визирь,
Будь заступником моим!
Царь любимца не обидит,
Но доволен будет им».

«Вижу я,— ответил визирь,—
Нет тебе успокоенья,
Не могу смотреть на слезы
Без сердечного волненья.
Твой огонь меня снедает,
Вся в слезах душа моя.
Пусть умру, но в день печали
Не покину друга я».

Вот к царю явился визирь
И, потупившись уныло,
Рассказал с великим страхом
Все, что знал про Автандила.
«Царь,— сказал он,— если б только
Сам увидел ты его,
Пожалел бы, без сомненья,
Полководца своего».

Царь, услышав эти речи,
Побледнел и ужаснулся:
«Что сказал ты мне, безумец?
Как язык твой повернулся?
Почему ты вдруг примчался,
Словно с радостью какой?
Лишь изменник вероломный
Нож готовит за спиной.

Знай, злодей, когда бы не был
Ты посланцем Автандила,
Для тебя была бы нынче
Уготована могила.
Прочь отсюда, пес негодный!
Убирайся, цел пока!»
И, схватив рукою кресло,
Царь швырнул им в старика.

Как побитая лисица,
Визирь выскочил за двери.
Что с царем поделать можно,
Потеряв его доверье?..
Услыхав о неудаче,
Автандил в тоске поник.
«Нет,— сказал он,— обещаний
Забывать я не привык.

Сам ты знаешь: если роза
В день печали увядает,

Соловей, влюбленный в розу,
И грустит и умирает.
Должен он найти для розы
Каплю утренней росы,
Каплю влаги драгоценной,
Чтоб спасти ее красы.

Мне без брата Тариэла
Утешенья в мире нету.
Чем раздумью предаваться,
Лучше странствовать по свету.
Неразумно царь замыслил
Посылать со мною рать:
Лучше быть без полководца,
Чем безумца посылать».

Как воспеть мне добродетель,
Незабвенную доселе?
Было сердце человека
Здесь испытано на деле.
Помогать в нужде друг другу
Мы обязаны всегда;
Друг — нам верная опора,
Если встретится беда.

СКАЗАНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

О втором, тайном отъезде Автандила

Снова с верным Шермадином
Автандил пришел проститься.
«Срок настал, — сказал рабу он, —
Я обязан удалиться.
Царь меня не отпускает.
Он не знает, что со мною,
Но нарушить не могу я
Клятву, данную герою.

Помни, друг, мои заветы:
Средь начальников примерный,
Подчиняйся Ростевану;
Как слуга нелицемерный,

Береги мой дом отцовский,
Обучай мои отряды.
Коль вернусь, не пожалею
Для тебя, мой друг, награды».

Шермадин воскликнул: «Витязь,
Тяжко мне с тобой расстаться!
О, возьми меня с собою —
Легче нам вдвоем скитаться». —
«Нет, — сказал печально витязь, —
Ты один моя опора,
Без тебя погибнет город
От набегов и раздора.

Взять тебя в поход с собою,
Видишь сам ты, не могу я,
На тебя же налагаю
Я обязанность другую:
Оседлай коня лихого
И наутро в день прощанья
Передай от Автандила
Государю завещанье».

Витязь сел и Ростевану
Написал такое слово:
«Царь великий! Связан клятвой,
Я тебя покинул снова.
Пораженного судьбою
Я не в силах обмануть.
О, верни свою мне милость!
Ухожу в далекий путь.

Не осудишь ты, я знаю,
Мудрый царь, мое решение.
Кто в беде покинет друга,
Тот достоин сожаленья.
Учит нас Платон-философ,
Чьи слова знакомы всем:
«Ложь вредит сначала телу,
Разрушает дух затем».

Ложь — источник всех несчастий,
Ложь — начало всякой муки.
Как могу забыть о друге
В день печали и разлуки?
Мудреца завет великий
Людям должно исполнять;

Для того и знанье людям,
Чтобы душу укреплять.

Жалок тот, кто перед битвой
Укрывается трусливо,
Вечно думает о смерти
И горюет молчаливо.
Все равны мы перед смертью,
Всех разит ее копье,—
Лучше славная кончина,
Чем позорное житье.

Но, преследуем в скитаньях
Несчастливою судьбою,
Если я погибнуть должен,
Кто заплачет надо мною?
Не сошьют друзья мне саван,
Не схоронят в тишине...
В день моей печальной смерти
Вспомни, царь мой, обо мне.

Все, что я имел при жизни,
Завещаю я народу.
Ты раздай богатства бедным,
Возврати рабам свободу,
Надели моей казною
Всех убогих и сирот.
Пусть о витязе погибшем
Вспоминает весь народ.

И еще, о царь могучий,
Я молю за Шермадина.
Ныне, может быть, надолго
Он лишился господина.
Чтобы он в часы разлуки
Не терзал своей души,
Ты рассей его заботы,
Слез потоки осуши».

Кончив скорбное посланье,
Помолился витязь богу,
Попрощался с Шермадином
И отправился в дорогу.
О его отъезде тайном
Слух разнесся по окрайнам.
Царь, услышав эти вести,
В горе был необычайном.

«О мой сын,— рыдал он горько,—
Бросил ты меня навеки!
Без тебя не светит солнце,
Только слез струятся реки.
Уж очей твоих прекрасных
Никогда я не увижу,
Никогда твоих я кликов
На охоте не услышу.

Знаю я, в далеких землях
Над тобой не властен голод,
Верный лук тебя прокормит —
Меток ты, здоров и молод.
Если же, судьбой гонимый,
Не вернешься ты с чужбины,
Кто придет меня утешить,
Пожалеть мои седины?»

И когда от Шермадина
Получил он завещанье,
Запретил войскам в цветное
Облачатся одеянье.
Скорбь повсюду воцарилась,
И молился каждый воин,
Чтобы помощи небесной
Был скиталец удостоен.

СКАЗАНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

О том, как Автандил разыскал витязя во второй раз

Как цветок в разлуке с солнцем
Понемногу увядает,
Так, уехав от любимой,
Бедный витязь унывает.
Гонит он коня лихого,
Едет ночью, едет днем,
Унося прекрасный образ
В сердце горестном своем.

«О любимая царица! —
Воскликает он уныло.—
Ты ресницами скитальца,
Словно копьями, пронзила.
Благовонными устами
И агатами очей
Ты мое сразила сердце,
Слез исторгнула ручей.

Солнце, ты, по слову мудрых,
Нам являешь образ бога,
Ты над звездами владыка,
В небесах твоя дорога.
Сжался, Солнце, надо мною!
Бедный пленник, я молю:
Дай увидеть мне царицу
Незабвенную мою».

Длинный день к концу подходит,
В небеса луна восходит.
Едет витязь по тропинкам
И с луною речь заводит:
«Ты, Луна, сердца влюбленных
Озарить умеешь вмиг,—
Дай увидеть мне царицу,
Чей с тобою сходен лик».

Ночь несла ему отраду.
Днем, от зноя изнывая,
Подъезжал к реке он часто
И смотрел в нее, рыдая.
Из очей струился в воду
Слез сияющий поток...
Ни один еще влюбленный
Так не плакал, одинок.

Наконец добрался витязь
До пещеры Тариэла.
Перед ней Асмат-рабыня
Одинокая сидела.
Дева бросилась навстречу,
Автандил сошел с коня.
«Где мой друг? — спросил он деву.—
Ожидает ли меня?»

Дева горько зарыдала
И ответила герою:

«Лишь уехал ты отсюда,
Попрощался он со мною
И пропал в степях далеких,
Одинокством томим.
Ни один не знает смертный,
Что теперь случилось с ним».

Прямо в сердце пораженный,
Витязь вымолвил: «Сестрица,
Тариэлу в день отъезда
Обещал я возвратиться.
Обещанье я исполнил,
Он же клятвой пренебрег,
Не дождался и уехал,
Горя вытерпеть не мог».

«Витязь,— девушка сказала,—
Мудрено судить его нам:
Человек, лишенный сердца,
По своим живет законам.
Сердце в муках умирает,
Вслед за сердцем гаснет ум.
Человек, ума лишенный,
Своеволен и угрюм.

Описать его мученья
Невозможно без труда мне:
Увидав его безумным,
Вопиют в пустыне камни;
Слез его довольно б было,
Чтоб составился ручей;
Звери мечутся лесные,
Слыша звук его речей.

Провожая Тариэла,
Я, несчастная, спросила:
«Что теперь должна я делать,
Коль увижу Автандила?» —
«Передай ему,— ответил
Бедный витязь,— что опять
Буду я в степях скитаться
И героя ожидать.

Этих мест я не покину,
Приютит меня округа.
Если витязь мой приедет,
Он найти сумеет друга.

Если ж я умру до срока,
Неземным огнем сожжен,
Пусть мой прах осиротелый
Похоронит с честью он».

Автандил к реке спустился,
Проскакал через равнину.
Ветер жег ему ланиты,
Цветом равные рубину.
Витязь кликал Тариэла,
Звал его среди лесов,
Но, увы, скиталец бедный
Не откликнулся на зов.

Так прошло два дня, две ночи.
Автандил на холм поднялся;
С высоты, залитый солнцем,
Дол прекрасный открывался.
На опушке дальней рощи
Конь разнузданный стоял.
«Это он!» — воскликнул витязь
И к опушке поскакал.

И когда, достигнув рощи,
Он увидел Тариэла,
Сердце в нем остановилось
И душа оцепенела:
Тариэл лежал, как мертвый,
Запрокинув к небу лик;
Ворот был его разодран,
Взор беспомощен и дик.

Справа возле Тариэла
Лев лежал, мечом сраженный,
Слева — тигр, убитый насмерть,
Алой кровью обагренный.
Меч отброшен был далеко,
Тариэл едва дышал...
Витязь слез с коня и друга,
Наклонясь, поцеловал.

Вздвогнул друг, повел очами,
Прояснилось в нем сознание.
«Милый брат, — сказал он тихо, —
Я исполнил обещание:
Я дожид до нашей встречи,
Но, увы, истратив силы,

Ныне я прошу у бога
Лишь забвенья и могилы».

«О,— воскликнул бедный витязь,
Обнимая Тариэла,—
Головой тебе клянусь я —
Злое ты задумал дело!
Знай, тебя смущает дьявол,
Вечный враг людского рода.
Жизнь свою пресечь до срока
Запрещает нам природа.

Если мудр ты и желаешь
Быть, как прежде, добрым мужем,
Знай, что мужеством единым
Мы любви великой служим.
Если ж в слабости сердечной
Ты весь мир возненавидишь,
Разве ты найдешь царевну?
Разве ты ее увидишь?

О, послушайся совета:
Кони нас зовут в дорогу,
Сядем вместе и поедем —
Горе стихнет понемногу.
Недостойно полководца
Поддаваться искушенью.
Время горести минует,
Час настанет утешенью».

Тариэл ответил: «Витязь,
Я тебе едва внимаю.
Страшен мир для человека,
Срок пришел — я умираю.
Верю я: в краю далеком,
За пределами земного,
Разлученные при жизни,
С нею встретимся мы снова.

Кинусь я к моей любимой,
И она пойдет навстречу,
Горько милая заплачет —
Я стенанием отвечу.
Нет, оставь меня, мой витязь,
Уж недолго мне томиться:
К сонму духов бестелесных
Дух мой немощный стремится».

«Вижу я,— ответил витязь,—
Распалил свою ты рану,
Больше грубыми словами
Докучать тебе не стану.
Если сам ты хочешь смерти,
Больше нет тебе спасенья.
Лишь одну исполни просьбу,
Лишь одно услышь моление.

Та, чьи длинные ресницы,
Словно копья из агата,
Окружают лик кристальный
И чернеют, как ограда,
Та, чьей гордой красотой
Сердце брошено в горнило,
Возлюбив тебя, как брата,
В путь меня благословила.

Одолеl я путь тяжелый,
Разыскал тебя в пустыне —
Ты меня отсюда гонишь,
Приготовившись к кончине.
На прощание, молю я,
Пересиль свое упорство,
Дай твою увидеть силу
И твое узнать проворство».

И, поднявши Тариэла,
Витязь кликнул вороного.
Конь приблизился послушный.
Не сказав в ответ ни слова,
Тариэл с глубоким вздохом
Сел на верного коня
И поехал по долине,
Низко голову склоня.

И затих в нем понемногу
Сердца жар невыносимый,
Оживился лик кристальный,
Загорелся взор орлиный.
Был наездник он отважный,
И, ездою развлечен,
Постепенно возвращался
К многотрудной жизни он.

Автандил следил за другом,
Преисполненный участия.

«Витязь, — он сказал, — я знаю,
Ты хранишь свое запястье,
На груди его ты носишь,
Плачешь, сетуешь над ним...
Неужели дар царевны
Так тебе необходим?»

«Этот дар, — ответил витязь, —
Дар единственный на свете;
Смысл моей несчастной жизни
В драгоценном том предмете.
Мне дороже всех сокровищ
Этот дивный талисман,
Мира целого дороже,
Рек его, морей и стран».

Автандил сказал: «Однако
У чеканщика он куплен,
Он безжизнен, бессловесен,
Безучастен, неразумен.
Ты расстаться с ним не можешь,
Но Асмат, сестру свою,
Покидаешь, неразумный,
В этом горестном краю.

Знаю я, Асмат-рабыню
Ты нарек своей сестрою,
О тебе она тоскует,
Делит горести с тобою.
Помнишь, как она служила
И царевне и тебе?
Неужели позабыл ты
О лихой ее судьбе?»

«Я хотел уйти от мира, —
Витязь вымолвил тоскливо, —
Но сестра моя несчастна —
Рассудил ты справедливо.
Едем к ней, она зовет нас
И вздыхает тяжело.
Расскажу я по дороге,
Что в лесу произошло.

СКАЗАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

О том, как Таризэл убил льва и тигра

Раз я ехал по дороге,
Вспоминая про царицу.
Вижу — в зарослях окрестных
Лев преследует тигрицу.
Я помчался вслед за ними.
Лев догнал свою подругу,
Звери начали ласкаться
И шуметь на всю округу.

Так они играли долго,
Но, беззлобные вначале,
Нападая друг на друга,
Вдруг от злобы зарычали.
Лев вонзил в тигрицу когти,
Та отпрянула, робея.
Лев, почуяв запах крови,
Грозно кинулся за нею.

Рассердился я на зверя
И метнул копье стальное.
Лев упал, копьем пронзенный,
И пополз, протяжно воя.
Я мечом его ударил
И рассек его с размаха.
Рухнул мертвый зверь на камни,
Поднимая груды праха.

Меч отбросил я далеко
И прекрасную тигрицу
Обхватил двумя руками,
Словно царь свою царицу.
Грозно хищница рычала
И рвала когтями кожу.
Обезумел я от боли
И ее прикончил тоже.

Вот, мой брат,— закончил витязь,—
Дал мне бог судьбу какую.
Дик я, зол и бессердечен,
Если плачу и тоскую.
Не могу я жить на свете,
Смерть одна моя отрада.

Кроме смерти и забвенья,
Ничего мне здесь не надо».

Долго длился путь печальный.
Но окончилась дорога,
И Асмат, друзей встречая,
Появилась у порога.
Слезы радости струились
Из ее больших очей.
Тариэл сошел на землю
И заплакал вместе с ней.

Так вошли они в пещеру
И на шкуры опустились.
Подала рабыня ужин,
Оба друга подкрепились
И заснули сном глубоким,
Истомленные тоской,
И Асмат у изголовья
Охраняла их покой.

И едва на темном небе
Появился луч светила,
Тариэл сказал герою
Безнадежно и уныло:
«Жизнь мою спасти сумел ты,
Но огонь моей души
Потушить никто не может
В этой горестной глуши.

Был разумным я когда-то,
Нынче час пришел безумья.
Оттого в моей пустыне
Своеволен и угрюм я.
Исцелить меня не в силах
Ни единый человек.
Возвратись же в край родимый
И покинь меня навек».

Автандил вздохнул глубоко
И сказал такое слово:
«Отпросившись у царицы,
Я к тебе приехал снова.
Я сказал ей: «Мне без друга
Не прожить теперь и дня.
Отпусти меня, царица,
Не удерживай меня!»

И сказала мне царица:
«Ты решил, как должно другу.
Помогая Тариэлу,
Мне окажешь ты услугу».
Если я тебя покину,
Что сказать я должен ей?
Трус я буду и предатель,
Забывающий друзей.

Нет, не нужно этих споров!
Делай, как тебе угодно,—
Коль не хочешь быть разумным,
Плачь, неистовствуй бесплодно.
Об одном тебя молю я:
Посреди своих невзгод
Собери остаток силы
И скрепи себя на год.

Через год, когда минуют
Ураганы и морозы,
Через год, когда повсюду
Расцветут обильно розы,
Жди меня. Объехав землю,
Я вернусь к тебе опять,
Может быть, следы царевны
Мне удастся отыскать».

Тариэл ответил: «Витязь,
Глух ты стал к моим советам.
Нелегко найти царевну,
Убедишься сам ты в этом.
Я твою исполню просьбу,
Подчинюсь моей судьбе,
Лишь бы смерть — отрада слабых —
Не взяла меня к себе».

Снова витязи простились
С опечаленной девицей.
Покраснели их ланиты
И сравнялись с багрянницей,
На очах сверкнули слезы,
И Асмат, обнявши их,
Снова горестных рыданий
Не могла сдержать своих.

В этот день два верных друга
Путешествовали вместе.

Трудно было им расстаться,
Каждый думал о невесте.
Наконец на берег моря
Вывел их печальный путь.
Время было подкрепиться
И с дороги отдохнуть.

Автандил промолвил: «Витязь,
Здесь проститься суждено нам.
Не пойму я, как случилось,
Что расстался ты с Фридоном?
Весть о девушке пропавшей
Получил ты от него.
Ныне еду я к Фридону.
Как, скажи, найти его?»

Тариэл, подъехав к морю,
Показал ему дорогу:
«Вдоль по берегу морскому
Направляйся ты к востоку.
Если встретишь ты Фридона,
Передай ему привет.
Славный царь Мутьгазанзара
Стал мне другом с юных лет».

Подстрелив козленка в роще,
Сели витязи за ужин.
Небогат был пир походный,
Но зато по-братски дружен.
На заре они проснулись,
Повели коней к ручью.
И разъехались, рыдая,
Каждый в сторону свою.

СКАЗАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Моление Автандила светилам

О печальный мир, скажи мне,
В чем твоя сокрыта тайна?
Что ты гонишь человека
И гнетешь необычайно?

Ты ведешь его откуда
И смешаешь где с землею?
Только бог один заступник
Всем, отвергнутым тобою!

Разлученный с Тариэлом,
Автандил в дороге плачет:
«Горе мне! В тоске и муке
Снова путь далекий начат.
Так же нам трудна разлука,
Как свиданье после смерти.
Человеческие души
Равной мерою не мерьте!»

Звери вокруг него толпились,
Слезы горестные пили.
Душу, полную печали,
Он сжигал в своем горниле.
Образ нежный Тинатины
Вспоминал он, полон муки,—
Розы губ полуоткрытых
Были скорбны от разлуки.

Вяла роза, увядала
Ветвь прекрасного алоэ,
Потемнел кристалл точеный,
И рубин померк от зноя,
Но шептал он сам с собою,
Чтобы сердце укрепилось:
«Что дивишься, сердце, мраку,
Если солнце закатилось?»

И воззвал тогда он к солнцу:
«Солнце! Образ Тинатины!
Оба вы с моей царицей
Освещаете долины.
Я, безумный, я, влюбленный,
Упиваюсь вашим светом.
Ах, зачем мое вы сердце
Оттолкнули несогретым!

Если солнце угасает,
Людям холодно зимою.
Не одно, но два светила
Ныне гаснут надо мною,—
Но, молю тебя, царице
О моих скажи страданиях —

Видишь, как томлюсь я ныне,
Обезумевший в скитаньях!

Аспироз, звезда любви*,
На мои склонись моления!
Помоги мне: я сгораю
От любовного томленья!
Украшаешь ты красавиц
Беспримерной красотой,—
Я красавицей погублен,
Сжался, сжался надо мною!

Отарид, с твоей судьбою*
Я судьбу свою равняю:
Солнце властвует тобою,
От него и я сгораю.
Опиши мои мученья!
Вот из слез моих чернила,
Пусть пером тебе послужит
Стан иссохший Автандила.

О Луна, твой лик прекрасный
То в ущербе, то в расцвете.
Так и я, по воле Солнца,
То сильнее всех на свете,
То слабее самых слабых.
Не покинь меня, молю я,
Расскажи моей царице,
Как скитаюсь я, тоскуя.

Вот свидетельствуют звезды,
Наклоняясь надо мною,
Солнце, Отарид, Муштари
И Зуал полны тоскою*,
Как же мне в беде не плакать?
Лишь утес не знает боли.
Нож — плохой больному лекарь:
Ранит тело поневоле».

И опять, взглянув на солнце,
Витязь жаловался бедный:
«Солнце, Солнце! В дальнем небе
Ты свершаешь путь победный,
Ты смиренных возвышаешь,
Счастье им даешь и силу.
Возврати меня к царице,
Будь защитой Автандилу!

О Зуал, планета скорби!
Ты умножь мои стенанья,
Положи на сердце траур,
Тьмой окутай мирозданья,
Бремя тяжкое унынья
Возложи ты мне на плечи,
Но скажи ей: «Твой любимый
О тебе грустит далече».

О Муштари! Над Землею
Ты судья благочестивый.
Вот пришли на суд два сердца —
Рассуди их, справедливый!
Не губи души, владыка,
Бессердечным приговором, —
Прав я, прав! Но ранен в сердце
И пронзен прекрасным взором.

О Марих, звезда сражений!*

Бей меня копьем могучим,
Грудь мою без сожаленья
Обагри потоком жгучим,
Аспироз, Марих с Луною
На мои взирает муки, —
Не покинь меня, царица,
В день печали и разлуки».

И опять сказал он сердцу:
«Сердце, полно убиваться!
Дьявол нас подстерегает,
Чтоб над нами надругаться.
Над челом моей царицы
Реют вороновы крылья.
Чтобы радость к нам вернулась,
Собери свои усилья.

Если я в живых останусь,
Если мужественным буду, —
Может быть, увижу солнце
И о муках позабуду».

Сладко пел прекрасный витязь,
Слез поток струился, дробен.
Соловей пред Автандилом
Был сове лесной подобен.

Слыша пенье Автандила,
Звери плакали лесные,

Из реки на берег камни
Выходили, как живые,
И внимали, и дивились,
И напев его печальный
Заставлял их горько плакать
Над душой многострадальной.

СКАЗАНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

О том, как Автандил прибыл в Мультгазанзар

Долго ехал юный витязь.
Лишь на день семидесятый
Он корабль заметил в море,—
Странник, горестью объятый.
Моряки пристали к суше,
И спросил у них герой:
«Чье, скажите, это царство?
Есть ли город тут какой?»

И сказали мореходы:
«Здесь турецкая граница.
Там — сады Мультгазанзара.
Недалеко и столица.
Правит этим славным царством
Витязь доблестный Фридон.
Муж воинственный и щедрый,
Нам сердца пленяет он».

Автандил коня пришпорил
И помчался по дороге.
В отдаленье показались
Белоснежные чертоги.
Сотни воинов отважных
Окружали цепью луг;
Стрелы в воздухе носились,
Звери падали вокруг.

Вдруг над самою охотой
Молодой орел поднялся.

Автандил за лук схватился
И за птицею погнался.
Метким выстрелом сраженный,
Пал орел. И Автандил,
Летуну подрезав крылья,
Прямо к ловчим поспешил.

Расступился круг широкий,
И Фридон с холма крутого
Увидал перед собою
Чужестранца молодого.
Вот раба послал он к гостю
И велел ему узнать,
Кто осмелился без спросу
Цепь облавы разорвать.

Раб подъехал к Автандилу,
Но, взглянув на лик прекрасный,
Словно столб остановился,
Восхищенный и безгласный.
Витязь молвил: «Возвращайся
К господину твоему.
Брат названный Тариэла
Прибыл, посланный к нему».

И когда Фридон услышал
Имя друга Тариэла,
Сердце громко в нем забилося
И душа повеселела.
Быстро он с холма спустился
И воскликнул, поражен:
«Этот витязь равен солнцу!
Коль не солнце, кто же он?»

Слезли витязи на землю,
Крепко обняли друг друга.
Сотни воинов сбежались
Из охотничьего круга.
Все смотрели на пришельца,
Все дивились. Наконец
На коней друзья вскочили
И помчались во дворец.

И сказал Фридону витязь:
«Чтоб мое узнал ты дело —
Кто я, еду я откуда,
Где узнал я Тариэла,—

Расскажу тебе всю повесть,
Весь печальный мой рассказ.
Тариэл, мой брат названный,
Вспоминает нынче нас».

И поведал он Фридону
Все от самого начала:
Как любимая царица
В дальний путь его послала,
Как увидел он героя,
Побратался как он с ним,
Как живет в пещере витязь,
Одинокством томим.

Услыхав рассказ печальный,
Царь заплакал с Автандилом.
Вся окрестность огласилась
Причитанием унылым.
Слез поток неудержимый
Был ресницами запружен,
И струились по ланитам
Нити длинные жемчужин.

И вослед царю Фридону
Стража громко зарыдала —
Те себя по лицам били,
Те швыряли покрывала.
Автандил небесноликий
Был отрадою для взора.
Под шатром ресниц тяжелых
Он тайл зениц озера.

Так вошли герои в город.
Посреди высоких башен
Там стоял дворец Фридона,
И велик и разукрашен.
Слуги в платьях драгоценных
Красовались длинным строем,
И вельможи шли навстречу,
Восхищенные героем.

Вот за стол друзья уселись.
Время трапезы пришло.
Сто вельмож в одеждах пышных
По бокам от них сидело.
Утварь чудная явилась,
Все вокруг засуетилось,

И вино в высоких кубках
Зашипело, заklubилось.

Так, в веселье и забавах,
Дни за днями проходили.
Царь Фридон души не чаял
В благородном Автандиле.
Наконец взмолился витязь:
«О Фридон, не обессудь,
Должен я тебя покинуть
И пуститься в дальний путь».

Царь Фридон ответил: «Знаю,
Спорить мне не подобает —
Ты спешишь, огнем великим
Сердце витязя пылает.
Но чтоб в горестных скитаньях
Не забыл ты про меня,
Дам тебе рабов я верных
И послушного коня».

Четырех рабов он кликнул
И для будущих сражений
Дал им панцири стальные
И прислал вооруженье,
Меру золота отвесил,
Иноходца подарил —
Статный конь в богатой сбруе
Всех коней прекрасней был.

Вышли витязи за город,
Поднялись на холм высокий.
«Здесь, — сказал Фридон, — пристала
Лодка девы черноокой.
Два раба везли царевну,
Я хотел ее отнять,
Но рабы, заслышав топот,
В море бросились опять».

Автандил с царем Фридоном
Крепко обняли друг друга.
Войско выстроилось цепью
Посреди большого луга.
Автандил простился с войском,
Шлем надвинул боевой
И помчался по дороге
В край неведомо какой.

СКАЗАНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Битва Автандила с пиратами

День за днем сто дней проходят.
Солнце всходит и садится.
Вдоль по берегу морскому
Автандил с рабами мчится.
Вот блеснул в заливе парус.
Показались верблюды.
На песке лежали кучей
Дорогих товаров груды.

Караванщики стояли,
Призадумавшись, над морем.
Лица были их печальны
И сердца объаты горем.
Автандил подъехал ближе,
Произнес слова привета
И спросил их: «Кто вы, люди?
Из какой вы части света?»

И сказал Усам премудрый,
Предводитель каравана:
«Мы торговцы из Багдада,
Исповедники корана.
Люди веры Магомета,
Не берем мы в рот хмельного.
Ныне едем мы с товаром
В славный град царя морского.

Здесь какого-то беднягу
Полумертвого нашли мы.
Вел корабль он из Египта,
Но, к купцам неумолимы,
Кровожадные пираты
На него в пути напали,
Все разграбили товары
И людей поубивали.

Лишь один бедняга этот
Избежал огня и пыток...
Как нам быть? Обрато ехать —
Понесем в делах убыток.
Выйти в море тоже страшно —
Может больше быть потеря:

Трудно справиться с врагами,
Силам собственным не веря».

«Не горюйте,— молвил витязь,—
Что напрасно вам томиться!
Предназначенное богом
Пусть над нами совершится.
Буду вашей я защитой
И залогом вашей крови.
Пусть приблизятся пираты —
Меч держу я наготове».

«Этот витязь крепок сердцем,—
Так Усам промолвил людям.—
Под его защитой храброй
В безопасности мы будем».
Все со старцем согласились
И, товары погрузив,
На корабль спокойно сели
И покинули залив.

Солнце яркое светило,
Ветер выдался попутный —
Путешественникам выпал
Путь приятный и нетрудный.
Вдруг вдали корабль пиратов
Показался с длинным флагом;
Был таран на нем поставлен,
Приготовленный к атакам.

Завывая громко в трубы,
Шли грабители навстречу,
Грозным голосом кричали,
Вызывая всех на сечу.
Корабельщики в испуге
Побелели, точно мел.
Только витязь был спокоен,
Только он не оробел.

«Вы, купцы,— сказал он,— трусы,
На войну вы не ходили.
Чтобы стрелами пираты
В битве вас не перебили,
Уходите все отсюда,
Дверь прикройте за собой —
Я один злодеев встречу
И приму смертельный бой».

И когда, крича и воя,
К ним приблизились пираты,
Взял он палицу большую,
Не спеша оделся в латы,
Шлем на голову надвинул
И поднялся на корму.
И корабль, грозя тараном,
Повернул свой нос к нему.

Вот таран взметнул навстречу
Наконечник свой лемешный.
Автандил, вооруженный
Крепкой палицей железной,
Вдруг ударил по тарану:
И, разломлен пополам,
Полетел таран в пучину
И понесся по волнам.

Образумились пираты,
Но бежать уж было поздно —
Прыгнул к ним бесстрашный витязь
И оружие поднял грозно.
Он иных кидал в пучину,
Друг о друга бил других;
Восьмерых схватил в охапку;
Ударял в девятерых.

И в ужасной этой битве
Нелегко пришлось пиратам...
Одержав победу, витязь
Корабли связал канатом
И позвал купцов трусливых...
Увидав, что кончен бой,
Те пришли в себя и мигом
Появились всей толпой.

И когда корабль пиратов
Мореходы осмотрели,
Столько там нашли сокровищ,
Сколь не видели доселе.
Перечли они добычу
И к себе перенесли;
И корабль, разбитый в щепки,
Покидая, подожгли.

И сказал Усам герою,
Мореходов предводитель:

«Витязь, ты защита наша,
Ты наш храбрый избавитель,
Спас ты нас от верной смерти,
Не щадил себя в борьбе,—
Ныне все товары наши
Мы приносим в дар тебе».

Автандил ответил: «Братья,
Если б я искал наживы,
Все, что лучшего есть в мире,
Все в казне б моей нашли вы.
Что сокровища мне ваши?
Не обидел бог меня —
Самого себя имею
И отважного коня.

Об одном прошу вас, братья:
Собираясь у амбаров,
Про меня вы говорите:
«Вот хозяин всех товаров».
Я купцом переоденусь
И, пока не минул срок,
Буду жить среди торговцев,
Отдыхая от тревог».

Услыхав такое слово,
Корабельщики сказали:
«Видим мы, отважный витязь,—
Ты в заботе и печали.
Все, о чем ты ни попросишь,
Каждый сделает из нас,
Жизнь свою не пожалеет
И сокровища отдаст».

День кончался беспокойный,
Солнце тихо заходило.
Моряки втащили якорь
И поставили ветрило.
Море вдруг заволновалось,
Ветер в мачтах зашумел,
И корабль к царю морскому,
Словно птица, полетел.

СКАЗАНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

О том, как Автандил прибыл в Гуланшаро

Славен город Гуланшаро!
Царь морей — его владыка.
Красотою он пленяет
Всех, от мала до велика.
Пышным садом окруженный,
Тонет в зелени он весь,
И цветы оттенков разных
Никогда не вянут здесь.

Автандил причалил к суше
И, тяжелыми цепями
Привязав корабль к причалам,
Сел на стул под деревьями.
И пришел к нему садовник,
И спросил его герой:
«Хороша ль у вас торговля
И в цене товар какой?»

«О купец, — сказал садовник, —
Славный город Гуланшаро,
Расположенный на море,
Полон всякого товара.
Много здесь купцов богатых,
И со всех концов земли
Дивных редкостей немало
К нам привозят корабли.

Царь морей Мелик-Сурхави
Этим городом владеет.
Всякий, кто сюда приедет,
Будь хоть стар, — помолодеет.
Ежедневно здесь пирушки,
Веселится весь народ,
И цветы в садах чудесных
Здесь не вянут круглый год.

Я — смотритель за садами
Именитого Усена.
Он — глава торговцев здешних,
Вся ему подвластна мена.
Этот сад, где вы пристали,
Служит отдыхом ему.
Ныне вам явиться должно
К господину моему.

Но приехали вы поздно,
Сам Усен теперь в отъезде,
Лишь Фатьма, его супруга,
Может встретить вас на месте.
О прибытие каравана
Доложу я ей сейчас,
Слуг она пошлет навстречу
И принять прикажет вас».

Скоро слуги появились,
Судно быстро разгрузили
И товары на хранение
В караван-сарай сложили.
И Фатьма, встречая гостя,
Появилась у дверей.
Поклонился низко витязь
И вошел в покои к ней.

Именитая хозяйка
Хороша была собою;
По годам немолодая,
Всем казалась молодою:
Станом стройная, как дева,
И прекрасная лицом,
Много слуг она имела
И нарядов полон дом.

Витязь ей поднес подарки,
И она, сияя взглядом,
Угощала Автандила
И сама сидела рядом.
Поздно кончилась пирушка.
На рассвете Автандил
Развязал свои товары
И на части разделил.

Драгоценные каменья,
Без оправы и в оправе,
Были посланы на выбор
Во дворец Мелик-Сурхави.
Все сокровища другие
Были отданы купцам,
И купцы их продавали,
Как назначил им Усам.

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТОЕ

*О том, как Фатьма освободила
Нестан-Дареджан от ее похитителей*

Автандил, купцом одетый,
Жил под кровлею Усена.
Между тем с Фатьмой внезапно
Приключилась перемена:
Стала мрачною хозяйка
И, как раньше, за столом
Не беседовала больше
С рассудительным купцом.

Так летели дни за днями.
Как-то раз, в часы досуга,
«Госпожа моя,— воскликнул
Автандил,— ты ждешь супруга!
Почему же ты тоскуешь
И зачем не весела?
Отчего печаль немая
На чело твое легла?»

«Ах, купец,— Фатьма сказала,—
Все мне в тягость, жизнь постыла.
Как мои ни льются слезы,
Не вернуть того, что было.
Деву, лучшую на свете
И подругу из подруг,
Предал участи печальной
Ненавистный мой супруг.

Ах, купец, к тебе я ныне
Преисполнена доверья!
Не могу молчать я больше,
Все скажу тебе теперь я.
Может быть, Фатьме несчастной
Ты полезный дашь совет,
Как ей пленницу избавить
От ее великих бед.

Слушай, путник. Существует
Здесь обычай новогодний:
Закрываем мы торговлю,
И купцы поблагородней
Во дворец идут обедать
И несут царю дары —

Кто каменья дорогие,
Кто роскошные ковры.

Царь гостей обедом кормит
И дарами наделяет.
Десять дней гремят кимвалы,
Арфы звонкие бряцают,
На арене мечут копья,
На лугу играют в мяч,
На ристалищах огромных
Лошадей пускают вскачь.

Раз, обычай соблюдая,
Позвала меня царица
Вместе с женами торговцев
Во дворец повеселиться.
Поздно вечером вернулись
Мы веселые домой,
И подруг своих любимых
Привела я в дом с собой.

В сад мы весело спустились
И певцов с собою взяли.
Забавляясь, я меняла
И прически и вуали.
Наконец пришли мы в домик,
Что висит над самым морем,
И затихла я внезапно,
Вся охваченная горем.

Что тогда со мной случилось,
Рассказать я не умею.
Увидав, что я печальна,
Все ушли гулять в аллею.
В доме я одна осталась,
И окно приотворила,
И смотреть на море стала
Безнадежно и уныло.

Море тихо волновалось,
Гасло солнце золотое.
Вдруг мелькнуло в отдаленье
То ль животное какое,
То ли маленькая птица...
Но приблизилось виденье,
И признала в нем я лодку,
Что скользила по теченью.

Лодка к берегу пристала.
Озираясь боязливо,
Два раба чернее саж
Вышли на берег залива.
Все вокруг спокойно было,
Не следил никто за ними;
Только я вверху сидела,
Не замеченная ими.

Осмотрев пустынный берег,
Вновь они спустились в лодку,
И ковчег внесли на берег,
И открыли в нем решетку.
Из ковчега вышла дева
В черной редкостной вуали.
Солнце, полное сиянья,
С ней сравнялось бы едва ли.

Дева грустно оглянулась,
И лучи очей прелестных,
Озарив ночные скалы,
До высот дошли небесных.
Опустила я ресницы
И окно скорей закрыла.
И смотреть была не в силах
На чудесное светило.

Четырех рабов отважных
Позвала к себе тогда я
И сказала им: «Смотрите,
Гибнет дева молодая.
Подойдите незаметно,
Чернокожих окружите.
Что запросят, то и дайте,
Только пленницу купите.

Если ж эти два злодея
Не уступят вам девицу,
Вы убейте их без страха
Или бросьте их в темницу».
Вот рабы подкрались к лодке,
Окружили незнакомцев
И к торговле приступили,
Развязав мешок червонцев.

У окошка я стояла.
Вижу — те не уступают,

Гонят прочь моих посланцев
И клинками угрожают.
«Смерть злодеям!» — я вскричала.
Тут рабы их повалили,
Обезглавили и в море
Вражьи трупы потопили.

Я пошла навстречу к деве
И склонилась перед нею.
Как была она прекрасна —
Рассказать я не умею.
Перед нею меркло солнце,
И лучи ее ланит
Ослепляли бедных смертных
Так, как солнце не спит».

И Фатьма, рыдая горько,
В грудь ударила рукою.
Автандил заплакал тоже
И поникнул головою.
«Продолжай, — Фатьме сказал он, —
Не томи слезами глаз».
И Фатьма, сдержав рыданья,
Продолжала свой рассказ:

«Эту деву молодую
Всем я сердцем полюбила.
Привела ее к себе я,
На подушки посадила
И сказала ей: «О солнце!
Ты дитя какой земли?
Где тебя злодеи эти,
Милый друг, подстерегли?»

И в ответ на эти речи
Дева вся затрепетала,
Истомленная неволей,
Безутешно зарыдала.
Затуманились нарциссы
Ослепительных очей,
Сквозь агатовые стрелы
Слез низринулся ручей.

Наконец она сказала:
«Ты мне матери дороже,
Но мое существованье
Лишь на вымысел похоже.

Кто я? Страница простая
С несчастливою судьбой.
Не хочу хулить я бога,
Не откроюсь пред тобой».

И решила про себя я:
«Понуждать ее не время,
Пусть рассеется сначала
Молодых печалей бремя.
Успокоится девица
И расскажет все сама,—
Кто торопится без толку,
Сам лишается ума».

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

О том, как Фатма рассказала мужу о своей пленнице

Эту деву молодую,
Станом сходную с алоэ,
От свидетелсй нескромных
В тайном скрыла я покое.
Никому не говорила
Я о пленнице моей,
Только негр, слуга мой верный,
Мог входить в покои к ней.

День и ночь струились слезы
У неведомой девицы,
Над пучиной глаз чернильных
Висли копьями ресницы,
Чаши слез точили очи,
И чудесных губ коралл
Близну зубов жемчужных,
Открываясь, оттенял.

Не нуждалась эта дева
Ни в шелках, ни в одеяле,
Только шалью покрывалась
И была всегда в вуали.

Руку под голову клала
И спала на ней всю ночь;
И, едва коснувшись пищи,
Отсылала блюдо прочь.

Этой редкостной вуали
Удивлялась я немало.
Ткань ее была, бесспорно,
Крепче всякого металла,
Но была она прозрачна,
И нежна, и не тверда.
Я нигде подобной ткани
Не встречала никогда.

Так со мной вдали от мира
И жила моя бедняжка...
Дни за днями проходили,
Но она страдала тяжко.
Много дней я размышляла,
Как мне бедной пособить.
Наконец решила мужу
Тайну я свою открыть.

Как-то раз пришла я к мужу
И, обняв его, сказала:
«Расскажу тебе, мой милый,
То, что раньше я скрывала.
Поклянись мне страшной клятвой,
Что не скажешь никому
О моей великой тайне,
Даже другу своему».

Муж сказал: «Пускай о скалы
Я ударюсь головою,
Если недругу иль другу
Эту тайну я открою!»
Рассказала я Усену
Об отшельнице моей
И взяла его за руку
И свела в покои к ней.

Увидав мое светило,
Муж воскликнул в изумленье:
«Неужели это солнце —
Нам подобное творенье?»
Пали мы перед девицей
И сказали: «О луна!

Что, скажи, тебя сжигает?
Чем душа твоя больна?

Где, скажи, найти лекарство,
Чтоб помочь великим ранам?
Отчего рубин прекрасный
Ныне сделался шафраном?»
Я не знаю — услышала
Нас девица или нет,
Но свои сомкнула розы
И ни слова нам в ответ.

И когда она, бедняжка,
Поднялась с унылым стоном,
Показалось нам, что солнце
Скрыто огненным драконом,—
Тусклый взор ее светился,
Полон гневного огня.
«Тяжко мне,— сказала дева.—
Уходите от меня!»

Плача, дева походила
На угрюмую тигрицу.
Мы заплакали с ней вместе
И покинули девицу.
С этих пор, дела покончив,
Навещали мы ее,
И томилось вместе с нею
Сердце бедное мое.

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

О том, как Нестан-Дареджан попала к царю морей

Как-то раз случилось мужу
Во дворец прийти с дарами.
Царь морей сидел за пиром,
Окруженный моряками.
Принял с честью он Усена,
Посадил перед собою

И поднес большую чашу
С крепкой влагою хмельною.

Выпил муж мой эту чашу,
Глядь — другая появилась,
Из серебряных кувшинов
Влага снова заструилась.
И забыл свою он клятву.
Что ему коран и Мекка!
Не идут рога ослице,
Хмель не красит человека.

И сказал тогда владыка
Безрассудному Усену:
«Чтоб купить дары такие,
Нужно дать большую цену.
Удивляюсь, где берешь ты
Эти крупные рубины!
Я за них тебе не в силах
Заплатить и половины».

Услыхав хвалу подаркам,
Возгордился безрассудный.
«О, — воскликнул он, — владыка!
Не хвали подарок скудный!
Твоему готовлю сыну
Я сокровище иное —
Солнцеликую невесту,
Станом сходную с алоэ».

И владыке рассказал он
О девице неизвестной,
О слезах ее поведал
И красе ее небесной.
Царь возрадовался сердцем
И велел дворцовой страже
Привести на пир веселый
Ту, которой нету краше.

В доме я одна сидела.
Вдруг явился на пороге
Молодой начальник стражи.
Поднялася я в тревоге.
Он сказал мне: «В этом доме
Скрыта юная луна.
Повелитель мой желает,
Чтоб к нему пришла она».

«Где ж она, девица эта?» —
В удивленье я спросила.
И ответил мне начальник:
«Это дивное светило
В дар принес царю сегодня
Именитый твой супруг.
Приведи скорее деву,
Ждать мне боле недосуг».

Что могла я с ним поделать?
Обнял душу смертный холод,
Свод небесный содрогнулся,
Гневом божиим расколот.
К бедной пленнице пошла я,
Низко голову склоня,
Но она, рыдая горько,
Не взглянула на меня.

И сказала я: «О солнце,
Изменила, знать, судьба нам,
Небо в гневе потемнело
И завесилось туманом.
Вот пришел начальник стражи,
Чтоб свести тебя к царю.
Горе мне! Разбито сердце,
Как в огне я вся горю».

Отвечала мне девица:
«Что крушишься ты, сестрица?
То, что раз со мной случилось,
Вновь не может совершиться.
Зло не стоит удивленья,
Уж привыкла к горю я:
Такова на свете белом
Участь горькая моя».

И, без гнева и без жалоб,
Истомленная печалью,
Встала девушка с подушек
И закуталась вуалью.
И надела я на деву
Чудный пояс из жемчужин —
Чтоб купить такое диво,
Целый город был бы нужен.

«Вот,— сказала я девице,—
Может быть, каменья эти

Разорвать тебе помогут
Плена горестные сети».
И взяла бедняжку стража,
И народ собрался мигом
И бежал вослед за нею,
Пораженный дивным ликом.

Царь ее у входа встретил
И воскликнул: «Боже правый!
Вот сошло на землю солнце
В виде девы величавой.
Кто, скажите, кроме бога,
Мог создать черты такие?
Всякий, кто ее полюбит,
Беды вытерпит лихие».

Посадив с собою рядом,
Царь расспрашивал девицу:
«Кто ты, дева, и откуда
Прибыла в мою столицу?»
Но она не отвечала,
Безучастная к вопросам,
И уста безмолвны были,
Молодым подобны розам.

Царь сказал: «Девушка эта
Нас печалит и волнует.
Что молчит она? Быть может,
О возлюбленном тоскует?
Или дух ее, как голубь,
Над людьми парит высоко
И она, чуждаясь мира,
Здесь страдает одиноко?»

Поскорей бы сын мой милый
Возвращался с поля брани,—
Эту деву молодую
Исцелит он от страданий.
А пока мой сын в походе,
Пусть живет у нас девица.
Ведь луна в разлуке с солнцем
Так же меркнет и томится».

И девицу нарядили
В платье царского покроя,
И повесили на шею
Ожерелье золотое,

И надели ей корону
Из прозрачного рубина,
Чтобы радовала роза
Молодого властелина.

И когда опочивальню
Ей устроили вельможи,
Чистым золотом обили
Ей девическое ложе,
Десять евнухов надежных
Поместили у дверей
И позволили девице
Удалиться от гостей.

Пир веселый продолжался.
Заходили снова чарки.
Получил купец за деву
Драгоценные подарки.
Громко били барабаны,
И девица за стеной
Чутким ухом различала
Рокот арфы золотой.

И тогда сказала стражам
Дева, равная пантере:
«Люди добрые, напрасно
Сторожите вы у двери:
Не гожусь я вам в царицы,
Мне иной назначен путь.
Если будете упорны,
Проколю кинжалом грудь.

И тогда несдобровать вам,
Люди добрые, поверьте:
Царь убьет вас без пощады,
Не простит моей вам смерти.
Отпустите вы девицу!
Что страдать напрасно вам?
За свободу я охотно
Все сокровища отдам».

И сняла она корону
Из прозрачного рубина,
Ожерелье расстегнула —
Дар высокий господина,
Сорвала жемчужный пояс,
И угрюмые рабы,

Увидав ее богатства,
Уступили без борьбы.

Снял один из них одежду,
И она накрылась ею.
Через двери боковые
Деву вывели в аллею.
Мимо стражи проскользнула
Незамеченной она —
Так от страшного дракона
Скрылась юная луна.

Поздно вечером беглянка
Мне в окошко постучала.
Дверь я быстро отворила
И красавицу узнала.
«О Фатьма, — сказала дева, —
Дай коня мне, милый друг!
Убежала от царя я
И его усердных слуг».

Чтобы скрыться от погони,
Был скакун отличный нужен.
Привести его для девы
Я велела из конюшен.
На коня уселась дева
И была как бы светило,
Что, сияя в темном небе,
Льва собой отяготило*.

Ночь настала. Слух пронесся
О таинственной пропаже.
Город мигом оцепили,
Понеслись в погоню стражи.
Обыскали все строенья,
Все луга, леса и реки,
Но, увы, светило наше
Нас оставило навеки.

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

*О том, как Нестан-Дареджан
была заключена в крепость Каджети*

Закатилось наше солнце,
И с тех пор в тоске великой
День и ночь я размышляла
О девице солнцеликой.
Стал мне дом мой ненавистен,
И наряды, и ковры,
И Усен-клятвопреступник
Стал мне мерзок с той поры.

Раз, с прогулки возвращаясь,
Шла я около харчевни.
Тут для путников усталых
Был приют устроен древний.
Под деревьями сидели
Три усталые раба,
И была на них одежда
Запыленная груба.

Незатейлив был их ужин,
Но они не унывали;
О дорожных приключеньях
Двое весело болтали.
Третий раб молчал и слушал,
И когда дошел черед,
Молвил он: «Все эти басни
Знает издавна народ.

Но со мной случилось, братья,
Нечто странное сегодня.
Мир велик, различны люди,
И на всем рука господня,
Но такое, братья, чудо
Я увидел в первый раз.
Ваша речь была крупую,
Будет перлом мой рассказ.

Раб великого царя я,
Повелителя Каджети.
Умер он. Росан и Родья
От него остались дети.
Их воспитывает ныне
Дулардухт, сестра царева,

Хоть и женщина царица,
Но характером сурова.

Дети счастья и удачи,
Мы разбоем промышляем.
Ночью грабим караваны
И торговцев убиваем.
Сто рабов в отряде нашем,
И Рошак — наш предводитель.
Уж немало он сокровищ
Перенес в свою обитель.

Ныне, полночью глухою,
Наш отряд в степи скитался.
Вдруг какой-то свет чудесный
Перед нами показался.
Мы коней остановили,
Пораженные виденьем.
«Уж не солнце ль там спустилось?» —
Я сказал с недоуменьем.

«Нет, — ответили другие, —
Это свет звезды падучей». —
«Вздор какой! — сказали третьи. —
То луна глядит из тучи».
Растянулись мы по степи,
И вперед пошли лавиной,
И виденье окружили,
Что сияло над долиной.

И раздался нежный голос
В том колеблющемся свете:
«Я — гонец из Гуланшаро,
Еду нарочным в Каджети.
Кто вы, путники ночные?
Что вы встали предо мною?»
И возник пред нами всадник,
Сходный с юною луною.

Словно молния ночная,
Все лицо его светилось,
Из очей лилось сиянье
И по воздуху струилось;
Точно копья из агата,
Были длинные ресницы...
И Рошак отважный понял,
Что пред нами лик девицы.

Мы девицу задержали
И спросили: «Кто ты, дева?
Почему одна ты едешь?»
Но, исполненная гнева,
Наша пленница, рыдая,
Не сказала ничего нам...
Жаль тебя, луна ночная,
Поглощенная драконом!

И сказал Рошак нам: «Братья,
Не простое это дело,
Не случайно незнакомка
Платье воина надела.
Бог ее послал нам в руки,
Отведем ее к царице.
Дулардухт довольна будет
И заплатит нам сторицей».

Мы на этом согласились
И в Каджети поскакали.
Дева плакала безмолвно,
Опустив конец вуали...
Я заехал в Гуланшаро
И купил товаров кучу.
Догоню друзей я завтра,
Если лошадь не замучу».

Раб свою закончил повесть.
Услыхав ее случайно,
Я возрадовалась сердцем
В этот день необычайно,
Луч затеплился надежды,
Иссушился слез поток.
Но до пленницы несчастной
Путь был страшен и далек!

Двух рабов, как сажа черных,
В доме я своем имела.
С детства эти эфиопы
Колдовское знали дело:
Стать невидимыми глазу
Без труда они могли
И, как тени, проносились
Над просторами земли.

Я послала их в Каджети,
И они слетали мигом

И, вернувшись, рассказали
Мне в смущении великом:
«Дева в башне неприступной
На скале заключена,
И с царевичем Росаном
Уж помолвлена она.

Но царице не до свадьбы:
Дулардухт объята горем —
У нее сестра скончалась,
Где-то жившая за морем.
Дулардухт за море едет
И с собою хочет взять
Колдунов своих искусных
И бесчисленную рать.

Показался неприступным
Нам великий город каджей.
Там скала стоит до неба,
Вся оцепленная стражей,
И внутри скалы той чудной
Проведен подземный ход —
Он на самую вершину,
В башню пленницы ведет.

Стерегут проход подземный
Десять тысяч самых лучших
Юных витязей отважных
И воителей могучих,
И у трех ворот стоят там
По три тысячи людей.
Горе мне с тобою, сердце!
Нет защиты от цепей».

Автандил, купцом одетый,
Услыхав известья эти,
Молвил: «О Фатьма, скажи мне
Все, что знаешь о Каджети,
Если оборотни каджи
Или духи — объясни,
Почему людьми простыми
Смертным кажутся они?»

«Нет, не оборотни каджи, —
Так Фатьма ему сказала, —
Колдуны они простые,
Но вреда от них немало.

Кто пойдет на них войною,
Будет мигом ослеплен,
И вернется из похода
Чуть живой в отчизну он.

Что творят они над нами,
Эти злые изуверы!
Подымают ураганы,
Топят лодки и галеры,
По воде умеют бегать
И взлетают в высоту,
Ночь сияньем освещают,
Днем наводят темноту».

Автандил с Фатьмой расстался
И вознес молитву богу.
«Боже,— он сказал,— недаром
Я отправился в дорогу.
Ты на путь меня наставил
И привел меня сюда.
Не оставь меня, великий,
Если встретится беда!»

Автандил проснулся утром,
Преисполненный надежды.
В этот день решил расстаться
Он с купеческой одеждой.
Снова витязем оделся
И хозяйку пригласил.
Лев, от муки исцеленный,
Стал светилом из светил.

Лик его, подобный розе,
Я сравнил бы с пышным садом.
Вот на зов Фатьма явилась,
Он уселся с нею рядом,
Улыбнулся он хозяйке,
И румян и белолиц,
И на садик роз упала
Тень от хижины ресниц.

И сказал он ей: «Не гость я,
Не начальник каравана,
Я — великий полководец
Государя Ростевана.
Рать подвластна мне большая,
И доспехов полон дом.

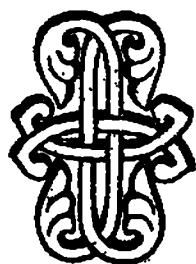
Лишь на время пред тобою
Я прикинулся купцом.

Есть у нашего владыки
Дочь — царица Тинатина.
Чтоб руки ее добиться,
Я покинул господина.
Отыскать я обещался
Деву, лучшую на свете, —
Ту, которая томится
Ныне в крепости Каджети».

И Фатьме поведал витязь
О любви Тариэла:
«О Фатьма, клянусь тебе я —
Нет любви его предела!
Помоги спасти мне деву,
Истомленную в неволе!
Пусть влюбленные воссядут
На отеческом престоле.

Мы пошлем раба в Каджети,
Пусть к царевне он слетает,
Пусть снесет посланье деве
И о новостях узнает.
Мы со временем исполним
Все, что скажет нам девица.
Уж недолго ей осталось
В заточении томиться!»

И Фатьма в ответ на это
Прошептала: «Слава богу!
Ты меня утешил, витязь,
И наставил на дорогу».
За рабом она послала.
Тот пришел, как ворон черный,
И собрался в путь далекий,
Госпоже своей покорный.

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

*О том, как Нестан-Дареджан
послала письмо своему возлюбленному*

Вот письмо жены Усена:
«О небесное светило!
Ты ушла от нас и горем
Нас навеки поразила.
О судьбе своей печальной
Не сказала ты ни слова.
Лишь теперь узнала тайну
Я от гостя молодого.

Ныне прибыл в Гуланшаро
Из далекого предела
Автандил, арабский витязь,
Брат названный Тариэла.
Ищет он тебя повсюду,
Чтоб помочь в несчастье брату.
Твой возлюбленный не в силах
Позабыть свою утрату.

Через нашего посланца
Получив известья эти,
Напиши нам, о царица,
Все, что знаешь о Каджети:
Уезжают ли за море
Колдовские эти каджи,
Сколько войска остается
И достаточно ли стражи.

И еще пошли, царица,
Тариэлу знак любви.
Вырвем мы тебя из плена,
Будь отныне наготове.
Успокойся же, о солнце,
И забудь былые муки —
Лев найдет свое светило
После тягостной разлуки».

Это краткое посланье.
Колдуну Фатьма вручила
И отдать письмо царице
В тот же вечер поручила.

Раб накрылся с головою
Некой мантией чудесной
И над кровлями помчался,
Словно призрак бестелесный.

Как стрела летит из лука
И трепещет от полета,
Так достиг он до Каджети
И прошел через ворота.
Мимо витязей отважных
Он, как призрак, промелькнул,
И никто из них ни разу
На пришельца не взглянул.

Солнцеликая сидела
В тесной каменной темнице.
Вдруг явился перед нею
Некий странник чернолицый.
Безобразный и косматый,
Был он мантией одет
И, как пленнице казалось,
Предвещал немало бед.

Дева вскрикнула в испуге
И отпрянула, робея.
Раб сказал: «Не бойся, солнце,
От Фатьмы пришел к тебе я.
Я принес тебе посланье
От любимой госпожи.
Близок час освобожденья!
Не томись и не дрожи!»

Изумленная царица
Глаз миндаины открыла
И посланье прочитала
И слезами окропила.
«Кто же он,— она спросила,—
Этот витязь молодой?
После долгих лет изгнанья
Кто сочтет меня живой?»

Раб сказал: «С тех пор как, солнце,
Ты попала к этим каджам,
Я клянусь тебе судьбою,
Нет конца страданьям нашим.
Ныне к нам приехал витязь,
Он спасет тебя от бед.

Должен я спешить, царевна,
Напиши скорей ответ».

«Вижу я,— сказала дева,—
Справедливы вести эти.
От кого ж Фатьма узнала,
Что попала я в Каджети?
Значит, он еще не умер,
Мой возлюбленный жених!
Напишу Фатьме письмо я
О страданиях моих».

И царевна написала:
«Госпожа моя сестрица!
Ты мне матери дороже,
Лишь к тебе мой дух стремится.
Ты меня спасла когда-то,
Снова я теперь в плену:
Сотня витязей отважных
Стерегут меня одну!

Что еще могу ответить
На твои благие вести?
Повелительница каджей
И войска ее в отъезде,
Но бесчисленная стража
Здесь стоит и день и ночь,
Как бы вы ни захотели,
Невозможно мне помочь.

Пусть возлюбленный мой витязь
Не спешит сюда с войною.
Если он в бою погибнет,
Смертью я умру двойною.
Напиши ему посланье,
Пусть не плачет обо мне.
Я о нем не позабуду
В этой дальней стороне...

Ныне шлю ему на память,
В знак любви и печали,
Из моей темницы тесной
Лоскуток моей вуали.
Та вуаль отбита милым
У хатавов, и она,
Всюду странствуя со мною,
Как судьба моя, черна».

Кончив скорбное посланье,
Дева пишет Тариэлу.
Сердце в муке пламенеет,
Слезы льются без предела.
Сквозь расщепленную розу
Чуть виднеется алмаз.
Вот письмо царевны юной,
Изумляющее нас:

«О мой милый! В заточенье
Вот письмо я начинаю.
Стан пером мне ныне служит,
В желчь перо я окунаю.
На твоём пишу я сердце,
Чтобы слить его с моим.
Не забудь о друге, сердце,
Навсегда останься с ним!

Жив ли ты, о мой любимый,
Я не ведала доселе.
Все мои иссякли слезы,
Дни тянулись, как недели.
Ныне я узнала правду
От волшебного гонца —
И смирилась перед богом,
И прославила творца.

Если жив ты, мой любимый,
Сердцу этого довольно;
Пусть, израненное, ноет, —
Утешаюсь я невольно.
Вспоминай меня в разлуке,
Нелюдим и одинок.
Я любовь мою лелею,
Как диковинный цветок.

Как сумею рассказать я
О былой моей печали?
Удивится каждый смертный,
Но поверит мне едва ли...
Милосердная подруга
От рабов меня спасла,
Но, застигнута судьбою,
Снова я в пучине зла.

Мир страданиями моими
Не насытился доныне.

В руки каджей я попала,
Проезжая по пустыне.
В башне я сижу высокой
Вдалеке от всех людей,
И ведет лишь ход подземный
К келье каменной моей.

Дни и ночи злые стражи
Стерегут мой дом высокий.
Не ходи сюда, мой милый,
Не пытай судьбы жестокой!
Если в битве беспощадной
Колдуны тебя убьют,
Сожжена я буду так же,
Как сожжен огнивом трут.

О, не думай, мой любимый,
Что достанусь я другому!
Если нет тебя со мною,
Я чужда всему земному.
Заколю себя клинком я
Или брошусь из окна,
Но тебе останусь верной,
Как всегда была верна.

Помолись, мой милый, богу,
Чтоб послал он мне спасенье,—
Со стихиями земными
Тяжко мне соединенье.
Бог пошлет мне, бедной, крылья,
Из темницы я взлечу,
Солнце ясное увижу,
Прикоснусь к его лучу.

Без тебя не светит солнце,
Ибо ты — его частица.
Ты вернешься к Зодиаку,
Чтобы в Льва преобразиться.
Буду я в твоём сиянье,
Безмятежная, гореть...
Горько было жить на свете —
Сладко будет умереть!

Что бояться мне кончины?
Душу я тебе вручила,
Навсегда твой милый образ
В бедном сердце заключила.

Вспоминать былое тяжело,
Слишком много в сердце ран.
Обо мне не плачь, мой милый!
Уж таков мне жребий дан.

Лучше в Индию, мой витязь,
Отправляйся ты с полками —
Там отец мой безутешный
Окружен теперь врагами.
Помоги ему в сражение
И в печали успокой.
Я тебя до самой смерти
Не забуду, милый мой.

Шлю тебе кусок вуали —
Дар любви и участия.
Это все, что мне осталось
От потерянного счастья.
Горе мне! Надежды призрак
Навсегда от нас исчез,
Повернулось к нам с угрозой
Колесо семи небес».

Дева кончила посланье
И кусок вуали черной
Приложила, и умчался
От нее гонец проворный.
Вот он прибыл в Гуланшаро
И спустился на дорогу.
Автандил посланье принял
И вознес молитву богу.

«Госпожа, — Фатьме сказал он, —
Все желанное свершилось.
Чем — не знаю — заслужил я
От тебя такую милость?..
Завтра я тебя покину,
Истекли часы досуга.
Но вернусь еще я к каджам
И возьму с собою друга».

«Лев, — Фатьма сказала, — знаю,
Ты горишь огнем великим.
Нелегко мне, бедной, будет
Расставаться с солнцеликим,
Но спеши, не огорчайся.
И пока войска в отъезде,

Да обрушится на каджей
Справедливое возмездье».

Тут с Фатьмой простился витязь
И позвал рабов Фридона.
«Други,— он сказал,— упала
Наша главная препона:
О царевне мы узнали,
Что в плену она томится.
Силен враг, но будет время —
И разрушится темница.

Поезжайте вы к Фридону,
Передайте вести эти.
Пусть, собрав большое войско,
Выступает он в Каджети.
С полководцем Тариэлом
Скоро мы к нему прибудем,
Чтоб воздать герою славу
И его отважным людям.

Вам же я дарю за службу
Все, что отнял у пиратов,—
Много там шелков различных,
И рубинов, и агатов.
Пусть узнает наш владыка,
Как усердно вы служили,
Как его приказом царским
На чужбине дорожили».

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

О том, как Автандил возвратился в пещеру

Год прошел, весна настала —
Трав зеленых прозябанье.
Уж цвели повсюду розы,
Приближая миг свиданья.
Солнце утром поднималось
В доме нового созвездья.

Витязь, море переехав,
Дорогие вез известья.

Небо вешнее гремело,
Выпадали ночью росы.
Побледневшими устами
Целовал скиталец розы,
И шептал он им: «О розы!
О цветы любви невинной!
Только вы одни остались
Мне в разлуке с Тинатиной».

Витязь ехал по долинам,
Пропадал в пустынях жгучих,
В дикой чаще тростниковой
Убивал зверей могучих.
Вспоминая Тариэла,
Слезы горестные лил...
Наконец достиг пещеры
И коня остановил.

Недалеко от пещеры,
Над пустынною рекою,
Тариэл стоял могучий,
Попирая льва ногою.
Меч, залитый алой кровью,
Трепетал в его руке;
Конь прекрасный, как Мерани,
Мирно пасся вдалеке.

Братья в радости сердечной
Крепко обняли друг друга.
«Здесь,— сказал печальный витязь,—
Умирал я от недуга,
Слез кровавыми струями
Омывал очей агат,
Но, тебя увидев ныне,
Все забыл я, милый брат».

Автандил, смеясь, воскликнул:
«Время розе обновиться!
Нету надобности боле
Одинокому томиться.
Получил я о царевне
Утешительную весть.
Есть еще на свете правда
И надежда также есть».

Автандил в куске вуали
Подав витязю посланье.
Побледнел несчастный витязь,
Прекратилось в нем дыханье,
Пал на землю он, как мертвый.
Стража черная ресниц
Над закрытыми очами,
Трепеща, склонилась ниц.

Автандил на тело друга
Пал, рыдая безутешно.
«Горе мне! — сказал несчастный. —
О, зачем я так поспешно
Это яростное пламя
Потушить хотел, глупец?
Неожиданная радость —
Гибель пламенных сердец».

Кровью льва из черной раны
Брызнул он на темя друга.
Тариэл зашевелился
И очнулся от недуга.
Стража черная открыла
Очи дивной глубины;
Вдалеке от света солнца
Стал лазурным луч луны.

Не живут зимою розы —
Губят их снега и стужи:
Летом, в засуху, от солнца
Им еще бывает хуже.
Таково людское сердце:
Горе, радость ли — оно
И безумствовать на свете
И сгорать осуждено.

Плача горькими слезами,
Тариэл читал посланье.
«Что ты плачешь? — друг воскликнул. —
Срок окончен испытанья,
Время радости пришло.
Завтра сядем на коней
И отправимся в Каджети
За невестою твоей».

И воспрянул дух страдальца,
И воскликнул он, ликуя:

«Отплатить тебе до смерти,
Милый брат мой, не смогу я!
На цветок, засохший в поле,
Ты излился, как родник,
Осушил мои ты слезы,
Прямо в сердце мне проник».

И пошли они к пещере
С песней мира и привета.
У дверей Асмат сидела,
Вся в слезах, едва одета.
Страх ее объял великий:
Витязь, в горести своей
Вечно плачущий о деве,
Ныне пел, как соловей!

Помутилось в ней сознание,
Но они, смеясь, кричали:
«О Асмат, творец всевышний
Исцелил нас от печали!
Мы нашли царевну нашу.
Вот послание ее!
Отвела судьба от сердца
Всемогущее копье».

Увидав знакомый почерк
Госпожи своей любимой,
Громко вскрикнула рабыня
И, подобно одержимой,
Затряслась, как в лихорадке,
И сказала: «О творец,
Неужели нашим мукам
Приближается конец?»

И, рыдая, Тариэла
Обвила она рукою.
Пали витязи на землю
С благодарственной мольбою.
И вошли они в пещеру,
И жаровню разожгли,
И, уставшие с дороги,
Подкрепились чем могли.

И, склоняясь к Автандилу,
Тариэл сказал: «Когда-то
Тут в пещерах жили дэвы
И привольно и богато.

Проезжая по дороге,
Перебил я всех чудовищ,
Поселился в их пещере,
Но не трогал их сокровищ.

Не хотел я раньше видеть,
Что скрывало это племя.
Распечатать их богатства
Лишь теперь настало время».
И повел он Автандила,
И они в проходах тесных
Сорок входов отворили
В сорок комнат неизвестных.

И лежали там богатства
Многочисленные кучей —
Отшлифованные камни,
Дивный жемчуг, самый лучший.
Много было там жемчужин
С крупный мяч величиною;
Груды золота сияли
И звенели под ногою.

Так прошли они вдоль комнат
И вступили в зарадхану —
Кладовую для оружия,
Что под стать любому хану.
Укреплён на длинных крючьях,
Там убор висел военный,
И стоял посередине
Там ковчег запечатленный.

И была на крышке надпись:
«Здесь для воинской потехи
Острый меч лежит басрийский,
Шлем с забралом и доспехи.
Если каджи к нам нагрянут,
Мы отплатим им сторицей.
Кто оружие похитит,
Будет тот цареубийцей».

Тариэл приподнял крышку.
В длинных яхонтовых ложах
Там лежали три убора,
На другие непохожих, —
Три меча, три светлых шлема,
Три блестящие кольчуги,

Наколенники стальные
И щитов литые круги.

Быстро витязи оделись
И сразились для примера.
От воинственного шума
Содрогнулась вся пещера.
Но кольчуги не согнулись,
Шлемы также устояли,
И мечи простые латы,
Как бумагу, рассекали.

«Славный знак! — сказали братья. —
Сам господь нам оборона!»
Взяли три они убора —
Для себя и для Фридона,
Горстью злата зачерпнули
И отсыпали жемчужин.
И в пещеру возвратились
Продолжать веселый ужин.

Нарисуй мне здесь, художник,
Этих славных побратимов,
Этих храбрых и влюбленных
Полководцев-исполинов.
Скоро грянет час сраженья,
И увидите вы, дети,
Как они с врагом сразятся
В заколдованном Каджети!

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

О том, как витязи отправились к Нурадин-Фридону

Утром витязи проснулись,
Вход в пещеру затворили,
На коней могучих сели
И рабыню посадили.
В царство славного Фридона
Путь далекий их лежал.
Время шло, бежали кони,
Город издали сверкал.

Вечер был. Табун Фридона
Шел по пастбищам зеленым.
Тариэл сказал: «Давайте
Посмеемся над Фридоном:
Нападем на это стадо,
Отобьем его коней,—
Царь Фридон прискачет в гнев
И увидит здесь гостей».

Вот они помчались к стаду
По зеленым этим нивам.
Пастухи фонарь схватили,
Искру высекли огнивом
И вскричали: «Эй вы, люди!
Проходите стороной!
Кто коней Фридона тронет,
Отвечает головой!»

Но друзья, сжимая луки,
Погнались за пастухами.
Те в испуге закричали:
«Воры гонятся за нами!
Люди добрые, спасите!
Помогите! Караул!»
Шум поднялся, люд сбежался,
Свет от факелов блеснул.

Царь Фридон с отрядом стражи
Прискакал на место боя.
Два могучих незнакомца
В поле встретили героя.
Тариэл узнал Фридона
И сказал, снимая шлем:
«Царь, кого ты испугался
И отряд привел зачем?»

Знать, разбойников немало
Бродит около окраин,
Коль друзей и тех боится
Хлебосольный наш хозяин!»
С удивлением великим
Посмотрел на них Фридон,
И друзей своих, ликуя,
Заключил в объятья он.

И сказал он, улыбаясь:
«Знать, не очень вы спешили!

Войско мы давно собрали
И к походу снарядили».
Тариэл смеялся шутке,
Улыбался Автандил,
И Фридон сиял, как месяц
Посредине двух светил.

В город гости поспешили,
И в чертогах у Фридона
Ждали витязей отважных
Три сверкающие трона.
Гости весело уселись
И хозяину для сеч
Поднесли убор военный,
Дорогой вручили меч.

После дружеского пира
И отличного купанья
Подарил Фридон героям
Дорогие одеянья.
И когда проснулись гости,
О походе и войне
Царь повел беседу с ними,
Запершись наедине.

«Пусть,— сказал он,— груб я буду,
Пусть нарушу я обычай,
Пусть с гостями поступаю
Против правил и приличий,
Но скажу я без утайки:
В путь-дорогу нам пора.
Если каджи возвратятся,
Не видать от них добра.

Путешествуя по свету,
Был когда-то я в Каджети.
Эта славная твердыня —
Крепость лучшая на свете.
Захватить ее возможно
Только хитростью одной.
Значит, нам большое войско
Бесполезно брать с собой».

Все с Фридоном согласились.
Триста всадников могучих
Отобрал Фридон в дорогу
И коней им выдал лучших.

Утром братья вышли к морю
И, галеры снарядив,
С домочадцами простились
И покинули залив.

Переехав через море,
На коней герои сели;
День и ночь они скакали,
Невредимые доселе.
Уж близка была граница.
И сказал Фридон: «Друзья,
Путь становится опасным,
Дальше двигаться нельзя.

Днем в оврагах укрываясь,
Будем пользоваться ночью.
Скоро грозную твердыню
Вы увидите воочью».
И с тех пор в ночном тумане
Шли они. И наконец
Подняла над ними крепость
Свой сверкающий венец.

Месяц сладостным сияньем
Заливал твердыню каджей.
Сторожили ход подземный
Десять тысяч храбрых стражей.
На скале чернела башня,
Упираясь в небосвод,
И бессонные ходили
Часовые у ворот.

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Взятие Каджети

Царь Фридон сказал героям:
«Вот, друзья, мое решение:
Если мы пойдем на приступ,
Будет страшное сражение.

Обрекать себя на гибель
Было б слишком безрассудно:
Тут хоть сотню лет сражайся,
Взять ворота будет трудно.

С детства силу развивая,
Был я славным акробатом,
Перепрыгивал канавы,
Ловко бегал по канатам.
Кто из вас на выступ башни
Мой аркан закинуть может?
Пролетев над головами,
Он врагов не потревожит.

По натянутой веревке
Мне пройти — пустое дело.
Лишь миную я ворота,
Спрыгну на землю умело.
Налетев, подобно вихрю,
Перебью врагов без счета,
Проложу мечом дорогу
И открою вам ворота».

Автандил сказал Фридону:
«Ты, Фридон, известный воин,
Силой рук ты льву подобен
И похвал иных достоин.
Хороши твои советы
И заслуги боевые,
Но взгляни, как близко к башне
Ходят эти часовые.

Слыша звяканье оружия
И кольчуги легкий скрежет,
Стража вмиг тебя заметит
И веревку перережет.
Дело плохо обернется,
И погибнешь ты напрасно.
Принимать совет твой нынче
Безрассудно и опасно.

Если здесь плоха надежда
На военные успехи,
Под купеческим кафтаном
Лучше скрою я доспехи.
Погоня веткой мула,
Нагруженного поклажей,

Я пройду через ворота
И пропущен буду стражей.

В это время вам с отрядом
Нужно в скалах притаиться.
Если в городе со мною
Ничего не приключится,
Перебью я эту стражу
И ворота вам открою.
Вы появись внезапно
И ворветесь вслед за мною».

Тариэл сказал: «Я знаю,
Вы готовы драться смело.
Одного меня оставить
Вы желаете без дела.
Нет, друзья, царевна с башни
Всех увидит нас в бою.
Если я не буду биться,
Потеряю честь свою.

Мой совет вернее ваших:
На три малые отряда,
По сто всадников на каждый,
Нам разбиться нынче надо.
Лишь заря займется в небе,
К трем воротам с трех концов
Подлетим мы и с собою
Приведем своих бойцов.

Увидав, что нас немного,
Каджи бросятся навстречу,
От ворот мы ихотрежем
И затеем с ними сечу.
Кто успеет, тот в ворота
Пусть прорвется на коне —
Там пускай он погуляет
И потешится вдвойне».

Царь Фридон сказал с улыбкой:
«Понял я, что это значит:
Конь его подарен мною,
Он быстрее всех доскачет.
Знай об этом я пораньше,
Не расстался б я с конем,
В крепость первым бы ворвался
И оставил вас вдвоем».

Посмеявшись этой шутке,
Братья так и порешили
И отряд бойцов могучих
На три части разделили.
Уж светлело на востоке.
Приближался лютый бой,
Приближалось исполнение
Изреченного судьбой.

Видел этих я героев,
Видел я сражение это.
Семь планет их покрывали
В эту ночь столпами света.
Тариэл, подобный солнцу,
На коне сидел могучем,
И твердыню пожирал он
Взором пламенным и жгучим.

Этих витязей отважных
С горным я сравню потоком.
Низвергаясь с гор высоких,
Мчит в ущелье он глубоком,
И ревет, и тяжело воет;
Наконец, впадая в море,
Успокоенный, смолкает
И несется на просторе.

Автандил был воин грозный,
И Фридон был крепок телом,
Но никто из них сразиться
Не желал бы с Тариэлом...
Рассвело. Планеты скрылись,
И померкнули Плеяды.
Тариэл с двумя друзьями
Тихо вышел из засады.

Словно путники простые,
Шли они неторопливо.
Стража их не испугалась
И ждала их терпеливо.
Но, проехав полдороги,
Братья гикнули и вдруг,
Словно вихорь, полетели,
И за каждым — сотня слуг.

Крепость вздрогнула от крика.
На дорогу пали трупы.

Барабан вверху ударил,
На стене завывли трубы.
Но друзья, надвинув шлемы,
Путь расчистили. И вот
Беспощадный и кровавый
Грянул бой у трех ворот!

И тогда постиг Каджети
Божий гнев неизмеримый.
Злобный Хронос, глядя с неба*,
Проклял город нелюбимый;
Опрокинул он на землю
Колесо небесных сводов,
И повергнутые трупы
Пали грудами у входов.

Мощный голос Тариэла
Заставлял терять сознание.
Витязь рвал мечом кольчуги,
Рушил латы, одеянья.
Осажденные ворота
Стража бросила с испугом.
Братья в город устремились
И ворвались друг за другом.

Лев Фридон, залитый кровью,
Скоро встретил Автандила.
Братья обняли друг друга,
Радость их преобразила.
Враг бежал куда попало,
Оставляя груды тел...
Но никто из них не видел,
Где сражался Тариэл.

С криком гнева и печали
Братья бросились к воротам,
Но в живых от целой стражи
Не осталось никого там.
Смотрят братья: смерть повсюду,
Кровь рекой, и стон, и ад,
И разбитые ворота,
С петель сорваны, лежат.

Десять тысяч лучших стражей
Пало здесь. И стало ясно,
Что могучий их товарищ
Здесь рубился не напрасно.
Братья к башне устремились,

Где зиял подземный ход,
И, готовые к сраженью,
Смело бросились вперед.

Поднялись они и видят:
Возвышаясь над толпою,
Тариэл стоит на башне
С обнаженной головою.
И разлука и скитанья —
Все осталось позади,
И прекрасная царевна
На его лежит груди.

Солнце так встречает розу,
Так Муштари справедливый
И Зуал — звезда печали, —
Заключив союз счастливый,
Благодатными лучами
Заливают небосвод...
Только тот узнает счастье,
Кто печаль перенесет.

Так закончилось сражение
В честь героя Тариэла.
Из бойцов его лишь только
Половина уцелела —
Остальные пали в битве
На развалинах Каджети.
Зарыдали три героя,
Услыхав известья эти.

С башни витязи спустились
И в последней жаркой схватке,
Захватив богатства каджей,
Перебили их остатки
И навьючили добычу
На три тысячи верблюдов —
Горы яхонтов граненых
И корзины изумрудов.

Шестьдесят оставив стражей
В завоеванной твердыне,
Повезли они царевну
В драгоценном паланкине.
Путь лежал их прямо к морю,
В славный град царя морского,
Чтоб с Фатьмою попрощаться
И домой вернуться снова.

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

*Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан,
устроенная царем Нурадин-Фридоном*

Прибыл вестник в Гуланшаро
И привез царю посланье:
«Царь морей! С врагом покончив,
Жажду я с тобой свиданья.
Тариэл, индийский витязь,
Я везу мое светило,
То, которое стрелою
Сердце витязя пронзило.

Пусть отныне крепость каджей
Будет крепостью твоею.
Мне Фатьма, жена Усена,
Помогла покончить с нею.
Выйди, царь, ко мне навстречу
И возьми Фатьму с собою —
Пусть она увидит солнце,
Возвращенное герою».

Царь возрадовался духом
И с великою поклажей
Вышел встретить Тариэла
И принять твердыню каджей.
Десять дней прошли в дороге.
Наконец среди степей
Караван царя морского
Повстречал своих гостей.

И Фатьма, узнав царевну,
Обняла ее, ликуя,
И воскликнула: «О солнце!
Вновь тебе служить могу я.
Осветился мрак печальный,
Расступилась темнота.
Зло мгновенно в этом мире,
Неизбывна доброта».

Ласково Фатьму целуя,
Ей царевна отвечала:
«Помнишь, я была в ущербе,
Тосковала и дичала?

Изливает ныне солнце
На меня свой дивный свет,
Я полна моей любовью,
И страданий больше нет».

Царь морей веселым пиром
Славных чествовал героев,
Раздавал гостям подарки,
Щедрость царскую устроив.
По монетам там ходили
Так, как ходят по песку;
Груды шелка там лежали
И парча — кусок к куску.

Дал венец он Тариэлу —
Не венец, а прямо диво:
Из большого гиацинта
Был он выточен красиво.
И еще принес в подарок
Драгоценный некий трон:
Был из золота литого
Этот трон сооружен.

Дал он мантию царевне,
Несравнимую доселе:
Бадахшанские рубины,
Как цветы, на ней горели.
Каждый воин Тариэла,
И Фридон, и Автандил
Славный дар, неоценимый
В этот вечер получил.

С благодарностью великой
Получив подарки эти,
Тариэл Фатьме оставил
Все, что вывез из Каджети.
Снарядил корабль он в море
И, пролив потоки слез,
В царство славное Фридона
Деву юную повез.

Там их встретили вельможи
И соратники Фридона.
Вся округа содрогалась
От торжественного звона,
Барабаны громко били,
Трубы медные трубили,

С ликованием великим
Люди толпами ходили.

Был в тот день в Мульгазанзаре
Шум великий на базаре:
Все купцы, закрыв торговлю,
Шли навстречу юной паре.
Сотни стражей с топорами
Охраняли путь в чертоги,
Но бесчисленные толпы
Заливали все дороги.

Ко дворцу подъехал поезд,
Вышли слуги цепью длинной:
Золотой на каждом пояс
И в руках — ковер старинный.
На ковер чета ступила,
Всю толпу осыпав златом,
И Асмат, встречая деву,
Слезы радости лила там.

Обняла ее царица
И, лаская, говорила:
«Горе мне, моя родная!
Всю тебя я истомила.
Но господь меня услышал
И луну не отдал змею.
За твое большое сердце
Чем воздать тебе сумею?»

И Асмат ей отвечала,
Удержать не в силах слезы:
«Слава богу, минул холод,
Не увяли наши розы.
Что тебя я не забыла —
Вот одна моя заслуга.
Ныне в радости сердечной
Не покинем мы друг друга».

И Фридон в своих чертогах
Свадьбу царственную справил,
Пышный трон бело-пурпурный
Новобрачным он поставил;
По бокам его горели
Красно-желтые каменья.
Автандилу трон особый
Был устроен в отдаленье.

Вот жених с невестой сели,
И певцы запели хором,
И поднес Фридон царевне
Дорогой ларец с убором.
Ожерелье там лежало
И граненое кольцо,
Было девять там жемчужин
С голубиное яйцо.

Был еще там некий камень,
Брат прозрачному рубину.
Живописец с этим камнем
Ночью мог писать картину.
Точно маленькое солнце,
Ярким светом он горел.
С благодарностью великой
Принял камень Тариэл.

Автандилу в знак любви
Царь поднес большое блюдо,
Но не каждый гость сумел бы
Приподнять такое чудо.
Чистым выложено златом,
Крупным жемчугом полно,
Тяжелей щита литого
Показалось мне оно.

Восемь дней играли свадьбу.
Каждый день молодоженам
Подносили дар особый,
Приготовленный Фридоном.
Восемь дней звенели арфы,
Каждый весел был и пьян.
Так женою Тариэла
Стала Нестан-Дареджан.

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

*О том, как по пути в Аравию
Тариэл захватил за своими сокровищами*

Тариэл сказал Фридону:
«По желанью Автандила
Я вернулся к этой жизни,
Потушив свое горнило.
Чтоб найти мою царевну,
Витязь жертвовал собою.
Одержав победу, ныне
Я хочу помочь герою.

Разыщи ты Автандила
И спроси: чего он хочет?
Почему в уединенье
Слезы горестные точит?
Мы в Аравию поедem —
Таково мое решение.
Кто пожертвовал собою,
Тот достоин утешенья.

Мы в Аравию поедem,
Мудрых там смирим речами,
Непокорных и строптивых —
Беспощадными мечами.
Коль царица Тинатина
За моим не будет другом,
Я жене моей любимой
Не желаю быть супругом».

Услыхав такие вести,
Автандил, смеясь, ответил:
«Ждет меня моя царица,
Трон ее велик и светел.
Ей ничто не угрожает —
Ни война, ни племя каджей.
Что в Аравии нам делать
С боевой дружиной нашей?

Срок придет — и совершится
Предназначенное богом,
Пожалеет он скитальца,
И придет конец тревогам.

Лишь тогда проникнет в сердце
Луч небесного светила;
До тех пор напрасны будут
Все метанья Автандила.

Одного лишь я желаю —
Чтобы в Индии великой
Тариэл на царском троне
Утвердился солнцеликий,
Чтобы рядом с ним сидело
Солнце с молнией во взоре,
Чтоб друзья его окрепли,
А враги погибли вскоре.

И когда в индийских землях
Мы отпразднуем победу, —
Чтоб мое увидеть солнце,
Я в Аравию поеду.
Если дева пожелает,
Мой огонь она потушит.
А пока мое оружие
Тариэлу пусть послужит».

И когда Фридон герою
Передал такие вести,
Тариэл сказал: «Могу ли
Я забыть про дело чести?
Автандил нашел царевну
И сберег мое дыханье,
Я должник его навеки.
Прекратим же пререканье.

Передай ему: поеду
Я в Аравию с женою.
Пусть забудет царь великий
О рабах, убитых мною.
О царице Тинатине
Буду я молить учтиво,
И окончится, я верю,
Сватовство мое счастливо».

Так решили братья ехать
В край далекий Ростевана.
По бокам от каравана
Шла великая охрана.
Солнце было в середине,
В драгоценном паланкине;

Пламя ясное горело
В бадахшанском том рубине.

И казалось всем прохожим,
Что высоко над землею
Три луны сопровождают
Солнце стражею тройною.
Вдоль по берегу морскому
Путь тянулся много дней.
Наконец вблизи пещеры
Слезли витязи с коней.

И сказал тогда индиец:
«Вот где, бедный, я скитался!
Коль запас копченой дичи
В кладовой у нас остался,
Пусть Асмат гостей накормит
И устроит отдохнуть.
Время к вечеру подходит,
Впереди — далекий путь».

Сели путники у входа,
Подкрепились олениной
И в пещеру углубились,
Чтоб увидеть клад старинный.
Снял свои печати витязь,
Двери настежь отворил,
И бесценными дарами
Всех друзей он наградил.

Славным воинам Фридона
Столько роздал он добра там,
Что, вернувшись из похода,
Каждый воин стал богатым.
Хоть и щедр был юный витязь,
Но не мог раздать всего,
И нетронутым казался
Клад бесчисленный его.

Тариэл сказал Фридону:
«Лев, должник я твой навеки.
Увенчать наградой должно
Добродетель в человеке.
Этот клад неисчислимый
Приношу тебе я в дар,
Погрузи его скорее
И отправь в Мультгазанзар».

С благодарностью великой
Поклонился царь герою
И сказал: «Не по заслугам
Возвеличен я тобою.
Если враг подобен дубу,
Пред тобой он — как тростник.
Буду счастлив я, доколе
Твой прекрасный вижу лик».

Погруженный на верблюдов,
Клад отправлен был в столицу.
Снова в путь друзья пустились
И арабскую границу
Миновали на рассвете,
Шумной встречены толпой...
Автандил — ущербный месяц —
К солнцу путь направил свой.

О движение каравана
Слух дошел до Ростевана.
По взволнованной столице
Звук пронесся барабана.
Щеки юной Тинатины
Озарил поток лучей;
Тень ресниц, краса рубина,
Пала около очей.

Уж коней седлали слуги,
И войска в составе полном
Выходили за ворота
Шагом мерным и проворным.
Окруженный пышной свитой,
Престарелый ехал царь,
Чтобы встретить Автандила,
Как встречал его и встарь.

И когда в далеком поле
Пыль столбами за клубилась,
Автандил сказал герою:
«Окажи свою мне милость.
Стыдно мне и непристойно
Показаться пред царем,—
Я раскину здесь палатку,
Поезжайте вы вдвоем».

Тариэл, покинув друга,
Поскакал вперед с Фридоном.

Автандил шатер походный
На лугу разбил зеленом,
И царица с ним осталась.
И, с ресниц ее слетая,
Легкоструйные зephyры
Дули, в воздухе играя.

Старец с радостью великой
Дорогого гостя встретил.
Тариэл сошел на землю,
Ликом радостен и светел.
Поклонился он владыке.
Обнял царь его, как сына,
И дивился, что такого
Повстречал он исполина.

Поздоровавшись с Фридоном,
Царь на стражу оглянулся
И, не видя Автандила,
Задрожал и ужаснулся.
«Царь,— сказал прекрасный витязь,—
Твой любимец недалече.
Есть ему причина медлить
И бояться этой встречи».

На ковер уселись гости,
Окружили их отряды.
Свет блеснул в очах героя,
Как мерцание лампы.
«Царь,— сказал индеец снова,—
Пред тобой я только воин,
И просить тебя, владыку,
Ни о чем я не достоин.

Все ж осмеливаюсь ныне
Я молить за Автандила.
Уж была мне в этом мире
Уготована могила —
Дал он мне бальзам волшебный,
Исцелил меня от муки.
Ныне сам он истомился,
Умирая от разлуки.

Царь, давно друг друга любят
Автандил и Тинатина.
Пожалей, самодержавный,
Полководца-исполина!

Вот стою я пред тобою
С беспримерною мольбою:
Царь, отдай свою царевну
Крепкорукому герою!

Ничего прибавить больше
К этой речи я не смею...»
Свой платок достал тут витязь,
Повязал его на шею;
Словно раб перед владыкой,
Он упал пред Ростеваном.
Удивлялся каждый воин
Униженьям этим странным.

И смутился сам владыка
И сказал: «О боже правый!
Как ты можешь унижаться,
Ты, с твоею чудной славой?
Кто тебе в малейшей просьбе
Отказать имеет силу?
Знаю я, что в целом мире
Нет подобных Автандилу.

Царство дочери я отдал,
Им она теперь владеет.
Юный цвет произрастает,
Старый сохнет и желтеет.
Как могу своею волей
Поразить я дочь недугом?
Возлюбил я Автандила,
Быть ему ее супругом».

Тут Фридон к шатру помчался
И вернулся с Автандилом.
Витязь, лик платком скрывая,
Смутным выглядел светилom.
Так за облаком туманным
Солнце осенью мерцает,
Но краса его вовеки
Оттого не убывает.

Обнял царь его счастливый
И сказал: «Приспело время,
Облегчил мое ты горе,
Снял моих печалей бремя.
Лев, пойдем скорее к солнцу!
Ждет гостей веселый пир.

Пусть на свадьбе Тинатины
Погуляет божий мир!»

На коней герои сели
И к супруге Тариэла
Поспешили. И царица
Из шатра на них глядела;
Из очей лилось сиянье,
Ослепившее царя.
Нет, не зря сражался витязь,
И томился он не зря!

«Солнце, — царь сказал в восторге, —
Свет безоблачный! Какую
Похвалу воздам тебе я?
С чем сравнить тебя могу я?
Солнце ты, и месяц ясный,
И планета из планет.
Не хочу смотреть на розы,
Увидав тебя, мой свет!»

И с супругой Тариэла
Снова двинулись все вместе
Во дворец царя арабов,
Чтоб вручить дары невесте.
Семь планет пылают в небе,
Все они равны одной —
Той, которая сегодня
Ожидает их домой.

СКАЗАНИЕ ТРИДЦАТОЕ

*Свадьба Автандила и Тинатины,
устроенная царем арабов*

Автандил и Тинатина
На высоких сели тронах —
Оба в мантиях пурпурных
И рубиновых коронах.
Так, свое исполнив слово
И печаль преодолев,

Самый сильный между львами,
Солнцу солнц достался лев.

И сказал им царь: «О дети!
Дай вам бог с великой славой,
В долгоденствии и мире
Управлять моей державой.
Будьте крепки вы душою,
Доблесть царскую храня,
И своими вы руками
Положите в гроб меня».

Указав на Автандила,
Царь сказал своей дружине:
«Вот ваш царь. По воле божьей
Здесь он царствует отныне.
Укрепит он наше царство
И врагов рассеет тьму.
Так же, как вы мне служили,
Послужите и ему».

И прославила дружина
Волю праведного неба.
Принесли ей из амбаров
Горы яств и груды хлеба.
Много там перекололи
И баранов и коров,
И немало каждый воин
Получил в тот день даров.

Гиацинтовые чаши,
И чеканная посуда,
И рубиновые кубки
Появились из-под спуда,
И вино из ста фонтанов
Там струилось до зари,
И гремели там цимбалы,
И смеялись там цари.

День ушел — другой в начале.
Снова кубки застучали.
Жемчуг катится, рассыпан.
Свет колеблется в кристалле.
Дорогие ожерелья
Отягчают сотни тел.
Служит дружкой Автандилу
Царь индийский Тариэл.

И, склоняясь к Тариэлу,
Ростеван сказал, пируя:
«На твое, владыка, солнце
С восхищением смотрю я.
Нет тебе на свете равных,
Нет другой такой жены.
Ваши славные престолы
Выше всех стоять должны».

И поставили их троны
В этот день на возвышенья,
И поднес им царь арабов
Дорогие подношенья:
Скипетр каждому вручил он,
И порфиру, и венец.
И детей своих любимых
Одарил в тот день отец:

Дал он им рубин огромный
Из округи бадахшанской,
Восемьсот камней, снесенных
Некой курицей романской,
Светлых тысячу жемчужин
С голубиное яйцо
И табун коней отборных,
Шею выгнувших в кольцо.

И Фридону подарил он
Девять блюд, и в каждом блюде
Груда жемчуга лежала —
Чуть внесли их в залу люди.
Подарил ему он также
Девять избранных коней:
Каждый конь был ростом с гору,
И смолы он был черней.

Что еще сказать могу я
О веселом этом пире?
Уж таких пиров прекрасных
Не бывает больше в мире.
Тридцать дней гуляли гости,
Каждый весел был и пьян.
Так своим любимым детям
Справил свадьбу Ростеван.

Наконец сказал владыке
Царь индийцев: «Быть с тобою

Рад бы я до самой смерти,
Но страна моя, не скрою,
Ныне занята врагами,
И отцовский мой престол
Осквернил коварный недруг
И к забвению привел.

Знание, сила и искусство
Мне вернут страну родную.
Отпусти меня, владыка,
Об отчизне я тоскую!
С лютым недругом покончив,
Я вернусь к стопам твоим.
Будь здоров, живи счастливо,
Силой божией храним».

И ответил царь арабов:
«Автандил с огромным войском
Будет верный твой помощник
В том сражении геройском». —
«Что ты, царь! — воскликнул витязь. —
Как ему идти со мной!
Как расстаться может солнце
С новобрачною луной?»

Автандил, смеясь, ответил:
«Не покину в битве друга.
Разве воин удержит
Дома милая супруга?»
Обнялись два верных брата.
Смех веселый их звучал,
Как осыпанный цветами
Звонкий свадебный кристалл.

Тысяч восемьдесят смелых
На конях предстали белых,
Все в доспехах хорезмийских,
В разных набраны пределах.
Братья с женами простились
И отправились в поход.
Ростеван с великим горем
Провожал их до ворот.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Минул долгий срок скитанья,
Все свершились упования:
На семи индийских тронах
Царь воссел, забыв страданья.
Трубы звонкие трубили.
Барабан, ликуя, бил,
И царица там сияла,
Как светило из светил.

Целой Индии властитель,
Всех сокровищниц хранитель,
Тариэл на царском троне
Был могучий повелитель.
Так он жил до самой смерти,
Весел, счастлив и богат,
И седьмым его уделом
Мудро правила Асмат.

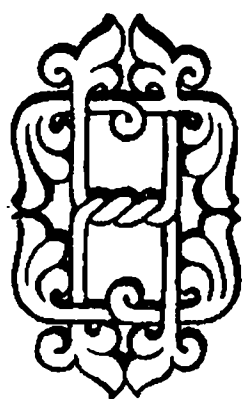
Верен царственным законам,
Укрепил он власть за троном
И всегда был в крепкой дружбе
С Автандилом и Фридоном.
Как огня, их враг боялся
И напасть на них не смел:
Где сражались два героя,
Третьим бился Тариэл.

Осыпая верных золотом,
Сделал он народ богатым.
Сирота там не был нищим,
И не плакала вдова там.
Меч его карал виновных,
Всюду властвовал закон.
Волк с овцой там мирно пасся,
И овцу не трогал он.

И об этих властелинах,
Этих мудрых исполинах,
Кто прославлен был в походах
И в сражениях старинных,
Кто в несчастиях друг друга
Никогда не покидал,—
Месх я некий, Руставели*,
Эту повесть написал.

Алишер
НАВОИ

*З*АРХАД и ШИРИН

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ О КАЛАМЕ, О НИЗАМИ, О ХОСРОВЕ

Калам! Ты нашей мысли скороход.
Превысил ты высокий небосвод.

Конь вороной воображенья! Нет,—
Быстрее Шебдиза ты, но мастью гned.

Неутомим твой бег, твой легкий скок,
А палец мой — державный твой седок.

Гора иль пропасть, как чрез мост, несешь,
Ты скачешь — и, как знамя, хвост несешь.

Нет, ты не конь, а птица-чудо ты:
Летать без крыльев можешь всюду ты.

Из клюва мелкий сыплешь ты агат.
Нет, не агат,— рубинов щедрый град!

Сокровищницу мыслей носишь ты,
О птица человеческой мечты!

Так рассыпал сокровища в стихах
Тот, чей в Гяндже лежит священный прах*.

Он мир засыпал жемчугом своим,—
Как звезды, жемчуг тот неисчислим.

Но не растопчет грубая нога
Великого гянджинца жемчуга.

В ушах людей играет жемчуг тот,
Но, как серьга, он в грязь не упадет:

Сквозь ухо проникая в глубь сердец,
Обогащает сердца он ларец.

Нет! Жемчуг тот — по сути говоря —
Наполнить может до краев моря

Так, чтоб его веками черпал всяк
И чтоб запас жемчужный не иссяк.

Кого с тобой в сравненье ни возьми,
Никто тебе не равен, Низами!

А впрочем, был среди людей один —
На Инде певший соловей один*.

Не соловей, а Хызр. Ведь знаем мы:
Был Индустан ему страною тьмы.

А речь была той звонкой, той живой
Им найденной во тьме водой живой.

Но на ристалище со мной не он,—
Я с Низами бороться принужден.

Рукой схватив такую «Пятерню»*,
В руке надолго ль силу сохраняю?

У всех трещали пальцы до сих пор,
Кто с Низами вступал в подобный спор,

Быть надо львом, чтоб рядом сесть со львом,
Тем более чтоб в драку лезть со львом.

Иль не слоном таким же надо быть,
Чтоб с хоботом слоновым хобот свить?

И мушка хоботком наделена,
Но муха не соперница слона.

А предо мной слоны: гянджинский слон,
Поистине — он исполинский слон!

Да и второй — не столь гигантский слон,
Но слон, однако, индустанский слон!

Обоих ты в молитвах помяни,
Обоих милосердьем опьяни.

Побольше мощи Навои прибавь —
И рядом с ними ты его поставь!

* * *

Эй, кравчий, видишь, как смятен мой дух,—
Налей две чары в память этих двух!

За них две чары эти осушу,
А за Джами я третью осушу!

О ДЖАМИ

Хосров и Низами — слоны, но нам
Предстал Джами, подобный ста слонам.

Вино любви он пьет и меж людьми
Прославился, как Зиндепиль, Джами.

Вином единства также опьянен
И прозван Зиндепиль-Хазратом он*.

Он чашу неба выпил бы до дна,
Будь чашею познания она.

Плоть в духе утопив, Джами велик,—
Скажи, что он великий материк.

Нет,— целый мир! Но как вообразить,
Что точка может мир в себе носить?

Он макрокосмом, а не миром стал!
Для двух миров Джами кумиром стал.

В убогий плащ дервиша он одет,
Но богача такого в мире нет.

Бушующее море мысли в нем.
А жемчуга ты и не числи в нем!

Жемчужин столько, сколько скажет слов.
В каком же море столь богат улов?

Дивись его словам, его делам:
Смотри — возник из пенных волн калам!

Тростник морской! Тут чудо не одно:
Что сахар в тростнике — не мудрено,

Но чтоб ронял жемчужины тростник,
Таких чудес один Джами достиг!..

Я, Навои, навек слуга Джами.
Дай сахар мне, дай жемчуга Джами:

Тем сахаром уста я улащу,
Тот жемчуг в самом сердце помещу.

* * *

Эй, кравчий! Понимай слова гуляк!
Пусть первым пьет Джами — глава гуляк!

Пусть небо превратится в пиалу —
Я буду пить и петь Джами хвалу!

ПОЯСНЕНИЕ К ПОЭМЕ

Пред тем как мне на высях этих гор
Звездою счастья послан был ковер,

То место ангел подметал крылом
И слезы звезд опрыснули потом.

И сердце здесь покой себе нашло,
Склонило небо предо мной чело.

Приглядываясь к моему листу,
Приобрело здесь утро чистоту.

И вечер приобрел свой цвет чернил,
Когда калам свой кончик зачернил.

Когда же я калам свой заострял,
Меркурий все очинки подбирал*.

Калам испытывать я стал теперь,
А счастье в этот миг открыло дверь.

Войдя, оно приветствует меня,
Вином благословения пьяня:

«Бог да узрит старания твои,
Да сбудутся желания твои!

Высок айван, прекрасен тот узор,
На коем ты остановил свой взор.

Ты на вершине. Прах берешь простой
И превращаешь в слиток золотой.

Роняешь каплю пота — и она
В жемчужину тобой превращена.

Кто пьет великодушья чару, тот
Искомое в той чаре обретет.

Орел высокогорный никогда
Не замечает низкого гнезда.

И Алтаир — сияющий орел —
Меж звездами свое гнездо обрел.

Взлетит повыше мошек дерзкий рой —
И слон бессилен перед мошкаррой.

Дом живописью украшать решив,
Так выстрой дом, чтоб сам он был красив.

Пусть рифма у тебя в стихе звонка,
Пленительно преданье, мысль тонка,

Но вникни в летописи давних лет —
В их повестях ты клад найдешь, поэт

Ты, может быть, еще откроешь клад,
Что пропустил предшественника взгляд.

И этот клад народу предъяви,
Чтоб стал достоин ты его любви.

А подражать другим певцам — к чему?
Дам волю изложению своему.

Коня гонять чужим коням вослед —
Ни наслажденья, ни почета нет.

На той лужайке, где не первый ты,
Как соберешь ты лучшие цветы?

Ведь не одна лужайка в цветнике,
А ты не попрошайка в цветнике...»

Была мудра его благая мысль, —
Запала в сердце мне такая мысль.

Я стал раздобывать со всех сторон
Бытописания былых времен.

И награжден за то я был вполне:
Что нужно было, то открылось мне.

Нашел я много в них жемчужин-слов,
Наполнил чару мысли до краев.

Я этот жемчуг миру покажу,
Когда на нити бейтов нанижу.

Предшественники! Черпали вы здесь,
Но ценный жемчуг не исчерпан весь.

Бездонно море слов! Никто из нас
Не может истощить его запас.

И даже я, беспомощный ловец,
Нырнувший в это море наконец,

Успел собрать столь драгоценный груз,
Что им теперь по праву я горжусь...

И вот что я по совести скажу,
Об этой старой повести скажу:

Да, сладок и поныне хмель ее,
И так же неизменна цель ее:

Людей любви запечатлеть следы —
Их судьбы, скорби, подвиги, труды.

Но все, кто прежде эту чашу пил,
Душой на стороне Хосрова был.

Его превозносили до небес:
Мол, все дела его — дела чудес;

Мол, таково могущество его,
И царство, и имущество его;

Таков, мол, конь его Шебдиз, таков
Несметный клад, что захватил Хосров.

И мол, Шапур был шаху лучший друг
И тешил сказками его досуг;

Мол, наслаждался шах по временам
Халвой Шекер, шербетом Мариам,

Но, мол, сей благородный властелин
Высокую любовь питал к Ширин.

Конечно, шах не знал забот и нужд,
Далек от горя был, печали чужд...

Хосрова так усердно восхвалив
И лишь ему вниманье уделив,

Все посвящали до сих пор, увы,
Фархаду лишь одну иль две главы:

Мол, горец он, каменолом простой,
Ширин его пленила красотой,

И ради встречи с ней Фархад решил
Свершить огромный труд — и совершил.

Но шах Хосров большим ревнивцем был,
И он Фархада бедного убил...

Хоть изложенья лишь такой узор
Поэты признавали до сих пор,

Но каждый столько редких жемчугов
Искусно нанизал на нить стихов,

Что мудрости взыскующий — смущен,
О мастерстве тоскующий — смущен,

Я их читал в волнении таком,
Что горевал над каждым их стихом,

И понял, что гораздо больше их
Мне суждено страдать в трудах моих.

Свернуть на путь иной пришлось тогда:
Вот она, повесть горя и труда.

Не жемчуга и не рубины в ней,—
Кремень! Хоть он и груб, зато прочней.

Хотя на вид рубин — кусок огня,
Но искру высекают из кремня.

Нет, не кремень, а кремневой хребет.
Гряда скорбей, крутые горы бед!

На них — Фархад... Куда же убегу?
Как отвернуться от него могу?

Я сам любовной скорбью угнетен,
Бродить в горах печали осужден.

Настроив сердце на печальный лад,
Создам я повесть о тебе, Фархад.

Нет, о тебе и о Ширин! О вас
Я поведу печальный свой рассказ...

Тот златоуст — великий сын Гянджи,
Чье имя перешло все рубежи,

Кто повести впервые строил дом,
Сказал, что был Фархад каменолом.

Когда же индустанский чародей
Сей повестью пленил сердца людей,

Он, сути не меняя основной,
На многое нанес узор иной.

Его Фархаду дан был царский сан:
Его отцом китайский был хакан...

А я, ведя иначе войско слов,
Поход повел сначала, как Хосров:

Слова начала людям по душе,
Когда они знакомы им уже.

«Алиф» у веры отними — она*
Из милосердья в зло превращена.

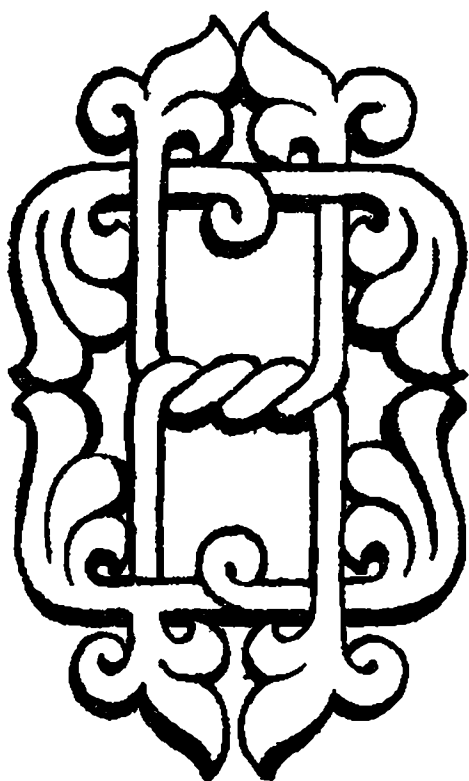
Мы в солнце видим золото. Заметь:
«Шин» отпадет — и остается медь*.

* * *

Подай мне, кравчий, яркую свечу,—
Не свет свечи, свет солнца я хочу!

Едва лишь солнце горы озарит,
Я, как Фархад, начну дробить гранит.

Глава XII

РОЖДЕНИЕ ФАРХАДА

Скорбь бездетного китайского хакана.
Рождение наследника. Тайная печать судьбы.
Ликование старого хакана. Торжества в Китае

Товар китайский кто облюбовал,
Тот так халат цветистый расшивал.

* * *

Да, красотой своих искусств Китай
Пленяет мир и обольщает рай!..

Был некогда в Китае некий хан,
Не просто хан,— великий был хакан.

Коль этот мир и тот соединить,
Я знал бы, с чем его страну сравнить.

Был до седьмого неба высотой
Хаканский трон роскошный золотой*.

Звезд в небесах, а на земле песка
Нам не хватило б счесть его войска.

Таких богатств не видел Афридун,
Казался б нищим перед ним Карун.

Завоеватели пред ним — рабы,
Сдают ему владенья, гнут горбы.

Как океан, как золотой рудник,
Он был богат и щедрым быть привык.

Нет, рудником глубоким не был он,—
Был солнечным высоким небом он.

Его взыскав, ему давало все
Судьбы вертящееся колесо;

Как никого, прославило его,
Единственным поставило его,

Единственным настолько, что ему
И сына не давало потому.

Венцом жемчужным обладает он,—
О жемчуге другом мечтает он.

В саду его желаний — роз не счесть,
Но есть одна — о, если б ей зацвести!

О, льющий свет на этот мир и тот,
Сам будто в беспросветной тьме живет.

Он думает: «Что власть, хаканство? Нет,
Я вижу: в мире постоянства нет.

И вечности дворец — не очень он
Высок, пожалуй, и непрочен он.

И чаша власти может быть горька.
И человек, процарствуй хоть века,

Чуть он хлебнет вина небытия,
Поймет все то, что понял в жизни я.

Хакан, чей трон, как небосвод, высок,
Бедняк, чей кров — гнилой кошмы кусок,—

Обоих время в прах должно стереть:
Раз ветвь тонка, то ей не уцелеть...

Ты смотришь в небо тщетно, властелин,—
Где жемчуг твой заветный, властелин?

Без жемчуга — какой в ракушках прок?
Хоть океан безбрежен и глубок,

Но жемчуга лишенный океан —
Что он? Вода! Он, как хмельной буян,

Бессмысленно свиреп, шумлив и груб,
Лицо — в морщинах, пена бьет из губ.

Хоть тополь и красив, но без плодов,—
Он только топливо, охапка дров.

От облака — и то мы пользы ждем,
Оно — туман, коль не кропит дождем.

Огонь потух — в том нет большого зла:
Раздуешь вновь, пока хранит зола

Хоть уголек, хоть искорку... А я...
Ни искрой не блеснет зола моя.

Я море безжемчужное, скажи,
Что я стоячий пруд,— не будет лжи.

Владыка я, но одинок и сир.
И лишь покину этот бранный мир,

Чужой придет топтать мои ковры,
Чужой тут будет пировать пиры,

Ласкать красавиц, отходить ко сну,
Развеивать, как пыль, мою казну,

Сокровища мои он распродаст,
И всю страну войскам врага предаст,

И клеветой мою обидит тень,
В ночь превратит моих желаний день.

Бездетен я — вот корень бед моих.
Страдать и плакать сил уж нет моих.

О господи, на боль мою воззри —
И отпрыском закат мой озари!..»

В мечтах о сыне ночи он не спал,
Он жемчуг слез обильно рассыпал.

Чтоб внял ему всевышний с высоты,
Давал обеты он, держал посты,

Он всем бездетным благодетель был,
Для всех сирот отец-радетель был.

О, предопределения перо!
Забыл хакан, что, и творя добро,

Ни вычеркнуть, ни изменить твоих
Нельзя предначертаний роковых.

Ждет человек успеха, но — гляди —
Злорадствует помеха впереди.

Не зная, радость, горе ль пред тобой,
Не стоит спорить со своей судьбой.

Хакан с ней спорить не хотел, не мог,—
Но он молился, и услышал бог...

* * *

Иль новый месяц так взошел светло?
Не месяц — солнце новое взошло.

Не солнце — роза. Но ее не тронь:
Не роза расцвела — возник огонь.

О, не подумай, что огонь так жгуч:
То вспыхнул скорби неумемной луч...

Едва младенец посмотрел на свет,
Судьбою был ему на перст надет

Печали перстень, и огнем пылал
В его оправе драгоценный лал.

Не сердце получил младенец,— он
Был талисманом горя наделен,

И просверлил нездешний ювелир
Свое изделие, выпуская в мир.

В его глазах — туман грядущих слез,
В его дыханье — весть гнетущих грез,

Печать единолюбия на лбу
Предсказывала всю его судьбу.

Сказало небо: «Царь скорбящих он».
Сказал архангел: «Царь горящих он».

Хан ликовал. Он стал настолько щедр,
Что море устыдил и глуби недр.

Издав хакан указ: дома должны
Шелками, по обычаю страны,

Так быть украшены, чтоб уголка
Не оставалось без шелков... Шелка —

Узорные, тяжелые — пестрят,
Украсили за домом дом подряд.

Китай разубран, разрисован весь,
Народ ликует — он взволнован весь.

В те дни народ мог делать, что хотел,
Но нехороших не случилось дел.

С тех самых пор, как существует мир,
Нигде такой не праздновался пир.

Все скатерти — не меньше неба там,
Как диски солнца, были хлебы там.

Снял с землепашцев, как и с горожан,
За пятилетье подати хакан.

Народ в веселье шумно пребывал,
И караван невзгод откочевал

Из той страны китайской, и она —
Счастливейшая среди стран страна:

Нет ни морщинки на ее чертах,
А если есть кой-где, то в городах...

* * *

И мне хоть кубок выпить, кравчий, дай
Той красной влаги, что на весь Китай

Лилась рекой на щедром том пиру,
Чтоб вдохновиться моему перу!

Глава XIII

ВОСПИТАНИЕ ФАРХАДА

Кто и почему назвал младенца Фархадом?

Физическое и умственное развитие Фархада.

Учитель царевича. Успехи в науках. Успехи в рыцарских доблестях.

Характер Фархада. Любовь народа к Фархаду

Хакана сыном наградил творец,
Наградой осчастливлен был отец.

* * *

И стал хакан раздумывать, гадать,
Какое бы младенцу имя дать:

От блеска красоты его — Луне
Прибавлен блеск и Рыбе в глубине*.

С царевичем (так было суждено)
И счастье государства рождено.

Хакан подумал: «В этом смысла найди:
Блеск — это «фарр», а знак судьбы — «хади»*.

Так имя сыну дал хакан: Фархад...
Нет, не хакан, — иные говорят,

Сама любовь так нарекла его,
Души его постигнув естество.

Не два понадобилось слова ей, —
Пять слов служило тут основой ей:

«Фирак» — разлука. «Ах» — стонаний звук.
«Рашк» — ревность, корень самых горьких мук.

«Хаджр» — расставанье. «Дард» — печали яд.
Сложи пять первых букв, прочтешь: «Фархад»*

Как золотая клетка ни блестит,
Однако птица счастья в ней грустит.

Пышна Фархада колыбель, но в ней
Все плачет он, тоскует с первых дней.

Невеста небосвода день и ночь
С него очей не сводит: чем помочь?

Десятки, сотни китаянок тут,
Как соловьи сладчайшие, поют,

Но в нем печаль, какой у детства нет,—
Навеять сон Фархаду средства нет!

Кормилица ему давала грудь —
К соску ее он не хотел прильнуть,

Как тяжелобольной, который в рот
И сладкий сок миндальный не берет.

Другою пищей дух его влеком,
Другим Фархад питался молоком:

То — молоко кормилицы любви,—
Ему в духовной вылиться любви.

Фархад особенным ребенком рос:
Как муравей питаюсь, львенком рос.

В год — у него тверда была нога,
В три — не слова низал, а жемчуга.

И речь его не речью ты зови,—
Зови ее поэмою любви.

В три года он, как в десять, возмужал,
Все взоры этим чудом поражал...

Отец подумал, что пора начать
Наследника к наукам приобщать.

Учителя нашел ему хакан,
Чьи знания — безбрежный океан,

Кто так все тайны звездных сфер постиг,
Что в них читал, как по страницам книг,

И, на коне раздумья вверх несясь,
Все отмечал, все приводил он в связь;

Хотя и до него был разделен
На много клеток небосвод, но он

Так мелко расчертил его зато,
Что небо превратилось в решето.

И если мудрецам видны тела,
То телом точка для него была.

Постиг он все глубины естества,
И математики, и божества.

Был в Греции он как философ чтим,—
Стал Аристотель школьник перед ним...

Сказал мудрец Фархаду: «Полюби
Науку с корешка — от «Алиф-Би»*.

«Алиф» воспринял как «алам» Фархад,
«Би» как «бела» истолковать был рад*.

Тот день был первым днем его побед,—
Он в первый день освоил весь абджед*.

Умом пытлив и прилежаньем рьян,
Он через год знал наизусть коран.

Знал все построчно, постранично он,
Ни слова не читал вторично он.

Но, раз прочтя, все закрепит в мозгу,
Как бы резцом наносит на доску...

И лишь когда он про любовь читал,
Он те страницы вновь и вновь читал,

И чувствовал себя влюбленным сам,
И предавался грусти и слезам;

И если так влюбленный горевал,
Что ворот на себе в безумстве рвал,

То и Фархад проклятья слал судьбе,
Безумствовал, рвал ворот на себе.

Не только сам обидеть он не мог,—
Ничьих страданий видеть он не мог.

Всегда душой болея за других,
Он, как мудрец, был молчалив и тих.

Отца он в размышления поверг,
У матери — в печали разум мерк.

Хан утешал: «Все дети таковы».
Мать плакала: «Нет, только он, увы!»

Ах, не могли они его судьбу
Прочесть на этом скорбном детском лбу!

Когда Фархаду стало десять — он
Во многих был науках искушен

И в десять лет имел такую статью,
Какой и в двадцать не дано блистать.

Все знать и все уметь хотел Фархад.
Оружием наук владел Фархад,

Оружием отваги — силой сил —
Теперь он также овладеть решил,

И не остался пред мечтой в долгу:
В кольцо сгибал он радуги дугу,

Соединять ее концы он мог,
Соединяя Запад и Восток.

Тупой стрелой он мог Арктур пронзить,
А острой мог зенит он занозить;

Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил;

Он выжал воду из созвездья Рыб;
Он шестопером семь бы сфер прошиб.

Со скоростью круженья сфер — свое
Умел меж пальцев он вращать копье

Так, что казалось — он прикрыт щитом,
Полнебосвода им затмив притом.

Он горы так умел мечом рассечь,
Что прорубал в горах ущелья меч.

И пусть гора одета сплошь в гранит,—
Навек прорехи эти сохранит.

Под палицей его Альбурз бы сам
Взлетел мельчайшим прахом к небесам.

Когда б он руку Руин-Тену сжал*,
И Руин-Тен, как мальчик бы, визжал.

Но хоть ученым он прослыл большим
И был, как богатырь, несокрушим,

Он скромн был, как новичок, едва
По буквам составляющий слова.

Он силой не хвалился никогда,
Ни в чем не заносился никогда,

И, равнодушен к власти, он скорей
На нищенство сменил бы власть царей.

Он сердцем чист был и очами чист,
Всем существом, как и речами,— чист,

Чистейшее на свете существо!
И весь Китай боготворил его,

И чуть прохладный дунет ветерок,
Молились все, чтоб бог его берег,

И каждый достоянья своего
И жизни бы лишился за него!

А чтоб не знал ни бед, ни горя он,
Чтоб никакой не ведал хвори он,

Хан щедро подаянья раздавал,
Что день — то состоянья раздавал.

Фархад достиг четырнадцати лет,
Но боль в душе носил, как амулет...

* * *

Вина печали нам подать изволь,
Чтоб заглушить в душе печали боль:

Пока беда не занесла свой меч,
Пусть пир шумит, а мы продолжим речь.

Глава XIV

ОБРЕЧЕННОСТЬ ФАРХАДА

Юность. Врожденная скорбь.

Страстное влечение к рассказам о несчастной любви.

Старания хакана развеселить сына. Искусство чародеев. Дворец Весны.
Дворец Лета. Дворец Осени. Дворец Зимы. Вазир Мульк-Ара

Тот зодчий, что такой дворец возвел,
В нем все предусмотрел и все расчел.

* * *

Любовь сказала: «Мной Фархад избран,—
Румянец розы превращу в шафран».

На стройный стан его давя, печаль
Решила изогнуть «Алиф», как «Даль»*.

Клялась тоска: «Он мной заморожен,—
Из глаз его навек похищу сон!»

Мечтала скорбь: «Разрушу я потом
До основанья этот светлый дом...»

Хоть замыслов судьбы предречь нельзя,
Но не заметить их предтеч — нельзя:

Готовя нам злодейский свой удар,
В нас лихорадка зажигает жар;

Пред тем как осень оголит сады,
Шафранный яд уже налит в сады;

Кому судьба грозит бедой большой,
Тот омрачен заранее душой;

Хотя пиров не избегал Фархад,
Но в сладость их тоска вливала яд.

Он пьет розовоцветное вино,—
Не в сласть ему, заметно, и вино.

И музыка звучит со всех сторон,—
И музыкой Фархад не ободрен.

Не веселит ни песня, ни рассказ,
Ничто не радует ни слух, ни глаз.

А если в грустных месневи поют
О двух влюбленных, о любви поют,—

Иль о Меджнуне вдруг заговорят,—
В слезах, горюя, слушает Фархад...

Отец вздыхал: «Что это значит все?
Что сын тоскует, что он плачет все?

Иль мой Китай совсем безлюден стал?
Иль он диковинами скуден стал?

Иль девушки у нас нехороши,
Жасминогрудые, мечта души?

Иль нет у нас искусных шукарей,
Что чудеса творят игрой своей:

Из чаши неба достают мячи,
Проглатывают острые мечи;

Стянуть умеют мастера чудес
Фигуру с шахматной доски небес.

Во тьме ночной умеют вызвать день,
День затмевают, вызвав ночи тень;

Черпнут воды ладонью — в ней огонь,
Черпнут огонь — полна воды ладонь;

На паутинке держат тяжкий груз,
Меняют вид вещей и пищи вкус

И делают иные чудеса,
В смущенье приводя и небеса...»

О чародеях вспомнив, с той поры
Хакан их приглашал на все пиры.

Царевича их мастерство влекло,
Оно в нем любопытство разожгло,

И стал следить за их работой он,
Вникал во все с большой охотой он,

Постиг все тайны их волшебных дел
И наконец к ним также охладел.

Да, свойство человека таково:
Все недоступное влечет его,

Для достижения не щадит он сил,
Но лишь достиг желанного — остыл...

Когда хакан увидел, что Фархад
Уже всем этим радостям не рад,

Он призадумался и духом пал:
Казалось, он все средства исчерпал.

Но нет,— придумал! О, любовь отца!
Четыре будет строить он дворца:

«Четыре времени имеет год,—
Для каждого дворец он возведет.

Пусть в них живет поочередно — пусть
В них навсегда Фархад забудет грусть,

И каждый раз, живя в дворце ином,
Иным пусть наслаждается вином.

Каков дворец — таков при нем и сад,—
Там розы самоцветами висят.

Дворцу весны, приюту нежных грез,
Приличествует цвет весенних роз,

Пленяет зелень летом нам сердца,—
Зеленый цвет — для летнего дворца.

Ты так его, строитель, сотвори,
Чтоб садом был снаружи и внутри.

А третьему чтобы нашел ты цвет,
Как осени шафранно-желтый цвет.

И золотом его щедрей укрась,
Чтоб с осенью была полнее связь.

Дворец четвертый для зимы построй,
Чтоб спорил белизною с камфарой,

Чтоб он сверкал, как горный лед, как снег,—
Дворец для зимних радостей и нег!

Когда же все четыре завершим,—
Невиданное в мире завершим.

Земных сравнений им не выбирай,—
В любой дворец Фархад войдет, как в рай.

В Китае соберу со всех концов
Красавцев и красавиц для дворцов,—

Гилманов, гурий поселю я там,
Наследника развеселю я там.

Скорей представь нам, зодчий, чертежи,—
Всю мудрость, дар свой, душу в них вложи.

И тотчас же ремесленных людей
Мы соберем по всей стране своей,

Чтоб каждый в дело все искусство внес,
Будь живописец иль каменотес,—

Чтоб вытесать побольше плит могли б
Из каменных разнопородных глыб,

Дабы из них полы настлать потом
Иль выложить дворцовый водоем;

Картины пусть нам пишут для дворцов,
Пусть шелком нам их вышьют для дворцов,

Чтоб каждый миг, куда б ни бросил взгляд,
Искусством развлекаться мог Фархад.

Покуда же последний из дворцов
Не будет окончательно готов,

Мы также сыну не дадим скучать:
Фархад ремесла станет изучать,

И чем трудиться больше будет он,
Тем скорбь свою скорей забудет он...»

Хакан повеселел от этих дум,
Но одному трудней решать, чем двум.

Был у него один мудрец — вазир,
Прославленный на весь китайский мир.

Благоустроен был при нем Китай,
Украшен был его умом Китай.

Велик вопрос был иль ничтожно мал,
Шах только с ним дела предпринимал.

Вазиру имя было Мульк-Ара*.
Он был душой хаканского двора,

Он преданнейшим человеком был,
Он при Фархаде атабеком был,

И за Фархада, как родной отец,
Скорбел немало тот вазир-мудрец.

И в этот раз хакан послал за ним —
И поделился замыслом своим.

И тот сказал хакану: «Видит бог,
Мудрей решенья ты найти не мог.

Скорей за дело, чтоб Фархад не чах...»
И дело все ему доверил шах.

И Мульк-Ара, душой возликовав,
Перед хаканом прах поцеловав,

Ушел и дома стал вести учет
Припасов, средств, потребных для работ...

* * *

Подай мне, кравчий, чистого вина,—
Постройки роспись вся завершена.

Не вечны и небесные дворцы,
.. Что ж наши легковесные дворцы?!

Глава XV

СТРОИТЕЛЬСТВО ДВОРЦОВ

Выбор места. Приглашение мастеров. Зодчий Бани. Художник Мани.
Мастер каменных дел Карен. Строительство. Приезд царевича.
Фархад увлечен искусством Карена

Глава XVI

ОТДЕЛКА ДВОРЦОВ

Обучение у каменотеса Карена. Тайна закалки горных орудий.
Изучение живописи. Отделка дворцов. Гурии во дворцах. Бассейны с вином.
Награждение строителей. Заготовка пиршественных припасов

Глава XVII

ПИРЫ ВО ДВОРЦАХ

Весенний пир. Летний пир. Осенний пир. Зимний пир.
Конец пирам. Снова роковая скорбь. Отчаяние хакана

Глава XVIII

ХАКАН ПРЕДЛАГАЕТ ФАРХАДУ СВОЙ ТРОН

Размышления хакана о сыне.
Что в дервише достоинство, то в правителе — порок.
Мера милостей и мера кар. Яд убивают противоядием. Юность и старость.
Над кем смеется гребешок? Предложение хакана. Отказ Фархада от власти.
Вынужденное согласие Фархада

Глава XIX

ЗЕРКАЛО ИСКАНДАРА

Сокровищница хакана. Тайнственный ларец.

Надпись на зеркале Искандара.

Что ждет того, кто отправится в Грецию?
Предупреждение смельчаку. Фархад теряет покой

Кто вяжет в книгах тонких мыслей вязь,
Так свой рассказ украсил, вдохновясь.

* * *

Лишь получил хакан такой ответ —
Желания сердечного предмет,

Он радостью настолько полон стал,
Что весь Китай ему казался мал,

Каких он ни придумывал наград,
Все большего заслуживал Фархад.

Сокровища подземных рудников?
Нет! Им цена — не больше черепков!

Сокровища морей? Что жемчуга,
Что камешки — цена недорого!

Не знал хакан, чем сына одарить:
Решил хакан хранилища открыть.

Не говори — хранилища, не то:
Сто рудников и океанов сто!

Тех ценностей ни сосчитать нельзя,
Ни в сновиденьях увидеть нельзя,

Владелец клада мудрости — и тот
Лишь от рассказа горем изойдет.

Туда вступивший проходил подряд
Через сорок первых кладовых-палат.

А в каждой — сорок урн. Не выбирай:
Все золотом полны по самый край!

А золота, хоть в каждой равный вес,
Но что ни урна — то сосуд чудес.

Так, золото в одной копнешь, как воск:
Что хочешь делай,— разомнешь, как воск!

И снова сорок кладовых-палат,
Но здесь шелками очарован взгляд.

По сорок тысяч было тут кусков
Пленительных узорчатых шелков.

Тут изумленью не было границ,
Тут перворазум повергался ниц

Пред красотой всяческих чудес
И пред искусством ткаческих чудес.

Не только шелк в кусках,— одежд таких
Не выходило из-под рук людских.

Не ведавшим ни ножниц, ни иглы,
Земной им было мало похвалы.

Так создавал их чародей-портной
В своей сверхсовершенной мастерской.

В одной из этих шелковых палат
Хранитель показал такой халат,

Что не один, а десять их надев
На стройный стан любой из райских дев,

Сквозь десять — так же розово-чиста —
Прельщала б райской девы нагота...

Для мускуса особый был амбар,
Где на харвар навален был харвар.

И если б счетчик разума пришел,
И тысячной бы части он не счел

Несметных драгоценностей: и он
Был бы таким количеством смущен.

Как кровь, был влажен там любой рубин —
Он слезы исторгал из глаз мужчин;

А каждое жемчужное зерно
Могло лишить и жизни заодно.

Еще другое было чудо там:
Хранилось тысяч сто сосудов там —

Хрусталь и яшма. Годовой налог
С большой страны их окупить не мог.

Сто самых ценных выбрал казначей,—
Мир не видал прекраснее вещей!

Чем больше шах и шах-заде глядят,
Тем больше оторваться не хотят.

Глядят — и то качают головой,
То молча улыбаются порой...

Но зрелищем пресыщен наконец,
Фархад заметил в стороне ларец.

Как чудо это создала земля!
Был дивный ларчик весь из хрусталя,—

Непостижим он, необыден был.
Внутри какой-то образ виден был,

Неясен, смутен, словно был далек,—
Неотразимой прелестью он влек.

В ларце замок — из ста алмазов... Нет!
То не ларец, то замок страшных бед!

Ничем не отомкнешь его врата,—
Так эта крепость горя заперта!

Сказал Фархад: «Мой государь-отец!
Хочу хрустальный разглядеть ларец:

На диво все необычайно в нем,—
Скрывается, как видно, тайна в нем.

Чтоб разгадать я тайну эту мог,
Пусть отомкнут немедленно замок!»

Пытался скрыть смущение хакан,
И начал с извинения хакан:

«Нельзя твоей исполнить просьбы нам.
Открыть ларец не удалось бы нам:

Нет от него ключа — вот дело в чем,
А не открыть его другим ключом.

И сами мы не знаем, что таит
Ларец, столь обольщающий на вид».

Царевича не успокоил шах,
В нем любопытство лишь утроил шах.

Фархад сказал: «Что человек творил,
То разум человеческий открыл,

И, значит, размышления людей —
Такой же ключ к творениям людей.

А так как я во все науки вник,
То трудностей пугаться не привык.

Но если суть ларца я не пойму,
То нет покоя сердцу моему!..»

Но как Фархада шах ни вразумлял,
Как ни доказывал, ни умолял,

Царевич все нетерпеливей был,
Настойчивее и пытливей был.

И понял шах, что смысла нет хитрить,
Что должен сыну правду он открыть.

И приказал он отомкнуть замок,
И зеркало из ларчика извлек.

Магическое зеркало! Оно —
Столетиями в хрусталь заключено,

Как в раковине жемчуг, — в том ларце
Хранилось у хакана во дворце.

Нет! Словно солнце в сундуке небес,
Хранилось это зеркало чудес.

Мудрец его украсить так решил,
Что тайно сзади тайну изложил:

«Вот зеркало, что отражает мир*:
Оно зенит покажет и надир;

Четыреста ученых вместе с ним
(С Платоном каждый может быть сравним)

Над зеркалом трудились. Миру в дар
Его оставил Искандар-сардар.

Проникшие в начала и концы,
Всеведущие в сферах мудрецы,

Постигшие взаимосвязь планет,
Обдумывали дело много лет,

Счастливую отметили звезду
И вдохновенно отдались труду.

Кто зеркало найдет в любой из стран,
Тот обретет в нем дивный талисман.

Послужит только раз оно ему:
Но что судьбой указано ему,

Что неизбежно испытает он,
Что скрыто смутной пеленой времен —

Будь горе или счастье — все равно:
Оно явиться в зеркале должно.

Но зеркало заключено в ларец.
Его открыть решится лишь храбрец,

Кто муки духа может побороть,
Не устрасась обречь на муки плоть.

Тот, кто замок захочет отомкнуть,
Тот пусть узнает древней тайны суть:

Есть мудростью венчанная страна.
Зовется в мире Грецией она.

Но и мудрейший среди греков грек —
Лишь прах своей страны, лишь человек.

Там каждый камень — жемчуг из венца
Мудрейшего из мудрых мудреца;

Любая травка там целебна, там
Целебен воздух, все волшебное там;

Что ни долина — то цветной ковер,
Что ни вершина — небесам упор.

Ты должен, человек, туда пойти,
Знай, встретишь ты препятствия в пути.

На трех последних переходах — три
Опасности подстерегут. Смотри:

На первом переходе — змей-дракон:
Из божьего он гнева сотворен.

А на втором — жестокий Ахриман,
В нем — сила, злоба, хитрость и обман.

Но самый трудный — третий переход:
Там талисман тебя чудесный ждет.

Три перехода трудных совершив,
Препятствия на каждом сокрушив,

Сверши последний переход, герой:
Остановясь перед большой горой,—

Пещеру обнаружишь в ней: она,
Как ночь разлуки черная, черна.

В пещере той живет Сократ-мудрец.
Он, как Букрат, велик, стократ мудрец!

Войдешь в пещеру. Если старец жив,
Утешит он тебя, благословив.

А если грек премудрый мертв уже,
Ты к вечной обратись его душе —

И узел затруднений всех твоих
Премудрый дух развяжет в тот же миг...»

Вот что прочел взволнованный Фархад:
Застыл, как очарованный, Фархад.

И он с тех пор забыл питье, еду,
Одною думой жил он, как в бреду.

Все понял шах: пришла беда опять!
Но сыну он решил не уступать.

Царевич стал просить. Но каждый раз
Он от хакана получал отказ.

И хоть упрямым не был ведь Фархад,
Стал наконец и требовать Фархад.

Тут начал шах оттягивать ответ:
То скажет «да», то снова скажет «нет».

И сын страдал, и мучился отец.
О, испытанье двух родных сердец!

* * *

Дай, кравчий, мне пьянейшего вина!
Задача мне труднейшая дана.

Но сколь ни жестока судьба — одно
Есть средство побороть ее: вино!

Глава XX

ФАРХАД МЕЧТАЕТ О ПОДВИГАХ

Неотступные мечты. Объяснение с Мульк-Арой.
Фархад угрожает побегом из дому. Напрасные увещевания.
Хакан соглашается. Отправление в Грецию

Глава XXI

ПОХОД В ГРЕЦИЮ

Беседа хакана с греческими мудрецами.
В пещере отшельника Сухейля. Завещание мудреца Джамаспа.
Саламандровое масло. Смерть Сухейля

Глава XXII

ФАРХАД УБИВАЕТ ДРАКОНА

Снаряжение на первый подвиг

Черная степь. Дракон. Нечувствительность к огню.

Дракон унизан стреламн. Чудовище издыхает.

Сокровища в пещере дракона. Меч и щит царя Сулеймана

Глава XXIII

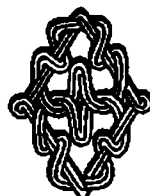
ФАРХАД УБИВАЕТ АХРИМАНА

Снаряжение на второй подвиг. Заколдованные джунгли. Ахриман.

Взлет Ахримана на воздух с горой в руках.

Сулейманов щит в действии.

Сокровищница Ахримана. Сулейманов перстень

Глава XXIV

ФАРХАД ДОБЫВАЕТ ЗЕРКАЛО МИРА

Снаряжение на третий подвиг. Старец у ручья. Наставления Хызра.

Тропа к замку Искандара. Сторожевой лев.

Железный воин-истукан. Стрела попадает в цель.

Сто железных воннов Искандара. Зеркало мира

В тот час, когда уставший за ночь мрак
Свой опускал звездистый черный стяг

И, словно Искандара талисман,
Заголубли сферы сквозь туман,—

Фархад, опять в доспехи облачась,
На подвиг шел, препятствий не страшась.

К ногам отца склонился он с мольбой —
Благословить его на этот бой.

Молитву перстня на коне твердя*,
Полдневный путь пустынею пройдя,

Увидел он лужок невдалеке,
Увидел родничок на том лужке.

Тот родничок живую воду нес —
Он был прозрачней самых чистых слез.

Верхушками в лазури шевеля,
Вокруг него стояли тополя,

И каждый тополь, словно Хызр живой,
Росою жизни брызнул бы живой!

Фархад подъехал, привязал коня.
У родничка колени преклоня,

И, об успехе богу помолясь,
Он в той воде отмыл печали грязь.

Едва окончил омовенье он,
Заметил в это же мгновенье он

С ним рядом у живого родника
Какого-то седого старика.

Тот старец был в зеленое одет,
Лицом, как ангел, излучал он свет,—

Скажи, сиял он с головы до ног!
И молвил старец ласково: «Сынок!

Будь счастлив и все горести забудь.
Я — Хызр. И здесь я пересек твой путь,

Чтоб легче ты свершил свой путь отсель,
Чтоб счастливо свою обрел ты цель.

Как Искандар, скитался годы я,
Как он, искал живую воду я.

Я вместе с ним ее искал и с ним
Был бедствиями страшными казим.

И с ним попал я в область вечной тьмы,
Где ночь и день равно черней сурьмы.

Однако одному лишь мне тогда
Открылась та заветная вода,

А Искандар воды не уследил —
И жажду духа он не утолил.

Гадать по звездным стал дорогам он,
Стал знаменитым астрологом он.

Он связывает нити тайных дел,
Я их развязываньем овладел.

Знай, Искандаров талисман, мой сын,
Расколдовать могу лишь я один.

Недаром называюсь Хызром я:
Помочь тебе всевышним призван я.

Теперь запомни: продолжая путь,
Считать шаги усердно не забудь.

Когда достигнешь лысого бугра,
На горизонте вырастет гора.

По виду — опрокинутый казан:
Она и есть — тот самый талисман!

С бугра спустясь, будь точен и толков:
Двенадцать тысяч отсчитай шагов.

Но так я говорю тебе, смельчак:
Раскаяньем отмечен каждый шаг!

Путь перейдет в тропу. Тропа — узка,
Она ровна, но, словно лед, скользка.

На двух ее обочинах — гранит,
Острей мечей отточенных гранит.

Чуть шаг ступил — и соскользнул с тропы.
Скользнул — от раны не спасешь стопы.

Кто слаб, тот, горько плача и крича,
Вернется к водам этого ключа.

Но сильный духом — отсчитает так
Одиннадцатитысячный свой шаг.

Тут будет крепость. На стальных цепях
К ней лев прикован — воплощенный страх.

Пасть у него — ущелье, а не пасть:
Взглянуть нельзя, чтоб в обморок не пасть.

Но смельчака, кто, страх преодолев,
Пойдет на льва, не тронет страшный лев:

Его судьба теперь в его руках.
Врата твердыни — в тысяче шагах.

За сто шагов — гранитная плита,—
Натужься, сдвинь — откроются врата.

Войдешь — стоит железный истукан:
Вид — человека, воин-великан,

И лук железный держит воин тот,
И он стрелу на тетиву кладет,

А та стрела — и камень просверлит.
Такой дозорный в крепости стоит!

Весь в латах страж от головы до пят,
Горит, пылает жар железных лат.

На грудь навешен, как металлический диск,
Солнцеслепительный зеркальный диск;

Вонзи в него стрелу со ста шагов,
Не оцарапав и не расколов,—

И вмиг — людоподобный исполин
На землю рухнет. Но не он один:

На крепостных стенах их сотня тут,—
И все в одно мгновение упадут,

И замок-талисман в тот самый миг
Откроется пред тем, кто все постиг.

Но если кто в мишень и попадет,
Но зеркало стрелою разобьет,—

Все стрелы полетят в него — и он,
Как жаворонок, будет оперен.

Похож на клетку станет он, но в ней
Не запоем отныне соловей...

Все в памяти, сынок мой, сбереги:
На всем пути считай свои шаги.

Не делай шага на своем пути,
Чтоб имя божье не произнести.

Лишь пасть отверзнет лев сторожевой,
Немедля в пасть ты бросишь перстень свой.

Твой перстень отрыгнув, издохнет зверь.
Поднимешь перстень и пойдешь теперь

Еще на девятьсот шагов вперед:
Плита тебе ворота отопрет.

А зеркало стрелой не расколоть
В тот миг тебе поможет сам господь.

Ступай и делай все, как я сказал...»
Прах перед ним Фархад облобызал

И в путь пустился, помня те слова;
Шаги считая, он дошел до льва.

Он бросил перстень в льва — и зверь издох,
Дошел до камня — сдвинул, сколько смог,

И сразу же услышал голоса:
Шум за стеной высокой поднялся.

Но лишь открылись крепости врата,
В ней смерти воцарилась немота.

Глядит Фархад, не знает — явь иль блажь:
Стоит пред ним железный грозный страж,

И сто стрелков железных на стене
Натягивают луки, как во сне.

Молитвою сомнения глуша,
Спустил стрелу царевич не спеша —

И в средоточье зеркала, как в глаз,
Не расколов его, стрела впилась.

(Так женщина, к любимому прильнув
И робко и томительно мигнув,

Возобновляя страсть в его крови,
Медлительно кладет клеймо любви.)

Когда молниеносная стрела
Покой в зеркальном диске обрела,

Свалился вмиг железный Руин-Тен,
И сто других попадали со стен...

Освободив от истуканов путь,
Свободно к замку-талисману в путь

Пошел Фархад, и кованая дверь
Сама раскрылась перед ним теперь.

Богатства, там представшие ему,
Не снились и Каруну самому:

И Запад и Восток завоевав,
Тягот немало в жизни испытав,

Сокровища из побежденных стран
Свозил Руми в свой замок-талисман...*

* * *

Был в середине замка небольшой,
От прочих обособленный покой.

Он вокруг себя сиянье излучал,
Загадочностью душу обольщал.

Фархад вошел, предчувствием влеком;
Увидел солнце он под потолком,—

Нет, это лучезарная была
Самосветящаяся пиала!..

Не пиала, а зеркало чудес,—
Всевидящее око, дар небес!

Весь мир в многообразии своем,
Все тайны тайн отображались в нем:

События, дела и люди — все,
И то, что было, и что будет, все.

С поверхности был виден пуп земной.
Внутри вращались сферы — до одной.

Поверхность — словно сердце мудреца,
А внутренность как помыслы творца.

Найдя такое чудо, стал Фархад
Не только весел и не только рад,

А воплощенным счастьем стал он сам,
К зеркальным приобщившись чудесам...

Оставив все на месте, он ушел,
Обратно с дивной вестью он ушел.

У родника он на коня вскочил, —
Утешить войско и отца спешил.

От груза горя всех избавил он,
Свой войска опять возглавил он.

Войска расположив у родника,
С собой он взял вазира-старика —

И в замок Искандара поутру
Привел благополучно Мульк-Ару.

Все для отца вручил вазиру он,
Поднес ему и чашу мира он.

К стоянке лишь с вечернею зарей
Пришел царевич вместе с Мульк-Арой...

Когда фархадоликая луна,
Сияющим спокойствием полна,

Разбила талисман твердыни дня,
И солнце-Искандар, главу склоня,

Ушло во мрак, и легендарный Джем
Незримо поднял чашу вслед за тем, —

У родника живой воды вазир
Устраивал опять богатый пир.

Вино из чаши Джема пили там,
До дна не пивших не любили там.

Там пели о Джемшиде до утра,
Об Искандаре, сидя до утра.

* * *

Эй, кравчий, мир мой нынешний укрась:
Налей Джемшида чашу, не скупясь!

Напьюсь — мне Искандаров талисман
Откроет тайны всех времен и стран!

Глава XXV

ФАРХАД У СОКРАТА

Пещера Сократа. Тысячелетнее ожидание. Предсказание судьбы Фархада.
Роковая любовь и бессмертная слава. Свойства зеркала Искандара

Когда Сократ зари свой светлый взор
Уже направил на вершины гор

И астролябией небесных сфер
Осуществлял надмирный свой промер,—

Фархад молитвы богу воссылал
И буйного коня опять седлал.

Не колебался — верил свято он,
Что путь найдет к горе Сократа он.

Пошли за ним вазир и сам хакан,
Но не гремел походный барабан:

Войскам на месте быть велел Фархад,
В охрану взял он лишь один отряд...

Пустынную равнину перейдя,
Цветущую долину перейдя,

Остановились пред крутой горой:
Земля — горсть праха перед той горой.

В стекле небес лазурном — та гора,
Вздымалась до Сатурна та гора.

Она, как исполинский дромадер,
Горбом касалась высочайших сфер.

Вершина — вся зубчата, как пила...
Нет, не пилой, — напильником была,

Обтачивавшим светлый, костяной
Шар, нами именуемый луной.

Не сам напильник бегал взад-вперед, —
Кость вокруг него свершала оборот.

Но впрочем, шар отделан не вполне:
Изъяны в виде старца — на луне.

Не счесть ключей волшебных на горе,
Не счесть и трав целебных на горе.

Подножию горы — обмера нет,
В подножии — числа пещерам нет,

И так они черны, и так темны, —
В них почернел бы даже шар луны,

Внутри пещер немало гор и скал,
Там водопадов грохот не смолкал,

Текли там сотни озверелых рек,
Вовек не прекращавших дикий бег.

В пещерах гор пещерных не один
Кровавый змей гнезился — исполин...

Все о горе узнать хотел Фархад,
И в чашу Джема поглядел Фархад.

Он увидал все страны света в ней, —
Воочию не видел бы ясней.

Он на семь поясов их разделил
И Грецию в одном определил.

Затем в разведку взоры выслал он —
И место той горы исчислил он.

Вот перед ним вся в зеркале она,—
Пещера за пещерой в ней видна.

Он наяву не видел так пещер:
Смотрело зеркало сквозь мрак пещер.

И вот одна: приметы говорят,
Что в ней живет великий грек — Сократ.

Теперь Фархад нашел и тропку к ней.
Все шли за ним, приблизясь робко к ней.

Вошел царевич, зеркало неся:
Пещера ярко озарилась вся.

Препятствий было много на пути,—
Казалось, им до цели не дойти.

Вдруг — каменная лестница. По ней
Они прошли с десятков ступеней

И на просторный поднялись айван.
Вновь переход кривой, как ятаган,

И в самой глубине возник чертог...
Как преступить святилища порог?

Но голос из чертога прозвучал:
Переступить порог он приглашал.

Вошли не все, а лишь Фархад с отцом
И с верным их вазиром-мудрецом,

Как мысли входят в сердца светлый дом,
Так, трепеща, вошли они втроем.

Вступили в храм познания они —
Ослепли от сияния они.

То совершенный разум так сиял,
То чистый дух, как Зодиак, сиял.

Свет исходил не только от лица,—
Лучился дух сквозь тело мудреца.

Кто, как гора, свой отряхнул подол
От всех мирских сует, соблазнов, зол

И, с места не сдвигаясь, как гора,
Стал воплощением высшего добра —

Тот плоть свою в гранит горы зарыл,
А дух в граните плоти он сокрыл.

Но и сквозь камень плоти дух-рубин
Лучился светом мировых глубин...

Он в мире плотью светоносной был,
Он отраженьем макрокосма был.

Все было высокосогласным в нем,
А сердце было морем ясным в нем,

В котором сонм несметных звездных тел,
Как жемчуг драгоценнейший, блестел!

Лик — зеркало познания божества,
В очах — само сияние божества.

Где капля пота падала с чела,—
Смотри, звезда сиять там начала.

Лишь телом к месту он прикован был,
А духом — странником веков он был.

Любовь и кротость — существо его,
А на челе познания торжество.

Перед таким величием мудреца
У всех пришедших замерли сердца,

И дрожь благоговенья потрясла
Упавшие к его ногам тела.

* * *

Сократ спросил, как долго шли они,
Как трудный путь перенесли они

И через много ль им пришлось пройти
Опасностей, страданий на пути.

Но каждый, выслушав его вопрос,
Как будто онемел и в землю врос.

Сказал мудрец хакану: «Весь ты сед,
И много, верно, претерпел ты бед,

Пока моей обители достиг.
Но не горюй, почтеннейший старик:

Сокровища, которым нет цены,
Тебе уже всевышним вручены.

Но от меня узнай другую весть:
Еще одна тебе награда есть.

Великим счастьем отмечен ты:
Знай — будешь очень долговечен ты.

Открылось мне в движении планет,
Что жизнь твоя продлится до ста лет.

А если посетит тебя недуг
И раньше срока одряхлеешь вдруг,—

Я камешек тебе сейчас вручу:
К нему ты обратишься, как к врачу.

Ты этот камешек положишь в рот,—
Недуг твой от тебя он отвернет,

И старческую немощь без следа
Он устранил на долгие года...»

А Мульк-Аре сказал он в свой черед:
«И ты немало претерпел тягот,—

Награду дать мне надо и тебе:
Ту самую награду — и тебе.

Одна опасность вам грозит троим,—
И мы пред ней в бессилии стоим.

Она — в соединенье двух начал,—
Блажен, кто только порознь их встречал:

Начала эти — воздух и вода.
Всевышний да поможет вам тогда...

Я все открыл вам...» — шаху с Мульк-Арой
Кивнул Сократ учтиво головой

И сам их до порога проводил.
Фархада обласкал он, ободрил

И так сказал царевичу: «О ты,
Рожденный для скорбей и доброты!

Свой дух и плоть к страданиям приготовь:
Великую познаешь ты любовь.

Тысячелетье уж прошло с тех пор,
Как сам себя обрек я на затвор.

Я горячо судьбу благодарю,
Что, наконец, с тобою говорю.

Ведь ждал все дни и ночи я тебя:
Вот вижу я воочию тебя!

Мой час пришел — я в вечность ухожу.
Послушай, сын мой, что тебе скажу:

Знай, этот мир для праведных людей —
Узилище и торжество скорбей.

Да, жизнь — ничто, она — лишь прах и тлен:
Богатства, власть — все это духа плен.

Не в этом смысл земного бытия:
Отречься должен человек от «я».

Найти заветный жемчуг не дано
Без погруженья на морское дно.

Тот, кто от «я» отрекся, только тот
К спасению дорогу обретет.

Дороги же к спасенью нет иной,
Помимо жертвенной любви земной.

Любовь печалью иссушает плоть,
В сухую щепку превращает плоть.

А лишь коснется, пламенно-светла, —
И вспыхнет щепка и сгорит дотла.

Тебе любовь земная предстоит,
Которая тебя испепелит.

Ее не сможешь ты перебороть:
Ты обречен предать страданиям плоть.

Отвержен будешь, одинок и сир,
Но озаришь своей любовью мир.

Слух о тебе до дальних стран дойдет,
Он до южан и северян дойдет.

Твоей любви прекрасная печаль
Затопит и девятой сферы даль*.

Твоя любовь, страданием велика,
Преданьями пройдет и сквозь века.

Где б ни были влюбленные — для них
Священным станет прах путей твоих.

Забудет мир о всех богатырях,
О кесарях, хаканах и царях,

Но о Фархаде будут вновь и вновь
Народы петь, превознося любовь!..»

Сократ умолк, глаза на миг закрыл
И, торопясь, опять заговорил:

«Пока глаза не смеркли, я скажу:
О том волшебном зеркале скажу,

Которое ты вынул из ларца
В сокровищнице своего отца.

Когда железный латник-великан,
Хранивший Искандаров талисман,

Сквозь зеркало, что ты стрелой пробил,
Сражен тобой молниеносно был,—

То расколдован был в тот самый миг
И первый талисман — его двойник.

Когда вернешься в свой родной Китай,
Ты свойство талисмана испытай,—

Открой ларец — и в зеркало смотри:
Что скрыл художник у него внутри,

Проступит на поверхность. Ты узришь
Ту, от кого ты вспыхнешь и сгоришь.

Начнется здесь твоей любви пожар,—
Раздуй его, благослови пожар.

Но знай: лишь раз, мгновение одно
Виденье это созерцать дано.

Откроет тайну зеркало на миг,
Твоей любви ты в нем увидишь лик,

Но ни на миг виденья не продлить.
Твоей судьбы запутается нить:

Ты станешь думать лишь о ней теперь,
Страдать ты будешь все сильнее теперь,

И даже я, хранитель всех наук,
Не угасил бы пламя этих мук.

Так, на тебя свои войска погнав,
Схватив и в цепи страсти заковав,

Любовь тебя пленит навек. Но знай:
Как ни страдай в плену, как ни стенай,

Но кто такой любовью жил хоть миг,—
Могущественней тысячи владык!

Прощай... Мне время в вечность отойти,
А ты, что в мире ищешь, обрети.

Порой, страдая на огне любви,
Мое ты имя в сердце назови...»

На этом речь свою Сократ пресек:
Смежив глаза, почил великий грек,

Ушел, как и Сухейль, в тот долгий путь*,
Откуда никого нельзя вернуть...

Теперь Фархад рыдал, вдвойне скорбя:
Оплакивал Сократа и себя.

И шаха он и Мульк-Ару позвал
И вместе с ними слезы проливал.

Затем со свитой вместе, как могли,
Положенною долею земли

Навечно наделили мудреца,—
Устроили обитель мертвеца.

* * *

Когда Фархад хакану сообщил,
Что грек ему великий возвестил,

То старый шах едва не умер: столь
Великую переживал он боль.

Была судьба нещадна к старику!..
Печально возвращались к роднику.

Когда же солнце мудро, как Сократ,
Благословило собственный закат,

То ночь — Лукман, глубоко омрачась,
Над ним рыдала, в траур облачась.

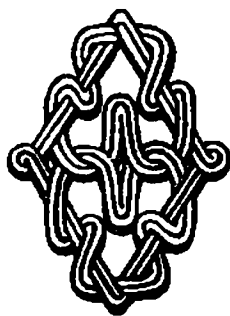
Хакан устроил поминальный пир,
Хоть и обильный, но печальный пир.

В ту ночь пришлось вино погорше пить,—
В чем, как не в горьком, горе утопить?

* * *

Послушай, кравчий, друг мой! Будь умней,
Вина мне дай погуще, потемней.

Ты чару горем закипеть заставь,
Меня хоть миг ты не скорбеть заставь!

ВИДЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ИСКАНДАРА

Возвращение из Греции. Зеркало Искандара оживает.

Неизвестная страна. Горные работы в скалах.

Двойник Фархада. Красавица на коне. Обморок. Зеркало неумолимо.

Снова мечты о побеге

Лишь утренней зари забил родник,
Преобразив небесный луг в цветник,—

Свои войска из греческой земли
В Китай хакан с Фархадом повели.

Дел не имея на пути своем,
Шли без задержек, ночью шли и днем.

И вот царевич и его отец
В родной Китай вернулись наконец...

Хакан воссел на трон,— скажи, что так
Луна в зодиакальный входит знак.

Фархад унять волнения не мог,
Едва переступив родной порог,

Он, удержать не в силах чувств своих,
Потребовал ключи от кладовых:

Свою мечту увидит он теперь!
Сокровищницы распахнул он дверь,—

И вот ларец в его руках... о нет,
Скажи: вместилище ста тысяч бед!

«О казначей, поторопись, не мучь:
От ларчика подай скорее ключ!»

Но ключик, видно, в сговоре с замком,
Твердит свое железным язычком,

И в скважину войти не хочет он,—
Царевичу беду пророчит он,

И за намеком делает намек
Упрямому царевичу замок.

Волос упавших дергает он прядь:
«Оставь меня, не надо отпирать!»

Но человек не властен над собой,
Когда он соблазнен своей судьбой.

Царевич все же отомкнул замок
И зеркало из ларчика извлек.

Глядит Фархад, и, изумленный, вдруг
Роскошный видит он зеленый луг.

Обильно луг цветами весь порос —
Не счесть фиалок, гиацинтов, роз.

Там каждая травинка — узкий нож,
Заржавленный от кровопуска нож;

Там каждая фиалка — страшный крюк,
Чтоб разум твой хватать за горло вдруг;

Нарцисс вином столь пьяным угощал,
Что сразу ум в безумье превращал;

В крови у каждой розы лепестки;
Петляются гиацинтов завитки,

И что ни завиток — аркан тугой,
Которым ловят разум и покой;

Татарский мускус темень источал,—
Он будущность народа омрачал,

В предчувствии, как будет гнет велик,
У лилий отнимался там язык;

И розы страсти распускались там,—
Чернели, сохли, спекались там;

Всходили там цветы — богатыри,—
Горели гневом мести бунтари.

Царили там смятение и печаль...
Фархад теперь окинул взором даль.

Он увидел гряду гранитных скал —
Их дикий строй долину замыкал.

И там, на склонах каменной гряды,
Людей каких-то видит он ряды.

Они стоят, как будто вышли в бой,
Толкуя оживленно меж собой.

Но у людей — ни луков и ни пик, —
Кирки в руках: долбят в камнях арык.

Один из них, хоть молод он на вид,
Всех возглавляя, сам долбит гранит,

То действует киркою, то теслом,
Каменотесным занят ремеслом.

Как он печален! На него, скорбя,
Глядит Фархад — и узнает себя!

А в это время из-за острых скал
Сюда отряд наездниц прискакал:

Красавицы, пленяющие взгляд,
На каждой — драгоценнейший наряд.

Одна была — как шах, среди всей толпы:
Как роза — лоб, ресницы — как шипы;

Век полукружья бледны, высоки,
Уста ее румяны и узки.

А конь ее — не конь, а дар небес!
Нет, хром, в сравнение с ним, тулпар небес!

Как управляла резвым скакуном,
Как восседала, гордая, на нем!

На скакуне она, как вихрь, неслась,
Стремительнее всех других неслась.

Был облик пери лучезарно-юн,
Она казалась солнцем между лун.

Куда б ни обращала взор с седла,
Сжигала вмиг сердца людей дотла...

Глядит Фархад и видит, что она
В ту сторону пустила скакуна,

Где был он сам, печальный и худой,
Изображен в работе над плитой.

Когда же, перед ним остановясь,
Она его окликнула, смеясь,

И всадницы лучистоокой взгляд
Почувствовал каменотес Фархад,—

Его черты покрыла смерти тень,
И он упал, как раненый олень...

Увидя, как упал его двойник,
Едва пред ним блеснул той пери лик,

Получше разглядеть решил Фархад
Красавицу, чей смертоносен взгляд.

Поднес он ближе зеркало к глазам,
Взглянул — и простонал, и обмер сам,

И на пол так же, как его двойник,
Бесчувственно упал он в тот же миг.

Бегут к хакану слуги: «Ой, беда!»
Вошли, дрожат в испуге: «Ой, беда!»

Услышал шах — и ворот разодрал:
Увы! Увы! Он сына потерял!

Мать прибежала — и за прядью прядь
Свои седины стала вырывать.

Узнал и зарыдал мудрец-вазир:
Любил Фархада, как отец, вазир.

И друг Фархада и молочный брат,
Сын Мульк-Ары, Бахрам, кого Фархад

Считал ближайшим сверстником своим,
Душевнейшим наперсником своим,—

Не ворот — грудь свою порвал, скорбя,—
Чуть не лишил он жизни сам себя.

Родные, свита, слуги и врачи,
Как мотыльки у огонька свечи,

Вокруг Фархада плачут, хлопоча,
Увы, увы,— угасла их свеча!..

Он, как покойник, сутки пролежал,
Нет, был он жив, хотя едва дышал.

И лишь когда свой животворный ток
Принес под утро свежий ветерок,

Фархад вздохнул и бровью чуть повел,
Румянцем жизни трепетным расцвел,

Глаза открыл — и видит, как сквозь сон,
Что близкими он всеми окружен,

И все в слезах, и он не мог понять,
Что в скорбь оделись и отец и мать...

Когда же все припомнил он, тогда
Страдать он стал от горького стыда,

И был готов свою мечту проклясть,
И в обморок непробудимый впасть.

Он поднялся, и тут же в прах лицом
Пред матерью упал и пред отцом,

И ноги их смиренно целовал,
И, плача, о прощенье умолял.

И счастливы, что милый сын их жив,
Его утешив и благословив,

Родители и все, кто были там,
Ушли спокойно по своим делам...

* * *

Хоть искренне отречься был бы рад
От своего желания Фархад,

Хоть был он отягчен виной большой —
Однако же всем сердцем, всей душой

Он к зеркалу тому прикован был,
И стыд и смерть принять готов он был.

Он искушенья не преборол.
И снова доступ к зеркалу обрел —

И снова жадно заглянул в него.
Но было зеркало чудес мертво!

Сократ был прав: из зеркала чудес
Волшебный образ навсегда исчез.

И тут царевич понял: он навек
В страданья ввергнут, обречен навек,

И не спастись от роковой тоски,
Хоть разорвал бы сам себя в куски.

Он размышлял: «Раз жребий мой таков,
И страсти не расторгнуть мне оков,

И смерть моя хоть и близка, но все ж
Вонзит не сразу избавленья нож,

То до того, пока от жгучих дум
Еще не вовсе потерял я ум

И не совсем лишился воли я,—
Обдумать должен все тем боле я.

Благоразумным быть мой долг теперь,
Лишь этот путь сулит мне толк теперь,

Лишь так отца утешить я смогу.
Что из того, что сразу убегу?

Куда уйду один? Где скрыться мне?
Шах разошлет гонцов по всей стране,

Войска он двинет по моим следам,
Схватить меня он даст приказ войскам...

И несомненно, через два-три дня
В любом убежище найдет меня.

А если вынуть меч и в бой вступить,—
За что же подневольный люд губить?

Ужель народу за любовь его
Моей наградой будет кровь его?

Себя на жертву лучше мне обречь,
Чем на родной народ обрушить меч!

Пусть шах-отец меня потом простит.
Ведь все равно меня замучит стыд.

В лицо народу как я погляжу,
Что богу я в конце концов скажу?

А если б и пойти на тяжкий грех
И обнажить свой меч — один на всех,—

То сколько бы невинных ни убить,
Мне все же победителем не быть!

Я буду схвачен. Если даже шах
И не казнит — возьмет под стражу шах.

А может быть и так: признает суд,
Что я безумен,— в цепи закуют.

И сколько б я ни клялся, что здоров,—
Как докажу? Закон страны суров.

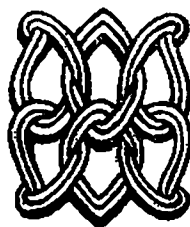
Себя пока я должен оберечь,
Свои поступки обуздать и речь!..»

Увы, не знал он, что любовь сама
На ветер пустит доводы ума...

* * *

Быть пьяным, кравчий, мой обычай стал,
С тех пор как от ума я притчей стал!

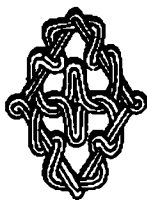
Вина любви губительной налей,
Но от ума избавь меня скорей!

Глава XXVII

ВРАЧИ ПОСЫЛАЮТ ФАРХАДА НА ОСТРОВА

Болезнь Фархада. Совещание врачей. Необходим влажный морской климат.
Тайная надежда Фархада

Глава XXVIII

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Морская гавань. Хаканская флотилия выходит в плавание. Море и морские чудища. Зловещий ветер. Хакан не успевает пересечь в челн.
Волна уносит Фархада в бушующее море. Описание морской бури.
Гибель флотилии

Жемчужину редчайшую для нас
Извлек нырнувший в море водолаз...

* * *

Для путешествия морского все
Уже закончено, готово все...

Пошли большие корабли вперед —
За каждым забурился водоворот.

Пошли за ними стаями челны.
Волнами их вздымаемы, челны

Качались так, как если б в этот час
Удар подземный весь Китай потряс.

Морское дело знают моряки:
Им весла — то, что рыбам плавники.

Усердно корабельщики гребли,
Неслись, волну взрезая, корабли,

Неслись челны — и каждый, словно конь, —
Разбрызгивая водяной огонь...

Два дня, две ночи плыли корабли.
Все ближе к цели были корабли.

Сильней вздувает ветер паруса,
Волна морская, словно бирюза:

Сливаются с водой края небес.
Открылся для Фархада мир чудес:

И вёсел плеск, и мачт высоких скрип,
И вид шныряющих диговин-рыб.

Посмотришь — сердце в ужасе замрет:
Страшилища неведомых пород!

Плывут, как будто горы-острова,
А присмотрись — живые существа.

То — рыбы, а не горные хребты,
Как волны, их узорные хребты.

А скорость их! Небесный метеор
В своем паденье не настолько скор.

Те безобразьем отвращают, те
Ни с чем нельзя сравнить по красоте —

Так изумительна окраска их,
Все очертанья, вся оснастка их.

Вокруг кишели тучи мелких рыб.
Всю эту мелочь мы сравнить могли б

С густой травой, что буйно, без числа
Вкруг мощных кипарисов проросла.

Немало в море и Фархад и шах
Встречали исполинских черепах.

Их костяные страшные тела
Вздымались над водой, как купола,

Что так вселенский зодчий воздвигал
И сам в пучину моря низвергал.

И неуклюже плавающих вкось
Им видеть в море крабов довелось.

Столкнется с черепахой краб порой —
Столкнулась, ты б сказал, гора с горой.

За рыбами, как тигры вод морских,
Акулы шли и пожирали их.

Их тело — как гранитная гора,
А кожа их — шершавая кора,

И вся в шипах. А пасть откроют — в ней
Не счесть зубов... нет, не зубов,— гвоздей!

А на спине — плавник стоит торчком,—
Зови его пилой — не плавником.

Нет! Копья полчищ моря — тот плавник,
Зубцы твердыни горя — тот плавник!

Вокруг морских собак бурлит всегда,
Как муравейник вокруг змеи, вода.

На суше много хищников живет,
Но их не меньше и в пучине вод.

Кто нужным счел и воды населять,
Оплел сетями и морскую гладь...

* * *

Так, наблюдая чудеса везде,
Два дня уж плыли шах и шах-заде.

Однако их на бедствия обрек
В делах своих непостижимый рок.

Недобрым резким ветром дунул юг,—
Морская буря разразилась вдруг.

И ужаснулись даже моряки,
И, разрывая ворот, старики

В отчаянье докладывали так:
«Приметы знает опытный моряк:

Бушует эта буря раз в сто лет,—
Добра не ждать, а ждать великих бед!»

Решили так: пока возможность есть,
Шах должен с сыном в лодку пересесть,

А эта лодка — месяца быстрее
Могла стремиться по зыбям морей.

Быть может, челн успеет их умчать,
Пока не начал ураган крепчать.

Ладью спустили. На беду свою
Фархад-царевич первым сел в ладью.

Но вихрь, вонзив мгновенно когти волн,
Прочь оттащил от корабля тот челн.

Старик хакан, оставшийся один,
Рвал в исступленье серебро седин,

Рыдал, вопил... А где-то вдалеке
Сын мерил море в зыбком челноке.

Кто мог разлуку эту им предречь?
Увы, она не предвещала встреч!..

А ураган, как разъяренный зверь,
Пришел уже в неистовство теперь:

Обрушил с неба мировой потоп;
До дна пучину моря всю разгреб;

Не только воды — небо всколебал,
То небо вниз швырял, то в небо — вал,

И не до нижних сфер, а до высот
Девятой сферы вал иной взнесет;

И пеною все плещет в небеса,
Пощечинами хлещет небеса,

А от таких пощечин небосвод
Темнел, стал мрачным очень небосвод.

Настала ночь... Но ураган не тих,
Катил он сотни тысяч волн больших —

И по волнам швырял туда-сюда,
Как щепки, величайшие суда;

То погружал их мачты в бездны он,
То тыкал ими в свод небесный он,

Как тычет пикой в грудь врага батыр.
И тысячи проткнул он в небе дыр:

Светила, замерцавшие сквозь тьму,
Служили доказательством тому.

Созвездья Рыб и Рака, трепеща,
В пучину вод низверглись сообща.

А остальные — в страхе пред водой,
Едва завидя месяц молодой,
К его ладье все устремились, в ней
Спасть пытались от морских зыбей.

И ангелы, путей небес лишась,
Ныряли в море, в уток превратясь.

* * *

Прошла в жестокой непогоде ночь.
Когда была уж на исходе ночь —

И лоно неба стало поутру
Подобно бирюзовому шатру,—

Свирепый ураган ослаб, уснул,
И моря успокоился разгул.

Но корабли! Из сотни их едва
Держались на воде один иль два!

Хоть были очень крепки корабли,
Разбила буря в щепки корабли,

И море на себе теперь несло
Осколок мачты, утлое весло,

Несло обломки жалкие досок,
И люди, за такой держась кусок,

Зависели от милости волны,
Как без руля и паруса челны.

Счастливец тот, кто сразу же погиб,
Кто заживо не стал добычей рыб!

* * *

Но уцелел в ту ночь не потому,
Что рок был благосклоннее к нему,

Корабль, на коем шах и Мульк-Ара
Спасительного дождались утра,—

Нет, причинив ему немало зла,
Судьба его осилить не смогла!

Но люди, плывшие на нем,— увы —
Безумны были иль полумертвы!

Носило море их из края в край,
В конце концов их отнесло в Китай,

Где выбросил их на берег прибой.
Там жители сбежались к ним толпой,

И лишь узнали, что произошло,
Какое корабли постигло зло,

Что унесло Фархада в океан
И что на этом судне — сам хакан,—

И местный хан, и тамошний народ
Так много проявили к ним забот,

Что все пришли в себя. Но шах-старик,
Не видя сына, снова поднял крик —

Настигнут был несчастьем снова он,
Рыдал, звал сына дорогого он,

Хоть мысленно и допускал чуть-чуть,
Что и Фархад мог выплыть где-нибудь.

Он также вспомнил, что предрек Сократ,
Но своему спасенью не был рад.

Все ж пред судьбой решил смириться он —
Отправился в свою столицу он...

* * *

Дай, кравчий, выпить прямо из ковша:
Барахтается в море бед душа!

Из моря скорби как спастись душе?
В ладье ковша дай унестишь душе!

Глава XXIX

СПАСЕНИЕ ФАРХАДА И ВСТРЕЧА С ШАПУРОМ

Фархад на купеческом корабле. Пираты-островитяне. Зажигательные снаряды.

Фархад использует свое искусство меткой стрельбы.

Пираты рассеяны. На горизонте — земля! Пиршество в Йемене. Признание Фархада. Рисунок Шапура. Какую страну и кого показало зеркало Искандара

Глава XXX

ФАРХАД С ШАПУРОМ ПРИБЫВАЮТ В СТРАНУ АРМЕН

Знакомые картины. Бесплодный труд двухсот камешоломов.

Фархад берется один провести арык в гранитных скалах.

Заготовка горных инструментов. Начало работ. Изумление людей.

Вести приходят к царице Михин-Бану

Кто вел их к цели, тот, по мере сил,
Предмет их цели так изобразил.

* * *

Проснувшийся задолго до утра,
Фархад мгновенно вспомнил, что вчера

Сказал Шапур, что он нарисовал
И как страну его мечты назвал.

Еще была густа ночная тьма
И небо черным было, как сурьма,—

Он, с ложа встав, к Шапуру побежал,—
Ему бы ноги он облобызал.

Шапуру показалось, что к нему
Внезапно хлынул дивный свет сквозь тьму,

Когда Фархад его окликнул вдруг.
И он сказал: «О дорогой мой друг!

О царь страдальцев, жертв своей любви,
Твой след священен для людей любви!

Неужто разговор о той стране
Привел тебя в такую рань ко мне?»

Фархад воскликнул: «Знай, что весть твоя —
Весть возрождения мне, весть бытия!

Цель жизни, оправдание мое —
Моя любовь, страдание мое.

Ты слово дал мне — слово соблюди,—
Меня в тот край желанный приведи».

Шапур сказал: «С тобою путь в тот край,
Как он ни труден будь, мне будет рай.

Ну, с богом, светоч времени,— пойдем!»
В путь снаряжась, они пошли вдвоем.

Они — за переходом переход —
Без длительных привалов шли вперед.

Шапур был бодр, легко с Фархадом шел,
Фархад, как тень, с Шапуrom рядом шел.

О свойстве дружбы речь велась у них,
О спутниках хороших и дурных.

Рассказами свой услаждая путь,
Беседами свой коротая путь,

Даль мерили они за шагом шаг,
И дружба их росла и крепла так.

Рисунком друга по пути не раз
Фархад и сердце услаждал и глаз,

Превозносил Шапура мастерство,
С китайским даже сравнивал его,

И столько он вопросов задавал:
Что создавал Шапур, как создавал,

Что стал Шапур подозревать: «Фархад,
Пожалуй, сам художник, мой собрат...»

Когда, пройдя чрез много разных стран,
Вступили путники в страну армян,

Шапур сказал: «Теперь, мой друг, следи,—
Свой вещий сон тут наяву найди».

И вот, спустя еще дня два иль три,
Фархад, ликуя, закричал: «Смотри!

Вот тот же луг во всей его красе,
И лилии на нем, и розы все!

И тот же самый кружит соловей
Над розою возлюбленной своей.

Здесь прах похож на чистую парчу,
Здесь воздух тушит разума свечу!»

Куда бы здесь ни обращал свой взгляд
К несчастью устремившийся Фархад,

Он дружбу роз и терний наблюдал,
Свою судьбу теперь в ней наблюдал —

И сердце боль пронзала, что ни миг:
Фархад долины бедствия достиг

И на вершине горя водрузил
Страданий знамя, что всю жизнь носил.

И так теперь сказал Шапуру он:
«Ты нашей дружбы свято блюл закон.

Вот тех же скал высокая гряда,
Что мне предстала в зеркале тогда.

Вот, друг Шапур, тот самый уголок,
Что так меня сквозь все преграды влек!

Быть может, я навязчив чересчур,
Но я тебе откроюсь, друг Шапур:

Взгляни на скалы — видишь, люди там?
Работой надрывают груди там.

У каждого из них в руках — тиша.
За них, Шапур, болит моя душа!

Там пробивают, видимо, арык,—
Пойдем — узнаем, что за шум и крик...»

Друзья туда направили стопы
И стали на виду у той толпы.

Картина, им представшая, была
Поистине печальна, тяжела:

Кляня свою судьбу, самих себя,
Крепчайший камень этих гор долбя,

С надсмотрщиком суровым во главе,
Трудились человек там сотни две,

Изнурены, измучены трудом —
Бессмысленно порученным трудом:

Такой гранит был твердый,— ни куска
Не скалывала ни одна кирка!

Да что куска! — крупинки небольшой
Не отбивалось ни одной тишой!

А те несчастные долбят, долбят...
Поистине, не труд, а сущий ад!

Фархад глядел, и сердце сжалось в нем!
Вскипели сразу гнев и жалость в нем!

С глубокой складкой горя меж бровей
Глядел он, не стерпел и крикнул: «Эй,

Несчастные! Судьбой, как видно, вы,
Подобно мне, угнетены, увы!

Однако кто, за что обрек вас тут
На этот тяжкий, безуспешный труд?

Зачем так мучитесь вы, люди, здесь?
Какое же правосудье здесь!

Гляжу на вас и, богом вам клянусь,
Вот-вот я дымом вздохов захлебнусь!

Откройте вашу цель, и, может быть,
Я чем-нибудь смогу вам пособить!..»

Душевнейшим обычаем его,
Всем царственным обличем его

Те люди были так изумлены,
Так состраданьем были пленены,

Что, ниц повергшись, о своих делах
В таких ему поведали словах:

«Кто ты, кто сердцем чистым взговорил?
Не сам ли ты архангел Джабраил?

Мы ангелов не видели, а все ж —
Ты на людей обычных не похож.

Но если ты и человек, то пусть
Тебя минуют беды, горе, грусть!

Ты спрашивал, теперь ответ внимли:
Отчизна наша — это рай земли.

Есть сорок крепостей у нас в стране,—
Их башни с Зодиаком наравне.

Венчает добродетельно страну
Царица, наш оплот — Михин-Бану.

От Афридуна род ведет она,
И в мире, как Джемшид, она знатна.

На лик ее венец не бросил тень*,
Но дань с венцом берет он, что ни день.

Сокровищ у Михин-Бану в казне —
Никто не видел столько и во сне.

Опора нам владычество ее,
Отрада нам величество ее.

Живет она, от мира отрешась,
Ничьих враждебных козней не страшась.

Есть у нее племянница Ширин,
Как свет зари — румянец у Ширин.

Вся — заповедник чистоты она,
Стройна, как тополь, как луна — ясна.

Не то, что в светлый лик ее взглянуть, —
Не смеем это имя помянуть.

Кто красоты ее видал венец,
Тот, говорят, на свете не жилец...

Михин-Бану полна забот о ней,
Навек ей дав приют в душе своей.

Отраду в жизни находя одну,
Лишь для нее живет Михин-Бану.

А о труде своем что скажем мы?
Арык ведем в гранитном кряже мы.

Кряж с запада к востоку наклонен,
Источник оросил восточный склон.

Вода его свежа и так сладка —
Мертвец воскреснет даже от глотка!

Туда, всю свиту вокруг себя собрав,
Царевна приезжает для забав.

Порою эта гурия пиры
Устраивает в том конце горы.

На западе ее дворец стоит,
Необычайной красоты на вид.

Дворцу под стать — окрестность хороша;
Как дивный рай, вся местность хороша.

Макушкою в заоблачный атлас
Там горная вершина вознеслась.

Ах, видно, нет и рая без беды:
Ни капли на вершине нет воды!

Однако, по суждению знатоков,
Исход из положения таков:

Пробить арык — и из ручья тогда
На запад, мол, поднимется вода.

Но от дворца живительный ручей
Течет, увы, за десять ягачей!

Вот их наметка. Мы по ней арык
Должны пробить — и вверх пустить родник.

Но здесь, как видишь сам, все сплошь — гранит;
Тишой долбишь, киркою бьешь гранит,—

Они его, однако, не берут...
Замучил, погубил нас этот труд!

Мы поломали все тиши, кирки,
Тут юноши на вид — как старики,

Все потеряли даже вид людей,
В три года сотни три пробив локтей.

Не только мало жизни нам одной,
Но если б жить нам столько, сколько Ной,

И то нам этот не пробить арык,—
Столь непосилен труд и столь велик!

Начальников мы убедить хотим,—
Что наши доводы и просьбы им!...»

Их повести печальной внял Фархад,
За них страдая, застонал Фархад:

«О ты, несправедливая судьба!
О, с камнем непосильная борьба!

А я такие знанья берегу
И неужели им не помогу?

Хоть я не для того пришел сюда,
Но слишком велика у них беда...»

Оставить их не мог беспечно он:
Горн попросил и мех кузнечный он,

И кожаный передник он надел
И приступил к работе, как умел.

Мех осмотрев и не найдя прорех,
Соединил затем он с горном мех,

Засыпал уголь, плюнул на ладонь —
И начал в горне раздувать огонь.

Затем — будь негодны иль хороши —
Велел собрать он все кирки, тиши,

И все затем забросил в горн и стал
Переплавлять весь собранный металл.

А переплавив, начал ковку он,
Ковал с особенной сноровкой он,

Ковал кирки под стать своим рукам:
Одна — равнялась десяти киркам!

Такие же тиши: коль взвесить их,
Тишей обычных было б десять в них!

Напильников наделал покрупней,
Точильных наготовил он камней,

И тайно всем орудиям он стал
Каренов тайный придавать закал.

И, так все приготовив для работ,
Отер Фархад с лица обильный пот,

Присел — и стал о деле размышлять,
Как дело повести, чтоб не сплошать.

Почтительно застыв, толпа людей
Ждала, что будет делать чародей:

У них орудья отобрав из рук,
Что, если сам не справится он вдруг?

Как будто их сомнения прочел,
Фархад к черте арычной подошел,

Киркой взмахнул — и вот уже громит
Он богатырскою рукой гранит.

Ударом посильнее валит он
Такую глыбу — не осилит слон!

А послабее нанесет удар,
И то обломка хватит на харвар,

От мелких же осколков люди вскачь
Оттуда разбегались на ягач.

Что ни удар, то отгулов кругом —
На десять ягачей грохочет гром.

Так богатырскою своей киркой
Свершить успел он за день труд такой,

Который непосилен был двумстам
Работавшим три года мастерам.

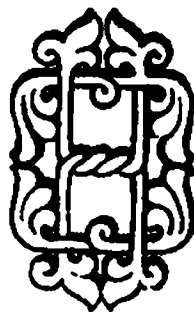
Теперь звучал не горя — счастья крик:
«Да он один пророев весь арык!»

Спешат начальники к Михин-Бану,—
Обрадовать хотят свою луну.

* * *

Эй, кравчий, дай из самых жгучих вин!
Я проглочу расплавленный рубин.

Скалу печали чем разворочу?
Вином ее расплавить я хочу!

Глава XXXI

ВСТРЕЧА ФАРХАДА С ШИРИН

Выезд двора на места работ. Описание красоты Ширин.

Награждение чудесного мастера.

Фархад узнает в Ширин красавицу, виденную в зеркале Искандара.

Потеря сознания. Фархада переносят во дворец Михин-Бану

Тот ювелир, что жемчуг слов низал,
Так ожерелье повести связал.

* * *

А я, начав главу, упомяну
О том, что люди бросились к Бану.

Фархад их изумил своим трудом,—
Они ей так поведали о том:

«Пришел к нам некий юноша — таких
Не видели созданий мы людских:

На вид он изможден, и слаб, и тощ,
А мощь его — нечеловечья мощь.

А сердцем прост и так незлобен он,
И ликом ангелоподобен он.

Не справиться так с глиною сырой,
Как он с крепчайшей каменной горой.

За нас один ломать он стал гранит,—
Арык на полдлины уже пробит!..»

Известием удивлена таким,
Могла ль Михин-Бану поверить им?

И лишь когда опять к ней и опять
Все те же вести стали поступать,

Не верить больше не было причин.
Тогда Бану отправилась к Ширин

И рассказала все, что стало ей
Известно от надежнейших людей:

О том, каков на вид пришелец тот,
Обычаем каков умелец тот

И как один он за день сделал то,
Чего в три года не успел никто.

Воскликнула Ширин: «Кто ж он такой,
Наш гость, творящий чудеса киркой?

Он добровольно нам в беде помог,—
Действительно, его послал к нам бог!

Он птица счастья, что сама влететь
Решилась в нашу горестную сеть.

Сокровища растрачивала я,
Напрасный труд оплачивала я

И говорила уж себе самой:
«От той затеи руки ты умой,—

Арык не будет сделан никогда,
И во дворец мой не пойдет вода!..»

А этот чужеземец молодой,
Я верю, осчастливит нас водой.

Чем эту птицу счастья привязать?
Ей нужно уважение оказать!»

Она приказ дала седлать коней,—
Михин-Бану сопроводовала ей.

За ними свита из четырехсот
Жасминогрудых девушек идет.

У сладкоустой пери — строгий конь,
Весь розовый и ветроногий конь.

Резвейшим в мире был ее скакун,
А прозван был в народе он Гульгун.

И, управляя розовым конем,
Ширин — как розы лепесток на нем.

Она пустила сразу вскачь коня —
Остались сзади свита и родня,

И конь, послушный пери, так скакал,
Что пот росой на розе засверкал.

Для уловленья в сеть ее красы,—
Как два аркана черных, две косы —

Две черных ночи, и меж той и той —
Пробор белел камфарною чертой.

Злоумышляла с бровью будто бровь,
Как сообща пролить им чью-то кровь,

И на коране ясного лица
Быть верными клялись ей до конца.

Полны то сладкой дремою глаза,
То страсть пьянит истомою глаза.

А губы — нет живительнее губ,
И нет сердцегубительнее губ!

Как от вина — влажны, и даже вид
Их винной влаги каждого пьянит.

Хоть сахарные, но понять изволь,
Что те же губы рассыпают соль*,

А эта соль такая, что она
Сладка, как сахар, хоть и солона.

Другой такой ты не найдешь нигде —
Подобна эта соль живой воде!

А родинка у губ — как дерзкий вор,
Средь бела дня забравшийся во двор,

Чтоб соль и сахар красть. Но в них как раз
По шею тот воришка и увяз.

Нет, скажем: эти губы — леденец,
А родинка у рта — индус-купец:

И в леденец, чтоб сделать лучше вкус,
Индийский сахар подмешал индус.

И о ресницах нам сказать пора:
Что ни ресничка — острое пера,

Подписывающего приговор
Всем, кто хоть раз на пери бросит взор.

Нет роз, подобных розам нежных щек;
На подбородке — золотой пушок

Так тонок был, так нежен был, что с ним
Лишь полумесяц узенький сравним,

При солнце возникающий: бог весть,
Воображаем он иль вправду есть.

Жемчужины в ушах под стать вполне
Юпитеру с Венерой при Луне.

Для тысяч вер угрозою угроз
Была любая прядь ее волос.

А стан ее — розовотелый бук,
Нет, кипарис, но гибкий, как бамбук.

Заговорит — не речь, — чудесный мед,
Харварами мог течь словесный мед.

Но, как смертельный яд, он убивал
Вкусившего хоть каплю наповал...

Такою красотой наделена
Была Ширин. Такой была она

В тот день, когда предстала среди скал
Тому, кто, как мечту, ее искал.

И вот он, чародей-каменолом,
В одежде жалкой, с царственным челом.

Величьем венценосца наделен,
Он был силен, как разъяренный слон,

А благородно-царственным лицом
Был времени сияющим венцом.

В пяту вонзился униженья шип,
А камень бедствий голову ушиб.

Боль искривила арки двух бровей,
Хребет согнулся под горой скорбей,

Легли оковы на уста его,
Но говорила немота его.

На нем любви страдальческой печать,
На нем тоски скитальческой печать.

Однако же — столь немощен и худ —
Он совершает исполинский труд:

С горой в единоборство он вступил —
Гранит его упорству уступил...

Фархад, узрев Ширин, окаменел,
То сердцем леденел, то пламенел.

Но и сама Ширин, чей в этот миг
Под пеленою тайны вспыхнул лик,

К нему мгновенной страстью занялась,
Слезами восхищенья облилась.

На всем скаку остановив коня,
Едва в седле тончайший стан склоня,

Тот жемчуг, что таят глубины чувств,
Рассыпала, открыв рубины уст:

«О доблестнейший витязь, в добрый час
Пришедший к нам, чтоб осчастливить нас!

С обычными людьми не схож, ты нам
Загадка по обличью и делам.

По виду — скорбен, изможден и хил,
Ты нелюдскую силу проявил,—

Не только силу, но искусство! Нет,
Не знал еще такого чуда свет!

Но, от большой беды избавив нас,
Ты в затрудненье вновь поставил нас:

Ведь сотой части твоего труда
Мы оплатить не сможем никогда.

За скромные дары не обессудь,—
Не в них признательности нашей суть...»

Фархад от изумленья в землю врос.
А ей закрытый подали поднос

С дарами драгоценными; никто
Не мог бы оценить богатство то.

Поднос рукой точеною открыв,
Ширин, все извиненья повторив,

Дарами стала осыпать того,
Чье чудом ей казалось мастерство.

Фархад стоял, как бы ума лишен,
Так был он поражен, обворожен

Негаданно счастливой встречей той,
Изысканной, учтивой речью той.

Так сердце в нем стучало, что чуть-чуть
Его удары не разбили грудь,

И сам он с головы до ног дрожал,
Все успокоиться не мог — дрожал.

Но вот уста открыл каменотес
И, задыхаясь, еле произнес:

«Я умер от дыханья твоего,
Погиб от обаянья твоего!

Но я не знаю, кто ты! Уж не та ль,
Чей образ вверх меня навек в печаль,

И отнял трон, и родину, и дом,
И кем я был в скитальчестве ведом,

И на чужбину брошен, пред тобой
Повержен в прах, ничтожный камнебой?

Душа меня покинула, едва
Произнесла ты первые слова.

Нет, я живу, не мог я умереть —
Твое лицо я должен был узреть!»

Вздохнул он. Ветер вздоха был таков,
Что с луноликой он сорвал покров.

Да, перед ним теперь предстала та —
Его любовь, страдание, мечта!

Но кто лишь отражение увидал
Возлюбленной, и то Меджнуном стал,

Не будет ли небытием сражен,
Чуть самоё ее увидит он?

Кто, вспомнив о вине, хмелеет — тот,
Хлебнув его, в бесчувствие впадет...

Едва Ширин свой приоткрыла лик,
Фархад ее узнал, и в тот же миг

С глубоким стоном, мертвеца бледней,
Как замертво, свалился перед ней.

Увидев, что, как труп, он распростерт,
Ширин воскликнула: «Он мертв, он мертв!»

Как тучей помраченная луна,
Померкла, огорченная, она...

Едва тот светоч верности угас,
К нему, как легкий мотылек, тотчас

Поспел Шапур — и горько зарыдал:
«О ты, несчастный! Ты всю жизнь страдал:

Печаль и муки — вот твоя судьба,
Тоска разлуки — вот твоя судьба!

Путь верности ты в мире предпочел,
Но вот какой привал на нем нашел!

Ты на него лишь раз взглянул затем,
Чтоб в тот же миг расстаться с бытием.

Чист сердцем, как ребенок, был, — увы!
В сужденьях мудр и тонок был, — увы!

Ни совесть ты не замарал, ни честь, —
Всех совершенств твоих не перечести,

Тебе уж не стонать, страдальцу, впредь!
Не двинуть ни рукой, ни пальцем впредь!

Где мощь твоя, крушительница скал?
В ущельях, что киркой ты высекал!

Что блеск и что величие твои,
Высокие обычаи твои?

Раз не возглавишь ты людей земли,
Какой же людям прок от всей земли?

Какие страны, в траур облачась,
Тебя начнут оплакивать сейчас?

Какой народ всех более скорбит,
Какой хакан несчастьем убит?

Ах, лучше бы не знать Фархада мне,—
И горе не было б наградой мне!»

Так горевал Шапур. Не он один:
Рыдала столь же горько и Ширин,

Михин-Бану не сдерживала слез,
И плакал весь цветник придворных роз.

Потом уже, подавлен и понур,
Поведал им учтивейший Шапур

Все то, что знал о друге он своем,
О встрече с ним, о странствиях вдвоем...

Но время наступило наконец
Обратно возвращаться во дворец.

Шел медленно печальный караван.
И на носилках пышных, словно хан,

Лежал Фархад... нет — как великий шах,
Несомый девушками на плечах!

Затем в одной из царственных палат
Оплакан всеми снова был Фархад.

И жизни словно не принадлежал,
На царственном он ложе возлежал.

* * *

Эй, кравчий, верный друг мой, поспеши,
Вином крепчайшим чувств меня лиши!

Я притчей стал, в любви не мера чувств,
А если пить — так до потери чувств!

Глава XXXII

ШИРИН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ФАРХАДА

Исчезновение Фархада из дворца. Снова в горах.

Борьба Ширин со своим чувством

Расписывавший ложе по кости,
Повествованье так решил вести.

* * *

Фархад вторые сутки нем лежал,
То — будто бы дышал, то — не дышал.

При нем, не отходя ни шагу прочь,
Ширин с Шапуром были день и ночь.

Когда же непреодолимый сон
Им в третью ночь сковал глаза,— то он

Глаза открыл, очнулся и не мог
Понять никак, что это за чертог,

Как он сюда попал и почему
Столь пышно ложе постлано ему?..

И вдруг он вспомнил, как к нему пришла
Та, что была, как солнце, вся светла,

Что с ней беседы удостоен был,
Что награжден своей мечтой он был...

Но пресеклась воспоминаний нить,—
Не мог Фархад концов соединить.

Иль образ пери так его потряс —
Ее волшебный голос, чары глаз,—

Что в обморок упал он, и сюда
Из жалости доставлен был тогда?

Холодным потом обдал стыд его —
Что, если пери навестит его?

И, робости не в силах превозмочь,
Стремглав он убежал оттуда прочь.

Он пробуждал всю ночь, а на заре
Он возвратился наконец к горе,

Где ради той, которую любил,
Арык в гранитных скалах он долбил.

Здесь он подумал: «Я пред ней в долгу.
Чем благодарность высказать могу

Ей, луноликой, светлой пери, ей,
Так снизошедшей к участи моей?

Арык — ее заветная мечта,
Так пусть не будет тщетною мечта!

Хоть жизни нашей скоротечен срок
(Не знаю, мне какой намечен срок),

Но ровно столько я хотел бы жить,
Чтоб это дело с честью завершить...»

И вот опять киркой он замахал,
Опять гранит в горах загромыхал:

Что ни размах руки — то грома треск,
Что ни удар кирки — то молний блеск.

А пыль — как туча, встала до небес,
Лазурь затмилась, солнца свет исчез.

Его дыханья расстился дым,
Туманом поднимался он густым.

Не пыль, не дым окутали простор
Страны армянской всей от гор до гор.

Нет, не туман! Весенней тучи мощь,
Гранитный град, гранитный шумный дождь.

Лопатой тину или снег рукой
Не снимешь так, как он гранит киркой.

И так в работе той горяч он был,
Так рвением трудовым охвачен был,

Так быстро продвигался он вперед,
Что в изумленье ввергнутый народ —

Который следом камни разгребал —
И кушаков стянуть не успевал...

Но сам рассказчик, подтянув кушак,
Вспять повернул повествованье так.

Когда в то утро солнечный рубин
Открыл глаза Шапуру и Ширин,

Фархада ложе пусто было. Ах!
Мгновенно свет померк у них в очах.

Напрасно поднят был переполох,—
Никто Фархада отыскать не мог.

Шапур пустился в горы. Прибежав,
Увидел он: Фархад и жив и здрав!

Забыл Шапур и горе и испуг,
И ноги друга обнял верный друг...

* * *

А между тем — грустна, потрясена,
Стрелой любви внезапной пронзена

(Как от рассказчика мы узнаем),
Ширин страдала во дворце своем.

Ее уже огонь разлуки жег.
Чтоб скрыть любовь, она нашла предлог,

И говорит она Михин-Бану:
«Постигнуть надо дела глубину.

Дабы, напрасным угнетен трудом,
Родной народ не проклял нас лотом,

Направлен был к нам волею небес
Тот витязь-камнелом, но он исчез.

Нам не пробить арыка без него,
Напрасен труд великий без него.

Скорей гонцов повсюду разошли,
Чтоб чужестранца-витязя нашли...»

Весьма тонка была Михин-Бану —
Все сразу поняла Михин-Бану.

Ей стало ясно, что граниторуб
Ее племяннице отныне люб,

Что наставленьем страсти не унять
И что пока не время ей пенять.

Благоразумием руководясь,
Михин-Бану за поиски взялась.

Когда же весть пришла, что витязь тот
Опять в горах усердно камень бьет,

Уста Ширин, поблекшие с тоски,
Вновь расцвели, как розы лепестки.

Но жаждет испытания любовь,
Томится без свидания любовь.

И стала думать и гадать Ширин,
Как повидать его хоть раз один,

Хоть издали, хоть как-нибудь тайком,
И даже так, чтоб он не знал о том:

Она боялась, чтоб еще сильнее
Не растерялся он при встрече с ней

И как бы не был тот костер открыт,
Что тайно в сердце у нее горит...

Михин-Бану была душевна с ней,
Беседовала ежедневно с ней,

Справлялась о здоровье — не больна ль?
Какую носит на душе печаль?

И убедилась, что Ширин чиста,
Что страсти не перейдена черта,

Но что любовь проникла в сердце к ней
И с каждым днем над нею все властней.

Ширин таилась: с кем ей говорить,
Какому другу сердце ей открыть?

Ах, первая любовь всегда робка,—
Ширин блюла достоинство пока.

Проходят дни, а все грустна Ширин,
Не ест, не пьет, не знает сна Ширин.

То вдруг решает: «Я пойти должна!»
То вдруг и мысль об этом ей страшна.

Честь говорит ей: «Нет!», а сердце: «Да!»
Кто скажет ей — что благо, что беда?

О боль разлуки, как ты горяча!
Недуг растет, а нет ему врача.

* * *

Эй, кравчий, дай душистого вина!
Дай розового, чистого вина!

Неисцелима боль моя, но ей
Благоуханное вино — елей!

Глава XXXIII

ФАРХАД ЗАКАНЧИВАЕТ АРЫК И СТРОИТ ЗАМОК ДЛЯ ШИРИН

Вдохновенный труд Фархада.

Описание устройства арыка и озера-водохранилища.

Замок из цельной скалы. Живописные работы Фархада и Шапура.

Водосбросы для горожан. Народные толпы спешат на праздник водопуска.

Царица Бану среди народа. Где Ширин?

Кто острой мысли сложный ход решал,
Тот так пером всю книгу украшал.

* * *

Фархад всецело в дело весь ушел,
Он с каждым днем арык все дальше вел,

Тая в душе надежду, что, когда
Он завершит арык, придет сюда

Ширин, розовотелый кипарис,
С кем наконец его пути сошлись:

Ее увидит и услышит он
И тем за труд свой будет награжден.

О, сколь она нежна и хороша!
А если скорбная его душа,

От радости такой вся излучась,
Покинет вовсе плоть его в тот час,

То — бог свидетель — больше у него
Он и просить не смеет ничего...

Одушевлен надеждою такой,
С зари и до зари своей киркой

Гранит неумоимо он долбил
Во имя той, которую любил.

Арык он так прокладывал: вперед
Две равнобежные черты ведет

На тысячу локтей: три — ширина,
Два локтя вглубь — арыка глубина.

Он тысячу прорубит, а за ней
Прорубит дальше тысячу локтей.

А двести камненосов следом шло,
Освобождая от камней русло.

Тогда Фархад при помощи тесла
Подравнивал бока и дно русла,

И так искусно их потом лошил,
Как будто воском камень он вошил.

Нет, стены превращал он в зеркала —
Песчинка отражаться в них могла.

А если каменный кончался грунт
И вдруг песчаный обнажался грунт,—

Не облегчались там его труды:
Пески — плохое ложе для воды,—

И, чтоб арыку не грозил обвал,
Чтоб всей воды песок не выпивал,

Без устали киркой он и тишой
Работал — и не унывал душой.

Он сотни плит гранитных вырезал,
Их оббивал и тщательно тесал,

И высекал зубцы по ребрам плит —
Зубец в зубец он сплавивал гранит.

И, много сотен плит сводя в одно,
Он стены облицовывал и дно,

И так в работе этой был он строг,
Что швов нигде никто б найти не смог...

А снова станут скалы на пути,
В куски он их раскалывал в пути.

Гранитных скал стал жителем Фархад —
Стал скалосокрушителем Фархад.

Подтянет свой кушак потуже он —
Одним ударом рушит целый склон;

Махнет, как бы игрушкой, он киркой —
Смахнет скалы верхушку он киркой.

Он низвергал за глыбой глыбу в степь —
Обрушиться хребты могли бы в степь!

Осколки били по луне, но ей
Был ореол защитой от камней.

Был звездам страшен тех осколков дождь,
Что излила на них Фархада мощь,—

И, головы спасая, сонмы звезд
Бежали с неба, покидая пост.

А небосвод — хоть весь изранен был,—
Захватывал те камни и копил,

Чтоб их бросать на землю: млад и стар
Страдают от камней небесных кар,

И, видимо, запаса тех камней
У неба хватит до скончанья дней!..

Вершины руша от самих небес,
Пыль поднимая до седьмых небес,

Сто вавилонских чар затмив, Фархад*
Сердца потряс, смутил умы Фархад,

Когда и день и ночь арык в горах
Он пробивал, свергая горы в прах...

Так исподволь все дело шло к концу,
Арык уже был подведен к дворцу,

И здесь, как мы в дальнейшем узнаем,
Фархадом был устроен водоем,—

Нет, озеро там выдолбил Фархад,
Чья площадь — шестьдесят на шестьдесят.

Вода его живой водой была,
Свежа, прохладна и до дна светла.

Вблизи дворца стоял один утес,
Который в небо голову вознес.

Он круглым был — в окружности своей
Имел он свыше пятисот локтей.

Фархад подумал: «Исполин-скала!
Мне тут сама природа помогла.

Об остальном я позабочусь сам:
Прекрасный замок из скалы создам».

Опять Фархад кирку пускает в ход,
Над озером он замок создает,

Из цельной глыбы строит он дворец —
Искуснейшего зодчества венец.

Возглавлен был высоким сводом он,
Стоял лицом к озерным водам он;

Его айван со множеством колонн
В лазурный упирался небосклон.

Величию наружному под стать
Сумел Фархад и все внутри создать:

Был для приемов и пиров большой
Внутри скалы им высечен покой;

Вверху простерся купол-великан
Трехарочный, и тут стоял айван

С высокими колоннами: Фархад
Не пожалел трудов для колоннад.

Он отзеркалил так скалу-дворец,
Что весь подобен стал стеклу дворец.

Своим резцом художник-камнетес
Узоров много на айван нанес,

Украсил стены множеством картин,—
На каждой он изображал Ширин.

Была на троне изображена
Средь гуриеподобных дев она.

Но даже и при райской красоте
Лишь воплощенной формой стали те,

Зато Ширин была так хороша,
Как в образ воплощенная душа!

Во многих видах он изображал
Ту, для кого дворец сооружал.

Изображал он также там себя,
Но так изображал он сам себя,

Что где бы ни была она иль он,
К ней взор его всегда был устремлен.

Шапур его не оставлял и тут,
С ним разделяя живописи труд,

И смелой кистью другу помогал,
И в кисть Фархада смелость он влагал.

Над росписью работая в те дни,
Друг друга дополняли так они:

Один — людей напишет, тот — зверей,
Один — зверей поправит, тот — людей.

Ту, что была всем пери образцом,
Фархад не кистью лишь, но и резцом

Изобразил на камне, и себя
Из камня высек, плача и скорбя.

Так создан был из той скалы дворец,
И так он был украшен под конец,

Подобный по величине горам,
А по изяществу — китайский храм.

Когда уже все кончил в нем Фархад,
Вновь принялся за водоем Фархад,

Стал от него арыки ответвлять
И к самому дворцу их направлять

Так, чтоб дворец Ширин со всех сторон
Узором водным был осеребрен.

Когда он это дело завершил,
И город он снабдить водой решил.

А город был внизу, и без воды
Там огороды гибли и сады.

Фархад исчислил высоту — она
Двум тысячам локтей была равна.

И с этой кручи вниз пустил Фархад
За водопадом в город — водопад.

И так, благодаря его трудам,
Все люди воду получили там...

* * *

Когда же день настал для пуска вод,
Смятением охвачен был народ.

Не только этот город — вся страна
Событием таким потрясена.

Спешила к месту зрелища толпой,
Невиданной досель еще толпой —

Такой, что, попади в нее игла,
И та упасть бы наземь не могла.

Да что игла! Из-за людских лавин
Ни гор не видно было, ни равнин!

А несравненный низвергатель скал
Вдоль берега арычного шагал,

В слезах, печальный. И, как он, понур,
Брел рядом с ним и друг его Шапур.

Да, шел Фархад, тоскою удручен,
Одной мечтою страстной увлечен.

Он думал: «Валит весь народ сюда,
Быть может, и она придет сюда

Полюбоваться делом рук моих —
Моя любовь, источник мук моих.

Я жду ее, тоскую, но боюсь:
Придет — от радости я чувств лишусь.

А если вдруг не явится — умру,
Не повидав красавицы — умру...»

Так, молча, нес он бремя горьких дум.
Но в это время он услышал шум,

И вот — сквозь слезы, как сквозь пелену,
Он видит караван Михин-Бану.

Блестящей свитою окружена,
Как между звезд бесчисленных луна,

Была она так величава — вся
Великолепье, блеск и слава вся.

Горячим ликованьем обуян,
Народ, столь пышный видя караван,

Срывал все драгоценности с себя
И путь царицы устилал, любя.

Фархад остановился и поклон
Отвесил низко, горем ущемлен:

Не находил он в царской свите той,
Которая была его звездой.

Печально он опять побрел вперед;
И весь тот многочисленный народ,

Заполнивший от гор до гор пути,
Держал о нем лишь разговор в пути —

И, праздник омрачая сам себе,
Скорбел и плакал о его судьбе.

Хотя Фархад и поспешить бы мог,
Он остановкам находил предлог,

А сам смотрел: не прибыла ли та —
Его любовь, страдание, мечта.

Глядел не в два — в четыре глаза он,
Ища ее — смятение времен.

И так дошел он до истока вод,
И так за ним дошел и весь народ.

* * *

Подай вина мне, кравчий! Винный хмель
Приятней, чем тоски полынный хмель!

О хмель разлуки! Сколько боли в нем!
Лечи его свиданьем иль вином!

ГЛАВА XXXIV

ПРАЗДНИК ВОДОПУСКА

Солнце Армении спешит к водному знаку Зодиака. Суматоха в толпе.

Приезд Ширин. Осмотр арыка. Вода пущена. Ликование народа.

Фархад на плечах приносит Ширин вместе с конем к водохранилищу.

Вода в замке. Снова разлука

Кто в тех горах разламывал гранит,
Поток прозрачной речи так стремится.

* * *

Когда Фархад, на сердце навалив
Хребты печали, реки слез пролив,

Отправился в тот день на пуск воды,—
Ширин, кто знала все его труды:

И высеченный среди скал арык —
Тот гладкий, как лицо зеркал, арык;

И тот дворец, подобный небесам,
Который для нее он создал там;

И те узоры и картины те,
Которым равных нет по красоте;

И все, что он свершил и что вовек
Другой свершить не мог бы человек,—

Осведомляясь каждый миг о нем
И тем же, что и он, горя огнем,

На этот раз, такую слыша весть,
Волнения не в силах перенести,—

Придворным слугам отдает приказ
Коня Гульгуна оседлать тотчас.

Тот резвый конь был на ходу легок —
Зерном жемчужным он катиться мог,

Он ветром был. Ширин — нежна, тонка,
Была на ветре лепестком цветка,

Но прежде, чем на ветер свой воссесть,
Ширин к Бану с гонцом послала весть:

«В прогулку солнце хочет, мол, пойти,
Оно спешит, оно уже в пути.

И тот себе наметило привал,
Что Зодиака знак облюбовал*.

Так пусть булаторукий витязь — тот
Гранитонизвергатель подождет.

Пусть водопуск задержит, пусть вода
Пойдет, когда прибуду я туда...»

Бану, обрадована вестью той,
Спешит найти в толпе людей густой

Фархада, потерявшего, скорбя,
Не только сердце — самого себя.

Найдя, сказала: «Ты нас извини.
Тебе лишь огорчения одни

Мы причиняли, и велик наш стыд,
Но разве он тебя вознаградит?

Немало ты набегался. Присядь.
О радости хочу тебе сказать:

Сейчас сюда и та прибыть должна,
Что, словно роза нежная, нежна,

Стройна, как кипарис,— чтоб озарить
Арык, что соизволил ты прорыть,

И цвесть, как роза и как кипарис,
У этих вод. А ты приободришь...»

Ведя такой сердечный разговор,
Бану велела разостлать ковер,

Поставить трон и, дав коню покой,
Сошла с седла, на трон воссела свой —

И вновь Фархаду оказала честь,
Прозя его на тот ковер присесть.

Гранитосокрушитель, весь в пыли,
Склонился перед нею до земли —

И, словно ангел божий, он присел,
У тронного подножья он присел...

Но тут в толпе возникла кутерьма,
Пыль черная, густая, как сурьма,

Клубилась вдалеке. Она, она —
Султан красавиц, ясная луна,

Вершина красоты, светильник дня —
Сюда поспешно правила коня!

А стража стала оттеснять народ,
Который сбился у истока вод

Вокруг Фархада и Михин-Бану.
Но как сдержать взметенную волну?..

Фархад весь дрожью был охвачен вновь,
Внезапный жар в нем высушил всю кровь.

И начала его увещевать
Михин-Бану заботливо, как мать:

«Свою ты волю напруги, сынок,
Глаза и сердце береги, сынок!

Ведь, потеряв рассудок в этот миг,
Ты рушить можешь все, что сам воздвиг.

Пред всем народом, обезумев здесь
(Об этом поразмысли, это взвесь),

Как встретишься ты с пери? Что, когда
Ее страдать заставишь от стыда?

Мир не прощает недостатков нам.
Ты овладей собой, не мучься сам,

Не огорчай меня, а также ту —
Земную гурию, твою мечту...»

Пока боролся он с собой самим,
Красавица была почти пред ним.

В огонь, что на щеках ее пылал,
Как саламандра, весь народ попал.

Не говори, что за кольцом кольцо
Спадали кудри на ее лицо,

Благоухая амброй: это — дым
От пламени того был столь густым,

Как амбра черный,— чернотой своей
Мир омрачил он тысячам семей...

К Фархаду направляя скакуна,
Смущала время красотой она,

И, дерзко время попирая в прах,
Конь приближался, взмыленный в пахах.

Бану Фархаду говорит: «Спеши
Взор убережь от бедствия души,

Покуда не сошла она с седла,
И принимайся за свои дела.

Быть может, нелюбезен мой совет,
Но был бы лишь полезен мой совет».

Шапур помог Фархаду встать — и тот
Пошел с киркой открыть воде проход.

А тут как раз поспела и она —
Та, что была от пери рождена.

И, осмотрев со всех сторон арык,
Любуясь, как сооружен арык,

Ширин в восторге, слов не находя
И руки в изумление разводя,

Качаньем головы, улыбкой — так
Высказывала радость, что ни шаг...

Фархад киркой пробил дыру, куда
Вся ручьевая хлынула вода,

Но, встретив заграждение камней,
Свернул сначала в сторону ручей.

И, словно мельница стояла там,
Теченьем камни увлекало там.

Когда же стал арык приютом вод,
Волненье всколыхнуло весь народ.

Как будто вся толпа сошла с ума.
Такая началась там кутерьма,

Такая суматоха, клики, рев —
И тут и там, с обоих берегов.

Подтягивали пояса певцы —
Настраивали голоса певцы

Так, чтоб напевы их звучали в лад
С водой, которую пустил Фархад.

Михин-Бану с красавицей своей
Во весь опор помчали двух коней,

Чтоб, обогнав течение воды,
Ждать в замке появление воды.

Но даже конь небесный бы не мог
Опередить столь быстрых вод поток.

И все-таки за всадниками вслед
Пустился весь народ — и юн и сед.

Фархад, давно оставшийся один,
Пешком понесся догонять Ширин.

А конь ее, как ни был он горяч,
Как ни летел за ягачом ягач

(Не говори, что ровным прямиком,—
Летел и через горы ветерком!),—

Но ветерок, чья ноша серебро,
Бойтся сбросить все же серебро,—

И был в такой тревоге этот конь,
Резвейший, ветроногий этот конь,

Что вдруг одну из ног вперед занес,
А остальными — в камень будто врос.

А если бы его погнать тогда,—
Могла с Ширин произойти беда:

Запутаться ногами мог бы конь,
Свалить ее на камни мог бы конь!..

Фархад, которого примчала страсть,
Чтоб розе с ветра наземь не упасть,

Согнулся, как под солнцем небосвод,
Спиной уперся он коню в живот,

Передние схватил одной рукой,
Две задние ноги схватил другой,

И так же, как владычицу сердец
Носил тот ветроногий жеребец,

Так на своих плечах Фархад-Меджнун
Понес обоих, как лихой скакун.

Он так помчался, что, как черный дым —
Нет, как сурьма, клубилась пыль за ним.

Без передышки на себе их мча,
Два или три бежал он ягача —

И вскоре очутился пред дворцом.
Он обежал дворцовый водоем,

К айвану подбежал и, стан склоня,
Поставил наземь пери и коня...

Едва сошла красавица с седла,
Вода в арык дворцовый потекла.

Прах пред Ширин облобызал Фархад,
Опять ни слова не сказал Фархад,

И, слезы проливая, он ушел,
Как туча дождевая, он ушел.

Когда он в горы шел тропой крутой,
Арык уже наполнился водой,

И до краев был полон водоем —
Так что вода не уместалась в нем;

Она, подобна райским ручейкам,
Текла вокруг дворца по арычкам,

В степь изливаясь, продолжала путь,
У горожан в садах кончала путь...

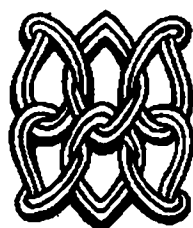
«Рекою жизни» тот арык с тех пор
Зовется у людей армянских гор,

И «Морем избавленья» — водоем
Народ прозвал на языке своем.

* * *

Эй, кравчий, море винное открой —
И чашу дай с корабль величиной!

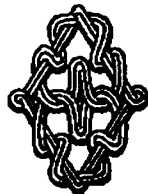
В арыке винном — воскресенье мне,
А в море винном — избавление мне!

Глава XXXV

ФАРХАД НА ПИРУ У МИХИН-БАЛУ

Ширин тоскует. Михин-Бану приглашает Фархада на пир.
Десять ученых дев. Здравница Ширин за Фархада и за ее любовь к нему

Глава XXXVI

СВАТОВСТВО ХОСРОВА

Иранский шах Хосров Парвиз ищет новую жену. Сообщения гонцов о красавице Ширин. Советник шаха Бузург-Умид. Отправка посла к Михин-Бану

Глава XXXVII

МИХИН-БАЛУ ОТКАЗЫВАЕТ ХОСРОВУ

Приход иранского посла. Неожиданное предложение.
Объяснение с Ширин. Пир в честь посла.
Мудрый отказ Михин-Бану. Гнев Хосрова

Глава XXXVIII

НАШЕСТВИЕ ХОСРОВА НА СТРАНУ АРМЕН

Крепость Михин-Бану. В ожидании осады. Фархад на вершине скалы.
Хосров осматривает крепость. Два метких камня Фархада

Войска стихов построив на смотре,
Поэт в поход повел их поутру.

* * *

Парвиз, поднявший гнева острый меч,
Решив страну армян войне обречь,

Собрал такую силу, что и сам
Не ведал счета всем своим бойцам.

За войском поднимавшаяся пыль
Мрачила светоч дня за милем миль,

Скажи — совсем затмила светоч дня,
Сознание неба самого темня.

Не помнил мир неправый, чтоб поход
Настолько был несправедлив, как тот!

Немного дней водил Парвиз войска,—
Увы, была страна Армен близка...

Тревоги весть летит к Михин-Бану,
Что вторгся неприятель в их страну,

Что он потоком грозным хлынул... нет —
Какой поток! То море страшных бед!

Какое море! Ужасов потоп!
Нет ни дорог свободных и ни троп...

Бану не растерялась: в ней давно
Созрела мысль, что горе суждено.

И был начальник крепости умен —
К осаде крепость приготовил он.

А крепость, простоявшая века,
Была и неприступна и крепка,

Но так ее сумел он укрепить,
Что крепче и кремню небес не быть.

Дорога, по которой в крепость шли
Арбы с пшеницей, с сеном той земли,

Напоминала неба Млечный Путь,
Покрытый звездной зернью вечный путь.

За крепостной стеной, что вознеслась
Зубчатым гребнем в голубой атлас,

За каждым из зубцов, гроза врагам,
Сидел не просто воин — сам Бахрам!

Рвы доходили до глубин земных,
И так вода была прозрачна в них,

Что по ночам дозорным со стены
Бывали звезды нижние видны*.

Вся крепость так укреплена была
И так припасами полна была,

Что даже и небесный звездомол
Лет в сто зерна б того не промолол.

Как звезд при Овне — было там овец,
Коров — как звезд, когда стоит Телец.

Описывать запасы всех одежд
Нет смысла нам, а счесть их — нет надежд...

Теперь Бану заботилась о том,
Чтоб власть в народе укреплять своим.

А пери думу думала одну —
Она с военачальником Бану

Фархаду в горы весть передала:
Мол, таковы у них в стране дела,—

Его судьба, увы, ее страшит,
Пусть он укрыться в крепости спешит.

Не думал он в укрытие засесть,
Но, чтоб обиды пери не нанести,

Он все же нужным счел туда пойти,
Но с тем, чтоб не остаться взаперти...

Над крепостью была одна скала —
Быть башней крепости небес могла.

На ней Фархад решил осады ждать,
Чтоб камни в осаждающих метать...

А между тем туда спешил Хосров,
Придя, войска расположил Хосров

От места укрепленного того
В полмили расстояния всего,

А сам со свитой выступил в объезд —
Обозревать твердыню здешних мест.

Внимательно он местность изучал,
На крепость взоры часто обращал,

Обдумывал, рассчитывал, но взор
Не крепость видел на высотах гор,

А небо на земле. Как небо взять?
Где силу и дерзанье где бы взять?

Так размышлял и каялся Парвиз,
Но не совсем отчаялся Парвиз:

В походе пользы, может быть, и нет,
Но сожаленья путь — не путь побед.

Хосров на ту скалу направил взгляд,
Где на вершине пребывал Фархад,

Как жемчуг драгоценный на челе.
Хосров его заметил на скале,

И, словно сам в себя вонзил кинжал,
Он, к свите обратившись, так сказал:

«Осведомьтесь, кто дерзкий тот храбрец —
Угроза и смятение сердец!»

Погнал коня один из тех людей,
К скале приблизился и крикнул: «Эй!

Желает знать великий шах Парвиз,
Кто ты такой? Чем занят? Назовись!»

И так Фархад ответил со скалы:
«Себе не стану расточать хвалы.

Я к именитым не принадлежу,
Я именем своим не дорожу,

Оно мне чуждо стало — нет, оно
Исчезло — в прах, в золу превращено

Огнем любви, в котором весь сожжен,
Я своего же существа лишен.

Но люди легкодумны, — потому
Небытию не верят моему

И, прах мой поминая, не в укор,
Фархадом именуют до сих пор...»

От столь глубокомудро-скорбных слов
Чуть не лишился разума Хосров.

И, ревностью сжигаем, думал шах:
«Есть сладость в этих мыслях и словах,

Красноречив соперник мой Фархад,
Но в сахаре он мне подносит яд,

Убить змею шипучую — не жаль:
Не ползай и при случае не жаль!

Чтоб не вонзился терний в ноги — прочь!
Он мой соперник, и с дороги — прочь!

Пришла пора стянуть на нем аркан,
Пробить ему в отходный барабан».

И кликнул шах: «Эй, люди, кто храбрей!
Ко мне его доставьте поскорей...»

Увидел с высоты своей Фархад,
Что мчится в десять всадников отряд,

И громко закричал оттуда вниз:
«Эй ты, сардар! Хосров ли ты Парвиз

Иль не Хосров, но уши ты открой
И вслушайся в мои слова, герой!

Своих людей ко мне ты с чем послал?
Когда б меня ты в гости приглашал,

То разве приглашенья путь таков,
Что требовал бы сорока подков?

А если смерти ты меня обрек,
Мне это — не во вред, тебе — не впрок,

И грех пред богом и перед людьми
За десять неповинных жертв прими.

Ты волен мнить, что это похвальба,
Однако шлема не снимай со лба:

Метну я камень в голову твою —
И лунку шлема твоего собью.

Вот мой привет! И вот — второй! Проверь:
Сбиваю с шлема острие теперь».

Фархад метнул за камнем камень в шлем —
И лунку сшиб и острие затем.

Сказал: «Вот подвиги людей любви!
Ты видел сам и воины твои,

Как меток глаз мой, как сильна рука:
Так уведи скорей свои войска,

Иначе — сам себя же обвиняй:
Всех истреблю поодиночке, знай!

Хоть пощадил я череп твой, а все ж
И сам ты головы не унесешь.

А потому благоразумен будь —
И с головой ступай в обратный путь.

И милосердью ведь пределы есть:
Не вынуждай меня, сардар, на месть.

Я не хочу, чтоб каждый камень мой
Стал неприятельскою головой.

Но мне, в себе несущему любовь,
Я верю, — бог простит и эту кровь.

Тебя он шахом сделать захотел,
Мне — прахом быть назначил он в удел,

Однако дело, коим занят шах,
Стократ презренный прах в моих глазах.

Дорогой гнета день и ночь скача,
Конем насилья все и всех топча,

Ты тем ли горд, что кровь и произвол
Ты в добродетель царскую возвел?

Моею речью можешь пренебречь,
Но страшно мне, что ты заносишь меч

И тучу войск на ту страну ведешь,
Куда тебя вела любовь... О, ложь!

Свои уста, язык свой оторви —
Ты говорить не смеешь о любви!..»

Рассерженный Хосров остался нем.
Фархад пробил сначала камнем шлем,

Теперь, произнеся такую речь,
Вонзил он в сердце шаха острый меч.

И, в сердце уязвлен, Хосров ушел,
К своим войскам он, зол, суров, ушел.

* * *

Войска печали, кравчий, отзови!
И шах и нищий — все равны в любви,

Любовь для нас, как власть царям, — сладка,
Но есть соблазн и в доле бедняка.

Глава XXXIX

ОСАДА КРЕПОСТИ АРМЕН

Новая попытка вынудить Михин-Бану к согласию.
Достойный ответ. Ревность и ярость Хосрова. Начало осады

ПЛЕНЕНИЕ ФАРХАДА

Фархад побивает иранцев камнями. Коварный план.
Мнимый меджнун. Отравленная роза. Засада. Пленение. Горе Шапура

Что крепость небосвода? Лучше ты
Скажи о ней: твердыня красоты!

* * *

Когда к осаде приступил Хосров,
Он вырыть приказал огромный ров

И круглый вал засыпать земляной,
Чтоб с тылу оградить себя стеной...

А в это время в крепости армян
Бил день и ночь тревоги барабан,

Дозорных крик не умолкал всю ночь,
И глаз никто там не смыкал всю ночь,

И, факелами вся озарена,
Пылала, как жаровня, их стена...

Десятый день в осаде жил народ,
Не отпирая ни на миг ворот.

Но к их стене вплотную подойти,
Людей своих на приступ повести

Хосров не мог: на тысячу локтей
Фархад камнями побивал людей.

Метнет — разбита вражья голова.
Но он пробил бы даже череп льва.

Что — головы? Попал бы он равно
И в маковое малое зерно!

Несчетно камни он заготовлял,
Врагов несчетно ими истреблял...

Но если спросишь: как же тот, кто сам
Привержен был к страданиям и слезам;

Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его, как брат;

Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был;

Кто, возмущен насильем, гнетом, злом,
Теперь убийство сделал ремеслом? —

То мы напомним: проливая кровь,
Он воевал за верность и любовь.

И ужас наводил на тех людей,
Которых на злодейство вел злодей.

Фархад же человеком был — и он
Самозащиты признавал закон.

Да, положение было таково:
Иль он Хосрова, иль Хосров — его!

Любя Ширин, ее народ любя,
Он поступал как муж, врагов губя...

А шах Хосров, злодей эпохи той,
Весь мир топча губительной пятой,

Бездействовал угрюмо день и ночь,
Все о Фархаде думал день и ночь;

Как обезвредить, как его убрать,
Чтоб двинуть, наконец, на приступ рать?

С Бузург-Умидом ночи он сидел:
Как быть, где средство к улучшенью дел?

Что ни решат — все тайна. А к утру —
Молва кочует от шатра к шатру.

И гневный шах, качая головой,
Не мог с безликой справиться молвой...

Но вот один бесчестный негодяй,
Хитрец и плут, известный негодяй,

Кто дьяволу пришелся б двойником,
Нет — дьявол был его учеником! —

Перебежал к Хосрову. Денег тьму
Шах посулил предателю тому.

А подлый плут решил награду взять
И хитростью живым Фархада взять.

Он так сказал: «Я чувств его лишу,
Но дать людей в засаду мне прошу...»

Коварный шах ему, что нужно, дал,
Сто человек в броне кольчужной дал.

Обходной тропкой двинулся хитрец,—
Помешанным прикинулся хитрец.

Сорвал он розу, снадобье добыл —
И розу этим зельем окропил.

Он брел нетвердым шагом, так стенья,
Что каждый стон был языком огня.

Безумцем притворясь, он громко пел
О той, по ком он якобы скорбел.

И так притворщик гнусный скорбен был,
Так жалок, так искусно сгорблен был,

Что лишь услышал песнь его Фархад
И лишь на нем остановил свой взгляд,

Он сразу вспыхнул жалости огнем,
И сердце больно закипело в нем.

Сказал он: «Кто ты? В чем твоя беда?
С какой ты улицы пришел сюда?»

И кто она, светлейшая из лун,
Тебя ума лишившая, меджнун?

В меня любовь вонзила скорби меч,—
Как удалось ей грудь твою рассечь?

Несправедливым небом я казнен,—
Зачем же твой столь безнадежен стон?

Меня в огонь разлуки бросил рок,—
Ужель он и тебя огню обрек?..»

Хитрец, найдя доверия базар,
Раскинул лицемерия товар:

«Подвижников любви пророк и шах!
Мы на твоём пути — песок и прах.

Я имярек — скорбящий человек,
Пришелец я из края имярек.

Вела меня сквозь бедствия судьба,
Забросила впоследствии судьба

Меня сюда и покарала вновь,
Страдальческую присудив любовь.

Я разлучен был с милой. Но пока
Хотя б тайком, хотя б издалика

Я мог послать ей вздох иль нежный взгляд, —
Был и таким я кратким встречам рад.

Хосров (будь проклят он! Да ниспошлет
Ему скорей возмездье небосвод!),

Когда пришел и город обложил,
Меня последней радости лишил:

Так в крепости армянской заперта
Со всеми горожанами и та —

Улыбчивая роза, мой кумир,
Нет, солнце, озарившее мне мир!

Я тут чужой, я неизвестен тут, —
Мне в крепости укрыться не дают,

Слышу безумцем, и меня народ
Камнями прогоняет от ворот.

Отверженный, в пустыне я брожу, —
Сочувствия ни в ком не нахожу.

О горе, горе! Страшен мой недуг!
О, если б хоть один нашелся друг!..

Но ты, кто сам живя в цепях любви,
Слывешь проводником в степях любви,

Ты, шах всех униженных на земле,
Престол свой утвердивший на скале,

Поверить этой повести изволь —
И состраданьем облегчи мне боль!..»

Весь вымышлен с начала до конца —
Фархада взволновал рассказ лжеца.

Ему казалось — самому себе
Внимает он, внемля чужой судьбе.

И так его разжалобил рассказ,
Что слезы градом полились из глаз,

И он издал, как пламя, жгучий стон
И наземь рухнул, горем потрясен...

Обманщик из-под рубища извлек
Отравленный снотворный свой цветок —

И, чтоб продлить бесчувствие, поднес
Дурман Фархаду он под самый нос.

Разбив войска его сознания так,
Он закричал, подав засаде знак...

Шапур, за камнем лежа в стороне,
От сна дурного мучился во сне.

Услышав крик, вскочил в испуге он, —
Забеспокоился о друге он,

Взглянул — лежит ангелоликий друг,
И суетятся воины вокруг,

А между них — дьявололикий шут,
Поет и пляшет — счастлив дикий шут.

Так вот кем предан был Фархад! Так вот
Зачем меджнуном наряжен урод!

Шапур один, а те пришли толпой,
Как против ста он может выйти в бой?

И все они при копьях, при мечях —
Несут Фархада на своих плечах.

Тяжелый камень подыскал Шапур,
Вскочил на выступ, словно горный тур,

И притаился — ждал, пока пройдет
Как раз под ним ликующий урод,—

И бросил камень так, что черепки
Остались от предательской башки.

Есть поговорка: «Тверд зловедный лоб,
Но камень разобьет и медный лоб...»

Рыдал Шапур — осиротел он вдруг,—
Чуть на себя не наложил он рук.

Да что — Шапур! Гранитная скала
Слезамн по Фархаду истекла...

Ни к радости, ни к горю свет не глух:
Летит, как быстрый камень, в крепость слух.

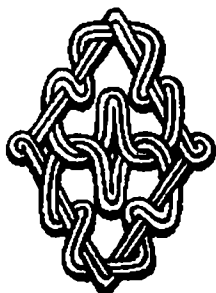
Но люди тайно горевали там,—
Несчастье от Ширин скрывали там,

Уверены, что иль сойдет с ума,
Иль жизнь свою она прервет сама...

* * *

Дай чару, кравчий,— я лишился сил:
Меня дурман разлуки подкосил.

Мой разум ты от плоти отдели,
Вином мое беспмятство продли!

Глава XLI

ДОПРОС ФАРХАДА ХОСРОВОМ

Фархад в цепях. Допрос. Приговор. Речь Фархада. Заступничество Бузург-Умида.
Заточение Фархада в темницу Селасиль

Глава XLII

ЖИЗНЬ ФАРХАДА В СЕЛАСИЛЬСКОМ УЗИЛИЩЕ

Отношение стражи к Фархаду. Магическое слово Сократа.
Саморазмыкание оков. Невидимка. Прогулка в окрестностях Селасиля.
Один или сто? Крылатые и четвероногие друзья

Глава XLIII

ТЯЖЕЛЫЕ СТРАДАНИЯ ФАРХАДА

В Селасильском узилище

Глава XLIV

ШАПУР НАХОДИТ ФАРХАДА

Страдания Ширин. Ночью на крыше замка. Песня о гибели Фархада.
Появление Шапура. Вести из стана врагов.
Шапур с письмом Ширин отправляется в Селасиль. Встреча друзей

ПИСЬМО ШИРИН К ФАРХАДУ

Фархад прочитывает письмо. Фархад пишет ответ.

Друзья расстаются

«В строках начальных моего письма,
Что за меня напишет боль сама,

Да прозвучит моя хвала тому,
Кто создал в мире черной скорби тьму

И кто обрек на вражий гнев и месть
Людей, чья непоколебима честь,

Кто им разлуку горше яда дал,
Сердцам влюбленных муку ада дал.

Когда он страсти молнию метнет,
И кипарис, и хворост он сожжет;

Низринет он поток любви — беда! —
И пустоши зальет и города;

Он дунет ветром скорби — и для нас
Уже и свет ярчайших звезд угас;

Костер невзгод он разожжет, а дым
Глаза разъест и зрячим, и слепым;

Он камнем гнева, брошенным с вершин,
Равно дробит стекляшку и рубин;

У соловья он исторгает стон,
На пышной розе в клочья рвет хитон;

Он атом на страдание обрек,
Он солнце на сгорание обрек...

Кончаю тут вступление к письму —
Нет, не к письму, а к мраку самому!

Посланье от лампы к мотыльку,
Увы, гореть уж нечем фитильку!

От саламандры — в капище огня, —
Скажу ясней: Фархаду — от меня:

Тебе, чья крепость горя — горный кряж,
Я, крепости тоски бессменный страж,

Пишу в слезах, измучена судьбой...
О милый мой страдалец, что с тобой?

Придавленный горой тоски по мне,
Как ты живешь в той дикой стороне?

Тростинку тела твоего, боюсь,
Не изломал бы горя тяжкий груз.

В пучине бед, наверно, тонешь ты?
В костре разлуки как там стонешь ты?

Как корчишься на том огне тоски,
Как сердце разрывается в куски?

Чернеет ли весь мир в твоих глазах,
Чуть о моих ты вспомнишь волосах?

Михраб моих бровей припомнив там,
Как юный месяц, не согнешься ль сам?

Мои ресницы вспомнишь ли, грустя,
Чтоб волос каждый стал острей гвоздя?

Лишь вспомнишь ты мои глаза, скорбя,
Пронзит ли боль стоиглая тебя?

Представишь ли мои зрачки себе
Так, чтобы выжглись клейма на тебе?

Вообразишь мои две розы ты —
Прольешь ли розовые слезы ты?

О родинке моей мечтать начнешь, —
На ране сердца сколько мух сочтешь?

Без моего лица не в силах жить,
Не хочешь ли и солнце потушить?

Лишен беседы сладостной со мной,
Подолгу ль говоришь ты сам с собой?

Лишь память о зубах моих блеснет,
Не превращаются ли слезы в лед?

Когда вообразишь мои уста,
Блуждает ли в небытии мечта?

Не стали б ямки на щеках моих
Колодцами горчайших мук твоих!

Тебе в плену — моих кудрей узлы
Не будут ли, как цепи, тяжелы?

Не сделаешься ль золота желтей,
Припомнив серебро моих грудей?

Не сделаешься ль тоньше тростника,
Вообразив, как станом я тонка?..

В степи ль, в горах обрел обитель ты?
Обрел постель не на граните ль ты?

Где птица счастья твоего? Увы,
Витает над тобою тень совы!

Лань, говорят, теперь вожатый твой,
Кулан теперь там конь крылатый твой;

В твоей же свите состоят теперь
И птица хищная, и хищный зверь;

Львы у тебя — в стремянных, говорят,
Орлы — в бойцах охранных, говорят;

Царя царей теперь ты носишь сан,
Стал, говорят, велик, как Сулейман.

Но если Сулейману ты ровня,
Царицею Билькис сочти меня.

А если же Билькис я не чета,
Твоей рабыней быть — моя мечта...

О, если бы судьба, чье ремесло —
Творить насилье, сеять в мире зло,

Моей горячей тронута мольбой,
Не разлучила бы меня с тобой!

Была б тебе я спутница и друг,
Всегда бы услаждала твой досуг;

Как солнце, озаряла бы твой день,
Была бы ночью при тебе как тень;

Ты б ногу занозил колючкой злой,—
Ресничкой извлекла бы, как иглой;

Я волосами подметала б сор,
Чтоб и соринки твой не встретил взор;

А пылью чтоб тебя не огорчить,
Могла б слезами землю омочить;

Хотел бы ты от скорби отдохнуть,
Склонил бы голову ко мне на грудь;

Сгустился б над тобою вечер бед,—
Лицо открыв, я излучала б свет;

А стал бы долгий день тебе невмочь,—
Волос душистых опустила б ночь;

Как амулет от боли и тоски,
Сплела бы на тебе я две руки;

Ты попросил бы зеркало — и вмиг
Я повернула бы к тебе свой лик,

А воспалился б сердцем и ослаб —
Уст моих сладкий ключ я поднесла б;

Была б твоим светильником в ночи,
А днем хранила б тайн твоих ключи...

Но, если мы — всем любящим пример —
Разобщены круговращеньем сфер,

То сможем ли, хотя б расшибли лбы,
Смягчить несправедливый суд судьбы?..

Но ты в народах мира знаменит
Тем, что тебе — как мягкий воск, гранит

Тягчайшие страданья стерпишь ты,
Всех бедствий испытанья стерпишь ты,

И хоть со мной в разлуке ослабел,
Но будь, как витязь, доблестен и смел —

И мужество и твердость сохрани,
И в унижение гордость сохрани...

А если скорбь ударит камнем в грудь,
И крика ты не сдержишь — не забудь:

Закон влюбленных не нарушь, Фархад,
Блюди там клятву наших душ, Фархад!

А я, кого разлуки острый меч
На сто частей не пожелал рассечь,

Кого огонь разлуки сжег дотла,
Я — только раскаленная зола.

Но пусть душа на ста кострах горит,
Сильней огня девичий страх горит;

Не испустить на людях вздохов дым,
Не уронить слезы глазам моим!

Будь женщина, как лилия, скромна,
Будь гордою, как кипарис, она;

Пусть, как луна, сияла б красотой,
Луну хоть затмевала б красотой;

Возлюбленной она примерной будь,
Иль даже ветреной, неверной будь,—

Не дай господь ей как-нибудь попасть
В тот плен, которому название — страсть!

Не дай любви хлебнуть ей через край,
А дашь — мечом разлуки не карай.

Огонь такой любви нет сил снести,
Нет сил, чтоб душу из него спасти.

Спасется ль слабый, малый муравей
От сотни жадных, беспощадных змей?

И хвостинке ль тонкой уцелеть,
Когда ударит молнийная плеть?

О, для влюбленных много страхов есть!
Страшней всего, однако, стыд и честь:

Хоть в судорогах бейся день и ночь,
Лишился чести — утешенья прочь!

Позора избежать ведь нелегко
Той, кто в любви заходит далеко.

Пускай вздыхает так, что семь завес
Поднимутся со всех семи небес,

Но ей с лица не снять покров стыда,
Ей от людского не уйти суда...

Твоя печаль, я знаю, тяжела,
Но не подумай, что моя мала.

И все же, вспомнив о тебе, Фархад,
Свои страданья множу я стократ.

Я пленница любви твоей, и вот —
Мой стон, мой вопль пронзает небосвод.

С тобой в разлуке я забыла смех,
Мне без тебя на свете нет утех:

Венец мой царский захватил Хосров,
Мой край родной поработил Хосров;

Я и народ мой жить обречены,
Как совы, в тьму пещер заточены;

Нас всех теперь сравнял надменный враг:
Мы все рабы — царица и бедняк.

Те, кто в плену, — мертвы при жизни тут,
Те, кто спаслись, — от страха перемрут.

Все эти беды, весь позор, вся кровь —
Всему причиной лишь моя любовь.

Меня народ возненавидит... Ах,
Его проклятья у меня в ушах!

Стыд перед ним терзает душу мне,
Стыд пред Бану убьет меня вдвойне...

И все-таки скажу я без прикрас:
Моих страданий будь хоть во сто раз —

Не в сто, а в тысячу раз больше будь,—
Но только б на тебя еще взглянуть,—

Клянусь, что буду я тверда, как сталь,
Что отойдет с моей души печаль!

Но и сейчас, в разлуке, в этот час,
Что горше самой смерти во сто раз,

Поскольку я еще дышу пока,
Надежду в сердце я ношу пока.

Конец тогда, когда надежды нет,—
С надеждой можно отстрадать сто лет...

Теперь я об одном тебя прошу:
Письмо, что я в смятении пишу

Пером смятенья, мертвая почти,—
Внимательно прочти и перечти

И, если хочешь облегчить мне боль,
Прислать ответ с посланцем соизволь.

Я сохраню твое письмо-привет,
Как тайный, чудотворный амулет,

Оно послужит для Ширин твоей
Охранной грамотой от всех скорбей...»

* * *

Когда несчастный дочитал письмо,
Рыдая, целовать он стал письмо,

В безумии стенья, крича, вопя,
Он наземь падал, корчась и хрипя.

Когда же наконец он поборол
Безумья приступ и в себя пришел —

Шапур калам для друга очинил,
Бумагу подал и сосуд чернил,

И сел Фархад и стал писать ответ —
Повествованье мук своих и бед...

Фархад письмо Шапуру передал,
Простился с ним — и снова зарыдал.

Шапур ушел. Бог весть каким путем
С письмом пробрался в крепость он потом.

Ширин взяла в смятении письмо,
Прочла в уединении письмо,

Высокой скорби страстные слова
Нам огласит дальнейшая глава.

Глава XLVI

ПИСЬМО ФАРХАДА К ШИРИН

Горе и радость Ширин и Михин-Бану. Почести Шапуру

«Письмо печали, славословьем стань
Тому, кто, взяв перо творенья в длань,

Навел на гладь вселенной свой узор,
Узор нетленный рек, долин и гор;

Кто молнией любви сверкнул — и так
Мир разделил с тех пор на свет и мрак;

Он создал силу — имя ей Любовь,
Ей, как судьбе своей, не прекословь;

И кто ее печатью заклеямен,
Скитаться, словно атом, обречен.

Свою отчизну должен он забыть —
И горькое вино чужбины пить,

И если на чужбине кров найдет,
То скоро целый мир врагов найдет.

Но если друг ему в награду дан,
То не страшны ему враги всех стран,

Он похитительницею сердец
В письме утешен будет наконец...

Да, горный кряж страданий сплошь в гранит
Из края в край та сила превратит,

А луг любви в пустыню мук и бед,—
Влюбленным из нее исхода нет!»

Такие мысли изложив сперва
Во славу сил любви и божества,

Он, словно одержимый, весь дрожал —
И пламенную повесть продолжал:

«Всеозаряющему свету дня
Послание от дымного огня.

От терния пустыни к розе... нет —
Терновник кипарису шлет привет!

Из преисподней ада в вышний рай —
Письмо Фархада, пери, прочитай!

* * *

Клянусь душой загубленной своей:
Тебя назвать возлюбленной своей,

Сердечным словом *милая* — и то
Назвать я не осмелюсь ни за что!

Да, я прослыл безумцем. Признаюсь,
С безумьем прочен у любви союз.

Но пери лунолика сама
Свела меня, несчастного, с ума.

И если б я, помешанный, в бреду
Сказал такое слово на беду,

То — да простится заблуждение мне! —
Есть, как безумцу, снисхождение мне.

Да, я Меджнун, а ты моя Лейли,
Моя недостижимая Лейли.

Мне был приказ Лейли — и я пишу,
Заочно перед ней в пыли — пишу.

Ей, как Меджнун, всю душу изолью,
Всю боль разлуки, муку всю мою.

Не обо мне, однако, будет речь,—
Нет, о твоих собаках будет речь...

Как им живется? Сыты ли они?
В покое ли, в тоске ль проводят дни?

Глубокой ночью сон тревожа твой,
Собравшись в круг и поднимая вой,

О чем они так долго воют все?
Не обо мне ль, пропавшем жалком псе?

Когда, ворча, бросаются на кость,
Какой мечтой себя приводят в злость?

Не хочется ль полакомиться им
Костлявым телом высохшим моим?

Когда в долбленный камень бьются лбом,
Чтоб вылизать глоток похлебки в нем,

То знают ли, какие камни тут
По темени меня все время бьют?

Лакая воду, хоть один ли пес
Поток моих соленых вспомнит слез?

Когда на цепи их сажает псарь,
Не мнится ль им, что он иранский царь?

В ошейниках спеша к себе домой,
Не думают ли про ошейник мой?

Собачьи вопли их не унимай:
Не о моей судьбе ль их злобный лай?

О, если б на ночь вместе с ними мог
Склонить я голову на твой порог!..

Мне там дороже всех была одна:
Была, как я, измучена, больна

И, словно бы стыдясь других собак,
На морду уши свешивала так,

Что покрывалом из больших ушей
Скрывала морду от чужих очей.

Весь выпирал ее спинной хребет,
Подобный узловатой нити бед.

Не только защищаться не могла,—
Свой хвост она едва уж волокла.

Была она вся в язвах, и ее
Терзали мухи, словно воронье.

Ей — от коросты, от увечных ран,
Мне мука суждена сердечных ран.

Быть может, и неведомо тебе,
Она была так предана тебе:

Ни на кого не поднимала глаз,
Но четырех ей мало было глаз*,

Когда ты проходила через двор,
Ей подарив случайный, беглый взор.

Хоть в этом с ней соревновались мы,
Друзьями все же оставались мы.

Чем больше был, чем дольше был я с ней,
Тем обнаруживал я все ясней

В ней свойства человечности. Поверь,
Что человечности не чужд и зверь!

Была она великодушна... Да!
Переступив порог твой иногда,

В своей собачьей радости, она
Ко мне бывала жалости полна.

Так иногда, при виде бедняка,
У богача раскроется рука.

Нет! Мы дружили. Помню, и не раз,
Я плачу — слёзы у нее из глаз...

Что с ней теперь? Я мысли не снесу,
Что так же тяжело ей, как мне здесь, псу

Все так же ль носит в сердце, как недуг,
Воспоминанье обо мне мой друг?

Ах, может ли она в себе найти
Остаток сил — на твой порог вползти?

А если хватит сил — о боже! — пусть
Поймет она мою, собачью, грусть!..

Но, беспокоясь о ее судьбе,
Осмелюсь ли спросить я о тебе?

Когда свое писала ты письмо,
Из жемчугов низала ты письмо,

И столько чистых, звонких в нем монет,
Чистейших чувств, что им и счета нет!

Но чем отвечу я на это все?
Вот — сердца звонкая монета. Все!

А сердцем я пожертвовать готов
За буквку твоих бесценных слов...

Ты пишешь, как страдаешь за меня;
Жжет эта весть меня сильнее огня,

Пусть тысячи умрут, подобных мне,—
Мы — прах. О чем скорбеть моей луне?

Ты пишешь, что, в страданьях закалясь,
Живешь, судьбы ударов не боясь,

Что ты окрепла в горе, что с горой
Ты справиться могла бы, как герой...

А я... какой же подвиг совершу,
Когда уже едва-едва дышу?

Я слабосильный, жалкий муравей,
В моих глазах кусок веревки — змей,

Дорожный камень для меня — гора.
О мощь моя! Прошла твоя пора!..

Могуч я лишь мечтаньем о тебе,
Душа сыта страданьем по тебе.

Но сколько б сил в любви ни черпал я,
Дракона превращает в муравья

Такая страсть — и если будет он
Растоптан ею,— вот любви закон!..

Другая весть от луноликой мне:
Из-за ее большой любви ко мне

Ее страна, и трон, и весь народ
В руках врага и что не счесть невзгод;

Что в крепости, в горах, заточены,
И вы с Михин-Бану обречены...

Как тяжело сердцу внять таким словам!
Чем вас утешить, чем помочь мне вам?

Ни сил я, ни отваги не найду,
Но слово на бумаге я найду:

Когда судьба обрушит свой кулак,
Ты перед ней покорной жертвой ляг!

Я знаю, как угнетена страна,
Которая врагом покорена,

Я знаю участь подданных твоих.
Сочти меня ничтожнейшим из них.

Те бедствия, что грозный небосвод
Обрушил на тебя, на твой народ,

Столь велики, что не могу дерзнуть
Сказать, что я страдал когда-нибудь.

Но если скажешь: «Поделом ему!
А нам возмездье неба почему?!» —

То жертвой искупленья хоть сейчас
Душа моя готова стать за вас!..

Кто я и что в твоих глазах теперь?
Я на твоём пути лишь прах теперь!

Но не всегда я прахом низким был,—
Имел я дом и дорог близким был,

И родину имел и царский сан —
Ведь мой отец китайский был хакан!

Венец его над головой моей,
Престол его был под ногой моей;

Двенадцать тысяч городов в стране
Повиновались и ему и мне.

Была большая свита, войска тьма
И роскошь, всех сводившая с ума.

Однако же, когда издалека
Напали на меня любви войска

(Не самого явления любви,—
Нет, лишь воображения любви!),—

Я стал несчастным, и в несчастье том
Был вынужден покинуть отчий дом

И разлучиться с царством и страной.
И все рабы и знать страны родной —

Весь мой Китай тьмутысячный рыдал,
Когда я край отчизны покидал.

Я облачил в печаль отца и мать,
Чтоб им ее до гроба не снимать.

Их небосвод осиротел в тот день,
Меня же в прах он превратил в тот день!

Но раз любовь природою моей
Была уже во тьме предвечных дней —

И на страданье обречен я был,
Когда еще и не рожден я был,—

То на кого поднять упрека меч?
И не себя ль на кару мне обречь?

Подобных мне хоть сто, хоть сто раз сто,
И тысячи Хосровов грозных — что

Перед судьбой всеильною? Рабы!
Нет, не рабы — пылинки для судьбы!

Я ослабел... Уже едва-едва
Держу калам и вывожу слова.

Я много знал, но, разум потеряв,
Стал неучем, все разом потеряв.

Все знанья стали кучей слов пустых,
Но вот уже я путаюсь и в них.

Последних мыслей свет в мозгу темня,
Сознание покидает вновь меня.

Уже пишу, не зная, что пишу...
Простить меня, безумного, прошу.

Прогулку завершает мой калам...
Да завершится все на благо вам!»

* * *

Ширин письмо читала, возбуждаясь,
То вскакивая, то опять садясь;

То — в горе сгорбит, как старуха, стан,
То распрямит, воспрянув духом, стан;

То плачет от тоски по нем, то вдруг
От счастья плачет: «Жив он, жив мой друг!»

Потом с многожеланным тем письмом
Она к Михин-Бану вернулась в дом,

И обе, радуясь и плача там,
Вели свой разговор горячий там.

Михин-Бану, Шапура обласкав,
Ему большие почести воздав,

Просила, чтоб Шапур поведал им,
Как встретился он с другом дорогим,

Обрадовался ли письму Фархад,
Что на словах сказал ему Фархад...

О весть надежды! Как ты хороша
В тот час, когда отчаялась душа!

Яви мне, боже, чудеса твои:
Вложи в основу жизни Навои,

Когда бы ни отчаивался он,
Надежды оживляющей закон!..

* * *

Вина мне, кравчий! И не отрезвляй!
Надежду потерять не заставляй.

Моя надежда и твоя слиты:
Чего достигну я, достигнешь ты.

Глава XLVII

ШАПУР ПОПАДАЕТ В РУКИ ХОСРОВА

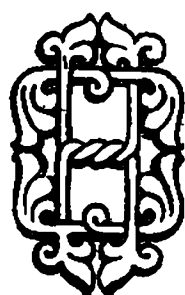
Засада на путях к Селасилю. Шапур схвачен.
Хосров читает очередное письмо Ширин к Фархаду.
Новый совет Бузург-Умида

Глава XLVIII

КОЛДУНЬЯ ОБМАНЫВАЕТ ФАРХАДА

Мнимая отшельница. Клевета на Михин-Бану.
Ложная весть о самоубийстве Ширин

СМЕРТЬ ФАРХАДА

Приступ безумия. Фархад падает на камни и разбивается. Прощание с жизнью.
Фархад передает ветерку свои предсмертные просьбы. Последний вздох.

Скорбь и гнев животных и зверей

Перо, в одежду скорби облачась,
О скорби повествует в этот час.

* * *

Степей небытия добычей став,
Так от меча коварства пострадав,

Фархад был ранен в сердце — нет, оно
Все было пополам рассечено!

Он, ослабев, упал. Пытался встать,
Но, приподнявшись, падал он опять.

Не видя ничего перед собой,
На светлый мир глядел он, как слепой.

На жестком камне лежа, он вопил,
И в судорогах позвонки дробил.

И так он бился в твердый камень лбом,—
Чуть камень не разбил на месте том!

Струил потоки слез в последний раз
Он из своих уже незрячих глаз.

С несчастных ран повязки он срывал,
Весь хлопок в алой краске посрывал,

И хлопок алый разбросал вокруг —
Смотри: тюльпаны испещрили луг!

Кричал он, раны обнажая: «Вот—
Откройся жизни выход, смерти — вход!»

Его терзала смертная тоска,
И покидали сил живых войска.

Огня его печали черный дым
Клубился тучей бедствия над ним,

И туча, как Меджнун, скорбя о нем,
Сама кровавым плакала дождем.

Он весь в кровоточащих ранах был,
Как если бы весь в розах рдяных был.

Кровь капала на камни вокруг него,
Алела лепестками вокруг него,

Как осыпь роз... Нет, вид кровавых брызг
Был россыпью пурпурных жгучих искр!

Фархад кричал: «О смерть моя, приди!
О небо золотое, пощади!

Разбей мне голову скорей,— она
Мне ни на что отныне не нужна!

В мои глаза вонзи свое копье,—
Смотреть им не придется на нее!

Язык мне отсеки своим мечом,—
С кем говорить я буду и о чем?

Дыханья моего заткни трубу,—
О ком вздыхать, когда Ширин в гробу?

Переломай мне ноги,— все равно
Ходить к Ширин уже не суждено.

Нет, жизни вновь не разжигай во мне:
Я не согласен снова жить в огне!

Одним ударом грудь мне рассеки,
И сердце вынь, и разруби в куски!

Отныне с ним уже не связан я!
Отдай меня во власть небытия!..

Делила горе ты со мной, любовь,—
Свою тебе я завещаю кровь!

Печаль разлуки! Бог — судья тебе:
Ты все взяла, все отдал я тебе.

Теперь меня на волю отпусти —
Дай плоти в прах рассыпаться,— прости!

О слезы! Вы лицо мое сожгли,—
Спасибо: сделали вы, что могли.

Взяв душу у меня, о ты, мой вздох,
Вручи ее моей любимой, вздох!..»

Со степью он прощался: «Степь, о степь!
С меня уже упала жизни цепь!

Себя ты распростерла вширь и вдаль,
Чтоб убегал скорбящий в мире вдаль.

Страдальцев друг, отверженных оплот!
Тебе доставил много я хлопот.

Твой день, бывало, в ночь я превращал,
Так пыль вздымал и небо омрачал,

Тебя избороздил следами я,
Всю затопил тебя слезами я,

Прости,— страдала часто от меня,—
Избавишься сейчас ты от меня!..»

Степь огорчилась, ворот разодрав,
Посыпав черным прахом зелень трав.

Горе Фархад свой посылал привет:
«Уперся в небо мощный твой хребет.

Приют больным — подножие твое,
Но сердце как тревожил я твое!

Как мучила тебя моя кирка,
Но ты, могучая, была кротка!

За что навлек я на тебя позор,
Зачем с тобой завел неправый спор?

Я был жесток, а ты была добра.
В мой смертный час прости меня, гора!..»

И, гору опечалив до глубин,
Гранит ее он превратил в рубин.

И, руки простирая в небосвод,
Взывал он: «Умираю, небосвод!

Грабитель, притеснитель мой, внимли!
В последний раз кричу тебе с земли:

Хотя насилье, гнет — обычай твой,
А я был предан верности святой;

Хотя всю жизнь меня ты угнетал,—
Прости,— и сам ты от меня страдал!

Пыль я вздымал и — ты был запылен,
Был вздохами моими опален,

А скорби дым, которым я дымил,
Сиянье солнца твоего затмил.

Не золото вся россыпь звезд твоих —
То искры от костра скорбей моих.

Еще один, последний вздох издам —
И завершится счет твоим звездам.

А от меня не станет и следа,
Мой прах развеет ветром — не беда!

Но если плоть и превратится в прах,
Чтоб мелкой пылью странствовать в мирах,

Пусть эта пыль тебя не огорчит
И помыслов твоих не омрачит.

Иль лучше так: раз я с земли исчез,
Пускай сотрусь и в памяти небес!..»

А небосвод над ним уже пылал,
И тот огонь в его душе пылал,

И стал бродить в тоске смертельной он,
Предсмертною печалью угнетен.

И на свою кирку направил взгляд
И, с ней прощаясь, так сказал Фархад:

«О ты, моя помощница в труде,
Моя рабыня и мой друг в нужде!

Я и тебе доставил много мук,
Не выпуская день и ночь из рук.

Я с двух концов испытывал тебя,
Тобой гранит и так и так долбя.

Страдала ты, но как тверда была,
Как ты вынослива всегда была!

И за тебя болит душа моя,
Многострадальная тиша моя!

Простите гнет мой! Я отныне вам
Свободу и покой навеки дам!..»

И застонали тут кирка с тишой,
Как люди стонут от беды большой,

И головами бились о гранит:
«Скал не рубить нам, не тесать нам плит!»

Как дети за кушак отцовский, так
Они цеплялись за его кушак

И плакали: «В долине и в горах
Все рассечем — уйдем с тобою в прах!..»

* * *

Летела птица ль, проходил ли зверь —
Фархад к ним слово обращал теперь:

«Товарищи мои, мои друзья!
Навеки с вами разлучаюсь я.

Как братьев, как единоверцев, вас
Я так любил, любил всем сердцем вас!

Предательство, двуличье, ханжество —
Вот вечное людское естество.

Вы прямодушны, честны все, верны,
Природой из любви сотворены.

Сдружились вы в скитаниях со мной,
Братались вы в страданиях со мной.

Разлуки боль с родной страной мне
В чужой вы облегчали стороне.

Родных вы заменяли мне, друзей,
Вы были свитой преданной моей.

Куда бы я ни направлял стопы,
Не уклонялись вы с моей тропы.

И сколько б ни стонал, ни плакал я,
Ни разу не видал, однако, я,

Чтоб тяготился кто-нибудь из вас
Моей тоской докучливой хоть раз.

Обязан всем вам очень многим я,
Четвероногие мои друзья!

И вам, пернатым, кто в палящий зной
Крылатым кровом реял надо мной,

Всем вам я благодарность приношу,
У всех у вас прощения прошу!...»

Он горькими слезами залился,
А звери, возвышая голоса,

Завыли, ущемленные тоской,
Но без притворства, не как род людской!

Так непритворно люди, может быть,
В день воскресенья мертвых будут выть...

Когда зверям он высказал хвалу,
То смертный час пустил в него стрелу.

Он видел, что его конец пришел,—
Теперь на ум ему отец пришел.

* * *

А вспомнив об отце, он вспомнил мать —
И руки стал в отчаянье ломать:

«О смерть, скорее душу отними!
Меня хоть этой пыткой не томи!

Ужель страданий мало мне других,
Что в смертный час я вспомнил и о них?

Да, ты коварством вечен, небосвод!
О, как ты бессердечен, небосвод!

Так не ведется ведь у палачей,
Чтоб одного казнили сто мечей!

Чтобы кусочек хлопка сжечь, нужна
Не молния — лишь искорка одна!

Я дотлевал уже, как головня,—
Зачем же ты опять разжег меня?!

Клянусь, будь ты немного хоть добрей,
Меня бы в прах воткнул ты поскорей!

О кравчий времени! Тебе упрек:
Зачем ты милосердьем пренебрег,—

Зачем отраву в чашу подсыпал
Тому, кто сам навеки засыпал?

Каким быть надо злобным палачом,
Чтоб даже мертвеца рубить мечом!..»

И обратился к ветерку Фархад:
«О ветерок, не знающий преград!

Во имя бога, взвейся и слетай
В мой милый край, в далекий мой Китай.

И прах моей отчизны поцелуй,
Но старого отца не разволнуй:

Ему не сразу истину открой,—
Речь поведи сначала стороной,

Потом скажи: «Твой сын, страдалец-сын,
Твой заблудившийся скиталец-сын,

Он — кровь твоя, и кость твоя, и плоть,
Дар, коим одарил тебя господь,—

В раскаянье, в мучениях погиб,
Без твоего прощенья погиб.

О, как была судьба коварна с ним!
Как был он ею день за днем гоним!

Иранский грозный шах — Парвиз Хосров,
Злой чародей, хитрец из хитрецов,

Хосров Парвиз, его заклятый враг,
Преследовал его за шагом шаг.

С таким врагом, будь честен враг и прям,
Фархад бы рассчитаться мог и сам.

Но кривды путь, обычай лжи избрав,
Хосров его осилил, в прах поправ.

О нечестивце говорить к чему?
Возмездие — один ответ ему!»

И потому скажи,— просил Фархад:
Храбрец Бахрам, мой друг, молочный брат,

Пусть войско соберет и пусть сюда
Придет он для кровавого суда.

Пусть кровь мою с Хосрова спросит он,
И голову с него да сбросит он!..

И если эту огненную весть
Отец мой — шах — не в силах будет снести,

И всю беду поймет в единый миг,
И вспыхнут все на нем седины вмиг,

И в горе ворот раздерет он свой,
И станет биться оземь головой,

И возопит, беспомощен и стар,
И камнем скорби сам себе удар

Он в сердце нанесет, хотя оно
И без того разбито уж давно,—

Не допускай, чтоб он венец разбил,
Чтоб свой хаканский трон отец разбил!..

И ты отца утетишь, ветерок:
Мол, так предначертал Фархаду рок.

Любовь была в предвечности уже
Предопределена его душе.

Был смерти на чужбине обречен
Еще в утробе материнской он.

А то, что нам всевышним суждено,
То — рано или поздно — быть должно!

Пусть мне сужден безвременный конец,
Но вечно пусть живет мой шах-отец!

Развалится лачуга — не беда,—
Чертогу бы не рухнуть никогда!

С засохшею травой примиришь,—
Будь вечно зелен, гордый кипарис!..

И если весть о гибели моей
До материнских долетит ушей,

И, в горе разодравши ворот свой,
Мать воплем всполошит весь город свой

И обо мне, несчастном, сокрушась,
Забьется лбом о камень в этот час,

И, щеки исцарапав, станет мать
В отчаянье седины вырывать

И причитать: «Мой сын, ребенок мой!
Погибший, жертвенный ягненок мой»,

И если б воплей ураган сорвал
С ее лица все девять покрывал,—

Моей тоской над нею задыми —
Покровом ей да будет пред людьми!

Скажи: «Не убивайся так, скорбя,—
Не радовал он никогда тебя.

Иметь мечтала друга в сыне ты,
Но плакала и плачешь ныне ты.

Мечтала о рубине дорогом,
А получила рыхлой глины ком.

Просила солнца вечного огонь,—
Горящий уголь приняла в ладонь».

В садах все дети веселятся... ах,—
Я в детстве лишь грустить любил в садах!

Я тем несчастней был, чем был взрослей,—
Я разлучился с родиной моей.

С тех пор скитанья муки — жребий мой,
Огонь разлуки с сыном — жребий твой.

Хоть сжег тебя заблудший сын Фархад,
Прости его, не обрекай на ад!

О, ты простишь, но знаю наперед,
Что смерть твою мне не простит народ,

А раз меня народ мой не простит,—
Пусть и умру, все будет жить мой стыд!

А если Мульк-Ара и друг Бахрам
Об участи моей узнают там,—

Сурьмы чернее станут лица их,
И киноварью слезы литься их,

И облачатся в черную кошму,
И это уподобится тому,

Как мир, о солнце вечером скорбя,
В палас ночной закутает себя

И до утра в долинах и в горах
Горюет, головой зарывшись в прах.

И Мульк-Аре ты скажешь, ветерок:
«Такую кару мне назначил рок.

А с небом спора не начнет мудрец,
Земли недолговременный жилец».

И передай Бахраму, ветерок:
«От вздохов и от слез велик ли прок?

Молочный брат, духовный мой двойник,
Товарищ верный мой, мой ученик,

Скорей сюда с войсками соберись,
Чтоб отомщенья не избег Парвиз!

И часу не теряй в пути — спеши,
Убийцу моего найти спеши —

Да отвернется небо от него! —
И кровь мою потребуй от него!..

Твой путь через Хотанский край пройдет.
Скажу — через земной он рай пройдет!

Четыре сада встретишь — те сады,
Где, как плеяды, розы и плоды.

В садах четыре высятся дворца,
Что строились по замыслу отца.

Меня в саду весеннем помяни —
Слезинку цвета розы урони.

Ты вступишь в летний сад — и там пролей
Слезу о пальме гибели моей.

В саду осеннем вспомни о листке,
Что пожелтел и высох вдалеке.

В саду зимы вздох обо мне издай,
Чтоб инеем покрылся зимний рай...»

И так, о милый ветерок, шепни
Великому художнику Мани*,

Чья кисть, благословенная судьбой,
Китай навек прославила собой,—

Скажи ему: «Художник-чародей,
Которому нет равных средь людей!

Ты расписал мои дворцы — они
Венец искусства твоего, Мани!

В них кистью ты своей запечатлел
Все, что свершить я в Греции успел:

Как в бой с драконом грозным я вступил,
Как Ахримана, духа зла, убил.

Как был сражен железный великан,
Как взят был Искандаров талисман,

Как я нашел Сократа наконец
И как меня благословил мудрец.

Вот счет великих подвигов моих,
И кистью ты увековечил их.

Исполни же завет предсмертный мой:
Со стен изображенья эти смой,

А что не смоешь — соскобли, сотри
Во всех дворцах снаружи и внутри.

Со всех айванов посрывай шелка,
Сожги, чтоб не осталось ни клочка...

Прости мне просьбу страшную мою:
Всю боль твою, художник, сознаю,

Но если мне судьба дает взамен
Души и плоти — лишь распад и тлен,

И если должен сам исчезнуть я
В неведомых мирах небытия,—

Не нужно мне и памяти земной,—
Пусть все мои дела умрут со мной.

Так для чего же красоваться мне
Подобьем бездыханным на стене?»

И передай Карену, ветерок:
«Фархаду пригодился твой урок.

Но твой Фархад, твой ученик погиб!
Он много нарубил гранитных глыб,

Но небосвод низвергнул их потом
На голову его густым дождем.

Он рушил горы — и прославлен был,
Но сам одной горой раздавлен был.

И вот о чем, Карен, тебя прошу:
Возьми свою кирку, возьми тишу —

Разбей тот камень, на котором ты
Резцом изобразил мои черты.

Пусть обо мне ни краска, ни гранит
Ничто воспоминанья не хранит!..»

* * *

О странствующий в мире ветерок!
Ты пролетаешь вдоль больших дорог

Порхаешь по долам и по горам,
По многолюдным шумным городам

Всем истинным поклонникам любви
О гибели Фархада объяви:

«О подданные, умер ваш султан!
За вас Хосровом в жертву он заклан.

В одежды черной скорби облачась,
Сплотитесь, на Хосрова ополчась.

Пролейте на него горючий дождь —
Стрел ненависти вашей жгучий дождь.

Сожгите стопами дворец его,
Престол, венец, а также самого...»

И передай Шапуру, ветерок:
«Преподал миру дружбы ты урок,

Свою ты кровь глотал, со мной дружа,
Отрады не видал, со мной дружа.

Со мной дружа, каких не пролил слез,
Каких печалей ты не перенес!

Но в дружестве других условий нет,
И да не будет до скончанья лет!

Да наградит тебя за это бог,
Свидетель моего завета — бог.

Карателем ты силам вражьим стань,
И над моей могилой стражем стань!..»

* * *

Тут речь его предсмертную глуша,
К устам Фархада подошла душа

И вмиг с душой возлюбленной слилась,
Огнем великих бед воспламенясь.

«Ла-Хавл! — он поспешил произнести. —
Будь милостив ко мне, господь, прости!»

На долю скорби, горести, невзгод
Так много выпало в тот час хлопот,

И шум смятенья их был так силен,
Что жителей небес встревожил он.

Печаль осиротела. А любовь,
Что в пламя превращает сердца кровь,

На плечи черную кошму надев,
Во мрак повергла юношей и дев.

И звери, видя, что почил навек
Тот благородносердый человек,

Большие слезы пролили из глаз,
За упокой души его молясь,

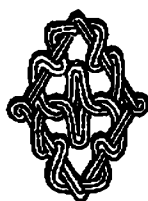
Его убийцу разорвав в куски,
В себя вонзали когти от тоски.

Да, если ты не знал, узнай теперь:
Людей коварных благородней зверь!

* * *

Эй, кравчий, чару яда мне налей!
Яд смертоносный мне вина милей.

Возлюбленной я верен, как Фархад.
И умереть намерен, как Фархад!

Глава L

МИР МЕЖДУ ХОСРОВОМ И МИХИН-БАЛУ

Звери охраняют труп Фархада. Весть о чуде. Ропот народа в крепости. Снятие осады: Ликование Хосрова

Глава LI

СМЕРТЬ ШИРИН

Ширин переезжает в замок. Шируйя, сын Хосрова, загорается страстью к Ширин. Отцеубийство. Послание Шируйи к Ширин. Ширин прибегает к хитрости. Шапур доставляет труп Фархада. Вечная близость возлюбленных

Кто словом сокрушенья начал речь,
Тот кончил похоронным плачем речь.

* * *

Когда была посажена Ширин
На царственный свой крытый паланкин,

Чтоб к месту исцеления спешить
И в том краю без треволненья жить,—

Все воины Парвиза собрались
Взглянуть на ту, кого избрал Парвиз.

Столпившись пред носилками ее,
Они как будто впали в забытье,—

Скажи, что солнце, выглянув из туч,
В густую пыль направило свой луч!

Но в этот час произошло здесь то,
Чего и ожидать не мог никто:

Пришел полюбоваться на Ширин
И шах-заде, родной Парвизов сын,

Прославленный красавец Шируйя...
Как связана со всей рекой струя,

Как искра с пламенем костра, так он
Всем естеством был с шахом сопряжен.

Однако жил с отцом он не в ладах,
И не был также с ним сердечен шах.

Так издавна меж ними повелось,—
Все — несогласье, все — раздор, все — врозь...

Как весь народ, и Шируйя глядел
На паланкин. Вдруг ветер налетел —

И занавеску поднял, и на миг
Он той луны увидел светлый лик,—

Не говори: луны,— она была,
Как солнце, ослепительно светла!

Хотя всего лишь миг он видел ту
Мир озаряющую красоту,

В нем сразу вспыхнул страсти тайный жар,
Негаснувший, необычайный жар!

Лишась покоя, отстранясь от дел,
Ни днем ни ночью он не спал, не ел.

И понял он, что жертвой должен пасть,
Что смерть — расплата за такую страсть,

Потом подумал: «Смерть?.. Но почему
Мне нужно умереть, а не ему?

Кто не боится смерти сам в любви,
Ужели не прольет чужой крови?

Ведь если устраню Хосрова я,
Мир будет мой и гурия — моя.

Все царство мне отцовское на что?
Подобных царств она сулит мне сто!..»

Он, в замысле преступном утвердись,
Вступил с военачальниками в связь.

А так как все границы перешло
Чинимое народу шахом зло,

То Шируйя войска к себе склонил
И постепенно весь народ сманил.

Таков был небосвода поворот!
Принес присягу Шируйе народ,—

Хосров был схвачен, в яму заключен,
Пощечинами даже посрамлен!

Но чтобы этой птице как-нибудь
Из темного гнезда не упорхнуть,

Чтоб мести от нее потом не ждать,
Решили ей покой во прахе дать...

Сын обагрил отцовской кровью меч!
Кто злодеянье это мог пресечь?

Закон любви таков, что вновь и вновь
За пролитую кровь ответит кровь!

Фархада погубил Хосров, и вот
Возмездие ускорил небосвод.

Терзал сердца народа властелин —
Убил его единородный сын.

Судьба на милость и на гнев щедра,
В потворстве и в возмездии быстра.

Невинному удара боль тяжка,
Но и суровой кары боль тяжка!

Чужую жизнь пресекший, знай: змея —
Отмстительница тайная твоя!

Кто искру сделал грудой пепла, тот
Себе возмездье в молнии найдет!

Какое в землю сеял ты зерно,
Землей оно же будет возвращено.

А если так, то в бренной жизни сей
Лишь семена добра и правды сей.

Кто сеял зло — себя не утешай:
Неотвратим твой страшный урожай!

Хосров Парвиз насилья меч извлек,—
В него вонзило небо свой клинок;
Пошел на преступленье Шируйя,—
Не жди судьбы прощенья, Шируйя!..

* * *

Когда Хосров был сыном умерщвлен,
Отцеубийца поднялся на трон

И возложил на голову венец —
Правления тяжелого венец.

В нужде мы и убийце угодим:
Стал Шируйя царям необходим.

Пытался он Михин-Бану привлечь
И сразу о Ширин завел с ней речь.

Ответила: «Она еще больна.
Оправится — решить сама вольна.

Ее судьба в ее руках, а я
Ни в чем ей не помеха, Шируйя!

Но лучше ты поговори с ней сам:
Захочет — я благословенье дам...»

Но так как грубым он невеждой был,
А страсть в нем разожгла надежды пыл,

То он кумиру своему послал
Письмо любви, в котором так писал:

«О гурия, ты обольщенье глаз,
Чью красоту я видел только раз!

Но, вспыхнув от ее огня, с тех пор
Ношу в душе пылающий костер.

О, ни Фархад, ни мой родитель-шах,
Клянусь, не мучились в таких кострах!

Отцовскую пролить осмелюсь кровь,
Чем докажу еще свою любовь?

Никто таких страданий не терпел,
Какие мне любовь дала в удел.

Всю летопись судьбы перелистай
Лист за листом подряд — и прочитай

Все повести любви из века в век,—
Такой любви не ведал человек!

Хоть я владыкой стал, тебе скажу:
Я горькую утеху нахожу

В том, что, тебя любя, о мой кумир,
Себя на весь я опозорил мир.

Да, мне в позоре этом равных нет,
И мучеников столь бесславных — нет!..

Не отвергай, Ширин, моей любви
И к жертве страсти милость прояви.

О пери, обещаю мне ответь,
Надеждой на свиданье мне ответь!

Хоть я не жду отказа, но клянусь:
Ни перед чем я не останавлиюсь,

И — не добром, так применяя власть,
Ответить на мою заставляю страсть!..»

* * *

Ширин, приняв посланье от гонца,
Лишилась чувств, не дочитав конца.

Она понять сначала не могла
Столь небывало страшные дела.

Но, долго размышляя над письмом,
Она, увы, уверилась в одном:

«Вот подлинно безумный, страшный тем,
Что чувство страха потерял совсем!

Кто мог отца с пути любви убрать,
Преступит все и может все поправить,

Чтоб своего достичь. Я цель его,
И ждать я от него могу всего.

Нет, не хочу я на него смотреть!
О боже, помоги мне умереть!

Да, смерть — одно спасение мое,
В ней вижу воскресение мое!..»

К такому заключению придя
И в нем успокоение найдя,

Она с довольным, ласковым лицом
Речь повела почтительно с гонцом.

Сказала: «Шаху передать прошу:
Я за него молитвы возношу.

Угодно было, видимо, судьбе
Хосрова бремя передать тебе.

И если жизни ты лишил отца,
То был орудием в руках творца,

И, значит, воли был своей лишен,
А сделал то, чего хотел лишь он.

Я ль не пойму страдания твои?
Сама я знала плен такой любви.

Ты слышал о Фархаде, кто гоним
И кто загублен был отцом твоим,

Кто был любви поклонникам главой,
Всем верности сторонникам главой?

Круговращенье вечное небес
Таких еще не видело чудес,

Такой любви, как между им и мной,
Примером ставшей для любви земной.

Не преходящей похотью сильна,—
Сильна была единством душ она!

Фархад низвергнут был Хосровом в ад,
И принял смерть из-за меня Фархад.

И я теперь в разлуке вечной с ним,
Но сердцем так же безупречно с ним.

Я заболела от тоски по нем
И чахну безнадежно с каждым днем.

Я птицей недорезанной живу
И непрестанно смерть к себе зову...

Но если шах действительно мне друг,
Он, может быть, поймет, что мой недуг

Тем более жесток, что милый мой
Еще поныне не оплакан мной.

И если б, как обычаи велят,
Я, завернувшись в черное до пят,

Здесь труп его оплакать бы могла
И скрытой скорби выход бы дала,

То, душу от печали облегчив,
Я жить могла б, недуг свой излечив...

Шапура в цепи заковал Хосров;
Освободи Шапура от оков —

И я с людьми туда пошлю его,
Где брошен труп Фархада моего.

Он привезет его ко мне — и я
Свою очищу совесть, Шируйя,

И, выплакав свою любовь к нему,
Покорной стану шаху моему.

А твой отказ — он приговор твой, шах,
Тогда меня получишь мертвой, шах!..»

Гонец понес царю, ликуя, весть.
Услышав от гонца такую весть,

Был счастлив Шируйя, повеселел —
И выпустить Шапура повелел.

Шапур пришел к Ширин и весь в слезах
Ниц распростерся перед ней во прах.

И вся слезами залилась Ширин —
Фархада вспомнила тотчас Ширин.

Настолько встреча их горька была,
Что почернело небо, как смола.

Но жалоб сердца отшумел поток,—
Настал для разговора дела срок:

Убрав тигровой шкуры паланкин,
Дала Ширин Шапуру паланкин

И, двести человек в охрану дав
И пышность царских похорон создав,

Отправила весь караван туда,
Где смеркла навсегда ее звезда...

Шапур с людьми ушел — и там, в горах,
Нашел того, кто рушил горы в прах

И кто теперь горою бедствий сам,
Мертв, недвижим предстал его глазам.

Не как гора! — зверями окружен,
Лежал как средоточье круга он.

Но звери разбежались от людей;
И люди стали на места зверей,

И на носилки возложили труп,
И шелком и парчой покрыли труп,

И почести, как шаху, оказав
И, плача, на плеча носилки взяв,

Печалью безутешною горя
И щедро благовоньями куря,

Так до дворца Ширин они дошли,
Фархада тайно во дворец внесли,

В ее опочивальне уложив
И ей затем, печальной, доложив..

Когда Ширин узнала, что такой
Желанный гость доставлен к ней в покой,

Она возликовала, как дитя,
Лицом в тот миг, как роза, расцветя.

Не только на лице, в ее душе
Следов страданья не было уже.

И, с места встав, легка и весела,
С ликующим лицом к Бану пошла

И так сказала: «Прибыл друг ко мне.
Хочу проститься с ним наедине.

Часы свиданья быстро пробегут,—
Пускай меня хоть раз не стерегут...»

И, разрешение получив, она
К себе в покой отправилась одна,

Решив достойный оказать прием
Возлюбленному во дворце своем.

«Он умер от любви ко мне — и вот
Мне верность доказать настал черед.

В своем решении до конца тверда,
Не окажусь я жертвою стыда.

Сердечно гостя милого приму:
Я жизнь свою преподнесу ему!

Но совесть лишь одно мне тяготит,
Один меня гнетет предсмертный стыд,

Одну ничем не искуплю вину,—
Удар, который нанесу Бану!..»

Омыв от жизни руки, в свой покой
Ширин вступила твердою ногой.

Покрепче изнутри закрыла дверь
И, не тревожась ни о чем теперь,

С улыбкой безмятежной на устах
Направилась к носилкам, где в цветах,

В парче, в шелках желанный гость лежал,
Как будто сон сладчайший он вкушал.

Но сон его настолько был глубок,
Что он проснуться и тогда б не мог,

Когда бы солнце с неба снизошло
И, рядом став, дотла б его сожгло!

Залюбовавшись гостя чудным сном,
Столь сладостным и непробудным сном,

Ширин глядела — и хотелось ей
Таким же сном забыться поскорей,

И с милым другом ложе разделить,
И жажду смерти так же утолить.

Свою судьбу в тот миг вручив творцу,
Она — плечо к плечу, лицо к лицу —

Прижалась тесно к другу, обняла —
Как страстная супруга обняла —

И, сладостно и пламенно вздохнув,
С улыбкой на устах глаза сомкнув,

Мгновенно погрузилась в тот же сон,
В который и Фархад был погружен...

О, что за сон! С тех пор как создан свет,
От сна такого пробужденья нет!

Пресытиться нельзя подобным сном,
Хоть истинное пробуждение — в нем!..

* * *

Покрепче, кравчий, мне вина налей!
С возлюбленной я обнимусь своей.

Мы будем спать, пока разбудит нас
Дня воскресенья мертвых трубный глас!

Глава LII

БАХРАМ ВОССТАНАВЛИВАЕТ МИР В СТРАНЕ АРМЕН

Смерть Михин-Бану. Сон сорока отшельников. События в Китае.

Бахрам отправляется на поиски Фархада.

Плач Бахрама на могиле Фархада. Шируйя возмещает убытки от войны.

Всенародный сход армян. Новый царь.

Бахрам и Шапур поселяются отшельниками вблизи гробницы Фархада

Кто плачем дом печали огласил,
Напев такой вначале огласил.

* * *

Михин-Бану, вся свита и родня
Напрасно ждали до исхода дня,

А все не возвращался их кумир.
И вечер опустил покров на мир,—

Ширин не шла... И, потеряв покой,
Направились они в ее покой.

Хотели дверь открыть — и не могли,
И выломали дверь, и свет зажгли,

И, занавес парчовый отвернув,
Оцепенели все, едва взглянув:

Фархад на ложе не один лежит,—
С Фархадом рядом и Ширин лежит

И друга обнимает горячо,
Прижав к лицу лицо, к плечу плечо.

Но, как Фархад, бестрепетна, нема,
Ширин, увы, была мертва сама!

Разлуке долгой наступил предел,—
Им выпал вечной близости удел...

Тела их бездыханные слились,
Как с гибкою лианой кипарис.

Но, мертвой увидав свою луну,
Могла ль снести удар Михин-Бану?

Сама пресытись жизнью в этот миг,
Стон издала она — не стон, а крик.

И сотрясла, смутила небеса,
И душу отпустила в небеса.

Всю жизнь она одной Ширин жила,
Скажи, что жизнь ее — Ширин была,—

И потому, Ширин лишась, она
Была мгновенно жизни лишена.

Вслед за душой ли вырвался тот стон,
Иль вылетел с душою вместе он?

Но пальма жизни сломана была,—
В веках лишь стебельком она была!

О дивная, о благодная смерть!
О, если б нам столь сладостная смерть!

* * *

Листы времен листая как-то раз,
В них обнаружил я такой рассказ:

Когда благодаря своей любви,
Неслыханной среди людей любви,

Прославился Фархад, и слух о нем
Распространялся дальше с каждым днем,—

То и в Китай, страну его отцов,
Проникла эта весть в конце концов.

А там — судьба, верша свои дела,
Немало перемен произвела.

Отец Фархада умер вскоре, мать
Ушла за ним — зачахла с горя мать.

И так как сына был хакан лишен,
То младший брат его взошел на трон.

И стал при нем начальником войскам
Сын Мульк-Ары, Фархада друг — Бахрам.

Он, доблестью прославясь, был таков,
Что стал акулой грозной для врагов...

Фархада он вполне достоин был,
И весь Китай при нем спокоен был.

Но сам он потерял давно покой
И, по Фархаду мучимый тоской,

О нем расспрашивать не уставал
Всех, кто из дальних странствий прибывал...

Когда же слух о нем — не слух, а шум! —
Уже и в Индустан дошел, и в Рум,

То чрез бродяг-дервишей и купцов
Проник в Китай тот слух в конце концов.

Принес Бахрам хакану эту весть:
«На западе, мол, государство есть —

Армен ему название. Этот край —
Прекраснее Ирема, сущий рай.

Там гурия живет — и, говорят,
Сошел с ума, в нее влюбясь, Фархад.

И если б соблаговолил хакан,
Повел бы я войска в страну армян,

Фархада б разыскал, помог ему,
А не нашел бы — так и быть тому...»

Хакан подумал: «Если слух не лжив,
То вряд ли все же мой племянник жив.

Но мне опасен может стать Бахрам.
Пусть он идет и пусть погибнет сам...»

Он разрешение дал Бахраму... Тот
Собрал войска и двинулся в поход.

Двойные переходы делал он,
На запад шел все дальше смело он,

И на страну армян — настал тот день! —
От войск его упала счастья тень.

Здесь истина ему открылась, здесь
Он разузнал и ход событий весь,

И, пламенной скорбью обожжен,
Направился к гробнице друга он.

Бахрам одним утешиться бы мог —
Был в горе он своим не одинок:

Фархада тот народ не забывал,
С его печалью он свою сливал...

Узнав, что друг был у Фархада там,
Велел Шапура пригласить Бахрам.

Пришел Шапур скорбящий — и вдвоем
Они о друге плакали своим.

А над гробницей так Бахрам вопил,
Что землю жаром скорби растопил.

Лицом припал к изножью гроба он,
И весь дрожал, как от озноба, он

И восклицал: «Фархад! Мой друг, мой брат!
Мою надежду ты унес, Фархад!

О, лучше б слепота глазам моим,
Чем увидеть Фархада мне таким!

Язык мой вырван из гортани будь,
Чтоб не сказал тех слов когда-нибудь!

Где с огнедышащим драконом бой,
Где с Ахриманом разъяренным бой?

Где меч твой, рассекавший ребра гор?
Где сотрясавший стены шестопер?..

Но ты устал, Фархад! Ты погружен,
Оказывается, в слишком крепкий сон!

Очнись же наконец, глаза открой, —
Пришел к тебе твой друг, товарищ твой.

Потряс я воплем небеса! Проснись!
Весь мир в огне! Открой глаза! Проснись!

Ты спишь!.. Так, значит, правду говорят,
Что сон и смерть — одно?.. Ты мертв, Фархад?!

Был у тебя такой, как я, слуга,
А ты погиб от подлого врага!

О, если б за тебя мне жертвой лечь!..
Но если обнажить возмездья меч —

И если страны недругов твоих
Опустошить, сровнять бы с прахом их,

Обрушить горы в море, чтоб вода
Их степи залила и города

И чтоб водовороты лишь одни
Напоминали, что в былые дни

Стояли минареты здесь, и вот —
Все стало навсегда добычей вод...

Нет, нет! Ведь если, мстя за кровь твою,
Кровь сотен тысяч я теперь пролью,—

К чему мне кровь такая?! Все равно
Твой дух обрадовать мне не дано!

А если так — кушак и меч к чему?
И в жгучих мыслях душу сжечь — к чему?

И латы и кольчуга — для чего?
И лук и щит без друга — для чего?

Героем как считаться мне теперь?
Как ездить мне на скакуне теперь?

Как на пиру теперь веселым быть,—
С каким же сердцем стану чару пить?

Клянусь, что без тебя, о мой Фархад,
Мне пир не в радость, а вино мне — яд!

Мое вино — боль укоризны, скорбь,
Одно мне остается в жизни — скорбь!..

Иль самому мне булавой своей
Покончить с бедной головой своей?..»

Так он рыдал, Бахрам так причитал,
И весь народ там плакальщиком стал.

* * *

Уняв печаль, поцеловал он прах
И, выйдя, начал думать о делах.

Он к Шируйе послал приказ, чтоб тот
Пришел — и личный дал во всем отчет:

«Коль зла не делал другу моему,
Его с почетом, с лаской я приму;

А коль уверюсь я в его вине,—
То буду знать, что надо делать мне!..»

Испуг напал на шаха Шируйю,—
За голову боялся он свою.

И Шируйя Шапура пригласил —
Заступничества у него просил:

«Свидетелем да будет честь твоя:
В крови Фархада неповинен я.

Его убийцу я казнил потом,
Хотя он был моим родным отцом.

Об этом ты Бахраму доложи,
Без кривотолков, прямо доложи,

Скажи, что я готов служить ему
И власть его покорно я приму.

Одну лишь милость да проявит он —
От встречи с ним пускай избавит он.

Уговори его — и я тогда
Твой друг и раб до Страшного суда!..»

Шапур исполнил просьбу — и Бахрам
Сказал: «На это я согласье дам.

Однако же армянская страна
Хосровом так, увы, разорена,

Народ такие пытки претерпел,
Такие он убытки потерпел,

Что даже и прикинуть трудно мне,
Какой понес ущерб он на войне.

Да будут все убытки сочтены —
И Шируйей сполна возмещены.

Когда он ублаготворит армян,
Тогда его я выпущу в Иран,

Однако пусть сначала присягнет,
Что столько же оттуда он пришлет...»

Почел за милость Шируйя приказ,
Казну свою опустошил тотчас —

И весь ущерб, что принесла война,
Армянам тут же возместил сполна.

А возвратясь в Иран, как присягал,
Он без задержки столько же прислал...

* * *

Бахрам велел созвать народный сход
И спросил армянский весь народ:

«Фархада ради кто из вас терпел
Парвизов гнет и разоренье дел?

Кто потерпел ущерб — скажите мне,
И радуйтесь: я уплачу вдвойне».

В ответ на речь его со всех сторон
Раздался шум смятенья — плач и стон:

«О, за Фархада все молились мы!
Стать жертвой за него стремились мы!

Скорбим поныне мы всегда о нем
И эту скорбь деньгами не уйдем!..»

Бахрам назначил счетчиков, вдвойне
Плативших пострадавшим на войне.

И заложить затем решил Бахрам
Основу и величье царства там.

Он вызвал всю родню Михин-Бану,
Нашел среди них ровню Михин-Бану:

Достойный муж, светило меж светил,
Кто мудростью Бану превосходил.

Его, как падишаха, на престол,
Герой Бахрам торжественно возвел,

Дабы народу в государстве том
Стал мудрый муж покровом и щитом;

Дабы, держась державных правил там,
По справедливости он правил там;

Чтоб заново страну отстроил он,
Ее богатства чтоб утроил он.

Народам и державам — там расцвет,
Где справедливость есть, где гнета нет!..

И, это все царю армян внушив
И так устройство царства завершив,

Китайские войска созвал Бахрам
И роздал всю свою казну войскам,

Сокровища и деньги роздал всем
И начал с извиненья речь затем:

«Со мной столь трудный совершив поход,
Перенесли мы множество невзгод,

Теперь вернитесь к семьям, по домам,
К своим хозяйствам и к своим делам,

Хакану так скажите обо мне:
«Нашел Бахрам Фархада в той стране,

Обрел теперь Бахрам к блаженству путь,
Прости, хакан, здоров и счастлив будь!»

* * *

Бахрам, такую речь войскам сказав
И путы связей с миром развязав,

От праха мира отряхнул подол,—
К Фархадовой гробнице он ушел.

А с ним — Шапур. Вблизи нее в те дни
Отшельниками зажили они.

Так этот путь смирения стал для них
Желанней всех богатств и царств земных...

Примеру их последуй, Навои,
Осуществи желания свои!

* * *

Мне чару униженья, кравчий, дай!
Вина уничтоженья, кравчий, дай!

Быть может, ощутив его во рту,
Я тот же путь спасенья обрету!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Быстробегущий небосвод, внимли!
Покоя алчет слабый сын земли.

Лекарство дай от робости моей,
Избавь меня от клеветы людей.

Коварный недруг чтобы не вонзал
Мне в сердце сотни ядовитых жал,

Чтоб, превратясь для стрел обид в мишень,
Мозг не гудел, как улей, целый день;

Чтоб сердца разоренная страна
Мир обрела, была возрождена.

Пусть расточитель и завистник-плут
Сочувствия у шаха не найдут.

Пускай не валит на меня вины
Тот, чьи поступки каждому видны.

Пусть на мои страданья взглянет шах —
И милостив ко мне да станет шах.

Чтоб радости не ведал клеветник,
Чтоб радости моей расцвел цветник!

Чтобы в течение суток каждый час
Я мог вздохнуть свободно хоть бы раз;

И сердце застучало бы ровней
И не сжималось так в груди моей;

Калам в руке старательней бы стал,
Я сам к словам внимательней бы стал.

И если б я очистить чувства мог,
Поднять бы и свое искусство мог.

И если счастья моего звезда
Не станет мне завидовать тогда,—

Пусть от людей я буду в стороне,
Покой да предоставлен будет мне.

Все должности с меня да снимет шах,
Чтоб я стихи слагал не впопыхах,

Пусть я у шаха иногда найду
И благосклонность к своему труду.

Я — не Хосров, не мудрый Низами,
Не вождь поэтов нынешних Джами,

Но так в своем смирении скажу:
По их стезям прославленным хожу.

Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Гянджу и Рум;

Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан;

Пускай на весь Иран поет Джами,
В Аравии в литавры бьет Джами,—

Но турки всех племен, любой страны,
Все турки мной одним покорены!*

Я войск не двигал для захвата стран,
Но каждый раз я посылал фирман.

Скажи: писал я дарственный диван
Не так, как государственный диван —

И от Ширази до степей туркмен,
От Хорасана до китайских стен,—

Где б ни был тюрк,— под знамя тюркских слов
Он добровольно стать всегда готов...

И эту повесть горя и разлук,
Страстей духовных и высоких мук

Писал я вдохновенно день за днем
На милом сердцу языке родном.

О боже мой, тебе — моя хвала!
Твоя десница мой калам вела

И не закрыла книгу дней моих,
Пока не прозвучал последний стих!..

Год написанья книги: восемьсот
И восемьдесят девять. Дни не в счет*

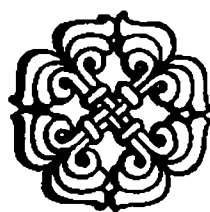
* * *

Побольше чару, кравчий! Поспешь,—
Чтоб друг поднес друзьям от всей души.

Полней налей,— хоть миг передохну:
Стоянки я достиг — передохну!

Комментарии

ФИРДОУСИ «ШАХ-НАМЕ»

Рассыпаются стены дворцов расписных
От знойных лучей и дождей проливных,
Но замок из песен, воздвигнутый мной,
Не тронут ни вихри, ни грозы, ни зной.

Это строки из поэмы великого поэта X века — Абулькасима Фирдоуси. Время подтвердило его слова: вот уже 1000 лет его творение — поэма «Шах-наме» — восхищает и радует читателей.

Поистине неувядаема популярность поэмы. И это не удивительно: высокое поэтическое мастерство, мудрость и простота, богатство содержания в сочетании с искусством рассказчика покоряют любого читателя.

О чем только не рассказывает «Шах-наме»! Цари справедливые и царь-угнетатель с растущими из плеч змеями. Подвиги богатырей, их любовь к родине, их независимый дух. Неисчерпаемы в своем разнообразии описания битв. Война во всей ее неприкрытой жестокости. Искусство управления страной. Охоты, пиры, состязания в мудрости. Труды и бедствия народа, его обычаи и праздники. Восходы и закаты, по утверждению специалистов, 366 раз описанные поэтом и всякий раз по-новому. Галерея пленительных женских образов. Ткани, благовония, драгоценные камни. Старинная роспись и музыка. Гимны Разуму, Знанию, Слову. Всего не перечесть. И по всему тексту эпоса разбросаны авторские отступления, в которых проглядывает живой облик поэта. То философские раздумья, то прославление красоты мира, то щемящая грусть, то простая человеческая забота, жалобы на бедность, старость, утраты... И все это разнообразие тем, образов, сюжетов, проникнутое внутренним единством, составляет единое стройное произведение.

Работе над ним поэт посвятил более тридцати лет. Поэма, не давшая своему творцу при жизни ни богатства, ни почестей, принесла ему бессмертную славу. Недаром имя поэта — старинные хроники именуют его «мудрец Абулькасим Фирдоуси из Туса» — окружено на Востоке легендами. Одна из них, приведенная в предисловии к древней рукописи «Шах-наме», стала широко известна в Европе, особенно после того, как Генрих Гейне пересказал ее в своей балладе «Поэт Фирдуси».

Вот этот рассказ о могущественном повелителе Газны — султана Махмуде, слывшем покровителем наук и искусств, при дворе которого было немало блестящих придворных поэтов, — и поэте Фирдоуси из Туса. Махмуд, завладевший после падения династии Саманидов сначала Хорасаном, а потом и всем Восточным Ираном, заказал Фирдоуси написать поэтическое переложение истории Ирана. Он обещал заплатить по золотому за каждое двустишие. Через тридцать лет Фирдоуси вручает султану свою поэму. Султан заплатил — но не золотом, а серебром. Фирдоуси тут же разделил все на три части: одну отдал гонцу, доставившему серебро, вторую — банщику (гонец застал его выходящим из бани), а третью — продавцу прохладительных напитков. После такого жеста поэту пришлось срочно скрыться из владений султана. Прошли годы... Поэт после долгих скитаний решает наконец вернуться в родной город. Имя его под запретом при дворе султана. Как-то раз визирь двора процитировал в присутствии султана Махмуда строки из «Шах-наме». Султан восхитился их красотой. «Чей это стих, умножающий мужество?» — спросил он. Услышав имя опального поэта, он раскаялся и послал ему караван с богатыми дарами. Но в то время, когда караван входил в одни ворота города, в другие ворота выносили погребальные носилки с телом Фирдоуси.

Такова легенда. Существует множество ее вариантов и дополнений, во многом противоречащих друг другу. Согласно одному из них, например, деньги, обещанные царем Махмудом, Фирдоуси предполагал употребить на постройку плотины, необходимой его землякам. Надежных сведений о Фирдоуси не было, а любовь и интерес к нему в народе были очень велики — его имя и обросло преданиями.

Но есть один источник, на который мы можем положиться. Это — сама поэма. Тщательное изучение всего, что Фирдоуси говорит об истории создания «Шах-наме», всех, даже незначительных и беглых упоминаний о его жизненных обстоятельствах, о возрасте и прочем, сопоставление всего этого между собой и с известными историческими фактами помогло современным исследователям отделить в рассказах о Фирдоуси правду от вымысла и получить те немногие сведения о его жизни, которыми мы теперь располагаем.

Такое исследование стало возможным лишь недавно — до последнего времени не существовало достоверного текста «Шах-наме». Рукописи «Шах-наме» существенно отличаются одна от другой, даже число строк в разных рукописях колеблется от сорока до восьмидесяти тысяч двустиший. Средневековые переписчики внесли в текст поэмы много искажений — выбрасывали целые эпизоды или, по требованию заказчика, вставляли куски из других произведений; устаревшие слова и выражения иногда переписывались неверно и после нескольких переписок изменялись до неузнаваемости. А ведь древнейший список поэмы отделен от времени ее написания более чем двумя веками.

При изданиях поэмы ученые не раз делали попытки очистить текст Фирдоуси от ошибок и наслоений. Было обнаружено несколько мест, вставленных в поэму позднее. Но рукописи, которые слыхались при этом, были все не старше XV века. И только недавно советские ученые подготовили научно достоверный критический текст «Шах-наме». Для подготовки этого текста была впервые использована самая древняя рукопись и арабский прозаический перевод, который даже старше этой древнейшей рукописи.

Этот арабский перевод «Шах-наме» (1218—1227) был первым из переводов

эпопеи; за ним последовали грузинский (XV в.), турецкие (XVI—XVII вв.), узбекский, хиндустани и другие.

В конце XVIII века в Англии появился первый европейский перевод части поэмы. В XIX веке были изданы выполненные белым стихом или прозой переводы и пересказы различных частей «Шах-наме» на немецком, итальянском, французском языках.

Немецкий поэт Ф. Рюккерт перевел один из эпизодов «Шах-наме», который стал известен русскому читателю в вольном переводе В. А. Жуковского («Рустем и Зораб»). В начале XX века (1905 г.) вышел перевод С. Соколова. В 1934 году в Москве (издательство «Academia») вышли переводы М. Лозинского, после войны — переводы В. Державина и других.

С 1957 года издательство «Наука» публикует первый полный поэтический перевод эпопеи в шести томах. В настоящее время выпущено четыре тома (перевод Ц. Бану).

Что же нам известно об авторе «Шах-наме»? Сам он нигде не называет своего имени. «Фирдоуси» — это псевдоним, тохаллус — означает «райский», «Абулькасим» — то есть «отец Касима» — это «кунья», почетное прозвище.

Фирдоуси был дехканом, потомственным аристократом-землевладельцем. Родился он в селении Баж близ города Туса, одного из крупнейших культурных центров того времени. Именно в Тусе была создана «Большая Шах-наме» — прозаическая историческая хроника, из Туса происходил поэт Дакики, предшественник Фирдоуси.

Фирдоуси был широко образованным человеком, он был хорошо знаком с арабской и пехлевийской литературой, с современной ему и древней поэзией. Живо интересуясь историей родной страны, он был знатоком старинных народных легенд и преданий.

Фирдоуси хорошо понимал силу поэтического слова. И он мечтал воплотить в стихах историю своей родины.

...Совета у многих просил я не раз,
Превратностей рока невольно страшась.
Быть может, гостить уж недолго мне тут,
Придется другому оставить свой труд.
К тому же я верных достатков лишен,
А труд мой — ценителя сыщет ли он?
В ту пору повсюду пылала война;
Земля для мыслителей стала тесна.
В сомненьях таких день за днем проходил...

Три десятилетия продолжался титанический труд. Уходили из жизни друзья, помогавшие поэту, смуты и междоусобицы раздирали страну. Подкрадывалась старость, бедность, болезни. Друзья стремились помочь Фирдоуси, добились освобождения его от уплаты налогов. Но все же пришло время, когда холодной зимой у него не было дров, не хватало солонины и даже ячменного хлеба — пищи бедняков. Умер единственный сын, последняя опора в старости. Но испытания не сломили дух поэта:

И даже из бедствий, что шлет ему рок,
Мудрец извлечет благодатный урок.

Так учит Фирдоуси, и слова его подтверждаются всей его жизнью.

Начинается «Шах-наме» — после краткого традиционного в средневековые обращения к богу — восхвалением Разума. (Оно приведено в нашем издании.)

Затем идет рассказ о сотворении четырех стихий, из взаимодействия которых последовательно возникла вселенная — небеса и земля, моря и горы, потом — растения и животные и, наконец, сотворен человек, последнее, высшее звено в цепи мироздания.

Далее рассказывается о династии первых «царей человечества». Вся эта часть восходит к древнейшим космогоническим мифам.

Каждое новое царствование символизировало очередную ступень перехода человечества от первобытного состояния к вершинам цивилизации.

Вот пришел первый царь — Кеюмарс. Он стал носить одежду из звериных шкур и научил этому людей. «С тех пор стали люди умнеть и умнеть...»

Но тут в действие вступает дух зла — Ахриман и начинается извечная борьба добра и зла, тема которой проходит через всю поэму.

В основу «Шах-наме» положены воззрения доисламской религии Ирана — зороастризма (по имени пророка Заратустры, греч. Зороастр). Согласно ему, в мире постоянно сражаются два духа-близнеца: Ормузд (Ахура Мазда) — Дух Премудрый, источник добра и света, и Ахриман (Ангра Манью) — Злой Пысел, владыка зла и мрака. Человек — главное средоточье борьбы света с тьмой, в его бессмертной душе ведется борьба доброго и злого духов, от исхода которой зависит будущее всей вселенной.

Заратустра был великим поэтом, его песнопения — «гаты» — вошли в Авесту, священную книгу зороастрийцев. В ней предписывалось почитание священного огня, как символа вечного света Ормузда, поэтому последователей этой веры часто именуют «огнепоклонниками». Священный огонь в храмах поддерживали жрецы, разделявшиеся на три класса: высшее жречество — дастуры, обычные жрецы — мобеды и их прислужники — гербады.

Итак, вернемся к поэме. Ахриман и его слуги — всяческая нечистая сила — начинают борьбу с силами добра. Сын Ахримана, Черный Див, убивает прекрасного юношу Сиамека, сына царя Кеюмарса, любимого всеми людьми. У Сиамека был маленький сын — Хушенг. Когда Хушенг вырос, он вышел против бесовского полчища и победил Черного Дива.

Став царем, Хушенг научил людей добывать металл, делать орудия, рыть каналы и выращивать хлеб; а главное — он открыл секрет добывания огня.

Его наследник, Тахмурес, казалось, окончательно победил Ахримана. Он разбил его войско, и бесы, чтобы спасти свою жизнь, открыли Тахмуресу великую тайну — тайну письма.

Следующий царь — Джемшид (Джамшид, Джем). Он научил людей всем знаниям, наукам и ремеслам. При нем настал золотой век. И тут Ахриман, проигравший в открытой борьбе, начинает действовать исподтишка. Он внушил Джемшиду непомерную гордыню. За это Ормузд отвернулся от него, и Джамшид лишился всего своего могущества. Царь, переставший быть служителем добра, потерял любовь своих подданных.

В стране начались смуты, междоусобицы, борьба за власть... Престолом завладел царь-иноземец Зоха́к. Джемшид, лишенный защиты Ормузда и поддержки подданных, был предан страшной казни. А вдова Джемшида скрылась в горах, где родился мальчик по имени Фериду́н.

Ахриман сумел завлечь Зохака. Он сделал так, что из плечей царя выросли две страшные змеи. Каждый день Зохак отдает на съедение змеям двух юношей. Вот каким способом придумал Ахриман истребить человеческий род!

Знать не решалась прекословить царю-дракону. Но против Зохака поднимает восстание человек из народа — кузнец по имени Каве (Кава). Он вздел на копье свой кожаный передник и с этим «знаменем» пошел впереди восставшего народа.

Царевич Феридун возглавил войско, и все двинулись войной на Зохака.

Так кончилось владычество Зохака. Феридун стал царем «над всем миром». А кожаный передник кузнеца, украшенный парчой и драгоценными камнями, стал с тех пор наследственным знаменем иранских царей.

Образы героев этих преданий часто используются в дальнейшем тексте поэмы. Имя Джемшида служит символом идеального царя и в то же время предостережением от излишнего самомнения и гордыни; образ Зохака — символом захватчика-угнетателя, а с именем кузнеца Каве всегда было связано представление о борьбе народа за свое счастье и независимость.

Состарившись, царь Феридун разделил землю между тремя своими сыновьями. Старшему сыну, Сельму, достался Запад (Рум), Туру — Восток (Тура́н и Чин — Китай), а младшему, самому достойному сыну, Иреджу, достался лучший удел — Иран.

Во времена Фирдоуси Тураном называли территории Среднеазиатских степей за Амударьей, населенные кочевниками-тюрьками. Но Туран древних преданий нельзя смешивать с этим историческим Тураном. Туран в «Шах-наме» — это страна, доставшаяся Туру, главный враг Ирана, страна, как бы подвластная Ахриману.

Тур и Сельм прониклись завистью к Иреджу. Иредж не захотел воевать со старшими братьями и готов был уступить им царство ради сохранения мира. Благородство молодого царя еще больше распалило их злобу, и они тайно убили его. За смерть Иреджа Сельму и Туру отомстил Менуче́хр, его внук.

Так началась великая война между Ираном и Тураном. Этой войне посвящена следующая часть поэмы. Это так называемый дружинный эпос, или «богатырская» часть «Шах-наме».

Ее основу составил богатый эпос Восточного Ирана. Здесь описывается борьба богатырей Ирана с враждебными полчищами Турана, которые возглавляет царь Афраси́аб (Афрасьяб). Афрасиаб находится в полной власти Ахримана, только изредка ему удается на время освободиться от влияния злой силы (как это показано в сказе о Снаву́ше (Сиявуш), приведенном в настоящем издании с некоторыми сокращениями).

Эта часть, изобилующая эпизодами, полными острого драматизма, заканчивается победой иранцев и гибелью Афрасиаба.

Третья, «историческая», часть «Шах-наме» получила такое название, потому что предания, использованные в ней, связаны с реальными историческими событиями и лицами.

Точных сведений о последних годах жизни Фирдоуси у нас нет. Мы знаем, что,

когда он закончил работу над книгой, династия Саманидов уже была свергнута. Хорасаном и Газной правил султан Махмуд — сын тюркского раба Саманидов, ставший сначала военачальником, а потом — полновластным хозяином Хорасана и всех областей к югу от Амударьи.

Поэма Фирдоуси не понравилась Махмуду, все в ней было ему чуждо — и восхваление древних иранских царей, и антитуранские тенденции, и представления о необходимости законного наследования власти, и глубокая народность поэмы.

Она рассказывает о простых людях, благородством и бескорыстием превосходящих вельмож и купцов, о жене садовода, удержавшей царя Бехрама от жестоких поступков, о величии труда земледельца, о том, что главное в жизни — это правда:

Ведь царь Феридун был не Духом Святым,
Не амброй, не мускусом — прахом простым.
Он щедростью, правдой достиг высоты,
Будь праведен, щедр — с ним сравнишься и ты...

Свою долгую жизнь Фирдоуси закончил в родном городе Тусе. Много можно сказать о творчестве Фирдоуси, но мы приведем здесь лишь слова самаркандского поэта Арузи, посетившего могилу Фирдоуси через 100 лет после его смерти: «И поистине ничего не осталось несказанным... И в чистоте стиха он достиг чистоты текущей воды. И есть ли у какого другого таланта подобная сила, чтобы поднять слово на такую высоту, как это сделал он...»

Во всех трех сказах, выбранных для настоящего издания, в полной силе проявились гений и мастерство Фирдоуси. Читателю запомнятся стойкий в испытаниях, трогательно чистый Сиявуш, отважная самоотверженная Менижé, пылкий юноша-богатырь Бижén, готовый отдать жизнь за друга Гостехém, мудрый и человечный Пирán и его антипод, олицетворение злобы и коварства — Герсивéз. С особенной любовью изображен первый богатырь Ирана Ростем (Рустам), гроза врагов на поле битвы, но преданный и великодушный друг, не допускающий личной мести и злопамятства (вспомним удивительную сцену у колодца перед освобождением Бижена).

Века, пронесшиеся над царь-книгой, не заставили потускнеть образы ее героев. Они предстают перед нами яркими, живыми, как те фрески, современницы древних событий, что были найдены в наши дни при раскопках в Пенджикéнте и Афрасиабе.

Великий старец из Туса по праву мог сказать о себе:

Я жив, не умру — пусть бегут времена,—
Недаром рассыпал я слов семена.
И каждый, в ком сердце и мысли светлы,
Почтит мою память словами хвалы.

СЛОВО О РАЗУМЕ

Стр. 13. Д а р в ы с ш и й и з в с е х , ч т о п о с л а л н а м И з е д...—
И з é д (Йездán) — божество. Фирдоуси называет так Ормузда.

РУСТАМ И СУХРАБ

Стр. 16. Я, от диккан слыхав про старину, Из древних сказов быль соткал одну...— В современном языке слово дикáн (дехкáн) означает «земледелец». А во времена Фирдоуси так называли представителей потомственной земельной аристократии. В завоеванной арабами стране дехкане, некогда могущественное сословие, стали постепенно терять бывшее экономическое и политическое значение. В большинстве своем дехкане были настроены оппозиционно к арабизированным правящим кругам Ирана. Они оставались хранителями национальных традиций. Поэтому в дехканской среде были широко распространены предания и легенды о прежнем величии страны, о подвигах древних богатырей, потомками которых считали себя дехкане. Начиная новый дастан, Фирдоуси обычно ссылается на рассказ неизвестного сказителя — дехкана; в большинстве случаев такая ссылка представляет собой литературный прием, как бы обрамление новой, самостоятельной истории.

Стр. 16. Открыл Рустаму как-то муж молитвы...— здесь имеется в виду мوبед, жрец зороастрийского культа.

Стр. 16. На Рахша сел. И конь, как слон могучий...— Рахш (Рехш) — «огненный», «сияющий» — кличка коня Рустама (Ростема).

Стр. 16. Зарделся лик дарителя корон...— Так в «Шах-наме» назван Рустам, с помощью которого был возведен на трон Кей-Кубад (Кей-Кобад), родоначальник династии каянидов, отец царя Кей-Кавуса.

Стр. 17. Слоновотелый — Рустам.

Стр. 18. Тахамтáн — «Мощный телом», «Могучий» — почетное прозвище Рустама.

Стр. 18. Таков закон дворца, где правит зло...— Дворцом здесь названа земная жизнь.

Стр. 18. И всех вельмож — носителей кулаха...— Кулáх — конусообразная шапка, украшенная драгоценными камнями, — был при шахском дворе признаком знатности.

Стр. 19. Найдем мы Рахша, пахлавана вселенной! — Пахлавáн — богатырь. Почетное звание «пахлавана вселенной», то есть первого в мире богатыря, носит в «Шах-наме» Рустам.

Стр. 20. Лишь стража ночи первая сменилась...— За ночь трижды сменялась дворцовая стража.

Стр. 21. Она рубином перлы прикрывала...— Губы ее были цвета рубина, а зубы белы, как жемчуг.

Стр. 24. Пусть будет в Сама ростом и дородством, в Нейрама мужеством и благородством...— Сам — дед Рустама; Нейрáм (Нейрém), или Наримáн (Нериман) — отец Сама.

Стр. 24. Не рассказал, ушел в Забулистан.— Забулиста́н (Забу́л) — родовой удел Рустама. Другое название Забула — Сеистáн, Систáн.

Стр. 25. Со львом Дастаном и могучим Самом...— Да с т а н (Дестан) — «хитрость», «уловка» — второе имя Заля, отца Рустама. Вот откуда у него это имя: Заль родился красивым и здоровым мальчиком, но — с седыми волосами. («Заль» — в переводе означает «старик».) Сам был в ужасе: ребенок с волосами старика! Не зная, как истолковать такое знамение, Сам отнес ребенка к подножию высокой горы и оставил там. На горе жила волшебная птица Симург. Она вырастила мальчика со своими птенцами и назвала Дастаном, зная, что отец хотел избавиться от него хитростью. Сам, измученный тоской по сыну, отыскал его и вернул к себе.

Стр. 25. Он чудищ водяных изгнал из Нила...— то есть победил самых страшных чудовищ. Нил — могучая полноводная река, является здесь символом необъятной силы.

Стр. 27. Рустама возведу на Кеев трон...— Слово «кей» означает «царь», «владыка». У Фирдоуси оно используется обычно как титул. Вместе с тем «Кей» — составная часть имени шахов династии кеянидов, к которой принадлежит Кей-Кавус. Таким образом, «Кеев» или «кеянский» трон — наследственный трон шахов.

Стр. 30. Сухраб корабль свой на воду спустил...— образное выражение: Сухраб начал действовать.

Стр. 35. Кольчугу он и чинский шлем надел...— Чинский шлем — шлем из Чина, то есть из Китая.

Стр. 36. И, как Азаргушасп, ее настиг...— Азаргушасп (Азергошесп) — дух огня и молнии в древнеиранской мифологии.

Стр. 47. Чудовищ истребил Мазандерана, оковы разрубил Хамаварана...— Здесь вспоминаются прошлые подвиги Рустама.

М а з а н д е р а н (Мазендаран) — легендарная страна дивов, слуг Ахримана. Однажды Ахриман явился в образе певца к Кей-Кавусу и восхвалял перед ним Мазандеран до тех пор, пока легкомысленному царю не захотелось завоевать эту прекрасную страну. Несмотря на увещевания богатырей и советников, царь отправился в поход. Потерпев поражение, он попадает в плен к дивам. По просьбе пленного Кавуса Рустам пришел в Мазандеран, победил самых могучих дивов и драконов, спас Кавуса и всю страну.

Х а м а в а р а н (Хамаверан) — сказочное название Йемена. Кей-Кавус победил Хамаваранского царя и взял в жены его дочь Судабе. Победенный царь притворно примирился с Кавусом и пригласил его в свой замок. Судабе предостерегала мужа, но Кавус не слушал ее — и снова оказался в плену: во время пира царь Хамаварана обманом захватил Кавуса со всеми приближенными и заковал их в цепи. Узнав об этом, Афрасиаб (Афрасьяб), царь Турана, напал на Иран. Иранцы призвали на помощь Рустама. Рустам пришел со своим войском, победил многочисленных врагов и освободил Кавуса.

Стр. 47. Хвала премудрому Дастану-Саму...— Да с т а н и - С а м — сын Сама. Кей-Кавус славит Заля (Дастана), отца Рустама.

Стр. 53. Я даже не взглянул на царский трон, был мной обычай древний соблюден...— Рустам, первый в мире богатырь, ни

разу не захотел воспользоваться своим могуществом, чтобы захватить царскую власть. По древнеиранским представлениям, законный царь должен принадлежать к царскому роду и обладать фарром. «Фарр» — это незримый свет, который посылается законному владыке. Если не владеющий фарром захватит престол, он рано или поздно понесет за это наказание. Обладатель фарра станет царем, несмотря ни на какие препятствия; но за недостойные поступки фарр может покинуть царя и перейти к другому. В живописи фарр изображался в виде орла, сокола, барана или как ореол вокруг головы царя.

Стр. 54. С горы Албурз Кубада не привез бы...— Албурз (Альбурз, Эльбурз) — горная система в Иране по Южному побережью Каспийского моря.

Албурз занимает важное место в древнеиранской мифологии. Там место отдыха Солнца, Луны и созвездий. На Албурзе вырос царь Феридун, скрываемый матерью от преследований Зохака; там было гнездо птицы Симург, вырастившей отца Ростема — Заля; наконец, на Албурзе жил Кубад (Кобад), основатель династии кееидов. Ростем разыскал его и привел в Иран, пробившись через враждебные войска туранцев.

Стр. 54. И там я дива Белого убил...— Белый див был владыкой дивов Мазандерана.

Стр. 67. Над ним — слоном украшенное знамя...— Здесь имеется в виду военный штандарт, или «дракон». «Дракон» представлял собой сделанную из металла, обычно из серебра, голову животного с широко раскрытой пастью; «драконы» были украшены золотом, драгоценными камнями, пурпурными нашивками, сзади к ним прикреплялся хвост из ткани. Когда войско двигалось, воздух со свистом врывался в раскрытую пасть «дракона» и раздувал хвост, который при этом извивался в воздухе. Штандартом Туса была голова слона, штандартом Гударза (Гудерза) — голова льва (см. ниже).

Стр. 68. Звезда Кавы над тем шатром горит...— Здесь имеется в виду наследственное знамя иранских царей, сделанное, по преданию, из кожаного фартука кузнеца Кавы (Каве).

Стр. 74. Пусть не падет вовек звезда Руххама!..— Хаджир вспоминает своих братьев — Гива, Бахрама (Бехрама), Руххама (Роххама).

Стр. 77. Тураица, кроме сына Зали-Зара...— имеется в виду Рустам. Зали-Зар — «Седовласый старик» — отец Рустама.

Стр. 88. Утешь, о брат мой, сердце Рудабь!..— Рудабя — мать Рустама.

Стр. 100. Уйду я на чужбину, как Джамшид...— Джамшид бежал в горы от царя-дракона Зохака.

Стр. 102. До берега Джейхуна проводи...— река Джейхун — «бешеная» — средневековое название Амударьи, в «Шах-наме» означает границу между Ираном и Тураном.

Стр. 114. Сама одеждой синей облеклась...— Синий, белый, желтый и черный цвета — цвета траура.

Стр. 117. Жилище воздвиг для него среди роз... — то есть в саду. Дворец Сиявуша (Сиявуша) стоял в цветнике, саду.

Стр. 119. И мускус на гривах коней, и шафран — в торжественных случаях гривы коней умащались ароматическими веществами.

Стр. 121. Подарены трон, и кулах, и печать... и далее: ...несут наконец из золота цепь, и кушак, и венец... — Вернувшись к отцу, Сиявуш получает отличительные знаки принадлежности к высокому роду — кулах (см. примеч. к стр. 18), престол и печать, то есть перстень с печатью; но только после семилетнего испытания он получает от шахиншаха знаки, символизирующие царскую власть, — золотой пояс особой формы и венец — и сам становится правителем, царем.

Стр. 121. Сын в дар Кухистан получил от отца... Но Мавераннахром зовут в наши дни... — Кухистан — в переводе означает «Страна гор», арабы называли эти земли Маверайнахр, что значит «По ту сторону реки»; подразумевалось правобережье Амударьи.

Стр. 121. Как вдруг Судабе показалась в дверях... — Судабе (Судаба) — жена Кей-Кавуса, дочь Хамаверанского (Йеменского) царя.

Стр. 135. Воссев с бычьеглавой своей булавой... — Речь идет о легендарной палице царя Феридуна, украшенной головой быка. Эту палицу выковал по собственному «чертежу» царя кузнец Каве перед походом на Зохака. С тех пор она передавалась по наследству от царя к царю.

Бык был на Древнем Востоке символом мощи, поэтому головой быка, выкованной из металла, часто были украшены палицы воинов.

Стр. 138. Пришел, опоясан... — Опоясаться, опоясать себя — символическое и в то же время реальное выражение готовности к делу. Можно сопоставить это с русским выражением: «засучить рукава».

Стр. 140. Литавры и кимвалы разносится гром... — Литавры и кимвал (большой медный барабан) — знаки царской власти. Во время походов их везли на слонах. Ударами в кимвал давали сигнал к началу похода, атаки.

Стр. 143. Лишь первая треть темной ночи прошла... — Первая треть ночи соответствует первой смене ночной стражи (см. примеч. к стр. 20).

Стр. 148. К подножию трона его усадил... — Сиявуш как победитель сажает брата туранского царя «ниже» себя.

Стр. 157. Тус, правда, Ростема воинственной... — Следуя народной традиции, Фирдоуси неоднократно подчеркивает, что в Ростеме (Рустаме) сознание могучей силы сочетается с миролюбием, стремлением к миру.

Стр. 164. Приветствовал, рядом с собою сажал... — Афрасиаб, согласившись считать себя вассалом Кей-Кавуса, сажает его посланца, как равного, рядом с собой.

Стр. 174. Тур начал воинственный спор в старину...— Афрасиаб вспоминает начало вражды между Ираном и Тураном, признавая при этом вину Тура — своего предка, убившего своего брата, царя Иреджа. Принимая в Туране потомка Иреджа, Афрасиаб надеется восстановить справедливость, а с ней — золотой век на земле.

Стр. 177. Такой ни Кашмир, ни Кабул не видал...— города Кашмир в Индии и Кабул в Афганистане славились красотой женщин. Образ «кашмирского кумира» для обозначения прекрасной девушки часто используется в поэзии.

Стр. 189. И землю хазаров мечом покорил...— Упоминание о земле хазаров является здесь анахронизмом. Образование хазарского царства историки относят к середине VII века нашей эры, а описываемые действия происходят примерно в VI—IV веках до нашей эры.

Стр. 201. Рожденный Пешенгом...— Пешэнг — отец Афрасиаба и Герсивеза (Гарсиваза).

Стр. 203. Хоть перстень достанься ему, хоть венец...— пусть Сиавуш даже станет царем в Иране, лишь бы ушел из Турана. Перстень и венец — символы царской власти.

БИЖЕН И МЕНИЖЕ

Стр. 238. Сказал бы, любясь: колдует Харут...— В иранской мифологии Харут — ангел, изгнанный из рая; в классической поэзии Харут — символ очарования.

Стр. 240. Бижен (Бижан) — сын Гива, герой настоящего сказа.

Стр. 241. Семь стран благосклонностью ты наградил...— По древнеиранским географическим представлениям, вся земля делилась на семь стран. Выражение «семь стран земли» означает «весь мир».

Стр. 248. И вот, осененный Хомая пером...— Хомай — мифическая птица; тот, на кого упадет тень ее крыльев, станет венценосцем.

Стр. 248. Ночь — кудри его, лик — Йемена луна...— Нарицательное значение слова «йемен» — «счастливый»; таким образом, это выражение означает: «прекрасный, как луна, и приносящий счастье».

Стр. 251. Готовят ковчег и пускаются в путь...— Ковчегом здесь названы крытые носилки, которые укреплялись на спине слона.

Стр. 262. Тот камень Аквана, который Йездан из бездны извлек, возмутив океан...— Акван — див, убитый Рустемом. Сам Йездан закрыл камнем вход в пещеру дива, находившуюся в Чине. Афрасиаб приказывает закрыть темницу Бижена этим Акван-камнем.

Стр. 264. Выводят Гошвадова чудо-коня...— Гошвад — див Гива, отца Бижена. Могучий конь отличается, как и кони других героев, фантастическим долголетием.

Стр. 270. В е с ь в е к, с л о в н о в п р а з д н и к Н о в р у з а, л и к у й...—
Н о в р у з — день весеннего равноденствия, Новый год.

Стр. 271 М е ж Р ы б о й и с в е т л ы м с о з в е з д ь е м О в н а...— По
древнеиранской мифологии, земля покоилась на спине Быка, который держался
на спине огромной Рыбы, плавающей в мировом океане. «Меж Рыбой и Овном» —
означает «вся вселенная», «снизу доверху».

Стр. 275. В д е н ь с в е т л ы й Х о р м о з а...— В зороастрийском календа-
ре каждый день недели был посвящен какому-то доброму божеству. Праздник
Новруз приходился на день, посвященный верховному божеству — Ахура Мазде
(Ормузду, Хормозу).

Ц. Бану и Л. Лахути

НИЗАМИ «ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН»

Поэты Востока редко писали автобиографию. Не оставил нам автобиографии и Низами. Все, что о нем известно, добыто или из сочинений поэта, или из сообщений поздних авторов, которые большей частью опирались на легенды и предания о поэте. Разные источники по-разному приводят его имя. Наиболее достоверным является сообщение поэта о себе: Ильяс, сын Юсуфа, сына Заки, сына Муайяда, а прозвание — Низами, что в переводе означает «Усовершенствующий»

Родом он из города Ганджи (Гянджи)¹, вот почему в истории литературы поэт известен как Низами Гянджеви. Точные даты жизни неизвестны. Считают, что Низами родился ок. 1141 года и умер не позднее 1209 года, похоронен в родном городе Гандже. Над могилой поэта ныне установлен величественный мавзолей. В своих стихах поэт упоминает мать-курдянку и ее брата по имени Омар, которому он обязан полученными знаниями; называет и любимую жену — тюрчанку Афак (Аппак), сына от нее — Мухаммеда.

Не сохранилось сведений, как и где учился будущий поэт, кто были его учителя. Ганджа — столица княжества Арран (древняя Албания) в западной части Азербайджана — был крупным городом с разноязычным населением. Здесь жили многие образованные люди, например, знаменитый поэт Абу-ль-Ала Ганджеви, учитель известного поэта — современника Низами Хагани Ширвани (1121—1199). Естественно думать, что Низами учился в Гандже. Поэт получил всестороннее и глубокое образование во многих науках того времени и, видимо, знал помимо двух основных языков XII века — арабского и персидского — еще какие-то другие. Он сам свидетельствует в одном месте своих сочинений, что изучал рукописи еврейские, христианские и пехлевийские. Христианские рукописи были, очевидно, на армянском и грузинском языках, которые, естественно, мог знать житель Ганджи. Сочинения поэта насыщены сведениями о многих науках, таких как астрономия, химия, теология, риторика и другие. Во всех антологиях Низами называют хакимом — мудрецом, философом. И это справедливо.

Перу Низами принадлежит сборник (диван) лирических стихов и пять поэм, объединенных в «Пятерицу» («Хамсе»): «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандар-наме», делящаяся на две части — «Шараф-наме» («Поэма о чести») и «Икбал-наме» («Поэма о счастье»).

«Сокровищница тайн» состоит из 2260 двустиший (бейтов), разделенных на двадцать бесед. Поэма относится к жанру дидактико-философской поэзии, издавна распространенному в персоязычной литературе. Дидактико-философский жанр не позволяет делать произведение развлекательным. Насыщенная философскими сентенциями, первая поэма Низами наиболее трудна для понимания. Автор свои проповеди и обличения направляет шаху, призывает быть справедливым, прислушаться к голосу правосудия, заботиться о благе подданных. Поправление справедливости, отступление от истины, утверждает поэт, грозит тяжелой карой. Низами осуждает корыстолюбие, воспекает искреннюю дружбу. Свои наставления поэт иллюстрирует многочисленными притчами и примерами.

Поэма «Хосров и Ширин» романтическая по содержанию. Она посвящена

¹ Г а н д ж а — один из древнейших городов Азербайджана, ныне Кирибад.

любви иранского шаха Хосрова к принцессе Ширин. Оба героя — исторические личности. Низами использовал исторические хроники древнего Ирана и Азербайджана. Имя «Ширин» («Сладостная») приводится в различных источниках на греческом, сирийском и арабском языках. Хосров — последний выдающийся шах сасанидской династии (правил с 590 по 628 г.). В одном из сказаний «Шах-наме» Фирдоуси рассказал о любви Хосрова и Ширин.

Низами не повторяет великого поэта, он создает собственное произведение.

Краткое содержание поэмы Низами сводится к следующему: вымоленный у бога сын шаха Хурзума Хосров получил прекрасное воспитание, вырос ловким и отважным, остроумным и красноречивым, изучил все науки. У Хосрова был близкий друг художник Шапур, который рассказал ему о красавице Ширин, племяннице правительницы Азербайджана. Хосров приезжает в столицу Азербайджана Барда. Влюбленные встречаются и предаются забавам и веселью. Но на родине Хосрова вспыхивает мятеж. Ширин уговаривает Хосрова подавить мятеж и вернуть трон отца. Для этого Хосров ищет помощи у византийского кесаря. Кесарь согласен помочь при условии, что Хосров женится на его дочери. Тем временем умирает правительница Азербайджана и трон переходит Ширин. Хосров ищет связи с Ширин, но она гневно отталкивает его, заявляя, что прибудет к нему, только став его законной женой и царицей Ирана.

В ткань повествования вводится новая сюжетная линия. Ширин решила прорыть канал с пастбища до своего дворца, чтобы по нему текло свежее молоко. Эту идею может осуществить богатырь Фархад, который безумно влюбляется в Ширин и за короткий срок осуществляет ее замысел. О любви Фархада к Ширин слышит Хосров. Он в ярости предательски убивает Фархада со своего пути. Вскоре умирает жена Хосрова Марийам. Теперь Хосров свободен, но опять проявляет легкомыслие — женится на красавице Шакар, жизнь с которой вскоре претит ему. Он не может забыть Ширин. После ряда приключений, наконец, он женится на Ширин. Любовь Ширин облагораживает и преображает Хосрова. Он оставляет бесконечные развлечения, окружает себя мудрецами и занимается благоустройством страны.

Разумеется, схематический пересказ сюжета не может дать представления о поэтическом совершенстве одного из шедевров мировой литературы, какой является поэма Низами.

Третья поэма — «Лейли и Меджнун» — написана по заказу ширваншаха Ахситана — правителя княжества Ширван. При написании этой поэмы Низами пользовался как литературными, так и фольклорными источниками. Старинная арабская легенда о трагической любви юноши Кайса, прозванного Меджнуном («одержимым», «безумным») к красавице Лейли, была широко известна на Переднем Востоке.

Арабские источники IX века сообщают о поэте Кайсе-Меджнуне, приводят его стихи, обращения к Лейли, говорят о несчастной любви поэта. Их рассказы мало чем отличаются один от другого и составляют в целом сюжетную схему, которую принял Низами в своей книге.

Поэт придал арабской легенде законченную композицию, четкость линий сюжета, развернул характеры героев, дал психологическую мотивировку их поступкам, создал высокохудожественное произведение, которое в течение многих

веков волнует умы и сердца людей. Поэма имела огромное число подражаний на персидском, арабском, тюркском языках. Имена главных героев поэмы стали нарицательными, символами несчастной любви.

Четвертая поэма «Семь красавиц» состоит как бы из двух частей: в первой части история шаха Бахрама, во второй — семь фантастических сказок, которые рассказывают Бахраму семь его жен, каждой из которых отведен отдельный дворец.

Правитель Ирана посылает своего малолетнего сына Бахрама в Йемен на воспитание. Для царевича строят величественный дворец Хаварнак, в одном из многочисленных покоев которого Бахрам обнаруживает фрески, изображающие его в кругу семи красавиц.

Когда Бахрам сам становится правителем страны, он осуществляет давнишнюю свою мечту: для него строят дворец, подобный Хаварнаку, с семью покоями. Каждый купол имел свой цвет, соответствующий астрологическим представлениям о дне недели и о планете, которая с ним связана. Бахрам собирает в своем дворце семь царевен, портреты которых видел в замке Хаварнак. Это были красавицы индийская, туранская, хорезмийская, магрибская, иранская, славянская и румийская (византийская). Бахрам помещает каждую из царевен в отдельный покой, и он по одному дню проводит в пиршестве с одной из них. При этом он и его возлюбленная одеваются с ног до головы в цвет павильона и того дня. Например, в субботу, одевшись в черное, он идет в покои индийской царевны, где обстановка тоже такого же цвета. Каждая из царевен рассказывает Бахраму сказку своей страны. Таким образом Низами вводит в свою поэму семь волшебных сказок, заимствованных поэтом из старинных хроник и из народного творчества.

Проводя время в пиршествах, Бахрам поручил управление страной жестокому визирю, который своими поборами довел людей до нищеты. Однажды Бахрам на охоте остановился у старика-пастуха и заметил, что тот повесил собаку на ветке. Старик рассказал, что пес был верным стражем стада, но, подружившись с волком, стал давать возможность ему уносить жирных овец.

Бахрам понял намек мудрого старика, визиря заточил в темницу и освободил заключенных им людей, которые рассказали шаху о злодеяниях визиря. Таким образом вводится еще семь новелл, повествующих о бесправии, попрании человеческого достоинства.

Четвертая поэма Низами — многоплановое произведение, тем не менее она удивительно стройна и гармонична.

«Семь красавиц» во всех отношениях наиболее зрелое и совершенное из произведений Низами, если только не считать последнюю его поэму, занимающую совсем особое место» (Е. Э. Бертельс).

«Искандар-наме» — пятая, заключительная поэма «Пятерицы» Низами, как уже мы отметили выше, состоит из двух частей. Кроме того, поэт включает в поэму довольно большую вступительную часть о происхождении Искандара — Александра Македонского. Он подробно описывает воспитание, которое получил будущий завоеватель, мудрец и пророк, каким изобразил его поэт.

Поэт довольно подробно развивает свой замысел — показать полководческие способности Искандара. Искандар не завоеватель, а заступник угнетенных. Он ведет войну с иранским шахом Дарием, его тираническим правлением. Затем он посещает Азербайджан, устанавливает порядок в Дербенде (Дагестан).

Вторая часть поэмы посвящена Искандару-мудрецу и пророку. Тайный голос вещает ему, что он должен объехать всю землю, чтобы просветить народы. С этой миссией Искандар совершает четыре похода в четыре страны света. В качестве же оружия берет он «книги мудрости» трех великих философов — Аристотеля, Платона и Сократа. Наконец, на севере он находит страну, где нет ни правителей, ни подчиненных, ни угнетателей, ни угнетенных, равные между собой люди живут в изобилии и довольстве, они не знают болезней. Это — золотой век человечества и идеал Искандара-мудреца.

«Пятерица» Низами — один из шедевров мировой литературы, имела большое число подражаний.

В течение нескольких веков жанр поэмы в литературах Востока развивался под могучим влиянием творчества Низами. Так, в XIII веке составил свою «Пятерицу» индийский поэт Амир Хосров Дехлеви, в XV веке — узбекский поэт Алишер Навои и персидско-таджикский поэт Джами.

Стр. 305. Как соловей в садах Барды...— Барда́ (Берда, Бердаа) — столица княжества Арран. Барда был крупным торгово-ремесленным центром. Развалины Барды сохранились около селения Барда Азербайджанской ССР.

Стр. 307 Но к тюркским нравам непричастен двор, Там тюркский неприличен разговор...— Это строки из письма ширваншаха Ахситана, адресованного Низами. В оригинале вторая строка имеет несколько отличный смысл: «На тюркский лад слова нам не подобают». Эти слова ширванского правителя вызвали различные толкования ученых. Можно предположить, что Ахситан не хотел, чтобы поэма была написана по-тюркски, на языке местного тюркского (азербайджанского) населения, поскольку в Азербайджане XII века литературным языком считался фарси.

Стр. 315. Пускай прочел ты семь седьмых Корана...— то есть весь Коран. По некоторым мусульманским обрядам полагается читать полный текст Корана. Для ускорения совершения этого обряда Коран условно разделен на семь частей, и семь чтецов читают одновременно по одной части. Число «семь» на Востоке считается священным.

Стр. 323. Зовут ее, как ночь саму, Лейли...— здесь игра слов: «лейла» по-арабски «ночь».

Стр. 325. И солнце, как Юсуфов лик, горя...— Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный — вошел в литературу и фольклор как символ необычайной красоты.

Стр. 331. И «Лахауль» прохожие кричали...— Начальные слова молитвы: «Нет мощи и нет могущества, кроме как у аллаха». Молитву произносят вслух во всех случаях, связанных с риском или с необычайным страшным явлением.

Стр. 331. О будь моей, моей, Йемена дочь...— см. примеч. к стр. 248.

Стр. 333. Схватись же за кольцо священной Каабы...— Кааба — храм в Мекке, главная мусульманская святыня. Существует поверье,

что молитва дойдет до бога и желание исполнится, если молящийся возьмется за кольцо на дверях храма.

Стр. 340. Тюрчанки, гости в крае аравийском...— Тюрчанка — символ красавицы в фарсиязычной литературе.

Стр. 363. Прошли огнепоклонники, как сон...— Огнепоклонники — последователи зороастризма, домусульманской веры иранцев и азербайджанцев. Здесь говорится о преходящем, невечном.

Стр. 367. Шах Сулейман, властитель их судьбы...— Сулейман — библейский царь Соломон, согласно легенде, обладал волшебным перстнем, который давал ему власть над духами и всеми животными на земле и под водой.

Стр. 368. Поклонник Зороастра, маг приучит к подачкам пса...— Вопреки исламу, считающему собаку «нечистым» животным, зороавстрийская религия отводила собаке почетное место.

Стр. 370. Благой источник Хызра в царстве горя...— Хызр — литературно-фольклорный образ, таинственное существо, обладающее вечной жизнью. Согласно легенде, Хызр знал путь к источнику живой воды в таинственной стране вечного мрака.

Стр. 378. Что брошен он в колодец, как Юсуф...— По легенде, Юсуф (Иосиф Прекрасный) был брошен в колодец своими завистливыми братьями. Его извлекли из колодца купцы и продали в рабство в Египте. Означает измену.

Стр. 382. Я черный раб, индус на страже...— то есть исполнитель чужой воли.

Доктор филологических наук Х. Кор-оглы

ШОТА РУСТАВЕЛИ «ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ»

Созданная в XII веке в Грузии поэма «Витязь в тигровой шкуре» сегодня переведена почти на все языки мира; на русском языке она живет даже в нескольких переводах¹. Ее создатель — Шота Руставели давно признан корифеем мировой поэзии.

Родина Шота Руставели — Грузия, страна многовековой культуры и традиций. В древности ее называли Ивэрией, точнее, так называлась ее восточная часть; западная же, расположенная на черноморском побережье, была известна как Колхида. Под этими двумя наименованиями и упоминается Грузия в исторических источниках Древней Греции и Рима. Позже, в V веке, когда был создан грузинский алфавит (кстати, представляющий собой одну из четырнадцати существующих на земном шаре алфавитных систем), в Грузии появилась собственная письменная история на грузинском языке.

Параллельно с грузинской письменной историей возникает и грузинская письменная литература, некоторые рукописи сохранились по сей день. Так, в Тбилиси в Институте рукописей Грузинской Академии наук можно увидеть рукопись V века — роман «Мученичество святой Шушаник».

Древнейшие памятники грузинской письменности имеются не только на территории нашей страны, но и за ее пределами. В пятидесятых годах нынешнего столетия итальянский ученый Корбо обнаружил в Палестине грузинскую надпись начала V века. Полностью прочел ее и сделал к ней комментарии грузинский ученый, действительный член АН СССР Г. В. Церетели.

С глубокой древности Грузия поддерживала постоянные культурные связи с Сирией и Палестиной, а позже — со всем западным христианским миром. Христианство было принято ею уже в конце IV века, а религия, как известно, определяла как политическую, так и духовную жизнь любой страны. Ведь именно фактор единоверия в свое время послужил одним из мотивов присоединения Грузии к России (XVIII век), связи с которой у нее существовали еще с XII века, то есть с эпохи Шота Руставели. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические источники, об этом же вскользь упоминается и в поэме Шота Руставели.

На почве культурных связей с античным миром — с Древней Грецией и Римом, а затем и с Византией во многих странах — в Сирии, в Греции, в Палестине, в Болгарии, были основаны грузинские культурные центры. Как правило, это были монастыри. В самой же Грузии тогда существовало две академии — Гелати в Колхиде и Икалто в Иверии. Первая, очевидно, была чисто гуманитарным учебным заведением, вторая же — с сельскохозяйственным уклоном; в ней, несомненно, изучались проблемы виноградарства и виноделия. Много выдающихся мыслителей и деятелей дали миру грузинские культурные центры.

Успешно с первых же веков развивалась в Грузии и архитектура.

Когда сегодня вы въезжаете в Грузию через Дарьяльское ущелье по великолепной асфальтированной дороге в современном комфортабельном автомобиле, вспомните, что этим же путем сюда приезжали и Пушкин, и Лермонтов. Они ехали медленно и долго, на лошадях и, благодаря этому, подробнее могли рассмотреть

¹ В нашем издании печатается перевод, выполненный известным советским поэтом Н. А. Заболоцким (1903—1958) и обработанный им для юношества.

все, что открывалось их взору. Вспомните об этом и остановите машину.. хотя бы у Мцхэта, древней столицы Грузии. Тут — мир лермонтовского Мцыри. «Там, где сливаясь шумят, обнявшись будто две сестры, струи Арагвы и Куры», по-прежнему стоит на горе монастырь. Это — Джв́ари, памятник грузинской архитектуры VI века.

Замечательный русский поэт Николай Тихонов сравнивал Грузию с Италией, и одной из побудительных причин такого сравнения была ее архитектура. Он писал: «Есть страны, полные особого значения для других стран... одна из таких стран в Европе, стран, которые для европейского сознания полны особого смысла, по-моему, Италия. Европейские поэты-классики все побывали в ней; все отдали ей особый дар своего сердца. Для русских поэтов нашей Италией, несомненно, стала Грузия».

Многие из архитектурных памятников, и сегодня радующих глаз и поражающих воображение, увы, не избежали разрушения в эпоху бесконечных вражеских вторжений.

Археологические раскопки, производящиеся на территории Грузии, дают богатейший материал не только для ее истории, но и для истории цивилизации земли в целом. Для примера назову хотя бы ванские раскопки в Западной Грузии. Город Ва́ни расположен на берегу реки Рио́ни, неподалеку от Кутаиси. Предположительно, это то самое место в Колхиде, до которого добрались аргонавты — герои одного из самых древних греческих мифов, созданного в первой половине второго тысячелетия до нашей эры. Как известно, миф этот рассказывает о путешествии аргонавтов в Колхиду, о похищении ими золотого руна и прекрасной царевны Медеи. Таким образом, древнейший греческий миф связан с Грузией. Он лег в основу великих литературных творений — поэмы «Аргонавтики» Аполлония Родосского, трагедии Еврипида «Медея».

Огромный научный интерес представляют также раскопки в Мцхета. Этот древний город ныне объявлен «закрытым» городом, в нем ведутся большие археологические работы.

По всей территории Грузии, согласно постановлению правительства республики, перед началом очередной крупной стройки производится археологическая разведка местности, чтобы избежать разрушения какого-нибудь значительного исторического памятника в результате строительных работ.

Эти предварительные замечания сделаны с одной целью — дать хотя бы общее представление о том, на какой культурной, духовной почве появился гений великого поэта Шота Руставели и его творение «Вепхисткаосáни» («Витязь в тигровой шкуре»).

На протяжении многих веков вплоть до XII века возводились стены храма грузинской культуры, чтобы в XII веке явился Шота Руставели и увенчал их сверкающим куполом — своим шедевром.

Грузия этого периода тесно связана с западной и восточной культурой. Именно в эту эпоху «иранская литература встречалась с северной, европейской, Лейли с Изольдой, Будда с легендой об Артаксерксе. Грузия была родиной встречи двух культурных потоков, стремившихся друг к другу, и героем этой встречи, человеком удивительного песенного дара, ума и сердца, стал Руставели» (Н. Тихонов). В Грузии в силу ее географического местоположения осуществлялся высокий синтез западной и восточной культуры.

Время жизни Шота Руставели и период создания поэмы совпадают с золотым веком правления прославленной своим умом и красотой царицы Тамар (1184—1213). Ее государство едино и могущественно.

А что происходит в это время за пределами Грузии, какие события происходят в мире?

Именно в это время, в конце XII века, создается великое творение древнерусской культуры «Слово о полку Игореве», о котором К. Маркс писал: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ».

Именно в то время на Западе с новой силой пылают «крестовые» войны, а египетский султан Салах-ад-дин в 1187 году захватывает и разрушает святыню христианского мира — Иерусалим.

А на востоке, в Средней Азии, в раскаленных зноем песках пустыни носятся на бешеных конях монголо-татарские полчища. Еще немного — и черная волна их в тридцатых годах XIII века хлынет в Грузию.

Таким образом, и «Витязь в тигровой шкуре», и «Слово о полку Игореве» были созданы как раз тогда, когда и Грузия, и Россия оказались перед лицом великой катастрофы. Но если «Слово о полку Игореве» звучало для России как предостережение и было проникнуто спасительными для ее народа идеями, то Грузия, увы, вовсе не была готова к этой катастрофе. И если огромная Россия сравнительно быстро собралась с силами, то для маленькой Грузии нескончаемые разрушительные войны с той поры стали трагическим уделом на многие века. На века оказалась она замкнутой в своих горах, оторванной от всего культурного мира...

Шли века, а написанная на неведомом цивилизованному миру языке гениальная поэма Шота Руставели все еще жила только на своей родине, и читателем и почитателем ее оставался только грузинский народ. Лишь в конце XVIII века после присоединения Грузии к России узнала «большая земля» о существовании «Вепхисткаосани». Первым негрузином, открывшим для себя творение Руставели, был русский историк и библиограф Евгений Болховитинов (1767—1837). «Сцены действия подобны Ариостовой поэме, Роланду, но красоты, оригинальность картин, естественность идей и чувствований—Оссиановы»,—писал он, потрясенный, в 1802 году.

Шесть столетий длилась спячка обескровленной врагами Грузии. Теперь она снова — через север — возвращалась к европейской цивилизации, с которой до нашествия монголо-татар на протяжении многих веков была связана с юга.

После присоединения к России в Грузии началась пора экономического и культурного подъема. «Где меч царил в былые времена, видна рука гражданского порядка»,— писал об этой поре великий грузинский поэт первой половины XIX века Николоз Бараташвили.

Однако для того, чтобы поэма «Витязь в тигровой шкуре» стала достоянием человечества, понадобился еще один век — XIX, в течение которого на русский и английский языки были переведены из нее лишь отрывки и отдельные главы.

Публикация полного русского перевода «Вепхисткаосани», осуществленного поэтом Константином Бальмонтом, началась лишь в 1916 году. Вот что писал Бальмонт тогда: «Как Гомер есть Эллада, Данте — Италия, Шекспир — Англия, Кальдерон и Сервантес — Испания, Руставели есть Грузия... Народ, если он великий, создаст песню и выносит в лоне своем мирового поэта. Таким венценосцем

в веках, еще доселе неузнанным русскими, был избранник Грузии Шота Руставели, давший в XII веке своей родине знамя и зов — «Вепхисткаосани» — «Носящий барсову шкуру». Это лучшая поэма любви, огневой мост, связующий небо и землю».

После появления перевода Бальмонта поэма Шота Руставели сразу же сделалась книгой, любимой миллионами и за пределами своей родины. После Великой Октябрьской революции она была еще не однажды переведена на русский язык, а также на языки всех братских народов Советского Союза.

* * *

Кто же такой был Шота Руставели? Так же, как о Шекспире или Гомере, о нем не сохранилось ни биографических данных, ни исторических документов. Правда, кое о чем мы узнаем из его же поэмы.

Прежде всего из поэмы мы узнаем, что ее автор жил и творил в XII веке, в эпоху царицы Тамар. Далее — такие строки поэмы: «Пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила» — недвусмысленно говорят о том, что поэт любил саму царицу. Некоторые ученые даже предполагают, что вся поэма Шота Руставели есть не что иное, как история этой его любви. На сегодняшний день учеными доказано также, что Руставели был министром финансов при Тамар. Что до происхождения поэта, то он сам пишет о себе: «Некий месх, стихотворец...», поэт из Месхети.

Месхети — часть южной Грузии на границе с Турцией. Там-то и находится родина Шота Руставели Рустáви. Сегодня это — маленькая, ничем не примечательная деревня недалеко от Боржоми. Здесь расположен сооруженный в XII веке город в скале — Вáрдзия, пещерный комплекс светского и культового назначения, с замечательными фресками, изображающими царицу Тамар и членов ее семьи. Месхети дала грузинской культуре многих выдающихся деятелей, писателей, ученых, философов.

По традиционным народным преданиям, Руставели получил образование сначала на родине, потом продолжил занятия в Греции в Афинах, где в те времена обучались многие грузины. Поэт, блестяще владея греческим, глубоко изучил литературу и философию, а также другие науки. И действительно, судя по поэме, Руставели великолепно знал античную философию, разные науки, много путешествовал по свету, что тоже видно из «Витязя в тигровой шкуре», в старости он отправился в Палестину, и там, в Иерусалиме, в грузинском Крестовом монастыре поэта настигла смерть.

Этот монастырь был построен грузинами в V веке, на протяжении двенадцати веков он был одним из грузинских культурных центров. Из года в год писалась летопись этого монастыря, сохранившая для потомков события его жизни и тех, чья деятельность протекала в стенах монастыря. В записях, относящихся к первой четверти XII века, встречается имя некоего «Шота Казначея», а также имеется «поминовение усопшего» — Шота, подтверждающее версию о том, что Шота Руставели последние годы жизни провел именно в этом монастыре, здесь же умер и был погребен. И это еще не все. В монастырской хронике сообщается, что, памятуя заслуги Шота Руставели перед монастырем во время восстановления его после «крестовых» войн, братия Крестового монастыря решила запечатлеть его образ в фреске на одной из колонн своей обители, что и было сделано.

Известно, что фреска эта существовала до XIX века, однако уже в конце

XIX века группа грузин, побывавших в Палестине, ее не обнаружила. Фреска исчезла. Новые хозяева монастыря, в чьи руки он перешел в XVIII веке, сознательно уничтожали все следы своих предшественников. Не было сомнений, что и портрет Шота Руставели стал их жертвой.

Вот почему осенью 1959 года мы — экспедиция грузинских деятелей, отправились в Палестину, чтобы на месте узнать что-нибудь о судьбе фрески.

После тщательного изучения нам удалось обнаружить портрет Руставели, который, к счастью, не был поврежден и находился под толстым слоем черной краски. Мы очистили фреску, и ее копию привезли с собой на родину. Палестинская фреска — один из немногих сохранившихся документов биографического характера, касающихся великого грузинского поэта и мыслителя.

* * *

В числе многих других памятников и драгоценных рукописей, жертвой нескончаемых вражеских нашествий и пожарищ стал и подлинник поэмы Шота Руставели. Для истории сохранились более поздние, сделанные переписчиками списки этой поэмы. Самый древний из сохранившихся полных ее текстов датируется 1646 годом. Однако в Институте рукописей Грузии хранятся фрагменты и постарше, в их числе есть такой, который старше на два столетия. До наших дней дошло более ста пятидесяти древних списков «Витязя в тигровой шкуре».

На протяжении веков, при отсутствии оригинала, текст поэмы в руках переписчиков постоянно менялся, многие переписчики включали в него по своему желанию или по желанию заказчиков некоторые эпизоды. Поэтому первичный текст поэмы во многих рукописях искажен.

Впервые поэма Шота Руставели была напечатана в 1712 году под редакцией основателя грузинской типографии царя Вахтанга. Он изучил все древние списки, которых в его время было намного больше и которые, как видно, относились к более раннему периоду. Много пришлось поработать первому редактору, чтобы очистить поэму от явных вставок, «чтобы мутное превратилось в чистое». Большая работа для установления научного текста проделана и в XIX веке.

Поэма Руставели написана так называемым высоким и низким шайри. Шестнадцатисложный стих шайри был широко распространен в грузинском фольклоре, а уже с X века — и в поэзии. В высоком шайри стопа двусложная (рифма женская). В низком — трехсложная, дактилическая (рифма мужская).

Через огонь веков пронес грузинский народ свое любимое творение, создатель которого, «проведя своих любящих через всевозможные пытки, им дает в жизни засиять таким блеском, что умереть они уже не могут никогда. В этом такое же преимущество грузинского гения над его европейскими современниками и певцами позднейшими, как среди драматических гениев индус Калидаса выше своею «Сакунталой», — где в конце концов колдований, дьявольских колдований смерти нет, — и есть полная гармония счастья, — выше, совершеннее любого гения Европы...» — так писал К. Бальмонт.

«Витязь в тигровой шкуре» всегда был одинаково близок и дорог как умудренному знаниями человеку, так и простому труженику. Характерно, что в неприступных горах Грузии были и есть люди, которые знают наизусть все полторы тысячи строф поэмы. Самым ценным приданым для невесты на протяжении многих веков считался «Витязь в тигровой шкуре».

Идея поэмы проста и велика. Руставели напоминает нам, современникам, что величайшей ценностью мира является человек и только человек, прекрасными должны быть его душа и тело, разум, чувства и деяния. Он должен, он призван и мысли и поступки свои направлять только к добру, только к высоким идеалам. Но добро может воцариться на земле лишь в его непримиримом и победоносном столкновении со злом. Для подлинного величия человечества мало созерцательного и пассивного гуманизма. Вечное, непреклонное и неустанное деяние способно поправить на земле зло и гарантировать торжество добра.

Народ почувствовал и признал философию и суть поэмы; под этим «знаменем» и по этому «зову» шли наши предки вперед в труде и боях, бережно храня слова поэта:

Есть ли кто презренней труса, удрученного борьбой,
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряжи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной.

Стр. 407. На прекрасного Мерани...— М е р а́ни — крылатый конь, образ грузинской мифологии.

Стр. 422. И назначен амирбаром...— А м и р б а́р — полководец.

Стр. 422. Был задержан аксамитом...— А к с а м и́т — старинная драгоценная ткань.

Стр. 424. Пели мукры и муллиммы...— М у́к р ы (муллы) — священнослужители у мусульман, они же лекари.

М у л л и́м (муаллим) — учитель, наставник; духовное лицо у мусульман.

Стр. 437. Два раба из рода каджи...— К а́дж и — в грузинском фольклоре человекоподобные существа, олицетворение злой силы.

Стр. 470. Аспироз, звезда любви...— А с п и р о́з — планета Венера.

Стр. 470. Отарид, с твоей судьбою...— О т а р и́д — Меркурий, планета путешествий и торговли.

Стр. 471. Солнце, Отарид, Муштарн и Зуал полны тоскою...— М у ш т а́р и — Юпитер, планета правосудия. З у а́л — планета Сатурн.

Стр. 471. О Марих, звезда сражений...— М а р и́х — планета Марс.

Стр. 493. Льва собой отяготил...— имеется в виду зодиакальное созвездие Льва.

Стр. 518. Злобный Хронос, глядя с неба...— Х р о́нос — в мифологии древних греков бог времени, отец богов, пожиравший своих детей.

Стр. 534. Месхя некий, Руставели...— М е с х — уроженец Месхети, южной провинции Грузии.

Ираклий Абашидзе

НАВОИ «ФАРХАД И ШИРИН»

Низамаддин Алишер Навоӣ происходил из знатной семьи. Его отец Гиясаддин Кичкинё был тимуридским чиновником, близким к придворным кругам.

В 1441 году, когда родился Алишер, семья жила в Герате, столице Хорасана. Гиясаддин Кичкине в это время уже не служил при дворе. Он любил и знал литературу, в доме его собирались любители поэзии, люди искусства.

Дядя Алишера со стороны матери Мир Сайд был каллиграфом, музыкантом, стихотворцем. Был поэтом и двоюродный брат Алишера, известный под псевдонимом Субхӣ.

В таком благотворном окружении рано пробудилось и быстро развивалось поэтическое дарование мальчика. Трех-четырёх лет от роду он удивлял почтенных гостей отца декламированием сложных стихов известных поэтов. «Все мое существо было наполнено ими... Я возненавидел обычные слова, употребляемые людьми в разговоре...» — вспоминал Навои о своей поэтической увлеченности в школьные годы.

Навои получил блестящее образование, он учился в Герате, Мешхёде, Самарканде, владел языками, изучал философию, математику, право, превосходно знал историю, литературу, народное творчество.

Когда Алишеру исполнилось 15 лет, он уже был известен своими поэтическими опытами. Писал он на двух языках: на староузбекском и фарси.

Примерно в эти же годы он поступил на службу к тимуриду, правителю Герата, Бабуре, у которого служил и школьный товарищ Алишера — будущий правитель и поэт султан Хусейн Байкара. Их дружба, начавшаяся в детстве, длилась до конца жизни Навои и во многом определила судьбу Навои как государственного деятеля.

Когда Хусейн Байкара вступил на престол (1469), Навои стал мулазӣмом (приближенным) при дворе нового правителя и удостоился звания хранителя печати. Через три года Навои получил титул эмира и был назначен визирем (министром).

Разносторонне образованный человек, убежденный гуманист, Навои в своей государственной деятельности неизменно выступал в защиту униженных и оскорбленных, разоблачал злоупотребления вельмож, корыстолюбие и разврат.

Деятельность Навои вызывала серьезное недовольство придворной светской и духовной знати, и он был вынужден сложить с себя полномочия визиря. Одинадцать лет Навои прожил в Герате, свободный от придворной службы, весь отдавая поэтическим трудам. Он покровительствует ученым, художникам, поэтам, сближается со своим великим современником таджикско-персидским поэтом Джами, становится его близким другом и учеником.

Человек огромных знаний, соизмеримых разве только с его поэтическим гением, смелый мыслитель и художник, Навои в своем творчестве обличал беззакония, зло, несправедливость, и те, кого обличал поэт, стремились расправиться с ним, заставить его замолчать. В 1487 году он был назначен правителем (эмиром) в небольшой отдаленный от столицы город Астрабад. Почетное назначение было по сути почетным удалением от двора, ссылкой. Это был тяжелый удар для поэта, он лишился общества друзей-единомышленников. В особенности тяжелой была разлука с Джами. Спустя год султан разрешил поэту вернуться в Герат. Здесь прожил он до конца своих дней. Навои умер 12 января 1501 года.

Велико творческое наследие Навои — более ста тысяч стихотворных строк. Он создал шесть поэм, четыре сборника (дивана) стихов, прозаические произведения, научные трактаты.

До наших дней сохраняют интерес его труды по вопросам литературы, стихосложения, истории. Весьма ценным трудом является составленная им антология «Собрание утонченных» (1491), в которой поэт дает блестящие по своей краткости и емкости характеристики 336 поэтов XV века, писавших на фарси и староузбекском. Его «История персидских шахов», написанная как учебник, имела большое значение для изучения классической персидской поэзии.

Самым значительным из его научного наследия следует считать трактат «Спор двух языков» (1499).

Навои равно писал и на фарси — этот язык и в его время был языком литературы, — и на родном староузбекском. Поэт оставил на фарси сборник своих лирических стихов, взяв псевдоним Фани («Смертный», «Бренный»). Но самые значительные свои произведения, принесшие ему всемирную славу, Навои («Мелодичный») слагал «на милом сердцу языке родном» — староузбекском.

В «Споре двух языков» — староузбекского и фарси — утверждается мысль о том, что родной язык, богатый, гибкий, выразительный, может передать все оттенки мысли, всю красоту поэзии. Своим поэтическим творчеством поэт доказал это и утвердил тюрки — так Навои называет свой родной язык — как язык литературный.

Поэтическую деятельность Навои начал с лирики. Свои стихи он объединил в четыре сборника под общим названием «Сокровищница мыслей».

Первый — «Чудеса детства» — содержит стихотворения, написанные поэтом между 17 и 20 годами жизни; второй — «Радости юности» — состоит из стихов, созданных в возрасте от 20 до 35 лет; третий — «Диковины среднего возраста» — включает лирику, написанную в период от 35 до 45 лет, и четвертый — «Полезные советы старости» — от 45 до 60 лет.

В «Сокровищнице мыслей» представлены обычные для дивана жанры: касыда (ода), газель, пятистрочные стихи (мухаммас), шестистрочные (мусаддас), четверостишия (рубай), кыт'а (фрагменты) и фард (единичные бейты).

Основа лирики Навои — размышления о человеке. Но человек у Навои не абстрактное существо, а носитель порока или добродетели. Навои, стоящий у кормила власти, казалось бы, мог и не заметить всего того, что он подвергал осуждению в своем творчестве. Однако пытливый ум, широкий кругозор гуманиста всегда брал в нем верх.

Навои был убежден, что правитель должен быть человеком с большим интеллектом. Ум и просвещенность он считал главным качеством человека. Поэт осуждает людей науки, которыми руководит не жажда знаний, а «алчное стремление к богатству». В последней главе своей поэмы «Смятение праведных» Навои призывает возвеличивать людей науки как пророков.

Положительные герои его произведений всегда отличаются большим умом и высокими знаниями, многосторонностью интересов и способностей. Например, Фархад «ученым прослыл большим», Меджнун науку сделал своим «ремеслом» и «усвоил все науки мира», а Искандар, несмотря на свое величие и ум, во всем ищет совета ученых.

В богатейшем литературном наследии Навои особое место принадлежит его

«Хамсе» («Пятерица»), написанной на темы и сюжеты, уже разработанные поэтами прошлых веков — Низами, Амиром Хосровом Дехлеви и другими.

Интерес к творениям Низами возник вскоре после смерти поэта. «Пятерица» Низами породила большое число произведений, написанных как бы в ответ на это создание поэта. Со временем возникла определенная поэтическая традиция «ответа», «подражания» — «назирé».

Создал свою «Пятерицу» на фарси индийский поэт Амир Хосров Дехлеви (1253—1325), создал «Пятерицу» и Джами.

Полную «Пятерицу» на староузбекском языке впервые создал Навои. Все пять поэм — «Смятение праведных», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет», «Стена Искандара» — были написаны в кратчайший срок — всего за два года (1483—1485). Они получили восторженный отзыв Джами.

Требования поэтической традиции «назирé» не могли сковать могучий гений Навои. Не свободный в выборе темы, он оригинален, неповторим в ее разработке и трактовке.

«Пятерицу» открывает дидактическая поэма «Смятение праведных». Отдав дань признания Низами, Амиру Хосрову и Джами, поэт говорит затем о слове — носителе правды, излагает свое эстетическое кредо.

Двадцать основных глав поэмы, как и у Низами, носят название «Мака́л» («Беседа»); каждая беседа делится на две части: в первой излагается основная мысль автора, во второй приводится притча, иллюстрирующая эту мысль. Содержанием этих глав большей частью является мораль. Поэт живо рисует жизнь сильных мира сего — правителя, богачей, духовенства, обличает их образ мыслей, недостойное существование. Поэт касался насущных жизненных проблем своего времени, что придает его нравоучениям острокритический характер. Во весь могучий голос поэт-гуманист говорит, что власть имущие не имеют права угнетать народ, они обязаны заботиться о нем, поскольку судьба возвеличила их, поставила над ними.

В «Лейли и Меджнуне», сохраняя традиционную сюжетную линию, Навои насыщает содержание ситуациями, близкими его действительности. В поэме много деталей, отражающих повседневный быт народа, его обычаи, нравственные представления.

Четвертая поэма — «Семь планет» — является также критическим переосмыслением опыта предшественников. Сопоставляя поэмы Низами и Амира Хосрова, Навои отмечает некоторый их схематизм, недостаточность художественного вымысла.

Навои мастерски строит сложное многоплановое повествование о царе Бахраме и его невольнице возлюбленной Диларам. Нравоучительные вставные историко-сказки утверждают мысли поэта об отваге и бесстрашии, о честности, о возмездии, которое ожидает тех, кто преступает законы человечности и справедливости. Возмездие настигает и жестокого героя поэмы шаха Бахрама. Поэма заканчивается картиной разыгравшейся бури, которая поглощает шаха и его свиту.

Последняя поэма из цикла «Пятерицы» — «Стена Искандара» — посвящена Александру Македонскому. Образ царя-мудреца и воина привлекал многих поэтов древности.

В своей поэме Навои фактически обобщил свой громадный опыт государственного деятеля. Поэма носит дидактический характер и служила назиданием тем,

кому была посвящена «Пятерица» — правителю султану Байкаре и его сыну-наследнику.

Навои создает в своей поэме образ идеального правителя, который озабочен благоденствием народа; его герой — носитель мудрости, знаний, ответственности перед властью, данной ему судьбой, он стремится создать на земле царство свободы и счастья.

В условиях феодальной раздробленности, бесконечных смут и междоусобиц великий поэт Навои утверждал идеи добра и справедливости.

Вторая в «Пятерице» поэма «Фархад и Ширин» поражает своей масштабностью, многообразием поставленных в ней проблем. Традиционная тема любви, преобразующей влюбленного, в поэме Навои приобретает новые черты. Поэма становится своеобразным гимном труду, которым движет великая любовь.

Как и у предшественников, в поэме Навои действуют те же герои, но главный герой не шах Хосров, а Фархад. Это подчеркнуто уже самим названием поэмы. И в главном герое, Фархаде, подчеркивается не царственность его, а способность к титаническому труду на общее благо. Жестоким разрушительным злодеянием шаха Хосрова противопоставлено трудолюбие и доброта Фархада. Навои прославляет труд, деятельность, направленную на достижение блага народа; насилию и жестокости противостоит всепобеждающая любовь; коварству, предательству, вражде — дружба, которая сильнее смерти.

Великий гуманист Навои прославляет дружбу людей и народов независимо от расы и вероисповедания. Фархад из Хотана (там жили узбеки), Шапур из Ирана, Ширин из страны Армен — ничего не мешает их духовному родству.

Поэма «Фархад и Ширин» смело касалась самых острых вопросов своего времени.

«Пятерица» (25 615 бейтов) — главный труд жизни поэта, дошла до наших дней в каллиграфических рукописях, выполненных при жизни Навои. Одна рукопись хранится в АН Узбекской ССР, другая — в Ленинграде.

Творчество Навои оказало огромное воздействие на развитие не только родной узбекской литературы, но и на развитие других тюркоязычных литератур. Его поэзия вдохновляла крупнейшего поэта Азербайджана Физули (XVI в.), его благотворное влияние испытали туркменские поэты Махтумкули (XVIII в.), Молланепес (XIX в.) и другие.

Первые переводы произведений Навои на европейские языки появились в середине XVI века (Италия), в конце XVI века был опубликован немецкий перевод поэмы «Семь планет», в начале XVII века поэма вышла в переводе на французском языке.

Сочинения Навои изданы в Узбекистане в пятнадцати томах (1963—1967), неоднократно издавались его отдельные поэмы, собрания стихов, избранные произведения. В переводе на русский язык выпущено десяти томное собрание сочинений поэта.

Творчество Навои, одного из величайших поэтов восточного средневековья, стоит в одном ряду с творениями мировых гениев.

Стр. 538. Тот, чей в Гяндже лежит священный прах... — имеется в виду азербайджанский поэт XII века Низами Гянджеви.

Стр. 538. На Инде певший соловей один...— Навои говорит об индийском поэте XIII века Амире Хосрове Дехлеви.

Стр. 538. Рукой схватив такую «Пятерню»...— Игра слов: «пятерня» — и рука, и пять поэм («Пятерица»).

Стр. 539. И прозван Зиндепиль-Хазратом он...— Навои называет так своего друга, таджикско-персидского поэта Джами. «Зиндепиль» означает «живой слон»; «хазрат» — почтительное обращение к старцу. «Зиндепиль-Хазрат» — выражение почтения и уважения к поэтической мощи и таланту Джами.

Стр. 541. Меркурий все очинки подбирал...— Навои говорит, что он так искусно заострил перо, что Меркурию достались лишь очинки. По понятиям древней астрологии, Меркурий покровительствовал ученым, поэтам; его изображали с пером в руке.

Стр. 545. «Алиф» у веры отними — она из милосердия в зло превращена...— В оригинале игра слов: в слове «вера» («иман») первая буква «алиф»; если убрать «алиф», то оставшаяся часть слова прочитывается как «скверно», «дурно» («йеман»). Поэт говорит, что в изложении мысли нужно быть точным.

Стр. 545. «Шин» отпадет — и остается медь...— также игра слов. В оригинале слово «шамс» («солнце»); если убрать начальную букву «ш» («шин»), оставшееся означает «медь» («мис»).

Стр. 546. Был до седьмого неба высотой хаканский трон...— Согласно древним понятиям о мироздании, небо состоит из семи сфер, за которыми следует еще девять небесных сфер. «Седьмое небо» символизирует высшую степень величия, власти.

Стр. 551. От блеска красоты его — Луне прибавлен блеск и Рыбе в глубине...— То есть красота младенца осветила всю вселенную сверху донизу — от Луны до Рыбы. По древним представлениям, Земля покоится на Рыбе, которая плавает в мировом океане.

Стр. 551. Блеск — это «фарр», а знак судьбы — «хадй»...— Фарр — сияние, нимб, которым свыше якобы наделен царь. Хадй — ведущий, вожатый, указывающий путь к истине.

Стр. 552. Сложи пять первых букв, прочтешь «Фархад»...— Написанное арабским шрифтом, имя «Фархад» имеет пять букв. Поэт дает искусно придуманное истолкование имени царевича.

Стр. 553. Полюби науку с корешка — от «Алиф-би»...— «Алиф-би» — две первые буквы арабского алфавита, то есть с начала.

Стр. 553. «Алиф» воспринял как «алам» Фархад, «би» как «белá» истолковать был рад...— Слово «алам» означает «горе», то же значение имеет другое слово — «белá», начинающееся с буквы «б».

Стр. 553. Он в первый день освоил весь абджед...— Абджед — таблица, в которой каждой букве арабского алфавита соответствует определенное число; то есть выучил все цифры за один день.

Стр. 555. Когда б он руку Руин-Тену сжал...— Руин-Тен («Бронзовотелый», «Неуязвимый») — эпитет богатыря Исфандияра, которого убил Рустам, попав стрелой в единственно уязвимое место на его теле — глаз.

Стр. 556. Решила изогнуть «Алиф» как «Даль»...— Первая буква арабского алфавита «а л и ф» пишется как вертикальная прямая и символизирует стройную фигуру человека. Буква же «д а л ь» — изогнутая линия, поэтому сгорбленную старческую фигуру сравнивают с этой буквой.

Стр. 560. Вазиру имя было Мульк-Ара...— Мульк-Ара означает «Украшающий страну».

Стр. 566. Вот зеркало, что отражает мир... Его оставил Искандар...— По преданию, Александр Македонский обладал зеркалом, в котором отражался весь мир. В древнеиранской мифологии царь Джемшид обладал подобной волшебной чашей. Поэтому Навои зеркало Искандара называет «чашей мира».

Стр. 570. Молитву перстня на коне твердя...— Фархад стал обладателем волшебного перстня Сулеймана (Соломона).

Стр. 574. Свозил Руми в свой замок-талисман...— «Рум» — Запад (Греция, Византия). Навои называет Александра Македонского Руми.

Стр. 582. Затопит и девятой сферы даль...— то есть достигнет предельной высоты. См. примеч. к стр. 546.

Стр. 583. Ушел, как и Сухейль, в тот долгий путь...— то есть Сухейль умер. Речь идет об отшельнике Сухейле, с которым Фархад встретился во время похода в Грецию.

Стр. 602. На лик ее венец не бросил тень...— образное выражение мысли: Михин-Бану находится в вассальной зависимости от другого, более могущественного венценосного властелина.

Стр. 609. Что те же губы рассыпают соль...— здесь метафора: под «солью» следует понимать остроумие.

Стр. 622. Сто вавилонских чар затмив...— Вавилон славился искусством магии.

Стр. 628. Что Зодиака знак облюбовал...— Солнце входит в созвездие Водолея; то есть Ширин (солнце) хочет сделать привал возле арыка.

Стр. 636. Бывали звезды нижние видны...— то есть в воде отражались звезды.

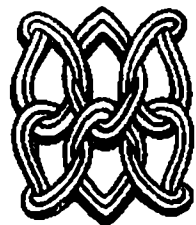
Стр. 658. Но четырех ей мало было глаз...— то есть зорко следила. Четырехглазой называли собаку с пятнами под глазами.

Стр. 674. Великому художнику Мани...— Мани́ (ок. 215—276 г., казнен) — основатель религиозного учения манихейства, в котором сплелись христианские, зороастрийские и другие верования. По преданию, Мани был художником.

Стр. 697. Все тюрки мной одним покорены...— Низами, Хосров, Джами писали на фарси. Навон говорит здесь о своих стихах, сложенных им на староузбекском языке.

Стр. 698. Год написанья книги: восемьсот и восемьдесят девять. Дни не в счет...— 889 год по мусульманскому календарю соответствует 1484 году.

Доктор филологических наук Х. Кор-оглы

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- А й в а н** — терраса, галерея. В «Шах-наме» обозначает также дворец.
- А л т а й р** — название звезды Альфа в созвездии Орла.
- А м б р а** — смолистое вещество, благовоние.
- А м и р и т** — родом из племени Бени Амир, из которого происходил Кейс-Меджнун, герой поэмы Низами.
- А т а б е к** — воспитатель, дядька при царевиче.
- А ф р и д у н** (Феридун) — царь, один из главных героев «Шах-наме».
- Б а х р а м** (Бехрам) — планета Марс, покровитель воинов; имя нескольких героев в поэмах Фирдоуси, Низами и Навои.
- Б е й т** — двестише.
- Б е х з а д** — «Благорожденный», кличка коня Сиавуша (Сиявуша).
- Б у к р а т** — знаменитый древнегреческий врач Гиппократ (460—356 гг. до н. э.).
- В и з и р ь** (везир, вазир) — первый министр, ближайший советник царя.
- Г а з е л ь** — 1) лирическое стихотворение, в котором рифмуются между собой две первых строки и все последующие четные строки, нечетные строки не рифмуются; 2) горная коза, в поэзии — символ красоты, стройности.
- Г и а ц и н т** — луковичный цветок; драгоценный камень.
- Г е п а р д** — хищное животное из семейства кошек; с гепардом охотились на зверей.
- Г и л м а н ы** — красавцы юноши, которые прислуживают праведникам в раю.
- Г у д а р з** (Гудерз) — богатырь, герой «Шах-наме», мудрый советник шаха, отец восьмидесяти сыновей.
- Г у ж д а х а м** — военачальник шахов Кей-Кубада и Кей-Кавуса.
- Г у л ь г и н** — дословно — «Розовоцветный», кличка коня Михин-Бану.
- Г у р г и н** — богатырь, герой «Шах-наме».
- Г у р и я** — райская дева.
- Д а с т а н** (Дестан) — слово имеет два значения: 1) поэма, сказ; 2) хитрость, уловка.
- Д е р в и ш** — мусульманский нищенствующий монах. В «Шах-наме» — бедняк.
- Д ж а м ш и д** (Джемшид, Джам, Джем) — легендарный шах Ирана, чье правление длилось семьсот лет.
- Д ж а н** — душа; милая (милый).
- Д ж и н** (джинн) — злой дух.
- Д и в** (дэв) — человекоподобное чудовище.
- Д и в а н** — государственный совет; собрание лирических стихотворений.
- Д и н а р** — золотая монета.
- Д и р х е м** (от греч. «драхма») — мелкая серебряная монета.
- Д р о м а д е р** — одногорбый верблюд.
- Ж а н д а**, **Ж а н д а р а з м** — брат Тахмины, матери Сухраба.
- З а б у л**, **З а б у л и с т а н** — то же, что и Сеистан (см. стр. 733).

З а в а р á (Зеваре) — богатырь, брат Рустама.
З е м з é м — священный колодец в Мекке, известен с доисламских времен.
З е н г é — богатырь, герой «Шах-наме».
И н д ý г о — темно-синяя краска.
И р é м — мифический сад, подобие рая; легенда гласит, что Ирем был создан тираном Шеддáдом.
К а а б á — мечеть с черным камнем в Мекке, главная святыня мусульманства.
К а л á м — тростниковое перо.
К а р н á й — музыкальный инструмент, длинная боевая труба.
К а р ý н — мифический богач.
К е й — нарицательное значение слова «царь»; составная часть титула древнеиранских шахов династии Кейанидов (Кейанов): Кей-Кубада, Кей-Кавуса, Кей-Хосрова.
К е й в á н — планета Сатурн.
К и м в á л — большой медный барабан.
К и ш в á д (Гошвад) — иранский богатырь, отец Гударза, прадед Бижена.
Л а л — рубин.
Л у к м á н — легендарный арабский врач и мудрец.
М а з а н д е р á н — в «Шах-наме» страна чудовищ-дивов.
М а й д á н — 1) площадь перед дворцом; 2) ристалище, поле боя.
М е д ж л ý с — собрание; дружеский круг.
М е д р е с é — духовная школа у мусульман.
М е с н е в ý (маснави) — поэма, написанная в форме парно рифмующихся двустиший.
М е с с ý я — посланец бога, спаситель.
М и х р á б — ниша со стрельчатым сводом в мечети, указывающая направление («кыблá»), где находится храм в Мекке; в эту сторону кланяются молящиеся мусульмане.
М ý с к у с — ароматическое вещество черного цвета.
М у т р ý б — музыкант и певец.
М у ш р ý ф — должностное лицо, ведавшее учетом состояния правителя и расчетами со служилыми людьми.
Н а д ý р — точка небесной сферы, противоположная зениту.
Н а х ý д — планета Венера.
Н е й — флейта, боевой рожок.
Н е н ю ф á р — голубой цветок, род водяной лилии.
Н и м р ý з — буквально «полуденный», южный; одно из названий Сеистана, родового удела Рустама.
О н á г р — дикий осел, кулан.
П а д и ш á х — царь царей.
П é р и (перí) — прекрасная неземная дева, мифологическое существо, являющееся в виде прекрасной женщины. В поэзии словом «пери» называют красивых девушек.
Р о б á б (рубоб) — струнный щипковый музыкальный инструмент.
Р у д — струнный музыкальный инструмент типа лютни.
Р у м — Запад (Византия, Греция).
С а з — струнный щипковый музыкальный инструмент.

С а л а м á н д р а — в средневековых поверьях и магии — дух, якобы живущий в огне и олицетворяющий стихию огня.

С а л á р (саларбар) — церемониймейстер, распорядитель при шахском дворе.

С а р д á р — военачальник.

С е и с т á н (Систан) — удельное владение богатыря Сама и его потомков.

С и м ó р г (Симург) — могучая волшебная птица.

С у х е й л ь (Канóпус) — яркая, блестящая звезда, считалась звездой счастья.

Т а б ú т — погребальные носилки.

Т а р и к á т — путь духовного совершенствования.

Т и р — планета Меркурий.

Т и ш á — особый вид кирки.

Т у л п á р — сказочный крылатый конь.

Т у р á ч — горная куропатка.

Т у с — сын шаха Ноузара, военачальник шахов Кей-Кубада и Кей-Кавуса.

Ф а р и б ú р з — сын Кей-Кавуса, претендент на шахский престол.

Ф а р с á н г — мера длины, приблизительно 5—6 километров.

Ф и р м á н — приказ, царский указ.

Х а д ж — паломничество.

Х а д ж í р — богатырь, герой «Шах-наме», восьмидесятый сын Гударза.

Х а к á н — верховный правитель Восточного Туркестана.

Х а л í ф — титул верховного главы мусульман, совмещавшего духовную и светскую власть.

Х а м а в а р á н (Хамаверан) — так Фирдоуси называет Йемен; страна, с которой в «Шах-наме» враждует Иран.

Х а р в á р — мера веса, около 300 килограммов.

Х и р м á н д — река в Систане, владении Рустама.

Х о р м ó з — планета Юпитер.

Х о с р ó в — царь; имя нескольких иранских шахов.

Х о т é н (Хотан) — город и область в Восточном Туркестане.

Х у р д ж í н — переметная сума.

Ч а н г (ченг) — струнный музыкальный инструмент, напоминающий арфу.

Ч и н — Китай; Восточный Туркестан.

Ч о у г á н (човган) — игра, во время которой всадники загоняли мяч при помощи клюшки; човганом называется и сама клюшка.

Ш а б - ч и р á г — дословно «ночной светильник» — сказочный самоцвет, обладающий способностью светиться в темноте.

Ш а ф р á н — пряность, порошок красновато-желтого цвета.

Ш а х а н ш á х (шахиншах) — царь царей.

Ш а х - з а д é — царевич.

Ш а х í д — воин, павший на поле боя за мусульманскую веру.

Ш е б д í з — кличка вороного коня шаха Хосрова, героя поэмы Низами «Хосров и Ширин».

Ш е й х — старец; глава племени или духовной общины мусульман.

Ш е н б е л í д — анемон, золотисто-желтый цветок.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Гафуров. Предисловие</i>	<i>3</i>
<i>Фирдоуси. ШАХ-НАМЕ. Перевод с фарси . . .</i>	<i>11</i>
<i>Слово о разуме. Перевела Ц. Бану</i>	<i>13</i>
<i>Рустам и Сухраб. Перевел В. Державин . . .</i>	<i>15</i>
<i>Снавуш. Перевела Ц. Бану</i>	<i>115</i>
<i>Бижен и Мениже. Перевела Ц. Бану</i>	<i>237</i>
<i>Низами. ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН. Перевел с фарси</i> <i>П. Антокольский</i>	<i>303</i>
<i>Ш. Руставели. ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ.</i> <i>Перевел с грузинского и обработал для юношества</i> <i>Н. Заболоцкий</i>	<i>397</i>
<i>А. Навои. ФАРХАД И ШИРИН. Перевел со старо-</i> <i>узбекского Л. Пеньковский</i>	<i>535</i>
<i>Комментарии</i>	<i>699</i>
<i>Пояснительный словарь</i>	<i>731</i>

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
(т о м 2)

Фирдоуси
ШАХ-НАМЕ

*

Низами
ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

*

Ш. Руставели
ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

*

А. Навои
ФАРХАД И ШИРИН

*

Поэмы
ИБ № 3460

Ответственный редактор
Г И. М о с к о в с к а я
Художественный редактор
Л. Д. Б и р ю к о в
Технический редактор
Н. Г. М о х о в а
Корректоры
Е. И. Щ е р б а к о в а
и Н. Г. Х у д я к о в а

Сдано в набор 20.10.81. Подписано к печати
12.06.82. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1.
Шрифт академич. Печать высокая. Усл. печ. л.
47,13. Усл. кр.-отт 51,31. Уч.-изд. л. 35,12+9 вкл.
=35,71. Тираж 407 000 (1—200 000) экз.
Заказ № 4795. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика
«Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Госу-
дарственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Москва,
Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Фирдоуси

- Ф62 Шах-наме. Пер. с фарси. Низами. Лейли и Медж-
нун. Пер. с фарси. Руставели Ш. Витязь в тигровой
шкуре. Пер. с груз. Навои А. Фархад и Ширин. Пер.
со староузб.: Поэмы / Предисловие Б. Гафурова;
Оформл. и ил. Н. И. Мальцева.— М.: Дет. лит.,
1982.— 734 с., 9 л. ил.— (Б-ка мировой лит-ры для
детей. т. 2).

В пер.: 1 р. 70 к.

В томе помещены поэмы великих поэтов средневековья: Фирдоуси (X в.), Низами (XII в.), Ш. Руставели (XII в.), А. Навои (XV в.).

Ф 4803010200—411 Подп. изд.
М101(03)82

С1

